

Боспорские исследования. Вып. XXXIV
Bosporos studies. Vol. XXXIV

**ЭЛИТА БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В
АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ**

Керчь

2017

Kerch

УДК 94 (477.75) (082)

ББК 63.4-63.3 (0)32

М 34

*Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

*Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
Ю.А. Виноградов, д.и.н., проф.
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.
К. Цукерман, д.и.н., проф. (Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Протокол № 5 от 25.05.2016 г.)*

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько
Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

Боспорские исследования: сборник – Вып. XXXIV / Отв. ред.
М 34 В.Н. Зинько. – Керчь: Керченская городская типография,
2017. – 480 с.
ISBN 978-5-9906791-5-3

Очередной выпуск «Боспорских исследований» представляет собой тематический сборник «Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени», подготовленный петербургскими археологами в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории». Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94 (477.75) (082)
ББК 63.4-63.3 (0)32

*Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемиды»*

ISBN 978-5-9906791-5-3
ISSN 2413-1938

© НИЦ ИА КФУ им. В.И. Вернадского, 2017
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2017
© Авторы, 2017

Вместо введения

ОБ ЭЛИТЕ БОСПОРА И НЕ ТОЛЬКО

Археология Боспора Киммерийского в истории отечественной археологической науки значит очень многое. Это обстоятельство, которое современные исследователи вспоминают не часто, может быть, даже не осознают его в полной мере, на самом деле абсолютно объективно. В известном смысле символично, что боспорская археология, можно сказать, что и вся российская археология в целом, по существу началась с открытия богатого погребения в кургане Куль-Оба под Керчью в сентябре 1830 г. [см.: Дюбрюкс, 2010, с. 167 сл.]. Вполне закономерно, что в дальнейшем, в значительной степени и во время деятельности Императорской археологической комиссии, основное внимание археологов было сосредоточено на раскопках элитных курганов Северного Причерноморья и Боспора Киммерийского [см.: Виноградов, 2009а; 2012а]. Понятно, что такая ориентация исследовательской активности в немалой степени объясняется тем, что раскопки курганов периодически приводили к открытиям замечательных произведений древнегреческого искусства, пополнявших собрание Императорского Эрмитажа. Столь же очевидно и то, что эта «гонка за сокровищами» часто вела к пренебрежению элементарными правилами проведения археологических раскопок, фиксации открываемых объектов, игнорированию «рядовых» находок и т.п. На страницах научных и популярных изданий об этих негативных явлениях уже немало сказано, и с такими оценками следует в полной мере согласиться.

К рубежу XIX и XX вв. научное сообщество уже вполне осознало недостаточность ориентации на изучение исключительно курганных древностей. Что касается античной археологии Северного Причерноморья, то тогда были начаты систематические раскопки древнегреческих городов – Херсонеса Таврического (с 1888 г.) и Ольвии (с 1901 г.) [см.: Стоянов, 2009; Виноградов, Мусин, 2009]. На Боспоре же и в это время, фигурально выражаясь, все ещё лежала густая «курганная тень», и изучение боспорских древностей, как справедливо отмечал М.И. Ростовцев, по-прежнему оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» [Ростовцев, 1925, с. 260–261]. Из этой тени исследователи не смогли выйти вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей затем перестройки всей системы организации археологической науки в стране, т.е. до создания Государственной академии

Вместо введения

истории материальной культуры [см.: Платонова, 2010, с. 219 сл.; Виноградов, 2013а, с. 160–172]. Этот факт тоже невозможно оспаривать.

Однако вполне очевидно и иное. Раскопки XIX в. на берегах Керченского пролива привели к выявлению целого пласта первоклассных элитных памятников, заслуженно вошедших в сокровищницу мирового культурного наследия. Более того, эти открытия рельефно обозначили специфику Боспора в сравнении с другими центрами греческой колонизации Северного Причерноморья. Оценивая их, следует признать, что на протяжении всей античной эпохи боспорская элита была весьма многочисленной, чрезвычайно богатой и, надо думать, влиятельной. Эта элитарность культуры Боспора, вне всякого сомнения, является одной из важных составляющих «боспорского феномена», отличающих и даже выделяющих его в политическом, культурном и других аспектах от прочих древнегреческих государств региона [см.: Виноградов, 2000].

В советские годы, как уже частично было сказано, боспорская археология, как и вся российская историческая наука, сделала резкий поворот. В соответствии с новыми идеологическими установками, так сказать, была объявлена «война дворцам», и перед учёными поставлена задача исследования культуры рядового населения, эксплуатируемых масс, простых производителей материальных ценностей. Конечно, такой поворот, пусть не в столь острой форме, обозначился ранее и, в общем, он вполне объясним. К тому же никак нельзя сказать, что в советское время о боспорских курганах, как важнейших памятниках аристократической культуры, было вовсе забыто. Совсем нет, но их изучение было отодвинуто на второй, может быть, и третий план. Несравнимо более актуальным представлялось изучение культуры рядового городского и сельского населения, что, безусловно, имело свои резоны. Пришлось признать, однако, что без должной оценки культуры аристократии «боспорский феномен» в эти годы стал бледнеть, терять присущий ему блеск и изысканность [Виноградов, 2000, с. 111, 116]. Некоторые современные исследователи в устных беседах даже стали высказывать точку зрения, что ничего особенного в боспорской культуре нет, что здесь, как и в других античных центрах региона, шли те же самые процессы греко-варварских взаимодействий, что все эти центры в своем развитии прошли сходные исторические этапы и т.д., и т.п. Несколько заостряя вопрос, следует признать, что с такими высказываниями вполне можно было бы согласиться, если забыть о боспорских курганах. Именно эти памятники для любого непредвзятого исследователя дают надёжный ориентир для более объективной оценки роли элиты в политической, экономической и культурной жизни Боспора. Приходится ещё раз повторить, что из всех греческих колоний северного берега Чёрного моря Боспор демонстрирует весьма своеобразный путь развития эллинской цивилизации, выразившейся, в частности, в расцвете элитарной, аристократической культуры. Здесь, правда, следует оговориться, что вообще всякой высокоразвитой культуре присуще, как справедливо указывал Н.А. Бердяев, аристократическое качественное начало [Бердяев, 1990а, с. 277; 1994, с. 355]. По его мнению, культура «непременно предполагает аристократический элемент» [Бердяев, 1990а, с. 260]. Всё это так, но для нас

важно акцентировать внимание на том, что именно на Боспоре этот аристократический, элитарный элемент нашёл особенно яркое выражение.

На этом следует несколько отвлечься от основной темы и признать, что само понятие элиты в современной науке понимается по-разному, по этой проблематике ведутся довольно острые дискуссии, предлагается целый спектр градаций и оценок. Однако все они сходятся в одном. Как правильно отметил американский исследователь Р. Миллс, «истина заключается в том, что, хотя история касается всех, не все мы обладаем равными правами творить историю» [Миллс, 1959, с. 50]. История творится элитами, и по существу она повествует нам о смене периодов взлёта и падения правящих групп [Миллс, 1959, с. 51], история любого народа – это по существу судьба его элиты [Севастьянов, 2013, с. 158]. Можно сказать и иначе: история представляет собой кладбище элит [Бухарин, Малков, 2014, с. 16], что уже в известной степени приближает нас к сфере археологии.

Слово «элита» восходит к латинскому *eligere* – «выбирать» [Ашин, 1985, с. 64; Сартори, 1993, с. 82]. Непосредственно оно образовано от французского *élite*, т.е. «лучшее», «отборное», «избранное» [см.: Понеделков, Старостин, 1998, с. 7; Ашин, Охотский, 1999, с. 116]. В этимологическом смысле это понятие тождественно другому – аристократия [Сартори, 1993, с. 81], а для интересующей нас эпохи классической древности оба понятия тождественны и по своей сути.

Наука об элитах, элитология, ведёт своё начало от трудов итальянских ученых Вильфредо Парето (1848–1923) и Гаэтано Моска (1858–1941) [о них см.: Арон, 1993, с. 403 сл.; Гуревич, 1994, с. 63-64; Самсонова, 1994, с. 176 сл.; Ашин, 2003, с. 72; Бухарин, Малков, 2014, с. 6, 16-18]. К марксистской, классовой теории общества, как не трудно догадаться, эта наука не имеет особого отношения. Более того, её появление является своего рода негативной реакцией на распространение марксистских идей о построении общества, в котором власть яко бы будет принадлежать большинству [Самсонова, 1994, с. 176-177].

Не удивительно, что в советской науке само понятие элита долгое время понималось как элемент буржуазного влияния, как декларация неспособности угнетённых классов управлять и руководить обществом [Ашин, 1964; 1966; Нарта, 1978]. По существующим тогда представлениям считалось, что это направление западной мысли позволяет обходить вопрос, представителями каких классов являются лидеры, возглавляющие общество [Ашин, 1978, с. 7]. Мысль Н.А. Бердяева о том, что «власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной» [Бердяев, 1990а, с. 215], для историков-марксистов долгое время казалась абсолютно чуждой, даже враждебной. Тем не менее, в нашей стране ещё при социализме наметился отход от крайности такого понимания, и в 1985 г. Г.К. Ашин, ранее яростно боровшийся с буржуазной элитологией, признал, что она вполне совместима с марксистской теорией классов [Ашин, 1985, с. 83]¹. В дальнейшем элитология была

¹ Е.В. Охотский подчеркивает, что элита всегда была, есть и будет. В отношении истории советско-

1. *Военная доблесть*. С этим положением невозможно спорить, поскольку «класс воинов» играл и играет очень важную роль в истории всех народов.
2. *Богатство*. Г. Моска считал, что «богатство создаёт политическую власть точно так же, как политическая власть создаёт богатство» [Моска, 1994, с. 191], с чем тоже невозможно поспорить. По выражению автора, даже в демократических Соединённых Штатах Америки выборы проходят «под музыку звенящих долларов» [Там же].
3. *Положение в церковной иерархии*. Для эпохи древности это положение Г. Моски, разумеется, следует относить к влиятельным жреческим родам.
4. *Происхождение и личные качества*. По мысли исследователя, все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. При таком положении, когда приток «свежей крови» наверх либо исключён, либо сильно затруднён, вся элита неизменно приходит в упадок.

Г. Моска справедливо указывал при этом, что крах старого правящего класса может быть связан как с иностранным вторжением, так и с приходом новых политических сил внутри общества. Последнее он объяснял появлением новых источников богатства, распространением новой религии или возрастанием значения знаний [Моска, 1994, с. 197].

Элита является существеннейшим элементом отмеченной выше иерархичности общества, и этот элемент обычно понимают как особое социально-политическое явление [см.: Охотский, 1993; 1996; Эндрувайт, 1998, с. 6, 9; Крадин, 2001, с. 59]. Р. Миллс определял элиту следующим образом: «Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия» [Миллс, 1959, с. 84]. В чём-то вторя ему, Е.В. Охотский пишет: «Под элитой классики элитаризма понимали сравнительно небольшие группы избранных людей, отличающиеся сильной волей и обширными знаниями, занимающие ведущее положение в политической, экономической, военной или духовной сферах» [Охотский, 1996, с. 7]. По мнению А.А. Сванидзе, элита представляет целую систему «высших или “избранных” общественных групп, выдвинувшихся вследствие своей родovitости, власти, богатства или иных свойств (чаще в их совокупности) и обладающих наибольшим политическим весом и (или) престижем в масштабах каждого общества или его отдельных структур» [Сванидзе, 1995, с. 6]. Отмеченная этими авторами структурированность элиты вполне очевидна и, на наш взгляд, в рамках предлагаемого исследования не нуждается в особых пояснениях. По этой причине уместно говорить не об элите, а об элитах любого данного общества [Сванидзе, 1995, с. 6; Понделков, Старостин, 1998, с. 7]. Л.Е. Куббель считает, что об элите следует судить как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле это лучшая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. В более узком смысле элиту составляют индивиды и группы, занимающие ведущее место в различных сферах деятельности – политической, идеологической, хозяйственной, культурной

предполагать, облагались определённой данью [Ростовцев, 1989, с. 190; Гайдукевич, 1966, с. 53], а независимые – поставляли хлеб в обмен на всевозможные греческие товары. Следует признать почти бесспорным факт, что только деспотические режимы, каковым следует признать режим Спартокидов, могли поставлять на внешний рынок крупные партии зерна [Кузнецов, 2000б, с. 117]. Одним из правителей Боспора, Левкона I, Демосфен прямо называл «господином этого (т.е. боспорского – Ю.В.) хлеба» (*Dem.* XX. 31). Хлебная торговля позволяла сосредоточивать в руках Спартокидов огромные материальные богатства, которые различными способами перераспределялись среди окружавшей их престол элиты, трансформируя её материальную культуру и, как можно полагать, даже оказывая влияние на идеологические установки [Moreno, 2007].

Подобные явления можно проследить не только в IV в. до н.э., но и позднее. К примеру, в III в. до н.э., который для всего Северного Причерноморья во многих отношениях стал кризисным, на Боспоре появляются новые черты в аристократической культуре. Они проявляются, в частности, в находках перстней «птолемеевского типа», которые в особенно большом количестве сконцентрированы именно на берегах Керченского пролива [Неверов, 1974; 1976, с. 167–176; Трейстер, 1982; 1985; Литвиненко, 1991, с. 14 сл.; Финогенова, 2001]. Наиболее адекватный путь объяснения этого факта, на наш взгляд, заключается в понимании особенностей внешней политики Птолемеев, стремившихся установить свою гегемонию в Восточном Средиземноморье. Для реализации этих устремлений было необходимо наладить дружеские отношения с греческими государствами Причерноморья и, прежде всего, с Боспором [Трейстер, 1985, с. 137–139; 2005, с. 311]⁴. Весьма вероятно, что поддержанием таких связей Птолемеи пытались обеспечить снабжение хлебом своих союзников в Эгейском бассейне [Ладынин, 2007]. Вполне возможно также, что перстни «птолемеевского типа» являются подарками представителям элиты Боспора за содействие египетской политике. Эти предметы расценивались как очень престижные, они бережно хранились в семье и, по всей видимости, передавались по наследству.

Для более раннего времени такими престижными, знаковыми предметами, по всей видимости, были ахеменидские цилиндрические печати, получившие распространение на Боспоре [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356; Treister, 2010, p. 251–256], а для более позднего – перстни с изображением Митридата VI Евпатора [Неверов, 1976, с. 176–177]. Митридатовская символика на перстнях, происходящих с Боспора и относящихся к более позднему времени, по всей видимости, была проявлением надолго сохранившейся симпатии к понтийскому царю и его политическому курсу [Неверов, 1968, с. 238; см. также: Неверов, 1978, с. 175–176, кат. 42–45]. На наш

⁴ Тесные политические связи Боспора с Египтом подтверждаются документом из «архива Зенона» о посольстве Перисада, прибывшего на берега Нила в 254 г. до н.э. [МИС, с. 260–261], а также изображением корабля «Исида», прочерченного на штукатурке нимфеского святилища [Грач, 1984б; 1987; Трейстер, 1985, с. 137; Höckmann, 1999].

взгляд, изучение находок перстней в боспорских некрополях позволяет проследить не только художественные пристрастия элиты, но и её политические симпатии, их трансформацию на различных исторических этапах.

Специфика всей северочерноморской античности, и боспорской в особенности, заключается в том, что для изучения элитной культуры мы не располагаем такими памятниками, как дворцы царей или виллы аристократов, украшенные изысканными мозаиками или первоклассными скульптурными изображениями. На акрополе Пантикапея, правда, раскопаны остатки дворцового комплекса Спартокидов, относящегося к последней четверти IV – началу I вв. до н.э. [Толстикова, 1992, с. 79–88; 2007, с. 251 сл.; Толстикова, Виноградова, 1999, с. 282–291]. Этот комплекс поражает размерами, монументальностью входящих в него построек, тщательностью отделки архитектурных деталей и т.д., но он сохранил лишь немногие детали, касающиеся художественного вкуса его обитателей⁵. Весьма красноречив в этом отношении общеизвестный факт бедности боспорских городов, даже столицы государства, находками греческой монументальной скульптуры и т.п. [Блаватский, 1964а, с. 88–90, 121–122].

Гораздо показательней в этом отношении материалы боспорских курганных некрополей. Складывается впечатление, что боспорская элита стремилась продемонстрировать свои богатства не столько в виде роскошных дворцов, сколько в виде монументальности погребальных памятников. Они возводились в наиболее выигрышных топографических точках, ещё более усиливающих впечатление от величия этих сооружений. В IV в. до н.э. сформировался некрополь боспорской знати Юз-Оба (Сто холмов), ставший одним из величественнейших памятников этой эпохи в истории Боспора [см.: Виноградова, Зинько, Смекалова, 2012; Виноградова, 2013б]. С.И. Веребрюсов в своё время предположил, что здесь сосредоточены гробницы «архонтов древнейшей Пантикапеи» [см.: Виноградова, Зинько, Смекалова, 2012, с. 131]. Н.Ф. Федосеев поддержал это мнение, считая, что некрополь принадлежит царской династии Спартокидов [Федосеев, 2005, с. 411]. Конкретизация такой точки зрения вызывает немалые трудности по причине слабой изученности происходящих отсюда вещевых материалов, но есть все основания считать, что представители правящего рода Спартокидов находили упокоение именно здесь, а один из курганов – Десятый (Острый) – принадлежит великому боспорскому правителю Левкону I (см. главу 2.5).

О своеобразии вкусов боспорской элиты прежде всего можно судить на основании разнообразных находок, обнаруженных в курганных захоронениях: прекрасные саркофаги, дорогая бронзовая и расписная импортная посуда, предметы торевтики и т.п. Вряд ли можно с полным основанием утверждать, что эти предметы были предназначены исключительно для демонстрации богатства их владельцев при жизни.

---

⁵ В.П. Толстикова реконструирует базилею Спартокидов как «обширный, весьма сложный в конструктивном и планировочном отношении двухэтажный комплекс, общая площадь которого могла превышать 2700 м². Интерьеры дворца были украшены полихромной штукатуркой с рельефными декоративными элементами, многочисленными ордерными деталями и колоннами, а также великолепными образцами монументальной скульптуры» [Толстикова, 2007, с. 252].

Многие свидетели погребальной церемонии, скорее всего, могли видеть всю эту роскошь только один раз. Суть вопроса, надо думать, заключается не только в стремлении сильных мира сего продемонстрировать свои богатства, но и несколько в ином. Сокрытые в могиле сокровища, как представляется, являлись материальным свидетельством особого статуса погребённого, знаком его близости к миру бессмертных героев или даже богов. Обилие золотых предметов в погребениях боспорской знати должно было не просто удовлетворить тщеславие близких покойного или привести в изумление праздных зевак. В известном отношении это было «золото богов», или «золото для богов».

Важной особенностью элитных погребений Боспора, начиная с эпохи Спартокидов, являлись золотые оливковые или дубовые венки [Трейстер, 2014]. В подавляющем большинстве случаев они были изготовлены специально для использования в погребальном обряде. М.В. Скржинская обратила внимание, что в греческих государствах Северного Причерноморья декреты о награждении граждан и иностранцев золотыми венками происходят из Ольвии, Херсонеса Таврического и Тиры, но ни одного документа подобного рода на Боспоре нет, тогда как находки золотых венков известны только на Боспоре [Скржинская, 2010а, с. 253-254; 2010б, с. 284–287]. Исследовательница связывает это с тем, что награждение венком происходило от имени Совета и Народного собрания, а в монархическом Боспорском государстве эти институты либо играли крайне незначительную роль, либо вовсе отсутствовали [Скржинская, 2010б, с. 293]. Мы не знаем, сколь регулярно элита Боспора приносила золотые венки в храмы богов. Может быть, они делали это достаточно часто, но вполне очевидно другое – такие венки стали почти непременным атрибутом в погребальном обряде, при этом не только в погребениях мужских, но и женских, и даже детских. Надо полагать, что они стали знаком принадлежности усопших к сонму бессмертных героев, а в ряде случаев, возможно, и богов.

Немалый интерес в связи с этим имеет вопрос о месте производства предметов так называемой греко-скифской торевтики, в большом количестве открытых не только на Боспоре, но и в погребениях туземной знати хинтерлянда. М.И. Ростовцев считал, что центром их производства мог быть только Боспор, «так близко стоявший к Скифии и так хорошо знавший её религию и быт» [Ростовцев, 1918а, с. 54]. Эта гипотеза нашла большое количество сторонников [см.: Гайдукевич, 1949, с. 120 сл.; Иванова, 1953, с. 80 сл.; Артамонов, 1966, с. 61; Онайко, 1970, с. 51 сл.; 1974, с. 78 сл.; Яковенко, 1985, с. 345; Gajdukevič, 1971, S. 132 ff.; Strong, 1966, p. 87]. Е.О. Прушевская признавала временем наивысшего расцвета художественной обработки металла на Боспоре конец V и IV вв. до н.э., когда, по её мнению, в Пантикапее работала крупная мастерская [Прушевская, 1955, с. 339]. М.Ю. Трейстер, публикуя находку матрицы для изготовления украшений из тонкой золотой фольги и привлекая другие материалы, пришёл к выводу, что существование мастерской торевтов в Пантикапее можно считать доказанным [Трейстер, 1989, с. 97; см. также: Никулин, 1957, с. 89; Федосеев, 1994; Калашник, 1995, с. 260].

ное значение [Понеделков, Старостин, 1998, с. 40]. Элитарная культура, вне всякого сомнения, имеет специфику, и проявления элитарности в различных обществах могут быть весьма своеобразными. Обычно обращается внимание на демонстративно-избыточный характер потребления представителей высших слоёв общества, что, в принципе, вполне очевидно, но не достаточно для полноты понимания. Суть вопроса заключается в асимметричности поведения управляющих и управляемых, которая может проявляться во многих сферах: пищевой, вербальной, сексуальной и т.д. [Бочаров, 1996, с. 21].

В этой сфере культуры, однако, не всё столь однозначно и однонаправленно. История демократических Афин, к примеру, демонстрирует одно в высшей степени любопытное явление. Нет сомнения, что аристократия здесь, как и везде, изначально демонстрировала восхищение роскошью и стремление обладать предметами роскоши. Особое значение при этом имело восприятие Персии как страны, олицетворяющей богатство во всех его проявлениях [Карпюк, 2012, с. 58 сл.]. По мере демократизации афинского общества, когда предметы роскоши стали доступны многим простолюдинам, в среде афинской аристократии стало всё более проявляться восхищение спартанскими эгалитарными ценностями [Карпюк, 2012, с. 66]. Вообще же осмысление проблемы, связанной с обогащением выходцев из народных низов в сравнении с бедственным положением обедневших знатных родов, давно стало одной из тем литературного творчества писателей многих стран. Для нас эта проблема вряд ли актуальна, хотя сугубо теоретически она может быть рассмотрена и на археологическом материале. В этом отношении можно обратить внимание на трансформацию погребальных памятников в упоминавшемся выше некрополе боспорской знати Юз-Оба: к концу IV в. до н.э. размеры курганов здесь заметно уменьшаются, набор погребального инвентаря тоже становится скромней. Более того, ещё позднее здесь появляются впускные захоронения, которые вполне можно признать рядовыми [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 133-134].

Помимо отмеченного выше, элита всегда представляет собой некое социально-психологическое и культурное единство как внутри отдельных сообществ, так и в более глобальном плане. При всех противоречиях, которые могли раздирать аристократические кланы, при всех спорах за первенство, которые могли доходить до откровенной вражды, они всегда осознавали свою общность, отличие от толпы простолюдинов. П.С. Гуревич по этому поводу писал: «В аристократическом обществе правящая сторона создаёт дистанцию между собой и низшими группами, относясь к их представителям свысока» [Гуревич, 1994, с. 270]. Это суждение является справедливым отнюдь не только для древности или средневековья, Р. Миллс считает, что для современной американской элиты вопрос «свой–чужой» является одним из принципиальнейших, против «чужаков» она всегда тесно смыкает ряды, при этом некоторые из «чужаков» в ряды элиты всё-таки допускаются, другие же – ни при каких условиях [Миллс, 1959, с. 34]. Понятно, что для любого индивида, стремящегося быть принятым какой-то группой (совсем не обязательно элитной), необходимо

Кавказа» [см.: Эйдельман, 1990]. Любопытно, что в 1840-х гг., т.е. в самый разгар войны, костюм кавказских горцев был утверждён как форма Кубанского казачьего войска [Дмитриев, 2003, с. 104]. Более того, черкеску, папаху, бурку и т.д. стали носить русские офицеры, участники Кавказской войны, и «обычный горский костюм» вошёл в число престижных заимствований, принятых в русской культуре [Дмитриев, 2003, с. 105; см. также: Студенецкая, 1999]. Вместе с этим костюмом было принято кавказское оружие, прежде всего кинжал и шашка [см.: Аствацатурян, 2004]. Кавказский (кабардинский) верховой конь с его великолепным убором высоко ценился и был лучшим подарком не только в аристократической среде кавказских народов, но и в среде русской аристократии [Дмитриев, 2003, с. 101].

В связи с изложенным невольно возникает одна немного фантастическая и сугубо гипотетическая конструкция. Если очерченную ситуацию перенести на Боспор, скажем, IV в. до н.э., и предположить, что некий боспорский аристократ, попавший под обаяние культуры кавказских племён, завещал похоронить себя в кавказском костюме, с кавказским оружием и со своим любимым кавказским конём, то археологи, через много веков раскопавшие это погребение, поймут его абсолютно неверно. Скорее всего, они сделают вывод, что открытое ими погребение принадлежит выходцу с Кавказа, а если этот комплекс укладывается в серию схожих, то будет сделано предположение, что между Боспорским царством и кавказскими народами в это время существовали дружеские, может быть, даже союзнические отношения. В реальной истории, однако, всё могло быть совсем наоборот! О подобных сложностях археологических интерпретаций можно говорить почти бесконечно, при этом без всякой надежды на окончательное решение проблемы, но и забывать о них тоже никак нельзя.

По мнению Е.В. Охотского, именно элита обеспечивает продвижение общества вперёд, осуществляя интеграцию и наиболее эффективную реализацию общественных интересов [Охотский, 1993, с. 8]. Приходится признать, однако, что интересы народа и интересы господствующих слоёв общества никогда не совпадают, хотя между ними могут складываться своего рода компромиссы. Столь же очевидно и то, что в определённых исторических условиях элита, действующая в своих узкокорыстных интересах, может превратиться в настоящую «правящую клику», и постулированное Е.В. Охотским «движение вперёд» тогда уже является движением к катастрофе. Революционные перемены, которыми, как правило, заканчиваются подобные кризисы, ведут к выдвиганию «контрэлиты», но революционная волна, как известно, выносит на поверхность немало мусора [Самсонова, 1994, с. 184].

Особый вопрос заключается в понимании, так сказать, символов власти и власти символов [Попов, 1996; Крадин, 2001, с. 110 сл.; Бочаров, 2006; Ковачев, 2006]. Власть отождествляется с определённой системой символов, точнее, она в известном смысле непосредственным образом соотносится с владением соответствующими символами [Бочаров, 1996, с. 28, 31]. Борьба со старой властной символикой по

отношении особое значение имеет изучение курганных комплексов, что отчасти уже было сказано выше и о чём более подробно речь пойдет ниже.

Имя человека тоже может рассматриваться как символ власти [Бочаров, 2006, с. 296-297], как знак принадлежности к особой категории людей. Фракийское имя Спартока I и некоторых из его наследников, а если шире – система династических имён Спартокидов в этом отношении очень показательна. Не следует забывать о савроматских и пр. аллюзиях, связанных с именами боспорских правителей первых веков н.э., которые тоже представляются весьма существенными. А.А. Завойкин высказал любопытную гипотезу о табуации имён Спартокидов, которые представителям боспорских аристократических родов (уже не говоря о простолюдинах!) употреблять запрещалось [Завойкин, 2006]. И.Е. Суриков от гипотезы табуации предлагает решительно отказаться. По его мнению, у каждого аристократического рода была своя система «семейных» имён, нарушения в которой не допускались [Суриков, 2007б], и он, как представляется, ближе подошёл к истине. В любом случае, однако, обозначенное направление в изучении аристократической ономастики представляется в высшей степени перспективным. Вполне ясно и другое – имена монархических родов закономерно становятся важным символом их власти. Понятно, что знаки власти не имеют постоянного властного коэффициента, и было бы странно ожидать, что в первых веках н.э. на Боспоре появится царь с именем Спарток или Перисад. Эти знаки получали свою значимость только во вполне конкретных ситуациях!

Материальными символами власти, конечно, могут выступать некоторые «диковинные» вещи, скажем, шкура белого медведя во дворце арабского эмира. Имеются и другие проявления этой закономерности, к примеру, у бухарской знати такой «диковинной» вещью были европейские часы. Пользоваться ими бухарцы не умели, по крайней мере, умели не все, и русские посланники с удивлением замечали, что у некоторых из них на часах нет стрелок [Соловьёва, 2002, с. 150]⁸. Тем не менее, часы было необходимо иметь, чтобы подтвердить свой высокий социальный статус. У нас

⁸ Генрих Мозер, путешествовавший по Средней Азии в 1882–1883 гг., не раз видел бухарского эмира и оставил весьма любопытное описание его парадного костюма: «Нас чрезвычайно заинтересовал его костюм; во время прежних аудиенций он надевал халаты, более или менее разукрашенные драгоценными камнями; этот же раз он надел на себя мундир, и, по правде сказать, мундир в высшей степени фантастический. Представьте себе верхнюю одежду из бархата кирпичного цвета, спускавшуюся ниже колен, из-под которой торчал халат на меху; на груди и на полах этой одежды, в виде треугольников и других фигур, были нашиты широкие генеральские галуны; наконец, на нём красовались густые золотые эполеты, попавшие сюда, вероятно, от какого-нибудь русского генерала; на груди, справа и слева, виднелись звёзды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висела бухарская звезда – орден, учреждённый недавно по случаю коронации русского императора и украшенный бриллиантом величиною в голубиное яйцо; под этим орденом были прицеплены ещё две звезды того же самого ордена, из коих одна была украшена тремя, а другая четырьмя бриллиантами; наконец, гораздо ниже, на животе красовался целый ряд золотых звёзд всё того же бухарского ордена, представлявших собою настоящую коллекцию драгоценных камней; надевая с полдюжины звёзд одного и того же ордена, эмир, очевидно, не имел ясно-го представления о значении этих знаков отличия» [Мозер, 1888, с. 618].

ни по этой причине В.П. Яйленко считает, что роль знатных родов в истории Древней Греции сильно преувеличена, и они по существу являются фикцией [Яйленко, 1990а, с. 108–109], однако такое представление вряд ли соответствует действительности. Напротив, современная наука признаёт, что аристократия имела огромное значение в жизни всех полисов Древней Греции. Особенно влиятельными они были в эпоху архаики [см.: Курбатов, 1994; Суриков, 2000; 2009а; Davies, 1974; Ober, 1989; Starr, 1992], в том числе и в процессе греческой колонизации [Курбатов, 1994, с. 41 сл.; Суриков, 2007а, с. 206, 214]. Даже в демократических Афинах вытеснение аристократии из политической жизни в основном завершилось лишь к концу V в. до н.э. [Суриков, 2000, с. 11–12, 23; 2009а, с. 221 сл.]. Элита греческих полисов продолжала играть важную роль в жизни общества в эпоху эллинизма и позднее, особое значение при этом приобретал характер её взаимоотношений с царской властью [Dreyer, Weber, 2011; Кузьмин, 2013]. Значение аристократии в римском обществе – особый предмет для изучения [Егоров, 2014–2015].

По мнению И.Е. Сурикова, могущество древнегреческой аристократии базировалось на ее богатстве (владение землями, рудниками и т.д.), исключительном положении в религиозной сфере, традиционном престиже (генеалогические легенды возводили ее происхождение к богам или героям) и т.д. [Суриков, 2000, с. 13–17; ср.: Курбатов, 1986; 1992; 1994]. Этим «властителям княжеского типа» богатство давало возможность обрести массу приверженцев, содержать наёмное войско и даже личный домен [Фролов, 2004², с. 22]. Знатные роды, заключая между собой брачные союзы, могли создать весьма могущественные и влиятельные политические альянсы. Наконец, именно аристократы поддерживали и распространяли внешние связи своих полисов, простиравшиеся далеко за пределы греческого мира [Суриков, 2000, с. 17]. Это прежде всего осуществлялось благодаря развитию *ксении*, т.е. дружбы между гражданами различных полисов, которая отнюдь не сводилась к обычному гостеприимству, но включала также охрану и общее содействие в делах. Из отношений частного гостеприимства постепенно сформировался институт *проксении*, т.е. гостеприимства государственно-го. Практика заключения проксенических отношений между полисами получила широкое распространение в эпоху классики [Никитюк, 2001; Sealy, 1976, p. 550].

Существует устойчивое представление, навязанное нам вузовскими учебниками, что древнегреческая аристократия была весьма консервативной, она якобы упорно держалась за старые порядки, противостоя прогрессивным переменам в обществе. Это представление, однако, не вполне соответствует действительности. Именно аристократы Древней Греции стояли во главе всех реформ и были наименее склонны к консерватизму, а её значение в военной сфере вообще неоспоримо [Курбатов, 1990]. Если обратиться к ряду общеизвестных исторических личностей Афин, деятельность которых существенным образом повлияла на политическую трансформацию этого полиса [см.: Суриков, 2005; Stanton, 1990], то в полной мере следует согласиться с заключением И.Е. Сурикова, что всех их объединяет одно в высшей степени важное качество – аристократизм [Суриков, 2005, с. 324].

надо думать, и в других монархических государствах) во времена ослабления центральной власти резко обострялась борьба враждующих аристократических кланов. В такие моменты царям приходилось идти на некоторые уступки. В этом отношении достаточно показателен эпизод, связанный с воцарением Евмела, пришедшего к власти в 310/9 г. до н.э. после вооружённой борьбы с братьями и жестокой расправы со своими политическими противниками [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73–75; Виноградов, 2003]. Ему пришлось собрать народное собрание и успокоить граждан, пообещав им сохранить старые порядки (Diod. XX. 24). Вполне понятно при этом, что люди, павшие от его террора, совсем не были простолюдинами, и не от последних исходила инициатива в созыве собрания.

В более позднее время на подобные уступки, по всей видимости, был вынужден пойти Левкон II, если с его правлением связывать декрет 242 г. до н.э. о даровании Косу асии, т.е. неприкосновенности [Толстикова, Виноградова, 1999, с. 294–296; но ср.: Балахвануев, 2011; Завойкин, 2013, с. 442; Габелко, 2015]. Ещё больший материал для размышлений подобного рода даёт время поздних Спартокидов. Царская власть тогда сильно ослабла, и политические устремления значительной части боспорской правящей элиты были устремлены на союз с Крымской Скифией (см. главу 4.1). Однако только этим дело не ограничивалось, и, скорее всего, именно к этому времени следует относить сообщение Страбона об активной деятельности морских разбойников северо-западного Кавказа – ахейцев, зигов и гениохов [Strab. XI. 2.12; см.: Брашинский, 1973, с. 126–127]. Описывая особенности их пиратского образа жизни, древний географ отмечает, что порой этим варварам содействовали боспорские правители, предоставляя им стоянки, позволяя покупку провианта и продажу награбленного. Понятно, что какая-то часть боспорской аристократии была заинтересована или, по крайней мере, не протестовала против подобного рода нечистоплотных связей. Наконец, по мере развития кризиса всё более влиятельной становилась другая аристократическая группировка, видевшая спасение в подчинении Боспора понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Именно она, как известно, в конце концов одержала верх, но в сложившихся тогда политических условиях такой исторический поворот оказался чреват многими потрясениями (см. гл. 4.2, 4.4).

Здесь мы подходим к ещё одной в высшей степени важной проблеме истории Боспорского государства, связанной со сменой правивших в нём династий. Вопросы этих важнейших перемен на страницах научных изданий продолжают весьма остро дискутироваться, о чём подробнее речь пойдет ниже. Сейчас же уместно обратить внимание, что логика событий вынуждала аристократию греческих городов принимать самое активное участие в этих событиях. Единой позиции всех аристократических группировок по поводу судьбоносных для государства перемен ожидать никак не приходится, и представляется вполне логичным, что проигравшая сторона вынуждена была отправляться в изгнание.

В отношении истории ранних Спартокидов можно напомнить информацию Исократа о боспорских изгнанниках, проживавших, скорее всего, в Афинах. Эти

здесь мы сталкиваемся с ярким проявлением того самого «женского фактора», когда брак с представительницей старой династии означал легитимизацию власти нового правителя.

Формирование боспорской элиты, вне всяких сомнений, является принципиально важной научной проблемой, но в этой области сделано ещё очень немногое [Шепко, 2013]. Изучение трансформации культуры боспорской элиты на протяжении почти целого тысячелетия представляет особый предмет для изучения. Эта трансформация, с одной стороны, непосредственным образом была связана с общей эволюцией античной культуры, поскольку Боспор во все времена был частью эллинского мира. С другой стороны, в боспорской элитарной культуре постоянно ощущается, так сказать, приток «новой крови», исходящий из среды аристократии местных племён. Некоторые новшества в ней были связаны с ситуацией в варварском мире Северного Причерноморья, точнее, с имевшими место изменениями этнической и военно-политической ситуации в регионе, что было обусловлено периодическими продвижениями из глубин Азии на запад новых и новых волн кочевых этносов. В истории Боспора эти продвижения сыграли очень важную роль [Виноградов, 2006а; 2009б, с. 65 сл.; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 16–18; Vinogradov, 2007; 2008]. Для римского времени, как известно, особое значение имела миграция готов середины III в. до н.э. [см.: Гайдукевич, 1949, с. 439 сл.; Шукин, 2005, с. 448–451; Gajdukevič, 1971, S. 459 ff.], хотя волны «германской моды» проявились на Боспоре в виде отдельных вещей центральноевропейского или прибалтийского происхождения намного раньше [Шаров, 2010, с. 277].

Вряд ли во всех случаях можно с уверенностью говорить, что появление каких-то варварских элементов в культуре элиты Боспора было связано с проникновением в её среду выходцев из местных племён, хотя в большинстве случаев, по всей видимости, это было действительно так. Тем не менее, совсем не исключено, что эти элементы могли также проникать иным путем, связанным с появлением своего рода моды на какие-то типы вооружения, детали костюма, характер украшений и т.д. В этом отношении, однако, следует сделать одну важную оговорку – отнюдь не каждое новшество в среде культуры становится модным. Как правильно говорится, «мода течёт с горы», т.е. исходит из той страны, той социальной группы, тех конкретных личностей, которые в данное время занимают важные позиции в мировой политике, мировом процессе культурного развития. В наши дни модным может стать лишь то, что считается престижным или, по крайней мере, имеет к этой престижности хоть какое-то отношение (всё французское, английское, американское). Как бы много мы ни ругали Америку, но американская культура, американские вкусы, американский стиль жизни во всех его проявлениях с успехом распространяются по всему миру. США – единственная сейчас мировая держава. Возвращаясь к Боспору и проникновению варварских элементов в культуру его элиты, можно считать, что эти элементы в основном могли быть связаны с теми племенами или варварскими группировками, которые в то время играли особую роль в истории

Глава I

БОСПОРСКАЯ ЭЛИТА ДО ЭПОХИ СПАРТОКИДОВ

1.1. Греческая колонизация Боспора

Любое достаточно развитое общество, как уже было сказано выше, предполагает наличие элиты. Эта социальная группа с древнейших времен является обязательным условием нормального длительного функционирования и развития любого социума. В эпоху, за которой утвердилось название эпохи Великой греческой колонизации, с последним, позднейшим, этапом которой связано основание постоянных античных поселений Северного Причерноморья, греческие города-государства, выведившие колонии в различные регионы обитаемого мира, давно и успешно сформировали свои аристократические элиты, принимавшие весьма деятельное участие в колонизационном процессе.

Однако, если мы обратимся к греческим центрам Боспорского региона, то вынуждены будем признать, что выделить или хотя бы в общих чертах охарактеризовать аристократическую культуру, сложившуюся в городских центрах Киммерийского Боспора, мы сможем лишь для времени, достаточно удалённого от высадки на эти берега первых групп колонистов. Очевидно, должно было пройти по меньшей мере два-три поколения, прежде чем культура «аристократического сословия» смогла сформироваться и проявиться в имеющихся в нашем распоряжении археологических памятниках. Действительно, трудно представить себе облик боспорской элиты на основании данных о примитивных жилищах первых колонистов или достаточно скромных по обряду и инвентарю погребениях боспорян.

«Пик» колонизационной активности греков приходится на эпоху архаики, наибольшее количество греческих колоний на берегах Средиземного и Чёрного морей были основаны в период с середины VII по середину VI в. до н.э. [Graham, 1971, p. 264]. Освоение греками земель вокруг Боспора Киммерийского приходится на вторую, позднейшую половину этого периода. Причину того, что колонизационная активность ионийских полисов Малой Азии началась сравнительно поздно, многие учёные видят прежде всего в том, что греческие центры древней Анатолии не столь сильно страдали от переизбытка населения и обладали относительно большим количеством земли, пригодной для обработки [Cook, 1946, p. 79]. Если это утверждение справедливо, можно предположить, что для городов Ионии роль первостепенного

Восточного Причерноморья, мы располагаем, по сравнению с другими областями Северного Причерноморья, как это ни парадоксально звучит, представительным набором имён, которые можно соотнести с реальными участниками колонизационного процесса. О тех людях, которые основали первые греческие поселения в Нижнем Побужье или же на территории Западного Крыма, мы не знаем абсолютно ничего – традиция не сохранила ни одного имени.

Возможно, что и имя первого известного нам правителя Боспора – Археанакта – также (по аналогии с другими дошедшими до нас именами) могло каким-то образом соотноситься с областями Азиатского Боспора.

1.2. Первые греческие поселения Боспора Киммерийского

Самое значительное и, скорее всего, самое раннее поселение Европейского Боспора – Пантикапей (рис. 1), вероятно, было основано на рубеже VII–VI вв. до н.э. [Толстикова, 2015а, с. 29]. Остатки древнейшего поселения недавно были открыты на самой возвышенной части горы Митридат – верхнем плато холма, над бухтой [Толстикова, 2015а, с. 257; 2015б, с. 29]. Здесь были выявлены следы фортификационных сооружений, по-видимому, возведённых первыми колонистами, а также остатки наземных построек. Примечательно, что все эти сооружения были перекрыты полутораметровым слоем пожара, содержавшим наконечники стрел скифских типов [Толстикова, 2015а, рис. 4]. Материалы из этого слоя позволили прийти к выводу о том, что спустя 40–50 лет после основания, приблизительно около середины VI в. до н.э., поселение пережило военную катастрофу [Толстикова, 2015б, с. 35]. В следующем периоде в Пантикапее появляются круглые в плане, заглублённые постройки («землянки»), датирующиеся 40–ми – 20–ми гг. VI в. до н.э. [Толстикова, 2010, с. 466]. Городской облик Пантикапей, по-видимому, начал приобретать лишь с последней четверти столетия, когда на западном плато вершины первого кресла горы Митридат начала развиваться сеть улиц и стал формироваться архитектурный ансамбль, центром которого был толос [Толстикова, 2001, с. 49 сл.; 2010, с. 467].

Возможно, стоит вспомнить и об известном письменном свидетельстве, рассказывающем о том, что землю для основания Пантикапея греческие переселенцы получили от скифского царя Агаэта (*Steph. Byz., s.v. Παντικάπαιον*). Признавая тот факт, что свидетельство это, конечно же, носит полуполюгендарный характер², всё же хочется обратить внимание на то, что основание города, который позже станет столицей Боспорского государства, по преданию связывалось с дипломатическими контактами на «самом высоком уровне». Согласно этому преданию, соглашение об основании города было заключено между правителем («царём») господствующей в степи кочевой орды и предводителем/предводителями группы первых греческих

² Хотя мы следуем за некоторыми исследователями [Maslennikov, 2005, p. 156; Сапрыкин, 2013, с. 27–28], всё же полагаем, что в этом рассказе содержится рациональное зерно.

переселенцев³. Договоренности такого рода предполагали участие наиболее уважаемых и значимых представителей эллинской общины, т.е. представителей элиты. Не исключена вероятность того, что таким представителем мог выступать предводитель группы первых колонистов – *ойкист*. Традиционно считают, что Пантикапей основали выходцы из Милета, однако нельзя исключать и то, что в его основании могли принимать участие жители других ионийских городов, прежде всего Эфеса [Treister, 1998, p. 191–192].

Крупнейший античный центр Азиатского Боспора – Фанагория, был основан, согласно свидетельству письменных источников, неким Фанагором, выходцем из Теоса, приблизительно в 543 г. до н.э. [Латышев, 1909, с. 71; Жебелёв, 1953, с. 51; Кобылина, 1956, с. 14]. В процессе раскопок городища археологические материалы, относящиеся к древнейшему периоду жизни города, пока не выявлены; самый ранний зафиксированный раскопками слой, находки и строительные остатки на краю верхней части центрального плато (раскоп «Верхний город») датируются временем от середины VI в. до н.э. [Кузнецов, 2013б, с. 36].

Ко второй четверти–середине VI в. до н.э. можно отнести основание целого ряда «малых» городов Европейского и Азиатского Боспора. Второй четвертью VI в. до н.э. датируются контексты ранних ям Мирмекия [Виноградов, 2008, с. 44–45]. Приблизительно к середине столетия можно отнести основание Порфмия [Вахтина, 2009а, с. 93], 565/560–530 гг. до н.э. датируется древнейший строительный период Тиритаки [Зинько, 2013, с. 20], ко времени не позднее середины столетия, по-видимому, можно относить основание Нимфея [Соколова, 2010, с. 481]. На Таманском полуострове к наиболее ранним греческим апоикиям принадлежат Кепы, основанные, судя по археологическим материалам, не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Кузнецов, 1991; Журавлев, Кузнецов, 2010, с. 541–543]. Первые жилища («земляночного» типа), обнаруженные в Гермонассе, можно отнести к середине VI в. до н.э. [Финогенова, 2010, с. 512–513]. Третьей четвертью столетия датируются самые ранние комплексы Патрея – хозяйственные ямы [Абрамов, 2010, с. 531], к последней четверти VI в. до н.э. относятся наиболее ранние строительные комплексы на месте Горгиппии [Алексеева 2010, с. 473].

Античная письменная традиция донесла до нас названия примерно тридцати греческих поселений в районе Киммерийского Боспора [Латышев, 1909, с. 61 сл., Гайдукевич, 1949, с. 154 сл., Виноградов 2005а, с. 221 сл.; Чурекова 2009, с. 169 сл.]. Не все упомянутые в письменных источниках греческие центры выявлены и надёжно локализованы, но количество известных благодаря археологическим изысканиям поселений этого региона всё же остается впечатляющим по сравнению с другими областями Северного Причерноморья, вовлечёнными в орбиту греческой колонизации.

³ Некоторую параллель этому свидетельству (и, возможно, сходство ситуаций, хотя бы в представлениях древних греков) можно увидеть в сообщении Страбона (XIII. 590) о том, что основание милетской колонии Абидос в районе Фракийского Боспора произошло с разрешения лидийского царя Гигеса [см.: Graham, 1971, p. 41].

Очевидно, такая необычно «высокая концентрация» греческих поселений является одной из черт, отражающих своеобразие, особую специфику областей, лежавших по обе стороны Керченского пролива [Виноградов, 1993а, с. 87–88]. Статус этих поселений является объектом дискуссий [обзор точек зрения о возможной полисной принадлежности конкретных центров, см.: Виноградов, 1993а, с. 80 сл.; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15 сл.; Кузнецов 2013а, с. 129–130]. Признавая то обстоятельство, что вопрос об определении статуса ранних боспорских поселений относится к числу тех вопросов, которые никогда не смогут получить окончательное решение [Кузнецов, 2013а, с. 130], следует всё же признать минимальную вероятность того, что все выведенные поселения Киммерийского Боспора могли быть основаны как автономные полисные центры. Письменные источники сообщают об основании на территории Восточного Крыма и на Тамани лишь пяти греческих апоекий – милетских колоний Пантикапея, Феодосии и Кеп, теосской колонии Фанагории и Гермонассы, выведенной либо ионийцами, либо жителями эолийского города Митилены на о. Лесбос [подробнее см.: Виноградов, 1993а, с. 79; 2005а, с. 221]. Возможно, прав А.А. Завойкин, полагающий, что этот список нельзя признать исчерпывающим [Завойкин, 2013, с. 282]. Сопоставление данных различных групп источников (сведений об основании колоний, упоминаний того или иного поселения) в контексте конкретных исторических событий, нумизматических, эпиграфических данных и археологических свидетельств позволило Ю.А. Виноградову прийти к выводу о том, что на территории Боспорского региона полисами можно считать лишь шесть центров: Пантикапей, Феодосию, Нимфей, Фанагорию, Гермонассу и Кепы [Виноградов, 1993а, с. 80 сл.]; возможно, к этому списку следует добавить и седьмой – Синд или Синдскую Гавань [Виноградов, 2005а, с. 222]. Хотя эту гипотезу разделяют далеко не все исследователи [см., например: Зубарь, Зинько, 2006, с. 15 сл.; Молев, 2008, с. 90 сл.; 2009, с. 41 сл.; Кузнецов, 2013а, с. 130; Сапрыкин, 2013, с. 35–36], на современном уровне наших знаний она выглядит наиболее логичной и обоснованной. Согласно концепции, разработанной Ю.А. Виноградовым, на Боспоре существовала особая система освоения территории, выразившаяся в основании в местах, удобных для обороны относительно крупных поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, позже превратившихся в «аграрные городки» [Виноградов, 2005а, с. 224 сл.]. Согласно этой системе взглядов, такие поселения, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий, и другие населенные пункты северо-восточной части Керченского полуострова, скорее всего, никогда не были самостоятельными центрами, они возникли по инициативе Пантикапея, направляющего в эти пункты прибывающие группы колонистов [Виноградов, 2005а, с. 228–229].

Своеобразная система расселения греков в районе Киммерийского Боспора была обусловлена специфической ситуацией в регионе, определявшейся, прежде всего, достаточно регулярными передвижениями скифской кочевой орды (скорее всего, какой-то её части) через Керченский пролив на территорию Прикубанья [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 226 сл.]. Поэтому при всей привле-

это время совершались в простых грунтовых ямах, однако встречались и «жжёные точки», иногда содержавшие интересные находки. Так, например, при исследовании в 1902 г. на углу Эспланадной и 1-й Подгорной улиц «жжёной гробницы» 70, открытой на глубине 0,80 м и занимавшей площадь $3,56 \times 1,55 \text{ м}^2$, в её центральной части были обнаружены фрагменты клазоменской пелики с изображением протом Пегаса на обеих сторонах тулова и восточногреческая амфора с орнаментом в виде поясов лака и волнистых линий [Шкорпил, 1904, с. 85, рис. 6, 7]. Клазоменскую амфору из этой гробницы по характеру росписи можно датировать последней третью VI в. до н.э.

Два погребения с сожжением были исследованы В.В. Шкорпилем недалеко от перекрестка Правой кладбищенской ул. и 3-го Кладбищенского переулка в 1912 г. [Шкорпил, 1916а, с. 10]. Комплекс погребения 7 представлял собой «жжёный точёк», открытый на глубине 1,78 м, рядом с которым обнаружена четырехугольная яма длиной 0,98 м, шириной 0,44 м и глубиной 0,32 м. В яме были найдены две столовые амфоры, украшенные орнаментом в виде полос и волнистых линий [Шкорпил, 1916а, рис. 1, 2], одна из них содержала пережжённые кости.

К комплексу погребения 13, по описанию В.В. Шкорпила [Шкорпил, 1916б, с. 11–12], относились две ионийские столовые амфоры с росписью в виде горизонтальных поясов лака и волнистых линий [Шкорпил, 1916б, рис. 3, 4], обнаруженные на глубине 2,23 м и стоявшие в небольших ямках на расстоянии 1,46 м одна от другой. Каждая из них была накрыта плоским камнем и содержала обожжённые кости. Оба эти захоронения можно отнести ко второй половине VI в.

Ещё один «жжёный точёк» (могила 14), покрытый толстым слоем золы, был обнаружен при раскопках в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 6–7]. Под этим слоем была открыта круглая яма диаметром 0,51 м и глубиной 0,62 м, в которой стояла чернофигурная пелика, содержащая пережжённые кости, украшенная дионисийскими сценами [Шкорпил, 1914, рис. 2, а, б] и накрытая дном «простой амфоры». Среди костей были обнаружены остатки перстня в бронзовой оправе; лучше всего сохранилась вставка из сердолика с изображением львицы, идущей вправо [Шкорпил, 1914, рис. 3, а, б].

Остатки интереснейшего комплекса с сожжением были исследованы в 1913 г. на северном склоне горы Митридат, недалеко от православного кладбища [Шкорпил, 1913, л. 19–20]. Здесь при расчистке «жжёного точка», располагавшегося на глубине 2,60 м, были найдены фрагменты чернофигурной амфоры, украшенной сценами кентавромахии. По описанию В.В. Шкорпила, «сосуд с фигурами кентавров был немного опущен в материк и стоял посередине жжёного точка в круглой яме, обложенной с боков и сверху множеством обломков простых амфор». Яма, в которой стояла расписная амфора, раздавленная тяжестью земли, имела 0,43 м в диаметре и 0,54 м в глубину. Возле амфоры находился глиняный сосуд с высокой ручкой, покрытый светло-жёлтой облицовкой; «по жжёному точку были разбросаны многочисленные бронзовые стрелки, сильно испорченные действием огня, куски

простой алабастриды, обломки чернолакового аска с какими-то неясными фигурами и костяные пластинки неизвестного назначения, украшенные меандром».

Инвентарь пантикапейских грунтовых могил, т.н. «земляных гробниц», достаточно скромнен. Нередко в погребение помещали лишь один столовый сосуд. Так, в детском грунтовом захоронении 60, перекрытом досками, выявленном в 1907 г. на южном склоне горы Митридат, был найден небольшой коринфский скифос, стоявший у левой руки костяка, обращённого головой на юг [Шкорпил, 1910, с. 26, рис. 13]. Серия таких чаш, датированная вторым поздним коринфским периодом, т.е. временем после 550 г. до н.э., известна по раскопкам некрополя Березани [Букина, 2010, кат. 130–134]. Более «богатый» набор вещей состоял из нескольких сосудов. Например, гробница 108, перекрытая досками и мелкими камнями, раскопанная в 1-м Нагорном переулке и достигавшая 2,02 м в длину, 0,97 м в ширину и 1,13 м в глубину, содержала костяк, лежавший головой на восток. В ногах у него стояла «простая амфора», у левой руки – два шаровидных арибалла [Шкорпил, 1905, с. 26–27, рис. 22, 23]. Один из них, коринфский, можно отнести к первому позднему коринфскому периоду (570–550 гг. до н.э.) [Букина, 2010, кат. 67, 68, с. 75], второй, ионийский, украшенный полосами тёмного лака по тулову и волнистой линией на плечиках, датируется широко в рамках второй половины VI в. до н.э. Вероятно, датировки этих сосудов позволяют отнести комплекс погребения к третьей четверти VI в. до н.э. В.В. Шкорпил отметил, что череп погребённого в могиле 108 был пробит, и предположил, что здесь был похоронен убитый в сражении воин.

Однако встречались и погребения, содержавшие целые наборы сосудов. Например, земляная детская гробница 103, раскопанная В.В. Шкорпиллом в 1905 г. на западном склоне насыпного холма, расположенного к северу от Второго Кресла Митридата [Шкорпил, 1905, с. 30–31], содержала 10 экземпляров керамики. Могилка, покрытая досками и неотёсанными камнями, была открыта на глубине 3,71 м, длина её составляла 0,84 м, ширина 0,36 м, глубина 0,22 м. С правой стороны и в ногах костяка, обращённого головою на восток, найдены 10 небольших по размеру сосудов, стоявших в ряд: 1) простой одноручный глиняный сосудик с концентрическими кругами на дне; 2) простой глиняный «рожок» «с окрашенной лейкой и ручкой», 3) ещё один глиняный «рожок» «с отбитою лейкой», 4) чернофигурная ойнохоя с изображением танцующего Силена [Шкорпил, 1905, рис. 18], 5) такая же ойнохоя с изображением танцующего Силена и менады, 6) глиняный алабастр [Шкорпил, 1905, рис. 19], 7) «простой глиняный сосудик с одной ручкой», 8) чернофигурный скифос с изображением двух сидящих фигур, 9) миниатюрная коринфская котила с черными и розовыми полосами на жёлтом фоне, 10) миниатюрная чернолаковая ольпа. По-видимому, керамический комплекс позволяет отнести это захоронение к последней трети VI – началу V в. до н.э.

Погребение 116, открытое в 1902 г. на Эспланадной улице [Шкорпил, 1904, с. 94–95], было совершено в «земляной гробнице» длиной 2,05 м, шириной 1,03 м и глубиной 0,9 м. В ней был обнаружен костяк, лежавший головой на восток. У его левой руки были обнаружены два арибалла, здесь же были найдены бронзовые и

железные наконечники стрел, по-видимому, вложенные в руку погребённого. В западной части могилы, в ногах костяка, стояла «большая глиняная амфора». Один из двух обнаруженных арибаллов был изготовлен из египетского фаянса и украшен имитацией египетского иероглифа [Шкорпил, 1904, рис. 15], второй коринфский шаровидный сосуд имел т.н. четырёхлепестковый орнамент по тулову [Шкорпил, 1904, рис. 16]. На территории Северного Причерноморья такие лекифы известны для погребений архаического некрополя Березани, их принято датировать в рамках первого позднего коринфского периода (570–550 гг. до н.э.) [Букина, 2010, кат. 39-43], хотя, возможно, подобные сосуды могли производиться и во второй половине VI в. до н.э. [Буйских, 2013, с. 204]. Интересно, что для Березани подавляющее большинство коринфских шаровидных чернофигурных арибаллов с орнаментом в виде четырёх крупных лепестков на тулове, происходит из комплексов погребений [Букина, 2010, с. 16 сл., 73]. Известны немногочисленные находки подобных сосудов и в Ольвии, причём наиболее ранние экземпляры, близкие пантикапейскому, также были обнаружены при раскопках некрополя [Буйских, 2013, с. 204-205, кат. 13.137; 13.138]. Вероятно, характер росписи коринфского арибалла из могилы 116 и датировка основного массива подобных сосудов позволяют отнести это захоронение к достаточно раннему времени. По-видимому, это интересное и с достаточно разнообразным инвентарём погребение принадлежало мужчине. Об этом свидетельствуют не только наконечники стрел, но и размеры могильной ямы. Инвентарь характеризует погребённого как воина и палестрита, т.е. показывает его возможную принадлежность к верхушке пантикапейского общества.

Ещё одно более скромное грунтовое погребение 16, содержавшее амфору, было открыто в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 8]. Амфора, украшенная дипинти в виде букв АΛ, стояла в ногах костяка, обращённого головой на восток, возле кисти его правой руки стоял «простой горшочек весьма грубой работы». Особенностью этой земляной гробницы, покрытой сверху досками, был слой морской травы, лежавшей поверх перекрытия.

Для некрополя раннего Пантикапея известны и погребения в «каменных гробницах». Так В.В. Шкорпил называл ямы «с каменным полом и крышкою», то есть имевшие каменную вымостку дна и перекрытие в виде одной или нескольких плит. Одна такая гробница 129 была открыта в 1902 г. на Эспланадной улице [Шкорпил, 1904, с. 96–97]. Длина её составляла 2,11 м, ширина 0,95 м, глубина 0,81 м; толщина верхней плиты – 0,32 м, боковых – 0,18 м. Гробница содержала двойное погребение – костяк, лежавший сверху головой на восток, был положен на останки предыдущего погребённого. В «кучах костей», оставшихся от раннего захоронения, были обнаружены обломки двух чернофигурных сосудов: большого лекифа, украшенного росписью по тулову и плечикам, и килика [Шкорпил, 1904, рис. 17, 18]. Второй из сосудов – килик Кассельской группы⁵, производство которых

⁵ Фрагмент килика этой группы был найден при раскопках Пантикапея [Сидорова, 1992, с. 194, рис. 11-Б].

началось в Афинах после 540 г. до н.э. и продолжалось до конца столетия. Лекиф, вероятно, был изготовлен в последней трети VI в. до н.э. Это даёт возможность отнести захоронение 129 в каменной гробнице (вероятнее всего, первое) к последней трети VI в. до н.э.

Ещё одна каменная гробница (могила 17) была обнаружена во время раскопок в 3-м Кладбищенском переулке [Шкорпил, 1914, с. 8]. В ногах костяка, лежавшего головой на юго-восток, стояла амфора «с тремя чёрными горизонтальными полосами ... по гладкой поверхности тулова» (вероятно, хиосская), у его левого плеча была найдена «изящная глиняная амфорка редкой формы, покрытая красно-жёлтым лаком и украшенная на подставке, туловище, ручках и венчике черными поясками» (вероятно, принадлежавшая к группе ионийской «полосатой» керамики), у правого – «амфорка из разноцветного финикийского стекла».

Ранние захоронения из некрополя *Нимфея* также имеют достаточно скромный облик. Отмечено, что позднеархаические погребения расположены компактно, к северо-востоку от города, непосредственно за городскими стенами, как бы составляя «единый комплекс в топографическом отношении» [Грач, 1999, с. 26]. По погребальному обряду эти захоронения, как и в Пантикапее, можно разделить на две группы – ингумацию и кремацию (первая количественно преобладает). К особенностям нимфейского некрополя можно отнести заглубление нижних частей могильных ям в скальный материк. Инвентарь обычно представлен одним-двумя сосудами, в женских могилах встречаются зеркала и украшения [Грач, 1999, с. 27 сл.]. Приведём описания нескольких погребений некрополя *Нимфея*, датирующихся доархеанактидовским временем. В их числе погребение A114, принадлежавшее мужчине 50-55 лет, совершенное в яме размерами 1,8 × 0,85 × 0,32 м, вырубленной в скале и имевшей углубления по углам, возможно, предназначавшиеся для ножек деревянного погребального ложа [Грач, 1999, с. 65]. Костяк лежал на спине головой на северо-восток, голени ног были перекрещены. Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами – чернофигурным лекифом, на котором изображена сцена в палестре, и алабастром из «финикийского» стекла. Эти находки позволили датировать погребение в пределах второй половины – конца VI в. до н.э.

В погребении A59, относящемся к этому же времени и содержавшем костяк мужчины 30-35 лет, были найдены кольцообразный ионийский сосуд («аск») и аттический чернолаковый амфориск [Грач, 1999, с. 47-48, табл. 31]. Примечательно мужское погребение A44 [Грач, 1999, с. 45, табл. 23], представлявшее собой каменный ящик, вырубленный в скале и перекрытый досками, на которые был положен толстый слой морской травы-камки. Скелет лежал головой на северо-восток, у его левой лопатки был найден бронзовый трёхгранный наконечник стрелы, по-видимому, и послуживший причиной смерти погребённого. Аттический чернофигурный лекиф из этого погребения позволил датировать его последней четвертью – концом VI в. до н.э.

Женские захоронения иногда содержали более разнообразный инвентарь, как, например, погребение A55 [Грач, 1999, с. 46, табл. 27], принадлежавшее женщине

50-55 лет, в состав которого входили два массивных бронзовых браслета с гравированными львиными головками на концах, обломки аттических чернофигурного килика и чернолакового сосуда, пастовые бусины, пряслице. В ногах костяка был найден зуб коровы (остатки жертвенной пищи?).

Для позднеархаического нимфейского некрополя известно четыре погребения с оружием. Упомянем здесь два из них. В первом погребении А171 конца VI – начала V вв. до н.э. были обнаружены фрагментированный сосуд из разноцветного стекла, меч-акинак, 23 бронзовых, 1 железный и 1 костяной наконечники стрел, железный нож [Грач, 1999, с. 73-74, табл. 94]. В другом захоронении А60 были обнаружены железный акинак и костяная пластина с резным меандром [Грач, 1999, с. 48-49, табл. 33].

К концу VI – началу V вв. до н.э. принадлежат древнейшие грунтовые *могилы Китая*. Одно из захоронений (погребение 9) содержало протофасосскую амфору [Молев, Шестаков, 1991, с. 81, рис. 6, 1].

На Азиатском Боспоре в это время известны грунтовые погребения, самые «богатые» из которых содержали инвентарь, состоявший из нескольких столовых сосудов и украшений. Так, например, погребение 3/1938 *Таманского некрополя* (некрополь Гермонассы) [Гайдукевич, 1959, с. 165-166] содержало костяк, лежавший на спине головою на восток, возле левого его плеча был обнаружен ионийский арибаллический лекиф [Гайдукевич, 1959, рис. 15, 1], у левой руки, на которую были надеты два бронзовых браслета, находилась тарелка со следами чёрной краски и бронзовое колечко, пастовые бусины и свинцовые пронизи. Около таза погребённого лежал ионийский килик с «полосатой» росписью [Гайдукевич, 1959, рис. 16]. В ногах стояла ионийская амфора, украшенная поясками лака по тулову [Гайдукевич, 1959, рис. 15, 2], в ней было обнаружено несколько рыбьих и птичьих костей. Погребение надёжно датируется в рамках второй половины VI в. до н.э.

В погребении 5/1931 этого некрополя, относящегося к этому же времени, были найдены ионийский «полосатый» килик на высокой ножке [Гайдукевич, 1959, рис. 6], бронзовый и железный наконечники стрел [Гайдукевич, 1959, рис. 5]. Килики, обнаруженные в этих двух погребениях, принадлежат к типу, широко распространённому в Северном Причерноморье [Буйских, 2013, с. 95]. В некрополе Ольвии они встречаются в комплексах третьей четверти VI в. до н.э. [Скуднова, 1988, кат. 29, 114]. В двух погребениях второй половины VI в. до н.э. этого некрополя были обнаружены скифские акинаки [Гайдукевич, 1959, с. 186]. Для Таманского некрополя в целом отмечен достаточно высокий процент погребений, содержавших предметы вооружения [Завойкин, Сударев, 2006, с. 114 сл.], но специально об этом речь пойдёт ниже.

Для архаического некрополя *Кеп* самым распространённым типом погребального сооружения также являлась простая грунтовая могила, деревянные перекрытия ям были зафиксированы лишь в двух случаях [Сорокина, Сударев, 2000, с. 46–47]. Для VI–V вв. до н.э. здесь известно лишь одно захоронение в гробнице, сложенной из сырцовых кирпичей [Сорокина, Сударев, 2004, с. 253–255].

Для *Тузлинского некрополя* Н.П. Сорокина выделила 9 могил, относящихся к VI в. до н.э., 28 могил, которые можно датировать в рамках конца VI – начала V вв. до н.э., и 13, относящихся к V в. [Сорокина, 1957, с. 7, 12]. Все ранние могилы представляют собой ямы подпрямоугольной формы, перекрытые досками и имевшие поверх перекрытия засыпку из песка, морской травы (камки), песка, перемешанного с раковинами и травой [Сорокина, 1957, с. 8 сл.]. Все могилы содержали по одному погребённому в вытянутом положении, с преобладанием восточной ориентировки. На рубеже VI–V вв. до н.э. появляется новый тип могилы – сырцовая гробница [Сорокина, 1957, с. 13 сл.]. Инвентарь ранней группы погребений представлен привозными ионийскими столовыми сосудами. К числу древнейших находок, которые можно датировать в пределах второй четверти VI в. до н.э., относятся ионийские чаши, среди которых есть экземпляры с орнаментом в виде точечных розеток [Сорокина, 1957, с. 9, рис. 1, 1, 2].

Материалы второй половины VI в. до н.э. более многочисленны. Одно из «богатых» захоронений этого времени – детское погребение 1/III, раскопанное в 1913 г. В.В. Шкорпилом [Шкорпил, 1913, л. 60-61; Сорокина, 1957, с. 8]. Оно было совершенно в яме, перекрытой досками, поверх которых был насыпан слой песка, смешанного с раковинами. Могила содержала костяк, лежавший головой на восток. Инвентарь составляли три ионийские сосуда: у правого колена погребённого были найдены обломки амфоры (*Tosta type*), украшенной изображениями горного козла в метопах плечевого фриза [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 1; Сорокина 1957, табл. I], и килика на высокой подставке [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 2; Сорокина, 1957, рис. 2, 3; табл. 8, 1], у его левого плеча стоял арибалический лекиф с росписью в виде поясков и волнистых линий [Фармаковский, 1914а, табл. XI, 3; Сорокина, 1957, табл. 7, 1]. Вещевой комплекс погребения позволяет датировать его в пределах второй половины VI в. до н.э., причём, по-видимому, наиболее вероятным временем захоронения представляется конец второй – начало третьей четверти столетия [Вахтина, 2015].

Часть могил Тузлинского некрополя была разграблена. Из ограбленных могил в Императорскую археологическую комиссию в начале XX в. поступили два художественных привозных сосуда, которые можно отнести ко второй половине VI в. до н.э.: клазоменская амфора с изображением лани [Энман, 1912, табл. VII-XI; Книпович, 1955, с. 360, рис. 3; Сорокина, 1957, табл. 2] и столовая ионийская амфора с изображениями быка и козла в метопах плечевого фриза [Руднева, 1912, табл. XII-XII; Сорокина, 1957, табл. 5].

Инвентарь непо потревоженных погребений достаточно скромн, в погребениях, как правило, обнаруживали один или несколько сосудов, бронзовые украшения, предметы туалета. Например, в земляной гробнице 55 (10) вместе с образцами ионийской «полосатой» посуды (два килика и ойнохоя) было обнаружено бронзовое зеркало «ольвийского» типа, ручка которого была украшена фигурками оленя и барана [Шкорпил, 1914, с. 23].

Очень интересны погребения могильника у бывш. *хутора Кротенко*, располо-

женного между мысами Тузла и Панагия. Открытые здесь захоронения по обряду близки комплексам Тузлинского некрополя. Приведём подробное описание лишь одного из погребений этого могильника, «земляной гробницы» 3, раскопанной в 1911 г. В.В. Шкорпилом. Могильная яма, имевшая 1,45 м в длину и 0,85 м в ширину была покрыта досками, поверх которых был насыпан слой песка, смешанного с устричными раковинами. У пояса погребённого, обращенного головой на восток, была найдена бронзовая бляха «с неясным изображением птиц, стоящих друг против друга» [Шкорпил, 1911, л. 130]. В правой руке находились обломки алабастра из белого «финикийского» стекла, с чёрными горизонтальными полосками и зигзагами, в левой – амфорка из синего «финикийского» стекла с жёлтыми и голубыми зигзагами; рядом находились чернолаковая тарелка и три фрагментированные терракотовые фигурки (сидящая на троне богиня, женская протома и кукла с подвесными руками и ногами), бронзовая иголка и два пряслица (глиняное и свинцовое). Возле головы были найдены бронзовые «серьги-подвески в виде овально свёрнутого два раза прутика, украшенного на обоих концах пирамидками из шариков», в ногах – обломки чернолакового килика и ойнохоя «с двойной ручкой и двумя красными горизонтальными полосками по туловищу» [Шкорпил, 1911, л. 130–131]. Судя по описанию, серьги-подвески из этого погребения относятся к достаточно распространённому типу украшений – височным кольцам. Подобные им встречаются в некрополях многих боспорских городов, начиная с позднеархаического времени. Погребение, по-видимому, можно датировать концом VI – началом V вв. до н.э. Размеры могильной ямы показывают, что оно принадлежало ребёнку. Ряд захоронений могильника содержал ионийскую керамику, позволяющую датировать их в пределах второй четверти VI в. до н.э. или началом третьей четверти, как, например, захоронение 66 [Шкорпил, 1914, с. 26–27, рис. 14, 15].

Погребения конца VI – начала V вв. до н.э. исследованы на *некрополе Тирамбы*. К этому времени, например, принадлежала детская могила 106, содержавшая костяк, лежавший на спине головой на восток; у его правой руки находились коринфский скифос и чернолаковая чашечка, рядом лежали железные нож, шило и игла, в могиле также были найдены два пряслица и бронзовое колечко [Коровина, 1987б, с. 17].

Могила 136, датированная тем же временем, также содержала вытянутый на спине костяк длиной 160 см, лежавший головой на восток. Около запястья правой руки лежали бронзовое зеркало и чернолаковая чаша на высокой ножке, около висков – бронзовые височные кольца с «пирамидками» на концах, на пальцах были надеты перстни (один серебряный и три бронзовых), в ногах стояли кувшин с «полосатым» орнаментом, миска и скифос с орнаментом в виде полос и меандра, здесь же были обнаружены кости барана. Примечательной особенностью этого интересного погребения является найденная под зеркалом лепная кружка с биконическим туловом [Коровина, 1987б, с. 17, рис. 12, 14].

Могила 145 некрополя Тирамбы, относящаяся к началу V в. до н.э., содержала

парное погребение. Около женского костяка были найдены бронзовые украшения и небольшая пиксида [Коровина, 1987б, с. 15, рис. 11, 2], возле мужского – железный меч-акинак [Коровина, 1987б, с. 19].

С конца VI в. до н.э. вокруг таких центров Азиатского Боспора, как *Фанагория*, *Гермонасса*, *Горгиппия* и *Кепы*, начали формироваться курганные некрополи местного населения, содержавшие греческие вещи [Паромов, 2002, с. 192 сл.; Алексеева, 1991, с. 56 сл.].

Даже краткий обзор погребальных памятников, связанный с начальным периодом существования греческих центров Боспора, показывает, что погребальные сооружения этого времени были достаточно просты и непритязательны. В могилу в качестве сопутствующего инвентаря могли помещать дорогие привозные сосуды, однако в большинстве случаев инвентарь был достаточно скромным. Уже в этот ранний период в обряде появляются черты, которые достаточно длительное время рассматривались как результат влияния негреческой, варварской традиции – скорченное положение погребённых, обычай класть в могилы оружие, амфоры, заупокойную пищу, использование сырцового кирпича и другие особенности. В целом же погребальный обряд и инвентарь не позволяют выделить хотя бы гипотетически для доархеанактидовского времени пласт погребений, который можно было бы соотнести с элитой боспорских городов. Конечно, можно рассуждать об относительном «богатстве» инвентаря того или иного погребения, как правило, совершённого на том же участке, где совершались и более «скромные» захоронения, или же о «богатстве» некрополя одного греческого поселения по сравнению с некрополем другого. Но не более того! Несомненно, изначально в каждом греческом центре Боспора существовала группа людей, принадлежавших к верхушке общества, составлявших его элиту. Эти люди могли отличаться благосостоянием, выделяться благородством происхождения, обладать навыками и талантами (или же обладать одновременно всеми этими качествами), позволявшими им занимать высокое общественное положение. Однако высокий социальный статус элитных групп боспорского общества не нашёл отражения в тех захоронениях, которые дошли до наших дней, той погребально-поминальной обрядности, которую мы в состоянии реконструировать на основании имеющихся в нашем распоряжении артефактов. На общем фоне материалов, с которыми мы можем оперировать, достаточно условно определяемое «богатство» тех или иных погребальных комплексов не может служить надёжным критерием; для этой эпохи обилие/разнообразие материала часто являлось отличительной особенностью, прежде всего женских и детских погребений.

Мы склоняемся к тому, чтобы относить к элитным ряд погребений группы захоронений с сожжением, в первую очередь те, где в качестве урн были использованы дорогие расписные сосуды (некрополи Пантикапея и Нимфея). Однако приходится признать, что это не более чем предположение.

Если мы сравним комплексы ранних боспорских некрополей с материалами из

некрополей других греческих городов Северного Причерноморья, то мы и там не сможем выделить «пласт» элитных погребений. Наиболее хорошо изученным является *архаический некрополь Ольвии*, самой значительной греческой колонии Северо-Западного Причерноморья [Козуб, 1974; Скуднева, 1988]. Первой и, на наш взгляд, наиболее интересной особенностью архаического Ольвийского некрополя, отличающей его от некрополя Пантикапея, является отсутствие «ярких» комплексов трупосожжений. Кремации фиксируются в Ольвии лишь с V в. до н.э., причём захоронения по этому обряду составляют незначительную группу погребений [Козуб, 1974, с. 18, 31 сл.].

Грунтовые же могилы Ольвии по сравнению с известным нам ранним пластом боспорских погребений выглядят, пожалуй, более интересными, «богатыми», а также более «перспективными» с точки зрения выявления захоронений, принадлежавших представителям верхней прослойки местного общества. Типы могильных сооружений, при всей их скромности, имеют более широкий набор индивидуальных особенностей [Скуднева, 1988, с. 9 сл.]. Погребальный инвентарь целого ряда ольвийских могил отличается «богатством» и разнообразием. Так, например, грунтовая могила 232, датированная последней четвертью VI в. до н.э., содержала захоронение в деревянном саркофаге. Кроме столовой керамики и амфор, здесь был обнаружен целый набор золотых и серебряных украшений [Скуднева, 1988, с. 148–150]. В другой грунтовой могиле 64 было найдено около 20 сосудов, в основном дорогих привозных [Скуднева, 1988, с. 118–122, кат. 182]; из этого комплекса также происходят золотые украшения, «ольвийское» зеркало и алабастровая «курильница» [Фармаковский, 1914а, табл. IV, нижний ряд; VI, 2; Скуднева, 1988, с. 121, кат. 182]. Могила 7 также содержала набор дорогих сосудов и золотые украшения [Скуднева, 1988, с. 50–53]. Ничего подобного пока не удастся обнаружить в древнейших некрополях даже самых значительных боспорских центров, например, в могилах Пантикапея или Нимфея. Для Ольвийского некрополя, так же как и для синхронного пласта ранних боспорских погребений, известны захоронения с оружием [см., например: Скуднева, 1960; 1988, с. 68, кат. 85; с. 80, кат. 116; с. 101, кат. 150; с. 159, кат. 243], изделия в «зверином стиле» [например, Скуднева, 1988, с. 55, кат. 55]. Интересной особенностью Ольвийского некрополя являются находки каменных блюд, подобные которым встречаются в составе инвентаря скифских курганов лесостепи [Скуднева, 1988, с. 31–32]. Таким образом, при несомненном греческом облике раннего Ольвийского некрополя в его обряде и инвентаре также присутствуют «варварские» черты.

В дальнейшем мы попытаемся понять, изменился ли облик погребений боспорских городов с течением времени, появились ли в эпоху Археанактидов какие-либо черты погребального обряда, позволяющие выделить захоронения боспорской элиты. И в целом – какие изменения по сравнению с предшествующим, «постколониационным», доархеанактидовским временем можно обнаружить в материалах боспорских некрополей.

1.4. Археанактиды

Об Археанактидах и их правлении на Боспоре мы можем судить на основании единственного свидетельства – отрывке из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского [XII. 31. 1], в котором сообщается о том, что в 438/37 г. до н.э., когда «в Азии исполнилось 42 года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами, царскую власть получил Спарток и правил 7 лет» (пер. В.В. Латышева). Из этого пассажа следует, что начало правления Археанактидов можно относить к 480/79 г. до н.э. Как полагал М.И. Ростовцев, Диодор имел в своём распоряжении источник, подробно рассказывающий об истории Боспора, хронограф – список имён боспорских правителей, причём «в списке, лежавшем перед глазами Диодора, намечены были не только первые архонты Боспора, но и позднейшие, вероятно, вплоть до времени автора списка [Ростовцев, 1925, с. 125]. Хрестоматийным стало и предположение М.И. Ростовцева о том, что в основу труда Диодора был положен «местный исторический труд .., инспирированный Евмелом или кем-нибудь из его прямых потомков» [Ростовцев, 1925, с. 126], т.е. произведение, по всей вероятности, «заказанное» верховной властью Боспорского государства в период наибольшего его расцвета и могущества, которого оно достигло в IV в. до н.э.⁶ Несомненно, и о блестящей эпохе Спартокидов, и о представителях этой династии, в течение веков правившей на Боспоре, мы знаем несоизмеримо больше, чем о несколько загадочных Археанактидах⁷. В нашем сознании сравнительно краткая эпоха правления последних выступает в некоторой «оппозиции» к эпохе Спартокидов. Вероятно, это представление, в частности, отражено и в периодизации, разработанной А.А. Завойкиным для политической истории Боспорского государства V–II вв. до н.э. [Завойкин, 2014, с. 39 сл.]. Согласно этой периодизации, первый выделенный автором период, начавшийся в 480/79 г. и оканчивающийся около рубежа V–IV вв. до н.э., сводится к одному, 1 этапу, содержанием которого названа «пантикапейская (полисная) тирания» [Завойкин, 2014, с. 40-41]. Даже на подсознательном уровне, опираясь на общие представления об историческом развитии Боспора и современные данные археологии, совершенно очевидно, что и характер правления, и облик Боспорского государства (территориальный, хозяйственный, культурный), векторы основных экономических и политических связей и пр. во времена правления династии Спартокидов носили несколько иной (а иногда и совершенно иной) характер. Однако и преемственность между двумя этими эпохами – Археанактидов

---

⁶ Такое внимание к прошлому и желание увековечить славные или значимые моменты истории весьма характерны для держав, переживающих периоды экономического подъёма, часто совпадающего с ростом «национального самосознания» и стремления его элиты к самоидентификации. Вспомним в этой связи хотя бы о «заказе» многотомной «Истории государства Российского», предложенном императором Александром I Н.М. Карамзину.

⁷ По справедливому замечанию, оброненному некогда Д.А. Мачинским, «Об Археанактидах мы достоверно знаем только то, что они были».

и Спартокидов – не вызывает сомнений, «время Археанактидов» сменило «время Спартокидов» и имена правителей, пришедших к власти в начале каждой из этих эпох, последовательно отражены в дошедшем до наших дней источнике.

Располагая столь скудными данными письменной традиции, учёные постоянно предпринимают попытки приблизиться к пониманию того, что же представляли собой ранний Боспор и его правители⁸. Пытаясь реконструировать конкретно-историческую ситуацию, они обычно используют два основных метода: 1) привлекают данные, почерпнутые из других литературных свидетельств, освещающие историю политической борьбы и формы правления, существовавшие в других центрах греческого мира в эпоху поздней архаики, обращаясь в поисках параллелей как к истории Афин, так и других центров, например в Малой Азии, где располагался Милет – метрополия большинства колоний Северного Причерноморья, 2) на основании археологических источников пытаются предложить реконструкцию ситуации, сложившейся в Боспорском регионе на рубеже первой-второй четвертей V в. до н.э. Справедливо полагая, что появление «первых известных нам правителей» свидетельствует о некоей консолидации и концентрации политической власти, исследователи пытаются ответить на вопрос, чем же могло быть вызвано возникновение «правления Археанактидов», на какой «вызов» вынуждена была ответить молодая боспорская элита?

Среди проблем, которые приходится решать учёным, обратившимся к проблеме боспорских Археанактидов, можно выделить несколько вопросов, привлекающих наиболее пристальное внимание. Самым важным, несомненно, является вопрос о форме, в которую была облечена власть этих правителей. Как справедливо отмечал ещё В.В. Шкорпил [1918, с. 56], выбор исследователей невелик – обычно они колеблются между олигархической и тиранической формами правления⁹. Ю.Г. Виноградов, разработавший гипотезу о военной симмахии, сложившейся на берегах Киммерийского Боспора, а затем сменившейся тиранией Археанактидов [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 440 сл.], писал и о том, что правление «Археанактидов не могло взойти на почве демократии» [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 77]. Е.А. Молев полагает, что изначально власть Археанактидов была определена полисными законами, однако вскоре превратилась в тиранию [Молев, 2003, с. 134]. В настоящее время системы взглядов в пользу тиранической формы правления Археанактидов наиболее последовательно и аргументированно изложены в работах А.А. Завойкина [2001, с. 153; 2011, с. 291–299; 2014, с. 40 сл.], а также С.Ю. Сапрыкина [2003, с. 19].¹⁰

⁸ Подробнее об эволюции гипотез о происхождении боспорских Археанактидов см. Чурекова, 2012, с. 146 сл.

⁹ Обзоры существующих точек зрения см. Виноградов, 2002; Завойкин, 2013 с. 22–48; 2014.

¹⁰ Существуют и компромиссные точки зрения, предлагающие, например, видеть в правлении Археанактидов тиранию, формально облечённую в форму амфиктонии – религиозного союза, сложившегося на основе некоего «раннего боспорского объединения» под эгидой Пантикапея [Борисова, 2006, с. 16–17, 24–25].

Толстикова, 2015, с. 477 сл.] Таким образом, «речь в боспорском первоисточнике шла о том, что Боспором 42 года правили власти/магистраты, восстановившие прежний порядок жизни»; привлекая археологические данные о дестабилизации этнополитической ситуации в районе Боспора в первое двадцатилетие V в. до н.э., автор этой интересной идеи приходит к небезосновательному убеждению, согласно которому «в 480 г. до Р.Х. на Боспоре было что восстанавливать» [Шелов-Коведяев, 2014, с. 62]. Вместе с тем, не говоря уже о чересчур усложнённом подходе к «исправлению ошибок» письменного источника, достаточно трудно, на наш взгляд, представить себе этих «магистратов-восстановителей», в течение почти полувека занимавшихся «восстановлением порядка» (какого?) на Боспоре. Столь же сложно представить себе и то, что «именно они вручили власть родоначальнику тиранической династии Левконида Спартоку I» [Шелов-Коведяев, 2014, с. 63]. Позже Ф.В.Шелов-Коведяев, развивая эту гипотезу, предположил, что «новые ктисты» были группой лиц, повторно, заново, основавшей Пантикапей. Эта группа, по его мнению, должна была состоять из потомков аристократических родов, прибывших из метрополии, причём природа их власти коренилась в том высоком статусе, которым, по традиции, обладал *ойкист* [Шелов-Коведяев, Толстикова, 2015, с. 476–477]. Эта гипотеза, достаточно остроумная и интересная, все же, на наш взгляд, вызывает достаточно много возражений.

Предлагавшиеся «традиционные» системы взглядов о возможной тиранической или олигархической форме правления Археанактидов, равно как и о том, что за этим именем стояли вполне реальные потомки первых греческих переселенцев, гораздо более соответствует нашим представлениям о жизни и политическом устройстве греческих полисов в позднеархаическое и раннеклассическое время. К сожалению, в нашем распоряжении имеются довольно немногочисленные свидетельства о том, в чьих руках была сосредоточена власть в метрополии большинства боспорских колоний – Милете – в эпоху его колонизационной активности. Однако, скорее всего, там имела место олигархическая форма правления, многие традиции которого сохраняли и пришедшие к власти тираны [Robertson, 1987, p. 398].

Исходя из «контекста эпохи», из того, что мы знаем о формах государственности в Древней Греции архаического и классического времени, вряд ли есть повод подвергнуть хотя бы малейшему сомнению «благородство происхождения» Археанакта и его потомков. Пожалуй, это единственное положение, которое не оспаривается никем из исследователей. Еще В.В. Шкорпил называл Археанактидов выходцами из старинных аристократических семейств [Шкорпил, 1918, с. 55–56]. Широко известна гипотеза С.А. Жебелёва, напрямую связывавшая боспорских Археанактидов с родом Археанактидов, засвидетельствованным в Милете [Жебелёв, 1930, с. 817 сл.; 1953, с. 70]. Ему возражал В.Д. Блаватский, считавший, что это «не более, чем предположение», и полагавший родство боспорских Археанактидов со знатным родом Археанактидов из Митилены [Блаватский, 1954, с. 37–38]. Опираясь на сведения Страбона об Археанакте Митиленском [Strab. XIII. 1. 38] и сопоставив эти данные

со свидетельством Евстафия об основании Гермонассы митиленцами [Eust. Comm. ad Dion. Per. 549], виднейший советский боспоровед высказался в пользу «главенства» этого центра над азиатской частью Боспора¹¹. В.Ф. Гайдукевич полагал, что Археанакт, родоначальник первой известной боспорской «династии», «... был *ойкистом*, т.е. главой первого отряда милетских переселенцев, основавших колонию Пантикапей. Во всяком случае, род Археанактидов, ведущий своё происхождение из Милета, несомненно играл руководящую роль в жизни милетской колонии Пантикапея» [Гайдукевич, 1949, с. 43–44].

Ещё один немаловажный вопрос, привлекающий внимание исследователей, это вопрос о «территории Археанактидов», вопрос о том, где была резиденция первых известных нам правителей Боспора, на какие центры распространялась их власть? В настоящее время представляется достаточно очевидным, что к 480/79 гг. до н.э. Боспорское государство не имело того «завершённого» вида, какой оно обрело, скажем, во второй половине IV в. до н.э., что целый ряд важнейших центров (таких, например, как Нимфей, Феодосия на Европейском Боспоре и Фанагория, Кепы и Гермонасса на Азиатском) оставался самостоятельным. В отношении т.н. «малых» городов Боспора, таких как Мирмекий, Порфмий, Парфений, Тиритака, исследователи предлагают разные точки зрения, от признания их появления в результате процесса «внутренней колонизации» [Виноградов, 1993а, с. 68; 2005а, с. 221–223; Сапрыкин, 2006, с. 180–181] и вхождения изначально в состав пантикапейского полиса до гипотезы об их основании как независимых полисных центров [см., например: Кузнецов, 2000в, с. 31–32; 2001, с. 247–248; Зубарь, Зинько, 2006, с. 16]. Несомненным представляется одно – говорить о Боспоре как о территориальной державе можно лишь для периода правления Спартокидов, возможно, начиная с восшествия на престол Левкона I в 393/392 г. до н.э. [Завойкин, 2013, с. 394 сл.].

Как известно, в сообщении Диодора говорится о том, что Спартокиды получили власть после того, как Археанактиды правили «в Азии». Многие исследователи отмечали противоречие в тексте источника, так как ниже отдельно оговаривается переход к описанию событий «в Азии» [обзор мнений см.: Завойкин, 2011а, с. 294 сл.]. Сейчас большинство учёных склонны видеть основной резиденцией Археанактидов Пантикапей. А.А. Завойкин считает эту точку зрения наиболее вероятной, исходя из преемственности власти, которая после краткого правления Археанактидов перешла к Спартокидам (столицей которых, безусловно, был Пантикапей) [Завойкин, 2011а, с. 294]. Приверженцем точки зрения о возможном пребывании Археанактидов в Гермонассе остаётся Ю.А. Виноградов, обративший внимание на расцвет Гермонассы в V в. до н.э., о котором свидетельствуют данные археологии [Виноградов Ю.А., 2005, с. 260–261, там же см. литературу по проблеме сложения объединения Археанактидов на азиатской части Боспора]. Напомним, что буквальное следование тексту Диодора опиралось, в частности, на тот факт,

¹¹ Подробнее о концепции В.Д. Блаватского см. Завойкин, 2013, с. 26–27.

что источники упоминают Археанакта Митиленского, известного как основатель Сегеи, а Гермонасса была основана митиленцем Семандром [Виноградов, 2005а, с. 261; Завойкин, 2011а, с. 295]. По мнению Ю.А. Виноградова, «вероятность того, что именно Гермонасса стала центром симмахии Археанактидов, нельзя считать абсолютно невозможной» [Виноградов, 2005а, с. 261]. В пользу того, что «митиленская версия» происхождения Археанактидов наряду с «милетской» также имеет право на существование, высказалась и Н.Б. Чурекова [Чурекова, 2012; 2014]. Исследовательница полагает, что представители рода Археанактидов, скорее всего, оказались на Боспоре в самом начале VI в. до н.э., причём целый ряд соображений, по её мнению, свидетельствует в пользу того, что они первоначально обосновались и возвысились в азиатской части Боспора, и лишь позже их потомки распространили своё влияние на Пантикапей [Чурекова, 2014, с. 179–180].

Для того, чтобы приблизиться к пониманию, кем же были (или могли быть) Археанактиды, 42 года правившие на Боспоре, и их родоначальник Археанакт, возможно, стоит обратиться к тем данным о греках–основателях поселений на новых землях, которые дошли до наших дней [обзор основных направлений в изучении этой глобальной проблемы на современном этапе см.: Tsetskhladze, 2006].

Отмечено, что в разработке концепций, связанных с пониманием такого сложного и многогранного явления, как греческая колонизация (развитие отдельных вопросов в русле этих концепций), решающую роль играют данные античной письменной традиции, освещающей фундаментальные факты, касающиеся основания колоний [Graham, 1971, p. 36–38]. Однако данные археологии также постоянно привлекаются исследователями.

«Агональный», соревновательный характер греческой культуры, наиболее полно проявившийся в VI–V вв. до н.э. [Андреев, 1998, с. 186 сл.], во многом способствовал превращению греков в «вечных мореплавателей» и неутомимых путешественников. Весьма характерно, что предводителем одной из ранних групп афинских колонистов был победитель Олимпийских игр Фринон [Herod., V, 94; Strab. XIII, 599; см.: Graham, 1982², p. 121].

Не случайно в это время столь широкую популярность получают поэмы Гомера, сказания о героях, многие из которых, как, например, Геракл или Тесей, совершали славные подвиги в дальних странах [Fox, 2008, p. 30 сл.], достигая в своих путешествиях границ ойкумены [Gantz, 1993, p. 123 сл.].

Известно, что большинство греческих колоний были основаны в достаточно короткий отрезок времени в результате экспедиций, организованных метрополиями, под руководством определённого человека, предводителя экспедиции, архегета или *ойкиста* (named individual), имя которого сохранилось в письменных источниках и «декретах основателей» [Monmark, 2007, p. 171]. Полагают, что в обязанности *ойкистов* входила организация общественного и хозяйственного уклада основанного поселения, причём важнейшую роль в освоении новых земель играла организация культовой практики. Утверждение культа божества рассматривалось как принци-

Античная письменная традиция (сообщения древних авторов и эпиграфические источники) донесла до нас свидетельства о таких предводителях, *ойкистах*, лидерах и организаторах групп греческих переселенцев. Полагают, что, особенно в раннее время, *ойкист* должен был обеспечивать на новом месте развитие основных направлений политики, государственного устройства, организацию отправления культов, присущих метрополии. Мы знаем о том, что в роли *ойкистов* часто выступали сыновья знаменитых тиранов (Кипсела, Писистрата) [Graham, 1964, p. 30–34], которые, несомненно, могли быть надёжными «проводниками» политики метрополии. О подробностях колонизационной практики эпохи архаики наиболее полно можно судить на примере основания Кирены в Ливии и снаряжения с этой целью экспедиции из Феры. Для этого эпизода мы располагаем достаточно редким случаем, когда подробное сообщение историка находит соответствие в тексте эпиграфического источника, обнаруженного в XX веке. Рассказ Геродота [Herod. IV. 150-156] повествует о жителе Феры–Батте, который, по указанию Дельфийского оракула, был избран предводителем и царём переселенцев. Свидетельства об обращении Батта к Дельфийскому оракулу содержат и Пифийские оды Пиндара [Pind., Pyth. 4. 5; подробнее см.: Richards, 2011, p. 1-2]. Примечательно, что по одной из версий [Herod. IV. 154-156] Батт был не только выходцем из знатной семьи – по материнской линии его происхождение восходило к царскому роду. Свидетельство Геродота дополняют данные т.н. «стелы основателей» – уникального документа, высеченного на мраморной стеле, обнаруженной в Кирене [об истории изучения см.: Яйленко, 1982, с. 61 сл.]. Памятник этот принадлежит к так называемым «декретам основателей» [Graham, 1964, p. 40 сл.]. Хотя, по мнению исследователей, язык текста этого документа не может полностью принадлежать VII в. до н.э. (эпохе, когда была основана Кирена), по-видимому, в его содержании отражён аутентичный документ, подвергшийся позднейшей редакции [Graham, 1964, p. 41; Яйленко, 1982, с. 67]. Текст «стелы основателей» не только обнаруживает соответствия с текстом Геродота, называя Батта царём и предводителем колонистов, но и описывает практику «рекрутирования» участников экспедиции и будущих колонистов (от каждого дома предписывалось брать по одному сыну, причём в число колонистов должны входить только свободные граждане).

Для того, чтобы задуманная экспедиция, связанная с преодолением трудностей путешествия и освоения новой территории, увенчалась успехом, во главе предприятия должен был стоять человек, наделённый незаурядными качествами, среди которых стоит назвать решительность, силу воли, способность нести ответственность, авторитет в социуме, и, что немаловажно, обладать тем, что сейчас принято называть «харизмой». Огромную роль играло и происхождение. Один из основателей Милета, Нелей, по преданию, был сыном афинского царя Кодра (Paus. VII. 11. 6). Павсаний, сообщивший, что он увёл за собой на чужбину «добровольцев из афинян», но основную часть его сподвижников составляли ионяне, упоминает о том, что это был третий морской поход из Эллады, которыми руководили цари, бывшие другого происхождения, чем тот народ, который следовал за ними (Paus. VII. 11. 2). Другой сын

вынуждено удовлетвориться ролью советника и контролёра», однако очень скоро «жреческая община перехватила инициативу посредством установления тесных связей с крупными торговцами-капитанами кораблей» [Козловская, 1990, с. 33].

Историки, следуя известному сообщению Геродота (*Herod. V. 42. 2*), отмечают существование обычая, предписывающего во время подготовки «колониальных экспедиций» обращаться за советом к оракулам. В материковой Греции самый почитаемый был в Дельфийском святилище, для Ионии – в Дидимах. Некоторые исследователи, правда, не считают эту практику обязательной в каждом конкретном случае, особенно для VIII–VII вв. до н.э. Однако многие полагают, что, по крайней мере, с начала VI в. до н.э. (т.е. в период ионийской колонизации Боспора) обращение к оракулу было достаточно распространённым явлением [Graham, 1964, p. 25, ссылка 3; Кузнецова, Чурекова, 2007, с. 36 сл.]. Вероятно, жречество, связанное со знаменитыми храмами, располагало информацией о дальних землях и могло играть значительную роль как в определении колониальной политики того или иного полиса, так и снабжать ценными данными отдельные группы колонистов и их предводителей [Graham, 1964, p. 26-27].

Мы знаем, что главным культом многих городов Северного Причерноморья, основанных под эгидой Милета, был культ Аполлона, игравший главную роль в метрополии. И.Е. Суриков на примере афинского рода Алкмеонидов показал связь знатных семейств со святилищем Аполлона в Дельфах [Суриков, 2000, с. 41 сл.]. Ионийские центры поддерживали тесную связь с храмом Аполлона в Дидимах. Из Милета в святилище вела знаменитая «священная дорога», вдоль которой в архаическое время были установлены скульптуры, многие из которых, судя по дошедшим до нас надписям, являлись посвятельными дарами аристократических семей [Jeffery, 1978, p. 211]¹².

Как полагают исследователи, в колониях культы божеств, чтимых в метрополиях, утверждались достаточно быстро [Polignac, 1995, p. 98–100]. Существует мнение, что традиция греческого теменоса – это традиция сельского святилища, созданная общинами, пережившими катаклизмы миграционного периода «тёмных веков» Греции, в развитии которой приняли участие мигрирующие группы населения, вынужденные селиться на новых территориях [Семина, 1992, с. 9]. Бесспорно, совершение ритуалов, жертвоприношений, организация процессий к местам их проведения служили и идеям единения коллектива граждан, как бы конституировали ритуальное сообщество [Семина, 1996, с. 127].

Для греческого общества характерна посмертная героизация основателей

---

¹² В другое знаменитое в ионийском мире святилище Геры на о. Самос также вела «священная дорога», по сторонам которой возвышались монументальные скульптуры. В них исследователи видят посвятельные дары знатных и уважаемых семейств Самоса; существует мнение, что эти скульптуры являлись изображениями вполне конкретной семьи из шести человек, причём одно из изваяний принадлежало женщине [Cook, 1963, p. 102-103, fig. 31].

ка зрения о связи рода Археанактидов с чеканкой серебряной монеты с надписью АПОΛ, имевшей хождение во второй четверти – середине V в. до н.э. и, выпуск которой, возможно, связан с т.н. «храмовой чеканкой» Пантикапея [Виноградов, 2002, с. 188], представляется нам заслуживающей внимания, несмотря на возможные контраргументы [см., напр.: Завойкин, 2013, с. 45-46; 55-56]. Таким образом, мы не можем отказаться от достаточно традиционного подхода, в рамках которого Археанакт, вероятно, был представителем аристократического рода, *ойкистом* ранней «колониционной экспедиции». Возможно, он (и/или представители его рода) были владельцами одного или нескольких кораблей, использовавшихся для осуществления колониальных экспедиций. Не исключена возможность и того, что он был вынужден покинуть родину вследствие поражения (или ввиду бесперспективности борьбы) его группировки в острой внутривосточной политической борьбе и отправиться «искать счастья» на новых землях. Вероятно, в его руках изначально была сосредоточена определённая власть в организации социальной и политической жизни нового поселения, а также отправление культа Аполлона (а, возможно, и других культов). Его потомки, по-видимому, сохранили лидирующее положение в новой общине и приумножили свое благосостояние. Исследователи справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что правителями Боспора они были признаны лишь через несколько поколений после основания первых греческих поселений региона. Как представляется на современном этапе наших знаний об истории Боспорского государства, их приходу к власти могли способствовать вполне конкретные причины, на которых мы остановимся ниже.

1.5. Ситуация на Боспоре к моменту прихода к власти Археанактидов

На страницах научной печати неоднократно отмечалось, что ситуация, сложившаяся на Боспоре к 480 г. до н.э., характеризовалась целым рядом кардинальных перемен как во внешней, «мировой» политике, так и в жизни греческих поселений на берегу Боспора Киммерийского. Также отмечалось, что перемены эти носили в основном негативный характер [Толстиков, 1984, с. 30–32; Виноградов, 2005а, с. 239 сл.; Завойкин, 2013, с. 49 сл.].

Как известно, связи, устанавливающиеся между колониями, основанными выходцами из ионийских центров, и метрополиями, отличались различной степенью близости. В ряде случаев поселения, удалённые от метрополии, выступали «проводниками» её политики, воссоздавая, в частности, близкое подобие её социально-политического устройства, получая «руководящие» указания «из центра»; жители колоний продолжали считаться гражданами метрополии, сохраняя все вытекающие из этого права, и пр. На основании имеющихся у нас данных трудно судить о политических отношениях между Боспором и Ионией, между Пантикапеем и Милетом на раннем этапе освоения греками Северо-Восточного Причерноморья. Однако можно предположить, что ионийские колонии в этом регионе были в силу своей удалён-

ности достаточно самостоятельными в сфере политического устройства и, скорее всего, более следовали традициям, нежели указаниям, которые могли бы поступать из далёкой метрополии. Во многих случаях отношения с метрополией могли носить номинальный характер, лучше всего проявляясь в осознании духовной связи с родиной предков и отражаясь, прежде всего, в сфере культовой практики. Археологические материалы позволяют говорить также о достаточно интенсивных экономических связях между поселениями Боспора и греческими центрами Малой Азии в архаическое и раннеклассическое время: во время раскопок слоёв и комплексов, принадлежавших к этому периоду, среди импортной продукции преобладают изделия (прежде всего, образцы тарных амфор и столовой посуды), вышедшие из мастерских городов северной и южной Ионии и Эолии. Духовная связь с метрополией также нашла отражение в материальной культуре, проступая в убранстве и, по-видимому, внешнем облике возводимых храмов. Характерно, что при сооружении первых алтарей и храмов на новых территориях греческие колонисты, как правило, ориентировались на наиболее чтимые святилища метрополии, как бы «воспроизводя» их облик. Так, например, храм Афродиты на Березани, датированный концом VI – началом V вв. до н.э. и представлявший собой антовый храм с портиком открытого типа, близок по своим пропорциям архаическому храму Афины на Калабак-Тепе в Милете. Как полагает С.Д. Крыжицкий, храм на Березани отличается от него лишь размерами [Крыжицкий, 2012, с. 18–19]. Этой же традиции причерноморские греки следовали, вероятно, и в убранстве других храмов и святилищ.

В 1983 г. в окрестностях Фанагории была случайно найдена часть скульптуры, выполненной из местного известняка, – голова женского божества в уборе в виде колпака или шлема с подшлемником [Савостина, 2012, 171 сл., рис. 127–128]. Вероятно, статуя представляла Афину. Е.А. Савостина датировала памятник позднеархаическим временем и в качестве ближайших стилистических аналогий привела скульптурные находки из святилищ в Дидимах и Милете [Савостина, 2012, рис. 129, 130].

А.В. Буйских, изучившая находки каменных архитектурных деталей последней четверти VI в. до н.э. из раскопок Ольвии, Борисфена, Пантикапея, а также обломки архитектурной терракоты, пришла к выводу о том, что практически все они находят «абсолютные аналогии» в Милете. Более того, исследовательница полагает, что для культовой архитектуры Северного Причерноморья второй половины VI в. до н.э. характерен стандартный набор декоративных элементов ионического ордера, поступавших из одного или нескольких центров, объединённых единой школой. Это позволило прийти к выводу о наличии «типового проекта» в культовом строительстве этого времени, «эталонным памятником», вероятно, был храм Афины на Калабак-тепе в Милете. А.В. Буйских также пришла к выводу о существовании постоянного импорта новых архитектурных деталей из метрополии, «причём ордерные формы переносились в колонии именно в том виде, в каком они были в метрополии» [Буйских, 1997, с. 23–24]. В высшей степени показательным, что во второй четверти

V в. до н.э. ситуация кардинальным образом изменилась. Сооружения этого времени во всех северопричерноморских центрах объединяет применение традиционного ионийского ордера, однако появляются новые стилистические признаки, наиболее ярко проявившиеся в архаизации ордерных форм. По-видимому, в это время в Северное Причерноморье временно прекращается ввоз новых архитектурных деталей, а также не доходят и новые архитектурные идеи и тенденции, сюда также перестают регулярно приезжать архитекторы из метрополии [Буйских, 1997, с. 24–25].

Для конца VI – начала V вв. до н.э. исследователи отмечают существование местного производства керамики и, возможно, терракотовых статуэток, изготовлявшихся по ионийским образцам в Пантикапее [Марченко, 1967, с. 146 сл.] и Фанагории [Цветева, 1977, с. 21–23]. Позже эта традиция оборвалась, вероятно, в результате поражения ионийских центров Малой Азии и временного их ухода с «мирового рынка».

Однако гораздо более опасной и тревожной была ситуация, сложившаяся в Северном Причерноморье и непосредственно угрожавшая существованию греческих колоний. Исследователи полагают, что эта ситуация была достаточно глобальной и знаменовала собой начало новой эпохи в истории региона. Последние десятилетия VI – начало V вв. до н.э. А.Ю. Алексеев считает рубежом, разделявшим две археологические культуры Скифии – древнюю и новую (классическую). В это время складывается новый вещевой комплекс, формирование которого, по-видимому, связано с проникновением на эти территории с востока новой группы кочевников. Время с первой по третью четверть V в. этот исследователь предлагает считать периодом становления нового скифского общества, для которого были характерны междоусобицы и враждебные отношения с греческими центрами [Алексеев, 1992, с. 7, 118 сл.]. Согласно периодизации, разработанной Ю.А. Виноградовым и К.К. Марченко для истории Северного Причерноморья скифской эпохи, время с начала второй четверти до последней трети V в. характеризуется усилением кочевого скифского элемента, не всегда миролюбиво настроенного по отношению к античным центрам [Виноградов, Марченко, 1991, с. 149–151; Виноградов, 2009б, с. 72–73]¹⁴.

Неясно, было ли это «давление степи» на греческие поселения прямым следствием «вторжения» новой волны кочевников с востока [Виноградов, 2009б, с. 27 сл.], или же результатом нарушения каких-то старых связей и договоренностей между

---

¹⁴ Было бы небезынтересно соотнести смену власти на Боспоре, «кризис» V в. до н.э. с событиями династической истории Скифии. Однако, как отмечает А.Ю. Алексеев, предпринявший попытку синхронизировать деятельность скифских царей и правителей Боспора, точная хронология правления царей Ариапифа, Скила и Октомосада устанавливается с большим трудом [2003, с. 220–221]. Тем не менее, всё же есть основания предположить, что гибель Ариапифа произошла в интервале 475–460 гг., а Скила – 460–440 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 224, Alekseev, 2005, p. 45, 47]. Возможно, смена правителей кочевой империи (происходившая в условиях кровавой борьбы) выступала в качестве одного из важнейших факторов, нарушавших систему связей и договоренностей, сложившихся между представителями варварской и боспорской элиты. Это могло привести к нарушению хрупкой стабильности, которой удалось достичь на берегах Киммерийского Боспора первым греческим переселенцам.

элитой греческих колоний и верхушкой кочевой орды, вызванной «перedelом сфер влияния» в степной зоне. Это нарушение стабильности в развитии греческих центров региона нашло яркое отражение в данных археологии. Для района Киммерийского Боспора эти свидетельства были собраны и проанализированы достаточно широко и основательно [Толстиков, 1984, с. 30 сл.; Виноградов, 2005а, с. 239 сл.; Завойкин, 2004, с. 93 сл.; Завойкин, 2013, с. 49 сл.]. К числу археологических свидетельств «кризиса первой половины V в. до н.э.», как его называет А.А. Завойкин [2014, с. 49], точнее, первой трети этого столетия, справедливо относят следы пожаров и разрушений, выявленные в Нимфее, Мирмекии, Тиритаке, Порфмии. Примечательно, что дальнейшие исследования лишь уточняют и расширяют наши знания в этой области, так, например, масштабность разрушений подтвердили новейшие исследования Тиритаки, где слои пожаров и разрушений надёжно датированы первой четвертью V в. до н.э. [Зинько, 2014, с. 101, рис. 94]. На первый взгляд, ситуация, сложившаяся в азиатской части Боспора, представляется более стабильной по сравнению с той, которая сложилась на его европейской части, однако этому противоречат данные, которые постепенно накапливаются в результате археологических раскопок. Исследования последнего десятилетия постепенно и последовательно выявляют и здесь отчётливые следы пожаров и разрушений. Так, для Фанагории во второй четверти V в. до н.э. (до 470 г.) фиксируется засыпка подвалов и прекращение существования ряда строительных комплексов [Завойкин, 2013, с. 157–158]. Согласно наблюдениям А.А. Завойкина, разрушения прослеживаются в Фанагории и позже, практически на протяжении всего V в. до н.э. [Завойкин, 2004, с. 90 сл.]. Ранее было обосновано предположение о возведении здесь во второй половине V в. до н.э. мощных оборонительных стен [Кобылина, 1963, с. 136; 1969, с. 98–99; Горлов, 1986, с. 136]. Для Горгиппии установлены следы засыпки двух землянок во второй четверти V в. до н.э.; к концу этого столетия относится гибель в пожаре дома № 12 [Завойкин, 2013, с. 190–191]. В Кепях раскопки выявили достаточно большой дом с подвалами, содержащими склад хиосских и «протофасосских» амфор [Сокольский, 1973; 1975]. Этот дом, переживший во второй четверти V в. до н.э. первый пожар, был окончательно уничтожен в результате более глобальной катастрофы около середины столетия [Завойкин, 2013, с. 218]. К середине V в. до н.э. население покидает Торик, основанный в конце второй четверти – середины VI в. до н.э. у входа в Геленджикскую бухту [Онайко, 1980, с. 94]. Этому предшествовали пожары и разрушения, следы которых зафиксированы на рубеже VI – V вв. до н.э., причём в большом здании, остатки которого были изучены в Торике, на протяжении последнего строительного периода, по-видимому, были предприняты попытки укрепить стены и возвести подобие башни [Онайко, 1980, с. 64–65, 94].

Пожалуй, лишь Гермонасса демонстрирует в V в. до н.э. уверенное развитие. Раскопки показали, что с начала столетия городское строительство здесь становится более интенсивным, появляются новые наземные постройки. В 1969 г. был обнаружен цоколь мощной стены (до 5 м в длину), сложенный из камней различных пород,

плотно пригнанных друг к другу, относящийся к началу столетия; в это же время на месте землянок архаического времени строятся многокамерные дома [Финогенова, 2010, с. 513–514]. В 2001 г. был открыт дом площадью 56 кв. м с подвалами, выложенными сырцовыми кирпичами [Финогенова, 2010, с. 516]. Таким образом, исследования подтверждают высказанную ранее точку зрения о том, что с конца VI в. и на протяжении V в. до н.э. Гермонасса переживала период расцвета [Зеест, 1974, с. 92; 1977, с. 55].

Отмечена и тенденция к активному фортификационному строительству, характерному для многих греческих поселений V в. до н.э. [Виноградов, 2005а, с. 241]. Напомним, что в предшествующий период наиболее ранние фортификационные сооружения, известные не только для Боспора, но и для всего Северного Причерноморья, были открыты в Пантикапее [Толстикова, 2015б, с. 29], Мирмекии [Виноградов, 2008, с. 45, рис. 2; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 43, рис. 1, 1] и Порфмии [Вахтина, 2012, с. 26–28, рис. 4, 1]. Несомненно, эти ранние фортификационные сооружения, расположенные «цепочкой» к северо-востоку от Пантикапея вдоль Керченского пролива, были связаны не только с необходимостью защищать жителей отдельных поселений, но и представляли в целом единую оборонительную систему раннего Боспора, направленную против кочевников, группировки которых, по-видимому, достаточно регулярно пересекали пролив во время военных походов и сезонных миграций [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980]. Не так давно следы архаических фортификационных сооружений были открыты и на азиатской стороне Боспора. Исследования поселения Голубицкая 2 выявили здесь остатки рва шириной более 10 и глубиной 4–5 м, сооружение которого на основании керамических находок можно отнести ко второй трети VI в. до н.э. [Журавлев, Ломтадзе, Шлоцауэр, 2010, с. 559; Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014, p. 208–211, fig. 5]. Хотя фортификационные сооружения Голубицкой 2 значительно пострадали из-за современных сельскохозяйственных работ, можно предположить, что наличие здесь столь мощного рва предполагало и наличие земляного вала.

На V в. до н.э. приходится следующий этап возведения укреплений, вызванный усилившейся активностью кочевников. Остатки цоколя архаической оборонительной стены, сооруженной в конце первой – начале второй четверти V в. до н.э. были недавно выявлены при раскопках Парфения [Столяренко, 2013, с. 54–56, рис. 1]. Иногда новые стены возводились непосредственно после пережитых катастроф и потрясений, о которых свидетельствуют слои разрушений. Так, например, в Тиритаке в конце VI в. до н.э. после пожара, уничтожившего застройку на всей исследованной площади центральной и западной частей верхнего города, поверх разрушенных зданий возводится крепостная стена. В конце первой четверти V в. до н.э. здесь происходят новый пожар и новые разрушения, причём стены домов в кварталах, прилегающих к западному участку оборонительной стены «были просто утыканы бронзовыми наконечниками стрел» [Зинько, 2013, с. 61]. К концу первой трети V в. до н.э. относится новая оборонительная стена в Мирмекии [Виноградов, 2005а, с. 241]. В этой связи стоит вспомнить и о Тиритакском вале, достигавшем 25 км в длину. Даже если его

строительство датируется сабаатиновским временем [Масленников, 2003, с. 215], по-видимому, в связи с нарастающей угрозой со стороны кочевников, именно к V в. до н.э. можно отнести его возобновление [Новичихин, 2014а, с. 106]. Вероятно, был возобновлён и более западный и протяженный Аккосов вал [см.: Виноградов, 2005а, с. 243]. В V в. до н.э. оборонительная стена возводится вокруг Фанагории – крупнейшего греческого центра на Азиатском Боспоре [Кобылина, 1969, с. 98–99; Кузнецов, 2010, с. 445]. М.М.Кобылина полагала, что эта стена ограждала «город со стороны степи, от набегов враждебных соседей» [1969, с. 98].

Однако наиболее выразительную картину дестабилизации, отразившуюся в археологических материалах, на наш взгляд, дают исследования Пантикапея – самого крупного и, вероятно, самого значительного греческого поселения Европейского Боспора этого времени. Согласно периодизации, разработанной для этого памятника В.П. Толстиковым, в 510–485 гг. до н.э. на Западном плато акрополя (в районе Первого Кресла горы Митридат) был возведён ряд монументальных сооружений, образовавших «ядро города»; центром этого ансамбля являлся толос [Муратова, Толстиков, 2013, с. 180 сл., рис. 3]. На верхнем плато Митридатовой горы предположительно располагался теменос [о топографии ранней застройки Пантикапея см.: Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003; Коваленко, Толстиков, 2010; Муратова, Толстиков, 2013]. Храм Аполлона был построен между 500 и 485 гг. до н.э. [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 30 сл.]. Материалы, полученные в результате раскопок толоса, а также больших многокамерных комплексов (№ 1–4), расположенных на этом участке, отличаются большим количеством дорогих, «элитарных» импортных вещей, большая часть которых представлена обломками привозных художественных сосудов [Tolstikov, 2003, tab. 5; Муратова, Толстиков, 2013, рис. 4]. Бесспорно, дорогостоящей, элитарной вещью являлась керамическая ванна, украшенная рельефным фризом, на котором изображены несущиеся колесницы-биги, управляемые возничими (рис. 2), фрагменты которой были найдены при раскопках многокамерного комплекса 1 на акрополе [Tolstikov, 2003, tab. 6; Коваленко, Толстиков, 2010, с. 39, рис. 6; Толстиков, 2015б, с. 37–41, рис. на с. 41]. По мнению В.П.Толстикова, ванна, рассчитанная на круговой обзор, была установлена в одном из помещений общественного здания и предназначалась для священных омовений жрецов или магистратов [Толстиков, 2015б, с. 40]¹⁵.

В интервале между 490 и 480 гг. до н.э., т.е. в период времени, предшествующий приходу к власти Археанактидов, большинство сооружений центрального района Пантикапея прекратили своё существование, причём выявленные здесь разрушения сопровождалась пожарами [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 47 сл.]. Весьма показательным фактом, свидетельствующим о чрезвычайно трудной ситуации, очевидно, сложившейся в городе, является возобновление в начале 80-х гг. V в. до н.э. [Толстиков,

---

¹⁵ Фрагмент подобной ванны, украшенной рельефными фризами с изображениями колесниц и тритонов, был найден на южном склоне акрополя Клазомен и датируется 540–530 гг. до н.э. [Cevizoglu, 2004, p. 192–193, fig. 15].

2010, с. 465] или на рубеже 90–80 гг. этого столетия [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 316] строительства заглублённых в землю жилищ типа «землянок», остатки которых были выявлены в центральном районе акрополя. От возведения подобных примитивных построек жители Пантикапея отказались более чем 50 лет назад. Котлованы некоторых новых «землянок» прорезали постройки предшествующего времени, другие же пристраивались к разрушенным зданиям [Коваленко, Толстикова, 2010, с. 46]. Возобновление строительства «землянок» в Пантикапее, возвращение строительной практики, соотносимой с освоением новых территорий Северного Причерноморья первыми поколениями колонистов, невольно порождает аллюзии и параллели, обращённые к тяжёлым военным и послевоенным временам новейшего времени, когда жители сожжённых населённых пунктов вынуждены были временно селиться в сооружённых на скорую руку жилищах. Также весьма выразительны находки специфических жаровен, изготовленных из амфорных горл, обнаруженные в Пантикапее рядом с разрушенными монументальными постройками предшествующего периода. Эти жаровни, очевидно, делавшиеся «из подручного материала» для согревания жилищ, бытовали в течение достаточно узкого промежутка времени – с конца первой по начало второй четверти V в. до н.э. [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 325].

На фоне разрушений в Пантикапее фиксируются следы интенсивной металлургической деятельности. Внутри толоса, на поверхности развала его кирпично-сырцово́й стены, расчищен мощный пласт сажи и углей с железными и бронзовыми шлаками (выброс отходов металлургического производства), рядом обнаружены остатки пода металлургической печи, а также чешуйка панцирного доспеха, наконечники стрел, конусовидные наконечники кузнечных мехов (т.н. ритоны) [Коваленко, Толстикова, 2010, с. 47]. Очевидно, в городе шло непрерывное производство предметов вооружения.

В 80-х гг. V в. до н.э. на акрополе Пантикапея возводятся новые оборонительные сооружения [Толстикова, 2010, с. 466]; исследователи полагают, что они строились в экстремальной обстановке¹⁶, так как трасса новой линии оборонительных стен была проложена таким образом, чтобы включить возможно большее количество разрушенных к тому времени строений [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 322–324]. Как полагают авторы раскопок, новые фортификационные сооружения акрополя были предназначены для защиты «землянок», а также культовых построек и сохранившихся или восстанавливающихся домов знати [Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 325].

---

¹⁶ Сходную картину строительства/ремонта оборонительных стен рисует Фукидид, повествуя об истории Афин после победы над персами: «Фемистокл советовал, чтобы поголовно все афиняне, находившиеся в городе, занялись сооружением стен, не щадя при этом ни частных, ни общественных построек, которые могли бы быть полезны для дела, и не останавливаясь перед их разрушением» (I. 93. 2) [см.: Fields, 2006, p. 17–19].

о высказывавшемся предположении, что симмахия под эгидой Археанактидов – объединение греческих городов в районе Киммерийского Боспора – могла быть также религиозным союзом [Виноградов, 2002, с. 188]. Если принять датировку начала выпуска серебряной монеты с легендой АПОΛ временем не ранее конца второй четверти V в. до н.э. [Шелов, 1956б, с. 28; Завойкин, 2013, с. 55], можно с осторожностью связать этот монетный выпуск с деятельностью Археанактидов.

Гипотеза о симмахии-амфиктонии прекрасно «увязывает» и точку зрения о том, что изначальной резиденцией Археанактидов могла быть Гермонасса, что именно она первоначально встала во главе союза, но достаточно скоро основной ставкой стал Пантикапей, активно развивавшийся как городской центр. Представляется вполне очевидным, что при Археанактидах Боспор ещё не стал «территориальной державой». Однако ведущая роль Пантикапея, объединившего (вероятно, изначально) под своей властью ряд «малых городов» Европейского Боспора, для эпохи 480/79 – 430 годов представляется очевидной. Вероятно, и возведение крепостных сооружений «цепочки» городов, расположенных вдоль пролива (Мирмекий, Парфений, Порфмий), также можно рассматривать не только как результат инициативы их жителей, но и как «маркеры», очерчивающие территорию, контролируемую ранним государственным объединением. По-видимому, тенденция к объединению боспорских центров действительно наметилась достаточно рано, а при Археанактидах проявилась более отчётливо [Виноградов, 2002, с. 194]. Бесспорно, симмахия Археанактидов выполнила свою историческую роль, помимо отражения скифской угрозы «она сумела продемонстрировать бесспорные экономические и политические преимущества объединения греческих полисов в районе Боспора Киммерийского» [Виноградов, 2002, с. 195]. Добавим, что деятельность этого объединения пришлось на время значительного ослабления связей с метрополией, также переживавшей трудные времена.

О действиях сакрального характера, при помощи которых жители боспорских городов стремились обеспечить себе поддержку богов (скорее, хтонических, чем олимпийских) в ходе военного противостояния и преодоления военной угрозы, связанной с активностью кочевого мира, могут свидетельствовать такие специфические комплексы, как ритуальные захоронения лошадей, обнаруженные при раскопках греческих городов. Первое, относящееся к первой четверти V в., было обнаружено в Пантикапее у восточного фаса монументальной кладки № 20. Здесь была найдена обезглавленная и расчленённая туша коня, лежавшая на левом боку на слое пожара, ноги животного были согнуты [Муратова, Толстикова, 2013, с. 188 сл., рис. 12]. Авторами раскопок этот комплекс, нетипичный для эллинской культовой практики, интерпретирован как ритуальное заклинание со следами симпатической магии [Муратова, Толстикова, 2013, с. 190]. Впрочем, как нам представляется, не исключены и иные трактовки этого ритуала, например, как благодарственной жертвы после одержанной победы, успешно отражённой атаки неприятеля или достижения перемирия. Совершение этого ритуала на наиболее значимом для раннего поселения участке, где были сосредоточены культовые и общественные постройки, может

свидетельствовать об общественном, чрезвычайно важном характере проведённой церемонии. На принесённой в жертву лошади сохранились элементы декора нагрудного ремня, в состав которого входили три бронзовые бляхи, выполненные в «зверином стиле» [Муратова, Толстиков, 2013, рис. 12, 1-3].

Остатки другого ритуального захоронения были обнаружены во дворе дома со святилищем у западной крепостной стены Тиритаки. Здесь в яме были найдены останки четырёх низкорослых степных лошадей, а также три разбитые аттические чаши первой трети V в. до н.э. [Зинько, 2013, с. 61]. Добавим, что находки бронзовых деталей и украшений упряжи варварских типов появляются в это время и в слоях греческих поселений [см., например: Кобылина, 1956, с. 22, рис. 5, 2; Виноградова, 2005а, с. 239, рис. 18, 10, 11].

Успешное преодоление кризиса было заслугой сложившегося объединения боспорских центров под предводительством аристократической элиты, несомненно, приложившей определённые усилия и в дипломатической сфере, о которых мы можем судить лишь гипотетически. Отметим, что с начала V в. до н.э. в боспорских центрах начинается изготовление вещей, украшенных в зверином стиле¹⁷, среди которых – золотые обкладки парадных мечей, найденных в «царских» варварских курганах степной и лесостепной зон (Томаковском, Золотом, у хут. Шумейко, с. Александровка) [Онайко, 1966; Мурзин, 1984, с. 28-29, рис. 15]. Самые ранние образцы парадного вооружения из Томаковской могилы и хут. Шумейко датируются первой четвертью столетия [Алексеев, 1992, с. 114; 2003, с. 201]. Обычно такие изделия рассматривают как дипломатические дары, предназначавшиеся для аристократической верхушки варварского общества и закрепляющие достигнутые договоренности [Scheglov, Katz, 1991]. Стоит вспомнить в этом контексте и золотую прямоугольную пластину в «зверином стиле» (возможно, фриз-обкладку колчана), найденную в комплексе впускного погребения 6 кургана № 1 у с. Ильичёво в Восточном Крыму [Лесков, 1968, рис. 6]. На этой пластине изображено копытное животное, сочетающее признаки лося и оленя, показанного в противоборстве с тремя животными – львом, орлом и змеей. А.М. Лесков, исследовавший этот памятник, справедливо указал на близость отдельных мотивов и стилистических приёмов в декоре этой бляхи вещам из скифских погребений лесостепи (Журовские курганы) [Лесков, 1968, с. 164-165]. Погребение у с. Ильичёво датируется в рамках первой половины V в. до н.э., комплекс этот является одним из трёх известных нам «царских» погребений Крыма V в. (к ним относятся также Ак-Мечетский и Золотой курганы). Стилистически и хронологически пластине из кургана у с. Ильичёво близка и знаме-

---

¹⁷ Вероятно, производство небольших бронзовых изделий, которые могли предназначаться для сбыта варварам, могло начаться немного раньше. При раскопках Пантикапея был обнаружен фрагмент литейной формы конца VI – начала V вв. до н.э., при помощи которой изготавливались бляшки, украшенные композицией из двух кошачьих хищников в геральдической позе [Марченко, 1962, с. 51, рис. 2, 4; Treister, 1998, p. 189, fig. 1, 2].

нитая бляха в виде оленя из раннего комплекса Куль-Обы, даты этих вещей определяются в пределах первой половины V в. до н.э. [Королькова, Алексеев, 1994, с. 106]. Для стиля этих изделий характерны «тяжеловесность», насыщенность образами и деталями (иногда в ущерб художественному восприятию), сочетание чрезвычайно разнородных элементов, находящих аналогии не только в греческом искусстве, но и в лесостепи, и в Прикубанье, и в Подонье [Вахтина, 2005, с. 346–347]. Эти золотые изделия, предназначенные для украшения «парадного» вооружения представителей военной аристократии туземного общества, также могли быть дипломатическими дарами. Естественно, обмен подобными дарами должен был проходить в торжественной обстановке, во главе дипломатических миссий должны были находиться представители боспорской элиты. Очевидно, стабилизация обстановки на Боспоре времен Археанактидов была достигнута, как это часто бывает во время военных конфликтов как древности, так и современности, не только военными акциями, но и успешными переговорами и дипломатическими усилиями.

Однако в целом весь V в. до н.э. оставался беспокойной эпохой, в течение которой стабильное течение жизни отдельных греческих центров, вероятно, неоднократно нарушалось. Так, например, для городища Тиритака практически неизвестны выразительные комплексы, относящиеся ко второй половине этого столетия. Эта «лакуна» или недостаточность ярких, выразительных, надёжно датированных комплексов, которые укладывались бы в рамки периода 480 – 438 гг. до н.э., в той или иной степени характерна для всех греческих центров Боспора.

На этом фоне из греческих центров Восточного Крыма лишь для Нимфея в V в. до н.э. можно с уверенностью говорить о периоде стабильности, а, возможно, и о развитии этого поселения как процветающего. Данные археологии свидетельствуют лишь о каких-то негативных явлениях в начале периода: в городе прослеживаются локальные пожары, так, например, в конце VI в. до н.э. гибнет святилище Деметры, к рубежу первой–второй четвертей V в. до н.э. происходит запустение нимфейской хоры [Соколова, 2010, с. 482]. Элементы, отражающие нарушение стабильности жизни Нимфея этого времени, отражены и в материалах его некрополя. Здесь, как уже говорилось, было выявлено грунтовое погребение А44, датированное последней четвертью – концом VI в. до н.э. [Грач, 1999, с. 28, 45]. Ещё раз отметим, что каменный ящик, вырубленный в скале и перекрытый досками, содержал мужской костяк с трехгранным наконечником стрелы, найденным на ребре у левой лопатки. По-видимому, нанесённая этой стрелой рана и послужила причиной смерти. Однако во второй четверти столетия положение в городе, по-видимому, меняется к лучшему: возрождаются поселения хоры, в городе ведётся интенсивное строительство жилых домов, на акрополе перестраиваются «святилище кабиров» и помещения к северу от него, а также комплексы других святилищ. В конце V – начале IV вв. до н.э. проводятся грандиозные работы на южном склоне нимфейского плато [Соколова, 2010, с. 482–483].

Материалы других боспорских поселений V в. до н.э. не дают выразительных данных, опираясь на которые, можно было бы высказывать предположения о

Конечно, самого пристального внимания заслуживают объекты, открытые во время раскопок Пантикапея, который в V в. до н.э. был главным греческим поселением Европейского Боспора и либо изначально являлся ставкой Археанактидов, либо стал ею, а значит здесь проживала значительная часть представителей боспорской элиты, всегда тяготеющей к «столичным» центрам. Здесь ещё для предшествующего периода (второй половины VI – начала V вв. до н.э.) было отмечено существование имущественного различия «между владельцами больших домов с каменными подвалами и небольших домов из камня и сырца, заглублённых в грунт» [Сокольский, 1961, с. 39]. Во второй четверти V в. до н.э. на северном крае верхнего плато была возведена прямоугольная в плане, ориентированная по сторонам света монументальная постройка, мощные фундаменты которой были впущены в культурный слой первой четверти столетия. Ширина кладок её восточной и северной стен достигала 2,45 м [Муратова, Толстиков, 2013, с. 187–188, рис. 11]. Перед восточным фасадом (стена № 20) этой постройки и был обнаружен ритуальный комплекс, содержащий захоронение обезглавленной туши коня, речь о котором шла выше. Неясно, было ли это здание жилым, культовым или общественным сооружением. К этому же времени принадлежит наземная постройка на раскопе НВМ, от которой сохранились лишь два фрагмента кладки каменного цоколя, образующие её юго-западный угол. Раскопки фиксируют «исключительно высокую концентрацию сменявших друг друга построек VI – первой половины V вв. до н.э. на сравнительно небольшом участке территории у северной границы верхнего плато», что, несомненно, свидетельствует о высокой строительной активности [Муратова, Толстиков, 2013, с. 190]. Исследователи полагают, что в 70–60-е гг. V в. обстановка в городе становится более стабильной, а около середины столетия Пантикапей вступает в стадию нового подъёма [Толстиков, 2010, с. 466; Коваленко, Толстиков, 2010, с. 47]. В качестве примера некоторой стабилизации обстановки в Пантикапее в это время, отразившейся и в домостроительстве, могут служить данные, полученные в результате раскопок подвала одного из домов, обнаруженного в центральной части западного плато вершины Первого Кресла горы Митридат [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 261 сл.]. Судя по материалам его заполнения, комплекс был построен в 70–60 гг. и после перестройки, по-видимому, осуществлённой его первоначальными владельцами, продолжал существовать и во второй половине V в. до н.э. Разрушение дома совпадает с финальным этапом правления Археанактидов, причём восточная часть постройки была разрушена фундаментом одного из помещений центрального здания «дворца Спартокидов». По справедливому замечанию В.П. Толстикова, это является ещё одним свидетельством в пользу стабилизации и прогрессивного развития застройки центрального района города, наступивших в это время [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2002, с. 268].

С 70–60 годами V в. до н.э. можно синхронизировать и возобновление работы монетного двора, ознаменовавшееся выпуском серебра VI типа с восьмилучевой звездой на реверсе [Коваленко, Толстиков, 2010, с. 48]. К этому же периоду, по-видимому, относятся ремонт и восстановление разрушенного храма Аполлона [Коваленко,

«прекрасных нравов прошлого» в значительной мере отражали идеалы и образ жизни афинской аристократии.

Что же касается культуры правящего аристократического слоя, который начал формироваться на Боспоре в эпоху Археанактидов, то её поможет лучше охарактеризовать обзор погребальных памятников этого времени. Хорошо известно, что комплексы погребений обычно служат наиболее надёжными индикаторами социального положения членов любого сообщества.

1.6. Погребения Боспора эпохи Археанактидов

Даже самое поверхностное знакомство с погребальными комплексами Боспора раннеклассического времени показывает, что по обряду и по составу погребального инвентаря они, на первый взгляд, почти не отличаются от захоронений предыдущей, архаической эпохи, составляя с ними как бы «единый пласт». Еще М.И. Ростовцев подразделял погребальные памятники Боспора на две большие группы – погребения архаического времени и погребения IV в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 183 сл.], не разделяя захоронения эпохи архаики и ранней классики. Этому подходу оставались верны и более поздние исследователи. Говоря о грунтовых греческих некрополях Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э., заметим, что практически все они расположены непосредственно за городскими стенами, как бы «прижимаясь» к черте города. Эта особенность компактного расположения некрополей в непосредственной близости от городских стен характерна для многих ионийских поселений Малой Азии (например, Смирны) на начальном этапе существования на новой территории. Вероятно, она могла быть обусловлена не только наличием потенциальной опасности со стороны hinterland'a, порождавшей у греческих поселенцев потребность чувствовать близость и доступность городских стен. Возможно, такая компактность способствовала сохранению чувства единства, общности с усопшими в сознании жителей греческих городов, что, в свою очередь, было немаловажным в процессе обживания и осмысления территории новых колоний, включения этих земель в античную ойкумену. Особенность эта характерна и для Пантикапея, где погребения раннего времени (до IV в. до н.э.) расположены «почти исключительно на склонах Митридатова холма и его продолжении» [Ростовцев, 1925, с. 187; Цветаева, 1951, с. 64, рис. 1]. Г.А. Цветаева отмечала, что пантикапейский некрополь в эту эпоху «по своим размерам и особенностям погребений носит скромный характер»; замечено также, что некрополь VI–V вв. до н.э., располагавшийся на участках северного склона горы Митридат, «выглядит более богатым, чем участок южного склона» и отличается большим разнообразием типов погребальных сооружений, большим количеством погребённых с оружием, а также чаще встречающимся здесь обрядом кремации [Цветаева, 1951, с. 68]. Погребения V в. до н.э. при этом совершались на тех же участках, что и захоронения предшествующего периода.

выми кирпичами. «Приблизительно на срединной высоте насыпи» была выявлена «жжёная площадка», где были найдены обломки четырёх сосудов, вероятно, разбитых во время тризны. А.А. Бобринский описал найденные здесь фрагменты керамики следующим образом [ОАК за 1891 г., с. 28 сл.]:

1) «Раскрошившаяся амфора, украшенная полосой красного цвета» (возможно, представлявшая ионийскую столовую амфору с «полосатой» росписью).

2) «Разбитая ойнохоя с исполненным чёрною краскою на бледно-красном фоне архаическим изображением бородатого человека, пригибающего к ногам своим быка, т.е. со сценою, представляющей, вероятно, усмирение критского быка Гераклом». Руководствуясь описанием, а также обратившись к известным аналогиям, можно представить себе этот сосуд и высказать предположение о его возможной датировке. Найденная ойнохоя обнаруживает сходство с чернофигурной аттической ойнохоей первой четверти V в. до н.э., украшенной таким же сюжетом – сценой борьбы Геракла с критским быком, которая была найдена в одном из погребений некрополя Мессембрии [Reho, 2005, p. 34; Kiyashkina, Bozhkova, Marvakov, 2012, cat. no. 1].

3) «Разбитая патера, покрытая прекрасной чёрною поливою».

4) «Небольшой чёрный сосуд о двух ручках с такою же поливою».

Два последних, по-видимому, представляли собой аттические чернолаковые сосуды. Ниже этой «жжёной площадки» на «уровне грунта» было обнаружено «жжёное пространство гораздо больших размеров (так называемый «точёк»), где, вероятно, происходило сожжение покойника и различных принадлежавших ему предметов». Прах погребённого был помещён в урну, стоящую в центре «точка» и покрытую нижней половиной амфоры. В качестве погребальной урны была использована краснофигурная гидрия, украшенная изображением Гермеса-Психопомпа в крылатых сандалиях и с кадуцеем в руке (рис. 3) [ОАК за 1891 г., рис. 13-14], которое, как отметил А.А. Бобринский, «вполне согласно с обязанностью Гермеса сопровождать души умерших в загробную жизнь» [ОАК за 1891 г., с. 29]. Сосуд этот, несомненно, принадлежал к шедеврам греческой вазовой живописи, по стилю росписи его можно отнести к 500–450 гг. до н.э. В качестве аналогии украшающего его сюжета можно привести изображение на краснофигурной амфоре (neck-amphora), хранящейся в Национальном музее в Копенгагене, на одной из сторон которой представлен Гермес в крылатом шлеме с кадуцеем в левой руке, а на другой – бегущая женщина [ARV², no. 553.36; Beazley Archive, no. 206311]. Остатки предметов, найденные на «жжёном точке», также представляют огромный интерес. В их числе – обломки большого железного меча, железных стригилей, а также «пережжённые кусочки каких-то костяных изделий». Особое любопытство вызывает упоминание о двух бронзовых полых внутри предметах, похожих на рукоятки, «оконечности коих заканчиваются наподобие копыт» – остаётся только гадать о назначении этих вещей. Конечно, нельзя исключить полностью и возможность того, что они представляли собой остатки бронзовых конских удиц, находки которых в это время фиксируются в могилах, принадлежавших представителям «новой волны» номадов, в том числе расположенных

перекрыта каменной плитой. У левого плеча костяка, лежавшего головой на восток, стоял лекиф, «украшенный чёрными пальметками», у левого – чернолаковый кувшинчик и алабастр. Судя по описанию, в состав инвентаря входил аттический чернофигурный лекиф, тулово которого украшал фриз в виде пальметок. Такие сосуды известны по многочисленным находкам в слоях и комплексах античных поселений Северного Причерноморья, они обычно датируются в пределах V в. до н.э. [см.: Кашаев, 2009а, рис. 1, 1-5]. Третья из открытых К.Е. Думбергом гробниц была сооружена в нижней части насыпи, «непосредственно на материке». С двух сторон она была обложена плитами; костяк лежал головой на северо-восток.

Ещё одна попытка провести исследования на этом участке некрополя Пантикапея была предпринята В.В. Шкорпилом в 1905 г. [Шкорпил, 1909, с. 57, могила № 18]. Недалеко от места раскопок А.А. Бобринского «на той же глубине» была найдена краснофигурная амфора, стоявшая в центре «жжёного точка» и содержавшая пережжённые кости. Она была закрыта перевернутым краснолаковым одноручным сосудом и поверх него – нижней частью «простой остродонной амфоры, опрокинутой низом вверх».

Хотя погребения, открытые на этом участке К.Е. Думбергом и В.В. Шкорпилом, и представляются достаточно интересными, всё же их обряд и погребальный инвентарь, на наш взгляд, значительно уступает тем, которые были выявлены для погребения 1891 г. Поэтому трудно причислить захороненных в этих гробницах к представителям высших слоёв пантикапейского общества. Эти захоронения вполне сопоставимы с другими погребениями некрополя Пантикапея, совершёнными по обряду кремации, которые мы можем предположительно отнести к интересующей нас эпохе. Все они отличались гораздо большей простотой, как, например, погребение № 9, открытое «возле западного угла старого православного кладбища» [Шкорпил, 1909, с. 12]. Здесь на глубине 2,10 м был обнаружен большой «жжёный точок», в середине которого находилась круглая в плане, обложенная мелкими камнями яма диаметром 0,50 м и глубиной 0,44 м, в которой стоял большой двуручный сосуд (высота его – 0,31 м), «наполненный костями» и накрытый сверху «отпиленным дном большой остродонной амфоры».

Прах ещё одного возможного представителя пантикапейской элиты могла содержать великолепная амфора-стамнос середины V в. до н.э., фрагменты которой были случайно обнаружены в 1968 г. во время проведения работ в Керчи на ул. Свердлова [Лосева, 1984, с. 125 сл., рис. 1-4]. Сосуд происходил из разрушенного погребения. Высота его составляет более 35 см, диаметр устья – около 20 см, сверху он был накрыт крышкой чернофигурной пиксиды с изображением «лучей», более ранней по времени. Сюжет росписи стамноса также весьма примечателен. На одной его стороне изображена пляшущая женщина, справа от неё – флейтистка, слева – ещё одна женщина, собирающаяся принять участие в танце, с накинутой поверх одеяния шкурой пятнистого леопарда, на другой представлены три задрапированные женские фигуры, одна из них держит в руке тирс, другая, в центре – факел. Обе сцены

связаны с культом Диониса, который в представлениях греков был хтоническим божеством [Виноградов, Шауб, 2005; Шауб, 2007а, с. 339 сл.]. Таким образом, на наш взгляд, сюжет росписи этого сосуда, служившего погребальной урной, также можно соотнести с идеей перемещения души усопшего в загробный мир.

К этой же группе погребений по обряду сожжения, возможно, принадлежавших представителям элиты, можно отнести два погребения, открытых П. Дюбрюксом на склоне горы Митридат. Первое из них являлось основным погребением кургана № 1, раскопанного в 1817 г. [Бич, 1959; Дюбрюкс, 2010, с. 124-125; иллюстрации, рис. 153]. Оно находилось под насыпью кургана на скальной поверхности. Здесь были обнаружены следы кострища и краснофигурная гидрия, использованная как погребальная урна, прикрытая сверху половиной разбитого сосуда. На гидрии был представлен бородатый мужчина с посохом в руке (Гермес?), преследующий женщину; справа и слева изображены мужская и женская фигуры [Дюбрюкс, 2010, рис. 183–185]. Вокруг урны была сооружена конструкция из 13 перевёрнутых вверх дном остродонных амфор (рис. 4) [Дюбрюкс, 2010, рис. 182]. По определению Ю.А. Виноградова, на одном из дошедших до нас рисунков П. Дюбрюкса изображена амфора, происходящая из этого интереснейшего комплекса [Дюбрюкс, 2010, рис. 179], которую можно отнести к хиосским амфорам позднепухлогорлого варианта и датировать третьей четвертью V в. до н.э. [Дюбрюкс, 2010, с. 139, прим. 21], что даёт основания и для вероятной датировки погребения. Примечательно, что похожие погребальные комплексы, где также зафиксированы конструкции, сложенные из большого количества амфор, были открыты в Ольвии. Первый из них был исследован Б.В. Фармаковским в 1911 г. [Фармаковский, 1914б, с. 15, рис. 14; Козуб, 1974, с. 31-32, рис. 4]. Здесь, в могиле 78, им была обнаружена чернолаковая погребальная урна с прахом, поставленная на остатки костра. Вокруг неё были уложены кругом 17 хиосских амфор, судя по рисунку, также относящихся к типу позднепухлогорлых, которые можно датировать тем же временем. Второй, т.н. «большой кромлех», был исследован в 1926 г. [Козуб, 1974, с. 32 сл., рис. 5].

Во втором погребении пантикапейского некрополя, обнаруженном П. Дюбрюксом в одном из курганов, погребальной урной, по-видимому, служила краснофигурная гидрия V в. до н.э. (рис. 5), украшенная сценой в гинекее [Дюбрюкс, 2010, иллюстрации, рис. 186].

Земляные гробницы. В некрополях Пантикапея и других боспорских городов, как уже неоднократно говорилось, умерших чаще хоронили, помещая их тела в простые грунтовые ямы. Инвентарь этих «земляных гробниц» достаточно скромнен. Обычно в грунтовые могилы помещали один или несколько сосудов [см., например: Шкорпил, 1909, с. 29-30]. Иногда в захоронениях можно проследить обычай ритуальной порчи вещей [Шкорпил, 1909, с. 28, 30-31, могилы 97, 102, 104, 108].

Наиболее «богатые» грунтовые захоронения содержали в составе инвентаря несколько сосудов. Так, например, в перекрытой досками могиле № 20, открытой в 1912 г. (длина её 2,03 м, ширина 0,68 м, глубина 0,54 м), был найден костяк, лежав-

ший головою на северо-восток, в ногах у которого находились обломки двух сосудов – лекифа и алабастра [Шкорпил, 1916а, с. 14]. Роспись на лекифе, представляющая «двух женщин среди предметов домашнего обихода», была нанесена по белой облицовке, что позволяет с большой вероятностью относить этот сосуд к V в. до н.э. Декор алабастра, судя по описанию, близок тому, который происходит из сырцово-глиняной гробницы № 103, речь о ней пойдёт ниже. В «земляной гробнице» 37, покрытой досками, раскопанной в 1902 г. на южном склоне горы Митридат, был найден целый набор туалетных сосудов: 4 чернофигурных лекифа (один из них – белофонный), лежавшие вдоль правой руки, и алабастр у кисти левой руки погребённого [Шкорпил, 1904, с. 80].

К эпохе Археанактидов относится серия детских погребений некрополя Пантикапея, содержавших достаточно многочисленный, интересный и разнообразный инвентарь. Одним из самых ранних является погребение № 103, открытое в 1912 году и содержащее детское захоронение, совершённое в яме, покрытой досками и неотёсанными камнями, его размеры 0,84 м в длину, 0,36 в ширину и 0,22 м в глубину [Шкорпил, 1916а, с. 30-31]. В ногах костяка, лежавшего головою на восток, было найдено 10 сосудов, в их числе – «простой одноручный глиняный сосудик с концентрическими кругами на дне», одноручный сосуд, 2 гуттуса, две чернофигурных ойнохои с дионисийскими сценами, «простой глиняный сосудик с одной ручкой», «алабастр, украшенный чёрными полосками, точками и перекрещивающимися чёрточками» [Шкорпил, 1916а, рис. 19], чернофигурный скифос, миниатюрная коринфская котила и чернолаковая ольпа. Чернофигурная ойнохоя, близкая по стилю привезённой В.В. Шкорпиллом [1916, рис. 18], была найдена в некрополе Мессембрии и датирована первой четвертью V в. до н.э. [Kiyashkina, Bozkova, Marvakov, 2012, no. 1]. Алабастр, чрезвычайно близкий, практически идентичный найденному в могиле № 103, происходит из собрания Романченко. К.С. Горбунова атрибутировала его как произведение мастера Эмпория и датировала временем около 470 г. до н.э. [Горбунова, 1983, с. 188, кат. № 162]. Ещё два таких алабастра хранятся в Англии: один, из Ашмолинского музея, наиболее близкий керченскому, датируется второй – третьей четвертями V в. до н.э., другой, из Британского музея, относится к первой половине столетия [Kurtz, 1975, p. 77, pl. 72, 5, 6]. Эти аналогии, вероятно, дают нам основание отнести могилу № 103 с «богатым» набором сосудов ко второй–третьей четвертям V в. до н.э.

Интересным по набору инвентаря является и детское погребение № 36, открытое в 1907 г., совершённое в яме размерами 0,72 м в длину, 0,93 м в ширину и 0,45 м в глубину [Шкорпил, 1910, с. 20-21]. В могильной яме возле правой руки костяка, лежавшего головою на восток, были найдены чернолаковый лекиф с красной горизонтальной полоской по тулову²⁰, терракотовая протома в виде головы женского божества [Шкорпил, 1910, рис. 5], терракотовая кукла с подвесными руками (ног в

²⁰ Л.Ф. Силантьева датировала этот лекиф второй четвертью V в. до н.э. [1959, с. 37].

могиле обнаружено не было) [Шкорпил, 1910, рис. 6]. В ногах находились глиняная чашечка с носиком-сливом, украшенная изображением обезьянки [Шкорпил, 1910, рис. 7], чернолаковый килик на низкой подставке, фрагменты бронзовых предметов. У ног были найдены фрагменты двух амфор, очевидно, стоявшие в углах могилы. Детское погребение, содержащее подобную чашечку, также украшенную фигуркой обезьяны, было обнаружено на некрополе Нимфея в детском погребении № 28/1876, содержавшем разнообразный инвентарь, в том числе протому женского божества, терракотовые фигурки, игрушку с подвесными конечностями [Силантьева, 1959, с. 36 сл., рис. 15].

К концу рассматриваемого периода можно отнести детское погребение № 32/1907, совершённое в яме, покрытой досками, длиной 0,94 м, шириной 0,40 м и глубиной 0,45 м. [Шкорпил, 1910, с. 19-20] «На истлевших досках, которыми был покрыт ящик гробницы», были найдены краснофигурный лекиф с изображением женской головки и обломки чернолаковой чаши (bolsal'a) со штампованным орнаментом на внутренней поверхности дна и граффито в виде буквы А на внешней [Шкорпил, 1910, с. 20, рис. 4]. У правой руки костяка, обращённого головой на восток, был найден ещё один краснофигурный лекиф больших размеров, украшенный изображением женской головки влево. По форме и орнаменту чернолаковую чашу из этого погребения, находящую аналогию в материалах Афинской агоры [Sparkles, Talcott, 1966, no. 532, pl. 24], можно датировать началом последней трети V в. до н.э.

Своеобразие погребального обряда, наличие разнообразного погребального инвентаря, характерные для некоторых детских захоронений V в. до н.э., позволили Н.Л. Грач высказать предположение о существовании на Боспоре особого обряда погребения детей, сложившегося в это время [Грач, 1999, с. 91, прим.].

Гробницы из сырцового кирпича. Несмотря на трудности, связанные с выделением погребений, относящихся к эпохе Археанактидов, пожалуй, можно с уверенностью говорить о распространении в V в. до н.э. традиции сооружения т.н. «сырцовых гробниц» [Ростовцев, 1925, с. 186; Сударев, 2005, с. 18], содержавших относительно «богатый» набор инвентаря. В Аттике гробницы из сырцовых кирпичей известны с VI в. до н.э., исследователи обычно полагают, что техника их возведения находит соответствие в городской архитектуре эпохи архаики [Kurtz, Boardman, 1971, p. 82-83].

Таких гробниц в Пантикапее обнаружено немного [Цветева, 1951, с. 66], обычно они представляли собой ямы со стенками, обложенными сырцовыми кирпичами, часто перекрытые досками или плитами известняка. Одна из них, № 43, содержащая детское захоронение, была исследована в 1907 г. на 1-й Подгорной улице. Гробница, длина которой достигала 0,69 м, ширина – 0,37 м и глубина – 0,30 м, была перекрыта досками и содержала костяк, обращённый головою на восток. В правую руку погребённого был положен краснофигурный лекиф с росписью в виде пальметки, справа от головы найдены обломки глиняной ойнохои [Шкорпил, 1910, с. 23].

Ещё одна сырцовая гробница (№ 6), перекрытая плитами, была открыта В.В. Шкор-

пилом в 1912 г. Длина могилы составляла 2,07 м, ширина – 0,79 м и глубина – 0,45 м. У левого плеча костяка, лежавшего головой на северо-восток, были найдены обломки бронзовой иглы, у правого и левого плеча – обломки двух лекифов, в ногах, поперёк гробницы, лежала «большая простая амфора» с дипинти в виде знака + и НР. Судя по описанию, один из лекифов был белофонным, на нём были изображены Амфитрита на гиппокампе и две nereиды [Шкорпил, 1916а, с. 9-10]. В качестве аналогии амфоре, найденной в гробнице, указан сосуд, происходящий из кургана 401, раскопанного А.А. Бобринским в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. (урочище Криворуково) [Бобринский, 1905, с. 15, рис. 34]. Здесь, в скифском погребении первой половины V в. до н.э. [Ильинская, 1975, с. 22; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 244-245], содержащем вещи в «зверином стиле», была обнаружена хиосская амфора с наметившимся перехватом горла у места крепления ручек. Этот тип, по С.Ю. Монахову, датируется в пределах второй четверти V в. до н.э., вероятнее всего, 60–50-ми годами этого столетия [Монахов, 1999, с. 108]. Учитывая наличие дипинти на горле керченской амфоры, можно допустить, что она могла принадлежать также и к типу III-B (развитый вариант пухлогорлого типа), в таком случае её дата лежит в пределах 80–70-х гг. V в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 17]. Вероятным датам амфоры не противоречит присутствие в составе комплекса аттического (?) белофонного лекифа – атрибута, характерного для греческих погребений на протяжении V в. до н.э. [Kurtz, 1975, p. 17-18; Oakley, 2004, p. 5; Georgiou, 2014, p. 7 сл.].

В эпоху Археанактидов, как и в предшествующий период, известен и даже обретает устойчивый характер *обычай помещать в могилы амфоры* в качестве погребального инвентаря. Так, например, земляная гробница № 10, перекрытая «досками и мелким камнем», открытая в 1912 г., содержала костяк, лежавший головой на восток, и остродонную амфору «без надписей и украшений», стоявшую в правом углу гробницы. На левой руке костяка был найден разрушенный ржавчиной железный перстень, по всей гробнице были разбросаны обломки «двух чернолаковых алабастров» [Шкорпил, 1916а, с. 11]. В могиле 23, открытой в том же году, амфора стояла в ногах костяка, в левом углу могильной ямы [Шкорпил, 1916а, с. 14-15]. В 1905 г. на участке, где были раскрыты захоронения V в. до н.э., в погребении 106 в ногах костяка стояла «большая простая амфора» [Шкорпил, 1909, с. 31].

Обычай помещать амфоры в погребения не характерен для греческого погребального обряда, зато эти сосуды, широко распространявшиеся со второй половины VI в. до н.э. на территории степных и лесостепных районов Скифии, достаточно регулярно встречаются в комплексах захоронений варварской аристократии. Греческие амфоры, вкопанные в дно погребального сооружения или же в дневную поверхность рядом с погребённым, считают устойчивой особенностью, характерной для скифских захоронений V в. до н.э. [Ольховский, 1991, с. 79].

Обычай использовать амфоры в погребальном обряде прослеживается и в других боспорских некрополях. В 1938 г. при раскопках Мирмекия, под камнями, образующими основание башни IV в. до н.э. (у северо-западного её угла), была обнаружена

вырытая в материке могильная яма, перекрытая двумя массивными известняковыми плитами (её длина 1,90 м, ширина 0,55, глубина 0,50 м). В могиле был найден мужской костяк, лежавший на спине и обращённый головою на юго-восток [Гайдукевич, 1952, с. 142, рис. 14]. Немного ниже кисти его левой руки был обнаружен разбитый чернофигурный лекиф с пальметками [Гайдукевич, 1952, рис. 15], в ногах погребённого стояла протофасосская амфора [Гайдукевич, 1952, рис. 16]. В.Ф. Гайдукевич датировал это погребение первыми десятилетиями V в. до н.э.; С.Ю. Монахов на основании уточнения даты лекифа и соотнесения его с датировкой амфоры отнёс комплекс ко второй четверти столетия [Монахов, 1999, с. 103-104, табл. 31].

Ещё больший интерес представляет второе захоронение, открытое в том же году и также, вероятно, принадлежавшее некрополю Мирмекия, случайно обнаруженное во время строительных работ на расстоянии около 800 м к северо-востоку от городища, южнее шоссе, ведущей в сторону Еникале [Гайдукевич, 1952, с. 214 сл.]. Здесь на глубине 1,10 м от уровня современной поверхности была раскрыта гробница, сложенная из плит известняка. Судя по описанию, она представляла собой «каменный ящик» и была ориентирована по линии восток-запад, её перекрывали 3 каменные плиты. На полу были найдены остатки двух костяков, взрослого мужчины и подростка, лежавших в вытянутом положении головой на восток. В западной части могилы (у ног погребённых) была обнаружена фасосская амфора [Гайдукевич, 1952, с. 215, рис. 141], а также фрагменты другой амфоры неизвестного центра с клеймом в виде буквы А на горле. В гробнице также были найдены фрагментированный чернофигурный лекиф [Гайдукевич, 1952, рис. 139], железные меч скифского типа (длиной 0,565 м) и нож [Гайдукевич, 1952, рис. 140]. Меч лежал параллельно остову погребённого у тазовых костей, нож – в изголовье, здесь же была обнаружена бронзовая игла. В.Ф. Гайдукевич датировал найденный в гробнице лекиф второй четвертью V в. до н.э. и на этом основании считал, что захоронения в описанной выше гробнице были совершены около середины этого столетия [Гайдукевич, 1952, с. 215]. С.Ю. Монахов отнёс амфору с рельефным клеймом на горле к типу сосудов «с раздутым горлом», выделенному И.Б. Зеест, и, сопоставив её дату с датой лекифа, датировал комплекс второй четвертью V в. до н.э., вероятнее всего, 60-ми гг. столетия [Монахов, 1999, с. 101-102, табл. 30]. Помимо разнообразия погребального инвентаря, присутствия таких негреческих черт обряда, как положение амфор в могилу и наличие акинака, следует отметить также и достаточно редкий тип погребального сооружения – каменный ящик.

В погребениях Пантикапейского некрополя в V в. до н.э. начинают появляться достаточно дорогие, несомненно, «роскошные» золотые украшения, по-видимому, свидетельствующие о богатстве и высоком социальном статусе погребённых. К эпохе Археанактидов, вероятно, принадлежало погребение, раскопанное А.Е. Люценко в 1854 г., содержавшее ожерелье из 120 золотых бусин разной формы, сделанное, вероятнее всего, в Аттике [Калашник, 2014, с. 72-73]. В том же году в погребениях были найдены 2 золотых перстня, изготовленные в середине и во второй половине

V в. до н.э. [Калашник, 2014, с. 74–77]. Однако, как мы видим, случаи подобных находок достаточно редки, они, скорее, представляют собой исключения. В целом же кажется очевидным, что территория раннего некрополя Пантикапея была общей и для рядовых граждан полиса, и для представителей его элиты [Цветаева, 1951, с. 84].

Некрополь Нимфея. Для эпохи Археанактидов здесь тоже известны погребения по обряду трупосожжения, во время совершения которых в качестве урн для праха использовались дорогостоящие привозные сосуды. Из 7 погребений этого типа, учтённых Л.Ф. Силантьевой, 3 можно отнести к V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 14–15]. В одном из курганов, раскопанном А.Е. Люценко в 1867 г., урной служила аттическая краснофигурная гидрия третьей четверти V в. до н.э. [Силантьева, 1959, рис. 4], помещённая в четырехугольное углубление, выложенное каменными плитами, сверху она была накрыта дном остродонной амфоры. В насыпи этого кургана над гидрией был найден фрагментированный краснофигурный кратер 40-х гг. V в. [Силантьева, 1959, рис. 3], вероятно, разбитый во время тризны.

В 1878 г. С.И. Веребрюсовым в «сплошных могильных насыпях» Нимфея на глубине менее 1 м от дневной поверхности был найден краснофигурный кратер, окружённый камнями и содержащий пережжённые кости. Ещё один краснофигурный кратер, переданный в Керченский музей А.Е. Люценко в 1867 г., также, вероятно, был использован в одном из нимфейских курганов в качестве погребальной урны [Силантьева, 1959, с. 15–16]. Отмечено, что для Нимфея обряд кремации с помещением праха в урну наиболее часто встречается в курганных погребениях. Большинство из этих комплексов были раскопаны в XIX в., и подробнее о них речь пойдёт ниже. Тем больший интерес для понимания особенностей обряда, характерного для погребений боспорской элиты эпохи Археанактидов, имеют данные, полученные в результате раскопок нимфейского кургана № 14, проведённых под руководством Н.Л. Грач в 1979 г. [Грач, 1999, с. 175 сл.]. Высота этого распаханного кургана, находившегося в северо-восточной части некрополя, составляла 1,6 – 1,72 м, диаметр – 150 м. На глубине 2,94 м от центра насыпи, на уровне его подошвы, была выявлена большая горелая площадка, где оказалось множество кусочков угля, золы и разбросанных мелких костей и фрагментов бронзовых изделий. К северо-востоку от неё, на расстоянии 3,55 м находилось тёмное пятно прямоугольных очертаний, которое было интерпретировано как площадка для сожжения тела умершего. Недалеко от этой площадки было обнаружено скопление фрагментов обгорелой керамики, преимущественно амфор, в том числе обломок венчика фасосской амфоры V в. до н.э. Ниже к северу была выявлена яма, перекрытая плитами, под ними зафиксированы обгоревшие деревянные плахи. В яме находилась краснофигурная аттическая гидрия середины V в. до н.э., украшенная изображением сцены из жизни гинекея, содержащая прах умершего [Грач, 1999, рис. 86]. Гидрия была вставлена в перевёрнутое горло амфоры, разбитой на мелкие части. Сверху гидрия была накрыта нижней частью фасосской амфоры [Грач, 1999, рис. 87]. Яма оказалась заполненной золой, в которой были обнаружены обломки керамики, бронзовых и железных изделий. Кроме

Вещевые наборы погребений этой группы включали глиняные сосуды, металлические изделия, золотые украшения.

Особого внимания заслуживают *захоронения в каменных гробницах*. Несомненно, они принадлежали представителям местной греческой элиты. К таким комплексам можно отнести каменную гробницу 9/1876, открытую в кургане 20, сложенную из тесаных плит известняка и перекрытую одной такой же плитой, содержащую костяк в деревянном саркофаге, положенный головой на восток. В погребении были обнаружены набор столовых сосудов, позволивший Л.Ф. Силантьевой датировать его серединой V в. до н.э., бронзовый черпак, зеркало и остродонная амфора [1959, с. 40 сл.]. Здесь же были найдены золотые украшения: ожерелье из гладких бус биконической формы и перстень [Силантьева, 1959, рис. 19, 1-2]. Золотой перстень из этого комплекса датируют третьей четвертью столетия [Неверов, 1978а, кат. № 14; Калашник, 2014, с. 65], поэтому, вероятно, и весь комплекс относится к этому времени.

В каменной гробнице 23/1879 были найдены терракотовый рельеф V в. до н.э., представляющий танцующую женщину²², золотая подвеска с львиной головкой и бронзовые украшения. Ещё одна каменная гробница, содержащая золотые вещи, была найдена при раскопках сплошных могильных насыпей. Внутри неё стоял деревянный гроб, в котором были найдены золотые бусы, перстень с изображением грифона, терзающего лошадь, и два лекифа [Силантьева, 1959, рис. 19, 3-4]. Л.Ф. Силантьева датировала эти погребения в пределах первой половины V в. до н.э. и относила к женским захоронениям [Силантьева, 1959, с. 46]. Сырцовые и земляные гробницы (простые и покрытые плитами), открытые при раскопках нимфейских курганов и «сплошных насыпей», имели более скромный инвентарь [Силантьева, 1959, с. 23 сл.].

При несомненной яркости и выразительности отдельных погребальных комплексов приходится признать, что большинство погребений некрополя Нимфея, совершённых по обряду, который можно охарактеризовать как греческий, имели столь же скромный вид, как и большинство захоронений этого времени, открытых на некрополях других боспорских городов. Систематические раскопки грунтового некрополя Нимфея, предпринятые Н.Л. Грач, позволили ей прийти к выводу, что «погребения V в. до н.э., включая третью четверть столетия, содержат очень скромный сопутствующий инвентарь, хотя и несколько увеличивающийся по сравнению с позднеархаическим периодом. В погребения ставится теперь не 1-2, а 3-4 сосуда» [Грач, 1999, с. 180]. Результаты этих раскопок также подтвердили вывод Л.Ф. Силантьевой о связи самых богатых погребений некрополя с обрядом кремации.

Азиатский Боспор. Погребения грунтовых некрополей Азиатского Боспора, как и большинство захоронений Боспора Европейского, в эпоху Археанактидов

²² Терракотовая плитка с раскрашенным рельефным изображением танцующей «жрицы Афродиты», также относящаяся к V в. до н.э., была найдена в Ольвии [Крапивина, 2006, с. 195, рис. 3].

В греческих некрополях Азиатского Боспора так же, как и на Европейском Боспоре, известен *обряд кремации* с последующим помещением останков умерших в дорогие привозные сосуды, однако для V в. до н.э. таких комплексов очень мало. Например, в *некрополе раннего Анапского поселения* в погребении 11 вместилищем для праха послужил италийский краснофигурный колоколовидный кратер 450–400 гг. до н.э., роспись которого представляет дионисийскую процессию [Алексеева, 1991, с. 45, 53–54, табл. 11; 2010, с. 478, рис. 9]. В целом же некрополь раннего Анапского поселения V в. до н.э. достаточно скромнен. К погребению 8 относится редкая для этого времени находка – известняковое надгробие в виде прямоугольной плиты с надписью «Филоксен, сын Клеона, из Пелопонесса, из Гелики». Эпитафию можно датировать 80-ми годами V в. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 52–53]. В погребении были найдены два краснофигурных сосуда – скифос и ойнохоя. В других захоронениях некрополя обнаружены лекифы [Алексеева, 1991, с. 51 сл.], характерные для других боспорских некрополей.

Нельзя исключить, что элитные погребения интересующего нас времени могли содержать курганы, раскопанные Д.В. Карейшей у *ст. Сенной* в 1842 и 1843 гг. Тогда он исследовал 8 невысоких насыпей [Карейша, 1844, с. 609]. Вот как описал результаты его работ К.К. Гёрц: «В другой небольшой насыпи, по совершенном её разрытии, найдена большая жжёная земляная гробница, и в ней между углями и костями два разбитые глиняные сосуда или вазы: одна, тонкой работы, с превосходным рисунком, покрытым позолотой и разными красками; другая, особенной формы (οξύβαφον), под закраиною которого, на чёрном поле, представлен широкий лавровый венок, а под ним с одной стороны изображены три греческие фигуры в мантиях, с разными жертвенными орудиями в руках, а с другой – домашняя сцена, из нескольких лиц, возлежащих на пиру, на широком ложе» [Гёрц, 1898б, с. 19]. В третьем кургане, ближе к морю, оказалась «жжёная гробница» с костями и «разбитым простым глиняным сосудом». В четвёртом и пятом курганах были найдены две «жжёные гробницы», одна из которых оказалась полностью разорённой, «а в другой кроме костей, углей и простой глиняной вазы, ничего более не отыскано».

Более 40 грунтовых погребений, относящихся к концу VI – V вв. до н.э., были открыты в *некрополе на м. Тузла* [Сорокина, 1957, с. 7], возможно, принадлежавших некрополю Гермонассы. Они были совершены в ямах (в ряде случаев перекрытых досками) и в сырцовых гробницах. Сырцовые гробницы встречены также в других некрополях, расположенных неподалёку: некрополе между мысами Тузла и Панагия и некрополе близ южного кордона. Для могил всех типов характерны преимущественно труположения, преобладающая ориентировка – восточная (24 случая) [Сорокина, 1957, с. 12–14; 18]. В Тузлинском некрополе известен лишь один случай трупосожжения. На дне могил встречалась подсыпка из морского песка, иногда смешанного с раковинами моллюсков, в одной могиле зафиксирована засыпка костяка из морской травы – камки. [Сорокина, 1957, с. 15]. Среди непо потревоженных комплексов некрополя 10 относились к рубежу VI–V вв. до н.э., 8 – к V–IV вв. до н.э.

Инвентарь представлен амфорами (как правило, стоявшими в ногах погребённых), чашами, туалетными сосудами [Сорокина, 1957, с. 19 сл.]. Известны мужские погребения с оружием: мечами, копьями, колчанными наборами. Полный набор вооружения встречен в трёх могилах, для остальных характерно сочетание отдельных видов вооружения – меч и копье, меч и стрела, копье и стрела [Сорокина, 1957, с. 21]. Отдельные женские погребения выделяются относительным богатством инвентаря (до 6 сосудов) и находками золотых и серебряных украшений [Сорокина, 1957, с. 19]. Примечательной особенностью Тузлинского некрополя является наличие каменных надгробий из местного известняка, пять из которых принадлежит к V в. до н.э. Три из них представляли собой однотипные высокие каменные плиты, утолщающиеся в нижней части, на которых вырезаны имена погребённых. Фрагмент четвёртого, скульптурного надгробия в виде полулежащей фигуры, был найден в могиле № 2 в 1913 г. В.Н. Глазовым [Сорокина, 1957, с. 16-17, рис. 7]. Н.П. Сорокина датировала его временем не позднее начала V в. до н.э. Исследовательница полагала, что подобный тип надгробия характерен для Этрурии и Западного Средиземноморья в большей степени, чем для Ионии. Однако изваяния в виде лежащих фигур всё же встречаются в Восточной Греции архаического времени, например, в похожей позе представлена женская фигура, украшавшая «священную дорогу», ведущую в святилище Геры Самосской, созданная около 570 г. до н.э. [Cook, 1963, fig. 31].

Интересные комплексы грунтовых захоронений происходят из некрополя возле хутора *Кротенко*, расположенного в прибрежной области между мысами Тузла и Панагия, исследования на котором проводил В.В. Шкорпил. Захоронения V в. до н.э. совершались здесь в простых ямах и сырцовых гробницах. Многие из раскопанных здесь погребений обнаруживают сочетание греческих и негреческих черт обряда. Так, например, могила № 205 (23) представляла собой простую «земляную гробницу», перекрытую брёвнами и толстым слоем устричных раковин, дно её также было покрыто толстым слоем раковин. Впечатляют размеры могилы – длина её достигала 2,65 м, ширина колебалась от 1,10 до 1,74 м, глубина 0,72 м. Костяк в деревянном гробу лежал головой на юго-запад. В углу, слева возле ног стояла остродонная амфора, справа же – большое глиняное блюдо (диаметром 0,34 м). На блюде лежали три кости коровы, бронзовый черпак (длина рукояти 0,43 м) «с обычной лебединой головкой на конце и такое же сито, украшенное такою же головкой» [Шкорпил, 1911, л. 127]. Рядом с ним стояла чернолаковая чаша и два «чернолаковых блюда», здесь же лежала кость коровы. «В ногах костяка посреди перечисленных вещей стоял килик необыкновенной величины (диаметр 0,22 м), покрытый густым блестящим лаком чёрного цвета». Возле пятки правой ноги найдена бронзовая воворка, немного ниже кисти левой руки – 11 железных и 4 бронзовых наконечника стрел. Поперёк костяка от правой руки к левому колену лежал железный меч. Возле правого локтя были найдены обломки «простой алабастриды», слева возле головы – обломки железного наконечника копья [Шкорпил, 1911, л. 127-128].

Ещё одна «земляная гробница» № 210 (28), покрытая досками и слоем песка,

смешанного с устричными раковинами, достигала 1,45 м в длину и 0,85 м в ширину. У пояса костяка была найдена бронзовая бляха с наложенной серебряной пластинкой «с неясным изображением двух птиц, стоящих друг против друга». У правой руки лежали обломки алабастра из белого финикийского стекла с чёрными горизонтальными полосками и зигзагами, у левой – «изящная амфора из синего финикийского стекла с желтыми и голубыми зигзагами». Рядом находились чернолаковое блюдо, три фрагментированные терракотовые статуэтки: «сидящая женщина, бюст женщины и кукла с подвижными руками и ногами», бронзовая иголка и 2 пряслица (одно из глины, другое – из свинца). Возле головы были найдены «серьги-подвески в виде овально свёрнутого два раза прутика, украшенного на обоих концах пирамидками из шариков». В ногах были обнаружены обломки чернолакового килика и простая глиняная ойнохоя с двойной ручкой и с росписью в виде горизонтальных полос по тулову [Шкорпил, 1911, л. 130-131, 168]. Вероятно, эта могила содержала детское погребение.

Обнаруженная здесь сырцовая гробница № 209 (27) имела 1,78 м в длину, 1,02 м в ширину, 0,55 м в глубину. Гробница была покрыта досками и слоями морской травы и песка, смешанного с устричными раковинами. Возле правого плеча костяка, обращённого головою на восток, был найден железный наконечник копья, возле левой руки – обломки железного меча, 7 бронзовых и 3 железных наконечника стрел. Возле левого локтя стояли в ряд три сосуда: чернолаковые килик и блюдо, а также «простая» чаша с четырьмя концентрическими кругами на дне, в ней была обнаружена баранья кость. В ногах костяка, в левом углу гробницы, стояла остродонная амфора с подвешенным к венчику бронзовым черпаком, рукоятка которого заканчивалась «обычной лебединой головкой». В засыпке гробницы над ногами погребённого были найдены лошадиные кости [Шкорпил, 1911, л. 130-131, 168].

Другая сырцовая гробница № 2 (открыта 15 июля 1911 г.) была покрыта досками и слоем морской травы и достигала 1,81 м в длину и 0,90 м в ширину. Костяк лежал головою на северо-восток. В левом углу гробницы стояла амфора, в ногах остова были найдены обломки чернолаковой чаши, у левой руки – ещё одна чернолаковая чаша и «одноручный сосудик из светло-жёлтой глины». Возле головы были обнаружены обломки бронзовой иглы, пара серебряных подвесок с пирамидками из шариков на концах²³ и 14 золотых бусин, «к которым, кроме четырёх, прикреплены подвесочки в виде продолговатых зёрен». За правым плечом костяка, на толстом слое морской травы, лежало круглое бронзовое зеркало [Шкорпил, 1911, л. 126].

Серия погребений интересующего нас периода была открыта в результате раскопок некрополя Артющенко 2, расположенного сравнительно недалеко от Гермонассы. Памятник начал изучаться в наше время, его раскопки продолжают-ся на современном научном уровне и дают надёжные археологические контексты и

²³ В этих предметах легко узнаются т.н. спиралевидные подвески, начавшие распространяться на Боспоре в первой половине V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 125 сл.].

датировки. Большинство захоронений этого некрополя принадлежат к V в. до н.э.: к концу VI – второй четверти V в. до н.э. принадлежат 58 погребений; к середине – второй половине V в. относится 20 погребений [Кашаев, 2013а, с. 86, табл. 2]. Здесь были выявлены три основных типа погребальных сооружений: простые грунтовые ямы, грунтовые ямы, имевшие перекрытие (из досок, сырцовых кирпичей или комбинированные), и склепы из сырцового кирпича [Кашаев, 2009б, с. 215-216]. Для могильника характерны устойчивые элементы погребального обряда: восточная ориентация погребённых, традиционный набор из трёх сосудов (для еды, для вина, для питья), мужские вещи (оружие) и женские (зеркала, предметы для шитья, украшения) [Кашаев, 2009б, с. 215 сл.; 2013а, с. 83-84]. В ряде могил первой половины V в. до н.э. были встречены украшения из серебра (бусины и кольцо) [Кашаев, 2009б, с. 219; 2010, с. 143-144], в погребениях последней четверти V – начала IV вв. до н.э. появляются бусы и подвески из золота [Кашаев, 2010, рис. 1, 2].

Немногочисленные погребения некрополя *Тирамбы*, которые могут относиться к рассматриваемому нами времени, имеют достаточно простые конструкции и скромный инвентарь. Так, например, могила № 123, раскрытая в 1968 г. и датированная в пределах первой половины V в. до н.э., представляла собой грунтовую яму, содержащую костяк, лежавший головою на северо-восток. В ногах у него находились чернолаковый килик и два лепных сосуда, на правой руке был надет бронзовый браслет, на пальцах – четыре бронзовых перстня с овальными щитками, рядом лежали бронзовая иголка и два глиняных пряслица. Детское захоронение № 120, относившееся к этому же времени, содержало чернолаковый килик, стоявший в ногах погребённого; у его левой руки находились 5 бронзовых наконечников стрел, бронзовая ворворка, бусы, 4 раковины каури [Коровина, 1987б, с. 17].

В грунтовых некрополях Азиатского Боспора, как и Боспора Европейского, известны погребения, в которых были найдены *амфоры*. Например, в некрополе Кептарные амфоры на сложнокольцевом поддоне, датирующиеся 520–480 гг. до н.э., зафиксированы в 9 погребениях, во всех случаях они располагались в головах погребённых [Сорокина, Сударев, 2003, с. 297 сл.]. Находки амфор засвидетельствованы в захоронениях второй четверти V в. до н.э. на некрополе Артющенко 2 [Кашаев, 2009б, с. 193-194].

Амфоры использовались не только в качестве погребальных приношений. Погребение № 109, открытое в восточном некрополе Фанагории, содержало детское захоронение, совершённое в хиосской амфоре [Блаватский, 1951, с. 212 сл., рис. 14, 1], которую можно отнести к концу первой–второй четверти столетия [Монахов, 2003, с. 17-18]. На некрополе Артющенко 2 зафиксировано 9 случаев погребений младенцев в амфорах [Кашаев, 2013а, с. 83].

Заметим, что обычай помещать амфоры в погребения прослеживается и в материалах синхронных некрополей других центров Северного Причерноморья. Так, например, он достаточно широко был представлен в Ольвии, где, согласно сравнительно недавно проведённым подсчетам, в могилах, датирующихся временем со вто-

рой четверти V по третью четверть IV в. до н.э., амфоры входили в состав инвентаря почти половины погребений [Папанова, 2005, с. 221]. По-видимому, для рядового населения греческих центров Северного Причерноморья этот элемент погребального инвентаря был достаточно обычным.

Погребения с оружием. В интересующую нас эпоху продолжается традиция помещать в захоронения предметы вооружения. Согласно подсчётам Г.А. Цветаевой, 12 % погребений Пантикапея VI–V вв. до н.э. составляли погребения с оружием [1951, с. 68]. Н.И. Сокольский писал о 14 % таких захоронений в пантикапейском некрополе этой эпохи, отметив, что позже, в IV–III вв. до н.э., количество погребений с оружием в могилах на горе Митридат сокращается до 5–6 % от общего количества исследованных захоронений [Сокольский, 1954а, с. 126]. К сожалению, погребения V в. до н.э. содержавшие наконечники копий, бронзовые наконечники стрел, ножи, реже остатки мечей, как правило, не удаётся выделить из всей массы захоронений раннего времени. Они обычно не имеют надёжных хроноиндикаторов (например, образцов расписной посуды) в составе вещевых комплексов, поэтому подсчёт количества таких погребений, относящихся к эпохе Археанактидов, достаточно сложен.

А.А. Завойкин и Н.И. Сударев предприняли попытку «сузить» датировки известных в настоящее время комплексов с оружием [Завойкин, Сударев, 2006]. Согласно составленной этими исследователями сводке, в некрополе Пантикапея к эпохе Археанактидов могут относиться следующие комплексы:

1). Погребение 19/1911, датированное последней четвертью VI – второй четвертью V вв. до н.э., содержавшее амфору на сложнопрофилированном кольцевом поддоне 520–480 гг. до н.э., короткий меч (длина – 0,51 м), два наконечника копий и 88 наконечников стрел.

2). Погребение 72/1904, содержавшее килик, лекиф «мастера Белдама» второй четверти V в. до н.э. и копьё.

3). Погребение 107/1904, содержавшее копьё и амфориск финикийского стекла, позволивший датировать комплекс первой половиной V в. до н.э.

4). Погребение 124/1904 второй половины VI – первой половины V вв. до н.э., содержавшее копьё и колчаный набор.

5). Погребение 33/ 1902, датированное по аналогии с близлежащими могилами в пределах второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. В нём был найден железный меч.

6). Погребение 1891 г. с трупосожжением в гидрии 500–450 гг. до н.э. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 107].

В некрополе Кеп оружие встречено в двух погребениях второй половины V в. до н.э.; в некрополе Тирамбы выявлено 2 подобных захоронения, относящиеся ко второй четверти столетия и 3 – к его первой половине. Для некрополя Фанагории известно 2 погребения с оружием, относящихся к интересующему нас периоду [Завойкин, Сударев, 2006, с. 116].

Анализ динамики численности погребений с оружием позволил этим авторам

зафиксированы наряду с предметами вооружения (прежде всего, мечами) какие-либо другие выразительные черты (тризна, относительно сложная конструкция погребального сооружения, дорогие художественные изделия и пр.), скорее всего, принадлежали именно представителям элиты. Наиболее примечательным, несомненно, является захоронение с мечом, открытое А.А. Бобринским в 1891 г. в Пантикапее, о котором речь шла выше. То, что среди населения греческих городов достаточно быстро получили распространение местные, варварские типы вооружения (прежде всего, мечи-акинаки, луки и колчаные наборы), представляется достаточно естественным. Не удивительно, что погребения с оружием позднеархаического и раннеклассического времени представлены и в некрополе Ольвии [Скуднова, 1960; Гречко, 2010б, с. 53].

Для интересующего нас периода, охватывающего время правления Археанактидов, мы можем с уверенностью говорить о возникновении по крайней мере одной черты, присущей боспорской элите этого времени. Археологические материалы дают нам достаточно убедительные свидетельства о традиции ношения представителями этой элиты фамильных (?) перстней и колец. Еще М.И. Максимова обратила внимание на то, что из Северного Причерноморья происходит целая серия дорогих перстней и колец, изготовленных лучшими мастерами [Максимова, 1955, 439 сл.; Неверов, 1973, с. 52 сл.]. Некоторые экземпляры V в. до н.э. происходят из знаменитых гробниц более позднего времени, что, очевидно, свидетельствует о том, что их носили достаточно долгое время, возможно, передавая следующему поколению как семейные реликвии. Так, один из перстней работы мастера Дексамена Хиосского третьей четверти V в. до н.э. с резным изображением летящей цапли на халцедоне [ОАК за 1861 г., с. 142 сл., Максимова, 1955, с. 439–441, рис. 2; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 55, 185, рис. 42, 3 Калашник, 2014, рис. 88–89] был найден в комплексе гробницы № 48 кургана 5 некрополя Юз-Оба, датирующемся в пределах второй четверти IV в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 61].

В погребении, исследованном А.Е. Люценко в некрополе Пантикапея в 1854 г., был найден золотой перстень-печать, изготовленный в Ионии во второй половине V в. до н.э. мастером Афинадом [Калашник, 2014, с. 76–77]. На щитке этого перстня, представляющего собой замечательный образец восточногреческого ювелирного искусства [Максимова, 1955, с. 441 сл.], представлен сидящий перс, одетый в нарядно расшитые рубаху и шаровары, с широкими браслетами на обеих руках. Он пристально рассматривает стрелу, у правого колена изображён лук, надетый концом на правую руку.

Из комплекса другого погребения, датированного рубежом V–IV вв. до н.э., также раскопанного на некрополе Пантикапея, происходит золотой перстень, изготовленный в середине V в. до н.э. и, по-видимому, достаточно долго находившийся в употреблении перед тем, как попасть в захоронение. [Калашник, 2014, с. 74–75]. На щитке этого перстня, служившего украшением (а не печатью, в отличие от вышеле-

речисленных), представлена сидящая Пенелопа, склонившая голову к правому плечу и, вероятно, в этой печальной позе ожидающая возвращения Одиссея.

В гробнице 8 кургана 17, раскопанного в Нимфее, был найден золотой перстень-печать V в. до н.э. с изображением летящей Ники [Силантьева, 1959, с. 171, рис. 38, 3; Калашник, 2014, с. 64]. В одной руке богиня держит ветвь, второй приветствует победителя. Из гробницы 9 кургана 20 того же некрополя происходит золотое кольцо третьей четверти V в. до н.э., украшенное орнаментом в виде пальметок [Силантьева, 1959, с. 42, рис. 2 а-б; Калашник, 2014, с. 65].

Любопытно, что для V в. до н.э. известны лишь два золотых перстня греческой работы, найденные в погребениях Скифии. Один из них, с выгравированным на щитке изображением варвара, стреляющего из лука [Ромашко, Скорый, 2009, рис. 12, 22; рис. 63, 1, 2], происходит из комплекса основного захоронения кургана Блинец 2 на южной окраине современного г. Днепропетровска. Высота кургана на момент раскопок составляла немногим более 7 м, диаметр его основания, судя по остаткам каменной крепиды, изначально равнялся 42-43 м [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93]. В.А. Ромашко и С.А. Скорый отмечают, что он принадлежит к самым значительным скифским элитным курганам V в. до н.э. Огромные размеры могилы и погребальной камеры (площадь её – более 34 кв. м), богатый и разнообразный инвентарь, остатки человеческого жертвоприношения, наличие трёх конских могил также свидетельствуют в пользу высочайшего социального статуса погребённого [Ромашко, Скорый, 2009, с. 94 сл.]. Наиболее вероятная дата погребения – вторая половина V в. до н.э., не позднее конца столетия. Перстень же был изготовлен ранее – в первой половине столетия (возможно, в самом его начале) и, судя по затёртости изображения, мог использоваться в течение нескольких десятилетий [Ромашко, Скорый, 2009, с. 64-65].

Другой перстень-печать, с изображением возничего, управляющего несущейся колесницей, в которую запряжены два коня (рис. 6), был найден на территории Левобережной лесостепи в комплексе кургана 2 (24)/2001 могильника Перещепино I к западу от Бельского городища [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 98-99, рис. 109; табл. III, 4]. В состав инвентаря погребения входили также колчаный набор, железные ножи, бронзовое зеркало, золотые нашивные бляшки, арибалы из «финикийского» стекла, фаянсовые и стеклянные бусы и другие изделия [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 90 сл.], что также позволяет интерпретировать его как захоронение скифского аристократа. Скорее всего, его социальный статус был несколько ниже по сравнению со статусом погребённого в кургане Блинец 2, но, вне всякого сомнения, погребённый здесь воин принадлежал к местной элите. Перстень из этого комплекса отличается высоким уровнем художественного исполнения – композиция, украшающая щиток, одновременно строгая и выразительная, прекрасно передаёт стремительный бег колесницы. По типологии О.Я. Неверова, перещепинский перстень относится к типу 2, бытовавшему в первой половине V в. до н.э. [Неверов, 1986, с. 18-19]. Сцены, представляющие конные ристалища, известны в греческой вазовой живописи классического времени. Композиция на перстне из Перещепино близка изображениям на аттическом

чернофигурном скифосе из Коринфа, датирующемся 490–480 гг. до н.э. [Brownlee, 1995, pl. 87, n. 260]. Сам же комплекс захоронения, вероятно, датируется временем ближе к концу столетия. Таким образом, можно предположить, что, перед тем как попасть в погребение, золотой перстень, как и перстень из кургана Близнец 2, также долгое время служил украшением-символом власти. Находки в курганах Близнец 2 (степь) и кургана могильника Перещепино I (лесостепь) чрезвычайно выразительны и знаменуют собой начало распространения в скифской аристократической среде обычая носить дорогие перстни, изготовленные греческими мастерами²⁴. В этой связи нельзя не вспомнить об известной находке так называемого «перстня Скила» в Северной Добрудже, несомненно, принадлежавшего к этой же группе социально значимых вещей, свидетельствующих о высоком статусе их владельцев. На его щитке выгравировано изображение сидящей слева женщины, держащей в правой руке зеркало с боковой ручкой [Виноградов, 1980, с. 93, рис. 1]. Ю.Г. Виноградов датировал перстень второй четвертью V в. до н.э. и полагал, что он мог принадлежать скифскому царю Скилу и, вероятно, его венценосному предшественнику Арготу [Виноградов, 1980, с. 92 сл].

Показательно, что рядовое население боспорских городов стремилось по мере сил подражать этой аристократической моде, довольствуясь кольцами и перстнями из более дешёвых материалов – серебра и бронзы, которые в это время также регулярно встречаются в погребениях. По наблюдению А.К. Коровиной, формы перстней, происходящих из раскопок погребений Фанагории и Тирамбы, были такими же, как у золотых изделий; перстни ранней группы при этом имели резные изображения, т.е. являлись печатями [Коровина, 1987а, с. 137 сл.].

Золотые кольца V в. до н.э. были обнаружены и в составе инвентаря захоронений Ольвийского некрополя [Калашник, 2014, с. 52, 53], что, очевидно, отражает существование этой традиции среди элиты других греческих городов Северного Причерноморья.²⁵

1.7. Курганы «с варварскими чертами» вблизи боспорских городов

Для района Киммерийского Боспора с древнейших времен характерны курганы, сооружённые над могилами представителей аристократической верхушки скифского общества. Некоторые из них можно с большой степенью вероятности связывать с путём сезонных миграций кочевников из Приднепровских степей на Тамань. К их

---

²⁴ Сюжеты, украшающие перстни, – изображение варвара-лучника и возникшего, управляющего несущейся колесницей, также весьма выразительны и, вне сомнения, прекрасно «вписывались» в контекст скифской аристократической культуры.

²⁵ Согласно типологии металлических перстней, разработанной О.Я. Неверовым, самые ранние боспорские перстни принадлежат к типу 2, распространённому с начала и до середины V в. до н.э., причём 3 из них происходят с территории Тамани и 3 – из Нимфея. Перстень мастера Афинада из Пантикалея исследователь относил к типу 3 и датировал серединой – третьей четвертью V в. [Неверов, 1986, с. 18-19].

числу принадлежит и знаменитый курган Темир-Гора, оставленный недалеко от восточной оконечности Керченского полуострова, «на подступах» к проливу [Вахтина, 1991, с. 6-7]. В состав его основного погребения входила знаменитая милетская ойнохоя 650/40 – 630 гг. до н.э. [Копейкина 1972, с. 156; Cook, Dupont, 1998, р. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, р.20], определяющая дату всего комплекса. Таким образом, курган, возведённый над этим погребением, появился в районе традиционной переправы еще до появления в регионе первых постоянных греческих поселений.

Ещё один скифский курган, хорошо «привязывающийся» к пути сезонных миграций, – курган у Цукурского лимана на Тамани [Вахтина, 1991, с. 7; 1993; Виноградов, 2009а, с. 385]. Захоронение, совершённое в этом кургане, содержало костяк, лежавший головой на запад (рис. 7). Сопровождающий инвентарь составляли топорик-клевец, колчаный набор (бронзовые наконечники стрел), бронзовая бляшка в «зверином стиле», а также греческие полихромная ойнохоя и килик, украшенный полосами лака (не сохранился). Наиболее вероятной датой погребения является конец первой – вторая четверть VI в. до н.э. То есть возведение кургана у Цукур-лимана синхронно начальному этапу греческой колонизации Азиатского Боспора, а греческие вещи в составе погребального инвентаря свидетельствуют о ранних контактах между греческими поселенцами и представителями туземной аристократии [Виноградов, 2001а, с. 78].

Характерной чертой эпохи Археанактидов является появление на территориях некрополей греческих городов или в непосредственной близости от них захоронений варварской аристократии [Виноградов, 2005а, с. 245 сл.]. На Керченском полуострове курганы в эту эпоху сосредоточены близ двух центров – Пантикапея и Нимфея [Виноградов, 2001а, с. 78-79]. В круге этих памятников особое место занимают погребения в курганах, сопровождающиеся конскими гробницами и/или уздечными наборами «варварского» облика.

Чрезвычайно важным для понимания греко-варварских взаимодействий на Боспоре в эпоху Археанактидов представляется захоронение *в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун* к югу от Пантикапея [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 115 сл.; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 19 сл.]. Этот комплекс, как и другие курганы на мысе Ак-Бурун, был исследован сначала английским военным медиком Д. Макферсоном во время англо-французской оккупации Керчи в 1855-56 гг., затем А.Е. Люценко в 1862 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 27]. Курган к моменту последних раскопок достигал примерно 8,5 м в высоту, длина его окружности была более 170 м. Любительские раскопки Д. Макферсона выявили углубление в скале, облицованное каменной кладкой; могильная яма была перекрыта досками, которые провалились внутрь гробницы. В яме были обнаружены куски орнаментированной слоновой кости [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 21, рис. 16], фрагменты керамики (возможно, от раздавленных землёй амфор) и греческая бронзовая гидрия [Бутягин, Виноградов, 2014, рис. 17]. Исследования, проведенные А.Е. Люценко, обнаружили два конских захоронения [Виноградов, Зинько, Смекалова, с. 115]. Одна из лошадей, захоронен-

ная под насыпью кургана на древней дневной поверхности, имела уздечный набор, от которого сохранились 16 предметов (рис. 8). В их числе железные удила, четыре полусферические бронзовые бляхи, три бляшки-пронизки в виде головок животных, две ременные бляхи в «зверином стиле», две бронзовые ворворки, круглая ажурная бляха и пряжки от подпружного ремня [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 28 сл., рис. 19–22]. Самыми интересными предметами конской упряжи являются круглая бляшка²⁶ в виде свернувшегося хищника [рис. 8, ; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 92; Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 11] и уникальная бронзовая налобная бляха в виде головы козла или сайгака [рис. 8, ; Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 12].

Э.В. Яковенко датировала уздечный набор из этого кургана временем не позднее середины V в. до н.э. и отметила его нетипичность в круге синхронных ему наборов [Яковенко, 1970, с. 58–59]. Вместе с тем, отдельные элементы сближают этот набор с комплексами, происходящими из скифских курганов лесостепного Приднепровья, а также из Семибратних курганов в Прикубанье и Нимфейских курганов в Восточном Крыму [Яковенко, 1974, с. 105; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 34–35]. Всё это позволило Э.В. Яковенко высказать предположение о том, что детали для конской упряжи в V в. до н.э. могли производиться в мастерских Боспора [Яковенко, 1974, с. 104–107].

А.Е. Люценко отметил своеобразие устройства насыпи кургана, содержащей большое количество морских ракушек. Ю.А. Виноградов обратил внимание на то, что эта особенность не характерна для курганов Восточного Крыма, однако достаточно часто встречается на Таманском полуострове, где ракушками (или ракушками, смешанными с песком) нередко засыпали перекрытия могил [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 35; см.: Сорокина, 1957, с. 8, 12; см. также главу 1.6]. Особенно распространено было использование раковин в некрополях на мысе Тузла, где ими не только засыпали могилы, но и выстилали полы гробниц [Шкорпил, 1914, с. 21–71; Шкорпил, 1911, л. 127 сл.]. Это наблюдение, как и стилистические особенности уздечного набора, позволило исследователям «поставить Пятый Ак-Бурунский курган в культурном отношении в круг памятников азиатской стороны Боспора» [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 35].

Датировка кургана серединой–третьей четвертью V в. до н.э., опирающаяся на даты бронзовой гидрии и предметов конской упряжи [Виноградов Зинько, Смекалова, 2012, с. 116; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 28, 35], показывает, что этот комплекс принадлежит важному периоду в истории Боспора, в рамках которого правление Археанактидов сменяется приходом к власти других правителей – Спартокидов. Однако «культурный облик» этого комплекса, несомненно, связан с эпохой Археанактидов [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 36]. Пятый курган на мысе

²⁶ К приведенным исследователями аналогиям этой вещи [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 32, кат. 11] можно добавить бронзовую бляшку в виде фигурки свернувшегося хищника, случайно найденную в районе Добрича в северо-восточной Болгарии и, возможно, происходящую из разрушенного погребения, хранящуюся в музее Варны. А. Минчев, опубликовавший эту находку, датировал её первой половиной V в. до н.э. [Minchev, 2005, fig. 1, 2].

Ак-Бурун является древнейшим в знаменитом некрополе Юз-Оба, сформировавшимся во времена расцвета Боспора под эгидой Спартокидов. Однако в силу того, что следующий по времени курган этого некрополя был возведён приблизительно через 75 лет, этот памятник, «скорее всего, следует исключить из некрополя Юз-Оба и интерпретировать его в плане греко-варварских взаимодействий на Боспоре времени Археанактидов» [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 116]. Однако само возникновение на этой территории в IV в. до н.э. курганного некрополя Юз-Оба представляется нам фактом далеко не случайным.

Шесть захоронений с варварскими чертами обряда, которые можно датировать V в. до н.э., были открыты *вблизи Нимфея* [Силантьева, 1959, с. 56 сл.; Соколова, 1999; Sokolova, 2002]. Ещё три нимфейских комплекса удалось реконструировать на основе материалов, хранящихся в Ашмолинском музее в Оксфорде [Vickers, 1979; 2002]. Необычность курганных погребений нимфейского некрополя отмечал М.И. Ростовцев, который пришёл к выводу о том, что они «не могут считаться греческими, а принадлежат, несомненно, соседним скифам» [Ростовцев, 1925, с. 161]. Л.Ф. Силантьева приводит для некрополя Нимфея пять комплексов²⁷, даты которых соответствуют времени правления Археанактидов. Все они были совершены в курганах, находившихся на расстоянии 2-3 км от города и располагавшихся на тех же участках, что и другие погребения, не отличавшиеся «местными особенностями» [Силантьева, 1959, с. 56 сл.].

Самым ранним комплексом, по-видимому, является погребение в гробнице 14 кургана № 32, раскопанное в 1876 г. [Силантьева, 1959, с. 86], которое можно датировать первой половиной V в. до н.э. В отличие от других курганов этой группы курган № 32 содержал гробницу (разграбленную), сложенную из сырцовых кирпичей, а не из камня. По её периметру были открыты 4 конские гробницы с бронзовыми украшениями упряжи [Силантьева, 1959, рис. 48; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 63], находящими стилистические параллели в скифских курганах лесостепного Правобережного Приднепровья. Впрочем, отмечено, что бляшки в виде головы хищника (льва?) из кургана № 32 отличаются бóльшей реалистичностью по сравнению с экземплярами из лесостепи [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, p. 62]. Ближайшая же аналогия бляшкам из нимфейского набора, передающим образ хищника с круглым выпуклым глазом, отстоящим ухом и раскрытой пастью, в которой видны два клыка [Силантьева, 1959, рис. 48, 1-2], происходит из разрушенного погребения некрополя Тирамбы (случайная находка) [Коровина, 1987б, с. 5, рис. 2].

К интересующему нас времени принадлежит центральная гробница 9 в кургане 24/1876, сложенная из камней и содержавшая деревянный саркофаг, в котором находился костяк, лежавший головою на восток. На его шее была золотая гривна, вокруг

---

²⁷ Комплекс каменной гробницы № 16/1876 в сплошной могильной насыпи [Силантьева, 1959, с.78 сл.], также имеющий черты, сближающие его с перечисленными погребениями, принадлежит к более позднему времени – началу IV в. до н.э. [см.: Виноградов, 2005а, с. 249].

черепя были найдены золотые нашивные бляшки, по-видимому, служившие украшением головного убора [Силантьева, 1959, рис. 24]. Возле левого плеча находилась золотая «ворварка», около левой руки – скарабеоид из стекловидной массы с изображением на одной стороне коровы с телёнком, на другой – крылатого диска. Между продольными стенками гробницы и саркофага были положены доспехи и оружие погребённого, от которых сохранились фрагменты чешуйчатого панциря, несколько поломанных железных мечей, кинжалов и копий, бронзовые наконечники стрел [Силантьева, 1959, рис. 25]. Из этой же гробницы происходит целый набор дорогих греческих художественных изделий, из которых упомянем бронзовый «канделябр», увенчанный фигуркой атлета [Силантьева, 1959, рис. 30, 31], бронзовый черпак с двумя птичьими головками на конце ручки, украшенные гравировкой, бронзовые ситечко и большое зеркало, бронзовая ойнохоя второй четверти V в. до н.э. с изображением Силена в основании ручки [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, no. 104], обломок серебряной фиалы. Среди керамических находок отметим большой краснофигурный скифос [Силантьева, 1959, рис. 27] и 3 чернолаковых чаши. Из конской могилы этого кургана происходят бронзовые детали конской упряжи, украшенные в зверином стиле [Силантьева, 1959, рис. 37]. Золотая гривна на шее погребённого²⁸ – «знаковое» украшение, характерное для скифской элиты. Как отметила В.Г. Петренко, таких гривен для конца VI – V вв. до н.э. известно всего 10 экземпляров, причём в это время «они уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки». Начиная с конца VI в. до н.э. этот тип украшений встречается не только на территории лесостепи, но также в степной и крымской группах скифских памятников [Петренко, 1978, с. 41]. Аналогии гривне и нашивным бляшкам, найденным в гробнице, происходят из скифских погребений Крыма и лесостепного Приднепровья [Силантьева, 1959, с. 66-67]. Захоронение датируется временем около середины V в. до н.э.

В гробнице 8 кургана № 17/1876 г. был выявлен комплекс, близкий по обряду тому, который был обнаружен в предыдущем кургане [Силантьева, 1959, с. 71 сл.]. В гробнице, сложенной из плит, находился деревянный саркофаг, содержащий скелет, лежавший головой на восток. В изголовье, у шеи, плеч, на груди костяка были найдены золотые украшения: пронизи от ожерелья с зерновидными подвесками, 8 подвесок в форме «калачиков», разнообразные штампованные бляшки [Силантьева, 1959, рис. 37, 38]. У кисти левой руки был найден золотой перстень с изображением летящей Ники [Силантьева, 1959, рис. 38, 3; Калашник, 2014, с. 64]. В ногах лежали бронзовые черпак, сито, зеркало, два чернолаковых скифоса, алабастр,

²⁸ В.Г. Петренко в своей классификации поместила гривну из погребения кургана 24 нимфейского некрополя в отдел III, представленный гривнами, изготовленными из круглого в сечении литого стержня, расширенного в средней части. Гривна из Нимфея относится к типу 1 этого отдела, который образуют изделия с сужающимися незамкнутыми обрубленными или чуть округленными концами [Петренко, 1978, с. 44, табл. 30, 2].

морская губка и костяная булавка. По сторонам скелета, внутри и снаружи саркофага, обнаружены обломки железных мечей, кинжалов, наконечников копий, фрагменты чешуйчатого панциря на кожаной основе, бронзовые наконечники стрел, фрагментированный бронзовый шлем, бронзовая кнемида. Конская могила этого кургана содержала несколько костяков лошадей; конской упряжи при них не было найдено, однако несколько деталей упряжи были обнаружены в центральной гробнице. Захоронение датировано Л.Ф. Силантьевой последней третью V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 77]. Изысканное золотое ожерелье из этого комплекса относят к третьей четверти столетия [Калашник, 2014, с. 66].

Среди этой группы курган 14/1878 г. выделялся своими размерами – его высота на момент раскопок достигала 6 м, окружность насыпи – 115 м, содержащаяся в нём гробница также была больших размеров – 2,13 м × 1,25 м [Силантьева, 1959, с. 83, сл.]. Гробница здесь была почти полностью ограблена, но сохранившиеся вещи и их обломки (чешуйки панциря, наконечники стрел, обломки меча, фрагменты амфор, туалетные сосуды, бронзовые детали конской упряжи) позволяют предположить, что набор инвентаря был близок к обнаруженным в описанных выше комплексах захоронений. В насыпи кургана была обнаружена конская могила. Л.Ф. Силантьева предположительно отнесла это захоронение к середине – второй половине V в. до н.э.

В кургане 6/1878, центральная часть которого была разрушена грабительскими раскопками, при доследовании насыпи была найдена боковая гробница, содержащая останки 4 лошадей, лежавших в один ряд, пятый скелет находился впереди остальных. Среди небольшого набора конской упряжи представлен нащёчник, ближайшая аналогия которому происходит из комплекса кургана 66 могильникам Берестеняги близ Смелы [Силантьева, 1959, с. 86-87].

Ещё один, шестой комплекс, который можно отнести к этой группе памятников, был открыт на нимфейском некрополе в 1999 г. [Соколова, 1999, с. 184 сл.; Соколова, Павличенко, Каспаров, 1999, с. 326–340, рис. 7–9; Sokolova, 2003, p. 802, fig. 6]. Составляющие его погребения В-14 и В-15, объединённые неглубоким котлованом, были совершены в ямах, вырубленных в скале (рис. 9). Первое из них, перекрытое каменными плитами, среди которых были обнаружены части греческих надгробий с остатками надписей (рис. 10), оказалось ограбленным. В его заполнении и над перекрытием были найдены несколько фрагментов амфор «с раздутым горлом», датирующихся второй четвертью – концом V в. до н.э. Вторая могила содержала захоронение коня, по размерам соответствующего типу степной скифской лошади (его высота в холке была 138-140 см), предназначенной для верховой езды. В грунте под остовом и над ним были прослежены следы тления, что позволило предположить, что конь был покрыт попоной. По обе стороны от его пасти были найдены 2 бронзовые ворворки, две бронзовые подвески в виде «висячих замочков» и две бронзовые выпуклые пряжки с зооморфными изображениями; ещё две такие пряжки находились по обе стороны от лобных костей, на носу была найдена бронзовая пластина (рис. 11). Уздечный набор по аналогиям с находками из скифских гробниц был датирован

временем не позднее третьей четверти V в. до н.э. [Соколова, 1999, с. 186]. Эта дата согласуется и с датировками надгробий, которые по характеру письма были отнесены к первой половине столетия [Павличенко, 1999, с. 187].

Кроме перечисленных выше комплексов, к группе погребений с варварскими чертами, открытой на некрополе Нимфея, как было сказано, относятся ещё шесть гробниц, раскопанных в 1868 г. Материалы из этих комплексов хранятся в Ашмолинском музее в Оксфорде. Они были переданы туда в 80-х гг. XIX в. инженером В. Сименсом, курировавшим работы по прокладке участка линии «индоевропейского телеграфа», которая шла через Керченский пролив [Vickers, 1979, p. 7-8; 2002, p. 5-6]. Во время этих работ и были раскопаны нимфейские захоронения, материалы которых оказались в Англии. Впоследствии эти материалы и сохранившиеся описания раскопок были систематизированы и изданы М. Викерсом²⁹.

Гробницу 1 исследователь назвал погребением «воина и женщины» [Vickers, 1979, p. 9]. Это парное захоронение было совершено под насыпью высотой 7,25 м, в гробнице, сложенной из грубо обработанных плит местного известняка, обнаруженной на глубине 0,60 м ниже уровня поверхности в юго-восточной части кургана [Vickers, 1979, fig. 1]. Она была ориентирована по оси запад-восток. Выше, над верхним рядом камней гробницы, были обнаружены скелеты лошади и собаки. От костяков сохранились лишь отдельные кости – череп и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет [Vickers, 1979, p. 35, pl. Пс; 2002, p. 14, pl. 1, 2]. Интересной его особенностью является трещина в лобовой части, которая, однако, не была причиной смерти. Возможно, она являлась следствием боевого ранения, от которого, по-видимому, воину удалось достаточно успешно излечиться. Челюсть с остатками зубов принадлежала женщине [Vickers, 1979, p. 35, pl. Пд; 2002, pl. 1, 2]. Инвентарь мужского погребения состоял из 22 бронзовых и одного костяного наконечника стрел (рис. 12, 1) [Vickers, 1979, pl. Па-b; 2002, pl. 2]; возможно, к нему относился и бронзовый шлем (рис. 12, 2) [Vickers, 1979, pl. Ia-c; 2002, pl. 1], не упомянутый в документации. Е.В. Черненко отнёс этот шлем к «иллирийской» группе, отметив, что шлемы этого типа распространены в Венгрии и на Балканах (особенно широко – на территории бывшей Югославии) [Черненко, 1966; 1968, с. 93].

К женскому вещевому комплексу принадлежали пара золотых ладьевидных серег («калачиков») (рис. 13, 1) [Vickers, 1979, pl. IIIa; 2002, pl. 3], небольшое электровое кольцо [Vickers, 1979, pl. XVIIIa, fig. 12-13], небольшие нашивные бляшки в виде фигурок зайцев (рис. 13, 2) [Vickers, 1979, pl. IVb-c; 2002, pl. 5], бронзовое зеркало (рис. 13, 3) [Vickers, 1979, pl. IIIb; 2002, pl. 4, 2], аттический краснофигурный лекиф с изображением зайца (рис. 13, 4) [Vickers, 1979, pl. IVa, fig. 2; 2002, pl. 4, 1]. Кроме этих вещей, в состав женского вещевого комплекса входили предметы, не сохранившиеся до наших дней: золотое ожерелье с подвесками в виде орехов и два мраморных алабастра. В гробнице также были найдены фрагменты шкуры,

²⁹ Нумерация комплексов дана по Vickers, 1979; 2002.

шерстяной ткани, орехи. Среди органических остатков была и морская губка, как и в кургане № 17, раскопанном А.Е. Люценко [Силантьева, 1959, с. 71]. Особенно интересен фрагмент шерстяной ткани высокого качества, что позволило высказать предположение о том, что она была произведена в Милете, метрополии многих бо-спорских колоний, славившегося своими тонкорунными овцами [Vickers, 2002, p. 24, pl. 6]. Форма и роспись лекифа позволили М. Викерсу датировать этот сосуд концом V в. до н.э. [Vickers, 2002, p. 20]; вероятно, к этому времени относится весь комплекс гробницы № 1. Изображение зайца на лекифе как бы «повторяет» сюжет, представленный на бляшках, возможно, усиливая его семантическое значение. Интерес представляет и декор золотых серег, один конец каждой из них оформлен в виде головки грифона. Тип серег-калачиков (или ладьевидных серег) был широко распространен в Греции и на Переднем Востоке с VII в. до н.э.; известен он и в варварском мире Северного Причерноморья, где бытовал до конца скифской эпохи [Скржинская, 1986, с. 112–114; Мартынов, 1997, с. 38]. Однако украшение в виде головок грифонов на серьгах этого типа чрезвычайно редко. Кроме экземпляров из нимфейской гробницы, такие головки грифонов известны только для ещё двух пар серег. Обе эти пары были обнаружены в скифских курганах Северного Причерноморья. Одна из них была найдена в комплексе кургана 3 у с. Дорт-Оба на левом берегу р. Салгир в центральной части Крыма [Петренко, 1978, с. 107, табл. 19, 10, 10а; Мартынов, 1997, с. 36–37; Алексеев, 2012, с. 124–125; Колтухов, Сенаторов, 2014, с. 68, рис. 1, 2]³⁰, другая была обнаружена в составе женского погребения скифского кургана 6 у с. Балабаны в Молдавии, датированного IV в. до н.э. [Чеботаренко, 1973, рис. 7, 8].

Изображения зайцев на золотых нашивных бляшках А.Р. Канторович в своей фундаментальной классификации отнес к типу, который он назвал «бельским»³¹. Исследователь отметил, что этот тип «не находит себе близких аналогий в рамках звериного стиля, данный тип композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве», и датировал нимфейские бляшки 475–425 гг. до н.э. (с учетом наиболее вероятной даты комплекса гробницы) [Канторович, 2015, с. 840–841].

Гробница 2 была обнаружена под насыпью кургана высотой 6,45 м [Vickers, 1979, p. 10]. Гробница, очевидно, была сходна с той, которая была обнаружена в предыдущем захоронении, располагалась она в восточной части кургана на древней дневной поверхности. В одной части сохранились остатки деревянного

---

³⁰ С.Г. Колтухов и С.Н. Сенаторов полагают, что погребение в кургане 3 Дорт-Обы может быть поставлено «в один ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V–IV вв. до н.э. из степной Скифии» [2014, с. 72]. Исследователи считают, что серьги с головками грифонов из этого захоронения, изготовленные во второй половине V в. до н.э., достаточно долго использовались, прежде чем попасть в комплекс погребения, которое они склонны помещать в рамки более позднего времени. То же, очевидно, можно сказать и о серьгах из кургана у с. Балабаново.

³¹ Бляшка в виде фигурки зайца, близкая по композиции бляшкам из нимфейской гробницы, была найдена в кургане 2 могильника Перещепино I к западу от Бельского городища [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 114, рис. 124, 8; табл. IV, 5, 1].

гроба. Погребённая здесь женщина лежала головой на восток, на шее у неё было золотое ожерелье (рис. 14, 1), состоящее из бусин в виде головок барана [Vickers, 1979, pl. VIa; 2002, pl. 7, 1]. На плечах были найдены круглые золотые застёжки (рис. 14, 3, 4), очевидно, скреплявшие одежду [Vickers, 1979, pl. VIId; 2002, pl. 7, 3], на левой руке – золотое кольцо с изображением сфинкса (рис. 14, 1) [Vickers, 1979, pl. VIb; 2002, pl. 7, 2]. Судя по полевой документации, к этому комплексу, вероятно, относились два аттических краснофигурных аска (рис. 14, 4, 5) [Vickers, 1979, pl. VIIa-b; VIIa; 2002, pl. VIII], а также чернофигурные скифосы (рис. 14, 7, 8) и лекана (рис. 14, 7) [Vickers, 1979, pl. VIIIb, IXa-c; 2002, pl. 9-10]. На дне одного из скифосов – графито (рис. 14, 8a), возможно, имя владельца [Тохтасьев, 2015, с. 890-891]. Скифос датируется в пределах первой половины V в. до н.э. [Vickers, 2002, p. 30], а лекана – 430-420 гг. до н.э. [Vickers, 2002, p. 31]. Очевидно, захоронение можно датировать третьей четвертью V в. до н.э. Не исключена возможность, что под насыпью этого кургана в древности было совершено и мужское погребение, позже разрушенное грабителями.

Чрезвычайно интересен комплекс гробницы 6, интерпретированной как «гробница воина» [Vickers, 1979, p. 10]. Обнаруженный в ней мужской костяк лежал головой на восток. На шее у него была золотая гривна (рис. 15, 1) [Vickers, 1979, pl. XVa; 2002, pl. 18, 1], как и у погребённого в кургане 24, украшение, характерное для скифской элиты. Согласно классификации, разработанной Е.Г. Петренко, гривна из гробницы 6 (как и найденная в кургане 24) относится к первому типу I отдела [Петренко, 1978, с. 42]. Исследовательница отметила, что в целом в эпоху скифской архаики и классики находки гривен в погребениях достаточно редки. В архаическое время они известны лишь в лесостепи, но с конца VI в. начинают распространяться в Крыму и Прикубанье. В.Г.Петренко полагала, что в конце VI–V вв. до н.э. гривны «... уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки» [1978, с. 41].

На воине был чешуйчатый панцирь, сохранившийся фрагментарно (рис. 15, 2) [Vickers, 1979, XVb-c; 2002, pl. 17, 1]. Е.В. Черненко полагал, что найденные в могиле фрагменты являются нижней частью оплечий [Черненко, 1968, с. 43].

К мужскому захоронению относится и крупная бронзовая бляха в виде головы лося (рис. 15, 3) [Черненко, 1970, с. 195, рис. 3; Vickers, 1979, pl. XVIa; 2002, pl. 16], по-видимому, служившая нагрудным украшением панциря. Подобные украшения доспеха известны по материалам скифских аристократических погребений и изображениям на каменных изваяниях [Черненко, 1968, с. 36-37; 1970, с. 194-195]. Качество декора нимфейской бляхи, выразительность и тщательная проработка деталей позволяют отнести это украшение к выдающимся памятникам скифской торевтики классического времени. Манера изображения животного близка изображениям на бронзовых бляшках из скифских курганов лесостепи – кургана у с. Грищенцы [Галанина, 1977, с. 53, табл. 31, 5], Журовских курганов [см., например: Piotrovsky, Galanina,

Grach, 1986, pl. 62, 64]. Изображения лося встречаются и в курганах степной зоны, например, на бляшке из кургана у Мариуполя [Мурзин, 1984, рис. 9, 3]. Похожее изображение лося представлено на бляшке, служившей украшением конской сбруи, из нимфейского кургана № 1/1978 [Силантьева, 1959, рис. 47, 5]³².

А.Р. Канторович отнес бляху из гробницы 6 некрополя Нимфея к типу 3, который назвал «нимфейско-семибратним», и определил время его бытования в пределах V в. до н.э. [Канторович, 2015, с. 340].

Бронзовая бляха в виде головы лося, найденная в гробнице 6 нимфейского некрополя, уникальна по своим размерам (длина её – 11,6 см), а также по способу использования. Напомним, что она служила нагрудным украшением боевого доспеха. Нимфейская бляха как бы представляет собой увеличенную «копию» бляшек, широко использовавшихся в скифском мире для украшения парадной сбруи боевого коня.

На ногах погребённого были поножи, от которых сохранились 13 длинных бронзовых, частично накладывавшихся друг на друга пластин (рис. 15, 4), в древности, вероятно, крепившиеся на кожаную основу [Vickers, 1979, pl. XVIb; 2002, pl. 17, 2]. Остатки поножей из нимфейской гробницы были детально исследованы Е.В. Черненко и датированы в пределах второй половины V в. до н.э. [Черненко, 1968, с. 117–119, рис. 62; 1970, с. 195–197, рис. 4]. Исследователь отметил, что поножи этого типа известны на территории Восточной Европы с середины V в. до н.э., однако наибольшее распространение получили в IV–III вв. нимфейские поножи, по Е.В. Черненко, принадлежат к немногочисленной группе наиболее ранних находок, включающей всего 3 экземпляра.

Судя по описанию гробницы, в ногах погребённого, возможно, лежали коррозированные остатки меча. Вероятно, к этому комплексу принадлежали и три чернолаковых сосуда – две патеры и чаша на высокой ножке [Vickers, 1979, p. 10-11].

---

³² Стилистически бляшке в виде головы лося из нимфейской гробницы № 6 наиболее близка бляшка из кургана у с. Грищенцы (курган Тарновского) лесостепного левобережья [Галанина, 1977, табл. 31, 5]. У лося из кургана у с. Грищенцы, как и у лося из Нимфея, такая же массивная оконечность морды, загнутая вниз почти под прямым углом, один из завитков-«рогов», обращённый в сторону пасти, украшен композицией «глаз и клюв» в стиле зооморфных превращений. Вместе с тем, глаз у нимфейского лося, в отличие от «канонических» скифских изображений эпохи поздней архаики, не круглый, а миндалевидный, как у многих изделий в зверином стиле V в. до н.э., обнаруженных в захоронениях варварской знати вблизи греческих центров [например, в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун близ Керчи: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 92; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 135, кат. 11] или захоронениях в «контактных зонах», содержавших греческие импортные вещи и, вероятно, созданных под влиянием античного искусства [например, в комплексах Семибратних курганов: Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 86-89; 94]. Часть завитка, идущего к пасти животного и заканчивающегося птичьей головкой, украшена «рубчиками». Этот орнаментальный приём характерен для изображений животных на изделиях V в. до н.э., выполненных в русле «греко-скифского» искусства. Его можно увидеть на бляхах в виде оленей из Ак-Мечетского кургана, курганов у с. Ильичёво и Куль-Обы, на бронзовой бляхе в виде хищника из Кулаковского кургана. Изображения, при создании которых был использован этот декоративный приём, известны в это время и в степи, например, на бляхе из кургана у с. Ковалёвка Николаевской обл. [Мурзин, 1984, с. 41, рис. 24].

М. Викерс также отнёс к этой гробнице бронзовый черпак (рис. 15, 5), датированный концом V в. до н.э., длинная ручка которого заканчивается изображением лебединой головки [Vickers, 2002, p. 50. pl. 19, 1]. Похожие черпаки с ручками, имевшими такие же окончания, происходят из курганов 24 и 17 нимфейского некрополя [Силантьева, 1959, рис. 34, 1; 35, 39, 4].

Даже самый общий обзор комплексов, хранящихся в Ашмолинском музее, показывает их чрезвычайную близость материалам из раскопок нимфейского некрополя, хранящимся в Эрмитаже. Все эти гробницы, содержавшие богатые вещевые наборы, в состав которых входили золотые украшения, оружие, бронзовые сосуды, расписная столовая керамика, несомненно, можно отнести к захоронениям знати, т.е. представителей аристократической прослойки местного общества. Большинство захоронений сопровождали конские погребения с парадными уздечными наборами (или же украшения конской упряжи, в которых можно видеть семантическую «замену» конского жертвоприношения, символическое обозначение присутствия боевого коня, сопровождавшего хозяина). Э.В. Яковенко отмечала очень высокое качество изготовления уздечных наборов из нимфейского некрополя (а также из кургана на Ак-Бурунском мысе) и подчеркивала, что, судя по этим находкам, на Боспоре в V в. до н.э. преобладал скифский тип снаряжения лошадей [Яковенко, 1993, с. 85]. Весьма характерно сооружение курганов (иногда достаточно высоких) над гробницами этой группы, несомненно, сблизившее их в глазах современников с «могилам скифских царей».

Обычно рассмотренные выше комплексы относят к погребениям «с местными (т.е. варварскими – *М.В.*) чертами обряда» [Силантьева, 1959, с. 51]. Справедливо отмечается и сочетание в них черт обряда и элементов погребального инвентаря, характерного, с одной стороны, для греков Северного Причерноморья, а с другой – для варваров-скифов, занимавших господствующее положение в регионе [Зинченко, 2001, с. 121; Виноградов, 2005а, с. 245 сл.]. То, что погребения этого круга были совершены на территории некрополя греческого города, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что погребённые, лица высокого социального ранга, были достаточно тесно связаны с нимфейской общиной. По-видимому, представители местной, варварской аристократии в эпоху Археанактидов начали проникать в греческие города (вероятнее всего, в некоторые из них). Особенно ярко это видно на примере Нимфея. К подобному выводу об особенностях развития этого центра в своё время пришла Н.Л. Грач: «Эволюция греко-варварских контактов в Нимфейском регионе Боспора происходила по восходящей линии. Уже в V в. до н.э. местная аристократия играла заметную, если не ведущую роль в жизни города. Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» [Грач, 1999, с. 31].

О роли этих «местных элементов» в жизни Нимфея мы, конечно же, можем только догадываться. Неясно также, кем являлись женщины, сопровождавшие мужские захоронения в парных погребениях. Были ли они гречанками, соединившими свои судьбы с варварскими воинами-аристократами и способствовавшими, таким образом,

«адаптации» выходцев из туземной среды к новым условиям жизни, в том числе, обеспечивавшими их необходимыми родственными связями в круге греческой элиты? Здесь невольно возникает параллель со знаменитым парным погребением в кургане Куль-Оба (см. главу 2.6).

С.М. Зинченко, обратившись к вещам из кургана № 17/1876, разделила их на две основные группы: 1) произведения греческого круга; 2) произведения, «напрямую связанные с культурой скифского мира и воспроизводящие либо некоторую древнюю каноническую форму, либо стремящиеся дословно её цитировать» [Зинченко, 2001, с. 117]³³. Подробно рассмотрев нашивные бляшки в виде оленей из этого кургана [см.: Силантьева, 1959, рис. 38, 7], исследовательница пришла к выводу о том, что «в случае с нимфейским оленем мы имеем дело с использованием очень архаической канонической модели, существующей несмотря на бытование уже новых изобразительных систем» [Зинченко, 2001, с. 120]. Качество нимфейских бляшек позволило сделать вывод о том, что они были изготовлены с использованием плохо проработанной, т.н. «слепой» формы. Низкое качество формы, по мнению С.М. Зинченко, могло объясняться либо тем, что в распоряжении мастера находилась многократно использованная форма, либо тем обстоятельством, что она была создана по памяти, ориентированной на некий канон, и не предполагала тщательной проработки деталей. «Обе эти догадки объединены общей исходной ситуацией: необходимостью хотя бы в общих чертах представить некий важный канон, сохранённый в культурной памяти, и передать его через временные границы» [Зинченко, 2001, с. 120]. Этот интересный вывод вполне вписывается в современные представления о «синдроме исторического предка», часто заставляющего людей, живущих длительное время в чуждом им культурном и этническом окружении, помнить о своих «корнях» и подчёркивать их значимость самыми разными атрибутами (специфическими элементами костюма, вооружения, украшениями и другими способами), важными для культурной самоидентификации. Здесь опять хочется привести аналогию с золотой бляхой в виде оленя с подогнутыми ногами из кургана Куль-Оба. Образ этот, как известно, отражает одну из основных мифологем скифского искусства. Сама же бляха, вероятно, была изготовлена в одной из мастерских Пантикапея. Выполнивший её мастер, сохранив основные канонические черты «скифского оленя», создал схематичное, «утяжелённое», перегруженное деталями изображение, обладающее реалистическими чертами, присущими греческому искусству [Артамонов, 1968, с. 13; Королькова, Алексеев, 1994, с. 103 сл., рис. 1, 1]. Как нам представляется, с комплексом идей, связанных с акцентированием своей культурной принадлежности, можно соотнести и крупную бляху в виде головы лося (рис. 15, 3), украшавшую парадный доспех воина, похороненного в нимфейской гробнице № 1, материалы которой хранятся в Ашмолинском музее. Если принять

---

³³ Представляется, что это положение справедливо и для других комплексов нимфейских гробниц рассматриваемой группы.

допущение, что в каждом каноническом образе проецируется определённая историко-культурная ситуация [Зинченко, 2001, с. 121], придётся признать, что и в трансформации канона также отражена вполне конкретная историко-культурная ситуация. Конечно, изменения отдельных элементов на ряде изделий т.н. греко-скифской то-ревтики, происходящих из комплексов V в. до н.э., расположенных на периферии боспорских центров, отражают трансформацию звериного стиля под влиянием греческого искусства. С другой стороны, в декоре этих изделий сохраняются привычные каноны, они легко узнаваемы и отнюдь не «размыты». Устойчивое сохранение канонов, вероятнее всего, диктовалось желаниями «мигрантов первой волны» – варваров, вовлечённых в достаточно тесные взаимоотношения с греческими центрами, но в ряде случаев, возможно, не утративших связей с туземной средой (хотя бы на уровне самоидентификации). Добавим, что такое «акцентирование» своего происхождения и культурной принадлежности в целом более характерно для выходцев из элитарных слоёв. Они имели основание гордиться своим родом, славными предками и хотели не только сохранять о них память в новом окружении, среди изменившихся реалий жизни, но, вероятно, не прочь были подчеркнуть свой высокий статус среди ино-племенников, демонстрируя принадлежность к высшим слоям скифского общества.

Отметим, что появление конских захоронений на территории греческих грунто-вых некрополей Европейского Боспора, по-видимому, является отличительной чертой эпохи. На достаточно скромном раннем некрополе Китея – города, расположенного южнее Нимфея, для V в. до н.э. обнаружена конская могила (№ 31) [Молев, Шестаков, 1991, с. 95, рис. 2, 3]. Конь лежал на подсыпке из песка, у его черепа были найдены остатки узды и железный наконечник копья [Молев, Шестаков, 1991, с. 90]. Скорее всего, захоронение коня сопровождало мужское погребение, как в случае с могилами В-14 и В-15, открытыми в 1999 г. на некрополе Нимфея.

Подкурганые захоронения, содержавшие погребения лошадей в насыпях курганов, известны в это время и на территории Азиатского Боспора. Огромный интерес представляют захоронения в курганах 1 и 2 некрополя *Фанагории*, открытые в 1852 г. К.Р. Бегичевым. В первом из них «наряду с гробницами воинов, одетых в полные воинские костюмы того времени, открыта была также устроенная из нежжёного кирпича гробница, где найдены 4 скелета лошадей, лежавших головами в одну сторону – на юго-восток». Курган 2 содержал погребение трёх воинов в чешуйчатых панцирях, с большим количеством наконечников стрел, обломками железных копий и меча, рядом были обнаружены конские гробницы, содержавшие 11 костяков и детали бронзовой узды [Гёргс, 1898б, с. 79]. Эти комплексы вполне можно датировать второй половиной V в. до н.э. [Завойкин, Сударев, 2006, с. 116; см. также главу 3.2].

Комплекс ещё одного кургана, раскопанного в 1852 г. на мысе *Тузла* К.Р. Бегичевым, был реконструирован С.В. Кашаевым [Кашаев, 2013б, с. 368 сл., см. также: Паромов, 2000, с. 74]. Согласно выводам этого исследователя, в погребении № 18 был похоронен мужчина-воин с железным мечом и бронзовыми наконечниками стрел. В том же кургане была раскрыта земляная гробница № 18а. В ней находилось захоронение

двух коней с уздечными наборами. Одной из погребённых лошадей принадлежала узда, детали которой могут быть датированы в пределах второй половины V в. до н.э. [Кашаев, 2013б, рис. 4]. Возможно, к интересующему нас времени относится и «жжёная гробница» погребения № 31, раскопанного в 1885 г., которая содержала «остродонную урну» с костями [Кашаев, 2013б, с. 383], а также погребения 53 и 53а в кургане № 11, раскопанном в 1886 г. Ф.И. Гроссом. Первое из них содержало погребение в каменном склепе (ограбленное), второе – захоронение коня [Кашаев, 2013б, с. 398].

Можно предположить, что к этому же кругу захоронений относилось и погребение, исследованное Д.В. Карейшей *к югу от Тамани*. Здесь в большом кургане, насыпанном «песчаной землёй», была обнаружена «жжёная гробница, ... в коей, за пеплом и костями человеческими в стороне, лежали кости лошади, и подле железные проржавевшие удила, да несколько медных вещиц, служивших, вероятно, украшением сбруи» [Карейша, 1844, с. 618].

В 1880 г. близ дороги, ведущей из Темрюка в Тамань, *в окрестностях Кеп*, Н.П. Кондаковым был раскопан курган, содержащий ограбленную гробницу, сложенную из сырцовых кирпичей и перекрытую деревянными брусьями, поверх которых был положен слой морской травы (камки) [ОАК за 1880 г., с. XII]. В гробнице был найден человеческий костяк, слева от него и у ног были найдены остродонная амфора со следами красной краски на горле, бронзовый черпак, ручка которого оканчивалась лебединой головкой, бронзовое ситечко с ручкой, конец которой также оформлен в виде головки лебедя, и большое количество наконечников стрел. В этом же кургане на расстоянии примерно 70 см от основного погребения была обнаружена другая сырцовая гробница, наполненная конскими костями (остатков сбруи обнаружено не было). А.А. Масленников отмечал сходство обряда и инвентаря этого комплекса с комплексом 4 Семибратнего кургана и на этом основании пришёл к выводу об этнической близости части «верхов» населения Кеп и обитателей глубинных районов Синдики [Масленников, 1981, с. 36-37]. Комплекс предположительно датируется серединой – второй половиной V в. до н.э. [Виноградов, 2005а, с. 251].

Обобщённые данные об этой группе погребений представлены в таблице 1. Хочется обратить внимание на то, что некоторые из курганов, возведённых над захоронениями этой группы, имели высокие насыпи. Лидером, безусловно, является курган 5 на мысе Ак-Бурун, высота насыпи которого достигала 8,5 м. В V в. до н.э. высокие курганы в зоне степей встречаются достаточно редко. Например, «царский» курган Близнец 2, высота насыпи которого достигала к моменту раскопок 7,05 м, считается самым высоким элитным скифским курганом области Днепровского Надпорожья и вторым по высоте³⁴ среди скифских курганов степной зоны класси-

³⁴ Выше него только знаменитый курган Солоха (15 м в высоту), основную гробницу которого датируют концом V в. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 146-147; 2003, с. 259–261].

Боспорские исследования, вып. XXXIV

ческого времени [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93 сл.]. Высота насыпей Ак-Бурунского и нимфейских курганов, несомненно, может рассматриваться как ещё один довод в пользу их элитарности.

Таблица 1. Курганы V в. до н.э. с «местными» чертами обряда близ боспорских городов

№	Место-поло-жение	Год раск.	Конструк-ция	Погре-бенные	Инвен-тарь	Конская могила, упряжь	Дата
1	Ак-Бурун, погр. 5	1855-1856	Выс. 8, 5 м, окр. более 170 м. Яма в скале, перекрыта камнем, облицована досками	М (?)		2 конских захоронения, упряжь	Сер. – третья четв. V в.
2	Нимфей, к. 32, погр. 14	1876	Гробница из сырцовых кирпичей			4 отдельных конских погр., детали упряжи	Первая половина V в.
3	Нимфей, к. 24, погр. 19	1876	«Каменная» гробница, покрытая плитами, деревянный саркофаг	М (?), головой на в.	Золотые гривна, бляшки, «ворварка», доспехи, оружие, колчан-ный набор, перстень, греческие бронзовые изделия, краснофиг. скифос, 3 чернолак. чаши	Конская могила, детали упряжи	Ок. середины V в.

4	Нимфей, к. 14	1878	Выс. 6 м., окр. 115 м.	М (?)	Панцирь, оружие, колчаный набор, греческие амфора, туал. сосуды	Конское погр. в насыпи, детали упряжи	Сере- дина – вторая пол. V в.
5	Нимфей, к. 6	1878	Централь- ная часть кургана разрушена			Боковая гроб., 5 коней, детали упряжи	Сере- дина – вторая пол. V в.
6	Нимфей, погр. В-14; В-15.	1999	Ямы в скале, В-14 перекрыто плитами	М (?)		Конь, уздечный набор	Не позднее третьей четв. V в.
7	Нимфей, гроб. 1	1868	Выс. 7,25 м, гробница из плит из- вестняка	М и Ж (пар- ное)	Шлем, колчаный набор. Золотые серьги, ожерелье, кольцо, нашивные бляшки, бронз. зеркало, красно- фигур. лекиф, 2 мраморных алабастра, ткань, шкура, орехи	Конь (и со- бака) в на- сыпи над камерой	Кон. V в.

8.	Нимфей, гроб. 2	1868	Выс. 6,45 м, деревянный саркофаг	Ж, головой на в.	Золотые ожерелье, застежки, кольцо, 2 красноф. аска, черно- фигурные скифос и лекана	–	Первая пол. V в.
9.	Нимфей, гроб. 6	1868		М, головой на в.	Золотая гривна, панцирь, поножи, бронзовая бляха – голова лося, меч, 3 черно- лак. сосуда, бронзовый черпак	–	Конец V в.
10	Китей, мог. 31	1982				Конская могила, узда и копье	V в.
11	Фанаго- рия, к. 1	1852		М (нес- колько гроб- ниц)	Предметы вооруже- ния, доспехи	Сырцовая гробница с 4 конями	V в.
12	Фанаго- рия, к. 2	1852		3 М	Панцири, меч, копья, наконечни- ки стрел.	Гробницы (сырцо- вые?) с 11 коня- ми	V в.
13	М. Тузла, погр. 18 и 18а	1852		М	Меч, на- конечники стрел	Земляная гроб. с 2 конями, 1 уздечный набор	V в.

14	Ок. Кеп, у до- роги из Темрюка в Тамань, курган	1880	Курган, сырцовая гробница	М, головой на в.	Амфора, бронз. черпаки ситечко, наконечни- ки стрел	Конская сырцовая гробница	Сере- дина – вторая пол. V в.
----	---	------	---------------------------------	------------------------	--	---------------------------------	---

Уже было отмечено, что погребения варварской аристократии вблизи греческих городов (иногда, как в Нимфее, на территории греческого некрополя) были сосредоточены близ таких центров, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы [Виноградов, 2005а, с. 246–248]. Не вызывает сомнения, что, как полагает Ю.А. Виноградов, эти «центры притяжения» не были случайными и отражают как результат и тенденции общей ситуации во взаимодействиях между греками и варварами, так и являются следствием целенаправленной политики конкретных греческих центров. Не вызывает сомнения и то, что эти курганы принадлежат варварской племенной аристократии. Греческий центр, в окрестностях которого группировались курганы, по всей видимости, проводил независимую внешнюю политику, был достаточно «сильным» и привлекательным партнёром для варваров. Здесь стоит вспомнить о том впечатлении, которое произвели курганы, увиденные вблизи греческих городов Боспора, на учёного и путешественника Дюбуа де Монпере. Вот что он писал: «Число курганов, окружающих город, всегда находится в прогрессивном отношении к важности и богатству города. Приведу пример. На Керченском полуострове курганы нигде не встречаются в столь значительном числе, как вокруг развалин Пантикапеи. Поэтому, если мы захотим приложить эту мерку к азиатской метрополии и будем её искать на Таманском полуострове, то мы должны остановиться на местности, всего более покрытой курганами. Посетив весь полуостров, мы должны признаться, что курганы, окружающие станцию Сенную, суть самые значительные и многочисленные. Если их счесть, то они превосходят числом все прочие группы Таманского полуострова, вместе взятые. Расположенные по всем возвышенностям, эти надгробные памятники образовали большой полукруг около Фанагории, но они не переходят ни Шимарданскую низменность на западе, ни Киммерийский вал на севере. Они стоят то поодиночке, то группами и зараз их можно насчитать сотнями» [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 75-76; цитата по Гёрц, 1898а, с. 89-90].

Весьма характерно, что курганные погребения варварской аристократии в это время фиксируются и близ наиболее крупных и «значимых» греческих городов Северо-Западного и Западного Причерноморья³⁵. В районе Нижнего Побужья в кон-

³⁵ В Западном Причерноморье этот процесс фиксируется для более раннего времени. Ко второй половине – концу VI в. до н.э. относится гробница в кургане XVII некрополя Истрии, где в ногах погребённых были обнаружены останки двух лошадей [Alexandresku, 1966а, p. 147-150, fig. 15-16].

це первой – второй четверти V в. до н.э. появляются достаточно многочисленные курганы, «тяготеющие» к главному центру региона – Ольвии. В процессе их раскопок обнаружены остатки тризн, античные амфоры и столовые сосуды, ворворки, детали боевой амуниции, колчаные наборы, предметы конской упряжи [Гречко, 2010а, с. 128]. Однако в отличие от территории Киммерийского Боспора все эти курганы находятся далеко от греческого города. На ольвийском некрополе с конца VI – начала V вв. до н.э. известны погребения, содержавшие скифские колчаные наборы и украшения в зверином стиле [Капошина, 1956, с. 173–176, рис. 16–17; Скуднова, 1988, с. 55–56]. Но эти комплексы, судя по всему, относятся к разряду рядовых погребений. Элитные захоронения «с варварскими чертами», подобные нимфейским или фанагорийским, в ольвийском некрополе классического времени не известны.

«Негреческие» черты в погребальной практике боспорской элиты. К «негреческим» чертам, характерным для погребений Боспора, исследователи традиционно относили наличие тризн, невосточную ориентировку погребённых, скорченное положение костяков, окрашивание костяков охрой, наличие в могилах напутственной пищи, некоторые специфические предметы погребального инвентаря (амфоры, зеркала и пр.) [Масленников, 1981, с. 29 сл.], хотя преобладает мнение о том, что захоронения с такими чертами могли принадлежать грекам [Арсеньева, 1984, с. 223]. Высказывалось и предположение, что наибольшее распространение в погребальном обряде колоний Северного Причерноморья получили обычаи, которые соответствовали традициям, известным как в греческом, так и варварском мире, например, обычай сопровождать погребение тризной [Кастанаян, 1959, с. 263]. Соглашаясь с ним в целом, мы всё же должны иметь в виду, что греки – жители боспорских городов, несомненно, были знакомы и с обычаями местных, варварских племён, многие из которых не могли не произвести на них глубокого впечатления. Среди них был и обычай торжественного погребения скифских «царей» (*Herod.* IV. 71–72). Существенной чертой варварских аристократических погребений было сооружение кургана над могилой, высота насыпи красноречиво свидетельствовала о статусе погребённого (*Herod.* IV. 71, 4). Ближе к середине V в. до н.э. вокруг греческих городов, проводивших независимую политику, в том числе, очевидно, и в отношении различных варварских группировок, появляются курганы варварских аристократов, о связях которых с той или иной греческой общиной и полисной элитой (политических, брачных и пр.) мы можем строить лишь самые общие предположения.

Нечто подобное фиксируется в это время и на греческих некрополях – в виде «сплошных могильных насыпей» или относительно невысоких курганов, как в Пантикапее и Нимфее. Конечно, этим скромным памятникам далеко до огромных курганов боспорской аристократии эпохи Спартокидов, однако появление их достаточно символично и связано с мироощущением элиты времени правления Археанактидов. Существует мнение о том, что особо обозначенные «могилы предков-основателей поселений» играли большую роль в сознании греков, живущих на периферии античной ойкумены, выражая идею обладания территорией. Стремление

утвердить эту идею выражается в генеалогии царей, ведущих свое начало от мифических предков, порождённых землёй, героев или же героизированных первых переселенцев. К необходимым знакам, своеобразным маркерам, которые были призваны отражать права общины и её граждан на землю, относились, прежде всего, кладбища, где располагались гробницы предков. Память о них, почитание их могил имели непосредственное отношение к утверждению права на землю, как на «землю отцов» [подробнее см.: Семина, 1996, с. 131; Morgan, 2003, р. 189, 192–195]. Естественно, что вопросы сакрального освоения территории как земель рода и полиса, тесно связанные с самоидентификацией греков, живущих в удалённых от метрополии регионах, разрабатывались, прежде всего, верхушкой, элитой местного общества. В первой половине V в. до н.э. в результате изменений в этнополитической ситуации в Северном Причерноморье, которая, в свою очередь, привела к изменениям политического курса боспорских полисов, к греческим городам «приблизились» курганы варварской аристократии. На этом фоне желание придать погребальному обряду большую торжественность и выразительность, в частности, возводя над могилами курганные насыпи, представляется вполне закономерным для греческой, боспорской элиты. Представители этой элиты, хотя и проживали, по-видимому, в относительно скромных домах, всё же обладали престижными, знаковыми вещами – дорогой привозной посудой, украшениями.

Приношения, найденные в могилах этого времени, подкрепляют существующее мнение о представителях этой элиты как о воинах и палестритах [Цветаева, 1951, с. 67], т.е. носителях аристократической греческой культуры. Во всяком случае, именно такая идея «заложена» в комплексах погребений. Однако нельзя не заметить и того, что погребальные памятники второй – третьей четвертей V в. до н.э. как бы покрыты некой «варварской вуалью», демонстрируя целый ряд особенностей обряда и инвентаря, сближающего их с захоронениями туземной варварской аристократии. Эта «варварская вуаль» была характерна не только для захоронений Боспора – такую же общую картину даёт и некрополь Ольвии – самой значимой греческой колонии Северо-Западного Причерноморья.

Итак, как нам представляется, в погребальном обряде боспорских некрополей эпохи Археанактидов, с одной стороны, продолжают устойчиво сохраняться черты, присущие предыдущей, архаической эпохе. К ним относятся: преобладание «земляных гробниц» (т.е. простых ям) как основного типа могильного сооружения, ориентировка погребённых (преимущественно восточная), обычай помещать в захоронения амфоры, оружие, набор сосудов, изделия из египетского фаянса и пр. Несомненно, можно говорить и о преемственности погребального обряда архаической и классической эпох. В то же время, в составе погребального инвентаря не наблюдается того сочетания импортных вещей, привезённых из различных центров Средиземноморья, характерного для начального периода существования греческих поселений – понижается доля ионийского импорта, коринфской посуды, «экзотических» изделий, связанных с греко-египетскими связями, характерными для греческого мира эпохи архаики.

Вместе с тем, можно говорить и о новых чертах в погребальных традициях боспорских центров эпохи Археанактидов. К наиболее выразительным относятся появление и распространение захоронений лошадей в греческих некрополях, появление подкурганых погребений как на территориях самих некрополей, так и вблизи ряда важнейших греческих центров (Пантикапей, Нимфей, Фанагория и др.). Для эпохи Археанактидов можно выделить группу погребений «с варварскими чертами», которая значительно отличается от рядовых захоронений. Захоронения этой группы совершались под курганными насыпями (пусть часто незначительными по высоте), содержали конские могилы с упряжью варварских типов, оружие и украшения «туземного» облика. Особенно ярко эти черты демонстрирует некрополь Нимфея, что, вероятно, можно рассматривать как ещё одно свидетельство в пользу «независимости» и «особой судьбы» этого города.

Как уже говорилось выше, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, выделить пласт «безусловных» аристократических захоронений для эпохи Археанактидов не представляется возможным. Очевидно, «аристократический» обряд погребения ещё не сформировался, не приобрёл характер устойчивости. Скорее, мы можем рассуждать лишь о появлении «черт элитарности», выражающихся в размерах погребальных сооружений, наличии курганной насыпи, «богатстве» и разнообразии инвентаря и пр. Вместе с тем, необходимо отметить, что практически все подобные захоронения отличаются ярким набором «негреческих», туземных черт. Это наблюдение возвращает нас к извечному вопросу о характере культуры Боспорского государства, о сочетании «греческого» и «негреческого» в облике этой культуры и, конечно же, в облике боспорской элиты.

1.8. Элита Боспора при Археанактидах

Несомненно, в эпоху Археанактидов элита Боспора уже вполне оформилась и располагала достаточно высокой централизацией власти. Эта власть, по-видимому, была сосредоточена в руках «семейного аристократического клана», ведущего происхождение от первого ойкиста – предводителя группы колонистов, одного из основателей боспорского города (возможно, Гермонассы), загадочного Археанакта, личность которого неизменно возбуждает горячие споры в научной среде. Как ойкист, он обладал важнейшими полномочиями, авторитетом и властью. В число его обязанностей входила и организация культовых центров, святилищ и алтарей. Его потомки, вероятно, сохраняли и приумножали своё достояние и политическое влияние, возможно, им удалось добиться особого почитания могилы-героона Археанакта. Тогда первые правители Боспора могли возводить свой род к героизированному предку, что в значительной степени способствовало реализации их политических амбиций. Археанактиды, вероятно, занимали высокое положение в системе организации и управления одного из поселений на берегах Киммерийского Боспора. Достаточно, по-видимому, стабильное положение Гермонассы на фоне тех потрясений, которые

переживали греческие центры во время периода дестабилизации второй четверти V в. до н.э., возможно, свидетельствует в пользу того, что этот город мог являться первоначальным опорным пунктом, связанным с деятельностью Археанактидов. Позже их главной ставкой становится Пантикапей³⁶.

Для эпохи Археанактидов можно проследить отдельные, но очень выразительные признаки в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре некоторых комплексов Европейского Боспора, «сближающие» их с памятниками Азиатской части. Речь здесь, прежде всего, должна идти о кургане 5 на мысе Ак-Бурун, насыпь которого содержала большое количество морских ракушек. Эта особенность характерна для погребального обряда Тамани. Детали уздечного набора, обнаруженные в этом комплексе, стилистически близки украшениям в «зверином стиле», происходящим из элитных захоронений Азиатского Боспора, прежде всего из 4-го Семибратнего кургана, комплекс которого, вероятнее всего, относится ко второй четверти—середине V в. до н.э. [Горбунова, 1971, с. 20]. Стилистически близки бронзовым бляхам конской узды из Семибратних курганов и бляхи, найденные при раскопках гробниц нимфейского некрополя [см., например: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 87–98].

Отметим, что отдельные черты в конструкции могильных сооружений, свойственные погребальному обряду Таманского полуострова, изредка встречались на некрополях городов Европейского Боспора и в предшествующее время. Например, в погребении А44 нимфейского некрополя, относящемся к последней четверти VI в. до н.э., поверх дощатого настила был зафиксирован толстый слой морской травы (камки) [Грач, 1999, с. 28]. В отличие от элитного комплекса кургана Ак-Бурун это более раннее захоронение принадлежит к рядовым погребениям, однако демонстрирует наличие того же «азиатского» импульса к западу от Керченского пролива. При известной доле воображения можно соотнести этот «азиатский след» с предположением о том, что первоначально семейство Археанактидов опиралось на один из центров Азиатского Боспора (вероятнее всего, на Гермонассу).

Власть Археанактидов, вероятно, обрела «концентрированный» характер и усилилась под воздействием неблагоприятных обстоятельств, следствием которых стали военные конфликты, угрожавшие самому существованию греческих колоний Боспора. Возможно, представителям этого рода пришлось создавать объединение, способное противостоять глобальной угрозе, в «конкурентной борьбе» с представителями других знатных семейств, ведущих своё происхождение от других ойкистов, имена которых письменная традиция донесла до нас лишь частично.

Быт этих первых правителей Боспора представляется достаточно скромным, хотя к началу периода дестабилизации наметилась тенденция к возведению богатых домов на акрополе Пантикапея, по-видимому, прерванная военными действиями.

---

³⁶ В качестве гипотетической параллели можно предложить картину управления Московским княжеством с эпохи Ивана Калиты до воцарения Иоанна IV, когда «родственники и свойственники» великого князя в своих уделах, признавая верховную власть Москвы, обладали широкими полномочиями – держать дружину, вершить суд, собирать подати и пр.

Среди известных нам погребальных памятников эпохи Археанактидов можно предположительно выделить ряд элитарных погребений. Такие захоронения располагались среди «простых» могил. Для интересующей нас эпохи не удаётся выявить ни участков некрополей, принадлежавших аристократическим семьям, ни установить какой-либо закономерности в расположении «богатых» погребений, например, территорий, к которым бы «тяготели» захоронения, отличавшиеся признаками элитарности. Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что на Боспоре доспартокидовского времени ещё не существовал, не сложился тип элитного погребального сооружения (к примеру, монументальный склеп аристократической семьи). Не существовало, по-видимому, и регламентированного «особого» круга вещей, которые следовало помещать в могилу аристократа и которые должны были сопровождать его в ином существовании или облегчать ему переход в загробное царство³⁷.

Хочется обратить внимание на то, что в силу каких-то причин на Боспор первыми колонистами не было принесено (а их потомками не было развито) практически ничего из погребальной практики «роскошных» аристократических захоронений Малой Азии. Мы не знаем на Боспоре (да и во всём Северном Причерноморье эпохи архаики и ранней классики) ни монументальных каменных гробниц, таких, например, что возводились в Милете вдоль «священной дороги» в Дидимы [Graves, 2002, fig. 3, 8], ни родовых погребальных усыпальниц под насыпями огромных курганов, известных в Клазоменах [Hürmüzü, 2004, fig. 2], ни расписных подкурганых склепов [Mellink, 1998, pl. 1-7; Özgen, Öztürk, 1996, fig. 88, 89], ни даже каменных саркофагов, характерных для захоронений состоятельных граждан Клазомен или Абдеры, известных по раскопкам их древнейших некрополей [Tzannes, 2004, fig. 5, 6; Hürmüzlü, 2004, fig. 1; 17; Kallintzi, 2004, fig. 9].

Заметим, что некоторые исследователи, опираясь на данные современных раскопок, склоняются к тому, чтобы интерпретировать серии погребений в могильниках Балканской Греции как захоронения элиты. Так, например, при раскопках некрополя в Архонтико в Македонии (неподалеку от Пеллы) была выявлена компактная группа погребений, по-видимому, принадлежавших представителям верхушки местного общества. Могилы, выявленные в Архонтико, охватывают период времени от раннего железного века по эллинистическое время, среди них есть и группа могил V в. до н.э. [Archibald, 2005, p. 22-23]³⁸. Ничего подобного выявить для Боспора эпохи Археанактидов пока не удаётся.

³⁷ Это слабое, невыразительное проявление «элитарных» черт в материальной культуре раннего Боспора действительно может создавать впечатление, что процесс формирования боспорской знати шел очень медленно, растянувшись на несколько веков, и завершился лишь в эпоху Спартокидов [Шепко, 2013, с. 236].

³⁸ Для некрополя Архонтико характерно наличие оружия в составе погребального инвентаря. Так, из 52 мужских захоронений, открытых здесь в 2001 г., оружие было обнаружено в 44, что дало повод С. Арчибалд назвать погребённых «офицерами и джентльменами», по названию известного романа И. Во [Archibald, 2005, p. 13].

ских погребений, были одним из элементов погребального обряда, смысл которого вполне мог быть воспринят греческими колонистами и их потомками.

Представляется вполне закономерным, что именно в эпоху правления Археанактидов на Боспоре впервые фиксируется серийное производство вещей местных типов и украшений в «зверином стиле», предназначенных для сбыта варварам. Большинство этих изделий, скорее всего, производились в мастерских Пантикапея. К их кругу принадлежали как относительно дешёвые вещи (такие как декор конской упряжи), так и дорогие парадные изделия, вероятно, служившие дипломатическими дарами при заключении договоренностей между греческими полисами и варварскими группировками. Такими дарами обычно обменивались в торжественной обстановке представители элит разных обществ.

Как известно, одним из самых надёжных критериев эффективности элиты являются результаты её деятельности. Боспорская элита, сплотившись под эгидой аристократического рода Археанактидов, сделала Пантикапей центром своего объединения, достойно отразила «удар» степи, добилась определённой внешнеполитической стабилизации и, как и элита других греческих центров Северного Причерноморья, успешно адаптировалась к новой обстановке, сложившейся в регионе.

М.Ю. Вахтина.

хоронений достаточно легко воспринималась представителями элит разных обществ, может служить любопытный отрывок из духовного завещания А.П. Ермолова. Знаменитый генерал, долгие годы служивший на Кавказе, в «Распоряжении о погребении и количестве издержек, на то назначенных», особо указывал: «Не быть погребенной колеснице, ни верховой лошади в траурной попоне...» [о. Сергей (Разумцев), 2011, с. 158-159]. То есть вполне вероятно, что без этого распоряжения и колесница, и боевой конь могли быть захоронены вместе с ним. Напомним, что А.П. Ермолов был похоронен в Орле, на кладбище орловской городской Троицкой кладбищенской церкви.

Глава II

КУЛЬТУРА БОСПОРСКОЙ ЭЛИТЫ ПРИ СПАРТОКИДАХ

2.1. О династии Спартокидов

Ярчайший период в истории Боспора, связанный с правлением династии Спартокидов, постоянно находится в сфере научных интересов российских и зарубежных исследователей [см.: Гайдукевич, 1949, с. 54 сл.; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 82 сл.; Завойкин, 2013, с. 286 сл.; Werner, 1955; Popova, 2007]. Несмотря на это, многие принципиально важные вопросы понимания его специфики остаются остро дискуссионными. О приходе к власти Спартока, как известно, имеется единственное свидетельство в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, которое сводится к тому, что это событие произошло после 42-х лет правления Археанактидов, т.е. в 438/37 г. до н.э. (*Diod.* XII. 31. 1). Для понимания происшедшей перемены, разумеется, очень большое значение имеет вопрос о том, каким образом осуществлялся переход власти – мирным или насильственным, но в тексте Диодора об этом ничего определённого не говорится. А.Н. Васильев, подводя итог научных дискуссий по вопросу об утверждении власти Спартока, пришёл к заключению, что материалы, находящиеся в распоряжении современных исследователей, не доказывают тезис о том, что в 438/37 г. до н.э. на Боспоре имел место насильственный переворот [Васильев, 1976, с. 159]. Это, конечно, так, но у нас не имеется и прямых доказательств обратного.

Принципиальное значение в связи с этим могло бы иметь окончательное решение вопроса о происхождении основателя династии, Спартока I, но пока что до этого далеко [см.: Popova, 2007]. Уже давно установлено, что его имя является фракийским [см.: Гайдукевич, 1949, с. 55; Тохтасьев, 1992, с. 181; Крыкин, 1993, с. 101–104; Молев, 1997, с. 48]. То же самое считалось в отношении другого популярного среди боспорских правителей имени – Перисад [см.: Гайдукевич, 1949, с. 55; Крыкин, 1993, с. 78–79], но оно, вероятно, является иранским (при этом не скифским) [см.: Тохтасьев, 1992, с. 178; Суриков, 2007б, с. 385; 2014б, с. 404–405]. Другие же имена владык Боспора, ставшие для Спартокидов династическими [Завойкин, 2006], являются чисто греческими (Сатир, Левкон, Евмел и др.). Такое положение по понятным причинам вызвало бесконечные споры, ведущиеся до сих пор без заметного успеха.

В общем, в современной научной литературе развиваются три давно и хорошо известные гипотезы по данной проблеме: фракийская [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 418;

Шелов-Коведяев, 1985а, с. 83 сл.; ср.: Васильев, 1977], скифская [Десятчиков, 1985, с. 17; Яйленко, 1990б, с. 286; но ср.: Яйленко, 2014, с. 285, 287] и греческая [Блаватская, 1959, с. 40; Васильев, 1977, с. 204; Масленников, 1981, с. 62]. Гипотеза о синдо-меотском происхождении Спартокидов, в основе которой лежит представление о связи некоторых прикубанских племён, в частности синдов с фракийцами через киммерийцев, несмотря на авторитет выдвинувшего её М.И. Ростовцева [1918а, с. 29–32; 1989, с. 185; Rostovtzeff, 1922, р. 39] и все усилия его продолжателей [см.: Артамонов, 1949, с. 34, 36–37; Блаватский, 1954, с. 42; 1964а, с. 55–56], среди современных исследователей не находит приверженцев [см.: Васильев, 1974, с. 145 сл.].

Существует попытка объединить все три главные гипотезы на базе греческой: фракийское имя Спарток появилось среди греческого населения Боспора через скифов, поддерживавших тесные связи как с греками, так и с фракийцами [Tochtasjev, 1986, S. 120]. Надо признать, что заимствование чужеродных личных имён было явлением, широко распространённым у самых различных народов, в отношении этого историк готов Иордан даже сделал одно важное замечание: «Все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племён перенимать по большей мере имена» (*Jord. Get.* 58; перев. Е.Ч. Скржинской). Правда, в таком ключе, на наш взгляд, логичней объяснять появление греческих имён среди представителей фракийского рода, утвердившего свою власть на Боспоре Киммерийском. Эллинизированные местные элементы, как представляется, легко могли менять свои имена на греческие [Ростовцев, 1989, с. 195].

Аргументы сторонников всех названных концепций звучат весьма логично и основательно, но они, скорей, отражают субъективную убеждённость исследователей в своей правоте, нежели совокупность бесспорных посылок, базирующихся на точных привязках к источникам. Источников по данному вопросу, как уже говорилось, у нас катастрофически мало, и, как представляется, без открытия каких-то новых документов надеяться на окончательное решение проблемы происхождения Спартокидов вряд ли возможно. Тем не менее, для любого исследователя, даже при недостатке материалов, общий взгляд на эту кардинальную проблему имеет большое значение, та или иная концепция может представляться более привлекательной. На наш взгляд, наиболее приемлемой является фракийская гипотеза [ср.: Vinogradov, 1980, S. 96–97, Anm. 185]. Она подкрепляется хотя бы фракийским именем основателя династии¹, а также особенностями развития боспорской элитной культуры, особенно в IV в. до н.э. Все остальные являются чисто логическими конструкциями.

Совсем не исключено, что окажется верной догадка Д.А. Мачинского, считавшего боспорского Спартока фракийским царевичем – братом Ситалка [Мачинский, 1993, с. 17], который, по сообщению Геродота, скрывался у скифов (*Herod.* IV. 80). Такое же мнение было высказано В.А. Анохиным, предположившим, что одрисский

¹ Следует оговориться, что в древности основателем боспорской династии считался не Спарток, а его внук Левкон I (*Ael. Var. hist.* VI. 13), «династия Спартокидов» – это результат творчества учёных нового времени [см.: Завойкин, 2013, с. 453].

стию Спартокидов с варварским миром, но уверенности в том, что «безымянный царь» является царём Боспора, у нас нет никакой [см.: Балахванцев, 2011; Завойкин, 2013, с. 442; Габелко, 2015].

И.Е. Суриков возражает против гипотезы о варварском происхождении Спартокидов: «Династия, которую воспринимали бы как варварскую и которая была бы верна варварским обычаям, просто не смогла бы на протяжении столь длительного хронологического отрезка осуществлять власть над греками» [Суриков, 2007б, с. 386, прим. 1]. Всё это так, но Спартокиды как раз всячески стремились продемонстрировать свою принадлежность к греческому миру, к греческой цивилизации, и их варварское происхождение вряд ли вызывало резко отрицательное отношение у влиятельных аристократических родов Боспора [Молев, 1997, с. 69, прим. 2]. Нет никакого сомнения в том, что Спарток и его преемники были поддержаны частью боспорской элиты, при этом частью весьма значительной и влиятельной [Ророва, 2007, р. 178]. Без этого их власть над Боспором, конечно, была бы абсолютно невозможна. Другое дело, что в элитной культуре, которую они олицетворяли, в частности, в IV в. до н.э., имеется ряд особенностей, позволяющих судить, что своё «варварство» Спартокиды не забывали, но об этом речь пойдёт ниже (см. главу 2.5). Сейчас же уместно привести очень верное, на наш взгляд, наблюдение Д.П. Каллистова: «Они (Спартокиды – Ю.В.) были связаны с туземной средой, пользовались каким-то авторитетом и находили в ней опору для своей власти. Трудно не связать этого с их негреческим происхождением» [Каллистов, 1949, с. 232].

Переход власти к Спартокидам означал принципиальный поворот в истории боспорских полисов. Нет никаких сомнений в том, что Спарток I утвердил свою власть именно в Пантикапее, ставшем впоследствии столицей Боспорского царства. Очень показательны, что с этого времени начинается монетная чеканка других, кроме Пантикапея, центров. Д.Б. Шелов показал, что к середине – третьей четверти и концу V в. до н.э. относится чеканка Феодосии, Нимфея, Фанагории и монет синдов [Шелов, 1956б, с. 30 сл.], Н.А. Фролова полностью подтверждает этот вывод [Фролова, 1988, с. 132; 2000, с. 340; ср.: Завойкин, 2013, с. 348]. Нет сомнения, что эти нововведения имели значение не только экономическое, но, может быть, даже в большей степени политическое, – действия Спартокидов, скорей всего, очень быстро стали опасными для традиционных полисных свобод, и перед этой угрозой города-государства Боспора Киммерийского стремились всячески продемонстрировать свою независимость. В развернувшейся борьбе Спартокиды оказались сильнее, и боспорские полисы один за другим стали попадать под их тираническую власть.

К концу V – началу IV вв. до н.э., т.е. к периоду правления Сатира I – Левкона I, наиболее оправданно относить сложение монархического Боспорского государства [Васильев, 1985, с. 15; 1992, с. 125; ср.: Завойкин, 2013, с. 392 сл.], в котором фигура правителя полностью заслонила государственный аппарат, обычный для любого греческого полиса, в том числе и в Северном Причерноморье [Васильев, 2001, с. 186]. В это время формируется своеобразная структура Боспора, включившая как бывшие

большие сомнения. Дело в том, что сами по себе полисы в титулатуре боспорских тиранов не нашли никакого отражения. Полис – это гражданская община, т.е., прежде всего, люди. Спартокиды же называли себя архонтами Боспора и Феодосии, а не «боспоритов и феодосийцев» [Суриков, 2015, с. 257], они явно подчёркивали свою власть над некой территорией и особо не стремились продемонстрировать связь с полисными традициями.

Нет сомнения, что Спарток получил власть в греческом колониальном полисе, и изначально это была полисная тирания [Завойкин, 2007, с. 220; 2013, с. 437 сл.], но если этого тирана считать выходцем из Фракии, то приходится признать, что он принёс с собой представление о власти, характерное отнюдь не только для греческого мира. На территории Фракии в это время уже существовало Одрисское царство [Златковская, 1971; Archibald, 1998], находившееся под сильным влиянием, с одной стороны, Эллады, а с другой – Персидской державы. Мы не будем углубляться в вопрос о возможности существования фракийской сатрапии в составе империи Ахеменидов [Hammond, 1980], но даже если эта гипотеза неверна [см.: Златковская, 1971, с. 23], силу воздействия Персии на политическое и культурное развитие фракийского мира вряд ли можно оспаривать [см.: Brosius, 2010, p. 31-32; Gergova, 2010; Rehm, 2010].

По вопросу своеобразия монархической власти боспорских правителей в науке как будто прочно возобладал вывод М.И. Ростовцева, который отмечал, что «мы имеем слишком мало данных, чтобы выделить в боспорском архонте элементы ионийской городской тирании, эллинистической царской власти и предполагаемые элементы иранской монархии божьей милостью» [Ростовцев, 1913, с. 18]. В другой своей работе он выразил эту мысль более пространно: «Боспорская тирания представляется очень своеобразным и единичным явлением в конституционной истории античного мира. Её нельзя назвать ни чистой военной тиранией типа сиракузской, гераклейской и многочисленных кратковременных городских тираний IV и следующих веков, представительниц так называемой младшей тирании, ни чистой βασιλεία, т.е. царской властью восточного или эллинистического типа» [Ростовцев, 1989, с. 193].

Существенные изменения в это понимание внесены В.П. Яйленко. Он считает, что известная система управления Боспорским государством в виде института соправления является результатом развития «улусного» принципа распределения владений между членами правящего рода у скифов [Яйленко, 1990б, с. 286, 291; 1995, с. 240; но ср.: Васильев, 1986]. Такая интерпретация, как и поддерживаемая этим исследователем гипотеза о скифском происхождении Спартокидов, однако, не представляется в полной мере убедительной.

В этом отношении ещё раз можно обратиться к титулатуре Спартокидов, поскольку, как уже частично было сказано, она демонстрирует уникальное явление во всей греческой истории. С.Р. Тохтасьев, на наш взгляд, абсолютно верно отмечал, что традиция пышных титулов, очевидно, восходит к политической практике Древнего

немалыми земельными угодьями и распоряжались ими по своему усмотрению [Ростовцев, 1989, с. 187; Завойкин, 2013, с. 224 сл.; 2015, с. 105].

О поощрении лиц, отличившихся перед Боспорским государством, имеется единственное свидетельство афинского оратора Эсхина, связанное с эпизодом «измены» Гилона, в результате которой Нимфей попал под власть Сатира I (*Aeschin.* III. 172; см.: Жебелёв, 1952, с. 180 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 176-177; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 90 сл.). Как известно, боспорский владыка дал ему «на кормление» город Кепы, и хотя Эсхин не говорит, что город был получен именно за «измену» [Braund, 2011, р. 8], но ясно, что такое пожалование должно быть мотивировано самым серьёзным образом. Надо признать, что речь Эсхина не может являться надёжным историческим источником: к свидетельству политического врага Демосфена о преступлениях против Афин его деда, имевших место на далёком Боспоре, никак нельзя относиться с полным доверием [Суриков, 2009б; Braund, 2003, р. 198–202; 2011]. В политической борьбе, как известно, все средства хороши, и афинские ораторы прибегали к ним без всякого стеснения. Понятно, что не может быть никакой уверенности в том, что Нимфей перешёл под власть Сатира именно благодаря «измене» Гилона. Другой вопрос – получал ли тот Кепы? И.Е. Суриков считает, что и на этот вопрос следует ответить отрицательно [Суриков, 2009б, с. 410], но, по его же мнению, если всё-таки этот факт имел место, то здесь припоминается «раздаривание персидским царём городов своей державы знатным беглецам-эллинам» [Суриков, 2009б, с. 395, прим. 10; ср.: Завойкин, 2013, с. 458]. Это замечание, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Можно допустить, что в данном случае Эсхин уподобил Гилона более знаменитым афинянам, бежавшим к персидскому царю и получившим от него в управление те или иные греческие города Малой Азии. Среди таких беглецов, как известно, были Фемистокл (*Thuc.* I. 138; *Diod.* XI. 57; *Plut. Them.* 27-29) и Алкивиад (*Plut. Alcib.* 24-26; *Nepos.* Alcib. 9). С.А. Жебелёв относился к этому свидетельству Эсхина с большим сомнением, предполагая, что Гилон получил от Сатира не город Кепы, а земельный участок в неких Садах [Жебелёв, 1952, с. 192-193; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 176; Ростовцев, 1989, с. 187]. Другие исследователи вполне доверяют этой информации [см.: Латышев, 1909, с. 74; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 110-111, 165; Молев, 1997, с. 66; Завойкин, 2007, с. 229; 2013, с. 458]. Некоторые даже высказывали догадку, что Сатир I при этом действовал в соответствии с практикой персидских царей [Белова, 1954, с. 8; Сокольский, 1963, с. 102]. Этому любопытнейшему аспекту была посвящена специальная статья Г.А. Кошеленко и О.М. Усачевой, которые нашли в нём свидетельство того, что на Боспоре действительно существовала персидская система дарения городов людям, особо отличившимся перед царём [Кошеленко, Усачева, 1992]. Если это было действительно так, то власть Спартокидов предстаёт перед нами весьма своеобразно.

Необходимо обратить внимание, что богатые подарки монархов своим друзьям и отличившимся приближённым – вещь достаточно обычная. Хорошо известно, особой

щедростью отличался Александр Великий (*Plut. Alex.* 9; 25; 29; 39), но имеется всего одно свидетельство о его попытке подарить город. Своему другу, афинянину Фокиону, Александр предложил на выбор один из четырёх городов Азии, но тот не принял этот дар (*Plut. Phoc.* 18; *Ael. VH. I.* 25). Фокион, как представитель эллинской элиты того времени, поступить иначе просто не мог [см.: Nawotka, 2005]. Отметим, что этот эпизод имел место в конце жизни великого завоевателя, когда он всё более и более перенимал персидские обычаи. Преемники Александра, естественно, активно использовали практику дарения городов в Малой Азии [Климов, 2010], но даже в то время почти невозможно представить, чтобы кто-нибудь из приближённых царя получил от него в «кормление», к примеру, Милет или Эфес. На Боспоре, как можно считать, всё было несколько иначе ещё задолго до походов Александра Македонского: владыка Боспора мог пожаловать «в кормление» иностранцу некогда независимый боспорский полис².

Учитывая приведённые факты, не вызывает особого удивления, что В.Д. Блаватский предлагал понимать форму политического устройства, сложившуюся на Боспоре при Спартокидах, близкой той, которая возникла после восточного похода Александра Македонского, называя её протоэллинизмом [Блаватский, 1955, с. 109 сл.; 1959а, с. 14, 20; 1985, с. 109 сл., 123 сл.]. Такая трактовка вызвала бурную полемику. В.Ф. Гайдукевич, в частности, писал, что «задача состоит скорее не в том, чтобы подогнать Боспор под рубрику “эллинистических государств”, а в том, чтобы выявить в полной мере специфику Боспора как государства греко-туземного, сформировавшегося в результате особых условий, в каких оказались греческие колонии на Боспоре Киммерийском ещё в VI в. до н.э.» [Гайдукевич, 1955, с. 114, прим. 1]. Ф.В. Шелов-Коведяев, проанализировав аргументацию В.Д. Блаватского, пришёл к выводу, что предположение о протоэллинизме, как об особом этапе в развитии греческой периферии, и о Боспоре при ранних Спартокидах, как о вполне эллинистической монархии, слишком преувеличено [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 182 сл., 186; 1985б, с. 320]. А.А. Завойкин предпочитает говорить о псевдоэллинизме на Боспоре [Завойкин, 2001; 2013, с. 438; 2014, с. 24 сл.]. А.В. Подосинов, напротив, в «теории протоэллинизма» видит рациональное зерно, помогающее лучше понять своеобразие Боспора среди других греческих государств Северного Причерноморья [Подосинов, 2014]. Во многом соглашаясь с ним, необходимо отметить, что в этом регионе только Боспорское царство (не Ольвия и не Херсонес Таврический!) в какой-то степени действительно приближалось к эллинистическим монархиям Востока [Ростовцев, 1989, с. 193; Андреев, 1996, с. 16; Андреев, Марченко, 2005, с. 414].

Складывается впечатление, что Спартокиды при создании своего государства кое-что заимствовали у владык Персидской державы. Политический опыт этой мировой

---

² Кепы были одной из самых ранних греческих апоекий, основанных на берегах Боспора Киммерийского, и в её полисном статусе невозможно сомневаться [Виноградов, 1993а, с. 86; 2005, с. 222; Цецхладзе, 1999, с. 195].

державы для них мог быть полезным, а культура персидской элиты представлялась очень притягательной. Возможно, по этой причине на Боспоре сосредоточено столь большое количество ахеменидских цилиндрических печатей [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356; Treister, 2010, р. 251–256]. Персидское культурное влияние ощутимо и в составе инвентаря кургана у села Баксы, который, как представляется, принадлежит одному из создателей Боспорского государства – Сатиру I (см. главу 2.5). Все эти факты, однако, никак не могут свидетельствовать в пользу гипотезы о политическом подчинении Боспора Персии, которая в том или ином виде развивается некоторыми исследователями [Кошеленко, 1999; Яйленко, 2004а, Цецхладзе, 2014, с. 216–217; Fedoseev, 1997; Nieling, 2010]. На наш взгляд, уместней говорить, что Боспор при ранних Спартокидах находился в зоне влияния государства Ахеменидов, прежде всего культурного, но в определённой степени и политического [Виноградов, 2000, с. 118–119; ср.: Молев, 2001а; 2001б; 2006].

Персофильские взгляды, как известно, были не чужды части правящей элиты полисов Эллады. Подражание персидским обычаям и вообще симпатия по отношению к персам (мидянам) в Древней Греции тоже имело место, особенно в среде «золотой молодёжи». Это явление даже получило название *μῆδισμός* – «мидизм» [Доватур, 1957, с. 81; Рунг, 2009, с. 37 сл.], но оно там решительно осуждалось, особенно когда Персия воспринималась как враг [Рунг, 2009, с. 39]. На Боспоре же всё могло быть совсем иначе – величие Персидской державы, её сказочные богатства, красота культуры и пр., как представляется, оказывали сильное воздействие как на политические пристрастия, так и на эстетические вкусы немалой части местной аристократии, в том числе и правящего рода Спартокидов.

В IV в. до н.э., несомненно, имел место и другой центр сильнейшего культурного влияния – Афины, с которыми Боспор поддерживал очень выгодные торговые связи. Не удивительно, что гробницы боспорской аристократии, в особенности некрополя Юз-Оба, наполнены самыми изысканными произведениями аттического прикладного искусства. Однако и здесь, на этом очевидном для всех эллинском фоне, всё-таки проявлялись культурные элементы, которые можно определить как «медисмос», к примеру, те самые ахеменидские цилиндрические печати, о находках которых на Боспоре неоднократно говорилось выше.

Эти печати, конечно, придают культуре элиты Боспора весьма своеобразный оттенок, но пройдёт не очень много времени, и в могилах боспорской аристократии на смену ахеменидским печатям появятся золотые монеты с изображением Александра Великого [Зограф, 1945] и Лисимаха, а в боспорской торевтике будут выступать черты македонской моды [Roberts, 2009; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 83–84, 110, 113]. Все эти явления, конечно, никак не могут свидетельствовать о включении Боспора в Македонскую державу. Дело здесь в другом – боспорская элита тогда приобрела новый объект для культурного подражания. В таком «подражательстве», конечно, надо видеть стремление боспорской аристократии не просто продемонстрировать свою культурную близость к элите наиболее мощной в то время державы, но и в известной

скими родами, сложилась на Боспоре, как представляется, в весьма ранние времена. Нет сомнений, что она с успехом просуществовала вплоть до поздней античности.

Завершая этот раздел, следует привести очень точное и выверенное заключение Ю.В. Андреева, считавшего, что Боспорское государство времени правления династии Спартокидов можно выделить в совершенно особую модель греко-варварских контактов. Он писал: «Цари из этого рода сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтничного государства» [Андреев, 1996, с. 14]. Исключительное своеобразие боспорской культуры, в которой наиболее отчётливо проявились тенденции греко-варварского синтеза, Ю.В. Андреев объяснял тем, что здесь в сравнении с другими античными государствами Северного Причерноморья наиболее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии. Только на Боспоре греко-варварский синтез вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические в своей основе формы государственного устройства, социальных отношений, религии и искусства, только Боспорское царство в какой-то степени приближалось к эллинистическим монархиям Востока с характерным для них греко-варварским дуализмом [Андреев, 1996, с. 16; Андреев, Марченко, 2005, с. 414].

Принципиальное значение для понимания этого явления имеют материалы боспорских курганов, исследованию которых отечественная наука, как уже говорилось, посвятила весь XIX в. Среди них имеются как очень показательные памятники, которые следует считать эллинскими, так и ярчайшие погребальные комплексы туземной знати [см.: Виноградов, 2001а; 2005а, с. 245 сл., 268 сл., 290 сл.]. В связи с боспорскими курганами М.И. Артамонов эмоционально, но очень верно заметил: «Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т.е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребённых со степью, а не с городом» [Артамонов, 1949, с. 31]. Более подробно о варварских элементах в боспорских курганах речь пойдет ниже, сейчас же следует обратить внимание на то, что с приходом к власти Спартокидов на Боспоре появился один в высшей степени важный культурный элемент – возникла традиция возведения монументальных склепов с уступчатым перекрытием, ставших почти непременным атрибутом боспорской аристократической культуры. Генезис этих склепов заслуживает специального рассмотрения, и правильнее это будет сделать, учитывая другие типы монументальных гробниц, в разное время существовавших на берегах Боспора Киммерийского.

2.2. Монументальные гробницы Боспора IV в. до н.э.

Боспорские склепы справедливо считаются жемчужиной в культурном наследии, оставленном нам классической древностью на северном берегу Чёрного моря. Несмотря на то, что подавляющее число этих памятников было открыто в XIX в. и документация

об их устройстве порой очень скудна или же почти отсутствует, общая картина типологического развития склепов достаточно очевидна. Может быть, по этой причине споры о хронологии и культурной принадлежности отдельных групп памятников на страницах научных изданий в последние десятилетия несколько поутихли.

Нельзя сказать, что боспорские монументальные склепы сейчас находятся на периферии научных интересов современных исследователей. Нет, они непременно упоминаются в любой обобщающей работе, посвящённой культуре Боспора времени классики и эллинизма. Может даже сложиться впечатление, что в этой области знания всё уже давно решено, никакой проблемы больше не существует, а для учёных наших дней остается одно – выражать восторги по поводу мастерства древних архитекторов и строителей. Однако это совсем не так. По понятным причинам, в ряду монументальных склепов особое внимание уделяется конструкциям с уступчатым перекрытием, т.е. с ложным сводом, в котором вышележащие ряды кладки несколько выступают над нижележащими. Среди них можно назвать Царский, Золотой, Мелек-Чесменский, некоторые склепы некрополя Юз-Оба и др. (см. главу 2.3). Такие сооружения очень характерны для боспорской погребальной архитектуры IV в. до н.э., но встречаются и позднее (см. главу 2.9), даже в первые века н.э. [см.: Молев, Шестаков, 1991, с. 76–78; Ермолин, 2007; Хршановский, 2011, с. 404 сл.; Федосеев, 2014].

Уступчатые склепы, однако, не являются единственным типом боспорских элитных склепов IV в. до н.э. В их составе имеются также каменные гробницы с перекрытием из каменных плит или деревянных плах; склепы с ложным сводом, выступы кладки в которых были гладко стёсаны (т.н. циркульные); имеется также единственный склеп с арочным перекрытием. Все они будут кратко охарактеризованы чуть ниже.

С.Д. Крыжицкий полагает, что формирование архитектуры погребальных сооружений началось в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, в середине – конце IV в. до н.э. [Крыжицкий, 1993, с. 166], однако это не совсем верно. Ранние боспорские каменные склепы появились задолго до обозначенного им срока.

Есть все основания считать, что это были *каменные гробницы, имеющие плоское перекрытие из каменных плит или деревянных плах*, которые продолжают традицию более раннего времени (см. главу 1.3, 1.6, 1.7). В отношении Азиатского Боспора уже давно установлено, что по причине бедности этой территории камнем, даже богатые гробницы обычно строились там из сырцового кирпича и перекрывались деревянными плахами [Ашик, 1848, с. 15; Гёрц, 18986, с. 74, 77].

Хрестоматийно известным примером каменной гробницы, относящейся к последней трети IV в. до н.э., является склеп Второго Павловского кургана [см.: Гайдукевич, 1949, с. 254–255; Гриневиц, 1952, с. 133–138; Уильямс, Огден, 1995, с. 166 сл.; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 19–32; Gajdukevič, 1971, S. 274–275]. В этом склепе, перекрытом каменными плитами³, было очень богатое погребение, которое

---

³ Представление о том, что склеп Павловского кургана имел уступчатое перекрытие [см.: Ростовцев, 1913–14, с. 107; 1925, с. 194; Артамонов, 1966, с. 67], ошибочно.

можно трактовать как жреческое [Гайдукевич, 1949, с. 255; Шауб, 2007а, с. 342-343; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 31; Gajdukevič, 1971, S. 275; см. также главу 5.5]. К тому же типу относятся некоторые погребальные комплексы некрополя Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132].

Следует отметить, что самый ранний из известных ныне боспорских расписных склепов – гробница 1908 г., построенная во второй половине IV в. до н.э., относится к сооружениям этого типа [Ростовцев, 1913-14, с. 70–82; Ернштедт, 1955, с. 250-251]. На Тамани тоже имеются очень показательные каменные гробницы с плоским перекрытием. Самая известная из них содержала знаменитый таманский саркофаг [Гладкий, 1916; Гриневич, 1928; Пятышева, 1949; см. также главу 2.10]; погребения в ней, как представляется, стали производиться с рубежа IV–III вв. до н.э. [Виноградов, 2010г, с. 118]. В подобной гробнице под Фанагорией в 1852 г. была обнаружена серия замечательных полихромных фигурных сосудов [см.: ДБК, с. 92 сл.; Виноградов, Шауб, 2007; Застрожнова, 2012]. Выше отмечалось, что для азиатской стороны были очень характерны погребальные сооружения, сложенные из сырца, и это действительно так. Отметим, что именно в сырцовой гробнице было совершено второе захоронение с хрестоматийно известными фигурными сосудами, открытое под Фанагорией в 1869 г. [см.: Фармаковский, 1921; Передольская, 1936; Паромов, 2004; Виноградов, Шауб, 2007].

Склепы с уступчатым перекрытием представляют особый научный интерес. По форме погребальной камеры их можно разделить на два типа: четырёхугольные и круглые (см. главу 2.3); почти все они имели дромосы, хотя известны и бездромосные конструкции⁴. Характер уступчатого перекрытия может быть различным, но самый простой его вариант устраивался с двух длинных сторон гробницы [Савостина, 1986, с. 92]. Ложный свод, как известно, позволял обходиться без замкового камня.

Уступчатые склепы, как заметила Н.П. Сорокина, демонстрируют «своеобразное направление в архитектуре Боспора» [Сорокина, 1973, с. 384-385]. С такой характеристикой вполне можно согласиться, хотя она, на наш взгляд, не отражает главного – только с появлением уступчатых склепов в культуре боспорской аристократии утвердился тип монументальной погребальной конструкции, который ранее не был известен ни в одном из греческих государств Северного Причерноморья. Близкие аналогии им хорошо известны на территории Фракии (см. главу 2.3). Логично предполагать, что это нововведение было связано с усилением фракийского влияния на Боспоре, связанного с утверждением здесь династии Спартокидов. В.Ф. Гайдукевич, считал, что гробницы этого типа появились на Боспоре в конце V в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 245; 1981, с. 51], а вот В.Д. Блаватский полагал, что это произошло позднее – не ранее второй четверти IV в., вероятно, ближе к середине столетия [Блаватский, 1964а,

⁴ Не все склепы, которые считаются бездромосными, таковыми были на самом деле. К примеру, Е.А. Савостина отнесла к типу бездромосных склеп № 50 Третьего кургана Юз-Обы [Савостина, 1986, с. 95, № 3]. В действительности же этот склеп имел короткий дромос [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 48].

с. 81]. В наши дни это нововведение относят приблизительно к рубежу V–IV вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 84; Tsetskhladze, 1998a, p. 49]. Самым ранним в ряду сохранившихся памятников такого рода, по всей видимости, является склеп Баксинского кургана, сооружённый в начале IV в. до н.э. (см. главу 2.5), который с полным основанием можно относить к категории царских, как и два других – Царский и Золотой курганы (см. главу 2.5).

Склепы с циркульным (или цилиндрическим) сводом появились позднее уступчатых (см. главу 2.4). Их можно разделить на два типа: конструкции с ложным сводом и арочным перекрытием. Первые по существу являются вариантом гробниц, описанных выше. Они тоже состоят из погребальной камеры с ведущим к ней дромосом, но выступы каменной кладки, составляющей перекрытие, в них гладко стёсаны, образуя подобие арки. Среди памятников такого рода можно выделить склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского [Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.; см. главу 2.6]. Замкового камня такие своды, по понятным причинам, тоже не имели.

Склеп с арочным перекрытием, относящийся к IV в. до н.э., представлен на Боспоре единственным памятником – гробницей № 47 Шестого кургана Юз-Обы [Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гайдукевич, 1949, с. 259-260; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 279]. По этой причине он заслуживает самого пристального научного внимания (см. главу 2.4). Необходимо отметить, что, вероятно, с начала III в. до н.э. арочное перекрытие стало применяться при сооружении так называемых склепов македонского типа (см. главу 2.8). Естественно, арка широко использовалась в погребальных памятниках первых веков н.э. [см.: Хршановский, 2011].

Особым типом монументального погребального сооружения следует считать *грандиозную катакомбу* Острога (Десятого) кургана Юз-Обы [Виноградов, 2014д; см. главу 2.5]. Есть все основания считать этот памятник царским. Возможно, здесь был погребён основатель Боспорского государства – Левкон I.

Дальнейшее развитие боспорской погребальной архитектуры доримского времени в значительной степени было определено распространением склепов македонского типа (см. главу 2.8), а также несколько видоизменённых под их влиянием склепов с уступчатым перекрытием (см. главу 2.9).

2.3. Склепы IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием

Боспорские уступчатые склепы, как уже частично было сказано выше, являются своего рода «визитной карточкой» классической культуры на берегах Керченского пролива, придавая ей легко узнаваемый облик и отличая её от других греческих центров региона⁵. В XIX в. такие перекрытия, сделанные на две стороны, часто на-

---

⁵ По количеству и качеству подобных памятников Северо-Западный Крым и Ольвия не идут ни в какое сравнение с Боспором [см.: Диатроптов, 2001, с. 65-66].

зывали «призматическими», а перекрытие на четыре стороны определяли как «пирамидальные» египетской конструкции или просто «египетские». Вопрос об их появлении на Боспоре до сих пор остаётся не вполне ясным, вызывая большое количество споров среди специалистов, хотя к Египту они явно не имели никакого отношения. Болгарский исследователь Б. Филов почти 80 лет назад отмечал сходство гробниц Боспора и Фракии и признавал, что склепы Царского, Мелек-Чесменского и других боспорских курганов были созданы под влиянием фракийских образцов [Филов, 1937, с. 101-102], и эта точка зрения до сих пор представляется наиболее привлекательной.

Хорошо известно, что в отечественной науке вопрос о происхождении боспорских склепов остро дискутировался в 50-х годах XX в. Тон дискуссии был задан статьёй С.А. Кауфман, в которой предполагалось, что этот тип погребальных сооружений восходит к древней эгейской традиции, проникшей на Боспор через Фракию в связи с общим усилением фракийских влияний при ранних Спартокидах [Кауфман, 1947]. Иной точки зрения придерживался В.Д. Блаватский. Вполне обоснованно утверждая, что местное население Приднепровья, Подонья и Крыма располагало многообразием архитектурных типов и строительных приёмов, он заключил, что тип боспорских склепов восходит к погребальным сооружениям варварских племён Северного Причерноморья – деревянным срубам, шатровым конструкциям и пр. [Блаватский, 1955]. Против этого вывода резко возражал В.Ф. Гайдукевич, придерживавшийся идеи о родстве боспорских склепов с фракийскими [Гайдукевич, 1949, с. 265-266; Gajdukevič, 1971, S. 271, 282-283]. Он справедливо указывал, что с формально-типологической стороны между каменным уступчатым склепом и деревянным срубом нет ничего общего, поэтому усматривать здесь какую-то взаимосвязь невозможно [Гайдукевич, 1981, с. 50 сл.]. В общем, гипотеза В.Д. Блаватского не нашла последователей и сейчас имеет только историографический интерес.

Г.Р. Цецхладзе, рассматривающий боспорские склепы на широком фоне подобных сооружений Малой Азии, Фракии и Скифии, признаёт сходство боспорских и фракийских гробниц слишком большим, чтобы объяснять это простым совпадением [Tsenskhladze, 1998b, p. 55], он тоже допускает, что эта близость была связана с политическими реалиями – фракийским происхождением Спартокидов [Tsetskhladze, 1998b, p. 78]. К сожалению, датировка фракийских гробниц до сих пор остаётся весьма расплывчатой, их появление относят либо к концу V в. до н.э. [Гошев, 2005, с. 58], либо к середине этого столетия [Tsetskhladze, 1998a, p. 51]⁶. Надо особо отметить, что количество древних курганов на территории Фракии очень велико; говорят о 10–15 тыс. таких памятников, и, конечно, они давно нуждаются в надлежащей инвентаризации [Китов, 1993, с. 42]. Среди них имеется немало очень крупных, достигающих в высоту 8–15 м, а приблизительно 50 курганов надо признать огромными,

⁶ К. Рабаджиев считает, что царские гробницы во Фракии стали возводиться не ранее середины IV в. до н.э. [Рабаджиев, 2011а, с. 44].

они превышают 15 м [Китов, 1993, с. 50-51]. Погребальные сооружения, над которыми возводились курганные насыпи, во Фракии отличаются большим разнообразием [см.: Миков, 1955; Венедиков, Герасимов, 1972, с. 63-72; Базайтова, 2006; Вьлева, 2013; Bazaytova, 2005], и на это следует обратить особое внимание (рис. 16).

По мнению Г.Р. Цецхладзе, в истории склепов Фракии выделяются два основных этапа: на первом (середина V – середина IV вв. до н.э.) строились конструкции с камерой четырехугольной в плане формы, на втором (середина IV – III вв. до н.э.) – камеры круглой формы [Tsetskhladze, 1998a, p. 51]. На Боспоре Киммерийском круглые склепы не получили широкого распространения. Наиболее известным памятником такого рода является склеп, открытый в знаменитейшем в нашей историографии Золотом кургане [Гайдукевич, 1981, с. 6 сл.; Виноградов, 2010б; см. главу 2.5], насыпь и крепиду которого иногда связывали с остатками киммерийской культуры [см.: Блаватский, 1948, с. 14; 1964а, с. 13-14]. Г.Р. Цецхладзе, основываясь на своей хронологической схеме развития фракийских склепов, признаёт грандиозный склеп Золотого кургана относительно поздним, датируя его концом IV в. до н.э. [Tsetskhladze, 1998a, p. 49], что, скорее всего, соответствует действительности (см. главу 2.5). Более того, это погребальное сооружение вообще следует считать наиболее поздним в серии монументальных склепов Боспора периода первого расцвета его культуры [Виноградов, 2007а, с. 17; 2010б, с. 476]. «Золотой век» склепов с уступчатым перекрытием, как видим, приходится на IV столетие до н.э., хотя они, бесспорно, возводились и позднее.

Сравнительно недавно В.Д. Кузнецов высказал идею, что эти погребальные конструкции являются оригинальным изобретением архитекторов Боспора [Кузнецов, 2004, с. 122]. С нашей точки зрения, такое представление, отбрасывающее Боспорское царство чуть ли не в состояние культурной изоляции, никак нельзя признать продуктивным. Вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что элита Боспора располагала необходимыми материальными ресурсами, чтобы пригласить к себе квалифицированных мастеров (в том числе и архитекторов), хорошо зарекомендовавших себя в Средиземноморье. В любом случае, боспорские архитекторы трудились не в вакууме, и, надо думать, им не надо было изобретать такое простое решение перекрытия погребальной камеры, каковым является ложный свод. Есть все основания считать, что они были прекрасно знакомы с ним на многочисленных примерах таких построек в других странах, и в их ряду в первую очередь следует назвать фракийские гробницы.

Ещё раз следует подчеркнуть, что Фракия знаменита не только огромным количеством древних курганов, но и большим разнообразием типов монументальных гробниц в них (рис. 16), на Боспоре же первоначально получил распространение лишь один из них – склеп с ложным, уступчатым сводом, но эта конструкция на тот момент как будто являлась самой престижной. Разумеется, тип фракийского склепа не был механически перенесён на боспорскую почву, а, как правильно отмечал В.Ф. Гайдукевич, был приспособлен, адаптирован к новым условиям [Гайдукевич, 1949, с. 265-266].

В данном контексте немалый научный интерес приобретает вопрос, каким образом склепы с ложным сводом появились во Фракии. Всё-таки трудно согласиться с В. Миковым, в своё время утверждавшим, что все фракийские гробницы непременно имели местные корни [Миков, 1955]. На этой территории имеются сооружения с уступчатым перекрытием или же с перекрытием, в котором выступы последовательных рядов каменной кладки были гладко стёсаны. Вполне очевидно, что эти погребальные сооружения в своей основе восходят к типу жилой постройки с двускатной кровлей. Убедительно объяснить воплощение этой идеи в погребальной архитектуре пока вряд ли можно, но, прекрасно понимая такое положение, рискнём высказать одну догадку.

Если считать, что погребальные сооружения элиты любого общества могут быть отражением или подражанием традициям иных народов, создавших крупные государства (можно сказать, мировые державы), то, исходя из этого, можно наметить некий маршрут распространения идей, связанных с пониманием статуса владыки (царя) и шире – статуса правящей аристократии. Культура элиты таких держав, на наш взгляд, вполне могла стать предметом особого почитания, и подражания ей могли распространяться на очень обширные территории.

Любопытно, что царские погребальные сооружения Фригии, первой крупной монархии Малой Азии, представляют собой деревянные срубы, имеющие перекрытия из брёвен [Young, 1981]. Лишь в гробнице, которую приписывают Мидасу, это перекрытие имеет какой-то намёк на двускатность [Young, 1981, p. 85 ff., 90-91, fig. 55–58, p. 271]. Относительно небольшие курганы, раскопанные под Гордионом, тоже не дают оснований полагать, что интересующая нас традиция имела происхождение в этом месте и в это время [Kohler, 1995]. Ясно, что не эти памятники стали предметом для подражания на западе Малой Азии и во Фракии. В курганном некрополе под Сардами, где были погребены лидийские цари, опять же вряд ли можно искать прототипы склепов, свод которых имитирует двускатную кровлю дома [см.: Ratté, 1994].

Среди гробниц с двускатной кровлей, прежде всего, следует отметить усыпальницу создателя Персидской державы Кира, погибшего в 529 (530?) г. до н.э. Эта постройка, бесспорно, была очень знаменитой уже в древности. Известно, что гробницу Кира посетил Александр Македонский и его соратники, оставившие по этому поводу свои описания [Arr. Anab. VI, 29, 4-11; Strab. XV, 3, 7]. Усыпальница Кира отличается значительным своеобразием: однокамерная гробница в виде дома с двускатной кровлей была поставлена на шестиступенчатое основание [см.: Матье и др., 1968, с. 92, илл. 280а; Афанасьева и др., 1976/1977, с. 177, 179, рис. 118; Herzfeld, 1941, p. 214-215, pl. XLI; Schmidt, 1953, p. 24, 12, fig. 6, A; Nylander, 1970, p. 91–102; Boardman, 2003, S. 67 ff.; Valeva, 2005, p. 14-15, 24, fig. 14]. Дж. Бордман считает, что персидский тип царской гробницы был изобретён в Лидии, исполнен в лидийско-ионийской технике с некоторыми особенностями греческой ионийской архитектуры [Boardman, 2000, p. 60], хотя ранее он придерживался точки зрения, что этот тип

сформировался в Персии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284]. Признавая сильнейшее ионийское влияние, проявляющееся в этом сооружении, всё-таки необходимо в полной мере осознать одно в высшей степени важное обстоятельство – гробница Кира при всех возможных культурных заимствованиях представляет собой воплощение персидской, ахеменидской концепции царской усыпальницы, повлиявшей на облик элитных усыпальниц других народов Малой Азии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284–288, 297, fig. 70; Valeva, 2005, p. 16], в частности, в Кариин [Nylander, 1970. p. 93; ср.: Луконин, 1987, с. 83-84].

Хронология этих памятников пока не вполне ясна. По этой причине принципиальное значение, на наш взгляд, имеет гробница кургана Дарданос в Троаде (конец VI в. до н.э.). Она имеет ложный двускатный свод, выступы рядов кладки в котором были стёсаны [Sevinç, Treister, 2003, p. 216-220, fig. II]. Авторы публикации вполне обоснованно утверждают, что эта гробница имеет безусловное сходство с некоторыми фракийскими склепами классического и эллинистического времени, имеющими такое же двускатное перекрытие [Sevinç, Treister, 2003, p. 220]. Хорошим примером последних может служить склеп в Татарево [см.: Миков, 1955, с. 38 сл., 42, обр. 41, 4; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2, 1]⁷. Можно предположить, что не столь очевидные для нас культурные импульсы, исходившие из сердца Персии, дошли не только до Фракии, но и разошлись на более отдалённые территории.

Если придерживаться весьма вероятной концепции, что боспорские склепы сформировались под фракийским влиянием, то приходится признать, что один из их типов, т.е. прямоугольные склепы с перекрытием с двух длинных сторон [Савостина, 1986, с. 92], отличался от упомянутых памятников, прежде всего, наличием выступов, которые во Фракии, как и в Малой Азии, обычно гладко стёсывались. В этом отношении определённый интерес для нас имеет не только усыпальница Кира, но и скальная гробница персидского царя Дария I в Накш-и-Рустем. Её свод был оформлен в виде двускатной кровли [Herzfeld, 1941, p. 218-219, fig. 326; Schmidt, 1970, p. 80 ff., 82, fig. 31]. Конечно, названные персидские гробницы весьма своеобразны, во всяком случае, они сильно отличаются от подкурганых склепов Фракии и Боспора. Тем не менее, можно предположить, что общая идея двускатного перекрытия элитных погребальных сооружений восходит именно к ним; во всяком случае, исключать такое влияние, пусть в опосредованном виде, полностью тоже вряд ли возможно⁸. По мнению болгарской исследовательницы Ю. Вьлевой, царские погре-

---

⁷ Во Фракии имеется пример погребальной конструкции в Оструша (район Казанлыка), в которой наряду с прочими сооружениями имеется постройка с двускатной кровлей, поставленная на ступенчатое основание [см.: Китов, 2011; Рабаджиев, 2011а, с. 48, обр. 6, с. 53, 56; Valeva, 2005, p. 11ff., 20-21, fig. 2-3]. По внешнему виду эта постройка очень напоминает гробницу Кира, более того, является ближайшей аналогией для неё [Valeva, 2005, p. 14-15].

⁸ В этом отношении следует обратить внимание и на то, что рельефное изображение фасада здания на скальных гробницах Малой Азии, вероятнее всего, появилось только с утверждением персидского владычества [Kurtz, Boardman, 1971, p. 288].

бальные памятники Малой Азии и Персии оказали явное влияние на погребальную архитектуру аристократии Фракии [Valeva, 2005, p. 16]. Соглашаясь с таким заключением, можно добавить, что персидская идея материального воплощения царственности в виде гробницы с двускатным сводом, получившая развитие во Фракии, через неё распространилась на Боспоре и, ещё раз подчеркнём, – ни в одном из других центров греческой колонизации Северного Причерноморья.

Немалый научный интерес, конечно, имеет вопрос о количестве склепов с уступчатым перекрытием на Боспоре. Е.А. Савостина, посвятившая их изучению специальное исследование, приводит данные о 39 таких памятниках [Савостина, 1986, с. 95–98], но не все они принадлежат IV в. до н.э., т.е. времени, которое нас в данный момент непосредственным образом интересует, а другие вообще не являются боспорскими. Из реестра, составленного этой исследовательницей, следует исключить целую группу гробниц:

1-2. Склеп кургана *Огуз* (№ 10 по Е.А. Савостиной) и другой, расположенный по соседству с ним (№ 12), поскольку они являются памятниками Великой Скифии, а не Боспора.

3-4. Из трёх уступчатых склепов *Большой Близницы* (№ 1-3 по устоявшейся терминологии) одну гробницу «жрицы Деметры» 1864 г. можно уверенно относить к IV в. до н.э. (№ 5 по Е.А. Савостиной). В отношении двух других возникают немалые сомнения. А. Шварцмайер, предпринявшая специальное исследование всех комплексов кургана, пришла к заключению, что самым ранним здесь было именно погребение «жрицы Деметры», совершённое около 330 г. до н.э., прочие, по её мнению, вообще относятся к началу III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137; ср.: Pfrommer, 1990, S. 270–274]⁹.

5. Об упомянутом Е.А. Савостиной уступчатом склепе *Зеленского кургана* на Таманском полуострове (№ 11), к сожалению, мы почти ничего не знаем. Этот курган представлял собой весьма сложный комплекс. Во время грабительских раскопок 1866 г. здесь был открыт каменный склеп с галереей, ведущей к нему с запада [Гёрц, 1898а, с. 67-68]. Высказывалось предположение, что склеп имел уступчатое перекрытие [см.: Ростовцев, 1925, с. 290, Савостина, 1986, с. 96, № 11], но доказать это невозможно. При раскопках 1912 г. в кургане были открыты два погребения: гробница воина, сложенная из каменных плит в виде ящика, а также склеп, впущенный в грунт и перекрытый брёвнами [Шкорпил, 1916; Виноградов, 2012а, с. 300-301]. Они, скорее всего, принадлежат к началу III в. до н.э. (см. главу 2.11).

6-8. Гробницы трёх *Тарасовских курганов* (№ 23, 24, 27 по Е.А. Савостиной), вероятнее всего, относятся к первой половине III в. до н.э. (см. главу 2.9, № 3–5).

9. Склеп кургана *Султан-Гора* на Таманском полуострове (№ 26 по Е.А. Савостиной)

⁹ Немецкая исследовательница, как представляется, была не во всём права, и мы склонны датировать IV в. до н.э. не только склеп «жрицы Деметры», но и ещё две гробницы, одна из которых (№ 4 по устоявшейся нумерации) была перекрыта каменными плитами, а вторая (№ 5) – деревом (см. главу 2.6).

близок по устройству Тарасовским и, как представляется, относится к близкому с ними времени (см. главу 2.9, № 6).

10. *Склеп кургана в пос. Аршинцево* (№ 20 по Е.А. Савостиной) датируется III в. до н.э. (см. главу 2.9, № 11).

11. *Склеп, открытый около Царского кургана* (№ 31 по Е.А. Савостиной) [Цехмитстренко, Кунин, 1959], тоже, скорее всего, не является ранним (см. главу 2.9, № 10).

12. «*Склеп Пигмеев*» (№ 25 по Е.А. Савостиной), обнаруженный в Керчи, обычно датируется в пределах II–I вв. до н.э. (см. главу 2.9, № 8).

13. «*Склеп с крестами*» в некрополе Илурата (№ 16 по Е.А. Савостиной) вообще принадлежит к римскому времени [Кубланов, 1979, с. 95–97].

14–15. *Гробница кургана на землях Мирзы Кекуватского* (№ 32 по Е.А. Савостиной) и *гробница, открытая в 1889 г. в некрополе Юз-Оба* (№ 4 по Е.А. Савостиной), скорее всего, представляют собой один памятник, который к тому же имел не уступчатое, а циркульное перекрытие (см. гл. 2.4; 2.6).

16. *О склепе около Арестантской казармы* в Керчи (№ 34 по Е.А. Савостиной) на основании данных, которые приведены этой исследовательницей, предметно судить невозможно¹⁰.

17. *Нимфейские склепы*. По мнению Е.А. Савостиной, в окрестностях города было обнаружено пять каменных склепов этого типа (№ 35–39), но Л.Ф. Силантьева, на которую она ссылается, приводит данные только о четырёх таких конструкциях [Силантьева, 1959, с. 13, 104, № 109–112], так что один памятник из этого списка логично будет исключить.

Как видим, из списка боспорских склепов с уступчатым перекрытием, приведённого Е.А. Савостиной, 17 памятников либо не являются боспорскими, либо не относятся к IV в. до н.э., либо имеют иной тип перекрытия. Иными словами, из её списка, включающего 39 памятников, лишь 22 гробницы принадлежат к интересующему нас типу и времени. Всю эту совокупность уместно будет поделить на три подтипа: с четырёхугольной погребальной камерой (20 склепов из списка Е.А. Савостиной); с круглой камерой (большой склеп Золотого кургана); с четырёхугольной погребальной камерой и круглым сводом (склеп Царского кургана).

Большинство уступчатых склепов IV в. до н.э. имеют *четырёхугольную погребальную камеру*. Из сводки Е.А. Савостиной, как было сказано выше, к IV в. до н.э. можно отнести 20 памятников:

1. (№ 1 по Е.А. Савостиной). *Склеп № 2*, открытый Д.В. Карейшей в западной части *Золотого кургана* в 1832 г. [рис. 17; Гайдукевич, 1981, с. 8–9, рис. 2; Тункина, 2010б, с. 543–545; см. также главу 2.5]. Его размеры составляли 6,40 × 3,20 м, высо-

---

¹⁰ По приведённым в сводке Е.А. Савостиной публикациям [Савостина, 1986, с. 98, № 34] такой склеп найти невозможно [Ашик, 1848, с. 399; ОАК за 1860 г., с. VI–VII]. В книге А.Б. Ашика всего 98 страниц, а в ОАКе за 1861 г. нет упоминания о склепе у Арестантской казармы.

та – более 6,40 м. По мнению Д.В. Карейши, эта погребальная конструкция не имела дромоса. Склеп был полностью ограблен.

2. (№ 2). *Склеп № 3*, открытый А.Е. Люценко в *Золотом кургане* в 1853 г. [Гайдукевич, 1981, с. 16 сл.; см. также главу 2.5]. Этот склеп был тоже ограблен. Его размеры составляли 6,40 × 4,27 м, высота – около 5,35 м. Дромос вёл к погребальной камере с восточной стороны, но прохода в неё, по заключению автора раскопок, сделано не было [Гайдукевич, 1981, с. 18]. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что подобный пристроенный к глухой стене дромос имелся и в выше охарактеризованном склепе № 2 Золотого кургана, но Д.В. Карейша, проникший в погребальную камеру через пролом в кровле, не имел возможности его заметить [Виноградов, 2007а, с. 17, прим. 5; 2009б, с. 476, прим. 2].

3. (№ 3). *Склеп № 50 Третьего кургана некрополя Юз-Оба* (рис. 18-19). Эта гробница имела размеры 3,20 × 2,10 м, высота до замыкающих плит перекрытия составляла 3,20 м. В склепе был обнаружен деревянный саркофаг, в котором находился остов женщины с богатым сопровождающим инвентарём. Погребение, вероятнее всего, относится ко второй четверти – середине IV в. до н.э. [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 48 сл.].

4. (№ 5). *Склеп № 1 (1864 г.) Большой Близницы*, который обычно считают принадлежащим жрице Деметры (подробнее см. главу 2.6).

5. (№ 6). *Склеп, открытый на Юз-Обе в 1940 г.* Документация о его раскопках, к сожалению, утеряна, но известно, что погребальная камера имела перекрытие в виде четырёх уступов с двух сторон. Датировка склепа в пределах IV в. до н.э. не вызывает сомнений [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 107].

6. (№ 9). *Гробница Мелек-Чесменского кургана*, в наши дни являющаяся одним из самых известных памятников архитектуры Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 250–253; 1981, с. 48–50]. Склеп состоит из погребальной камеры и ведущего к ней дромоса. Камера имеет практически квадратную форму (3,70 × 3,64–3,69 м; площадь – около 13,5 кв. м). Склеп был ограблен, но его датировка в пределах IV в. до н.э. ни у кого не вызывает сомнений.

7. (№ 13). *Гробница кургана у села Баксы* под Керчью, очевидно, является самым ранним сооружением подобного рода, о котором сохранилась информация. Её можно датировать началом IV в. до н.э. Вполне возможно, что курган принадлежал боспорскому царю Сатиру I (подробнее см. главу 2.5).

8. (№ 14). Очень любопытный памятник был обнаружен А.Б. Ашиком в 1837 г. в *Городском саду Керчи* [рис. 20; Ашик, 1848, с. 43-44, § 36]. Если верить автору раскопок, это был очень большой курган, достигавший в высоту более 7 саж. (порядка 15 м). В своей публикации А.Б. Ашик привёл размеры погребальной камеры¹¹, имевшей перекрытие из четырёх рядов каменных плит, но не дал измерений

¹¹ Длина – 3,75 м, ширина – 1,40 м, высота – около 1,80 м. Эти цифры не соответствуют размерам гробницы, изображённой на плане (рис. 19).

всей гробницы. Если основываться на имеющемся в его книге плане, то надо признать, что дромос имел длину 12,8 м при ширине около 1,3 м, что вполне может соответствовать действительности. По описанию автора раскопок, в дромосе на расстоянии 4 саж. (8,5 м) от входа был сделан заклад в виде каменной стены, сложенной из огромных отёсанных камней, скреплённых свинцовыми скобами. За этим закладом находилось ещё 5 подобных стен. Погребальная камера состояла из двух частей: к дромосу примыкало небольшое по площади преддверие (2,10 × 1,50 м), а далее находилось основное помещение (5,25 × 3,75 м). Вполне очевидно, что все эти снятые с плана цифры очень неточны, но других у нас нет (кроме размеров главной погребальной камеры, приведённых А.Б. Ашиком, которые не совпадают с результатами наших измерений). Опирается на них и делать какие-либо подсчёты абсолютно немыслимо. Важнее отметить другое – по своей планировке гробница 1837 г. имеет явное сходство со склепами Тарасовских курганов, которые обычно датируют первой половиной III в. до н.э. (см. главу 2.9). Погребение, совершённое в кургане Городского сада, не было ограблено. В числе найденных здесь предметов А.Б. Ашик назвал золотой боспорский статер с изображением головы сатира в плющевом венке на одной стороне и грифона, идущего по колосу, на другой, а также великолепную вазу с прекрасным рисунком [Ашик, 1848, с. 44], надо полагать, краснофигурную. Золотые статеры этого типа не чеканились позднее конца IV в. до н.э. [см.: Фролова, 2002а; Терещенко, 2013], а значит, приходится признать, что курган в Городском саду был возведён раньше Тарасовских, возможно, в последней четверти IV в. до н.э.

9. (№ 15). *Склеп, открытый в 1951 г. в районе Тобечикского озера* [Гайдукевич, 1981, с. 45–47]. Он имел почти квадратную форму (2,73 × 2,48 м); высота – 2,90 м. Дромос находился с северо-западной стороны. Судя по сохранившимся обломкам керамики [Гайдукевич, 1981, с. 46], склеп следует датировать второй половиной IV в. до н.э.

10. (№ 17). *Склеп кургана Куль-Оба* (о нём см. главу 2.6).

11. (№ 19). *Гробница № 1 Первого Трёхбратнего кургана*, захоронение в которой было совершено в последней трети IV в. до н.э. [Кирилин, 1968; Трёхбратние курганы, 2008; Трейстер, 2008, с. 145; подробнее см. главу 2.6, № 6].

12. (№ 21). *Гробница кургана Патиниоти* (подробнее см. главу 2.6).

13. (№ 29). *Склеп в кургане по дороге на Аджимушкай*, открытый А.Б. Ашиком [Ашик, 1848, с. 45–46, § 38]. Размеров этой гробницы мы не знаем даже приблизительно; Е.А. Савостина относит её к типу «склепов с преддверием» [Савостина, 1986, с. 98, № 29]. Однако, следуя описанию А.Б. Ашика, логичней считать, что это был двухкамерный склеп. В первой камере находился деревянный гроб. В головах стояла краснофигурная ваза, а рядом с ней лежала обыкновенная каменная плита. Во второй камере тоже находился деревянный гроб, в котором на подстилке из лавровых листьев лежал остов женщины. На её голову был надет золотой венок с сердоликом в центральной части, руки были украшены драгоценными перстнями и т.д. Среди прочих погребальных принадлежностей в гробнице находились терракотовые стату-

этки, бронзовое зеркало и керамические сосуды. Одна из краснофигурных ваз изображала битву греков с амазонками, рядом с ней лежала каменная плита¹².

14. (№ 28). *Курган, находившийся по дороге к Аджимушкайским каменоломням*. В 1841 г. А.Б. Ашик открыл здесь два склепа, один из которых он определил как «пирамидальный с коридором» [рис. 21; Ашик, 1848, с. 47-48, § 39]. Погребение в нём (повторное) было совершено в очень позднее время, вероятно, в первой трети IV в. н.э. [Шаров, 2012], но склеп был построен раньше, по всей видимости, во второй половине IV в. до н.э. Во всяком случае, вторая и явно более поздняя гробница этого кургана принадлежит к типу «македонских» (см. главу 2.8, № 8).

Е.А. Савостина относит первую гробницу к типу «склепов с преддверием» [Савостина, 1986, с. 98, № 28], О.В. Шаров вслед за автором раскопок признаёт его «пирамидальным склепом с коридором» [Шаров, 2015, с. 202]¹³. На самом же деле имеющийся рисунок (рис. 21) не оставляет сомнения в том, что это был двухкамерный склеп без дромоса. В него вёл вход шириной около 1 м; обе камеры имели одинаковые размеры (2,50 × 1,35 м, высота – 2,10 м), перекрытие состояло из четырёх уступов на две стороны. Камеры были соединены проходом шириной около 1 м. Хорошей аналогией этой гробнице является один из склепов Юз-Обы, о котором речь пойдёт чуть ниже.

15. (№ 30). *Двойной склеп № 48 Пятого кургана Юз-Обы* [рис. 22- 23; Ростовцев, 1913-14, с. 104-105, табл. XXXIV; Блаватский, 1955, с. 42; Савостина, 1986, с. 98, № 30; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 60 сл.]. Как явствует из названия, он состоял из двух погребальных камер (западной и восточной). Общие его размеры составляли порядка 17 м в длину, 2,85 м в ширину и около 4,25 м в высоту. Дромос, имевший уступчатое перекрытие, вёл с запада. Склеп оказался неразграбленным. Первая (западная) камера принадлежала мужчине, погребённому в кипарисовом саркофаге (рис. 23); вторая (восточная) содержала саркофаг с останками женщины. Две части были соединены коротким и узким проходом, имевшим плоское перекрытие. Многочисленные находки, происходящие из этого склепа, дают основание полагать, что он был сооружён во второй четверти IV в. до н.э. [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 61].

16. (№ 33). *Склеп с «пирамидальным сводом»*, сделанным уступами на две стороны, был открыт Д.В. Карейшей в 1842-43 гг. между Керчью и Золотым курганом

¹² Каменные плитки, найденные в обеих камерах этого склепа, – характерная особенность некоторых элитных погребений Боспора IV в. до н.э. [Ашик, 1848, с. 44; ОАК за 1860 г., с. V; ОАК за 1882–1888 гг., с. XXXIX; Виноградов, 2012а, с. 26-27], на которую сейчас почти не обращают внимания. Любопытно, что они, как и в данном случае, происходят из женских комплексов [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 131-132]. Как представляется, эти плитки можно сближать с большими плоскими камнями из погребений некрополя Ольвии, которые обычно называют «точильными камнями» или «каменными блюдами» [Скуднева, 1988, с. 31-32]. На наш взгляд, весьма показательна их связь с жреческими погребальными комплексами [см.: Шауб, 2007а, с. 246–248].

¹³ Правда, в подписи к рисунку О.В. Шаров называет эту гробницу двухкамерной, что, конечно, следует признать верным.

[Карейша, 1844, с. 618]¹⁴. В нём находился деревянный гроб с остоном женщины. Обнаруженные здесь находки, прежде всего большая чернолаковая ваза, украшенная по шейке позолоченной гирляндой, как можно полагать, относятся ко времени раннего эллинизма.

17–20. *Нимфейский некрополь*. Как уже говорилось, Е.А. Савостина считает, что здесь было обнаружено пять склепов (№ 35–39 по Е.А. Савостиной), но Л.Ф. Силантьева приводит данные только о четырёх таких конструкциях [Силантьева, 1959, с. 13, 104, № 109–112]. Информация об этих открытиях к тому же очень краткая.

Перечисленные каменные склепы включают в себя как гробницы, которые следует относить к царскому уровню (курган у села Баксы – № 7; см. главу 2.5), так и значительно более скромные сооружения (к примеру, склепы курганов по дороге на Аджимушкой – № 13, 14 или кургана в Городском саду – № 8). Неоднородность этой выборки в плане размеров включённых в неё гробниц и богатства найденного в них инвентаря вполне очевидна, однако все они, по нашему убеждению, относятся к субкультуре боспорской элиты IV в. до н.э. В связи с этим необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: из 20 приведённых нами памятников почти все находятся на европейской стороне Боспора, на азиатской – всего один (склеп № 1 Большой Близницы – № 4 по нашей нумерации). Несмотря на общеизвестный факт бедности Таманского полуострова камнем, что явно приводило к удорожанию каменных построек на этой территории, данное обстоятельство заслуживает специального внимания, во всяком случае, его никак нельзя игнорировать.

Вполне очевидно, что количество склепов с уступчатым перекрытием, относящихся к IV в. до н.э., на Боспоре было гораздо большим. К примеру, А.Б. Ашик сообщал, что под Керчью им были открыты ещё две гробницы с «египетским» сводом [Ашик, 1848, с. 57], но, кроме самого факта открытия, мы о них ничего не знаем. В.Г. Тизенгаузен под Анапой обнаружил прекрасно сложенный склеп с уступчатым перекрытием, но не уделил ему ни малейшего внимания [ОАК за 1881 г., с. VI]. Эти и другие краткие упоминания о разграбленных гробницах, разбросанные на страницах научных публикаций XIX в., к сожалению, не дают оснований для определения их типа и более-менее точной хронологической атрибуции. Естественно, не все такие упоминания были учтены Е.А. Савостиной, но обвинять её в невнимательности никак не стоит. Ни в коей мере не претендуя на создание полного реестра, приведём ещё несколько примеров.

21. *Уступчатый склеп (гробница № 2) Среднего Трёхбратнего кургана* [Бессонова, 1973, с. 243, прим. 1; Трёхбратние курганы, 2008, с. 40–41; Бидзиля, Полин, 2012, с. 525]. Гробница была ограблена, к тому же она сильно разрушена, но её тип и датировка в пределах IV в. до н.э. не вызывают сомнения (подробнее см. главу 2.6, № 7).

---

¹⁴ По непонятной для нас причине считается, что этот склеп был открыт в 1841 г. [Ростовцев, 1925, с. 190, прим. 1; Савостина, 1986, с. 98, № 33].

22. *Склеп с уступчатым перекрытием около Золотого кургана*. Он был исследован В.И. Цехмистренко в 1961 г. [Цехмистренко, 1968]. Дромос вёл к погребальной камере с западной стороны. Её размеры составляли 3,00-3,04 × 2,44-2,68 м, высота достигала 3,90 м. Перекрытие состояло из пяти уступов, расположенных с трёх сторон; грани трёх нижележащих уступов при этом были стёсаны, хотя и не полностью¹⁵. Датировка склепа в пределах второй половины IV в. до н.э. не вызывает сомнения [Цехмистренко, 1968, с. 194].

23. *Гробница № 21 Пятнадцатого кургана Юз-Обы* (рис. 24). Этот склеп был ограблен и по этой причине не доследован до конца, так что о его устройстве мы ничего определённого не знаем [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 90–92], тем не менее, он безусловно был уступчатым. Датировка этого памятника не может выходить за пределы IV в. до н.э., поскольку самые поздние погребальные комплексы некрополя Юз-Оба относятся к началу III в. до н.э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 134; Виноградов, 2013б, с. 48], но Пятнадцатый курган к поздним явно не принадлежит.

24. *Курган по дороге на Булганак*. Раскопки здесь были проведены А.Е. Люценко в 1858 г., ему удалось открыть полуразобранный каменный склеп с уступчатым перекрытием. В погребальную камеру вёл дромос, на стенах которого были замечены прочерченные кресты, как в дромосе Царского кургана [ОАК за 1859 г., с. 18–20; Виноградов, 2012а, с. 25–26]. Можно предположить, что эта гробница относится к IV в. до н.э.

25. Большой каменный склеп в кургане *Буерова могила*, открытый И.Е. Забелиным в 1871 г. [см.: ОАК за 1870–71 гг., с. XXXI–XXXIII; Виноградов, 2012а, с. 101]. Он находился в центре кургана и, по словам автора раскопок, имел «призматическое» перекрытие. Несмотря на неточность определения, всё-таки можно считать, что склеп был уступчатым [Власова, 2010, с. 253], но ничего более определённого по этому вопросу мы сказать не можем. К сожалению, погребение в этой гробнице было полностью ограблено, и на её каменном полу удалось обнаружить лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т.д. Упоминание этих находок почти ничего не даёт для хронологической атрибуции склепа, но его датировка в пределах IV в. до н.э. вполне допустима, поскольку позднюю, впускную гробницу Буеровой могилы обычно относят к III–II вв. до н.э. (см. главу 2.11).

26. *Большой склеп со сводом, устроенным уступами*, был раскопан Д.В. Карейшей около *Фанагории* в 1846 г. Этот склеп был ограблен, но в нём были обнаружены частицы листьев от золотого венка, 3 керамических сосуда и 3 алабастра [Карейша, 1846, с. 308; Ашик, 1848, с. 21; Гёрц, 1898б, с. 27]. Его датировка в пределах IV в. до н.э. вполне допустима.

¹⁵ Стёсывание граней нижних уступов перекрытия стало характерным для склепов этого типа, относящихся к III–II вв. до н.э. (см. главу 2.9).

Как можно видеть, под Фанагорией, помимо гробницы Большой Близницы (№ 4), имеется, по крайней мере, ещё два склепа с уступчатым перекрытием (№ 25 и 26), но отмеченная выше закономерность концентрации таких сооружений на европейской стороне от этого почти не изменилась. В Восточном Крыму находятся 23 из 26 учтённых нами памятников IV в. до н.э., т.е. их там было почти в 8 раз больше, чем на Таманском полуострове.

Склепы с круглой погребальной камерой и круглым уступчатым сводом. Прежде чем перейти к изложению материала, следует сделать одну оговорку. К сожалению, мы не всегда понимаем терминологию археологов XIX в. Прежде всего, не вполне ясно, какой смысл они вкладывали в определение «круглый» при описании открытых ими древних гробниц. Вполне возможно, что таким образом назывались склепы интересующего нас типа, но никак нельзя исключать и то, что имелись в виду совсем другие конструкции – склепы с циркульным или арочным сводом, имевшие полукруглые очертания. К примеру, Д.В. Карейша в кургане под Керчью обнаружил, по его словам, «большой склеп с круглым сводом» [Карейша, 1846, с. 296]. Имел ли он в виду склеп типа Золотого и Царского курганов или же таким неудачным образом обозначил циркульный свод? Однозначно на этот вопрос вряд ли можно ответить, поскольку относительно точности терминологии этого исследователя имеются немалые сомнения. Тем не менее, для последнего типа явно лучше подходит определение «полукруглый». Именно так Е. де Сансе определил каменный склеп, обнаруженный под Керчью в 1821 г. [Сансе, 1888, с. 85]. Погребение в этом склепе, судя по находкам гипсовых украшений, было совершено в первые века н.э.

Что касается склепов с круглым сводом, то Н.Н. Мурзакевич, знавший об археологических открытиях под Керчью не понаслышке, из всех боспорских склепов круглой называл только гробницу Золотого кургана [Мурзакевич, 1837, с. 685–696]. Тем не менее, несмотря на все возникающие сомнения, мы считаем, что в любом случае на информацию о «круглых склепах» или «круглых сводах», имеющуюся в археологических отчётах XIX в., следует обращать внимание. Такая аналитическая работа – задача на будущее, а в наши дни можно говорить всего о двух круглых склепах на Боспоре.

1. (№ 7 по Е.А. Савостиной). Хрестоматийно известный памятник такого рода – *большой склеп Золотого кургана* [рис. 25-27; см.: Гайдукевич, 1949, с. 246; 1981, с. 6 сл.; Савостина, 1986, с. 97, № 7; Виноградов, 2007а; 2010б]. Это самое грандиозное погребальное сооружение из всех, раскопанных на Боспоре. Вполне возможно, что гробница принадлежала боспорскому царю Евмелу (подробнее см. главу 2.5).

2. Значительно более скромный *фанагорийский склеп 2003 г.* [Кузнецов, 2004; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52–56]. Его диаметр составлял 2,45 м, высота – 2,87 м. Дромос вёл к погребальной камере с северной стороны; он был вырыт в земле и перекрыт толстыми брёвнами. Внутри погребальная камера была полностью покрыта побелкой. Склеп был ограблен, но в нём была найдена бронзовая пантикапейская монета IV в. до н.э.

Склепы с четырёхугольной погребальной камерой и круглым сводом. Это подтип уступчатых склепов можно условно назвать переходным между двумя первыми [Виноградов, 2010б, с. 475]. Таких склепов на Боспоре очень немного, а обычно говорится всего об одном – склепе Царского кургана.

1. (№ 8 по Е.А. Савостиной). *Хрестоматийно известный склеп Царского кургана* для этого типа, конечно, является классическим [рис 28-29; Гайдукевич, 1949, с. 246 сл.; 1981, с. 25 сл.; Шалькевич, 1976]. Переход от четырёхугольной в плане погребальной камеры к круглому своду здесь, как известно, был осуществлён благодаря выступам-пандативам в углах гробницы, которые, постепенно увеличиваясь в размерах, на уровне десятого ряда кладки образуют правильный круг (рис. 28, 1). Вполне возможно, что эта гробница принадлежала боспорскому царю Перисаду I (подробнее см. главу 2.5).

2. *Небольшая фанагорийская гробница, открытая В.Г. Тизенгаузеном в 1869 г.* [рис. 30; Виноградов, 2009а, с. 284-285; 2012а, с. 103, 117, рис. 41]¹⁶, которая по каким-то причинам более 150 лет не привлекала внимание учёных. На имеющемся в Рукописном архиве ИИМК РАН рисунке (рис. 30) прекрасно видно, что эта гробница имела небольшие размеры, но погребальная камера была четырёхугольной в плане, а её перекрытие – круглым, в углах камеры хорошо обозначены пандативы [см.: Виноградов, 2009а, с. 284-285; 2012а, с. 103, 117, рис. 41; Тункина, 2010а, с. 58, рис. 38]. К огромному нашему сожалению, автор раскопок не оставил никакого описания этого замечательного памятника, и мы не можем судить ни о его размерах (явно довольно скромных), ни о сделанных здесь находках (скорее всего, гробница была ограблена). Тем не менее, датировка этого склепа в пределах второй половины IV в. до н.э. представляется вполне допустимой.

3. К этому же самому подтипу, как представляется, относился *склеп, обнаруженный К.Р. Бегичевым под Фанагорией в 1853 г.* Это была каменная гробница четырёхугольной формы «с круглым сводом». Склеп состоял из погребальной камеры и ведущего к ней дромоса. Камера (2,60 × 1,45 м) достигала в высоту 2,60 м. Она была оштукатурена вплоть до плеч свода и украшена двумя широкими горизонтальными полосами краски, сверху белой, а снизу красной. Свод состоял из 12 рядов хорошо отёсанных камней. Дромос (длина – 7,50 м, ширина – 1,05 м) был сделан из сырца и перекрыт деревянными брусьями. Толщина его стен составляла около 0,70 м, высота – 1,80 м [Гёрц, 1898б, с. 129]. Склеп был ограблен, в нём оказалось несколько фрагментов расписных ваз, а также два скелета небольших животных, возможно, барашков [Гёрц, 1898б, с. 129]. К сожалению, нам не известно, фрагменты каких именно расписных ваз были тогда найдены, но, вероятнее всего, это были краснофигурные сосуды. Иными словами, склеп вполне можно относить к IV в. до н.э., очевидно, ближе к концу столетия.

¹⁶ В обеих названных публикациях Ю.А. Виноградова имеется ошибочное утверждение, что рисунок фанагорийского склепа 1869 г., хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН, принадлежит автору раскопок, т.е. В.Г. Тизенгаузену. На самом деле он был сделан бароном И.П. Клодтом.

4. *Гробница в Фанагорийском кургане № 11*, обнаруженная К.Р. Бегичевым в 1852 г., по словам К.К. Гёрца, имела круглый кирпичный свод [Гёрц, 1898б, с. 77]. К сожалению, мы не имеем возможности судить о форме погребальной камеры, но, скорее всего, она была обычной, т.е. четырёхугольной. Свод же, как можно полагать, был сложен из сырцового кирпича и имел круглую форму. О датировке этой гробницы можно только догадываться, но IV в. до н.э. здесь вряд ли следует отбрасывать.

По всей видимости, археологами XIX в. были открыты и другие подобные погребальные сооружения, но они не придали им никакого значения. Для примера приведу информацию ещё об одном склепе.

5. *Большая каменная гробница с «круглым сводом»*, обнаруженная Д.В. Карейшей в 1842-43 гг. в Керчи, к западу от Глиница [Карейша, 1844, с. 615]. В отношении этого памятника ещё раз отметим, насколько трудно судить, что этот исследователь понимал под термином «круглый». К тому же Д.В. Карейша не привёл никаких данных, которые могли бы позволить представить себе внутреннее устройство гробницы или датировать её хотя бы приблизительно.

Несмотря на все возникающие сомнения, можно предположить, что сейчас склепов двух последних подтипов можно насчитать всего 7, но, если оценить их территориальное распределение, то окажется, что 4 из них (т.е. большинство) находятся на Таманском полуострове. Правда, необходимо сделать одну существенную оговорку – в Восточном Крыму находятся самые грандиозные, по-настоящему царские погребальные памятники этих двух типов (Золотой и Царский курганы). Складывается впечатление, что в IV в. до н.э. под Фанагорией возводились лишь скромные копии склепов Европейского Боспора, при этом как будто их даже могли строить из сырцового кирпича. В высшей степени любопытно при этом, что на Керченском полуострове таких «копий» практически нет. Причины такого явления пока не понятны, но в любом случае можно полагать, что погребальные конструкции с круглыми сводами (или круглые в плане) наибольшей популярностью пользовались в среде аристократии азиатской части Боспора.

Исходя из приведённых фактов, представляется возможным высказать одну догадку, связанную с пониманием статуса фанагорийской элиты в государстве Спартокидов IV в. до н.э. Аристократии второй боспорской столицы как будто не позволялось иметь монументальных гробниц царского масштаба, хотя погребения с очень богатым инвентарём здесь имеются, прежде всего это комплексы Большой Близицы. В это время ей, правда, позволялось заводить гробницы, похожие на царские, но только похожие. Ещё раз подчеркнём, что относительную скромность гробниц азиатского Боспора IV в. до н.э. вряд ли можно объяснять только бедностью этого района камнем. Пройдёт не так уж много времени, и в III–II вв. до н.э. элитные погребальные памятники Таманского полуострова станут намного монументальней и богаче погребальных памятников Восточного Крыма (см. главы 2.8–2.10).

Вызывает некоторое удивление, что на Боспоре не получили широкого распространения склепы с ложным сводом, выступы каменной кладки которого были гладко

срезаны, образуя не подобие арки, а копируя двускатную кровлю. Во всяком случае, в современной научной литературе они даже не упоминаются. Во Фракии, однако, такие конструкции, как уже говорилось, представлены в немалом количестве (см. рис. 16, 2), более ранний памятник такого рода, как было сказано, открыт в Малой Азии [Sevinc, Treister, 2003]. Тем не менее, имеются основания считать, что *склеп, свод которого был оформлен в виде остроконечной кровли*, всё-таки был открыт под Фанагорией в 1852 г., в знаменитом кургане № 10. Если верить описанию, располагавшийся в нём каменный склеп имел перекрытие, сходявшееся под прямым углом «наподобие остроконечной кровли дома». Исследователи признали его первым примером такого рода на Боспоре [см.: Гёрц, 1898б, с. 77-78]. Первый пример, как представляется, оказался последним. В разграбленном склепе было найдено «несколько остриёв медных стрел», бронзовая пантикапейская монета и фрагменты греческой керамики [Гёрц, 1898б, с. 78]. Точно датировка этого комплекса весьма затруднена, но, учитывая тот факт, что бронзовые наконечники стрел в Прикубанье являются относительно ранним признаком, нельзя исключать, что он относится к IV в. до н.э.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что только с появлением на Боспоре монументальных склепов с уступчатым перекрытием, т.е. приблизительно с рубежа V–IV вв. до н.э., следует с уверенностью судить об очень важной перемене в культуре боспорской элиты. Тогда в обиход входит не просто сильно увеличенный в размерах вариант обычной грунтовой могилы (пусть обложенный каменными плитами и содержащий богатый набор сопровождающего инвентаря), а каменный склеп, предшественников которого на берегах пролива не было. Именно этот склеп становится здесь (и ни в одном другом древнегреческом государстве региона!) излюбленным типом элитного погребального сооружения, сохраняясь с некоторыми модификациями на протяжении веков. Это принципиально важное нововведение, как уже неоднократно говорилось выше, скорее всего, следует связывать с утверждением на Боспоре фракийской по своему происхождению династии Спартокидов.

2.4. Склепы IV в. до н.э. с циркульным сводом

Погребальные памятники такого типа объединены в группу, которую отличает свод, который либо копирует арку, либо представляет собой классическое арочное перекрытие. В нашей научной литературе по каким-то причинам эту группу понимают как единую, хотя две её составляющие, безусловно, имеют весьма существенное различие. По этой причине мы их будем рассматривать отдельно.

Склеп с ложным циркульным сводом

Вполне очевидно, что гробницы этого типа являются вариантом склепов с ложным, уступчатым перекрытием, описанных выше (см. главу 2.3). Они тоже состоят из погребальной камеры с ведущим к ней дромосом, но выступы каменной кладки, составляющей свод, в них гладко стёсаны, образуя подобие арки. Таких конструкций

на Боспоре, как представляется, было значительно меньше, чем склепов с уступчатым перекрытием, и, в общем, их выделение связано с немалыми трудностями, но один такой памятник можно назвать достаточно уверенно.

Склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского [рис. 30; Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.]. Этот курган, как представляется, копался два раза – А.Б. Ашиком в 1838-39 гг., а затем А.А. Бобринским в 1888-89 гг., оба исследователя при этом добрались до склепа. Его погребальная камера, ориентированная по линии в–з, имела размеры 5 × 4 м. С востока к ней вёл дромос, перекрытый «египетским», т.е. обычным для Боспора этого времени уступчатым сводом. Склеп же, как демонстрирует рисунок Ф.И. Гросса (рис. 31), имел циркульный свод. В принципе, он очень напоминает арку, но верхние камни его перекрытия, на наш взгляд, слишком широки, чтобы быть замковыми. Этот ряд скорее соответствует верхним плитам, которыми обычно закрывались уступчатые склепы. Выступы кладки в склепе были стёсаны, но в дромосе оставлены, что тоже может свидетельствовать в пользу того, что и склеп имел ложный свод.

На западной стене погребальной камеры имелась непонятная конструкция, которую можно назвать нишей, по форме отдалённо напоминающей человеческую фигуру, или ложной дверью. В других боспорских склепах ничего подобного зафиксировано не было. По этой причине можно напомнить единственный на Боспоре двойной склеп (гробница № 48), открытый в Пятом кургане Юз-Обы [рис. 21; Ростовцев, 1913-14, с. 104-105, табл. XXXIV; Блаватский, 1955, с. 42; Савостина, 1986, с. 98, № 30; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 60 сл.; см. также главу 2.3, № 15]. Две гробницы в нём были соединены коротким и узким проходом. Другой пример – большой (круглый) склеп Золотого кургана (см. главу 2.5). Документация, которой мы о нём располагаем, правда, не позволяет судить с уверенностью, имелся ли проход в западной стене склепа, прямо напротив дромоса (рис. 25), или же в южной стене была устроена ниша (рис. 26) [см.: Гайдукевич, 1981, с. 13].

В центре камеры, на специальном каменном помосте был установлен саркофаг с телом усопшего воина. В составе погребального инвентаря представлен золотой оливковый венок, массивный золотой перстень, богатый набор вооружения, краснофигурная пелика «мастера Марсия» и пр. Последнюю сейчас датируют не позднее 360 г. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 164, рис. 50; Petrakova, 2012, p. 167], что даёт основание относить склеп приблизительно к середине IV в. до н.э. Многочисленные предметы вооружения позволяют рассматривать этот комплекс в ряду других, имеющих явные варварские черты (см. главу 2.6).

Конструкции с ложным, циркульным сводом, вероятно, имелись и в других курганах некрополя Юз-Оба [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], но выделить их из этой совокупности почти невозможно. Стоит отметить, однако, что склепы с перекрытием в виде ложной арки хорошо известны на территории Фракии [рис. 16, 3-5; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2; Bazaytova, 2005, p. 308, fig. 2], где они, как представляется, возводились с конца V по первую половину IV в. до н.э. [Гошев,

2005, с. 58]. Вполне можно предположить, что такие конструкции проникли на берега Керченского пролива под фракийским влиянием и произошло это около середины IV в. до н.э.

Отнесение других боспорских гробниц к памятникам такого типа, как уже неоднократно отмечалось, вызывает очень большие сомнения. Несмотря на это, следует ещё раз подчеркнуть, что поиск информации о подобных конструкциях в полузабытых, старинных публикациях может привести к позитивному результату (см. главу 2.9, № 15).

Склеп с арочным перекрытием

К IV в. до н.э. относится единственный памятник подобного рода на Боспоре – *гробница № 47 Шестого кургана некрополя Юз-Оба* [рис. 32; Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гайдукевич, 1949, с. 259-260; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 279; Petrakova, 2012, p. 152]. Склеп с полусферическим перекрытием был ориентирован длинной стороной в меридиональном направлении. Дромос, имевший такое же перекрытие¹⁷, вёл к нему с востока.

Это любопытнейшее сооружение отличается от прочих боспорских склепов тем, что дромос примыкал к погребальной камере не с его узкой стороны, а с длинной. На рисунке этого склепа, сделанном К.Р. Бегичевым (рис. 32), как раз изображён его вид из дромоса. Он не оставляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с конструкцией особого рода – настоящим арочным перекрытием. Ряд узких замковых камней отчётливо выступает на вершине свода. Гробницы с ложным, циркульным сводом перекрывались весьма широкой плитой, что, как было сказано чуть выше, можно видеть на рисунке склепа кургана Мирзы Кекуватского (рис. 31).

Гробница № 47 была обнаружена неограбленной. Она была впущена в материк на 1,80 м, размеры погребальной камеры – 4,80 × 3,40 м, высота от пола до вершины свода – 3,60 м. Дромос вёл к погребальной камере с восточной стороны; его длина составляла около 2,85 м, ширина – 1,80 м, высота – около 3,15 м. Саркофаг с телом усопшего был установлен около северной стены на специальном каменном помосте. Рядом с костяком никаких вещей обнаружено не было. Золотая оливковая ветвь находилась в северо-восточном углу склепа, а золотой перстень с резным изображением Ники на колеснице – с южной стороны саркофага. На полу были найдены железный стригиль, разбитые алабастры, чернолаковые сосуды и краснофигурная лекана, украшенная многофигурной композицией. Из этого комплекса происходит также небольшая серебряная монета с изображением головы пана en face на лицевой стороне и головы быка с буквами ΠΑΝ на оборотной.

Краснофигурная лекана, как считает А.Е. Петракова, принадлежит «мастеру

¹⁷ Мнение, что дромос склепа № 47 имел уступчатое перекрытие, ошибочно [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2010, с. 65]. Оно основано на неправильном понимании слов А.Е. Люценко, называвшего перекрытие дромоса стрельчатым.

Марсия» [Petrakova, 2012, p. 152]. Основываясь на этом, погребение можно датировать в пределах второй половины IV в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 103; Гриневич, 1952, с. 143; Сокольский, 1969, с. 41; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 66]. Однако серебряная монета, скорее всего, принадлежит относительно позднему времени. Д.Б. Шелов датировал подобные находки 315–300 гг. до н.э. [Шелов, 1956б, с. 216, табл. V, 58], А.Н. Зограф относил их к 325–300 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 245, табл. XL, 31], а А.Н. Анохин – к 306–303 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 120]. А.Е. Терещенко обозначил эту серию монет как Пан-13 и определил её выпуск в пределах предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. (может быть, 319–310 гг.) [Терещенко, 2013, с. 124-125]. Это определение представляется вполне логичным, а значит, гробницу № 47 предпочтительней относить не вообще ко второй половине IV в. до н.э., а к двум последним десятилетиям этого столетия.

Ещё раз можно напомнить, что этот неординарный памятник был открыт в 1860 г. во время раскопок А.Е. Люценко и важность сделанного открытия, естественно, тогда не была оценена по достоинству. Исследователи XX в., конечно, заметили здесь арку, но не придали этому особого значения. На самом же деле этот памятник заслуживает особого научного внимания, поскольку он самым непосредственным образом связан с проблемой происхождения арки в древнегреческой архитектуре. Представление о том, что подобные конструкции появились в ней только в римскую эпоху, давно и убедительно опровергнуты [Гервиц, 1947].

Сейчас уже хорошо известно, что арки достаточно широко бытовали в эллинистское время, особенно в фортификационных постройках [Winter, 1971, p. 92, 177, 255; Boyd, 1978], имеются они и на памятниках Северного Причерноморья¹⁸. Суть проблемы, однако, заключается в том, что в архитектуре Древней Греции в настоящее время нет примеров арочных перекрытий, которые можно было бы уверенно датировать ранее конца IV в. до н.э. [Boyd, 1978, p. 83]. Принято считать, что арки, существовавшие на Ближнем Востоке с IV тыс. до н.э., появились в Греции после

---

¹⁸ В научной литературе постепенно утверждается мнение, что самые ранние арочные перекрытия в античной архитектуре Северного Причерноморья появились в Северо-Западном Крыму. С.Б. Ланцов обнаружил дверь с арочным перекрытием на Кульчукском городище, датировав её концом II в. до н.э., т.е. митридатовским временем [Ланцов, 2010, с. 145–147, рис. 6]. Исследователь определил эту арку как самое раннее из подобных сооружений «в наземных постройках Северного Причерноморья» [Ланцов, 2010, с. 146]. Вполне понятно, что он имел в виду городскую или шире – поселенческую архитектуру, и с этим вполне можно согласиться. Несколько позднее на том же Кульчукском городище была открыта ещё одна арка, относящаяся ко второй половине III в. до н.э. [Ланцов, 2012, с. 291]. Сравнительно недавно на поселении Ортли, существовавшем в пределах 325–275 гг. до н.э., удалось обнаружить башню, в которой находился дверной проём с арочным перекрытием [Кутайсов, Смекалова, 2013а, с. 102; 2013б, с. 12 сл., 21, 55, рис. 38]. Авторы публикации склонны считать эту арку самой ранней в архитектуре Северного Причерноморья [Кутайсов, Смекалова, 2013а, с. 102; 2013б, с. 21]. Вполне можно допустить, что их вывод оправдан в отношении фортификационной архитектуры, но, принимая во внимание погребальные памятники, необходимо подчеркнуть, что там арочное перекрытие вошло в обиход ещё раньше, да и памятники такого рода были открыты уже очень давно [см. также главу 2.8].

походов Александра Македонского [Kurtz, Boardman, 1971, p. 276; Boyd, 1978, p. 89]. М. Андроникос, правда, полагал, что древние греки знали об арке всё ещё до походов Александра [Andronicos, 1987, p. 5], но надёжным археологическим подтверждением этому является лишь знаменитая гробница в Вергине, которую он связал с погребением Филиппа [Andronicos, 1984]. Этот македонский царь, как известно, был убит в 336 г. до н.э.¹⁹ Юз-обинский склеп, как было сказано, можно датировать в пределах двух последних десятилетий IV в. до н.э.; таким образом, он является одним из самых ранних из известных ныне сооружений подобного рода во всём античном мире. Датировку этой уникальной гробницы, разумеется, следует уточнить после детального изучения всех обнаруженных в ней предметов, которые находятся ныне в собрании Государственного Эрмитажа, но радикальных изменений в этом отношении вряд ли стоит ожидать.

Любопытно при этом, что на территории Македонии нет архитектурных прототипов склепов с арочным перекрытием, они здесь появились почти спонтанно. Некоторые болгарские исследователи считают, что такие прототипы в немалом количестве известны на территории Фракии. Естественно, они имеют в виду склепы с ложным перекрытием, на основе которых произошёл переход к своду с рядом замковых камней, т.е. настоящей арке [рис. 16, 6; Гошев, 2005; Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2; Bazaytova, 2005, p. 311–313]. Если даже это предположение не во всём верно, у нас почти нет сомнений, что арочное перекрытие на Боспоре появилось под фракийским влиянием.

Продолжая начатое выше сопоставление двух частей Боспора, Европейской и Азиатской, по числу открытых погребальных памятников того или иного типа, стоит обратить внимание, что обе описанные здесь гробницы с циркульным сводом находятся в Восточном Крыму. На этом примере ещё раз можно убедиться, что лидерство в плане развития элитной культуры в IV в. до н.э. принадлежало Европейскому Боспору.

2.5. Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э.

Ключевым моментом в процессе изучения боспорских древностей, как уже было сказано, стало открытие богатого погребения в Куль-Обе в 1830 г. [см.: Дюбрюкс, 2010а, с. 167–206]. Никто из наблюдателей этого открытия, конечно, не сомневался, что в кургане было обнаружено захоронение настоящего «царя», хотя о немедленном адекватном осмыслении сделанного открытия говорить никак не приходится. П. Дюбрюкс предположил, что в Куль-Обе был погребён

---

¹⁹ По вопросу, связанному с этой гробницей, в научной литературе постепенно произошла путаница. К примеру, по поводу датировки типа её перекрытия В.И. Бидзиля и С.В. Полин заметили, что в Болгарии имеется более ранний памятник такого рода – курган Славчева Могила, в котором был открыт склеп с «классическим цилиндрическим сводом», относящийся к 360–350 гг. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 550, прим. 36]. С предложенной датировкой следует в полной мере согласиться, вот только эта гробница имеет ложный циркульный свод [Китов, 1996, с. 2, обр. 1, с. 6, обр. 11], и уподоблять её арочному своду склепа в Вергине никак не следует.

скифский царь [Дюбрюкс, 2010а, с. 189-190], но Д. де Монпере заключил, что царь был не скифским, а боспорским [Montpéroux, 1843, p. 219–222]. А.Б. Ашик в своей известной книге занял весьма противоречивую позицию: поначалу, вероятно, вторя П. Дюбрюксу, он признавал погребение скифским [Ашик, 1848, с. 32-33], но чуть ниже, возможно, под влиянием мнения Д. де Монпере, уже писал, что гробница принадлежала «какому-нибудь пантикапейскому Археанактиду» [Ашик, 1848, с. 38; ср.: 1850, с. 138]. Явную негреческую специфику памятника этот исследователь связывал с тем, что нравы, обычаи и язык местных греческих колоний вообще «сильно отзывались соседством скифов» [Ашик, 1848, с. 39]. Сходным образом выражался Г.И. Спасский, считавший более вероятным, что в Куль-Обе был погребён один из боспорских царей, который мог заимствовать от подчинённых скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» [Спасский, 1846, с. 120]. Более определённой точки зрения придерживался Ф.А. Жиль, признававший Куль-Обу усыпальницей Левкона или его отца Сатира [ДБК, с. XLVI; но ср.: Жиль, 1861, с. 56]. Варварские черты погребального обряда и инвентаря, характерные для этого комплекса, исследователь объяснял тем, что первый Левконид по политическому расчёту был вынужден принять одежду и обычаи народов, над которыми он утвердил своё господство [ДБК, с. XLVIII]. Остаётся только удивляться, насколько ученые XIX в. были радикальны в плане оценки уровня развития греко-варварских связей на Боспоре, если даже правители государства, по их мнению, мало отличались от скифских вождей по одежде, нравам и обычаям. Такую смелость выводов позднее мог себе позволить лишь М.И. Ростовцев, да и то изредка [Rostowzew, 1913, p. 15]. В начале XXI в. на подобное отважился Н.Ф. Федосеев, посчитавший, что в Куль-Обе были погребены боспорский царь Перисад I и его супруга [Федосеев, 2011, с. 382]. Однако варварские особенности этого комплекса настолько очевидны и общеизвестны (см. главу 2.6), что приходится усомниться в допустимости такой гипотезы и трактовать Куль-Обу как погребение скифского царя или, по крайней мере, лица самого высокого социального ранга, происходившего из скифской среды, но отнюдь не владыки Боспора [см.: Алексеев, 1996, с. 101; 2003, с. 230, табл. 10; Виноградов, 2005а, с. 271; 2010а, с. 423–425; 2010в, с. 528-529; Власова, 2006; Alekseev, 2005, p. 47].

Отвлекаясь от споров о Куль-Обе, следует признать, что другим боспорским курганам в этом отношении повезло гораздо меньше. Н.П. Кондаков и А.А. Толстой в конце 80-х гг. XIX в. писали, что среди них ни один не отождествлён с погребением какого-нибудь выдающегося лица [Толстой, Кондаков, 1889, с. 22]. Это заключение вполне справедливо и в наши дни, хотя отдельные попытки связать некоторые из курганов с погребением кого-либо из наиболее известных владык Боспора, как частично было сказано выше, делались неоднократно. К примеру, в устной форме различные исследователи много раз высказывали мысль, что Царский курган принадлежит Перисаду I, но лишь В.Ф. Гайдукевич признал это на страницах своей классической работы [Gajdukevič, 1971, S. 272]. Однако приходится признать и то, что даже точка зрения В.Ф. Гайдукевича выглядит не более чем остроумной догад-

кой, лишённой увязки с другими погребальными памятниками Боспора. В общем, следует констатировать, что вопрос о выделении среди тысяч боспорских курганов таких, которые могли бы принадлежать владыкам Боспора, чрезвычайно сложен и практически не разработан в научной литературе [см.: Виноградов, 2014б]. Учёные продолжают считать его либо чисто схоластическим, либо излишне романтическим, однако это не совсем справедливо. Если обратиться к истории Боспорского царства IV в. до н.э., то мы точно знаем по именам всех его правителей: прежде всего, это Сатир I, Левкон I, Перисад I и Евмел. Прекрасно известно и время правления каждого из них, а значит, с чисто теоретических позиций, следуя классической формуле «единства места и времени», постановка такого вопроса вполне допустима.

В отличие от боспороведения, в скифологии дискуссия о принадлежности отдельных погребальных памятников конкретным историческим личностям стала набирать обороты с конца прошлого века [см.: Болтрик, Фіалко, 1995; Алексеев, 1996; 2003, с. 255 сл.; Кузнецова, 2001; Alekseev, 2005; см. также: Мурзин, 2015], и она, безусловно, принесит свои положительные плоды. На Боспоре, казалось бы, подобная дискуссия допустима хотя бы по причине относительной скромности размеров государства в сравнении с Великой Скифией, все курганы здесь, так сказать, находятся на виду, к тому же самые крупные из них были раскопаны ещё в XIX в., и надеяться на открытие новых царских погребений вряд ли приходится.

Давно и хорошо известно, что у боспорской элиты этого времени существовал обычай курганных погребений, и нет никаких поводов считать, что цари Боспора от этого обычая отказались. Надо думать, что владык государства хоронили именно таким образом, но их курганы, естественно, должны отличаться большей грандиозностью, сложностью устройства погребальных сооружений, особым богатством инвентаря и т.д. Для адекватного понимания этих памятников следует обратить внимание, что курганы правителей, наряду с прочим, демонстрируют некоторые политические реалии того времени, особенности территориальной структуры государства, а в некоторых случаях даже позволяют лучше осознать характер его политического устройства [Савостина, 1996, с. 48-49; 2014, с. 19; 2015, с. 285–287; ср.: Виноградов, 2001а, с. 77 сл.; 2005а, с. 247-248; ср.: Крыжицкий, 2002, с. 209-210; Kryzhitskiy, 2005, p. 124–126].

Логично считать, что погребения боспорских владык сооружались в окрестностях столицы Боспорского царства, при этом, вероятнее всего, они могли входить в состав элитных курганных некрополей, занимая в них господствующее место, либо располагаться уединённо, в наиболее важных и значимых точках территории государства. С другой стороны, курганные некрополи являются маркерами некоего сакрального пространства [Савостина, 1990, с. 240; Русяева, 2000]. Они наглядно демонстрируют связь между миром живых и миром мёртвых. Погребённые в курганах героизированные или даже обожествлённые владыки государства должны были выступать в роли защитников или заступников боспорян перед богами. Само по себе обилие курганов в окрестностях Пантикапея принципиально важно для приближе-

ния к пониманию мировоззрения боспорян, особенностей их религиозного мироощущения [Виноградов, 2000, с. 101-102, 120-122], но этот вопрос заслуживает специального рассмотрения [Шауб, 2014].

Было бы наивно надеяться, что когда-либо нам удастся открыть гробницы всех боспорских царей или, точнее сказать, их правильно идентифицировать. И дело здесь не только в сохранности этих памятников, их почти тотальной ограбленности. Грандиозность курганной насыпи или монументальность гробницы (пусть даже сильно разрушенной!) в любом случае могли бы помочь идентифицировать царственный статус погребённого здесь лица. Такая идентификация, однако, возможна не всегда. Для периодов экономического и культурного расцвета Боспорского царства она в полной мере имеет смысл, а вот для периодов системных кризисов, регулярно происходивших в многовековой истории государства, такие захоронения не могли возводиться особенно монументальными, а сопровождающий инвентарь не мог отличаться сверхординарной пышностью. В такой ситуации в ряду элитных памятников выделить царские совсем не просто и вероятность ошибки здесь весьма велика. Сугубо гипотетически можно полагать, что вряд ли удастся легко идентифицировать и погребение основателя династии, Спартока I, если только оно не было совершено в склепе с уступчатым перекрытием. Тогда, принимая концепцию о его фракийском происхождении, следовало бы ожидать, что этот склеп будет самым ранним на Боспоре. В любом случае, однако, не приходится ожидать, что гробница Спартока была особенно богатой. Богатство боспорской элиты становится действительно ощутимым только с созданием территориального государства при Сатире I и Левконе I, а происходит это, как уже говорилось приблизительно на рубеже V и IV вв. до н.э. Стоит обратить внимание и на то, что элитные погребения Боспора, относящиеся к первой половине IV в. до н.э., заметно уступают по своему богатству памятникам второй половины этого столетия.

Выделение погребальных памятников владык Боспора IV в. до н.э., как видим, связано с немалыми сложностями. Однако каким бы запутанным ни был этот вопрос, всё-таки можно полагать, что наиболее важными среди курганов этого времени были четыре памятника в окрестностях Пантикапея: курган у села Баксы, Острый курган на Юз-Обе, Царский и Золотой.

Баксинский курган (рис. 33), расположенный посреди широкой долины рядом с селом Баксы (совр. Глазовка), является самым ранним в обозначенной группе и по этой причине заслуживает особого внимания [Виноградов, 2014в; 2014г]. Место для возведения кургана было выбрано не случайно – его отлично видно с переправы через Керченский пролив, от античного Порфмия, а с вершины кургана открывается прекрасный вид на пролив и азиатскую часть Боспора. Раскопками здесь руководил Н.П. Кондаков в 1882 и 1883 гг. [ОАК за 1882–88 гг., с. IV–VIII, XXX–XXXI]. Результаты этих раскопок достаточно подробно описаны в специальной публикации [Виноградов, 2014в]. Можно лишь обратить внимание, что курган, насыпанный на вершине холма, имел крупные размеры, достигая 10,60 м в высоту. Избегая ненуж-

ных повторов, сосредоточимся на главном. Погребение было совершено в каменном склепе, имеющем уступчатое перекрытие (рис. 33). Склеп был заглублён в материк почти на 1 м; размеры погребальной камеры составляли 4,16 × 3,55 м (14, 55 кв. м), высота достигала 5,35 м. С запада к камере вёл дромос, но его каменная кладка по каким-то причинам оказалась разобранной.

Тело усопшего было положено в деревянный саркофаг, украшенный резьбой, а также костяными и янтарными вставками. По словам Н.П. Кондакова, среди этих украшений имелось «символическое изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки». Это уникальное для боспорских саркофагов изображение, однако, логичней связывать не с египетским, а с ахеменидским влиянием, поскольку крылатый солнечный диск вошёл в символику верховного персидского божества Ахуры Мазды [Виноградов, 2014в, с. 513]²⁰. Внутри саркофага находились два деревянных посоха, стригиль, меч с рукоятью, покрытой золотом, несколько золотых бляшек и пр. Рядом с саркофагом были расположены погребения трёх коней, а также остродонная амфора и прекрасная краснофигурная пелика.

Основываясь на разностильности обнаруженных предметов, Н.П. Кондаков считал, что в склепе Баксинского кургана были совершены два одновременных захоронения. Краснофигурная пелика, по его мнению, принадлежала к первому, которое было потревожено или даже разрушено во время вторичного использования склепа [ОАК за 1882–1888, с. VII], эту вазу и, соответственно, первоначальное погребение исследователь относил к концу IV или началу III вв. до н.э. Второе погребение, по его мнению, было совершено на четыре или пять столетий позднее. Предположению об ограблении склепа как будто не противоречит один любопытнейший факт – в саркофаге не было обнаружено костных остатков погребённого; суставы пальцев и обломки черепа были найдены в дромосе. Не удивительно, что точка зрения Н.П. Кондакова о двух одновременных погребениях кургана Баксы была поддержана некоторыми исследователями [Ростовцев, 1925, с. 394-395; Rostowzew, 1931, S. 348-349; Gajdukevič, 1971, S. 277; Shefton, 1982, p. 153-154]. Ещё совсем недавно её придерживался и автор этих строк [Виноградов, 2005а, с. 249-250, 268; 2010в, с. 527-528], однако, скорее всего, это заключение было ошибочным. Баксинский курган содержал всего одно погребение, и датировать его следует не началом III в. до н.э., а гораздо более ранним временем, но в таком случае отсутствие костяка в саркофаге и наличие фрагментов костей в дромосе представляются в высшей степени странными, и этому факту необходимо найти какое-то объяснение. Однако сначала следует решить вопрос о датировке погребения.

²⁰ На Боспоре этот символ стал пользоваться определённой популярностью ещё до эпохи Спартокидов. В этом отношении весьма показателен скарабеоид, вделанный в золотую дужку, который был найден в гробнице 19 кургана 24 некрополя Нимфея. На одной его стороне изображена корова с телёнком, а на другой – стилизованный крылатый солнечный диск [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 4]. Этот курган уверенно датируется серединой V в. до н.э. [там же, с. 71].

Н.П. Кондаков в насыпи кургана обнаружил обломки большого краснофигурного кратера, который можно датировать концом V в. до н.э. или, может быть, чуть позднее [Shefton, 1982, p. 149; 1992, p. 248; см. также: Braund, 2009]. Помимо того в насыпи были найдены фасосские амфорные клейма. И. Гарлан, специально изучивший эти находки, пришёл к заключению, что их следует датировать 380 г. до н.э. с отклонением в пять лет в одну или другую сторону [Garlan, 1992, p. 250-251]. По классификации В.И. Каца, они относятся к группам В и С, т.е. датируются от середины 90-х до середины 70-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414]. Как видим, все охарактеризованные материалы позволяют считать, что тризны на кургане были произведены на протяжении первой четверти IV в. до н.э.

Среди находок, происходящих из склепа, хорошо датирована лишь краснофигурная пелика, которую относят к концу V в. до н.э. [ARV², p. 1346, no 1; Горбунова, Передольская, 1961, с. 107, рис. 52; Передольская, 1971, с. 54]. Не исключено, что погребение в склепе было совершено в начале IV в. до н.э., вероятнее всего, не позднее двух первых десятилетий столетия. Фасосские амфорные клейма группы С (по В.И. Кацу), обнаруженные в насыпи кургана, несколько выходят за эту датировку, но, как говорилось выше, их следует связывать с тризнами, а такие церемонии, как представляется, могли проводиться и через несколько лет после совершения захоронения.

Несмотря на отсутствие в склепе особо драгоценных предметов, имеются веские основания считать, что Баксинский курган принадлежал кому-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства [Ростовцев, 1925, с. 395; Shefton, 1982, p. 155], более того, его вполне можно отнести к категории царских. Английский исследователь Б. Шефтон предположил, что хронологическая атрибуция этого погребения лучше всего может соответствовать Сатиру I, много сделавшему для расширения своих владений и умершему в 389/88 гг. до н.э. [Shefton, 1992, p. 249]. С этой точкой зрения, на наш взгляд, вполне можно согласиться.

Погребение в кургане у села Баксы носит ярко выраженный греко-варварский характер (вспомним о захоронении в склепе трёх лошадей), и, если предложенная Б. Шефтоном интерпретация верна, то концепция о негреческом происхождении Спартокидов может получить дополнительную поддержку. В связи с этим следует обратить внимание на некоторые любопытнейшие предметы, обнаруженные в склепе, прежде всего, на украшение деревянного саркофага в виде дощечки с резным изображением солнечного диска. Ещё раз отметим, что вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что это изображение связано с властной символикой персидских царей.

Почти через 70 лет после раскопок Н.П. Кондакова около Баксинского кургана были предприняты исследования под руководством В.Ф. Гайдукевича, тогда там были найдены золотые бляшки в виде львиных головок и розет, также изготовленные в персидской стилистике [Пругло, 1963, с. 77-78; Трейстер, 2013; Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25; Shefton, 1982, p. 154]. В.И. Пругло предположила, что эти бляшки были изготовлены в одной из мастерских Пантикапея, где, очевидно, работали гре-

ко-персидские мастера [Пругло, 1963, с. 77-78]. С этой точкой зрения полностью согласился В.Ф. Гайдукевич [Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25], но М.Ю. Трейстер трактует баксинские бляшки в виде львиных головок по-другому, считая, что они имели не пантикапейское, а ахеменидское происхождение. По этому поводу он заключает: «Речь идет не просто об ахеменидских изделиях, но о произведениях “дворцового стиля”, т.е., вероятнее всего, изделиях одной из центральных мастерских Ахеменидского государства. Это ещё и единственные в своём роде находки в курганах Северного Причерноморья» [Трейстер, 2013, с. 350].

Тот же М.Ю. Трейстер, специально изучивший другие ахеменидские «импорты» на Боспоре, в том числе цилиндрические печати, считает, что они «могут свидетельствовать как о торговых контактах, так и о связях дипломатического уровня, в том числе и о посещении Боспора официальными представителями Ахеменидского государства, а их концентрация подтверждает высокую интенсивность таких связей и даже глобальную (для своего времени) значимость в рамках контактов Персидского государства со своими северными соседями и кочевым миром Евразии» [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356]. Все эти находки, как представляется, позволяют предполагать определённое персидское влияние на первых Спартокидов, и это влияние, конечно, могло проявляться не только в сфере культуры.

Наконец, следует ответить на вопрос, почему в большом саркофаге Баксинского кургана отсутствовали костные останки погребённого, а кой-какие обломки костей были найдены в дромосе. Конечно, можно предположить, что останки усопшего были вынесены из склепа по причине аварийного состояния этого сооружения, но склеп простоял совсем в неплохом состоянии до конца XIX в., исследователи не заметили в нём никаких признаков разрушения. Тогда закономерно возникает идея о том, что тело было вынесено в рамках некоего религиозного обряда. На первый взгляд такое объяснение может показаться почти фантастическим, однако манипуляции с костными останками покойных отнюдь не являются чем-то экстраординарным или исключительным в погребальных практиках некоторых народов мира. Человеческие кости при этом рассматриваются как знак нетленности, символ возрождения и вечной жизни, что хорошо продемонстрировал болгарский исследователь Иван Маразов [Маразов, 2009, с. 49].

Если курган у села Баксы рассматривать в рамках такой парадигмы, то следует указать, что очень схожие по сути своей и хронологически близкие элитные памятники известны на территории Фракии. Уже давно обращалось внимание, что часть из них, которые, на первый взгляд, казались ограбленными, таковыми вовсе не являются [Гергова, 1996, с. 23, 130]. В этих курганах при наличии некоторых предметов погребального инвентаря отсутствуют костные останки. В высшей степени интересна сравнительно недавно открытая в Болгарии гробница в кургане Голяма Косматка [Китов, 2005, с. 33 сл.]. Её связывают с погребением фракийского царя Севта III, и для этого имеются очень веские основания. Погребальный инвентарь в гробнице весьма богат, при этом имя Севта выбито на бронзовом шлеме и на серебряной чаше.

Но вот по имеющейся у нас устной информации, костяк Севта в гробнице отсутствовал, и теоретически её можно было бы считать кенотафом, но вряд ли это так.

Специальные наблюдения показывают, что двери во фракийские каменные гробницы неоднократно открывались [Гергова, 1996, с. 22], и с останками усопших проводились определённые манипуляции. Завершающим актом этих мероприятий было извлечение костей из склепа и помещение их в какое-то специальное место, порой на курганной насыпи, после чего она (эта насыпь) досыпалась. Болгарская исследовательница Диана Гергова проследила этот обряд на материалах раскопок курганов у села Свещари. Напомним, что здесь была открыта знаменитая царская гробница с десятью кариатидами [о ней см.: Чичикова, 1986; 2012]. Основную причину извлечения костей из фракийских склепов Д. Гергова определила как проявление «обряда обессмерчивания», чему посвятила целую монографию [Гергова, 1996]. По её мнению, этот обряд являлся органичным следствием распространившихся во фракийском мире орфических верований, связанных с обретением бессмертия. Вспомним, что Геродот выделял гетов из других известных ему народов тем, что те верили в бессмертие (*Herod. IV. 93-94*). По всей видимости, для обретения усопшим бессмертия с его останками необходимо было провести определённые обряды, которые следует относить к категории очистительных, в том числе и вынести кости из склепа [Гергова, 1996, с. 132, 136–139]. В вопросах интерпретации монументальных гробниц Древней Фракии существует немало спорных моментов, их понимают как мавзолеи, герооны или даже храмы [см.: Рабаджиев, 2011а; 2011б]; при этом термин «героон», по всей видимости, является наиболее адекватным к фракийской действительности [Рабаджиев, 2011б, с. 30]. Вся система подкурганных сооружений, порой весьма сложная, была теснейшим образом увязана с фундаментальной идеей вечно-го блаженного существования после смерти, а для земных владык, скорее всего, и с идеей обретения божественного статуса.

Возвращаясь к Баксинскому кургану, необходимо признать, что отмеченные выше его «странности» уже не представляются проявлением некой случайности. Вполне возможно, что саркофаг оказался пустым по той причине, что останки усопшего были вынесены из склепа в рамках совершения обряда «обессмерчивания». Вполне возможно, что тогда в дромосе были утеряны некоторые кости остова, а рядом с курганом – золотые бляшки. Если это действительно так, то именно на этих «странностях» и следует акцентировать наше внимание. Курган у села Баксы является единственным на Боспоре вполне сохранившимся погребальным памятником, который можно считать царским. По времени, как уже говорилось, его можно связывать с боспорским правителем Сатиром I, сыном Спартока I. Учитывая некоторые варварские черты, представленные в этом погребении (оружие, погребения коней и пр.), следует считать вполне вероятным, что династия Спартокидов имела негреческое происхождение. Выше было сказано, что ни одна из гипотез о происхождении Спартокидов (фракийская, скифская и греческая) не имеет надежных доказательств (см. главу 2.1), но в свете всего изложенного в спектре гипотез, связывающих ди-

настию Боспора Киммерийского с варварским миром, фракийская представляется наиболее вероятной. Таким образом, абсолютно неожиданно для себя мы находим, так сказать, археологическое подтверждение фракийского происхождения династии Спартокидов. Ранее такое казалось абсолютно невозможным, и учёный мир надеялся лишь на обнаружение какого-нибудь нового эпиграфического документа, проливающего свет на столь запутанную историческую проблему. Эпиграфических источников такого рода, как мы знаем, пока не обнаружено, но среди давно раскопанных боспорских курганов всё-таки имеется такой, который позволяет взглянуть на эту проблему под новым углом зрения [Виноградов, 2014г].

Острый курган (рис. 34) занимает центральное место в некрополе боспорской знати Юз-Оба, его ещё называют Десятым юз-обинским курганом. По существу, он является доминантой этого некрополя, что предполагает особое предназначение названного погребального памятника. На то же самое указывают и размеры кургана: высота – 17 м, диаметр по основанию – 80 м, длина окружности насыпи – 243 м. По этим параметрам Острый курган не уступает Царскому, и имеются все основания считать, что здесь был погребён один из владык Боспора. К сожалению, исследователи боспорской истории очень долгое время почти не обращали внимания на этот любопытнейший памятник, и лишь в последнее время он получил должную оценку [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 72 сл.; Виноградов, 2014д].

История изучения Острого кургана чрезвычайно интересна и поучительна. Археологи неоднократно обращались к раскопкам этого памятника начиная с 60-х годов XIX в. [ОАК за 1861, с. V–VI; 1862, с. VI–VII; 1882–88, с. LXXXIV]. Уже первый исследователь кургана А.Е. Люценко выделял его из всех курганов Юз-Обы, даже считал этот памятник загадочным, и надо признать, что для этого он имел все основания. Как выяснилось, Острый курган имел каменную крепиду в виде восьмиугольника; ни на одном другом боспорском кургане такого не зафиксировано. С его трёх сторон (западной, восточной и южной) в структуру крепиды были включены необычные постройки в виде больших каменных лестниц (рис. 35); совсем не исключено, что такая «лестница» была возведена и с четвёртой (северной) стороны, не затронутой исследованиями. Ещё раз приходится констатировать, что ни в одном из других известных нам курганов Боспора ничего подобного обнаружено не было. Весьма любопытно, что крепиды, оформленные в виде лестниц, выявлены в некоторых фракийских курганах [Theodossiev, 1995, p. 380]. Рядом с «лестницами» Острого кургана были найдены мраморные обломки, возможно, какого-то монументального памятника или сооружения. В насыпи к тому же были обнаружены фрагменты надписи (надписей?), вырубленной на мраморной плите, чего в других курганах тоже не отмечено. К сожалению, исследователи не придали этим в высшей степени любопытным и необычным для курганов находкам никакого значения.

Единственной гробницей, обнаруженной в Остром кургане за все годы раскопок, является вырубленная в скале большая катакомба, к которой сверху вёл монументальный колодец (шахта) со стенками, обложенными хорошо отёсанными рустован-

ными блоками (рис. 36). Вход в погребальную камеру был закрыт каменной кладкой (рис. 37). Катакомба имела четырёхугольную форму, площадь её составляла почти 29,50 кв. м (рис. 38). Сразу необходимо обратить внимание, что эта гробница является одной из самых крупных по площади среди всех погребальных памятников Боспора. Она несколько уступает круглому склепу Золотого кургана (площадь которого – 31,40 кв. м), но зато значительно превосходит склеп Царского (18,60 кв. м) [Виноградов, 2014д, с. 540]. Высота катакомбы, по понятным причинам, уступает названным склепам в 2-3 раза, но последнее обстоятельство не противоречит трактовке этой гробницы как царской. К сожалению, погребение было полностью разграблено, но его датировка в пределах IV в. до н.э., в общем, не вызывает сомнения.

Погребальное сооружение в виде катакомбы чрезвычайно любопытно, поскольку является нетипичным для Восточного Крыма IV в. до н.э. По этой причине вызывает некоторое недоумение, что катакомба Острого кургана вообще не привлекла внимание учёных. Лишь Г.А. Цветаева в своём исследовании курганного некрополя Пантикапея уделила ей несколько строк. Отметив своеобразие Острого кургана, она высказала предположение, что этот памятник с его катакомбой может быть прототипом более поздних боспорских катакомб [Цветаева, 1957, с. 242, прим. 80]. Искать в IV в. до н.э. прототип катакомб первых веков н.э., может быть, и возможно, но само по себе это предположение ещё не объясняет появления на Боспоре в IV в. до н.э. единственного пока кургана с подобной погребальной камерой.

Кажется вполне очевидным, что данное уникальное для Боспора открытие следует связывать со скифскими катакомбами IV в. до н.э. [см.: Ольховский, 1977, с. 108 сл.; 1991, с. 26 сл.; Абрамова, 1982, с. 9 сл.]. В высшей степени любопытно при этом, что катакомбы в курганах Крыма очень редки и, по мнению исследователей, характеризуют не столько погребальную обрядность населения Крымской Скифии, сколько традиции небольших групп скифов, проникавших сюда из Поднепровья и Приазовья [Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с. 112]²¹. Все эти соображения могут ещё раз указывать на главное направление политических, экономических и культурных контактов Боспорского царства с миром местных варваров, которые в это время явно вели в Великую Скифию [Виноградов, 2005а, с. 273].

Приведенные факты позволяют высказать предположение, что Острый курган является погребальным памятником боспорского царя, вероятнее всего, Левкона I (389/88 – 349/48 гг. до н.э.). При нём Боспор сложился как единое греко-варварское государство, не случайно древние авторы именовали упрочившуюся здесь династию Левконидами [Ael. VH. VI, 13; см.: Блаватский, 1976, с. 57; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 85; см. также главу 2.1]. Логично ожидать, что погребение Левкона было совершено очень пышно и в особо важном месте. Тело усопшего царя при этом было

---

²¹ Немногочисленные катакомбы Крымского Приазовья при этом отличаются любопытными особенностями [Бессонова, Скорый, 1986]. Исследователи сближают их с аналогичными погребальными памятниками Ольвийского региона [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 218–219].

помещено не в монументальном каменном склепе с уступчатым перекрытием (что, как мы предполагаем, было сделано в отношении его отца Сатира I, погребённого в Баксинском кургане!), а в катакомбе скифского типа. Сделанный тогда выбор типа погребальной конструкции, как представляется, был отнюдь не случаен. В этом отношении следует напомнить о дружеских связях Левкона со скифами, оказавшими ему содействие в борьбе с политическими противниками, в частности, с гераклеотами (*Polyaen.* VI. 9, 4). Эти связи, вероятно, настолько окрепли, что после смерти Левкона его захоронение было решено совершить с использованием традиции погребальных сооружений Скифии. Можно даже предположить, что огромный Острый курган, возведённый на холмистой гряде к югу от Пантикапея, стал своего рода репером, по обе стороны от которого во второй половине IV в. до н.э. стали насыпаться другие курганы высшего слоя боспорской знати, и некрополь Юз-Оба таким образом сформировался как уникальный памятник элиты Боспорского государства времени его расцвета [Гайдукевич, 1949, с. 257; Гриневич, 1952, с. 130; Федосеев, 2005, с. 411; Виноградов, 2013б].

При всём сходстве со скифскими памятниками огромная катакомба Острого кургана имеет одну любопытную особенность – её свод копирует двускатную кровлю (рис. 38), тогда как скифские катакомбы чаще всего делались в виде пещер [Ольховский, 1977, с. 108]. Эту особенность никак нельзя считать случайной, и в связи с этим, конечно, в первую очередь следует вспомнить двускатные перекрытия значительной части знаменитых боспорских уступчатых склепов IV в. до н.э. (см. главу 2.3), в том числе и склепа в кургане у села Баксы, речь о котором шла выше. В качестве отдалённой аналогии ещё раз можно упомянуть двускатное перекрытие гробницы Кира Великого и свод скальной гробницы Дария I в Накш-и-Рустеме (см. главу 2.3). Все эти наблюдения позволяют высказать предположение или, скорей, догадку, что в катакомбе Острого кургана пересеклись различные культурные влияния: скифское (тип погребальной камеры), греческое (характер рустованной каменной кладки), персидское или, вероятно, фракийское, в своей основе тоже инициированное персидским импульсом (двускатный свод катакомбы) и собственно фракийское (лестницы, устроенные в крепиде).

Учитывая дружеские связи Левкона со скифами, сооружение для его погребения огромной катакомбы представляется вполне объяснимым. Использование гробницы скифского типа можно рассматривать как своего рода демонстрацию прочности сложившегося тогда политического союза между Боспором и Скифией [см.: Шелов-Коведяев, 1985а, с. 136; Яковенко, 1986, с. 47; Виноградов, 2005а, с. 275]. Но одной этой демонстрацией дело, как представляется, не ограничилось, и ещё раз следует отметить, что двускатный свод катакомбы, а также наличие здесь монументальной каменной крепиды с лестницами, скорее всего, знаменовало совсем другую культурную традицию, связанную с фракийским происхождением Спартокидов. Не исключено, что этот культурный импульс был в немалой степени сопряжен со стремлением боспорских монархов подражать владыкам Персии, может быть, в чём-то копировать

их практику возвеличивания власти царя посредством создания впечатляющих памятников погребальной архитектуры.

Царский курган (рис. 28-29) является наиболее ярким, хрестоматийно известным памятником боспорской культуры IV в. до н.э. [см.: Ашик, 1848, с. 27–29, § 24, рис. 1; Гайдукевич, 1949, с. 246–250; 1981, с. 25–44; Блаватский, 1964а, с. 50; Шалькевич, 1976; Савостина, 1986, с. 95, № 8; Gajdukevič, 1971, S. 271-272; см. также главу 2.3]. Склеп был открыт А.Б. Ашиком в 1837 г., он оказался полностью ограбленным. Не вызывает никаких сомнений, что археологи наших дней сумели бы обнаружить в слоях мусора, перекрывавших пол гробницы, немало интересных и очень важных для понимания памятника деталей, но в XIX в. на такие «мелочи», как правило, не обращали внимания.

Царский курган действительно грандиозен, высота насыпи достигает 17 м, что намного больше, чем у насыпи Баксинского кургана, но приблизительно соответствует Острому. Открытый здесь монументальный склеп с ведущим в него дромосом является самым знаменитым архитектурным сооружением, оставленным нам классической древностью на северном берегу Чёрного моря. Его ярчайшая отличительная особенность – четырехугольная погребальная камера, перекрытая круглым уступчатым сводом. Площадь этой камеры составляет 18,60 кв. м, высота – около 9 м [Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43]. Переход от четырехугольника склепа к кругу купола был осуществлён благодаря очень простому решению – выступам-пантатам в углах гробницы, которые, постепенно увеличиваясь в размерах, на уровне десятого ряда кладки образуют правильный круг.

Несмотря на ограбление склепа, этот боспорский курган заслуженно назвали Царским, под данную категорию он подходит по всем своим параметрам. Нет ни малейшего сомнения, что он мог быть возведён только во время экономического процветания и политического благополучия Боспорского государства, вероятнее всего, во второй половине IV в. до н.э. В это время здесь царствовал Перисад I (344/43 – 310/309 гг. до н.э.), который за свои огромные заслуги даже был признан богом (*Strab.* VII. 4, 4). В.Ф. Гайдукевич поначалу считал, что в Царском кургане был погребён либо Левкон I, либо Перисад I [Гайдукевич, 1949, с. 250], но в конце концов пришёл к выводу, что курган принадлежал именно Перисаду I [Gajdukevič, 1971, S. 272], и этот вывод представляется вполне закономерным.

Ещё раз следует обратить внимание, что гробница, аналогичная склепу Царского кургана, была открыта В.Г. Тизенгаузенем под Фанагорией в 1869 г. (см. главу 2.3; рис. 30). Очень жаль, что этот замечательный памятник боспорской культуры не привлекал внимания ученых более 140 лет! Как представляется, он даёт немалые основания для суждения, так сказать, о соотношении статусов элит двух боспорских столиц – Пантикапея и Фанагории. Как уже было сказано выше, вполне можно полагать, что фанагорийская аристократия в IV в. до н.э. имела право возводить погребальные памятники любого типа, но размеры их никак не могли приближаться к царским (см. главу 2.3).

Золотой курган назван нами последним в ряду выделенных погребальных памятников Боспора. Однако именно он являлся самым крупным в окрестностях Керчи, если не считать более поздней Кара-Обы [Стоянов, 2014; см. также главу 4.3]. Важно подчеркнуть, что Золотой курган превосходил по размерам охарактеризованные выше Царский и Острый курганы. Его насыпь, скорее всего, имела высоту свыше 21 м [Виноградов, 2007а, с. 6; 2010б, с. 471; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 246; 1981, с. 6 сл.; Цветаева, 1957, с. 233; Gajdukevič, 1971, S. 269–271; см. также главу 2.3]. Более того, по этому параметру Золотой курган превосходил почти все самые крупные курганные насыпи в степях Северного Причерноморья времени расцвета Великой Скифии: Чертомлыцкий курган, Солоху, Огуз и др.; его высота приблизительно равнялась лишь Александропольскому [см.: Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4; Алексеев, 2003, с. 227–228].

Большой склеп Золотого кургана, открытый Д.В. Карейшей в 1832 г. (рис. 25–27), является замечательным памятником боспорской погребальной архитектуры. Гробница состояла из длинного (18 м) дромоса и круглой в плане погребальной камеры; её диаметр составлял 6,30 м. Этот склеп по своим размерам заметно превосходит все известные нам погребальные камеры Боспора. К примеру, площадь склепа Царского кургана составляет 18,60 кв. м, а склепа Золотого кургана – 31,40 кв. м; высота соответственно – 9 м против 11 м [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 248; 1981, с. 43; Gajdukevič, 1971, S. 272]. К сожалению, это сооружение было полностью ограблено, но его принадлежность к разряду царских вполне очевидна для любого непредвзятого наблюдателя.

По свидетельству Д.В. Карейши, свод «купольной» гробницы имел обмазку тёмнофиолетового цвета, архитектор Шмаков также заметил на стенах остатки обмазки, которая показалась ему красной [ДБК, I, с. СХХIV]. Эти свидетельства дают полное основание считать, что склеп был оштукатурен, можно было бы даже предполагать, что покрытие стен имело красный цвет, а свода – фиолетовый или, скорей, синий, имитирующий цвет небесного свода. На плане Д.В. Карейши, однако, лишь «купол» гробницы окрашен в лиловый цвет, а стены обозначены серой краской, соответствующей натуральному цвету известняка [Гайдукевич, 1981, с. 10].

Конструкция круглого склепа Золотого кургана до сих пор остаётся не вполне ясной. На плане, составленном Д.В. Карейшей, обозначен проход в западной стене, прямо напротив дромоса (рис. 25), а на рисунке Д. де Монпере изображена ниша в южной стене (рис. 26). В.Ф. Гайдукевич полагал, что это была ниша, но расположенная в западной стене [Гайдукевич, 1981, с. 13], однако, что там было на самом деле, с уверенностью судить вряд ли возможно. Отметим лишь, что склепы со сложной планировкой, переходами из одной камеры в другую были характерны для Фракии; их даже называют анфиладными [Вълева, 2013, с. 63; см. также: Китов, 2006, с. 101; Димитрова, 2006, с. 120–121].

Всем хорошо известно, что в научной литературе долгое время дискутировался вопрос о датировке Золотого кургана, возможной связи конструкции его погребальной

камеры или, по крайней мере, крепиды с микенской или киммерийской традицией. В.Ф. Гайдукевич, внимательно изучивший имеющуюся архивную документацию, пришёл к однозначному заключению, что все эти догадки необходимо отклонить «как совершенно необоснованные» [Гайдукевич, 1981, с. 21]. Сооружение, безусловно, является результатом творчества боспорских архитекторов, при этом наличие штукатурки на стенах склепа позволяет считать его отнюдь не самым ранним. В.Ф. Гайдукевич предполагал, что первоначально боспорские склепы не имели особой орнаментальной отделки, к примеру, украшения живописью, профилированными карнизами и пр. По его мнению, они потеряли свою былую строгую монументальность лишь к концу IV в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 250], что полностью соответствует действительности.

Круглая форма склепа также, вероятнее всего, является относительно поздним признаком. Намёк на переход к такой схеме, как было сказано выше, можно видеть в круглом своде Царского кургана при четырехугольной форме погребальной камеры. При этом следует особо подчеркнуть, что «купольная» гробница Золотого кургана в наши дни уже не является уникальной для боспорской архитектуры. Выше отмечалось, что совсем недавно под Фанагорией был раскопан курган с подобным по конструкции склепом (см. главу 2.3). Его круглая форма с перекрытием из шести кольцевых уступов вполне аналогична Золотому, хотя размеры гораздо скромней. Склеп оказался ограбленным, но в нём всё-таки была обнаружена боспорская бронзовая монета второй половины IV в. до н.э. [Кузнецов, 2004, с. 106-107, 121-122; 2007, с. 10; Фанагория, 2008, с. 52–56]. Эта находка, во всяком случае, не противоречит относительно поздней хронологической атрибуции боспорских круглых в плане склепов.

Кроме грандиозного круглого склепа, в Золотом кургане, как уже говорилось выше, были обнаружены ещё две погребальные конструкции. В 1832 г. в западной части кургана Д.В. Карейша открыл каменный склеп четырехугольной формы, перекрытый уступчатым сводом (рис. 17; см. главу 2.3, № 1). Его площадь составляла 20,5 м (т.е. больше, чем склеп Царского кургана), высота – более 6,40 м. По заключению Д.В. Карейши, этот склеп не имел дромоса [Гайдукевич, 1981, с. 8-9]. В 1853–1854 гг. изучение кургана было продолжено А.Е. Люценко, который обнаружил ещё один ограбленный четырехугольный склеп с уступчатым перекрытием и ведущим к нему дромосом (см. главу 2.3, № 2). Его размеры составляли 27,30 кв. м (т.е. значительно больше, чем в Царском кургане!), высота – около 5 м [см.: Гайдукевич, 1981, с. 17]. Дромос, также имевший уступчатое перекрытие, был пристроен к восточной стене склепа, при этом проход из него в погребальную камеру не был сделан. Ещё раз повторим, что данное обстоятельство позволяет нам усомниться в правильности заключения Д.В. Карейши относительно того, что обнаруженный им четырёхугольный склеп не имел дромоса. Очень может быть, что дромос здесь был, но не был сделан проход из него в погребальную камеру. В таком случае археолог, проникший внутрь этой камеры, дромоса никак не мог обнаружить.

Всё сказанное о грандиозности Золотого кургана позволяет предполагать, что

он принадлежал не просто знатной боспорской семье, а правящему на Боспоре роду [Диатроптов, 2001, с. 66; Gajdukevič, 1971, S. 271]. Можно также считать, что Золотой курган является самым поздним в ряду подобных памятников времени расцвета Боспорского царства в IV в. до н.э., во всяком случае, планировка его склепа, покрытие стен штукатуркой и пр. не противоречат этому. В.Д. Блаватский не случайно считал, что этот склеп был сооружён в последних десятилетиях IV в. до н.э. или немного позднее [Блаватский, 1964а, с. 80–81], и он был по-своему прав.

Период расцвета Боспорского государства, как известно, завершился серьёзным кризисом, связанным с крушением Великой Скифии (конец IV – начало III вв. до н.э.) и кардинальными изменениями военно-политической и этнической ситуации в степях Северного Причерноморья [см.: Виноградов, 2005а, с. 276 сл.; 2009б, с. 76–78]. В это время у владык Боспора вряд ли имелись средства, позволявшие реализовать столь дорогостоящие строительные проекты. Показательно в этом отношении, что поздние курганы некрополя Юз-Оба, относящиеся к концу IV – началу III вв. до н.э., по своим размерам сильно уступают более ранним, да и обряд погребения в них намного скромней [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 134; Виноградов, 2013б, с. 48–49]. Возведение Золотого кургана по этой причине никак нельзя относить ко времени более позднему, нежели обозначенный рубеж.

Как известно, после смерти царя Перисада в 310/9 г. до н.э. его сыновья (Сатир, Притан и Евмел) начали жестокую борьбу за престол [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73–75; Виноградов, 2003, с. 77 сл.]. Из рассказа Диодора об этой борьбе известно (*Diod. XX. 22–24*), что первым в ней погиб Сатир, которого похоронили в царской гробнице. Второй жертвой междоусобицы стал Притан, о месте погребения которого нам ничего не известно, однако можно предположить, что это было сделано в подобающем его социальному рангу месте, рядом со старшим братом. Победа досталась Евмелу, под властью которого могущество Боспора ещё более окрепло, но правил он всего шесть лет и погиб от нелепой случайности в 304/3 г. до н.э. Диодор рассказал о чудовищной жестокости Евмела по отношению к родственникам, но всё-таки можно допустить, что он решил возвести свою гробницу рядом с могилами братьев. Есть все основания считать, что все эти погребения были совершены в Золотом кургане.

В.Ф. Гайдукевич убедительно показал, что сначала были построены четырехугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями, и только потом была возведена круглая гробница. При этом оба этих склепа имеют очень крупные размеры; по этому параметру, как было сказано, они превосходят гробницу Царского кургана. Только после того, как был возведён третий (круглый) склеп, весь комплекс гробниц был перекрыт единой, грандиозной по размерам курганной насыпью [Гайдукевич, 1981, с. 21]. В таком случае, если считать, что «купольная» камера Золотого кургана принадлежала Евмелу, то в двух сравнительно небольших четырёхугольных склепах, вероятно сооружённых в спешке (один из них, возможно, не имел дромоса, а во втором не было входного проёма из дромоса в погребальную камеру), могли быть погребены Сатир и Притан [Виноградов, 2007а, с. 17; 2010б, с. 476].

Подводя итог сказанному по поводу погребений боспорских царей IV в. до н.э. (от Сатира I до Евмела), необходимо обозначить возможную последовательность возведения их курганов. Сатиру I, по всей видимости, принадлежал Баксинский курган, Левкону I – Острый, Перисаду I – Царский, а трём его сыновьям (Сатиру II, Притану и Евмелу) – грандиозный Золотой курган. Необходимо также подчеркнуть, что реконструированную последовательность сооружения этих погребальных комплексов и их соотношение с конкретными личностями из правящего на Боспоре дома при современной изученности имеющихся материалов следует считать не более чем рабочей гипотезой.

2.6. Курганы варварской аристократии IV в. до н.э. на Боспоре

Эти ярчайшие памятники культуры Боспора Киммерийского, в которых проявляются культурные влияния, исходящие из среды местных племён, не раз становились объектом внимания учёных (см. главу 1.7). Некоторые из них давно стали хрестоматийно известными. Несмотря на это, потребность переосмысления материалов, происходящих из таких курганных комплексов, ощущается очень остро. Попытка такого переосмысления была сделана более 10 лет назад [Виноградов, 2001а; 2005а, с. 268 сл.], но сейчас не всё в ней можно признать вполне удовлетворительным. К примеру, к категории курганов варварской аристократии тогда были отнесены такие памятники, как курган у села Баксы и Острый (Десятый) курган Юз-Обы. Для такой интерпретации были довольно веские основания, поскольку в первом из них находились погребения коней, а в саркофаге лежало оружие, во втором же была открыта катакомба, имеющая явное сходство с типичными для IV в. до н.э. скифскими погребальными сооружениями. Сейчас от такого понимания двух названных памятников можно в известном смысле отказаться и считать, что они принадлежали не каким-то вождям местных племён, а, как было сказано выше (см. главу 2.5), владыкам Боспорского царства из династии Спартокидов – соответственно Сатиру I и Левкону I. Другое дело, что сами эти владыки, скорее всего, имели не эллинское происхождение.

Если исключить два названных кургана, то к категории погребений варварской аристократии или погребений, в которых представлены черты негреческого обряда, захоронения коней, предметы вооружения и пр., то на европейской стороне Боспора к рассматриваемому времени обычно относят следующие памятники: Куль-Оба, «курган Ашика», курганы Патиниоти и на землях Мирзы Кекуватского, Змеиный, Трёхбратний и погребение № 83 на Темир-Горе. Включение в эту группу других комплексов вряд ли оправдано [Яковенко, 1974, с. 70 сл., 146, табл. X]. Показательно, что для большинства курганов туземной знати рассматриваемого периода на Керченском полуострове характерны погребения мужчин с большим количеством предметов вооружения.

Курган Куль-Оба, конечно, стоит на первом месте среди перечисленных памят-

ников [см.: ДБК, с. XXXII сл.; Ростовцев, 1925, с. 376 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 267 сл.; Артамонов, 1966, с. 62 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 136 сл.; Тункина, 2002, с. 162 сл.; Власова, 2006; Виноградов, 2010а; Minns, 1913, p. 195–206; Rostowzew, 1931, S. 334–341; Gajdukevič, 1971, S. 283–289; Pfrommer, 1990, S. 283–284; Fless, Lorenz, 2005a, S. 23–25; 2005b, S. 62–68]. Как известно, во время раскопок в кургане был открыт неразграбленный каменный склеп с уступчатым перекрытием (см. главу 2.3); под плитами его пола грабителями было обнаружено ещё одно, более раннее погребение.

1. *Ранний комплекс Куль-Обы* [см.: Дюбрюкс, 2010а, с. 186–190]. Из него происходят любопытнейшие предметы греко-скифской торевтики, в первую очередь, знаменитая золотая бляха в форме лежащего оленя с изображением на его тулове грифона, зайца, льва и собаки [рис. 39; см.: Артамонов, 1966, с. 62; 1968, с. 9 сл.]. М.И. Артамонов возражал против разделения инвентаря Куль-Обы на две разные хронологические группы [Артамонов, 1966, с. 66], однако такое разделение возможно. А.Ю. Алексеев считает раннее погребение Куль-Обы синхронным Солохе, то есть относит его к концу V в. до н.э., или 400–370 гг. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 148, 156, прим. 1; 2003, с. 262; ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 518]. Золотая бляха в виде оленя датируется сейчас ещё более ранним временем – первой половиной V в. до н.э. [Королькова (Чежина), Алексеев, 1994, с. 106–108]. Исходя из этого, следует полагать, что каменный склеп был возведён на месте более раннего захоронения, которое, вероятнее всего, принадлежало какому-то знатному скифу, возможно, связанному родственными узами с погребённым в склепе.

2. *Основной комплекс Куль-Обы* (рис. 40–41) представлял собой каменный склеп (4,62 × 4,27, высота – 5,33 м; площадь склепа достигает 19,70 м, что несколько превосходит гробницу Царского кургана); свод, сложенный на четыре стороны, состоял из восьми уступов. Короткий дромос вёл в погребальную камеру с севера, он тоже имел уступчатое перекрытие. Дромос примыкал к склепу не в его центральной части, а был сильно смещён к западу. В склепе, как известно, находились три погребения («царь», «царица» и «конюх»). Исследователи редко обращают внимание, что царские захоронения были сделаны внутри устроенной в склепе деревянной конструкции [см.: Виноградов, 2010, с. 421].

Богатейший погребальный инвентарь, обнаруженный в склепе, к сожалению, не даёт надёжных оснований для точной датировки этого комплекса. Для драгоценных вещей (рис. 42), которые на основании имеющихся описаний связываются с каждым из погребений, почти невозможно предложить более-менее «узкую» дату. Из склепа происходит единственный надёжно датированный предмет – фасосская амфора с клеймом мастера Аретона. Впервые она была специально изучена И.Б. Брашинским, который датировал её последней четвертью IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 104; 1975, с. 36 сл.]. Фасосские клейма, подобные оттиснутому на ручке этой амфоры, пусть не очень широко, но известны по другим находкам [см.: Виноградов Ю.Г., 1972, с. 52; Von, Von, 1957, p. 115, no. 247]. М. Дебидур датирует их в пределах

345–335 гг. до н.э. [Debidur, 1986, p. 330], В.И. Кац относит деятельность мастера Аретона приблизительно к 333 г. до н.э. [Кац, 2007, с. 415-416]. С.Ю. Монахов относит амфору из Куль-Обы к 30-м гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 70], что представляется вполне реалистичным. Однако датировать этим временем весь комплекс, что делают некоторые исследователи, вряд ли допустимо. Дело в том, что, как уже говорилось, в склепе были сделаны три погребения. Крайне сомнительно при этом, что все они были совершены одновременно [Власова, 2005, с. 63-64; 2006, с. 51], а фасосскую амфору, в принципе, могли поместить в склепе во время совершения любой из трёх погребальных церемоний. В таком случае уступчатый склеп Куль-Обы будет правильнее датировать в пределах второй половины IV в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 229; Alekseev, 2005, p. 46-47; ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 535].

Никто из исследователей не сомневался и не сомневается в том, что главное погребение в Куль-Обе относится к самому высокому социальному разряду, который вполне можно считать царским. Некоторые учёные не ограничились общими рассуждениями о знатности погребённого в Куль-Обе скифа, но попытались конкретизировать свою точку зрения. М.И. Ростовцев в связи с этим отмечал, что курган принадлежал крымскому скифскому вождю, являвшемуся вассалом царя Великой Скифии. Этот вождь, подобно Скилу из рассказа Геродота (*Herod. IV. 78-79*), любил проводить свои дни в богатом и гостеприимном греческом городе. Он имел регулярные деловые связи с тиранами Пантикапея, проникся обаянием греческой культуры и после смерти был похоронен в своем любимом месте [Rostowzeff, 1922, p. 110].

В.Ф. Гайдукевич несколько уточнил эту гипотезу, предположив, что Куль-Оба была усыпальницей некоего скифского номарха [Гайдукевич, 1949, с. 275-276]. Из рассказа Геродота известно, что земли, подвластные кочевым скифам, делились на ряд округов, во главе каждого из них стоял номарх (*Herod. IV. 62, 66*). По мысли исследователя, знатный скиф, погребённый в кургане, был номархом крымских степей, прилегавших к границам Боспорского царства.

В.Д. Блаватский нарисовал более драматичную картину. По его мнению, в Куль-Обе нашёл упокоение царь одной из скифских племенных групп, лишённый власти, Атеем, и вынужденный эмигрировать на Боспор [Блаватский, 1950, с. 40]. А.Ю. Алексеев, напротив, считает, что этого царя никто власти не лишал. Он предположил, что Куль-Оба могла принадлежать одному из анонимных скифских царей, о военном конфликте которого с боспорским царём Перисадам I, происшедшем незадолго до 328 г. до н.э., рассказал в своей речи против Формиона афинский оратор Демосфен (*Dem. 34. 8*), это так называемый «Аноним 1» [Алексеев, 1996, с. 101; 2003, с. 230, табл. 10; Alekseev, 2005, p. 47]. В концепции А.Ю. Алексеева смущает лишь то, что скифский царь был похоронен на Боспоре. Несколько утрируя ситуацию, можно было бы предположить, что в конфликте с Перисадамом наряду с другими своими интересами он отстаивал право на погребение в боспорских владениях.

Рассуждения такого рода, разумеется, вполне допустимы даже в самых строгих научных построениях, однако степень их исторической достоверности низка.

Ясно лишь одно – в Куль-Обе было совершено погребение очень знатного скифа, явно принадлежавшего к царскому роду. Обнаруженные здесь драгоценные вещи для любого непредвзятого человека демонстрируют удивительную близость Боспора и Скифии (рис. 41), переплетение их исторических судеб во второй половине IV в. до н.э.

3. Так называемый «курган Ашика» был раскопан А.Б. Ашиком под Керчью в 1838 г. [Виноградов, 2004а]. Здесь был открыт каменный склеп, о типе и размерах которого автор этого открытия ничего нам не поведал. Известно, однако, что в нём находилось погребение воина. У его ног были обнаружены бронзовые поножи (рис. 43, 2), бронзовый шлем и остродонная амфора. Около груди располагался пластинчатый панцирь (рис. 43, 3), меч и множество бронзовых наконечников стрел (рис. 43, 1). У головы стояла ещё одна остродонная амфора с бронзовым черпаком. Обе амфоры оказались фасосскими, обе имеют клейма [Лабро(с)/Дамас(теc) и Лабро(с)/Бион(тоc)]. И. Гарлан отнёс эти клейма к группе В, датировав её в очень узких пределах 390–380 гг. до н.э. [Garlan, 1999, p. 112, 123, 141, 142, pl. I, 141, 4, pl. II, 142, 14]. Датировка В.И. Каца почти не отличается от предложенной И. Гарланом, он атрибутировал их в диапазоне 90-х – середины 80-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 414, группа А]. Находки данных амфор позволяют считать, что погребение, открытое А.Б. Ашиком, было совершено в конце первой четверти IV в. до н.э. [Виноградов, 2004а, с. 51].

Погребальный инвентарь, происходящий из «кургана Ашика», чрезвычайно любопытен. Обнаруженный здесь шлем [см.: Виноградов, 2004а, с. 52, рис. 1, 1; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 84, рис. 41, 1], по выражению Б.З. Рабиновича, «поражает крайней простотой формы» [Рабинович, 1941, с. 166; ср.: Мелюкова, 1964, с. 17; Черненко, 1968, с. 95], и это действительно так. М.В. Горелик предположил, что он был сделан в скифской среде из греческого металлолома [Горелик, 1993, с. 340-341, табл. LXII, 39]. Бронзовые поножи интересны в другом отношении – их отличает пышная орнаментация в виде головы горгоны Медузы, бородатых змей и пр. [рис. 43, 2; см.: Мелюкова, 1964, табл. 16, 9²²; 1989, с. 95; Галанина, 1965, с. 17-18; Черненко, 1968, с. 116]. В отечественной научной литературе эти поножи обычно датируют IV в. до н.э., но на самом деле они принадлежат к гораздо более раннему времени. Подобные пышно орнаментированные кнemiды Э. Кунце отнёс к позднеархаической группе, датировав её в пределах конца второй четверти VI – рубежа VI–V вв. до н.э. [Kunze, 1991, S. 68]. Э. Ярва датирует эти кнemiды приблизительно 540-ми гг. до н.э. [Jarva, 1995, p. 94]. Вполне возможно, что датировка Э. Ярва окажется несколько заниженной, но керченские кнemiды из «кургана Ашика» являются безусловно архаическими. Более того, они являются самой ранней деталью греческого защитного вооружения из обнаруженных не только в этом комплексе, но и на

²² А.И Мелюкова ошибочно отнесла эти поножи к находкам из кургана на землях Мирзы Кекуватского.

Боспоре, и вообще во всём Северном Причерноморье. Находка столь ранней вещи в сравнительно позднем контексте вряд ли должна смущать, поскольку ценные металлические изделия, к каковым, безусловно, относятся предметы вооружения (шлемы, поножи и т.д.), могли храниться очень долго, передаваясь от одного владельца к другому. Нетрудно представить, что некий варварский, скорее всего, скифский вождь получил эти великолепные поножи за свои заслуги перед жителями Пантикапея.

4. *Курган Патиниоти* топографически очень близок к Куль-Обе. Он был грабительски раскопан в 1821 г., и инвентарь его оказался расхищенным [см.: Vlamberg, 1822; Сансе, 1889, с. 78 сл.; Ростовцев, 1925, с. 386 сл.; Яковенко, 1974, с. 65; Тункина, 2001; 2002, с. 547 сл.]. Курган был насыпан над каменной гробницей сравнительно небольшой площади – 5 кв. аршин (порядка 2,5 кв. м); в ней находился деревянный саркофаг с телом усопшего. М.И. Ростовцев определил этот курган как «более бедный двойник Куль-Обы» [Ростовцев, 1926, с. 387], и на то у него были все основания. Сохранившиеся рисунки находок (рис. 44) позволяют считать, что, несмотря на сравнительную скромность обнаруженных здесь вещей, они имеют явные переклички с куль-обскими: золотая гривна, украшенная на концах львиными головками, круглодонный серебряный сосудик с изображением водоплавающих птиц (рис. 44, б), большой бронзовый котёл. Гераклеяская амфора с клеймом (ΕΥΑΡΧΟ/ΑΡΙΣΤΟΝ), происходящая из погребения [см.: Яковенко, 1974, с. 66, рис. 26; Дюбрюкс, 2010б, с. 82-83, рис. 190, 191, 193], позволила И.Б. Брашинскому датировать этот комплекс временем около середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 105]. Современные исследования гераклеяских амфорных клейм позволяют уточнить эту датировку [см.: Павличенко, 1992; Кац, 2007, с. 236–241; Pavličenko, 1999, p. 15]. С.Ю. Монахов относит амфоры магистрата Аристана к 375 г. до н.э. [Монахов, 1999, с. 631], курган Патиниоти, соответственно, сейчас датируют приблизительно 370 г. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 262; Бидзиля, Полин, 2012, с. 518]. Высказанная точка зрения, что это погребение было совершено в III в. до н.э. [Масленников, 1981, с. 82; Pfrommer, 1990, S. 283], явно ошибочна. Она основывается на том, что в описаниях находок из кургана названы достаточно поздние монеты, в том числе относящиеся ко времени боспорского царя Левкона II. Надо признать, что монетные находки выглядят здесь как своего рода искусственная добавка, поэтому М.И. Ростовцев заключил, что «монеты присоединены были к вещам погребения произвольно и в погребении найдены не были» [Ростовцев, 1925, с. 387]. Это заключение представляется абсолютно справедливым [см.: Тункина, 2001, с. 282]. Отмеченное сходство кургана Патиниоти и Куль-Обы позволяет сделать заключение, что и этот погребальный комплекс можно рассматривать как скифский.

Среди комплексов *некрополя Юз-Оба* особый интерес представляют два: курган на землях Мирзы Кекуватского и Змеиный.

5. *Курган на землях Мирзы Кекуватского* располагался в западной части некрополя. Он был раскопан А.Б. Ашиком в 1838-39 гг. [см.: ДБК, I, с. IV, XIX; Ростовцев, 1925, с. 192 сл.; Артамонов, 1966, с. 66; Уильямс, Огден, 1995, с. 164 сл.], а в 1888-

1889 г. на этом же памятнике, как представляется, были предприняты исследования А.А. Бобринского [ОАК за 1882-1888, с. ССIV; 1889, с. 11 сл.; Виноградов, 2012б; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97 сл.; см. также главу 2.4]. Под курганной насыпью был открыт каменный склеп с ложным циркульным сводом (рис. 31), в котором на помосте стоял саркофаг. В саркофаге был погребён воин с золотым венком на голове, в обеих его руках находилось по пучку стрел; в ногах были положены халкидский бронзовый шлем [Алексинский, 2013, с. 57-58], поножи и меч с обложенной золотом рукоятью. По находкам остродонной амфоры и расписной пелики «мастера Марсия», которую К. Шефольд датировал приблизительно 370 г. до н.э. [Schefold, 1934. S. 71], а сейчас определяют как несколько более позднюю, относящуюся ко времени не ранее 360 г. [Уильямс, Огден, 1995, с. 164; Petrakova, 2012, p. 167], комплекс можно датировать серединой IV в. до н.э. [Яковенко, 1974, с. 65; Виноградов, 2012б, с. 47]. Этот памятник, конечно, нельзя признать варварским. Он выглядит как вполне типичный погребальный памятник высшего слоя боспорской аристократии IV в. до н.э., но обилие оружия позволяет считать, что варварское влияние здесь всё-таки имело место.

6. *Змеиный курган* расположен в западной части Юз-Обы, раскопки на нём были предприняты А.Б. Ашиком [Ашик, 1848, с. 42, § 32; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 93]. Этому археологу удалось открыть каменный склеп, в котором находился деревянный саркофаг с останками усопшего. В его ногах стояла прекрасная красно-фигурная ваза. Никаких варварских особенностей обряда здесь как будто зафиксировано не было.

В 1883 и 1885 гг. на Змеином кургане провёл исследования Н.П. Кондаков [ОАК за 1882–1888, с. XXXI-XXXII, LXXXIII-LXXXIV; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 94–97]. Под насыпью кургана между двумя выступами природной скалы этот исследователь обнаружил два человеческих костяка, лежащих один на другом. При них была найдена чашечка из грубой глины и обломок железного ножа. Н.П. Кондаков посчитал это погребение рабским. Под насыпью был исследован также «жжёный точёк», т.е. место тризны, на котором было найдено большое количество костей животных, разбитых остродонных амфор и небольших чернолаковых сосудов. В специально вырытых ямках были размещены краснофигурные вазы [Petrakova, 2012, p. 157], а между камнями, поставленными вертикально, – небольшой лекиф афинского мастера Ксенофанта, украшенный рельефными изображениями [Передольская, 1945, с. 56 сл., табл. V-VI; Виноградов, 2007б, с. 8, фото; Petrakova, 2012, p. 158, fig. 9a], а также небольшая ойнохоя с таким же орнаментом [Petrakova, 2012, p. 158, fig. 9b].

Со Змеиным курганом на страницах научной литературы связано немало путаницы. Первым высказал мысль М.И. Ростовцев, что А.А. Бобринский в 1889 г. провёл раскопки именно на нём, а не на расположенном несколько западнее кургане Мирзы Кекуватского [Ростовцев, 1913-14, с. 106]. Такая точка зрения не подтверждена какими-либо архивными документами, но её поддержал К.Э. Гриневич. Этот

исследователь, в свою очередь, обратил внимание на некоторые несовпадения в описаниях кургана (весьма несущественные, на наш взгляд), составленных А.Б. Ашиком и Н.П. Кондаковым, и на этом основании пришёл к заключению, что они раскапывали разные курганы, которые он обозначил как Первый Змеиный и Второй Змеиный [Гриневич, 1952, с. 144-145]. Первый, по его мнению, раскапывал А.Б. Ашик, а второй – Н.П. Кондаков и А.А. Бобринский. Данное умозаключение было воспринято очень некритично, и в научной литературе утвердилось мнение о двух Змеиных курганах [Цветева, 1957, с. 240; Яковенко, 1974, с. 66; Масленников, 1981, с. 54-55; Виноградов, 2005а, с. 271; 2010в, с. 529], хотя на самом деле оно абсолютно безосновательно и только запутывает и без того запутанную картину, связанную с изучением некрополя Юз-Оба [Федосеев, 2005, с. 411; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97].

Почти нет сомнения, что археологи под Керчью раскапывали один Змеиный курган. Погребение в склепе, как уже было сказано, носит вполне греческий облик, в нём нет ни оружия, ни погребений коней. Два костяка, открытые под насыпью кургана, однако можно связывать с человеческими жертвоприношениями, совершёнными перед сооружением кургана, а это придает всему памятнику очень необычный, уникальный для Боспора колорит, который вряд ли можно считать эллинским.

Для датировки Змеиного кургана важное значение имеет краснофигурная пелика, происходящая из склепа [ARV², р. 1482; ДБК, рис. LXIII, 1, 2, 3], которая была произведена несколько ранее середины IV в. до н.э. [Schefold, 1934, S. 70, № 366; Сокольский, 1969, с. 35]. Что касается находок амфорных клейм из тризны кургана, то Ю.Г. Виноградов датировал их в пределах 400–370 гг. до н.э. [Виноградов, 1972, с. 45].

Расписной лекиф Ксенофанта, найденный в той же тризне, заслуживает особого внимания. А.А. Передольская относила этот сосуд к началу IV в. до н.э. [Передольская, 1945, с. 54]. На основании этой находки Змеиный курган обычно датировали IV в. до н.э. [Цветева, 1957, с. 240; Яковенко, 1974, с. 66]. Любопытно, что среди находок художественной керамики на Боспоре нет других греческих ваз, которым бы на страницах научных изданий уделялось такое большое внимание, как вазам Ксенофанта, в особенности знаменитому большому лекифу [см.: Передольская, 1945, с. 47 сл.; Виноградов, 2006б; 2007б]. К. Шефольд датировал его около 380 г. до н.э. [Schefold, 1934, S. 70], М. Тивериос – 390-380 гг. до н.э. [Tiverios, 1997, S. 279], М.В. Скржинская признаёт, что сосуды Ксенофанта ввозились на Боспор в первой четверти IV в. до н.э. [Скржинская, 1999, с. 130]. Суммируя всё сказанное, можно признать, что погребение в Змеином кургане было совершено во второй четверти IV в. до н.э., вероятно, ближе к её началу [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 96].

7. *Старший (№ 1) Трёхбратний курган* [Кирилин, 1968, с. 178; Трёхбратние курганы, 2008, с. 15 сл.]. Курганная группа Три Брата расположена в глубине Керченского полуострова, территориально она ближе к Нимфею, чем к Пантикапею, однако эта близость весьма относительна. Сходство погребального обряда с обрядом более ранних нимфейских курганов, о чем пишут некоторые исследователи [Кирилин,

1968, с. 178; Яковенко, 1974, с. 70], также весьма сомнительно. Тем более нет особых оснований вслед за А.А. Масленниковым предполагать, что здесь были погребены потомки вождей, чьи курганы насыпались под Нимфеем в V в. до н.э. [Масленников, 1981, с. 56]. Трёхбратние курганы, хотя и сравнительно богатые, но в целом типичные памятники скифской культуры на Керченском полуострове.

Старший (№ 1) курган являлся самым крупным в группе: высота – 8,6 м, диаметр – 45,6 м. В нём был обнаружен наиболее значительный погребальный комплекс – *гробница эллинизированной скифянки* [Кирилин, 1968, с. 178 сл.; Бессонова, Кирилин, 1977, с. 128 сл.; ср.: Бессонова, 1973, с. 243 сл.]. Каменный склеп состоял из погребальной камеры (2,55 × 1,70 м, высота – 2,70 м) и ведущего к ней короткого дромоса. Перекрытие камеры состояло из четырёх уступов, сложенных на две стороны. Около её северной стены, на специально сделанном каменном помосте, находились два женских костяка: взрослой женщины и девочки. Первая из них имела богатый погребальный убор: золотой калаф, серьги в виде сфинксов, спиралевидные браслеты и т.д. Особенности этих находок позволяют считать, что она исполняла обязанности жрицы (см. также главу 5.5). Погребение, как представляется, относится к последней трети IV в. до н.э. [Трейстер, 2008, с. 145; но ср.: Бидзиля, Полин, 2012, с. 548; Pfrommer, 1990, S. 288-289, FK 126].

В насыпи этого кургана была сделана специальная площадка, на которой установлен большой известковый рельеф с изображением женской фигуры и квадриги с возницей [см.: Бессонова, Кирилин, 1977; Савостина, 1995; Трёхбратние курганы, 2008, с. 131 сл.; Вертиенко, 2013].

Погребение знатной женщины, как представляется, было совершено на землях, которые принадлежали ей или, скорей, её фамилии. В принципе, этот комплекс имеет большое значение для понимания особенностей территориальной организации Боспорского царства, роли выходцев из местной аристократической среды в системе крупного землевладения IV в. до н.э.

8. *Средний Трёхбратний курган* [Кирилин, 1968, с. 178; Бессонова, 1973, с. 243, прим. 1; Трёхбратние курганы, 2008, с. 40-41; Бидзиля, Полин, 2012, с. 525]. Высота этого кургана – 6,7 м, диаметр – 42,5 м. В насыпи было зафиксировано конское захоронение. Основное погребение было совершено в каменном уступчатом склепе, оказавшемся ограбленным и сильно разрушенным. Его внутренние размеры – 2,24 × 1,23 м. По сохранившимся остаткам погребального инвентаря склеп можно датировать второй четвертью IV в. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 525].

В кургане были сделаны два впускных погребения, одно из которых (гробница № 3) сохранилось полностью [Бессонова, 1973; Трёхбратние курганы, 2008, с. 41 сл., 61 сл.]. Это был каменный ящик, внутри которого находился деревянный саркофаг с двумя костяками. Среди находок, сделанных в гробнице, выделим хорошо сохранившийся деревянный лук [Бессонова, 1973, с. 250, рис. 6; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 19–21, рис. 5]. Комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э.

К рассматриваемой группе археологических памятников обычно относят ещё

один – погребение № 83 на Темир-Горе. Эта кремация с довольно богатым набором инвентаря была исследована в 1869 г. [рис. 45; ОАК за 1869 г., с. XII-XIII; Виноградов, 2012а, с. 121]. Из неё происходят очень ценные ювелирные изделия, в том числе бронзовый, обложенный золотом браслет, украшенный львиными головками на концах (рис. 45, 3), часть золотого ожерелья с подвесками в виде желудей, другие мелкие золотые предметы, два перстня с резными украшениями (рис. 45, 1-2) и т.д. [см.: Кузнецова, 2002, с. 80, 82, 86–88; Виноградов, 2012а, с. 121, 129, рис. 50]. Э.В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы и датировала его концом V в. до н.э. на основании происходящего из него фрагмента аттического краснофигурного кратера «мастера Пенелопы» [Яковенко, 1977, с. 143]. Этот памятник, однако, более оправданно относить к концу V – началу IV вв. до н.э. [Виноградов, 2001а, с. 80; 2005а, с. 249; Кузнецова, 2002, с. 88]. Интерпретация его как погребения скифской царицы тоже вызывает большие сомнения. Собственно говоря, из всего набора находок к скифской культуре можно относить лишь золотой браслет с львиными головками на концах, который по классификации В.Г. Петренко относится к отделу VI [см.: Петренко, 1978, с. 46, 123, табл. 35, 2, 2а]. Этот предмет, однако, был изготовлен в греческой мастерской и вполне мог находиться в собственности у какой-нибудь знатной гречанки. По набору вещей погребение на Темир-Горе мало чем отличается от каменной гробницы, открытой в некрополе Пантикапее в 1854 г. [Уильямс, Огден, 1995, с. 152–158], в которой была найдена пара серебряных браслетов, украшенных золотыми львиными головками на концах [Там же, с. 156-157, кат. 96]. На наш взгляд, погребение № 83 лучше исключить из числа погребальных памятников Боспора с варварскими чертами. Таким образом, в Восточном Крыму в обозначенную группу IV в. до н.э. входят Куль-Оба (два комплекса), курганы Патиниоти, «Ашика», на землях Мирзы Кекуватского, Змеиный и два Трёхбратних – всего восемь памятников.

В высшей степени показательно также, что курганы с варварскими чертами обряда IV в. до н.э., расположенные на европейской стороне Боспора, в своём большинстве сосредоточены в окрестностях Пантикапея. При этом здесь даже можно выделить две небольшие группы. Первая – к западу от Пантикапея (Куль-Оба, Патиниоти), к ней тяготеет и курган у с. Баксы, хотя он отделён от двух названных территориально и принадлежит к иной социальной группе. Эти курганы по существу располагаются на старом скифском пути к переправам через пролив [см.: Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 214 сл.; 2009б, с. 68 сл.], на месте, овеянном традициями былых легендарных времён, воспоминания о которых, надо думать, ещё сохранились. Особенно близко к месту переправ расположен курган у села Баксы (см. главу 2.5). С вершины высокого холма, на котором он был насыпан, открывается прекрасный вид почти на всю акваторию Керченского пролива и на азиатскую сторону Боспора. Конечно, возведение курганов на этом месте имело большое символическое и, как можно полагать, сакральное значение. Не удивительно, что в двух из этих курганов (Куль-Оба и Патиниоти) скифские черты выступают очень отчётливо.

Вторая группа – это курганы, входящие в некрополь боспорской знати Юз-Оба (Змеиный, курган Мирзы Кекуватского, стоит отметить и Острый). Два из названных памятников (Змеиный и Мирзы Кекуватского) в сравнении с первой группой более скромны по инвентарю и обряду, в них более рельефно выступают черты эллинизации. Последние приглушили местные особенности обряда до такой степени, что об этносе погребённых здесь судить очень трудно, хотя все же можно считать, что названные комплексы имеют скифские черты: оружие кургана Мирзы Кекуватского, человеческое жертвоприношение Змеинового. Грандиозная катакомба Острого кургана здесь, конечно, тоже очень показательна, но она была полностью ограблена, и о характере находившегося в ней инвентаря мы не имеем возможности судить. К тому же этот памятник, на наш взгляд, следует рассматривать как погребение боспорского царя Левкона I (см. главу 2.5).

Ещё раз подчеркнём, что все перечисленные памятники давно и, в общем, хорошо известны. Разумеется, число курганов с варварскими чертами обряда было гораздо большим, многие из них просто не сохранились. По подсчетам Г.А. Цветаевой те или иные черты местного обряда прослеживаются в 1/4 всех курганных комплексов некрополя Пантикапея рассматриваемого времени [Цветаева, 1957, с. 243], но отдельные черты, разумеется, не могут говорить о варварской принадлежности погребённого.

На азиатской стороне Боспора курганы с местными чертами обряда, относящиеся к IV в. до н.э., не столь монументальны, как на европейской, но достаточно многочисленны и чрезвычайно показательны. В общем, можно насчитать семь таких памятников.

9. По всей видимости, к этому времени относится *сырцовая гробница в кургане № 1, исследованном под Фанагорией в 1852 г.* В ней были открыты два довольно богатых погребения (мужское и женское), а также гробница с захоронениями четырёх коней [Гёрец, 1898б, с. 81 сл.; Ростовцев, 1925, с. 349 сл.]. Мужчина был облачён в железный панцирь «с медными связями в виде листков». При нём находилось «множество стрел, медных более ста и железных до сорока»; слева лежали обломки меча и копьё [Гёрец, 1898б, с. 81]. Обряд погребения и устройство гробницы напоминает комплексы Семибратних курганов [см. главу 3.2]. Вполне возможно, что этот погребальный комплекс синхронен с наиболее поздними из них, т.е. датируется в пределах первой четверти IV в. до н.э. [Горнчаровский, 2013, с. 168–171; 2014, с. 573].

10. *Гробница, открытая около хутора Пивнева в 1870 г.* [ОАК за 1870-71, с. XV; Виноградов, 2012а, с. 103]. Она принадлежала воину. Из описания известно, что это была каменная гробница, «покрытая лубком и толстым слоем морской травы». Усопший был положен в деревянный гроб, который был раскрашен и местами сохранил позолоту. В его изголовье стояла расписная ваза с изображением сцены похищения Европы. С левой стороны находились поножи, копьё, меч, колчан со стрелами, имевшими бронзовые наконечники, и точильный брусок. Справа лежали копьё, стригиль и алабастр. На голову был надет «бронзовый позолоченный венчик»,

во рту находилась окислившаяся серебряная монета, а левую руку украшал золотой перстень с изображением грифона «с петушьим хвостом и на петушьих ногах». Это в высшей степени любопытное открытие было сделано В.Г. Тизенгаузенем. Выявленное здесь смешение греческих и варварских черт в погребальном обряде и инвентаре настолько необычно, что невольно возникает сомнение в том, насколько правильно исследователь провёл фиксацию открытого им объекта [Виноградов, 2012а, с. 103]²³. Есть все основания считать, что археология для В.Г. Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь к раскопкам и доставлению находок в археологическую комиссию [Тихонов, 2007, с. 240], однако в данном случае ошибки, скорее всего, не было, поскольку имеется ещё один подобный комплекс, пусть не столь богатый.

11. *Земляная гробница, открытая в 1855 г. под Фанагорией* [Гёрц, 1898б, с. 145-146]. В ней было сделано захоронение воина, в ногах которого была поставлена остродонная амфора, а рядом с ней находилась тонкая чернолаковая чаша с двумя ручками. С левого бока воина был положен колчан, наполненный стрелами с бронзовыми и железными наконечниками; от правого бедра к левой руке лежал широкий меч. С левой стороны были уложены три копья. В правой руке находились стригиль и «медная ложка» (очевидно, киаф). В могиле было обнаружено также более 30 штук игральные кости. Точная хронологическая атрибуция этой земляной гробницы, как и погребения, открытого В.Г. Тизенгаузенем, сейчас невозможна, но датировка их в пределах IV в. до н.э. вряд ли может вызывать сомнения.

Другие памятники подобного рода на азиатской стороне более грандиозны и, естественно, известны гораздо лучше, но и они изучены ещё далеко не в достаточной степени – это Малая и Большая Близницы. Курганы расположены в глубине Таманского полуострова вдали от греческих городов, что представляет немалый интерес для их должной интерпретации.

12. *Малая Близница*. Курган не был таким уж маленьким, его первоначальная высота составляла около 13 м, что всего на 2 м уступает Близнице Большой [Виноградов, 2004б, с. 89-90; Власова, 2010, с. 229-232]. До недавнего времени было принято считать, что этот памятник является достаточно поздним. Н.П. Кондаков полагал, что он относится к III в. до н.э. [ОАК за 1882-1888, с. 74], а М.И. Ростовцев заключил, что в Малой Близнице не найдено ни единой находки, которая могла бы быть отнесена ко времени ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375]. Эту датировку никто не оспаривал, её принимал и автор этих строк [Виноградов, 2005а, с. 292]. Специальное изучение архивных материалов о раскопках этого кургана, однако, убеждает в том, что памятник относится к IV в. до н.э. и, вероятно, является более ранним, чем Большая Близница [Виноградов, 2004б].

Центральное захоронение здесь было открыто в 1882 г. под руководством

---

²³ Есть основания считать, что В.Г. Тизенгаузен к руководству археологическими раскопками в ряде случаев относился весьма небрежно, по существу отсутствовал на курганах во время проведения работ [Фармаковский, 1921, с. 10; Виноградов, 2012а, с. 102].

С.И. Веребрюсова [рис. 46; ОАК за 1882–1888, с. XVI сл.]. Оно было совершено в грунтовой яме (3,25 × 2,20 м, глубина – до 1,10 м). В верхней части могильного заполнения были зафиксированы остатки обгоревших дубовых обломков, а под ними – пласт древесного угля, золы, костей, черепков и т.д. Под этим слоем были обнаружены куски войлока и обломки перегоревших дубовых брусьев. Автор раскопок предполагал, что войлоком был перекрыт костёр, а поверх него был положен преданный сожжению труп [см.: Виноградов, 2004б, с. 96]. Кремация, обнаруженная в Малой Близнице, надо признать, для боспорских памятников очень необычна. Не исключено, что она имеет аналогии среди савроматских трупосожжений, где встречаются частичные кремации – тело покойного клалось на подстилку из раскалённых углей сброшенного в могилу погребального костра. Вообще засыпка могилы углями характерна для савроматов, в погребальном обряде которых огонь играл роль очистительной силы [Смирнов, 1964, с. 96-97], но подробнее об этом будет сказано ниже, когда речь пойдёт о кургане на мысе Ак-Бурун, раскопанном в 1875 г. (см. главу 2.7).

При раскопках могильной ямы, которая оказалась заполненной водой, был найден в высшей степени любопытный погребальный инвентарь: фрагментированный золотой оливковый венок (рис. 47, 4-5), часть золотой гривны, украшенной головками львов на концах, каменный оселок в золотой оправе (рис. 47, 10), перстень с обгоревшим камнем, на котором вырезано изображение кузнечика (рис. 47, 2), несколько золотых бляшек (рис. 47, 1, 3, 6, 8, 12) и др. Здесь была найдена также золотая «двурожковая вилочка» (рис. 47, 9), служившая неким фетишем и игравшая важную роль в погребальном культе ираноязычных племён региона [см.: Фиалко, Болтрик, 2000, с. 294]. Но самой любопытной находкой всего комплекса, безусловно, является золотая маска Афины в шлеме, укреплённая на железной изогнутой, сильно перегоревшей основе (рис. 47, 7). Она напоминает изображение Афины на золотых подвесках из Куль-Обы (рис. 42, 5). Весь этот комплекс, как представляется, принадлежит к первой половине IV в. до н.э. [Виноградов, 2004б, с. 102, 104; ср.: Власова, 2010, с. 231-232; Pfrommer, 1990, S. 269-274, FK 127-133].

Большая Близница – хрестоматийно известный боспорский памятник (см. также гл. 2.3; 5.5). Его высота достигала 15 м, а длина окружности составляла около 340 м. Как известно, здесь были обнаружены три женских захоронения (склеп № 1, гробницы № 4 и 5), одно мужское (склеп № 3) и одна разграбленная расписная гробница (склеп № 2), в которой, скорее всего, была погребена женщина [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 10 сл.; 1925, с. 371 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 284 сл.; Артамонов, 1966, с. 68 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 180 сл., 184 сл., 267 сл.; Власова, 2010, с. 217 сл.; Виноградов, 2012а, с. 82–84, 183]. Уникальность этого кургана для Боспора заключается в том, что в нём совершали захоронения представительниц знатного боспорского рода, которые занимали видное положение в государстве, а женщины, что в особенности важно, выполняли функции жриц [Передольская, 1962, с. 46; Gajdukevič, 1971, S. 297 ff.]. Единой трактовки этих важнейших комплексов

пока не существует, но местные особенности культа в деталях погребального инвентаря проявляются здесь очень отчётливо [см.: Шауб, 1987, с. 27 сл.; 1999, с. 211, 215-216; 2007, с. 370 сл.].

Относительная хронология погребений Большой Близницы пока с должной основательностью не разработана, но, по всей видимости, они были совершены в течение довольно узкого промежутка времени, охватывающего не более трёх десятилетий [Ростовцев, 1925, с. 373; Pfrommer, 1990, S. 269-274, FK 127-133]. Выше уже было сказано, что немецкая исследовательница А. Шварцмайер, проделавшая специальное исследование всех комплексов кургана, пришла к заключению, что самым ранним здесь было так называемое погребение жрицы Деметры (гробница № 1), совершённое около 330 г. до н.э., все остальные, по её мнению, относятся к более позднему времени, вероятно, к началу III в. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137]. Киевские исследователи В.И. Бидзиля и С.В. Полин, напротив, уверенно считают, что все погребения Большой Близницы следует датировать второй–третьей четвертями IV в. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 561].

Для того чтобы понять, кто из этих исследователей ближе подошёл к истине, попытаемся обратиться к находкам краснофигурных ваз, сделанных при раскопках кургана. Одна из основ современного представления о датировке этой керамики сводится к тому, что находки краснофигурной посуды очень слабо представлены в Александрии Египетской, основанной в 331 г. до н.э. На этом основании Дж. Бордмэн считает, что её производство в Афинах тогда прекратилось [Boardman, 2001, p. 105]. Именно это обстоятельство заставило киевских исследователей опустить датировку Большой Близницы столь низко. На самом деле такие вазы, скорее всего, некоторое время ещё изготавливались пусть не в таких масштабах, как прежде. Сохранились и кой-какие рынки их сбыта, в том числе и в Северном Причерноморье [Boardman, 2001, p. 106]. В общем, есть основания согласиться с М.И. Ростовцевым, считавшим, что краснофигурная керамика вышла из употребления только к концу IV в. до н.э. [Ростовцев, 1912, с. 149].

Исходя из этого, надо признать, что в рассуждениях всех названных исследователей есть свой смысл, но датировки А. Шварцмайер представляются более приемлемыми. В погребении, открытом в 1864 г. (склеп № 1), краснофигурная керамика была обнаружена, а значит, его мы можем с уверенностью отнести к IV в. до н.э. (конечно, ближе к его концу). В гробницах № 4 (1868 г.) и 5 (1883 г.) такая посуда тоже присутствует, и, скорее всего, эти захоронения были совершены ещё в IV в. до н.э. Склеп № 2, к сожалению, был ограблен, и о сделанных в нём находках мы ничего не знаем. В склепе № 3 краснофигурная керамика не зафиксирована, что, на наш взгляд, позволяет датировать его III в. до н.э. (см. главу 2.11, № 1), как, впрочем, и склеп № 2 (см. главу 2.9, № 1).

13. *Склеп № 1 Большой Близницы.* Эта каменная гробница с уступчатым перекрытием и коротким дромосом, открытая в 1864 г., находилась в западной части кургана [рис. 48; ОАК за 1864 г., с. V–VIII; Ростовцев, 1913-14, с. 10 сл.; Артамонов,

1966, с. 68–71; Савостина, 1986, с. 95, № 5; Уильямс, Огден, 1995, с. 184; Власова, 2010, с. 217 сл.]. Площадь её составляла всего 5 кв. аршин (около 2,5 кв. м), высота – 5 аршин (3,5 м). Дромос не имел перекрытия; его длина – 2,85 м, ширина – 2,50 м.

Гробница оказалась почти nepотревоженной: богатейшее женское захоронение содержало два набора украшений. К одному из них принадлежал золотой калаф, покрытый изображениями молодых варваров, сражающихся с грифонами (рис. 49, 1). К головному убору крепились две височные подвески в виде дисков с изображениями nereид, везущих Ахиллу доспехи (рис. 49, 4). Второй набор включал золотую стленгиду, имитирующую пряди волнистых волос (рис. 49, 2); к ней крепились височные подвески меньшего размера (рис. 49, 3). На руки жрицы были надеты браслеты с фигурками прыгающих гривастых львиц (рис. 49, 5), при этом мастер, изготовивший их, явно подчеркивал двуполость этих существ – наличие грив и сосцов [Мачинский, 1978, с. 138; Калашник, 2014, с. 172-173]. Одежду украшало большое количество нашивных золотых бляшек.

Любопытно, что среди прочего инвентаря в гробнице были обнаружены четыре уздечных набора, в которые входили не только обычные бронзовые псалии, наносники (рис. 50, 1), лунницы (рис. 50, 2), колокольчики и пр., но и фалары с изображением сцен борьбы Посейдона с гигантами и греков с амазонками [рис. 50, 3-6; см.: ОАК за 1865 г., с. 164 сл.; Артамонов, 1966, с. 70, табл. 298; Трейстер, 2001; Власова, 2010, с. 227, рис. 62; Piotrovskiy, Galanina, Grach, 1986, pl. 200-201]. Следует непременно отметить, что на одном из фаларов в сцене амазономахии представлен воин с македонским щитом (рис. 50, 6; Трейстер, 2001, с. 248-249, 255-256, кат. 3). Такие щиты отличаются от аргосских круглых щитов отсутствием отогнутого края [Конноли, 2000, с. 70, 79; Трейстер, 2001, с. 248-249; Алексинский, 2013, с. 34-35]. Щит, представленный на фаларе из гробницы жрицы, украшен шестнадцатилучевой звездой. Мотив лучевой звезды был излюбленным у македонян и при этом часто использовался в царской среде [Трейстер, 2001, с. 249]. В более позднее время он получит достаточно широкое применение в произведениях боспорской торевтики (см. главу 2.7).

Выше было сказано, что А. Шварцмайер датирует эту гробницу приблизительно 330 г. до н.э. [Schwarzmaier, 1996, S. 137]. М. Пфроммер, однако, относит её к первой половине III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 270-271, FK 127], но эта датировка вряд ли реалистична.

Сразу следует обратить внимание, что украшение конской сбруи большими орнаментированными бляхами круглой формы является деталью нетипичной для классической скифской культуры, её распространение в Северном Причерноморье обычно связывается с влиянием мира восточных по отношению к Скифии кочевников, более определённно – сарматов [Ростовцев, 1993, с. 44 сл.; Виноградов, 2006в; Pfrommer, 1993, p. 5; Mordvinceva, 2001].

14. *Каменная гробница № 4*, перекрытая каменными плитами, была открыта в Большой Близнице в 1868 г. [ОАК за 1868 г., с. V-VII; Ростовцев, 1913-14, с. 14;

Гайдукевич, 1949, с. 289-290; Артамонов, 1966, с. 71-72; Власова, 2010, с. 226-227]. Она была устроена в курганной насыпи, на высоте около 1,5 м от поверхности материка. Размеры гробницы по площади несколько превосходили склеп № 1 (3,1 × 1,6 м), высота её составляла 2,1 м.

Погребённая здесь женщина имела золотую стлениду и золотой калаф, хрестоматийно известную золотую пектораль с изображением различных животных, а также большое число других украшений. Из этого погребения происходит также любопытнейший набор терракотовых статуэток [Передольская, 1962]. М. Пфроммер датировал гробницу № 4 началом III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 273-274, FK 132], однако В.И. Пругло, рассмотревшая происходящие из неё керамические находки, достаточно убедительно показала, что она относится к концу IV или к концу IV – началу III вв. до н.э. [Пругло, 1974, с. 77].

15. *Каменная гробница № 5*, перекрытая деревянными брусьями, была обнаружена в этом кургане в 1883 г. [ОАК за 1882–1888 гг., с. XXVIII-XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 14; Гайдукевич, 1949, с. 291-292; Артамонов, 1966, с. 72-73; Уильямс, Огден, 1995, с. 180-183; Власова, 2010, с. 227-229]. В ней находился деревянный саркофаг, содержавший женское погребение (третье по счёту в Большой Близнице). Голову этой дамы украшал золотой венец и пара золотых серёг, на шею было надето золотое ожерелье, на руки – пара золотых браслетов. Среди прочих погребальных принадлежностей находилось 7 терракотовых статуэток и керамические сосуды: краснофигурная ваза и несколько лекифов, два из которых украшены изображениями женских (?) головок. М. Пфроммер датировал гробницу № 5 приблизительно 300 г., или же самым началом III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 274, FK 133], однако отмеченные выше находки краснофигурной керамики заставляют относить её к концу IV в. до н.э.

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание, что в IV в. до н.э. распространение курганных комплексов с местными чертами обряда на Боспоре демонстрирует определённую закономерность. Почти все они сосредоточены в окрестностях двух столиц Боспора – Пантикапея и Фанагории. Правда, Большая и Малая Близницы находятся на довольно большом расстоянии от Фанагории, но всё-таки не очень далеко, к тому же они были возведены на холмистой гряде, ведущей к этому городу. На Керченском полуострове от столицы Боспора отдалены Трёхбратние курганы, но о возможных причинах такого положения было кратко сказано выше.

Десяток лет назад нами было высказано предположение, что большинство таких курганов находится на Европейском Боспоре, на Азиатском же они относительно немногочисленны [Виноградов, 2005а, с. 268–274]. Однако более полный учёт имеющихся данных, а также отнесение двух памятников керченской группы (курганы у с. Баксы и Острый) к категории погребений боспорских царей (см. главу 2.5) заставляют внести в эту гипотезу некоторые коррективы. Приходится признать, что на обеих сторонах пролива количество аристократических погребений с местными чертами приблизительно одинаково – восемь на европейской и семь на азиатской. Другое дело, что памятники с наиболее ярко выраженными варварскими особенно-

стями, при этом особенностями скифскими, находятся около Пантикапея: два комплекса Куль-Обы, курганы «Ашика» и Патиниоти. Основываясь на этом, можно с большой степенью вероятности констатировать, что для IV в. до н.э., если судить по курганным памятникам, ведущая роль во взаимоотношениях со Скифией принадлежала Европейскому Боспору. Все главные нити связей, ведущие в степи Северного Причерноморья, сходились в Пантикапее, и представители аристократии местных племён, связавшие свою жизнь с Боспором и принятые в состав боспорской элиты, предпочитали или, правильнее сказать, были вынуждены самой организацией государства селиться именно здесь. Логично считать, что «варварская подпитка» столичной элиты Боспора шла в это время из Скифии, о союзнических отношениях с которой было сказано выше.

На азиатской стороне показательных археологических памятников, свидетельствующих о связях со скифской степью, нет. В IV в. до н.э. здесь продолжало ощущаться влияние мира племён Прикубанья. Грандиозные комплексы Большой и Малой Близиц, как представляется, тяготеют именно к этому культурному кругу. Значительно более скромный курган № 1, раскопанный под Фанагорией в 1852 г., никак не противоречит такому пониманию. Другие названные выше погребения (гробница у хут. Пивнева и земляная гробница 1855 г.) демонстрируют столь необычное смешение греческих и варварских черт в обряде и наборе инвентаря, что об источнике этих варварских влияний вряд ли можно с уверенностью судить.

Некоторые элементы, характерные для культуры прикубанских племён, естественно, проникали и на европейский Боспор, к концу IV в. до н.э. они, как будто, даже стали усиливаться. В этом отношении следует указать на один из комплексов некрополя Юз-Оба – *Второй Малый курган*, в котором был обнаружен меч так называемого синдо-меотского типа [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 100, 134, рис. 79, б]. Эта находка, однако, является всего лишь одной деталью, хотя, на наш взгляд, весьма показательной.

Всё выше сказанное заставляет нас прийти к заключению, что ни в одном из названных здесь памятников мы не имеем полного набора признаков, совокупность которых позволила бы выделить «стопроцентные» погребения выходцев из варварской аристократической среды. Во всех случаях присутствуют детали, характерные для боспорской погребальной традиции. Даже в Куль-Обе, «скифство» которой признаётся почти всеми, захоронение было совершено в боспорском уступчатом склепе. Катакомба скифского типа, представленная в Остром кургане, в этом отношении, казалось бы, более показательна, но о «скифстве» этого кургана нельзя говорить даже в самом первом приближении. Лишь особенности устройства кургана, раскопанный под Фанагорией в 1852 г., позволяют считать, что сделанное в нём погребение в достаточной мере соответствует синдской традиции. В остальных случаях мы имеем лишь отдельные детали варварских культурных влияний, проявляющиеся в наличии оружия, погребений коней или конского снаряжения, некоторых типов украшений одежды и т.д. О.В. Шаров очень верно заметил, что «античная цивилизация всегда довлела

над любыми варварами» [Шаров, 2010, с. 282], и все названные выше боспорские памятники в той или иной степени подтверждают это заключение.

Расцвет культуры Боспора и, в частности, культуры боспорской аристократии в IV в. до н.э. был обязан двум важнейшим факторам. Первый из них – хлебная торговля со Средиземноморьем, обеспечивавшая поступление на берега пролива крупных материальных средств. Второй был теснейшим образом связан с союзническими отношениями Боспора с Великой Скифией. В подвижном, нестабильном мире северопрichernоморских варваров этот союз гарантировал стабильность военно-политической ситуации и нормальное функционирование всего экономического организма Боспорского государства, как, впрочем, и других греческих государств северного берега Понта. Этот союз и эти гарантии стабильности, однако, могли успешно осуществляться только во вполне определённой исторической ситуации. Выплески новых кочевых народов из глубин евразийских степей на запад грозили этой системе неминуемой гибелью. Важнейшее событие в истории региона приходится приблизительно на рубеж IV и III вв. до н.э., и связано оно с крушением Великой Скифии, основную причину этого следует искать в её внутреннем ослаблении, а также в продвижении на запад сарматских племён [см.: Виноградов, Марченко, Рогов, 1997; Алексеев, 2003, с. 251, 277].

2.7. Курган Ак-Бурун (1875 г.) как важный памятник времени крушения Великой Скифии

Среди памятников Ак-Бурунского мыса (северная оконечность Керченской бухты), входящего в состав некрополя боспорской знати Юз-Оба, курган, раскопанный в 1875 г., занимает очень важное место (см. также главы 1.7 и 5.5)²⁴. Он заслужил широкую известность благодаря происходящему отсюда «золотому шлему» с богатой растительной орнаментацией (рис. 51). Погребение сравнительно надёжно датировано двумя находками – панафинейской амфорой и золотым статером Александра Македонского. Панафинейская амфора принадлежит к 320/19 г. до н.э. [Максимова, 1961, с. 18; Bentz, 1998, S. 179, 227, Кат. 4, 114; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 97-98, кат. 62]. Что касается золотого статера, то А.Н. Зограф относил его к посмертной чеканке великого завоевателя и датировал концом IV в. до н.э. [Зограф, 1945, с. 92-93; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74, кат. 29]. В отношении хронологической атрибуции он оказался прав, сейчас данную находку связывают с александровскими статерами, отчеканенными в Вавилоне в 317–311 гг. до н.э. [Price, 1991, p. 453]. Естественно, было бы очень любопытно знать, каким образом вавилонская монета попала на Боспор, но для нас важнее другое – две обозначенные находки позволяют считать, что курган был насыпан на мысе Ак-Бурун в конце IV в. или в самом начале III в. до н.э.

---

²⁴ О раскопках на мысе Ак-Бурун в 1875 г. см.: Виноградов, 2001в; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 53–58.

Памятник не обойдён вниманием учёных, которые высказывали три гипотезы в отношении его этнической принадлежности – греческая [ОАК за 1876 г., с. 7, 113; Грач, Скуднова, 1963, с. 24; Minns, 1913, p. 390-391], скифская [Ростовцев, 1925, с. 388; Артамонов, 1966, с. 66; Яковенко, 1972, с. 267; Ольховский, 1982, с. 73, прим. 5; 1991, с. 140, 143; Rostowzew, 1931, S. 232, 344], сарматская [Толстой, Кондаков, 1889, с. 47; Цветаева, 1957, с. 242; 1968, с. 52; Масленников, 1981, с. 56]. Скифская гипотеза, как представляется, сейчас является самой востребованной, но более перспективно, на наш взгляд, рассматривать этот памятник в рамках меото-сарматских древностей [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 99 сл.; см. также: Виноградов, 1993; 2005а, с. 292-294; 2010в, с. 531; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 96-99; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 117-122].

В кургане были обнаружены две кремации, одну из которых вполне можно считать женской, а другую – мужской. Последняя, расположенная в центре кургана, является основной. Обряд этого погребения, каковым он предстаёт на основании имеющихся описаний, очень своеобразен. Во-первых, данное богатое захоронение совершено не в склепе с уступчатым или «циркульным» сводом и даже не в гробнице, перекрытой каменными плитами, что, как было сказано выше, обычно для погребальных памятников боспорской аристократии этого времени и, в частности, в некрополе Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132]. Захоронение было совершено в обыкновенной грунтовой яме с широтной ориентацией, перекрытие которой состояло из кровельных черепиц. Во-вторых, здесь мы имеем дело с обрядом кремации, что само по себе любопытно, поскольку на Боспоре в IV–III вв. до н.э. трупосожжения весьма редки. В Юз-Обе они представлены, но не в очень большом количестве [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], а в некрополе Пантикапея, по подсчетам Г.А. Цветаевой, кремации составляют лишь 3 % от всего числа погребений [Цветаева, 1951, с. 69]. В-третьих, это трупосожжение для района Боспора Киммерийского в высшей степени необычно.

Погребальный инвентарь в могиле лежал на толстом слое древесного угля, по определению автора раскопок Ф.И. Гросса, в «распределённом порядке». Эта «распределённость» проявлялась в том, что ожерелье находилось на месте шеи, поясной крючок – у пояса, перстни – на месте кистей рук и т.д. Обозначенная особенность кремации отличает её от греческих трупосожжений, для которых характерно беспорядочное смешение вещевого материала с золой и углями погребального костра, а также с обгоревшими костями покойного. Таким предстаёт женское погребение Ак-Бурунского кургана 1875 г. [см.: Бутягин, Виноградов, 2014, с. 68 сл.]. Обряд, засвидетельствованный в центральной могиле, на наш взгляд, имеет сходство с некоторыми савроматскими кремациями Приуралья. Среди последних встречаются частичные трупосожжения, когда тело покойного клалось на подстилку из раскалённых углей сброшенного в могилу погребального костра, что, как представляется, вполне соответствует общему облику ак-бурунского комплекса. Более того, трупосожжения у савроматов Приуралья почти всегда совершались путём засыпки тела

умершего горячими углями, а поэтому в грунтовых могилах неоднократно удавалось проследить полное или частичное сохранение анатомического порядка обожжённых костяков [Смирнов, 1964, с. 97]. Кремации на обозначенной территории почти полностью исчезают только к началу новой эры [Смирнов, 1950, с. 102]. К.Ф. Смирнов связывал все эти особенности погребальной практики савроматов Приуралья (кострища сожжённых надмогильных сооружений, засыпка могил остатками костра, иногда с частичным обожжением тел покойников) с распространением здесь культа огня [Смирнов, 1973, с. 156; 1989, с. 165].

Черепичное перекрытие могилы имеет вполне эллинский облик, при этом характерный скорее не для элитной культуры, а для рядового населения Боспора. Наличие многих греческих вещей, в число которых входит даже такой весьма специфический для чисто греческих погребений предмет, как золотой венок [рис. 52, 6; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 76-77, кат. 32], свидетельствуют о явной эллинизации погребённого. Обнаруженные в кремации звенья золотого ожерелья [рис. 52, 3; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74-76, кат. 30] на первый взгляд выглядят несколько странно в контексте мужского погребения. Однако, учитывая варварскую специфику этого комплекса, вполне можно признать, что ожерелье служило аналогом гривны, пример чего имеется в одном из Нимфейских курганов [Силантьева, 1959, с. 74; Артамонов, 1966, табл. 90].

Некоторые предметы, обнаруженные в этом погребении, связывают Ак-Бурун с меото-сарматским миром Прикубанья: два золотых полусферических колпачка [рис. 52, 7; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 79-80, кат. 35, 36], шаровидные подвески-амулеты [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 85, кат. 39, 40], золотой перстень с железной вставкой [рис. 52, 4; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 80-81, кат. 37]. Комплекс вооружения, состоявший из железного шлема, железного пластинчатого панциря, бронзовых поножей, большого меча, ещё одного короткого меча или кинжала, двух копий, пяти дротиков и наконечников стрел с железными наконечниками связывают Ак-Бурун опять же с культурой населения Прикубанья [см.: Бутягин, Виноградов, 2014, с. 85 сл., кат. 41-49]. Поясной крючок в виде птички [рис. 51, 5; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78-79, кат. 34] попал сюда из Среднего Подонья, вероятно, через савромато-сарматский мир; показательно, что подобная находка обнаружена в Зеленском кургане [см.: Шкорпил, 1916, с. 25; см. также главу 2.11]. Такое смешение разнокультурных элементов в одном комплексе представляется очень показательным, связь его с эпохой кардинальных политических и демографических перемен в регионе, на наш взгляд, почти бесспорна. В высшей степени показательно при этом, что в комплексе погребения отсутствуют вещи, которые можно было бы связать с культурой скифской элиты (золотые нашивные бляшки, украшения в зверином стиле и т.д.), ранее весьма популярные на Боспоре.

Хронологически погребение в кургане Ак-Бурун очень близко событиям междоусобной борьбы сыновей Перисада I (310/9 г. до н.э.), о которой нам поведал Диодор Сицилийский (*Diod. XX. 22-24*). Тогда в результате разгоревшейся борьбы за пре-

стол к власти на Боспоре пришёл Евмел, опиравшийся, скорее всего, на поддержку сарматского племени сираков [см.: Десятчиков, 1977; Виноградов, 2003]. В этом отношении весьма вероятным представляется предположение В.Ф. Гайдукевича о том, что в Ак-Буруне был погребён один из варварских сподвижников Евмела [Gajdukevič, 1971, S. 142]. По мнению Е.А. Молева, этот комплекс позволяет говорить о переходе меото-сарматской знати на службу боспорским царям [Молев, 1994, с. 48], и с этим заключением следует полностью согласиться.

В отношении понимания статуса варварского вождя, нашедшего упокоение в Ак-Буруне, особое значение имеет знаменитый золотой «шлем» (рис. 51). Прежде всего, несомненно его сходство с большими золотыми «колпаками» из Ставропольского (Казинского) клада [Придик, 1914, с. 109, табл. VIII, 1-3; Королькова, 1995, с. 81, рис. 3, 4, с. 86-87], а также с парадным головным убором «в форме тиары», как тот определён А.А. Моруженко, найденным в кургане Передериева Могила в Донецкой области [Моруженко, 1992, с. 70–73]. Последний украшен рельефными изображениями, отражающими, по всей видимости, скифские мифологические или исторические предания.

Если принимать золотой «шлем» из Ак-Буруна как настоящий головной убор, то в Древней Греции подобные ему именовали пилосами [Ростовцев, Степанов, 1918, с. 94, прим. 1]. Любопытно при этом, что, согласно Лукиану Самосатскому, у скифов *пилофорами* (πιλοφόροι), т.е. носителями пилосов, именовали людей очень знатных, но не принадлежащих к царскому роду (*Luc. Scyth. 1*). К примеру, пилофорами были скифские мифологические мудрецы Анахарсис (*Luc. Anach. 16*) и Токсарис (*Luc. Scyth. 1*). Поскольку пилос был принадлежностью костюма слугителей Великой Матери – Кибелы, культ которой получил широкое распространение в Северном Причерноморье, то *пилофоров* считали представителями жречества – геродотовскими *энареями* [ВДИ, 1948, № 1, с. 428, прим. 3]²⁵. Однако чаще их трактуют как слой светской аристократии [см.: Хазанов, 1975, с. 181].

Лукиан – автор сравнительно поздний (II в. н.э.), и в его информации вполне могли отразиться сведения, характерные не только для скифской, но и для более поздней эпохи. Тем не менее, крупные золотые «колпаки», о которых говорилось выше (Ставропольский или Казинский клад, Передериева Могила), вместе с ак-бурунским «шлемом» вполне могут рассматриваться в качестве принадлежности особого слоя аристократии (не обязательно скифской), за которыми благодаря Лукиану сохранилось название *пилофоры*. Орнаментация «тиары» из Передериевой Могилы заставляет считать её наделённой несомненной религиозной, культовой символикой (не обязательно имеющей отношение к Кибеле). Совокупность находок Казинского клада тоже позволяет усматривать их связь с этой сферой. Иными словами, лукиановских *пилофоров* вряд ли следует считать исключительно светскими аристократами (см. также главу 5.5).

²⁵ Об энареях см.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 305–306.

Что касается орнаментации ак-бурунского «шлема», то её особенности позволяют относить этот предмет к продукции македонских мастеров, которые, возможно, в это время трудились на Боспоре [Roberts, 2009, p. 98; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 83-84, 110]. «Шлем» украшен троекратно воспроизведённым цветком каллы в окружении волют. О.В. Шаров в одном из своих докладов, прочитанных в ИИМК РАН, отмечал, что эти волюты можно считать круто закрученными бараными рогами. В таком случае в соответствии с иранской традицией они символизируют «фарн», т.е. дарованную царю божественную благодать [см.: Топоров, 1988]. О.В. Шаров отметил также, что рога вошли во властную символику Александра Великого (рога Зевса-Аммона) после посещения им Египта [Romano, 1990, p. 85; см. также Дмитриев, 2013]. Есть основания считать, что македонский царь относился к этому символу достаточно серьёзно (*Athen. Deipn.* XII. 53), хотя его прижизненные изображения с таким атрибутом не известны.

Понятно, что для персидской аристократии разгром державы Александром мог объясняться лишь тем, что именно он, а не Дарий III, стал обладателем этой божественной благодати [Бертельс, 1948, с. 12-13]. Для них импульс, исходивший из Египта, в этом отношении был по-своему очень близок. Бараны рога были символом богоизбранности (фарна), а значит, мощи, военной доблести и, разумеется, магической силы. На ак-бурунском «шлеме» рога-волюты изображены три раза, т.е., как представляется, должны были свидетельствовать об особой мощи и доблести его обладателя. Из этих рогов-волют вырастают цветы каллы (арацеи), что, можно считать, ещё раз должно наглядным образом продемонстрировать идею, что обладание царской властью, как и всеми земными благами, и, надо думать, посмертное блаженное существование связаны только с обладанием фарном. Вся эта символика заставляет полагать, что вождь, погребённый в кургане на мысе Ак-Бурун, был не только военным и политическим лидером, но и обладал сакральной (жреческой?) властью. Этот аспект ещё более усиливается благодаря наличию в комплексе других находок, явно связанных с культовой сферой: золотой перстень с железной вставкой (аэролитом?) и подвески-амулеты, обвитые золотой проволокой [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 109–110].

В отношении македонских аналогий, помимо «шлема», очень любопытны найденные в кургане золотые бляшки в форме двенадцатилучевых звёздочек [рис. 52, 1-2; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 77-78, кат. 33], которые, к сожалению, очень долго не привлекали внимание учёных²⁶. Они, на наш взгляд, имеют явное сходство со звездой, ставшей символом власти царей Македонии, которую, в частности, можно видеть на крышках золотых ларцов, происходящих из Вергины [см.: Манцевич, 1980, с. 160, рис. 13, с. 162, рис. 15; Андроникос, 1990, с. 118-119, рис. 8, с. 121,

---

²⁶ В картотеке Отдела античной культуры Государственного Эрмитажа они отнесены к украшениям золотого венка [ГЭ: Ак. Б. 23], что вряд ли соответствует действительности. Почти нет сомнения, что эти бляшки были нашивными, при этом нашивались они, скорее всего, не на одежду, а на погребальный полог, имитировавший таким образом звёздное небо.

рис. 10; Treasures, (1978), p. 50, pl. 19, cat. 86, p. 53, pl. 18, cat. 120; Andronicos, 1984, p. 80, fig. 41, p. 166-167, fig. 135, p. 169, fig. 136, p. 194, fig. 155; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217-219].

В Македонии также хорошо известны золотые круглые бляшки, украшенные штампованным изображением звезды [Treasures, (1978), p. 36, pl. 5, cat. 28; Andronicos, 1984, p. 178-179, fig. 143-144; 1994, p. 27, fig. 4; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217, cat. 256], их отличие от ак-бурунских заключается только в количестве лучей и в том, что последние вырезаны из золотого листа. Отметим при этом, что близкие аналогии этим македонским «дискам» можно видеть в некоторых более поздних, чем Ак-Бурун, боспорских курганах²⁷.

Наиболее близки ак-бурунским звёздам нашивные золотые бляшки в форме восьмилучевой звезды, происходящие из Северной гробницы № 1 скифского царского кургана Гайманова Могила [Бидзиля, Полин, 2012, с. 402, кат. 195, рис. 556]. В широком ассортименте бляшек из других скифских курганов Северного Причерноморья такие предметы не известны. Любопытно при этом, что на бронзовой бляхе, украшавшей погребальную колесницу из Гаймановой Могилы, тоже была выбита восьмилучевая звезда [Там же, с. 253, кат. 83/2, рис. 372], и эта бляха опять же уникальна. Гробница № 1 Гаймановой Могилы датируется 365–350 гг. до н.э. В.В. Бидзиля и С.В. Полин объясняют появление македонских звёзд в этом комплексе контактами причерноморских скифов с Филиппом II Македонским, имевшими место во Фракии и Нижнем Подунайе [Бидзиля, Полин, 2012, с. 253, 403], что представляется вполне допустимым.

Возведение кургана на мысе Ак-Бурун относится ко времени на 50-60 лет позднее Гаймановой Могилы, тем не менее, македонская символика на некоторых предметах, происходящих из него, выступает очень отчётливо. Отнюдь не случайной в этом контексте представляется и золотой статер Александра Великого, отчеканенный, как

---

²⁷ Немного забегаая вперёд, отметим, что среди находок, происходящих из Зеленского кургана, есть немало таких, которые роднят его с Ак-Буруном. К числу их, как представляется, принадлежат два серебряных кружочка, украшенные рельефными шестилучевыми звёздами [Шкорпил, 1916, с. 27]. Круглая золотая бляшка с оттиснутой на ней восьмилучевой звездой происходит из кремации, обнаруженной под Анапой в 1881 г. [рис. 80, 1; ОАК за 1882–1888 г., с. 33, табл. I, 3], М. Пфроммер датирует этот комплекс третьей четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261, FK 116]. Круглые золотые бляшки (диаметр – 2,4 см) с изображением восьмилучевой звезды входят в состав Ахтанизовского клада [рис. 103, 2; ОАК за 1900, с. 108-109, рис. 217; Спицын, 1909, с. 22, № 14b, рис. 17; Власова, 2009, с. 72, табл. III, 2]. М. Пфроммер не без основания считал, что они восходят к образцам III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260, FK 16]. В более грубом исполнении шестилучевые звёзды представлены на круглых золотых бляшках из детской гробницы Среднего кургана Васюринской горы [Власова, 2010, с. 244, рис. 111]. Все эти находки мы склонны рассматривать как проявления влияния Македонии на культуру элиты Боспорского государства.

Изображения восьмилучевых звёзд могли украшать также македонские круглые щиты. Д.П. Алексинский полагает, что воспроизведение этих украшений можно видеть на серебряных фаларах эллинистического времени, происходящих из некрополя Пантикапея [Алексинский, 2013, с. 34-35]. Напомним, что самое раннее изображение такого рода на Боспоре известно на бронзовом фаларе из склепа № 1 Большой Близицы, возведённого в последней четверти IV в. до н.э. (см. главу 2.6, № 11).

было сказано выше, в Вавилоне. Ак-Бурунский курган, как видим, даёт бесценные материалы, позволяющие приблизиться к пониманию силы македонского влияния на культуру боспорской элиты конца IV – начала III вв. до н.э. Победоносные походы Александра, разгром Персидской (мировой) державы знаменовали собой конец старого мира и начало нового, центром которого на какое-то время стала Македония. Теперь уже культура македонской элиты стала аттрактором для всей эллинской и не только эллинской ойкумены. Подражание ей стало важной особенностью культурной «физиономии» новой эпохи.

Подводя итог сказанному о кургане Ак-Бурун (1875 г.), необходимо подчеркнуть, что происходящие из него материалы весьма ярко рисуют историческую ситуацию, сложившуюся в Северном Причерноморье после падения Великой Скифии. Традиционная ориентация Боспора на союз со скифами тогда ушла в прошлое. Произошедшие демографические и военно-политические перемены закономерно привели к переориентации политики Боспорского царства по отношению к варварским народам региона с акцентом на связи с новыми владыками степей – сарматами (сираками) [Виноградов, 1999, с. 63; 2005а, с. 294–296; Виноградов, Марченко, 2014, с. 145]. Культура сарматской элиты, как следует признать, отличается от скифской рядом весьма существенных особенностей [Яблонский, 2015; Яценко, 2015], и эти особенности, как будет показано ниже, сыграют свою роль в дальнейшей истории правящего слоя Боспорского государства.

Необходимо обратить особое внимание на то, что курган Ак-Бурун является самым поздним среди аристократических погребальных памятников с варварскими чертами обряда из открытых на Европейском Боспоре. После рубежа IV–III вв. до н.э. они продолжали возводиться, но только на азиатской стороне (см. главу 2.11). Как можно полагать, с этого времени для Боспора особое значение приобрели связи с миром варварских племён Прикубанья (правильнее, конечно, говорить, что эти связи были сохранены и получили развитие в новых исторических условиях).

Глобальные перемены в античном мире, связанные с походами Александра Великого, также нашли отражение в материалах этого кургана. Культура македонской аристократии тогда стала, так сказать, очень «модной», и проявления этой «моды» достаточно быстро нашли своё место на Боспоре. Только с учётом этих перемен можно в полной мере оценить значимость другого новшества в элитной культуре Боспорского царства, имевшего место в сфере погребальной архитектуры, – появление нового типа монументальных склепов.

2.8. Склепы «македонского» типа на Боспоре

На фоне споров о происхождении боспорских уступчатых склепов (см. главу 2.3) проблема появления склепов с арочным перекрытием в отечественной научной литературе как-то отошла на второй план, а она, на наш взгляд, не менее любопытна. Конечно, связывать этот феномен с римской традицией нет никакой возможности,

поскольку они появились в Северном Причерноморье значительно раньше [Гервиц, 1947]. Выше уже было сказано, что наиболее ранним среди боспорских склепов с арочным перекрытием является гробница № 47 Шестого кургана Юз-Обы, открытая в 1860 г. (рис. 32; см. главу 2.4). Этот чрезвычайно любопытный и показательный погребальный памятник, вероятнее всего, можно датировать двумя последними десятилетиями IV в. до н.э. В принципе, он продолжает схему типологического развития боспорских склепов более раннего времени, представляя собой однокамерное сооружение, к которому ведёт длинный дромос, но перекрытие в обеих частях является не уступчатым (ложным), а арочным.

В III в. до н.э. склепы Боспора демонстрируют новое явление, которое исследователи пока ещё не оценили в должной степени, считая, что по сравнению со склепом № 47 Шестого кургана Юз-Обы в боспорской погребальной архитектуре тогда никаких принципиальных изменений не произошло [см.: Сорокина, 1973, с. 385; Максимова, 1979, с. 12; Кобылина, 1984, с. 210; Крыжицкий, 1993, с. 169]. Во всяком случае, склеп № 47 никогда не выделяют особо, рассматривая его в ряду других, имеющих арочное перекрытие. Такой подход, однако, представляется не вполне верным.

В этом отношении никак нельзя согласиться с утверждением В.И. Бидзили и С.В. Полина, что на Боспоре нет ни одного кургана с установленной датой III в. до н.э. Тогда якобы интенсивно использовались лишь более ранние насыпи, а «возрождение» курганного строительства приходится на середину II в. до н.э., что было связано с возведением Артюховского кургана [Бидзиля, Полин, 2012, с. 585]. Действительно, в культуре боспорской элиты III в. до н.э. можно наблюдать немало чрезвычайно любопытных, неизвестных здесь ранее явлений, но прекращения традиции возведения курганов всё-таки не было. Немалые перемены заметны также в ареале боспорских курганных комплексов, но об этом речь пойдёт ниже.

Сейчас же следует обратить внимание на другое. Давно и надёжно установлено, что если на европейской стороне с рубежа IV–III вв. до н.э. количество богатых погребений уменьшается и с середины III в. до н.э. они уже становятся здесь редким явлением [Гайдукевич, 1949, с. 278], то на азиатской стороне, и особенно в некрополях Синдики, пышность погребального обряда сохраняется и в III–II вв. до н.э. [Коровина, 1964, с. 14]. Не удивительно, что именно на азиатской стороне Боспора расположены самые показательные склепы, которые являют собой новую страницу в боспорской погребальной архитектуре (Васюринская гора, Артюховский курган и др.) [Виноградов, 2014a].

Как представляется, наиболее ранним и, безусловно, очень важным в этой группе является склеп в кургане, открытом на Васюринской горе в 1868-69 гг. [рис. 52-53; см.: Ростовцев, 1913-14]. Наиболее важными представляются две или три конструктивные особенности этого сооружения: арочное перекрытие, деление погребальной камеры на две части, что в уступчатых склепах встречается только как исключение, и, вероятно, отсутствие обычного дромоса, заменой которого стала лестница. В отечественной литературе принято считать, что склепы типа

Васюринского относятся «к архитектуре, связанной с традициями эллинского зодчества Балканского полуострова и Малой Азии» [Сорокина, 1973, с. 385], что, конечно, верно, но, на наш взгляд, абсолютно не достаточно. Всё-таки необходимо признать, что склепы с арочным перекрытием, камера которых часто разделена на две неравные части, в западной литературе имеют название «македонские», и это понятие введено в научный оборот ещё в конце XIX в. [см.: Филов, 1937, с. 104–107; Хатлас, 2006, с. 123; Macedonia, 1982, p. 176–180; Andronicos, 1987; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 214–221]; создание этого типа склепов даже порой считается одним из вкладов Македонии в мировое культурное наследие [Vocotopoulou, 1995, p. 16].

Естественно, такие погребальные конструкции открыты на территории исторической Македонии, и наиболее известный памятник в их ряду – склеп в Большом кургане у села Вергина, который обычно называют гробницей царя Филиппа [см.: Andronicos, 1984; Андроникос, 1990; Манцевич, 1980; Бидзиля, Полин, 2012, с. 552–553]²⁸. Эта гробница не имеет дромоса, вход в погребальную камеру богато украшен (дорические колонны и фриз, каменная дверь, а также расписной фриз), сама погребальная камера разделена на два помещения, из которых ближнее ко входу имеет меньшие размеры²⁹; наконец, перекрытие склепа является арочным. Сразу можно обратить внимание, что классические образцы македонских склепов отличаются от васюринского наличием архитектурного оформления входа в виде колонн, дорических фризов и т.п., но и роднящие их детали конструкции тоже никак нельзя отрицать.

Как арка появилась в Македонии и откуда ведёт начало традиция деления погребальной камеры на две части, до сих пор остаётся неясным (см. также главы 2.2 и 2.4). Во всяком случае, очень трудно поверить, что изобретателями этой весьма совершенной конструкции были именно македоняне, и, соответственно, само определение «македонские склепы» следует считать в значительной степени условным. Не вдаваясь в споры по этому поводу, укажем лишь на то, что такие склепы широко распространились по всему античному миру. Причину такой популярности, как представляется, следует усматривать в том, что после грандиозных завоеваний Александра Великого именно Македония стала законодателем моды в элитарной культуре почти всех цивилизованных народов. Македоняне были во главе государств, возникших на руинах империи Александра, и их подданные были обязаны так или иначе следовать вкусам своих властителей. В этом отношении вполне логичной представляется точка зрения исследователей, считающих, что большинство погребальных памятников рассматриваемого типа было возведено за 150–200 лет и верхним хронологическим репером здесь является 168 г. до н.э., т.е. год римского

---

²⁸ Мы сознательно уклоняемся от дискуссии по поводу других точек зрения о принадлежности погребений в Большом кургане Вергины [см.: Алексеев, 2003, с. 252 сл.; Борза, 2013, с. 329 сл.].

²⁹ Основную камеру македонских склепов называют *thalamos*, а сравнительно небольшую, прилегающую к ней со стороны входа – *prothalamos* [Манцевич, 1980, с. 155; Andronicos, 1987, p. 10].

завоевания Македонии, когда эта страна потеряла своё лидерство в античном мире [см.: Fedak, 1990, p. 104-105; Huguenot, 2008, p. 43-44].

Немало склепов такого типа (как считается, более 80) открыто в Болгарии [рис. 16, 6; см.: Койнова-Мечкуева, 2006, с. 114; Хатлас, 2006; Базайтова, 2006, с. 343-344, 353, обр. 2, 3; Triantaphyllos, 1994, p. 90-91]. Г. Гошев полагает, что они относятся ко второй половине IV–III вв. до н.э. [Гошев, 2005, с. 58]. В ряду таких памятников выделим Гинину Могилу – замечательную гробницу, украшенную фигурами кариатид, которая была исследована 30 лет назад у села Свещари в Болгарии [Чичикова, 1986; 2012; 2013].

Совсем не удивительно, что уже сравнительно давно была высказана точка зрения, что во Фракии эти погребальные конструкции получили распространение под македонским влиянием [Филов, 1937, с. 106]. Другие болгарские учёные не согласны с этим и даже оспаривают справедливость дефиниции «македонские склепы», считая, что они сформировались под влиянием архитектуры Малой Азии и материковой Греции, а совсем не являются прямым заимствованием македонских образцов [Гошев, 2005, с. 53]. Имеется, правда, и другая гипотеза, на основании которой эти склепы предлагается именовать не «македонскими», а «фракийскими». По мнению Г. Кожухарова, именно фракийцы являются изобретателями арочного перекрытия, и это изобретение следует рассматривать как их важнейший вклад в мировое архитектурное наследие [Кожухаров, 1974, с. 334]. В наши дни, однако, стали признавать, что фракийские памятники такого рода аналогичны македонским [Гергова, 1996, с. 105; Базайтова, 2006, с. 344]. Как видим, проблема происхождения склепов «македонского типа» вообще и их появления во Фракии, в частности, является очень не простой, вызывающей острые дискуссии.

Эти научные споры, конечно, имеют немалое значение для понимания боспорских памятников. Однако в данном случае для нас важно лишь подчеркнуть, что склепы так называемого «македонского типа», а точнее, имеющие с ними очевидное сходство, получили распространение и на берегах Керченского пролива [Савостина, 1984, с. 12]. Не претендуя на полноту списка, назовём наиболее известные боспорские памятники этого типа:

1. Упомянувшийся выше склеп в *Большом кургане на Васюринской горе*, открытый в 1868–69 гг. и исследованный в 1907 г. [рис. 53–54; см.: Ростовцев, 1913–14, с. 30–33, табл. XII, 3; Гайдукевич, 1949, с. 293–296; Власова, 2004а, с. 159–165; 2010, с. 234–237; Gajdukevič, 1971, S. 300–301]. Курган был действительно весьма крупным: высота – около 10,70 м, диаметр – 34,10 м.

Склеп был впущен в грунт по основанию свода. К нему вела лестница из семи ступеней, устроенная между каменными стенами, вдоль которой находились ящики с конскими захоронениями. Перекрытие склепа было арочным, при этом необходимо добавить, что строители как будто ещё не верили в прочность арочной конструкции. Они скрепили камни, составляющие свод, железными скобами.

Погребальная камера состояла из двух помещений (рис. 53): первое («проталамос»)

следовало за входом и имело относительно небольшие размеры ($3,56 \times 2,13$ м, высота – 3,56 м), за ним расположено второе («таламос»), более крупное ($4,62 \times 3,56$ м, высота – 3,56 м). Общая площадь склепа составляла около 24 кв. м. А.Е. Люценко, открывший эту гробницу, назвал первое помещение узким коридором [Архив ИИМК РАН, ф. I, 1868 г. д. 41, л. 42; ОАК, 1868 г., с. XIV]. Это определение было принято М.И. Ростовцевым [Ростовцев, 1913-14, с. 32], а Е.В. Власова стала называть его даже не коридором, а дромосом [Власова, 2004, с. 159-160]. Оба определения (коридор и дромос), на наш взгляд, неудачны, даже ошибочны, поскольку не позволяют в должной мере оценить своеобразие склепа и поставить его в круг других подобных ему памятников.

В этом отношении необходимо признать две достаточно очевидные вещи. Во-первых, дромосом в данном случае следует именовать лестницу. Васюринский склеп был сильно заглублён в землю, и по этой причине обычный дромос здесь был заменён каменной лестницей. Во-вторых, конструкцию склепа надо считать двухкамерной. Из первой камеры проход вёл во вторую, более крупную по площади. Её стены и потолок, как все прекрасно знают, были оштукатурены и расписаны [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 34; Давыдова, 1994; Власова, 2004, с. 161–163; 2010, с. 235–236].

В стенах большой камеры были сделаны ниши. Последняя деталь, как будто не представляется особенно существенной, но в склепах с уступчатым перекрытием, относящихся к IV в. до н.э., ниши никогда не встречались.

Склеп Большого Васюринского кургана был ограблен, но есть основания полагать, что он использовался для совершения погребений неоднократно. В центре главной камеры находился саркофаг, перед ним – мраморный стол и мраморная скамья (возможно, стол меньших размеров), ножки которых были оформлены в виде стилизованных изображений львиных лап (рис. 55). Среди прочих находок – разбитая на куски огромная чернолаковая пиксида, украшенная накладным орнаментом, а также другие сосуды. На стенках, вероятно, висело оружие и одежда. Среди предметов вооружения были несколько копий, вероятно, несколько мечей, панцирь, щит. Обнаружены также железные наконечники стрел.

М.И. Ростовцев полагал, что этот склеп был построен не позднее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 40] или даже не позднее первых десятилетий III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 374]. Е.В. Власова, рассмотрев сохранившиеся находки из склепа (прежде всего чернолаковая пиксида начала III в. до н.э., несколько более поздняя лекана, два родосских амфорных клейма третьей четверти III в. до н.э.), сузила датировку до начала этого столетия [Власова, 2004, с. 164-165; 2010, с. 237], с чем, вероятно, можно поспорить. Однако принадлежность памятника к первой половине III в. до н.э. у нас не вызывает особых сомнений. В данном случае мы не касаемся проблемы разновременных захоронений в этом склепе [см.: Ростовцев, 1925, с. 375; Власова, 2004, с. 165; 2010, с. 236], а говорим лишь о времени его сооружения.

Около лестницы, ведущей в склеп, как уже говорилось, были обнаружены четыре конских захоронения. Детали узды, происходящие отсюда, чрезвычайно любопыт-

ны. На основании этих находок М.И. Ростовцев даже сомневался в беспорности своей приведённой выше датировки. Он имел в виду сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерноморских степных памятников конца II в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 373, ср.: Полин, 1992, с. 63-64]. О.В. Шаров, проанализировавший материалы этих четырёх конских захоронений, пришёл к заключению, что два наиболее ранние из них относятся к III в. до н.э., третье – к началу II в. до н.э., а вот четвертое – к концу II – первой половине III в. н.э. [Шаров, 2009; но ср.: Симоненко, 2011]. В состав наиболее ранних входили железные плакированные золотом налобники с крюком в виде головы грифона [рис. 56, 1; Ростовцев, 1913-14, с. 41, № 5, табл. XVIII, 4; Полин, 1992, с. 63-64, 185, рис. 8, 21; Власова, 2004, с. 165, рис. 9; Симоненко, 2010, с. 189, рис. 159, 25, с. 191]. В.И. Бидзиля и С.В. Полин считают, что эти налобники, безусловно, были изготовлены в IV в. до н.э. и на этом основании предлагают датировать ранние конские захоронения Большого кургана концом IV – началом III вв. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584-585], что вряд ли реалистично в отношении появления на Боспоре склепов «македонского» типа.

О конских налобниках/наносниках, к категории которых принадлежат васюринские находки, необходимо сказать особо хотя бы несколько слов. Наиболее ранние образцы налобников этого типа, сделанные из бронзы и железа, появились в Среднем Подонье во второй половине V в. до н.э. [Фіалко, 1996, с. 96; Канторович, 2007, с. 258]. Их можно назвать короткими. В III–I вв. до н.э. существовали схожие с ними по форме и явно происшедшие от них длинные налобники, чаще изготовленные из бронзы или серебра, с крючком над ременной петлей и пластинчатой трапецевидной нижней частью. Они представлены в так называемых «странных памятниках» Северного Причерноморья [см.: Шукин, 1994, с. 97-98; Виноградов, 1999, с. 77-80; Симоненко, 2001; Редина, Симоненко, 2002; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 97-98; Зайцев, 2007; 2012а; 2012б; Раев, Симоненко, 2007], отражающих передвижения кочевников по степям региона, а также в некоторых погребальных комплексах [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 85]. Вслед за А.В. Симоненко их принято считать позднескифскими [Симоненко, 1982; 2010, с. 186 сл.; 2012]. По его мнению, такие налобники появились у поздних скифов во второй половине III в. до н.э., во II в. до н.э. с ними познакомились соседи скифов – сарматы, меоты и синды [Симоненко, 2012, с. 80, прим. 24]. Такому объяснению, на наш взгляд, противоречат находки из боспорских курганов – Большого Васюринского и Зеленского (о нём см. главу 2.11, № 2). Дело в том, что эти два кургана являются более ранними, чем II в. до н.э. и даже чем вторая половина III в. до н.э. Представляется более вероятным, что оформление этой серии налобников было связано с культурной трансформацией, имевшей место в Северном Причерноморье в конце IV – начале III вв. до н.э. и вызванной крушением Великой Скифии. Вполне очевидно одно – эта серия артефактов принадлежит к позднескифской-раннесарматской эпохе [Канторович, 2007, с. 261]. Любопытно при этом, что они в определённой степени повторяют путь распространения в регионе

застёжек в виде птичек: в скифское время основной территорией их распространения было Среднее Подонье, на запад они в незначительном количестве проникли только на закате Великой Скифии, но появились в некоторых курганах Боспора (Ак-Бурун, Зеленской) [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78-79, 106]. Эта традиция, правда, вскоре прервалась, а налобники/наносники имели довольно долгую историю.

В составе конского снаряжения из Большого Васюринского кургана имеются также бронзовые пластины, украшенные пуансонным орнаментом в виде линий и концентрических кругов [рис. 57; Ростовцев, 1913-14, с. 41, табл. XIX; Шаров, 2009, с. 297-298, 318, рис. 13, 2-3; Симоненко, 2010, с. 212, рис. 175, 1-2], которые однозначно трактуются как нагрудники [Симоненко, 2010, с. 209 сл.]. Такие предметы, орнаментированные подобным образом, входят, в частности, во многие «странные» комплексы Северного Причерноморья, речь о которых шла чуть выше; встречаются они и в Прикубанье [Беглова, 2013, с. 33]. М.И. Ростовцев обратил внимание на «гальштатское» происхождение орнаментации этих нагрудников [Ростовцев, 1913-14, с. 42], и он по-своему оказался прав. А.В. Симоненко верно отметил, что они появляются «на фоне некоего всплеска западных (кельтских и фракийских) элементов в культурах варваров Северного Причерноморья этого периода» [Симоненко, 2010, с. 213; ср.: Мордвинцева, 2001]. По его мнению, такой всплеск имел место не ранее второй половины III в. до н.э. и бытовал во II в., а может быть, и в I в. до н.э. [Симоненко, 2010, с. 213]. На наш взгляд, нижнюю хронологическую грань этого явления всё-таки можно относить к первой половине III в. до н.э. [Виноградов, 2006в, с. 216-217], что не противоречит обозначенной выше дате сооружения склепа Большого Васюринского кургана и, соответственно, дате совершения ранних захоронений коней рядом с его лестницей [ср.: Шаров, 2009, с. 301-302].

2. *Склеп 1870-71 гг.*, открытый в другом (среднем по величине) кургане на Васюринской горе [рис. 58; Ростовцев, 1913-14, с. 43-45, табл. XXI, 1; Гайдукевич, 1949, с. 296; Власова, 2004, с. 165-166, 172; 2010, с. 237-239; Gajdukevič, 1971, S. 301-302]. По своим размерам этот курган сильно уступал Большому: высота – 4,25 м, длина окружности насыпи – 149,35 м.

Склеп тоже состоял из лестницы и погребальной камеры. Лестница вела ко входу с юго-восточной стороны, она была заглублена в грунт на 2,13 м. Длина этой конструкции – 6,40 м, ширина – 3,20 м. В насыпи кургана были обнаружены весьма показательные для новой эпохи предметы – обломки нескольких мраморных статуй с изображением человеческих фигур. Точное число разбитых статуй нам не известно, но можно предположить, что их было, по крайней мере, три: размеры одной из них были определены как колоссальные, другой – выше человеческого роста и третьей – в нормальный рост [Ростовцев, 1913-14, с. 44]. Из насыпи происходят также две большие мраморные подставки в виде львиных ног, вероятно, от стола, и одна относительно небольшая подставка от скамьи или столика [Ростовцев, 1913-14, с. 44]. Их вполне можно сопоставить с находками из склепа Большого кургана (см. рис. 55).

Общие размеры погребальной камеры составляли 6,76 × 2,85 м при высоте 3,90 м.

Она состояла из двух помещений, первое из них по отношению к лестнице, как и в склепе Большого кургана, имело сравнительно небольшие размеры. М.И. Ростовцев, вновь следуя определению А.Е. Люценко [Архив ИИМК РАН, ф. I, 1871 г., д. 16, л. 11 об.], назвал его коридором [Ростовцев, 1913-14, с. 44], а Е.В. Власова, исходя из собственных представлений, определила его как дромос [Власова, 2004, с. 165]. В действительности же эту погребальную конструкцию следует считать двухкамерным склепом (первая камера – проталамос, вторая – таламос) с ведущим к нему дромосом (лестницей). Этот склеп, как и первый, имел арочное перекрытие. Помимо сравнительно небольших размеров, от склепа Большого кургана его отличает отсутствие росписи. Эта гробница была тоже ограблена, в ней были найдены обломки мраморных столов, фрагменты керамического желобчатого сосуда и пр.

С двух сторон от лестницы располагались конские захоронения, одно из которых оказалось неразграбленным. В нём была обнаружена колесница, основа которой была сделана из железа, а художественно исполненные украшения – из бронзы: две стоящие женские фигуры, акротерий, два полуакротерия, фрагменты двух драконов. Там же были найдены детали конской упряжи: обломки удила, украшенных фигурками тритонесс, серебряный наносник с изображением крылатого льва, фрагмент овальной бляхи с изображением орла, несущего Ганимеда, один большой и четыре маленьких фалара с изображением розетки со вставками из граната и синего стекла.

М.И. Ростовцев датировал колесницу из Среднего Васюринского кургана первой половиной III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 53–55], а детали конской упряжи – не позднее второй половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 55–57]. М.Ю. Трейстер пересмотрел эту точку зрения. Основываясь на особенностях декора колесницы, он предлагает омолодить её датировку на целое столетие – до первой половины II в. до н.э. [Трейстер, 2005, с. 311].

Столь радикальное омоложение, на наш взгляд, не вполне логично. Цветы каллы, входящие в орнаментацию колесницы, как известно, были очень популярны в произведениях боспорских торевтов, в художественных текстильных изделиях и пр. более раннего времени [см.: Виноградов, 2006в, с. 214-215; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 82-83]. Самый известный образец подобной орнаментации – знаменитый золотой шлем из кургана Ак-Бурун, речь о котором шла выше (рис. 51; см. главу 2.7). М.И. Ростовцев абсолютно справедливо полагал, что акротерий из рассматриваемого комплекса моложе, чем ак-бурунская находка, и относил его ко времени не ранее середины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 53-55], в чём, вероятно, заблуждался, но не очень сильно.

Что касается фаларов из этой гробницы, которые М.И. Ростовцев датировал не позднее второй половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 57], то можно указать на общеизвестные, но почему-то в отечественной науке редко привлекаемые для датировки археологических находок рельефы святилища Афины Никифоры в Пергаме. На них, кроме кельтского наступательного и оборонительного оружия, представлены уздечки с фаларами, стилистически близкими васюринским [Bohn, 1885, Taf. XLVII, 3;

XLIX, 3,22]. Очень любопытны также изображенные на рельефах детали колесниц или, возможно, части убранства кораблей, некоторые из которых имеют пышную орнаментацию, в том числе и в виде цветка каллы [Bohn, 1885, Taf. XLIV]. Вполне возможно, что на этих рельефах были представлены трофеи, захваченные пергамцами в битве при Магнесии в 190 г. до н.э. [De Navarro, 1972, p. 316], но в реальной жизни они бытовали не только в 190 г., а появились явно несколько ранее. Изображения дают лишь *terminus ante quem* для подобных вещей, во всяком случае вполне допустимо датировать их второй половиной III в. до н.э. В.Е. Ерёмченко относил прототипы некоторых изображённых здесь предметов вооружения к 240–220 гг. до н.э. [Ерёмченко, 1997, с. 21]. Так что датировка находок из конской гробницы Среднего Васюринского кургана в пределах второй половины III в. до н.э. представляется вполне вероятной.

В этом отношении немалый интерес представляют *впускные погребения*, открытые в этом кургане. Первое, содержавшее большое количество золота, было случайно найдено местными крестьянами, но часть золотых предметов была у них выкуплена и поступила в Эрмитаж [Власова, 2004, с. 168-169]. М.И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 331], но М.И. Максимова предлагала эту дату омолодить [Максимова, 1962, с. 130, прим. 5], хотя происходящий из него львиный псевдоскарабеоид считала раннеэллинистическим [Максимова, 1962, с. 123, № 3; 124]. Второе впускное погребение – это плитовая гробница, обнаруженная в южной части кургана. В ней был погребён юноша в богато вышитой золотом парчевой одежде, от которой уцелели только золотые нити [Власова, 2004, с. 169-170]. Среди сделанных здесь находок представлены сотни бляшек, вырезанных из листового золота, и различные амулеты, часть из которых датируется III в. до н.э. [Неверов, 1988, с. 181, № 495, 497]. Рядом с этой гробницей в насыпи кургана было открыто третье впускное погребение – могила ребёнка, в которой, в частности, была обнаружена статуэтка скачущего всадника с двумя собаками [ОАК за 1870-71 гг., с. XXXV-XXXVI; Власова, 2004а, с. 170, Виноградов, 2012а, с. 99, 114, рис. 38]. Такие статуэтки получили распространение во II–I вв. до н.э., но были популярны и в первые века н.э. [Пругло, 1977, с. 78; Денисова, 1981, с. 62–64; Диатроптов, 2001, с. 89]. Эта находка позволяет относить погребение ребёнка ко II–I вв. до н.э. В общем, оценивая материалы, полученные во всех трёх впускных погребениях Среднего кургана, можно признать, что они не противоречат предложенной выше хронологической атрибуции обнаруженного в нём каменного склепа.

3. *Анапский склеп 1908 г.* [Ростовцев, 1913-14, с. 83–86, табл. XXX]. Он был впущен в материк до пяты свода и состоял из одной небольшой по размерам камеры (3,08 × 2,13-2,16 м, высота – 2,40 м) с примыкающим к ней коротким дромосом (длина – 1,44-1,46 м, ширина – 2,04 м, высота – 2,185 м). Склеп был оштукатурен и расписан. Узкие и широкие квадры декора стен имитировали их покрытие плитами цветного мрамора. Поверх них шла полоса меандра, потолок был окрашен в голубой

цвет. Вполне очевидно, что роспись имитировала героон, окружённый низкими стенами, над которыми синее небо [Ростовцев, 1913-14, с. 83-86, табл. XXXI].

Поскольку анапский склеп был ограблен, то датировать его можно только по аналогии с росписями склепа 1868-69 гг. на Васюринской горе. Во всяком случае, его атрибуция в пределах III в. до н.э. вполне возможна.

Для более позднего времени наиболее показательным памятником элитной культуры Боспора является *Артюховский курган*, расположенный на Таманском полуострове (см. также главу 2.12).

4. *Гробница II Артюховского кургана* [Максимова, 1979, с. 11-12]. Она состояла из двух помещений, перекрытых арочным сводом (рис. 59, 1-3; с. 144-148). Вход в склеп имел ширину 0,56 м, высоту – 1,07 м; как обычно на Боспоре, он был закрыт четырёхугольной каменной плитой (рис. 59, 4). Общие размеры склепа составляли 3,50 × 1,40 м при высоте 1,6 м. Гробница оказалась неразграбленной, и на её примере можно понять, как в склепах такого типа размещались тела покойных и погребальный инвентарь. В его первой, относительно небольшой камере (проталамосе) находилась часть погребального инвентаря; во второй, более крупной (таламосе), были размещены два захоронения (мужское и женское) и другая часть погребального инвентаря. Ко входу в склеп как будто вела лестница. Вход в склеп и вход из первой камеры во вторую имел вид арки из клинчатых камней [Максимова, 1979, с. 11-12]. М.И. Максимова, как известно, датировала Артюховский курган приблизительно серединой – третьей четвертью II в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 8-9, 23].

5. Весьма вероятно, что к «македонскому» типу относится *гробница III Артюховского кургана* [Ростовцев, 1925, с. 273; Максимова, 1979, с. 12]. Раскопавший её В.Г. Тизенгаузен не оставил внятного описания своего открытия. Ясно, однако, что она была сложена из больших отёсанных каменных плит и состояла из одного помещения. Внутри гробница была тщательно оштукатурена и выбелена. В продольных южной и северной стенах имелось по одной небольшой полукруглой нише. К огромному сожалению, автор раскопок ничего не сказал ни о форме перекрытия, ни об устройстве входа, что заставило М.И. Максимова признать это сооружение каменной гробницей с плоским перекрытием из каменных плит [Максимова, 1979, с. 12]. На наш взгляд, заключение уважаемой исследовательницы не бесспорно, поскольку наличие ниш и оштукатуренных стен скорее указывает на «македонский» тип склепа, а В.Г. Тизенгаузен в отношении открываемых им гробниц мог упустить многие существенные детали их конструкции (см. № 8 – Благовещенский курган).

6. *Гробница VII Артюховского кургана* [Максимова, 1979, с. 12]. Судя по имеющимся данным, этот склеп по своей конструкции был очень близок гробнице II, но состоял из одной камеры, и размеры его были заметно меньше (рис. 60, 1-3). Ширина входного проёма составляла 0,51 м, высота – 0,90 м; он был закрыт четырёхугольной каменной плитой (рис. 59, 4). Размеры погребальной камеры: 2,30 × 1,01 м, высота – 1,18 м. Погребение здесь было ограблено.

7. *Гробница, открытая генералом Вандервейде* в большом кургане некрополя

Фанагории [Clarke, 1816, p. 70-73; Montpereux de, 1843, p. 76-78; Гёрц, 1889б, с. 4–7; Ростовцев, 1913-14, с. 112; Тункина, 2002, с. 564; Кузнецов, 2010, с. 439; см. также: Формозов, 1975, с. 175]. И.В. Тункина считает, что курган под Фанагорией был раскопан не позднее 1793 г. [Тункина, 2002, с. 564]. Любопытно, что это самое раннее из известных нам археологических открытий на Боспоре представляет собой гробницу «македонского» типа. Судя по описаниям, камера со сводчатым перекрытием состояла из двух помещений. Опираясь на эту информацию, можно также составить мнение, что в ней был обнаружен довольно богатый погребальный инвентарь. В его составе выделяется золотой браслет в виде двух змеек, соединённых хвостами, с рубиновыми вставками в глазах, который явно принадлежит к группе эллинистических украшений полихромного стиля. «Несколько ваз чёрной глины, украшенных белыми орнаментами» [Clarke, 1816, p. 72], скорее всего, относились к группе эллинистической керамики типа «западного склона». Дюбуа де Монпере посчитал, что гробница, открытая Вандервейде, относится ко времени римского владычества [Montpereux de, 1843, p. 78]. Надо признать, что у просвещённого европейца были для этого все основания – он видел арки Рима, а о существовании склепов «македонского» типа, естественно, даже не догадывался. В наши дни, однако, этот погребальный памятник, вслед за М.И. Ростовцевым, можно достаточно уверенно датировать в пределах первой половины III в. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 111-112].

8. *Благовещенский курган*, находившийся недалеко от Анапы, был раскопан В.Г. Тизенгаузенем в 1882 г. (рис. 61, 62). Он имел высоту почти 11 м при окружности насыпи около 375 м. Автор раскопок в отношении открытого здесь склепа отметил, что тот имел циркульный свод, но не привёл ни описания конструкции гробницы, ни её размеров [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1882 г., д. 18, л. 16-17]. Судя по имеющемуся рисунку Ф.И. Гросса (рис. 62), каменный склеп действительно имел циркульный свод [ОАК за 1882-1888 гг., с. XIX-XXII; Ростовцев, 1925, с. 294-295]. На другом рисунке, изображающем рабочий момент раскопок кургана (рис. 61), вероятнее всего, можно видеть вход в гробницу (дромос), имеющий уступчатое перекрытие.

Ещё раз отметим, что о конструкции склепа можно судить только на основании рисунка (рис. 62). Если ему доверять в полной мере, то надо признать, что верхний ряд каменных плит перекрытия склепа не очень похож на замковую конструкцию (он слишком широк для этого), по этой причине можно было бы предположить, что свод был не арочным, а ложным, как и в склепе кургана на землях Мирзы Кекуватского (ср. главы 2.4; 2.6, № 5; рис. 31), однако такое понимание вряд ли соответствует действительности. У склепов с ложным сводом ряды кладки стен непременно должны соответствовать рядам камней перекрытия. На рисунке прекрасно видна торцовая стена склепа, её кладка состоит из семи рядов, из которых лишь четыре нижних полностью совпадают с рядами кладки боковых (длинных) стен. Собственно, эти четыре ряда и составляют кладку стен склепа. Три верхних такого совпадения не демонстрируют, но они-то и составляют свод. Основываясь на этом наблюдении, следует сделать единственно возможный вывод – конструкция свода была арочной, при

этом с каждой стороны он состоял из трёх рядов каменных плит; верхний камень, несмотря на его ширину, необходимо считать замковым.

Таким образом, конструкцию погребальной камеры Благовещенского кургана вполне можно считать соответствующей однокамерным склепам «македонского» типа. Однако не всё так просто, поскольку к ней вёл дромос, имеющий уступчатое перекрытие. Нечто подобное мы уже видели в кургане на землях Мирзы Кекуватского (см. главы 2.4; 2.6, № 5; рис. 31), но тот, скорее всего, имел склеп с ложным перекрытием.

В Благовещенском кургане была захоронена знатная женщина. Тело её было уложено в деревянный саркофаг, украшенный фризом с изображением Нереид, везущих доспехи Ахиллу [рис. 63; см.: Сокольский, 1969, с. 29-31, № 21, табл. 13]. Среди хорошо датированных находок, происходящих из этого комплекса, имеется золотая монета царя Лисимаха. Не удивительно, что уже Н.П. Кондаков считал, что курган относится к III в. до н.э. [ОАК за 1882-1888 гг., с. 59]. М.И. Ростовцев полагал, что он был возведён не ранее первой половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 111], а М. Пфроммер датирует его серединой III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 262, FK 120], что, на наш взгляд, вполне допустимо.

9. *Керченская гробница 1885 г.*, открытая Ф.И. Гроссом где-то в районе Мирмекия [рис. 64-65; Виноградов, 2014ж]. Она находилась в кургане, имевшем довольно большие размеры: высота – 6,40 м, окружность насыпи – около 121,60 м. На вершине кургана, как представляется, поминальный комплекс, окружённый кольцевой каменной стеной.

Погребение в этой гробнице было разграблено, но упоминание в отчёте Ф.И. Гросса обломков чернолаковой и краснолаковой керамики, обнаруженных во время раскопок, позволяет датировать её в пределах III–II вв. до н.э. Может быть, по причине отсутствия ярких находок памятник напрочь забыт современными исследователями, хотя по-своему он очень интересен. К гробнице вёл спуск в виде лестницы, что можно считать вполне типичным для боспорских склепов «македонского» типа. Вход же оформлен весьма необычно, может быть, это единственный памятник такого рода на Боспоре, на примере которого можно видеть попытку оформления фасада, пусть лишённого архитектурных украшений, но всё-таки довольно монументального (рис. 65, 1).

Сама гробница состояла из двух камер (рис. 64; 65, 3), при этом первая имела меньшие размеры и, что необходимо отметить особо, меньшую ширину (2,49 × 1,42 м при высоте 2,49 м) по сравнению со второй (4,26 × 2,13 м при высоте 2,84 м). Общая площадь двух камер составляет около 12,60 м. По планировке эта гробница напоминает более поздний уступчатый склеп «Пигмеев» (рис. 77; см. главу 2.9, № 8), но в отличие от последнего имеет арочное перекрытие. Важно отметить также, что планировка обоих этих склепов вполне аналогична устройству фракийской гробницы в Меглиже (Болгария), отличие заключается лишь в системе сооружений перед входом в неё [Рабаджиев, 2011а, с. 46, обр. 3]. Названные памятники ещё раз заставляют

задуматься о степени воздействия фракийской традиции на погребальную архитектуру Боспора.

10. *Склеп на некрополе Китяя*, который, вероятнее всего, имел циркульное перекрытие [Хршановский, 2013, с. 100]. Этот памятник по своему плану имеет явное сходство с описанной выше керченской (мирмекийской) гробницей и, соответственно, со склепом «Пигмеев» (см. главу 2.9, № 8). Он состоит из дромоса и двух погребальных камер. Дромос ($3 \times 1,25-1,40$ м) вёл к этой конструкции с юга. Камера, расположенная к дромосу первой (проталамос), имеет квадратную форму (длина стороны – $2,15-2,25$ м); по размерам она заметно уступает второй. Большая камера или таламос ($3,31 \times 2,81$ м) определена В.А. Хршановским как погребальная [Хршановский, 1913, с. 103], что вполне соответствует действительности. Общая площадь двух камер составляет более $14,10$ кв. м, т.е. китейский склеп был весьма крупным. По размерам он превосходит все известные нам гробницы этого типа на Европейском Боспоре и многие на Азиатском, уступая лишь двум склепам Васюринской горы.

Склеп вторично использовался в III–IV вв. н.э., но, судя по сохранившимся материалам, был построен в последней трети IV – начале III вв. до н.э. [Хршановский, 2013, с. 107]. Поздняя датировка, т.е. III в. до н.э., на наш взгляд, предпочтительней.

11. *Склеп в кургане по дороге в Аджимушкайские каменоломни*, открытый А.Б. Ашиком [рис. 66; Ашик, 1848, с. 48, § 38³⁰, р. V]³¹. По имеющемуся рисунку можно судить, что перекрытие его было арочным, но дромоса здесь не было. Размеры погребальной камеры – $2,33 \times 1,86$ м, высота – $2,10$ м. Вход в неё имел ширину $0,77$ м; в стене, расположенной напротив входа, имелась ниша – деталь достаточно обычная для склепов такой конструкции.

Описание погребального инвентаря (золотой венки с агатовой вставкой, золотые украшения, отделанные камнями, и пр.) говорит о том, что погребение было совершено в III в. до н.э., но А.Б. Ашик упоминает и «могильную вазу» с изображением боя аримаспа с грифоном [Ашик, 1848, с. 48]. Однако если эта ваза была не краснофигурной, а «акварельной», то такая датировка очень вероятна.

Подведём некоторые итоги. Одиннадцать названных боспорских склепов следует признать относящимися к «македонскому» типу: два склепа Васюринской горы (№ 1, 2), три гробницы Артюховского кургана (№ 4, 5, 6), Анапский склеп (№ 3), гробница, открытая Вандервейде под Фанагорией (№ 7), Благовещенский курган (№ 8), склеп, исследованный Ф.И. Гроссом под Керчью (№ 9), гробница, открытая А.Б. Ашиком по дороге в Аджимушкай (№ 11), и наконец большой китейский склеп (№ 10). Нетрудно посчитать, что восемь памятников из одиннадцати расположены на азиатской стороне и всего три на европейской. В отношении

³⁰ Обозначив рисунок этого склепа как § 38, р. V, А.Б. Ашик допустил ошибку в отношении номера параграфа, поскольку он соответствует совсем другому кургану [см.: Ашик, 1848, с. 45-46].

³¹ В этом же кургане находился склеп с уступчатым перекрытием, который был использован для совершения вторичного захоронения в значительно более позднее время (см. выше главу 2.3, № 13).

последних стоит обратить внимание, что в окрестностях столицы государства находились два из них, при этом отнюдь не самые монументальные и нерасписанные. Самый большой по площади склеп Европейского Боспора исследован весьма далеко от Пантикапея – под Китеем, однако и он в этом отношении намного уступает склепам Васюринской горы.

Такая топография «македонских» склепов, на наш взгляд, чрезвычайно показательна. Почти нет сомнения, что с III в. до н.э. Азиатский Боспор в жизни государства стал играть особую роль. Здесь концентрируются основные материальные ресурсы, элита этого района приобретает особый вес в экономической системе государства и закономерно начинает определять новые направления его культурного развития. В этой связи рискнём высказать одну идею, которая на первый взгляд может показаться абсурдной. Кто знает, может быть, с III в. до н.э. царей Боспора стали хоронить совсем не под Пантикапеем, а в азиатской части государства, и их курганы следует искать в том числе и среди названных памятников.

Ещё раз отметим, что все они имели арочное перекрытие, почти все состояли из двух камер, дромос (или лестница) представлен не всегда, некоторые склепы были расписаны. Все эти детали являются характерными для склепов «македонского» типа. М.И. Максимова была не права, когда писала в отношении структуры гробниц Артюховского кургана, что они были сооружены в старых боспорских традициях [Максимова, 1979, с. 14]. Наоборот, есть все основания считать, что здесь получила развитие новая традиция, которая ранее на Боспоре была абсолютно неизвестной.

Вместе с тем, в перечисленных боспорских склепах имеются и очевидные отличия от аналогичных гробниц Фракии и Македонии. В них отсутствует пышное оформление входа; двери (каменные или деревянные) здесь тоже отсутствуют³². Лишь на примере керченской гробницы 1885 г. (№ 9) можно предполагать о попытке придания фасаду некоторой монументальной выразительности. Все остальные лишены и этого.

Несколько забегаая вперёд, следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство – фасады склепов двух Тарасовских курганов на Таманском полуострове, речь о которых подробнее пойдёт ниже [см. главу 2.9, № 3 и 5], были оформлены достаточно нарядно, но эти склепы имели уступчатое перекрытие [Ростовцев, 1913-14, с. 109-110; Виноградов, 2013в]. Отметим также, что их погребальные конструкции имели довольно сложное устройство: дромос и погребальная камера, состоящая из двух частей, но эти камеры были оформлены совсем иначе, чем в описанных выше одиннадцати гробницах.

³² Предположение о наличии в склепах деревянных дверей, на первый взгляд, может показаться невероятным. Однако для этого есть некоторые основания. В двух крупных курганах у села Свещари (Болгария) склепы «македонского» типа закрывали каменные двери, а в третьем, сравнительно небольшом, склепе (гробница № 13) имелась деревянная дверь. Она, естественно, не сохранилась, но трассологическое изучение дверного проёма, предпринятое Н.Н. Скакун, убедительно продемонстрировало, что деревянная дверь здесь изначально была и, более того, она неоднократно открывалась [Гергова, 1996, с. 21-22].

Как видим, ни один из склепов «македонского» типа, открытых на Боспоре, не даёт всех характерных признаков этих склепов в Македонии или Фракии. Однако у нас нет сомнения, что именно те стали образцами для трансформации погребальной архитектуры на берегах Керченского пролива, и произошло это в первой половине III в. до н.э. Е.А. Савостина, на наш взгляд, была абсолютно права, когда писала, что ««македонская» идея, распространившись на Боспоре, получила здесь свою интерпретацию» [Савостина, 1984, с. 14].

2.9. Уступчатые склепы III–II вв. до н.э.

В этом разделе речь пойдет о боспорских склепах, которые не относятся к типу «македонских», но «македонские» традиции на некоторых из них, как представляется, нашли своё отражение. Это склепы с уступчатым перекрытием, о некоторых из которых, относящихся к IV в. до н.э., было немало сказано выше (см. главу 2.3). С.Д. Крыжицкий даже утверждает, что в III в. до н.э. такие погребальные сооружения получили на Боспоре широкое распространение [Крыжицкий, 1993, с. 166], но правильнее, конечно, считать, что они здесь продолжали возводиться [Виноградов, 2013в]. Развитие старых традиций, т.е. уступчатая конструкции свода и наличие дромоса, в сочетании с новыми деталями, появление которых было вызвано новыми культурными веяниями, на наш взгляд, демонстрируют хорошо известные в литературе памятники: склеп № 2 и 3 Большой Близницы, склеп «Пигмеев» и склепы Тарасовских курганов. Имеется, правда, целый ряд боспорских гробниц с уступчатым перекрытием этого времени, не столь ярких и потому почти не привлекающих внимания учёных. Вместе с тем, в сравнении с только что названными памятниками отдельные особенности этих гробниц представляются отнюдь не случайными. Кратко рассмотрим все склепы этого типа, исходя из территориального принципа, – сначала склепы Азиатского Боспора, а затем Европейского.

Среди первых особое значение, естественно, имеет *курган Большая Близница*. Выше неоднократно говорилось, что погребения здесь совершались с последних десятилетий IV в. до н.э. – склеп № 1 и каменные гробницы № 4 и 5 (см. главу 2.6, № 11-13). Эта практика, скорее всего, продолжалась и в начале III в. до н.э. Здесь очень важно понять, в какой степени на примере этого погребального комплекса можно проследить сохранение старых традиций и проявление тенденций нового времени.

1. Наибольший интерес в этом отношении имеет *склеп № 2, открытый в 1864 г.* [рис. 67; см.: ОАК за 1864, с. XI-X; Ростовцев, 1913-14, с. 12, 15 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 286; Артамонов, 1966, с. 73-74; Савостина, 1986, с. 97, № 22]. Склеп состоял из двух частей (рис. 68-69): погребальной камеры (3,51 × 3,06 м, высота – 3,78 м) и преддверия, или дромоса (2,89 × 1,95 м, высота – 2,84 м). Гробница оказалась ограбленной, но, несмотря на это, она имеет очень большой научный интерес своей необычной конструкцией и характером росписи стен и потолка.

Перекрытие дромоса было сделано очень необычным образом (рис. 69, 2; 70). Поверх карниза были уложены два ряда каменных блоков, образующих два обычных уступа, но уступчатое перекрытие не было доведено до конца – выше поперёк дромоса лежали каменные балки, на которых покоились плиты кровли. Таким образом, по выражению проводившего здесь раскопки А.Е. Люценко, потолок дромоса имел «пустые промежутки вроде метопов» [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 16]. Не трудно понять, что строители склепа при перекрытии дромоса вполне могли бы обойтись без этих балок, ограничившись каменными плитами, уложенными поперёк его конструкции, что обычно делалось при сооружении так называемых каменных гробниц. Однако они усложнили свою задачу, в результате чего потолок был расчленён на ряд углублений, своего рода кессонов.

По верхней части стен дромоса проходил фриз из растительных узоров, состоящих из цветов и миртовых ветвей. Вход в погребальную камеру был оформлен пилястрами, на которых этот фриз продолжается. Усыпальница имела уступчатое перекрытие из шести рядов каменной кладки, расположенных на четыре стороны (рис. 69, 1; 71). Нижний (уступ карниза), а также два вышележащих уступа создавали четырёхугольную конструкцию, у четвёртого ряда перекрытия были «срезаны» углы, т.е. он был восьмиугольным, пятый уступ был круглым, а шестой – вновь четырёхугольным (рис. 71)³³. На этом четырёхугольном плафоне находился главный элемент художественного оформления склепа – изображение головы богини, которую обычно считают Деметрой (рис. 71, 72). Склеп чаще всего датируют концом IV в. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 22], концом IV – самым началом III вв. до н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 20] или серединой III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 272, FK 129]. На наш взгляд, эта гробница была построена не в конце IV в. и не в середине следующего столетия, а в начале III в. до н.э.

Интереснейшая особенность конструкции склепа № 2 – устройство уступчатого перекрытия с плафоном в центре, в котором была выполнена роспись в виде головы богини. Для боспорской архитектуры такое устройство следует признать в полной мере уникальным. В данном случае особо любопытны диагонально срезанные углы одного из рядов кладки перекрытия. Можно указать, что среди погребальных сооружений Боспора ничего подобного нет, но во Фракии имеется целая группа склепов, отличающихся усложнённым устройством уступчатого свода, в которых вышележащие ряды перекрытия не просто нависали над нижележащими, но и изменяли ориентировку на 45°, при этом иногда по несколько раз. Такое перекрытие получило название диагонального – lantern roofing [Theodossiev, 2007]. Во Фракии этот приём распространился в позднеклассическое и раннеэллинистическое время, вероятно,

³³ Имеющийся рисунок Ф.И. Гросса (рис. 71), правда, не во всём соответствует сделанному им описанию. Мы здесь видим те же шесть уступов свода. Восьмиугольный ряд перекрытия на рисунке обозначен как-то не чётко, и он изображён не третьим, а четвёртым, если считать снизу. В остальном противоречий нет: предпоследний ряд имеет круглую форму, а последний – четырёхугольную. Внутри последнего находится изображение головы богини.

как результат анатолийского влияния [Theodossiev, 2007, p. 605]. В склепе Большой Близницы диагональный поворот рядов перекрытия не был осуществлён в полной мере, а, можно считать, был лишь обозначен на одном из его уступов.

В этом отношении чрезвычайно любопытна также упоминавшаяся выше гробница в Оструше (район Казанлыка), относящаяся приблизительно к рубежу третьей и последней четвертей IV в. до н.э. или чуть более позднему времени [Valeva, 2005, p. 164, 166]. Правда, она имеет плоское перекрытие, но её потолок при этом оформлен в виде рядов квадратных углублений (кессонов). Самый большой из них (длина стороны – 0,55 м) находится в центре; внутри него, по диагонали вписан другой квадратный кессон (длина стороны – 0,38 м). Внутри последнего высечен круг диаметром 0,32 м [Valeva, 2005, p. 25 ff.]. Все эти углубления имели роспись. Ю. Вылева видит близкую аналогию кессонам гробницы в Оструше в оформлении свода склепа № 2 Большой Близницы [Вылева, 2007, с. 114; Valeva, 2005, p. 31], и это сопоставление, на наш взгляд, невозможно оспорить.

2. *Каменный склеп № 3 Большой Близницы*, по заключению А.Е. Люценко, был во всём подобен склепу № 1, т.е. явно был уступчатым [рис. 66; см.: Ростовцев, 1913-14, с. 13]. Он содержал погребение воина с богатым набором вооружения, включавшим бронзовый золочёный шлем с завершением в виде фригийского колпака (рис. 73, 3). Этот комплекс подробнее будет рассмотрен ниже (см. главу 2.11, № 1). Весьма вероятно, что он был сооружён в первой четверти III в. до н.э.

Для понимания развития боспорской погребальной архитектуры III–II вв. до н.э. очень важны склепы трёх *Тарасовских курганов*, в особенности Первого и Третьего. Эти курганы были раскопаны В.Г. Тизенгаузенем в 1883 г. в окрестностях Анапы [рис. 74; ОАК за 1882–1888 гг., с. XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 109 сл.; Виноградов, 2012а, с. 182]. К сожалению, все они были ограблены, и никаких материалов, позволяющих датировать их более или менее надёжно, у нас нет. Но имеются основания предполагать, что эти курганы были возведены в первой половине III в. до н.э. [Савостина, 1986, с. 87] или не ранее первой половины этого столетия [Ростовцев, 1913-14, с. 111].

3. *Первый Тарасовский курган* [рис. 75; Ростовцев, 1913-14, с. 109-110; Савостина, 1986, с. 97, № 23]. Обнаруженная здесь погребальная конструкция состояла из длинной открытой галереи (дромоса), примыкавшей ко входу в склеп. Вход был ограничен по боковым сторонам двумя антами и увенчан дорическим фронтоном. Длина дромоса – 4,90 м³⁴, ширина – 2,24 м. Затем следовала первая камера (вестибюль или преддверие) с плоским покрытием (1,39 × 1,01 м), откуда можно было попасть в главную камеру (3,55 × 2,08 м, высота – 2,99 м). Вход в неё тоже был оформлен антами с капителями. Эта камера была перекрыта шестью плитами, составляющими уступчатый свод. Нижний уступ имел острые очертания граней, все остальные

---

³⁴ Все размеры Тарасовских склепов сняты с их планов [см. также: Ростовцев, 1913-14, табл. XXXV-XXXVI].

были закруглены. М.И. Ростовцев по этому поводу заметил, что погребальная камера должна была иметь роспись, но археологи её, скорее всего, просто не заметили [Ростовцев, 1913-14, с. 110].

4. *Второй Тарасовский курган* [рис. 76; Ростовцев, 1913-14, с. 110, табл. XXXVI, 1-4; Савостина, 1986, с. 97, № 24]. Обнаруженный здесь склеп имел более простое устройство. Он состоял из погребальной камеры с уступчатым перекрытием ($2,90 \times 1,97$ м, высота – 2,13 м) и примыкающего к ней короткого дромоса ($1,53 \times 1,26$ м) с плоским перекрытием из каменных плит.

5. *Третий Тарасовский курган* [рис. 77; Ростовцев, 1913-14, с. 110, табл. XXXV, 1, XXXVI, 5-8; Савостина, 1986, с. 98, № 27]. Погребальная конструкция этого кургана демонстрирует ту же самую планировку, что и в склепе Первого кургана, но с определёнными отличиями. Этот склеп на всём своём протяжении имел одинаковую ширину (1,83 м), т.е. представлял собой своего рода коридор, разделённый двумя парами выступов на три части. Первой из этих частей был открытый дромос (длина – 3,39 м), затем шла небольшая комната ($0,88 \times 1,83$ м), далее – главная погребальная камера ($2,74 \times 1,83$ м, высота – 2,79 м). Входы в обе камеры были обрамлены антами с базами и капителями; над антами входа в первую располагался дорический фронтон. Обе камеры имели уступчатое перекрытие, в первой оно состояло из трёх рядов, во второй – из четырёх. В последней были срезаны не только острые грани, но косо срезаны все выступающие внутрь поверхности плит.

6. Очень большое научное значение имеет склеп, открытый В.Г. Тизенгаузенем в *Султан-Кургане* (его также называют *Султан-Горой*) около станицы Гостогоаевской под Анапой в 1883 г. [ОАК за 1882-1888 гг., с. XXVIII-XXIX; Ростовцев, 1913-14, с. 111; Савостина, 1986, с. 97-98, № 26; Виноградов, 2012а, с. 182-183]. Курган был весьма крупным; его высота достигала 10,65 м, а длина окружности насыпи – 213 м. Каменная гробница была построена «над материком», т.е. на слое курганной насыпи. Несмотря на скудность оставленной исследователем полевой документации (у нас нет даже плана раскопа!), можно констатировать, что склеп состоял из трёх частей – дромоса и двух камер. Вход в дромос (ширина – 1,02 м) был закрыт каменной плитой; его размеры составляют $3,38 \times 2,04$ м, высота – 3,38. Е.А. Савостина считает, что дромос был «перекрыт архитравной плитой» [Савостина, 1986, с. 98], что не просто для понимания и, вероятно, неверно. На самом деле, всё гораздо любопытней – В.Г. Тизенгаузен описал дромос как помещение «с тремя карнизами, нависающими один над другим». Каменные плиты перекрытия были уложены на них сверху. На наш взгляд, вполне очевидно, что эти «карнизы» являются обычными уступами, но имеющими не остроугольные, а закруглённые очертания. Подобное срезание углов уступов можно видеть в Тарасовских курганах (см. № 3 и 5). Общая конструкция дромоса при этом имеет сходство со входом в склеп № 2 Большой Близницы (см. № 1), где плиты перекрытия были уложены на три нависающих друг над другом выступа.

Пол дромоса был земляным. Автор раскопок отметил, что в нём были обнаружены лошадиные кости. Здесь же было найдено поломанное бронзовое кольцо, которое

он отнёс к уздечному набору. На этом основании можно считать, что в дромосе Султан-Кургана были совершены захоронения коней.

Вход в первую камеру имел ширину 1,02 м. Размеры её были очень небольшие (1,60 × 1,78 м, высота стен – 1,02 м, высота до верхней плиты перекрытия – 2,18 м). Перекрытие было уступчатым («египетским», как его назвал В.Г. Тизенгаузен). Эта камера была оштукатурена и имела каменный пол.

Вход во вторую камеру имел ширину 1,06 м. Её размеры составляют 2,80 × 1,82 м, высота была одинакова с первой, т.е. составляла 2,18 м. Автор раскопок отметил, что всего здесь было 9 рядов каменной кладки, из которых 4 приходилось на стены, а 5 – на свод. Эта камера была тоже оштукатурена, имела уступчатый свод и каменный пол. Относительно её внутреннего устройства В.Г. Тизенгаузен отметил, что в стенах имелись две маленькие ниши – над входом, а также в стене, находящейся напротив него³⁵. Он предположил, что в эти ниши «вставлена была перекладина, может быть, для устройства балдахина или навеса над саркофагом, от которого уцелели только небольшие остатки перегнившего дерева». В стены второй камеры были вбиты железные гвозди, на которых, как предположил автор раскопок, «была развешена одежда или сосуды». Из керамических находок он, однако, отметил только «два черепка от горла расписной вазы и три обломка другого глиняного, чрезвычайно тонкого сосуда». Это описание не даёт надёжных оснований для более или менее чёткой хронологической атрибуции склепа Султан-Кургана. Его обычно датируют в пределах IV–III вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 26], поздняя дата, на наш взгляд, предпочтительней.

Сходство этого склепа с гробницами Тарасовских курганов вполне очевидно. В данном случае, правда, не следует забывать о кургане Карагодеуашх, хотя тот расположен довольно далеко от греческих городов Боспора [Артамонов, 1966, с. 74–77; Анфимов, 2011², с. 137–142]. Он тоже был построен на слое насыпи и тоже состоял из нескольких частей – дромоса и трёх камер [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 7, табл. I]. Любопытно при этом, что части колесницы и кости двух или трёх лошадей находились в первой из них.

7. *Фанагорийский склеп 1962 г.*, вероятно, был возведён на рубеже II и I вв. до н.э. [Сокольский, 1972]. Эта сравнительно небольшая гробница представляет собою подобие каменного ящика, впущенного в материк (внутренние размеры – 2,00 × 1,05–1,12 м, высота – 0,95 м). Однако её перекрытие было сделано уступчатым, хотя и состояло всего из одного нависающего ряда плит. Любопытно при этом, что угол этого уступа был косо срезан. Обычного каменного дромоса гробница не имела, вход в неё (ширина – 0,43 м) находился с восточной стороны, перед ним, по всей

---

³⁵ Автор раскопок назвал эту стену западной, хотя выше писал, что вход в склеп вёл на восток, а это означает, что стена, находящаяся напротив входа, должна быть восточной. В этом несоответствии описаний надо видеть ещё одно проявление неоднократно отмечавшейся небрежности В.Г. Тизенгаузена к проведению раскопок и составлению археологической документации.

видимости, был сделан спуск. В противоположной входу западной стене имелась ниша. Вдоль одной из длинных стен находилась лежанка, сложенная из каменных плит. Н.И. Сокольский интерпретировал этот склеп как семейный. Гробница была ограблена, но обнаруженные в ней костные остатки позволяют считать, что здесь было совершено не менее пяти погребений [Там же, с. 116].

Автор раскопок обратил особое внимание на косой срез выступа перекрытия, отметив, что это выдаёт стремление строителей склепа округлить свод, придать ему сходство с «циркульными» [Сокольский, 1972, с. 121]. Он, правда, не обратил никакого внимания на то, что подобные «срезы» можно видеть в склепах Первого и Третьего из Тарасовских курганов, а также в склепе «Пигмеев», расположенном в окрестностях Керчи.

8. *Склеп «Пигмеев»* был открыт Д.В. Карейшей в 1832 г. на продолжении горы Митридат [рис. 78; см.: Ростовцев, 1913-14, с. 137-149; Блаватский, 1964а, с. 121; Савостина, 1986, с. 97, № 25; Тункина, 2002, с. 180, 182, рис. 67; 2010б, с. 539-541]. Он состоял из двух частей: погребальной камеры (3,19 × 2,67 м, высота – 1,9 м) и преддверия (1,8 × 1,8 м, высота неизвестна). Камера имела уступчатое перекрытие из четырёх рядов на две стороны, при этом угол нижнего уступа был косо срезан. Склеп был расписан; орнаментальная композиция представляла битву пигмеев с журавлями. Этот памятник обычно датируют II-I вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 97, № 52]³⁶.

9. К тому же типу, вероятно, следует относить гробницу, исследованную *около Царского кургана* в 1955 г. [Цехмистренко, Кунин, 1959; Савостина, 1986, с. 98, № 31]. Она была заглублена в материк, дромос представлял собой короткий спуск, а погребальная камера была разделена на две части (её общие размеры – 7,46-7,48 × 2 м). В восточной стене гробницы была вырублена ниша – деталь не характерная для относительно ранних уступчатых склепов. Исследователи атрибутируют этот памятник в пределах IV-III вв. до н.э. [Цехмистренко, Кунин 1959, с. 255], но поздняя датировка представляется явно предпочтительней.

10. *Склеп кургана в пос. Аршинцево*, обнаруженный в 1950 г. [рис. 79; Чуистова, 1952], состоял из погребальной камеры (2,93 × 2 м) и ведущего к ней с юго-запада дромоса. В обеих стенах дромоса было сделано по нише. Оси камеры и дромоса при этом не совпадали, так что юго-восточная стена у них составляет одну линию. Такое размещение дромоса не было случайным, поскольку подобное отклонение оси дромоса от главной оси склепа представлено уже в Куль-Обе (рис. 40; см. главу 2.6, № 2). Перекрытие имело всего два уступа. Склеп был ограблен, но вполне очевидно, что в нём было совершено два погребения. Раннее можно датировать III в. до н.э. [Чуистова, 1952, с. 224].

³⁶ А.Л. Ермолин считает, что склеп «Пигмеев» относится к римской эпохе [Ермолин, 2007, с. 107], но он совсем не учитывает находок, которые были сделаны Д.В. Карейшей во время раскопок кургана, а они указывают на более раннее время [см.: Ростовцев, 1913-14, с. 143-144].

11. *Небольшой склеп 1876 г.* с уступчатым перекрытием, открытый А.Е. Люценко в Керченской крепости, который никогда не привлекал внимание учёных [Виноградов, 2012а, с. 121-122]. Он очень близок по устройству с № 10. Если судить по сохранившемуся чертежу, размеры погребальной камеры составляли $2,60 \times 2,35$ м, при высоте 2,15 м [Виноградов, 2012а, с. 131, рис. 53]. Перекрытие имело четыре уступа; дромос с таким же перекрытием вёл к камере с востока. Оси дромоса и камеры здесь не совпадали, их южная стена составляла единую линию. Склеп, скорее всего, был полностью ограблен, во всяком случае А.Е. Люценко не сказал ни единого слова о сделанных здесь находках. По этой причине хронологическая атрибуция этого памятника вызывает большие затруднения, но, учитывая удивительное сходство его планировки со склепом № 11, его вполне можно отнести к III в. до н.э.

12. *Двойной пантикапейский склеп 1956 г.* датирован III–II вв. до н.э. [Блаватский, 1960, с. 185-186]. Он состоит из двух симметрично расположенных частей (восточной и западной), впущенных в материк. Входы в них находятся с юга. Обе конструкции разделены на две части. За входом расположена первая камера, имеющая почти квадратную форму ($1,40 \times 1,35$ м в восточной части и $1,30 \times 1,35$ м в западной). Отсюда через особый проход можно было попасть в погребальные камеры (размеры восточной – $2,48 \times 1,57$ м, западной – $2,40 \times 1,58$ м). Полы в обоих случаях находились на 0,40 м ниже, чем в первой камере. Перекрытие состояло всего из двух уступов.

13. Чрезвычайно любопытный памятник такого типа был открыт недавно на Керченском полуострове, *около посёлка Героевка* [Ермолин, 2010, с. 67-68, рис. 6]. При его строительстве были использованы плиты какого-то другого, расписного склепа (храма?). Погребальная конструкция, имевшая уступчатое перекрытие, состояла из двух камер; к ней вёл открытый дромос. Вход в камеру был оформлен пилястрами, на которых сохранились остатки росписи. Первая часть склепа была небольшой по площади и весьма узкой ($0,71 \times 1,51$ м), погребальная камера была более просторной ($2,72 \times 1,87$ м, высота – 1,92 м). А.Л. Ермолин датировал этот склеп не ранее второй половины IV в. до н.э. [Ермолин, 2010, с. 68], но, скорее всего, он относится к III в. до н.э.

Чем же интересны уступчатые склепы III–II вв. до н.э.? Прежде всего, обратим внимание, что в количественном отношении они распределены почти в равной степени между двумя сторонами Боспора: 7 на азиатской и 6 на европейской. Однако в качественном отношении погребальные памятники Азиатского Боспора вновь имеют преимущество, что в первую очередь относится к Большой Близнице и Тарасовским курганам.

Не трудно заметить, что почти все перечисленные склепы имеют заметные отличия от аналогичных памятников IV в. до н.э. Лишь склепы Большой Близницы (№ 1 и 2 нашей нумерации) сохранили старые традиции – однокамерная гробница с ведущим к ней дромосом, но они являются самыми ранними в этой группе. Все остальные отошли от этих традиций в большей или меньшей степени. Наиболее отчётливо отличия выражены в двух погребальных сооружениях Тарасовских

курганов (№ 3 и 5). Эти склепы были разделены на две камеры, при этом входы в обе камеры имели богатый архитектурный декор, что, как уже было сказано, не было свойственно для боспорской погребальной архитектуры IV в. до н.э. М.И. Ростовцев сравнивал фасады склепов Тарасовских курганов с погребальными памятниками Македонии [Ростовцев, 1913-14, с. 110-111], и в этом он, как сейчас представляется, был вполне прав. Склеп Султан-Кургана (№ 6), по всей видимости, не имел архитектурного декора, как Тарасовские, но он, подобно им, был разделён на две камеры. То же самое видим и на примере других памятников (№ 9, 12, 13). Это членение, на наш взгляд, является принципиально важной особенностью уступчатых склепов рассматриваемого времени.

Вопрос о появлении этого новшества в оформлении погребальных памятников на Боспоре представляется чрезвычайно сложным. Сугубо гипотетически можно допустить, что все эти изменения объясняются развитием местной традиции, творчеством боспорских архитекторов. С другой стороны, представляется вполне очевидным, что боспорские мастера трудились не в безвоздушном пространстве и были прекрасно осведомлены обо всех новых явлениях, получивших распространение в Средиземноморье. В этом отношении рискнём высказать предположение, что обозначенные конструктивные особенности были связаны с широким распространением в античном мире так называемых «македонских» склепов. Важной их особенностью, как было сказано выше (см. главу 2.6), было деление погребальной камеры на две неравные по площади части. Эта планировочная схема, как представляется, нашла применение и в склепах с уступчатым перекрытием.

Не случайным представляется и то, что уступы перекрытия в очень показательных для этого времени склепах Тарасовских курганов (№ 3, 5), а также в Фанагорийском склепе (№ 7) и в склепе «Пигмеев» (№ 8) в большей или меньшей степени были срезаны, в чём тоже можно видеть отход от старой моды. Ещё раз отметим, что Н.И. Сокольский полагал, что косой срез угла перекрытия в фанагорийском склепе демонстрирует стремление строителей придать своду округлые очертания, уподобить его «циркульному» [Сокольский, 1972, с. 121]. В этом отношении он, как представляется, был в известной степени прав.

На наш взгляд, эти памятники, на которые современные исследователи почти не обращают внимания, дают в высшей степени показательный пример адаптации на Боспоре новых идей, пришедших, скорее всего, из Македонии, возможно, через Фракию. Как можно видеть, боспорские архитекторы знали об этих нововведениях, но совсем не стремились их слепо повторять. Меняя план погребальной камеры, разбивая ее на две части, они во многих случаях упорно старались сохранить старую, хорошо зарекомендовавшую себя традицию возведения уступчатых перекрытий. Уступчатый свод, как можно полагать, был важен для них не только как достаточно простой приём перекрытия погребальной конструкции, но и как очевидная ассоциация с впечатляющим символом лестницы, ведущей на небеса.

Должной научной оценки, конечно, заслуживает и тот факт, что некоторые склепы с уступчатым перекрытием имели роспись (Большая Близница, склеп «Пигмеев»), хотя по своей конструкции они как будто не очень этому соответствуют.

Ещё одна, на сей раз не очень заметная деталь, связывающая оба типа склепов, заключается в появлении ниш. В погребальных комплексах IV в. до н.э. они ни разу не отмечены, но имеются как в «македонских», так и в уступчатых склепах III в. до н.э. (№ 7, 10, вероятно, № 6).

В.Д. Блаватский считал, что открытый им двойной склеп (№ 12) заполняет лакуну между уступчатыми гробницами Юз-Обы и склепом «Пигмеев» [Блаватский, 1960, с. 186]. Это утверждение выдающегося исследователя боспорских древностей не во всём справедливо, и по этой причине оно нуждается в кратком комментарии. Прежде всего, в нём выражено устойчивое представление о том, что уступчатые склепы являются доминирующим типом погребальных сооружений в некрополе Юз-Оба, что на самом деле не так [Виноградов, Зинько, Сmealова, 2012, с. 132]. Далее исследователь напрочь забыл о погребальных памятниках Азиатского Боспора (склепы Большой Близницы и Тарасовских курганов). Учитывая эти памятники, можно сказать, что два уступчатых склепа Большой Близницы (№ 1 и 2 нашей нумерации), скорее всего, являются более поздними по сравнению с юз-обинскими. Ещё позднее были возведены Тарасовские курганы (№ 3-5) и Султан-Курган (№ 6). На протяжении III в. до н.э. была возведена ещё целая группа склепов (№ 10-11, 13). Только после всей этой серии гробниц можно поставить пантикапейский склеп 1956 г. (№ 12), затем следует размещать склеп «Пигмеев» (№ 8) и самым последним – фанагорийскую гробницу (№ 7).

В заключение следует ещё раз обратить внимание на то важное обстоятельство, что склепы с уступчатым сводом, относящиеся к III–II вв. до н.э., распределены почти в равной пропорции на обеих сторонах пролива – 7 памятников на Азиатском Боспоре и 6 на Европейском. Правда, погребальные памятники Таманского полуострова, как правило, являются более монументальными и более пышно отделанными (Большая Близница, Тарасовские склепы, Султан-Курган). На Европейском Боспоре лишь склеп «Пигмеев» в определённой степени к ним приближается, все остальные являются очень скромными. В общем, даже несмотря на равное количественное соотношение, можно признать, что боспорские уступчатые склепы с III в. до н.э., как и склепы «македонского» типа (см. главу 2.8), демонстрируют «культурное преобладание» элиты Азиатского Боспора. Именно она в это время олицетворяла культурное развитие всего государства.

В отношении курганов, сосредоточенных в окрестностях Анапы, необходимо сказать особо. Традиция их возведения, как представляется, возникла именно в это время. При этом М.И. Ростовцев обратил внимание, что они почти все относятся к III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 297]. Причины такого явления найти не просто, во всяком случае их вряд ли следует объяснять особым ростом материального благосостояния жителей Горгиппии, общим благополучием жизни в городе и его округе.

Напротив, история Горгиипии в III–II вв. до н.э., какой она представляется в результате археологического изучения, была весьма драматичной [Алексеева, 1997, с. 44–47]. Анапские курганы, тем не менее, позволяют считать, что роль элиты Горгиипии в системе Боспорского царства в это время заметно усилилась. Стоит обратить внимание, что в окрестностях города представлены все известные на Боспоре типы монументальных погребальных сооружений: уступчатые склепы (Тарасовские курганы, Султан-Курган) и склепы «македонского» типа (Анапский и Благовещенский курганы). Добавим, что недалеко от Анапы был расположен один из самых показательных памятников этого времени с варварскими чертами – Мерджаны, о котором будет сказано ниже (см. главу 2.11, № 7).

2.10. Другие элитные погребальные памятники III–II вв. до н.э.

Под категорию «другие» в данном случае отнесены погребения, совершённые не в монументальных склепах, а в каменных гробницах, имеющих плоское перекрытие из каменных плит.

1. В их ряду первое место занимает *курган на Лысой горе под Таманью*, разрытый грабителями в 1916 г. и затем исследованный В.В. Шкорпиллом [см.: Гладкий, 1916; Соколов, 1919; Ростовцев, 1925, с. 289-290; Гайдукевич, 1949, с. 284; Виноградов, 2010г; Тункина, 2010а, с. 75]. В этом кургане был открыт большой каменный склеп (4,22 × 2,30 м), перекрытый каменными плитами, внутри которого находился мраморный саркофаг, отличающийся крупными размерами и тонкостью отделки [см.: Гриневиц, 1928; Пятышева, 1949; Соколов, 1973, с. 72-73; Журавлёв, 2010, с. 301-302, рис. 9]. Есть все основания трактовать этот склеп как усыпальницу знатной греческой семьи Гермонассы, использовавшуюся в конце IV – первой половине III вв. до н.э. [Виноградов, 2010г, с. 117-118]. По поводу гробницы, открытой на Лысой горе, ещё раз приходится отметить, что она является самым крупным сооружением такого типа из открытых на Боспоре, а происходящий из неё мраморный саркофаг вообще уникален для этого района. Этот пример, как представляется, вновь демонстрирует, по крайней мере, большее богатство элиты Азиатского Боспора и, вероятно, её особое значение в системе Боспорского государства.

2. *Анапская гробница 1881 г.* [см.: ОАК за 1881 г., с. VI сл.; ОАК за 1882-1888 гг., с. 31 сл., табл. I; Ростовцев, 1925, с. 297-298]. Грунтовая могила, обложенная каменными плитами и перекрытая такими же плитами, была обнаружена в поле одного из курганов, лежавших к востоку от города. В этой гробнице среди золы, древесного угля и обгоревших человеческих костей был найден весьма богатый набор погребального инвентаря: золотая стленида в виде волнистых, расчёсанных на две стороны волос [ОАК за 1882-1888 гг., с. 31-32, табл. I, I], золотой веночек (рис. 80, 3), часть золотой орнаментированной ленты (рис. 80, 2), золотой браслет (рис. 80, 4), золотые височные подвески с изображением nereidy (рис. 80, 5), золотые бляшки с изображением восьми-

лучевых звёзд (рис. 80, 1)³⁷, серебряная фляга с круглым дном (рис. 80, 7), серебряный алабастр, ручка бронзового сосуда, украшенная бараньей головой на конце (рис. 80, 8) и пр. Наличие стленгиды и характерных височных подвесок роднит этот комплекс с гораздо более роскошным набором украшений из погребения жрицы в склепе № 1 Большой Близницы. На наш взгляд, есть основания полагать, что анапская гробница тоже принадлежала жрице (см. также главу 5.5).

Хронологическая атрибуция этой кремации весьма затруднена. М.И. Ростовцев считал её относительно поздней, отмечая, что скань на золотых предметах заменена проволокой с насечкой. Золотые бляшки со звёздами он датировал II в. до н.э., а бронзовую ручку относил к сосудам, имевшим широчайшее распространение в позднеэллинистическое и римское время [Ростовцев, 1925, с. 298]. М. Пфроммер, однако, датировал этот комплекс не ранее третьей четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 260-261, FK 116], и он имел для этого основания. Бронзовые сосуды в форме ковша с ручкой, украшенной желобками и заканчивающейся бараньей головкой, обычно ассоциируются с довольно поздним пластом древностей. Принято считать, что они изготавливались по позднеалександрийским образцам в мастерских Италии начиная с середины I в. до н.э., а в I в. н.э. появились на территориях севернее Дуная и в Северном Причерноморье [см.: Смишко, 1957, с. 240; Eggers, 1951, S. 174, Taf. 13, 154-155; Filip, 1952, p. 149, obr. 83, 5, p. 151-152; Maksimenko, 1986, p. 82, pl. 74]. На самом деле такая форма имеет более древнюю историю – подобный сосуд происходит из «Гробницы Филиппа» в Вергине, а также из других близких ей по времени гробниц Македонии [Andronikos, 1984, p. 157, fig. 123].

3. Очень важный памятник, относящийся к категории элитных, был открыт в 1886 г. на мысе Тузла – это *гробница № 57 Пятого кургана* [рис. 81; ОАК за 1882–88 гг., с. LXXXV-LXXXVI, СIII-CIV; Кашаев, 2013б, с. 395–398, рис. 17–19]³⁸. Он долгое время не привлекал внимание исследователей и по этой причине заслуживает более подробного рассмотрения.

Гробница, сложенная из каменных плит и перекрытая такими же плитами, была открыта в поле Пятого кургана. Её внутренние размеры составляли: длина – 1,96 м, ширина – 0,89 м, глубина – 0,71 м. В гробнице был обнаружен мужской костяк. На черепе погребённого находился золотой лавровый венок (рис. 81, 4) и золотая индикация (рис. 81, 1), по бокам черепа стояли две чернолаковые вазы [см.: Кашаев, 2013б, с. 398, рис. 18]. Возле правой руки – большое чернолаковое блюдо [Кашаев, 2013б, с. 398, рис. 19, 2] и серебряная чаша, украшенная бордюром из шариков (рис. 81, 3); возле левой руки – серебряный киаф (рис. 81, 5), серебряное ситечко (рис. 81, 2), железный стригиль, кусок губки и кусок кожи «с порошком красной краски».

³⁷ О золотых бляшках круглой формы с оттиснутой на них звездой и их связи с властной символикой царей Македонии см. главу 2.7.

³⁸ По нумерации С.В. Кашаева, это гробница № 41 [см.: Кашаев, 2013б, с. 395–398, рис. 17–19].

С.В. Кашаев, опираясь на керамические находки, датировал это погребение второй половиной – концом III в. до н.э. [Кашаев, 2013б, с. 396]. Такая датировка, в общем, допустима, но с ней не очень хорошо соотносятся другие найденные в этой гробнице предметы.

Золотая индикация (рис. 81, 1) является оттиском с реверса монеты Родоса [ср.: Зограф, 1951, табл. XVII, 5, 6; Hoover, 2010, р. 330-341, no. 1409, 1416, 1422, 1432, 1441, 1465, 1466]³⁹. На ней хорошо читается изображение цветка граната или розы, хорошо известное также по родосским амфорным клеймам. Золотой венок (рис. 81, 4) является важным элементом боспорских аристократических погребений [Трейстер, 2014]. Судя по рисунку, он сделан достаточно аккуратно. Листы включены в трубку основы венка, по этой причине веночек достаточно реалистично имитирует лавровую ветвь, что характерно для традиции классического и раннеэллинистического времени [ср.: Hoffman, Davidson, 1966, р. 258-259]. В позднем эллинизме золотые листы стали попросту навязывать на основу, что, в частности, можно видеть на венках из Артюховского кургана [Максимова, 1979, с. 41–44]. Серебряный киаф (рис. 1, 5), с помощью которого вино разливалось по чашам, относится к типу, характерному для позднего эллинизма с его более глубоким черпаком [Strong, 1966, р. 92, fig. 21; Максимова, 1979, с. 80-81, кат. 4-5]. С винной сферой явно связано и серебряное ситечко (рис. 81, 2), но среди реалий боспорской археологии оно как будто не имеет аналогий.

Серебряная круглодонная чаша (рис. 81, 3) очень типична для времени позднего эллинизма. Д.Е. Стронг относил этот тип ко времени после 200 г. до н.э. [Strong, 1966, р. 107–109, fig. 24]. Он выделил здесь две главные формы – глубокую полусферическую чашу и глубокую коническую чашу, предложив для обеих название *мастос*, что, в принципе, допустимо. Все эти сосуды обычно лишены орнаментации с наружной стороны, внутри же они часто украшены фризом из рельефного жемчужника под краем и порой имеют богатый растительный декор на дне. Такие богато орнаментированные чаши, знаменующие первый шаг на пути к эллинистическому койне, датируют III в. до н.э. [von Bothmer, 1984, р. 54; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 28]. Тузлинская чаша скорее принадлежит этому койне, хотя и не в полной мере. Она украшена жемчужником не только с внутренней, но и с наружной стороны. На Боспоре подобные сосуды известны в погребальных комплексах, которые никак нельзя датировать раньше II в. до н.э.: Артюховский курган [Максимова, 1979, с. 80-81; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29, Кат. Nr. 7.2-3], Буерова Могила [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29, Кат. Nr. A26.1], Ахтанизовский клад [Спицын, 1909, с. 22, № 17; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 29-30, Кат. Nr. B1.1; Власова, 2009, с. 67-68, табл. 1, 2].

³⁹ На реверсе родосских монет цветок розы в кольце из точек мог чеканиться в начале III в. до н.э. и позднее – в начале II в. до н.э. [Hoover, 2010, р. 336, no. 1441] и даже в середине этого столетия [Hoover, 2010, р. 341, no. 1466].

Помимо перечисленных предметов, в отчёте о раскопках упомянут железный нож и кусок кожи «с порошком красной краски». В общем, инвентарь погребения вполне соответствует его атрибуции как мужского. «Женские» вещи (к примеру, зеркало, бусы, серьги и пр.) здесь отсутствуют. Столь же очевидно, что весь набор погребального инвентаря вполне можно признать греческим, в его составе нет находок, которые можно было бы уверенно связать с миром варварских племён. В этом контексте, правда, несколько странно выглядит кусок кожи (очевидно, кожаный мешочек) с красным порошком. В богатых мужских погребениях Боспора ничего подобного засвидетельствовано не было.

Эта деталь, возможно, связывает этот комплекс с миром восточных варваров. В погребениях савроматов и ранних сарматов (прохоровская культура) часто встречаются кусочки угля, мела, реальгара, охры и т.п. [Смирнов, 1964, с. 94–96; Мошкова, 1963, с. 23]. Считается, что в идеологических представлениях этих древних народов важное место занимали такие взаимосвязанные понятия, как «солнце – свет – огонь» [Смирнов, 1989, с. 165]. Эти представления сарматы (сираки) принесли с собой во время их расселения в Прикубанье [Марченко, 1996, с. 98, 111–112]. Сарматские влияния прослеживаются на материалах некоторых элитных погребальных памятников Боспора эпохи эллинизма (Ак-Бурун, Зеленской курган, Буерова Могила и др.).

Что касается датировки гробницы № 57, то она, как представляется, может заходить в первую половину II в. до н.э., но не очень далеко. Почти нет сомнений, что впускное погребение в Пятом кургане Тулинского некрополя было совершено раньше главных комплексов Артюховского кургана.

4. В Восточном Крыму наиболее замечательные памятники этого времени представлены *в некрополе у Карантинного шоссе* под Керчью. Этот некрополь исследовался А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей в 1834–1835 гг., и документация по нему весьма скудна и несовершенна [см.: Тункина, 2010б, с. 548 сл., 576 сл.]. Тем не менее, есть все основания считать, что здесь была открыта любопытнейшая группа погребений III в. до н.э., из которых происходит целая серия весьма показательных для своего времени серебряных сосудов. Впервые эта серия была оценена таким образом М.И. Максимовой в её труде, посвящённом Артюховскому кургану. Исследовательница отнесла эти погребения к первой половине или первой трети III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 72]. Тем самым она выделила серию сосудов, происходящих из гробниц Карантинного шоссе, отличая их от более ранней серебряной посуды, найденной в Зеленском кургане, с одной стороны, и более поздней, обнаруженной в Артюховском кургане, с другой. По представлению М.И. Максимовой, набор сосудов Карантинного шоссе занимает как бы срединную позицию между двумя обозначенными комплексами. Эта точка зрения, нашедшая поддержку в отечественной науке, была оспорена М.Ю. Трейстером. По его мнению, о «комплексе погребений Карантинного шоссе» вообще не стоит говорить, поскольку в него включены различные погребения, материалы из которых по существу не изучены [Трейстер, 2010, с. 596]. С последним заключением уважаемого исследователя невозможно не согласиться, поскольку

насушная необходимость полноценного введения в научный оборот материалов всех гробниц, открытых во время строительства Карантинного шоссе, ощущается всё острее и острее. Несмотря на это, пусть в значительной степени умозрительно, представляется возможным считать, что среди этих гробниц имеются погребения боспорской элиты второй половины III в. до н.э., при этом элиты не самого высокого ранга, но игравшей существенную роль в истории Боспорского государства.

Очень важный памятник некрополя был исследован Д.В. Карейшей в октябре 1834 г. Он вошёл в научную литературу под названием «*курган Аморетти*»⁴⁰. Здесь были открыты три плитовые гробницы, одна из которых была разграблена рабочими, а другие раскопаны археологами; они содержали весьма богатый погребальный инвентарь. В первой гробнице были найдены золотой лавровый венок, золотая бляшка круглой формы, железный стригиль, большая каннелированная пелика и пр. [Тункина, 2010б, с. 548–550]. Вторая гробница содержала гораздо большее число предметов: золотой лавровый венок, золотое ожерелье, две золотые булавки, драгоценные кольца, золотая монета Филиппа Македонского и пр. [Тункина, 2010б, с. 550–554]. Несмотря на значительный хронологический разрыв вещей, приписываемых к этому комплексу, М.Ю. Трейстер склонен датировать его последней четвертью III в. до н.э. [Трейстер, 2010, с. 591].

Среди погребальных памятников некрополя особенно показательно *погребение, открытое А.Б. Аишком в ноябре 1834 г.* [см.: Тункина, 2010б, с. 576–580]. В гробнице, сложенной из каменных плит (рис. 81), находились две урны с трупосожжениями, железный шлем с серебряными украшениями [о нём см.: Алексинский, 2008; 2013, с. 61–63], бронзовый щит, железный меч типа махайра и пр., в специальном углублении в полу был положен набор серебряной посуды. Данный памятник был интерпретирован как погребение наёмника, вероятно, предводителя отряда наёмников⁴¹, который, по всей видимости, некоторое время находился на службе в Северной Греции, а затем попал на Боспор, где и умер приблизительно в середине III в. до н.э. [Виноградов, 1997, с. 75; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 116]. М. Пфроммер датировал этот комплекс второй четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 277, FK 139]. М.Ю. Трейстер, критически пересмотревший всю имеющуюся информацию о погребении воина, предложил датировать его началом третьей четверти III в. до н.э. [Трейстер, 2010, с. 600]. Различие трёх предложенных атрибуций, на наш взгляд, столь не существенно, что дискуссию по этому вопросу вряд ли стоит продолжать.

В заключение этого раздела следует обратить внимание, что охарактеризованные в нём памятники продолжают линию развития греческой погребальной тради-

⁴⁰ И.А. Аморетти – подрядчик работ по сооружению Карантинного шоссе.

⁴¹ Из рассказа Диодора Сицилийского об усобице сыновей Перисада I в 310/9 г. до н.э. известно, что на стороне Сатира сражался отряд наёмников, состоявший из греков и фракийцев (*Diod. XX. 22*), при этом известно даже имя начальника этих наёмников – Мениск (*Diod. XX. 23*).

ции на Боспоре. Анапская гробница 1881 г. (№ 2), как представляется, принадлежала жрице, а в гробнице 1834 г. у Карантинного шоссе (№ 4), вероятно, был погребён предводитель наёмников. Вместе с тем, к III–II вв. до н.э. относятся несколько курганов, в которых в большей или меньшей степени проявляются особенности, связывающие их с миром причерноморских варваров. Все они будут рассмотрены ниже.

2.11. Курганы варварской аристократии на Боспоре III–II вв. до н.э.

На европейской стороне Боспора о памятниках, которые можно было бы отнести к этой группе, не известно. Как уже было сказано, наиболее поздним курганом подобного рода здесь является тот, который был раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. (см. главу 2.7). Почему в начале III в. до н.э. оборвалась традиция совершения погребений варварской аристократии на Европейском Боспоре, сейчас однозначно ответить вряд ли возможно, но это обстоятельство представляется в высшей степени показательным. На азиатской же стороне такие погребальные памятники известны – это некоторые гробницы Большой Близницы, Зеленского кургана, Васюринской горы, а также Буерова могила и Мерджаны.

В кургане *Большая Близница*, кроме захоронений жриц (склеп № 1, каменные гробницы № 4 и 5), которые следует относить к последним десятилетиям IV в. до н.э. (см. главу 2.6), и расписной гробницы (склеп № 2), которую можно датировать началом III в. до н.э. (см. главу 2.9), был обнаружен ещё один склеп (№ 3). Этому памятнику на страницах научных изданий не уделяется большого внимания, но он очень показателен.

1. *Склеп № 3 Большой Близницы* был исследован в 1865 г. [рис. 67; ОАК за 1865 г., с. IV-V; ОАК за 1866 г., с. 5 сл., 67 сл.; Ростовцев, 1913-14, с. 13; Власова, 2010, с. 224–226]. Он был расположен в насыпи кургана, А.Е. Люценко признал его во всём подобным склепу № 1, т.е. уступчатым с небольшим дромосом. В гробнице находился фрагментированный деревянный саркофаг, внутри которого лежал остов мужчины. Рядом с ним были положены 7 длинных копий, большой меч и кинжал. В восточной части гробницы были найдены обломки панциря и поножей со следами позолоты, хорошо известный бронзовый позолоченный шлем в виде фригийского колпака (рис. 73, 3) и золотой оливковый веночек. Одежда погребённого была расшита золотыми бляшками с оттиснутыми на них изображениями крылатых женских существ, голов Медузы, Афины и сатиров. В гробнице были найдены деревянная трость и значительное количество бронзовых наконечников от стрел (рис. 73, 1). Из керамических находок отмечены обломки чернолаковой желобчатой вазы, украшенной золочёной гирляндой вокруг горла. В принципе, такие вазы являются достаточно типичной находкой в элитных погребениях Боспора второй половины IV в. до н.э., но там они обычно встречаются вместе с аттическими краснофигурными сосудами. Отсутствие последних в склепе № 3 позволяет считать, что этот погребальный памятник может относиться к началу III в. до н.э., когда краснофигурная посуда пере-

стала выпускаться и вышла из употребления боспорян. М. Пфроммер датировал его первой четвертью III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 272-273, FK 131]⁴².

В отношении склепа № 3 уже давно было высказано суждение, что погребённый здесь воин принадлежал к одному с жрицами семейству [ОАК за 1866, с. 6]. В правомочности такого вывода вряд ли следует сомневаться. Совсем не исключено, что в выборе места для возведения погребального памятника жреческой семьи необходимо было пользоваться определёнными правилами. Возможно, что удалённость от городов, выдвинутость в глубь сельскохозяйственной территории играли здесь не последнюю роль.

2. *Зеленской курган* занимает видное место среди погребальных памятников с варварскими чертами обряда этого времени. Выше было сказано, что в 1866 г. грабителями здесь, возможно, был открыт склеп с уступчатым перекрытием (см. главу 2.3), а в 1910 г. – место тризны или «жжёная гробница», из которой происходят золотой статер Александра Македонского [Зограф, 1945, с. 93–96] и золотой погребальный венки (сохранилась лишь одна дубовая ветвь) [см.: Уильямс, Огден, 1995, с. 179, кат. 113; Власова, 2010, с. 245, рис. 114; Pfrommer, 1990, S. 286, FK 161].

Во время раскопок В.В. Шкорпила 1912 г. Зеленской курган имел не самые большие размеры (высота – 4,45 м, диаметр – 53 м), но нет сомнения, что первоначально его насыпь была выше. Этот памятник известен, прежде всего, благодаря обнаруженному здесь в земляном склепе набору серебряных сосудов [см.: Гайдукевич, 1949, с. 132, 134-135, рис. 21-22; Максимова, 1979, с. 74-75, рис. 23, А]. Вообще же Зеленской курган, как показали раскопки, представлял собой довольно сложный комплекс [ОАК за 1912, с. 48-49; Шкорпил, 1916, с. 22 сл.; Ростовцев, 1925, с. 290 сл.; Уильямс, Огден, 1995, с. 178 сл.; Власова, 2010, с. 245–247].

Раскопками 1912 г. в насыпи была открыта *каменная гробница* (2,18 × 0,55 м, глубина – 0,58 м), перекрытая плитами (рис. 82), в которой был погребён воин с золотым венком на голове, многочисленным набором вооружения, большим числом украшений и характерным поясным крючком, сделанным из железа и обтянутым золотым листом. Этот предмет очень близок поясному крючку из кургана Ак-Бурун 1875 г. (рис. 52, 5; см. главу 2.7). С ак-бурунским комплексом это погребение связывают также обнаруженные здесь шаровидные и пр. подвески в золотой оправе и, вероятно, 2 кружочка из серебра с оттиснутыми на них шестиконечными звёздами. В гробнице находилась и чернолаковая каннелированная пелика, украшенная позолоченной гирляндой на горле [Шкорпил, 1916, с. 24-27]. В.И. Бидзиля и С.В. Полин датируют это погребение ранее 300 г. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584], а М. Пфроммер относит его к первой четверти III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 286, FK 162], и он, как представляется, ближе к истине.

Около юго-западного угла каменной гробницы был обнаружен *косяк лошади*,

⁴² В.И. Бидзиля и С.В. Полин относят склеп № 3 к концу второй – третьей четверти IV в. до н.э. [2012, с. 562], но основания для столь ранней датировки, в общем, не вполне понятны.

среди украшений узды которой были два серебряных кружочка, украшенные рельефными шестилучевыми звёздами, и серебряный налобник с лебединой головкой на верхнем конце [рис. 56, 2; Симоненко, 1982, с. 238, рис. 1, 8, с. 240, № 7; 2010, с. 189–191, рис. 159, 24; 2012, с. 74–75, № 7, с. 84, рис. 1, 11; Полин, 1992, с. 58–60, 189, рис. 12, 7], подобные которому вслед за А.В. Симоненко обычно определяют как позднескифские [Симоненко, 1982; 2012; Канторович, 2007]⁴³. Два схожих налобника, сделанные из железа и плакированные золотом, как было сказано выше, происходят из конской могилы Большого Васюринского кургана (рис. 56, 1; см. главу 2.8, № 1). Ещё раз повторим, что распространение этой детали конской узды в степях Северного Причерноморья мы склонны связывать с культурной трансформацией, происшедшей в регионе в результате крушения Великой Скифии.

К востоку от гробницы воина находился *каменный ящик* (0,59 × 0,57 м, глубина – 1,78 м), частично впущенный в материк. Костей усопших или урны с прахом в нём не было. В ящике было найдено 342 железных наконечника стрел, 93 гладких золотых бусинки, множество тонких и узких золотых пластинок. С восточной и южной сторон от него лежали *костики двух лошадей* [Шкорпил, 1916, с. 28].

К северо-западу от ящика находился *земляной склеп* (1,98 × 1,80 м, глубина, вероятно, – 1,32 м), перекрытый толстыми брёвнами. К нему вёл дромос (0,73 × 1,31 м, глубина – 1,32 м) с таким же перекрытием. В.В. Шкорпил отметил также, что к дромосу с юго-востока, т.е. с противоположной стороны от склепа, примыкала яма (4,01 × 1,98 м, глубина – 1,32 м), назначение которой остаётся непонятным. В гробнице находилась чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными венками. Она содержала золу с кремированными человеческими останками, а также некоторое число находок, в том числе часть золотого венка и золотой статер Александра Македонского [Зограф, 1945, с. 93–96]. Вдоль стен гробницы были поставлены различные металлические сосуды, в том числе и упомянутый выше набор серебряной посуды [Шкорпил, 1916, с. 28–32]. М. Пфроммер считает, что самой поздней датой этого погребения может быть начало III в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 286, FK 163], В.И. Бидзиля и С.В. Полин относят его к 320–310 гг. до н.э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584].

В северной части раскопа было обнаружено множество фрагментов простой и чернолаковой посуды, вероятно, *остатки тризны*. Среди них – части большой панафинейской амфоры [Шкорпил, 1916, с. 32].

Дата Зеленского кургана определяется благодаря находке панафинейской амфоры, которую атрибутируют в пределах 320/19 гг. до н.э., 317/16 гг. до н.э. или 316/15 гг. до н.э. [см.: Максимова, 1961, с. 17; Уильямс, Огден, 1995, с. 178; Bentz, 1998, S. 226], а также статеров Александра Македонского, отчеканенных

---

⁴³ С.В. Полин датировал этот предмет IV в. до н.э., относя его к продукции греческого производства [Полин, 1992, с. 60]. Тем самым он почти на целое столетие (III в. до н.э.) разорвал традицию развития наносников этого типа, начавшуюся, очевидно, в середине V в. до н.э. [Фіалко, 1996; Канторович, 2007].

в 30–20-х гг. IV в. до н.э. [Зограф, 1945, с. 95]. М.Ю. Трейстер в отношении набора серебряных сосудов из земляной гробницы отметил, что он имеет близкую параллель с сериями сосудов из богатых македонских гробниц последней четверти IV в. до н.э. [Трейстер, 2002, с. 182]. И.В. Тункина даже предложила датировать этим временем весь Зеленской курган [Тункина, 2010а, с. 75; ср.: Бидзиля, Скорый, 2012, с. 580 сл.], что всё-таки не совсем верно, поскольку серебряные сосуды были обнаружены только в земляном склепе. Показательно при этом, что из кургана происходят и более поздние находки – материалы клеймёной амфорной тары, найденные в его насыпи, относятся к концу IV – началу III вв. до н.э. [Брашинский, 1984, с. 140; Монахов, 1999, с. 484]. Золотую фибулу-брошь, происходящую из каменной гробницы, М.Ю. Трейстер датировал первой четвертью III в. до н.э. [Treister, 2002, p. 29, 31]. Таким образом, наиболее важное для нас погребение воина Зеленского кургана следует датировать отнюдь не последней четвертью IV в., а первой четвертью III в. до н.э. [см.: Pfrommer, 1990, S. 286, FK 162].

Сложнее обстоит дело с датировкой *Васюринских курганов*, поскольку они были сильно ограблены. Тем не менее, Е.В. Власова, специально изучившая весь инвентарь комплексов Васюринской горы, достаточно обоснованно считает, что это место использовалось для неоднократных захоронений, по крайней мере, в III–II вв. до н.э. [Власова, 2004а, с. 172]. Относительно обнаруженных здесь склепов «македонского» типа говорилось выше (см. главу 2.8, № 1–2). В данном разделе мы ограничимся лишь кратким упоминанием этих комплексов.

3. *Склеп Большого кургана Васюринской горы* (см. главу 2.8, № 1), исследованный в 1868–69 гг. Эта гробница имела роспись; вдоль лестницы, ведущей к ней, были расположены погребения лошадей. Скорее всего, склеп был возведён в начале III в. до н.э.

4. *Склеп Среднего кургана Васюринской горы* (см. главу 2.8, № 2) исследовался в 1871 г. В нём была обнаружена аналогичная по устройству гробница, но без росписи. К ней тоже вела лестница, рядом с которой были открыты захоронения коней, а также остатки железной колесницы с бронзовыми украшениями. Мы склонны датировать этот склеп второй половиной III в. до н.э.

5. *Комплекс Второго Среднего кургана*, раскопанного на Васюринской горе в 1871–72 гг. В нём была обнаружена разорённая гробница с расположенной рядом с ней тризной, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов железной кольчуги [Ростовцев, 1913–14, с. 57, Власова, 2004, с. 171–172]. В западной части насыпи был найден большой раздавленный на части бронзовый котёл с четырьмя массивными ручками [Виноградов, 2012а, с. 100, 115, рис. 39]. Происходящие из этого кургана родосские амфорные клейма относятся к 180–150 гг. до н.э. [Власова, 2004, с. 171]. На основании этих находок можно предположить, что Второй Средний курган был насыпан позднее двух первых, вероятно, в первой половине II в. до н.э., но в учёном сообществе на него почти не обращают внимание.

В отношении находок предметов вооружения из этого кургана следует особо остановиться на фрагментах железной кольчуги [см.: Симоненко, 2010, с. 129, рис. 101]. А.В. Симоненко утверждает, что в отношении этой кольчуги «сформировалось очередное положение научного фольклора, совместившее несколько ошибок» [Симоненко, 2010, с. 129]. Действительно, в 1954 г. Н.И. Сокольский, опираясь на эту находку, отметил, что кольчуга появилась на Боспоре на границе IV–III вв. до н.э., однако не быстро нашла здесь широкое применение [Сокольский, 1954б, с. 11]. Е.В. Черненко, принимая эту датировку, заключил, что «мы имеем здесь дело с древнейшим доспехом подобного рода», заметив при этом, что, по имеющейся информации о раскопках, в склепе Большого кургана были найдены обломки панциря, тогда как в собрании Государственного Эрмитажа хранятся 8 обломков кольчуги [Черненко, 1968, с. 55, прим. 3]. А.М. Хазанов лишь расширил датировку васюринской кольчуги до IV–II вв. до н.э. [Хазанов, 1991, с. 60]. По существу, никто из этих авторов не разбирался, к какому погребальному комплексу Васюринской горы эти фрагменты принадлежат, и датировали их чересчур обобщённо. А.В. Симоненко тоже не внёс ясности в этот вопрос, при этом он уверен, что фрагменты кольчуги были найдены в Первом (Большом) Васюринском кургане, «в каком-то впускном сарматском комплексе» [Симоненко, 2008, с. 257; 2010, с. 129], что является уже не фольклорной, а обыкновенной ошибкой. К Первому кургану эта находка не имеет никакого отношения!

Вообще же с А.В. Симоненко можно согласиться в том, что кольчуги вошли в употребление у кельтов в III в. до н.э. [Симоненко, 2008, с. 256–257]. Появление такого защитного доспеха на Боспоре в первой половине II в. до н.э. представляется совсем не удивительным, если учитывать связи этого государства с кельтами, выразившиеся в присутствии кельтских наёмников [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 113 сл.].

6. *Бурова могила* расположена сравнительно недалеко от Большой и Малой Близниц, к востоку от них, на той же самой холмистой гряде, идущей в сторону Фанагории. В центре кургана была открыта большая каменная гробница, имевшая, по определению автора раскопок И.Е. Забелина, «призматический», т.е. уступчатый свод (см. также главу 2.4, № 24). К сожалению, этот склеп был ограблен, и археологи не придали значения его изучению [ОАК за 1870–1871, XXXI сл.; Виноградов, 2012а, с. 101]. Принадлежность гробницы к IV в. или к началу III в. до н.э. не вызывает сомнения.

Ещё одна, на сей раз неограбленная гробница была открыта несколько ранее в южной части кургана [ОАК за 1870–1871, с. IX сл.; Виноградов, 2012а, с. 100–101; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 26, Кат. Nr. 26; Власова, 2010, с. 253]⁴⁴. Человеческое захоронение находилось в склепе, сложенном из отёсанных известняковых плит. Здесь был обнаружен весьма богатый сопровождающий инвентарь – золотые вен-

---

⁴⁴ Раскопки Н.П. Кондакова, предпринятые на кургане в 1885 г., не дали никакого результата [ОАК за 1882–88 гг., с. LXXXII; Виноградов, 2012а, с. 184].

ки, золотая гривна (рис. 83, 4), большое количество серебряной и бронзовой посуды и т.п. Очень впечатляет набор оружия: 5 мечей (рис. 83, 1), 6 копий, масса железных наконечников стрел, обломки панциря из кованных железных пластин, такие же пластины от щита (?) и фрагментированный бронзовый шлем с нащёчками [Алексинский, 2013, с. 68]. Рядом со склепом было обнаружено конское захоронение с набором уздечных украшений из бронзовых блях, покрытых серебром и позолотой (рис. 83, 2-3). Эти бляхи, как видим, являются достаточно типичной принадлежностью богатых погребальных комплексов Боспора рассматриваемого времени.

Второй погребальный комплекс Буеровой могилы вслед за М.И. Ростовцевым обычно датируется III–II вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 550], хотя М.И. Максимова относил его к более позднему, митридатовскому времени [Максимова, 1979, с. 8-9, прим. 19]. Точная его датировка в настоящее время почти невозможна, так как богатейший инвентарь этого кургана, за исключением отдельных находок [Ростовцев, 1918б, табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова, 1969, с. 58, рис. 18), ещё не опубликован и по-настоящему никогда не изучался. Вероятнее всего, это погребение относится ко II в. до н.э. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, Kat. Nr. A26].

7. *Курган у д. Мерджаны* (см. также главу 5.5), расположенной недалеко от Анапы, был разрыт местными жителями при случайных обстоятельствах [Ростовцев, 1913, с. 133 сл.; Виноградов, 1998; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 37, 123, Kat. Nr. B23.1-5; Анфимов, 2011², с. 142]. Имеются сведения, что ими была открыта гробница, в которой находились два костяка – мужской и женский. Рядом с мужским был обнаружен короткий меч или кинжал, около которого лежала знаменитая золотая пластина с изображением сидящей на троне богини и приближающегося к ней всадника (рис. 84, 1). Помимо неё, из кургана происходят ещё одна небольшая золотая пластина от второго ритона (рис. 84, 2), золотой витой браслет (рис. 84, 4), золотые бляшки (рис. 84, 3), янтарная подвеска в золотой оправе (рис. 84, 5), золотая бусина (рис. 84, 6), обломки серебряных сосудов, два литых бронзовых шлема [рис. 84, 7; Алексинский, 2013, с. 68] и пр.

Весь этот комплекс находок обычно датируют концом IV – началом III вв. до н.э. [см.: Ростовцев, 1913, с. 138; 1925, с. 329; Артамонов, 1966, с. 77; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 222; Диатроптов, 2001, с. 87], однако они явно принадлежат более поздней эпохе. Крупный специалист в области эллинистической тореvтики М. Пфроммер считает, что хрестоматийно известная золотая пластина датируется приблизительно 200 г. до н.э. [Pfrommer, 1993, p. 20]. Другие обнаруженные здесь предметы тоже позволяют значительно омолодить приведённую дату и считать, что мерджанский комплекс относится ко II в. до н.э., возможно, ближе к середине столетия [Виноградов, 1998, с. 66; ср.: Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 37, 122].

8. *Султан-Курган под Анапой* (о нём см. главу 2.9, № 6). С варварскими погребальными памятниками его связывают захоронения коней в дромосе склепа.

Основной вывод, который можно сделать на основании анализа восьми названных памятников, не противоречит выводам, сделанным в предыдущих разделах

(см. главы 2.8–2.10), а лишь дополняют их. Кратко охарактеризованные археологические комплексы убеждают нас в том, что с III в. до н.э. погребения туземной знати или, правильнее сказать, погребения с варварскими чертами обряда и инвентаря совершались исключительно на азиатской стороне Боспора. Ещё раз следует повторить, что на Европейском Боспоре последний курган подобного рода был насыпан на мысе Ак-Бурун приблизительно на рубеже IV–III вв. до н.э. (см. главу 2.7), и этот археологический факт никак нельзя признать случайным⁴⁵. На наш взгляд, он является отражением принципиально важной закономерности историко-культурного развития Боспора, всю сложность которого мы ещё плохо понимаем. Тем не менее, следует с полным основанием признать, что с III в. до н.э. ведущая роль в плане греко-варварских взаимоотношений, разумеется, в той их части, которая проявляется на материалах курганных комплексов, переходит на азиатскую часть государства [Виноградов, 2005а, с. 294]. Элитные погребальные памятники Таманского полуострова и района Анапы, несмотря на ряд новых, неизвестных здесь ранее особенностей, которые можно связывать с миром сарматов, в целом продолжают синдо-меотскую погребальную традицию. Контакты с меото-сарматским миром, по всей видимости, имели в это время для Боспора первостепенное значение; былой опоре на Скифию тогда явно пришёл конец. Есть все основания предполагать, что на этом этапе аристократия меото-сарматских племён стала иметь на культуру боспорской элиты большее, чем раньше, влияние.

Резюмируя всё сказанное в предыдущих главах относительно склепов македонского типа (глава 2.8), склепов III–II вв. до н.э. с уступчатым перекрытием (глава 2.9), других элитных погребальных комплексов этого времени (глава 2.10), надо признать, что по всем этим категориям отчётливо проявляется преобладание Азиатского Боспора. По поводу уступчатых склепов это преобладание было не количественным, но качественным, во всех остальных случаях – и количественным, и качественным. Курганы с варварскими чертами обряда ещё более рельефно высвечивают эту закономерность. Приходится констатировать, что после падения Великой Скифии основные экономические, политические и культурные приоритеты Боспорского государства были сосредоточены в его азиатской части [Виноградов, 2015].

2.12. Боспорская элита во время кризиса второй половины II в. до н.э.

Приблизительно в середине II в. до н.э. Северное Причерноморье вступило в период серьёзного кризиса, вызванного очередной волной передвижения кочевников с востока на запад [Виноградов, 2007в]. Это передвижение, как представляется, можно назвать второй волной сарматских миграций [Vinogradov, 2003;

---

⁴⁵ Единственным исключением из этого правила, возможно, является погребение, из которого происходит серебряный конский налобник, относящийся к III–I вв. до н.э. [ДБК, с. 206, 6; атлас, табл. XXX, 6]. А.В. Симоненко приводит информацию, что он был обнаружен в конской гробнице кургана, расположенного под Керчью у дороги на Булганак [Симоненко, 1982, с. 240, № 6; 2012, с. 74, № 6]. В отношении достоверности этой информации, правда, высказаны сомнения [Полин, 1992, с. 57–58].

Виноградов, 2004в]. Тогда через Дон перешли племена роксоланов, языгов и, вероятно, ургов. Это передвижение привело к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, нарушению сложившихся ранее связей греческих государств с варварским миром. Боспорская элита после падения Великой Скифии, как было сказано выше, поддерживала тесные связи с меото-сарматскими племенами Прикубанья. Глобальные перемены в демографической и военно-политической ситуации в степях Северного Понта закономерно вели к серьёзным изменениям боспорской политики по отношению к варварским народам.

Однако следует обратить внимание, что дестабилизация обстановки в мире причерноморских варваров весьма болезненно отозвалась на Боспоре, и прежде всего на его экономической системе. Проявления экономического кризиса, в частности, можно наблюдать на монетной системе Боспорского царства. Д.Б. Шелов указывал, что монетное дело Боспора II в. до н.э. даёт все основания для заключения об экономическом упадке и постепенном политическом ослаблении государства, приведшем в конечном итоге к падению Спартокидов [Шелов, 1956б, с. 205]. По его заключению, во второй половине II в. до н.э. боспорская монетная система совершенно деградировала [Шелов, 1983, с. 46; 1985, с. 561].

Имеющиеся эпиграфические документы позволяют считать, что реальные основы власти Спартокидов на этом этапе особых изменений не претерпели, перемены коснулись лишь их внешних проявлений. Ранних Спартокидов в надписях называли просто по имени, поздних же преимущественно стали обозначать как царей. По обоснованному заключению А.П. Кулаковой, эта перемена свидетельствует не об изменении характера власти поздних Спартокидов, а о трансформации политической системы во всём античном мире, где царская власть стала обычным явлением [Кулакова, 2001, с. 191].

В высшей степени любопытно при этом, что, скорее всего, в самом начале обозначенного кризисного периода на Боспоре имели место какие-то политические перемены, связанные с деятельностью некоего Гигиенонта. Имя этого правителя встречается на немногочисленных монетах (золотых, серебряных и бронзовых) и на клеймах боспорских керамических черепиц. Чрезвычайно показательно, что на монетах Гигиенонт имеет титул архонта, а не царя, хотя последнее для Боспора уже давно стало обычным.

Вопросы о времени его правления и связи с династией Спартокидов вызывают большие споры среди специалистов [см.: Молев, 1994, с. 9-10; 2014]. М.И. Ростовцев относил его правление ко второй половине III в. до н.э., считая, что это время было наполнено рядом династических и политических смут. Архонта Гигиенонта он признавал ставленником пантикапейского гражданства [Ростовцев, 1918а, с. 102]. В.Ф. Гайдукевич во многом следовал такому пониманию, полагая, что Гигиенонт находился во главе Боспора в последней четверти III в. до н.э. и что государство тогда потрясали политические баталии [Гайдукевич, 1949, с. 78]. Д.Б. Шелов датировал его правление последней третью III в. до н.э., признавая, что этот историче-

ситуация в регионе изменилась самым кардинальным образом, и правители Боспора вынуждены были по существу сотрудничать с морскими разбойниками.

В конце концов в результате всех происшедших за несколько десятилетий негативных перемен последний из Спартокидов – Перисад V, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору» (*Strab.* VII. 4.4). В этом пассаже из «Географии» Страбона немалую дискуссию среди исследователей вызвал вопрос о том, каким именно варварам вынужден был платить дань Боспор. Ответ, казалось бы, прост – поскольку военных сил для отражения варварской угрозы явно не хватало, то платить надо было всем, кто этого требовал, а таких в это время, надо думать, было немало.

В отечественной литературе предпочтение отдаётся точке зрения, что дань выплачивалась скифам [см.: Молев, 1994, с. 114 сл.]. Однако очерченная выше ситуация заставляет с большим вниманием относиться к идее, что это были сарматы [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 67–69; 1999, с. 62, прим. 2; Сапрыкин, 1996, с. 140 сл.]. Во всяком случае, есть все основания считать, что именно с их стороны тогда исходила для Боспора основная угроза. Боспоро-скифские отношения, как представляется, носили в это время совсем иной характер. Обнаруженные сравнительно недавно эпиграфические документы, о которых кратко уже говорилось выше (см. главу 2.1), позволяют предполагать самый близкий союз Боспора со скифами, хотя союз этот, по всей видимости, был весьма своеобразным.

Первый из таких памятников – жертвенный стол с надписью, открытый при раскопках святилища на горе Митридат [Толстикова, 1987, с. 88 сл.]. На столе было начертано посвящение дочери Скилура, жены Гераклида, имя которой первоначально было прочитано как Дедмотис [Виноградов, Молев, Толстикова, 1985, с. 590], а затем исправлено на Сенамотис [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 58]. По палеографическим признакам надпись уверенно датируется второй половиной II в. до н.э.

Весьма любопытно, конечно, знать, как именно звали знатную женщину, от лица которой было сделано посвящение, однако гораздо большее научное значение имеет не звучание имени, а то, что эта женщина была дочерью Скилура, царя Малой Скифии. Мужем скифской царевны был к тому же не обычный грек, а представитель боспорской аристократии, скорей всего, даже член царской фамилии [Виноградов, Молев, Толстикова, 1985, с. 590–591], и этот брачный союз не был исключением в боспорской истории. Известно, что ещё ранее, возможно во второй четверти II в. до н.э., царица Камасария была замужем за неким Арготом (КБН. 75). Имя Аргот – иранское [см.: Виноградов Ю.Г., 1980, с. 92 сл.], так что имеются веские основания считать, что Камасария вступила в брак с представителем скифской династии [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 61]. Можно даже говорить о традиции боспоро-скифских династических браков уже со второй четверти II в. до н.э. Эта традиция, в свою очередь, отражала союз Боспора со скифами, который был направлен на противодействие общему врагу – «воинственным, агрессивным настроенным меотосарматским племенам Приазовья» [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 85]. Иными словами,

можно считать, что к середине II в. до н.э. на Боспоре сложилась группировка элиты, активнейшим образом поддерживавшая этот союз, и эту группировку условно можно назвать «скифской партией». В неё входили, конечно, не только выходцы из скифской аристократии, по разным причинам оказавшиеся на Боспоре, но и знатные эллины, во многом связанные с Крымской Скифией, в том числе и брачными отношениями.

Приведённая реконструкция в полной мере подтверждается ещё одним археологическим открытием, которое было сделано в 1999 г. при раскопках Неаполя Скифского. Здесь, около парадных ворот города, были обнаружены фрагменты надписи «могучего Аргота, повелителя Скифии» [Зайцев, 2000, с. 52; 2003, с. 43, 52, 110-111, рис. 40-41; Виноградов, Зайцев, 2003]. Надпись была установлена рядом с гробницей этого человека, возведённой не ранее 130 г. до н.э. [Зайцев, 2003, с. 43]. Есть все основания считать, что названный в ней Аргот и супруг Камасарии – одно и то же лицо. Ю.П. Зайцев в этой связи предполагает, что брак с боспорской царицей (170–150 гг. до н.э.) стал началом политической карьеры этого представителя варварской аристократии, введение Аргота в боспорский царствующий дом было важным межгосударственным актом, во многом определившим дальнейшую его судьбу [Зайцев, 2000, с. 54]. В.А. Сидоренко полагает даже, что в это время имело место политическое объединение Скифии и Боспора [Сидоренко, 2005, с. 68], но такое понимание, скорее всего, является слишком большим преувеличением. Следует говорить о скифо-боспорском союзе, сложение которого было ответом на изменение военно-политической обстановки в Северном Причерноморье или, иными словами, на системный кризис, причиной которого стало продвижение на запад сарматских племён.

Кризис государства обычно ведёт к обеднению значительной части населения, и это можно проследить на некоторых погребальных памятниках Боспора. Особенно показательна в этом отношении одна из охарактеризованных выше гробниц – *уступчатый склеп, обнаруженный под Фанагорией в 1962 г.* (см. главу 2.9, № 7). Эта постройка демонстрирует полное вырождение былых традиций – гробница не имела входа, а её перекрытие состояло всего из одного ряда плит. Склеп, как было сказано, относится к рубежу II и I вв. до н.э. [Сокольский, 1972].

Однако не всё столь однозначно, и кризис государства совсем не обязательно означает тотальное бедствие для всех его граждан. Если боспорское население в это время действительно обеднело или даже обнищало, то отнюдь не поголовно. В этом отношении вспомним знаменитого Протогена Ольвийского (IOSPE, I², 32), деятельность которого, как представляется, относится ко второй половине III в. до н.э. Государственная казна Ольвии тогда пустовала, и Протоген из личных средств отстраивал городские укрепления, откупался от назойливых варваров, выкупал заложенные священные сосуды, покупал хлеб для своих обнищавших сограждан и т.д. [см.: Виноградов Ю.Г., 1987, с. 179 сл.; Виноградов, 1999, с. 70 сл.; Русяева, Супруненко, 2003, с. 149 сл.]. Богатые люди в то время, естественно, были и на Боспоре [Блаватский, 1964а, с. 111], но о них мы почти ничего не знаем.

М.И. Ростовцев абсолютно правильно отметил, что период, охватывающий вторую половину II – начало I вв. до н.э. (т.е. предмитридатовское и частично митридатовское время), в истории Боспора является «наиболее тёмной эпохой» [Ростовцев, 1925, с. 211]. Надо признать, что за прошедшие с тех пор 90 лет эта эпоха не очень прояснилась.

В отношении культуры столичной элиты Боспорского государства следует отметить, что и в то время в Пантикапее возводились монументальные гробницы. Во всяком случае, одна из них хорошо известна – это *склеп «Пигмеев»*, речь о котором шла выше (см. главу 2.9, № 8), его обычно датируют в пределах II–I вв. до н.э. Помимо того, есть основания считать, что по мере углубления в эпоху эллинизма в пантикапейском некрополе возрастал процент кремаций, среди которых имеются довольно богатые комплексы [Ростовцев, 1925, с. 211–214]. По всей видимости, именно в позднем эллинизме появляется особый тип погребальной урны с четырьмя ручками. Некоторые из этих урн, помимо обожжённых костей, содержали довольно богатый набор вещей [см.: Извлечение, 1855, с. 183–185; ОАК за 1891, с. 38; Шкорпил, 1904, с. 149, № 422; 1907, с. 61, № 197].

В общем, надо признать, что на основании перечисленных памятников можно составить весьма туманное представление о культуре элиты столицы Боспора, а о её особом блеске говорить вообще не приходится. В этом отношении гораздо более информативны *погребения Артюховского кургана*, расположенного, как уже говорилось, на Таманском полуострове. М.И. Максимова считала, что этот курган представлял собой семейную усыпальницу крупных землевладельцев Таманского полуострова [Максимова, 1979, с. 23; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Kat. Nr. A7], и с её заключением, очевидно, следует в полной мере согласиться, поскольку в кургане было обнаружено несколько богатых гробниц. Выше было сказано об открытых здесь двух или трёх склепах «македонского» типа – гробницы II, VII и, возможно III (см. главу 2.8). Помимо них, в кургане были обнаружены три каменных ящика – гробницы I, IV и VIII [Максимова, 1979, с. 9–11] и две грунтовые могилы – V и VI [Максимова, 1979, с. 12–13].

М.И. Ростовцев признавал полную одновременность трёх неразграбленных погребений этого кургана и датировал их второй половиной III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 275]. М.И. Максимова, как представляется, была вполне согласна с первым тезисом своего учителя, но значительно омолодила датировку кургана, относя его то к середине или третьей четверти II в. до н.э. [Максимова, 1960, с. 57], то к 140–125 гг. до н.э. [Максимова, 1967, с. 241], наконец, к середине II в. до н.э. или немного более позднему времени [Максимова, 1979, с. 8–9, 23]. Такая хронологическая атрибуция почти не вызвала возражений. К примеру, М. Пфроммер признаёт в отношении гробницы II [см.: Максимова, 1979, с. 144–148], что открытое в ней мужское погребение относится ко второй половине II в. до н.э., а женское – к середине или второй половине этого столетия [Pfrommer, 1990, S. 266 FK 123].

Не споря с авторитетными исследователями по поводу предложенных ими

датировок, хочется обратить внимание, что в отношении хронологической атрибуции всего Артюховского кургана не всё столь просто и понятно. Сама М.И. Максимова признавала, что одна из его грунтовых могил (гробница V), судя по находке монеты Левкона II, может относиться ко второй половине III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 13, 129]. К сожалению, она никак не объяснила обозначенный ею хронологический разрыв между этой могилой и другими гробницами кургана.

В высшей степени любопытно при этом, что характерной особенностью погребального инвентаря Артюховского кургана является изобилие драгоценностей при полном отсутствии оружия. Иными словами, эти самые показательные для предмитридатовского времени комплексы нельзя считать захоронениями варварской или полуварварской элиты Боспора, для культуры которой, как неоднократно говорилось выше, типична ярко выраженная военизированная окраска. М.И. Максимова специально отметила, что Артюховский курган характеризует культуру элиты Боспорского государства накануне восстания Савмак [Максимова, 1979, с. 22], и это утверждение, на наш взгляд, нельзя считать слишком большим преувеличением. Необходимо при этом обратить внимание: находки из двух гробниц (I и II) позволяют считать их жреческими (см. главу 5.5).

В заключение необходимо признать, что скифо-боспорский союз второй половины II в. до н.э., как представляется, был явлением довольно своеобразным и, скорее всего, он не означал того, что боспоряне были свободны от дани скифам. Ю.Г. Виноградов был не совсем прав, утверждая, что с союзников дань взиматься не могла [Виноградов Ю.Г., 1999, с. 62, прим. 2], она, скорее всего, взималась, пусть в скрытой форме дипломатических даров. Зададимся, однако, другим вопросом: мог ли этот союз и эти дипломатические дары гарантировать безопасность Боспора, надёжно защитить его восточные границы в столь непростой военно-политической обстановке? Думается, что нет. То, что в своё время могла обеспечить Боспорскому государству Великая Скифия, Малой Скифии было явно не по силам. Когда же в результате нарастающей дестабилизации обстановки в регионе неэффективность этого альянса стала вполне очевидной, был найден новый спасительный вариант в виде передачи власти понтийскому царю Митридату VI Евпатору. В такой ситуации позиции «скифской партии», конечно, были весьма уязвимы.

Нет сомнения, что переход власти над Боспором к владыке Понта имел свою предысторию [Смекалова, Дюков, 2001, с. 57]. Очень показательны, что металл для боспорских монет во второй половине II в. до н.э. доставлялся, скорее всего, из Понтийского царства [Смекалова, Дюков, 2001, с. 55-56], и вообще боспорские и понтийские монеты этого времени демонстрируют сходство по многим параметрам [см.: Голенко, 1968, с. 39-40; Дюков, 1977, с. 156; Нестеренко, 1987, с. 80-81]. Все это подтверждает точку зрения Д.Б. Шелова о том, что часть пантикапейской элиты пыталась найти пути сближения с Понтом ещё за 10-12 лет до включения Боспора в державу Митридата [Шелов, 1956б, с. 203 сл.], к чему её, по

всей видимости, толкало осознание пагубности союза со Скифией. Сторонников такой позиции можно условно назвать «понтийской партией». Несмотря на это, приходится признать, что приверженцы скифской ориентации были весьма многочисленны и влиятельны. В.П. Яйленко, несколько заостряя проблему, отметил, что в это время варварский мир получил на Боспоре решительное преобладание над греческим городским, что уже стало угрожать деэллинизацией государства [Яйленко, 1990в, с. 129]. Вмешательство Митридата, проводившего на этом этапе политику филэллинизма, оказалось или, правильнее сказать, могло поначалу показаться спасительным для эллинизма Боспора Киммерийского и шире – всего Северного Причерноморья.

Ю.А. Виноградов.

Глава III

ЦАРИ И АРИСТОКРАТИЯ СИНДИКИ

V – начала IV вв. до н.э.

(по письменным и археологическим источникам)

3.1. Письменная традиция и данные археологии о синдах: территория и этническая принадлежность

По сообщениям античных авторов, территория Синдики включала в себя не только современный Таманский полуостров, но и район нижнего течения Кубани. Для раннего периода наиболее полную картину, возможно следуя предшествующей ионийской традиции, даёт перипл Псевдо-Скилака третьей четверти IV в. до н.э. (*Ps.-Scyl.* 72-74). Она выглядит у него следующим образом: «После же меотов живут синды; но достигают они и областей вонне залива; и у них существуют такие греческие полисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патунт... А за Синдской Гаванью – керкеты... [После же керкетов тореты] и греческий полис Торик и гавань (пер. Ф.В. Шелова-Коведяева)». Можно согласиться с С.Р. Тохтасьевым в том, что Псевдо-Скилак отразил такую этнополитическую ситуацию «когда Синдика простиралась от Меотиды до Понта» и только потом синды уступили грекам «часть своих земель, практически безлюдных...» [Тохтасьев, 2004, с. 164]. Сложнее принять его конъюнктуру: Патунт (Патус) – это Патрей [Тохтасьев, 1986, с. 72 сл.], город на северной оконечности Таманского залива, что совершенно не соответствует порядку перечисления племён и населённых пунктов в сочинении Псевдо-Скилака. Гораздо больше оснований отождествлять Патунт (Патус) с Батами, которые локализируются в районе Новороссийска [Жебелев, 1953, с. 264; Гайдукевич, 1949, с. 220; Брашинский, 1968, с. 63; Шелов-Коведяев, 1988, с. 265, прим. 72]. В данном случае греческие города в Синдике следует рассматривать не только как условные географические ориентиры, но и в качестве обозначения границ влияния синдов на определённом историческом этапе.¹ Действительно, древняя хорография, описывая области обитания различных народов, нередко фиксировала их территориальные пределы там, где с политической точки зрения они заканчивались [ср.: Андерсон, 2001, с. 192]. К аналогичному выводу в своё время пришёл М.Ф. Высокий относительно «фракийской

---

¹ По-видимому, источником для этой части перипла было «сочинение, составленное в Афинах во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э., либо отражавшее их интересы в данном регионе» [Шелов-Коведяев, 1988, с. 255].

части» перипла Псевдо-Скилака. Он считает, что его автор, «упомягая фракийские крепости, имел в виду не этническую принадлежность, а политическое подчинение этих поселений» [Высокий, 2003, с. 55]. В частности, в их список вошли такие известные полисы, как Перинф и Селимбрия.

Если исходить из титулатуры боспорского царя Левкона I, принятой сразу после присоединения Синдики к Боспору, то получается, что он одновременно получил власть не только над синдами, но и над дандариями, псессами и торетами, очевидно, входившими в состав военно-политического союза, сложившегося в ходе противостояния скифской экспансии в V в. до н.э. [Горончаровский, 2014, с. 581]. Казалось бы, это трудно согласовать с картой Псевдо-Скилака, согласно которой за Синдской гаванью начиналась территория керкетов, а тореты располагались далее. Но, если керкеты занимали трудно контролируемый горный массив юго-западной части Абрауского полуострова (господствующие высоты от 363 до 540 м), а тореты – часть территории в районе Горгиппии, слабохолмистый район в долине р. Котламы вплоть до Цемесской бухты и побережье от неё до Геленджикской бухты, то всё становится на свои места.

Особый интерес для нас представляет посвящённый Азиатскому Боспору и Синдике текст Страбона (*Strab.* XI. 2. 10): «Фанагория и Кепы расположены на ... острове при входе в озеро (Корокондамитское озеро – *В.Г.*) с левой стороны, а остальные города – за Гипанисом в Синдской области. В Синдской области есть место Горгиппия – царская столица синдов,² недалеко от моря, а также Аборака (пер. Г.А. Стратановского)». В том же смысле трактуют это место у Страбона Ф.Г. Мищенко и В. В. Латышев. Не будем останавливаться на анализе сохранившихся списков рукописи Страбона, в самом раннем из которых (конца V – начала VI вв.) упоминание Горгиппии выпало в результате ошибки переписчика: «Фанагория и Кепы лежат на упомянутом острове – по левую руку врывающему, а прочие города – по правую, по ту сторону Гипаниса, в Синдике, царская же резиденция синдов – поблизости от моря, а также Аборака (пер. С.Р. Тохтасьева)». Детальное исследование данного вопроса позволило прийти к однозначному выводу, что Горгиппия всё-таки была включена в оригинальный текст интересующего нас параграфа «Географии» [Тохтасьев, 2002, с. 10-18]. Правда, далее у Страбона Горгиппия названа «*лежащей на море*» (курсив наш – *В.Г.*) (*Strab.* XI. 2. 12), что больше соответствует реальному географическому расположению этого античного города. С.Р. Тохтасьев отмечал, что либо данный фрагмент текста «очень рано подвергся искажению, или что более вероятно, вышел неудобочитаемым уже из-под пера автора», пользовавшегося различными источниками [Тохтасьев, 2002, с. 11].

² Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые высказывали сомнения в том, чтобы для резиденции правителей был выбран пункт у территориальных границ племени [Алексеева, 1997, с. 37; Тохтасьев, 2002, с. 10], к тому же археологические исследования в Анапе не выявили там строительных остатков, которые могли бы соответствовать «столичному» статусу этого поселения в V – начале IV вв. до н.э. [Алексеева, 1997, с. 13–20].

Если предположить, что Горгиппия попала в список городов за Гипанисом случайно, тогда в нём остаются неназванная царская резиденция синдов и Аборака.

Основанием для локализации этой царской резиденции стала случайная находка на Семибратнем городище каменного постамента со стихотворным посвящением от имени боспорского царя Левкона I. Наиболее приемлемый вариант его перевода гласит следующее: «Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе],³ – владыке сего города лабри-тян, – [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов,⁴ который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти, на[пал] на этот город» [Тохтасьев, 2004, с. 144–180]. Эта надпись предоставила в распоряжение исследователей целый ряд новых данных. Так, выяснилось, что Семибратнее городище носило в древности название Лабрис и здесь находилась царская резиденция. На это недвусмысленно указывают последние строки надписи: мятежник Октамасад, свергая своего отца с престола, напал именно на Лабрис, и здесь произошла решающая битва, после которой Октамасад был изгнан из Синдики. Столичный статус Лабриса⁵ объясняет и исключительное богатство расположенных в 3 км к северо-западу Семибратних курганов (далее СК).

Недавняя попытка определить «естественные» границы Азиатского Боспора, предпринятая Г.П. Гарбузовым, выявила практически полное их совпадение с основной территорией древней Синдики [Гарбузов, 2013, с. 110–127]. Если исходить из природных условий (рельеф, почвы, растительность, климат), то степная территория приблизительно от Горгиппии до Лабриса составляет с Таманским полуостровом единую своеобразную область [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 156]. В целом она соответствует двум комплексам рельефа: центрально-таманскому (чередование холмистых гряд и обширных синклинальных равнин и низменностей) и восточно-таманскому (пологоволнистая равнина, в пределах которой долины рек и балок соответствуют ядрам антиклинальных складок, сложенных рыхлыми глинистыми породами) (рис. 86). По классификации Гарбузова здесь преобладают низкие и приподнятые степные пологие равнины с прилегающими к лиманам болотистыми

---

³ Ю.Г. Виноградов допускал возможность того, что Аборака Страбона является результатом искажения переписчиками исконного названия города в форме Λαβοράκη [Виноградов Ю.Г., 2002, с. 17; другое мнение см.: Яйленко, 2004б, с. 429, прим. 1]. Ранее Н.В. Анфимов писал о том, что, возможно, «Семибратнее городище и есть город Аборака» [Анфимов, 1987, с. 99].

⁴ В данном случае термин «царь» носит достаточно условный характер, поскольку его употребление по отношению к Гекатею в посвящении из Лабриса и в новелле Полиена о Тиргатао (*Polyaen.* VIII. 55) отражает лишь признание его значимости в роли вождя сильного в военном отношении племенного союза. По отношению к мелким вождям небольших этнических группировок греческие авторы обычно употребляли термин «династ» [Грацианская, 1976, с. 15 и сл.].

⁵ Термин «столица синдов» в отношении этого города можно использовать только условно, поскольку у нас нет оснований утверждать, что он служил постоянным местом пребывания правителя и средоточием основных институтов власти [ср.: Каменецкий, 2003, с. 67].

пространствами [Гарбузов, 2013, с. 111].⁶ Не исключено, что в древности через современные Бугазский, Кизилташский и Ахтанизовский лиманы проходил морской пролив, получивший условное название Боспор Кубанский [Журавлев, Шлотцауэр, 2014, с. 151–154], хотя, если исходить из упоминания определённых этносов применительно к другим узким проливам (Фракийский, Киммерийский), его следовало бы именовать Боспор Синдский [ср.: Суриков, 2013, с. 167–176].

Таким образом, в пределах естественных границ Азиатского Боспора, помимо синдов, частично оказываются только тореты. Дандарии и псессы, подчинение которых боспорским правителям никогда не было достаточно прочным, занимали сопредельные территории. Среди выделенных им локальных групп меотских памятников И.С. Каменецкий соотнёс с дандариями III Приазовскую группу (рис. 87). В таком случае земли псессов, скорее всего, находились в среднем течении Кубани, в пределах IV Абинской группы [Каменецкий, 1989, с. 226, карта 16].

Археологическая характеристика синдов представляет собой достаточно сложную проблему. В своё время работы Синдской экспедиции В.Д. Блаватского не выявили на территории Таманского полуострова сельских поселений синдов периода существования местного независимого царства.⁷ С другой стороны, были открыты остатки временных скотоводческих стоянок типа кошей VI–IV вв. до н.э., располагавшихся на возвышенностях сравнительно далеко от берега [Блаватский, 1959, с. 47–48]. Это обстоятельство, несомненно, должно быть связано с культурно-хозяйственными особенностями местного населения. Соответственно, можно предполагать, что основным занятием синдов было отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния по каким-то замкнутым маршрутам. В качестве этнографической параллели заслуживает внимания следующий пример. Как известно, вплоть до XVIII в. отгонное скотоводство было основой хозяйственной жизни адыгов на территории Нижнего Прикубанья. Весной и осенью скот кормили на пастбищах в пойме реки, летом перегоняли его в горы, а зимой содержали на специальных стоянках [ср.: Казиев, Карпеев, 2003, с. 188].

Недавние, начиная с 2009 г., разведки и раскопки в Анапском районе Краснодарского края, проводившиеся Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН, позволили её руководителю, Н.И. Судареву, сделать попытку систематизировать полученные материалы относительно ранней истории Синдики [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 158–164]. С его точки зрения, начало освоения греками этой территории относится к концу VII в. до н.э. и связано с появлением на месте современной Анапы эмпория, через который велась торговля с местным населением. Правда, куль-

⁶ Можно вспомнить сохранённые Афинеем строки известного ямбографа конца IV в. до н.э. Феникса Колофонского: «... синд болотный с головой в кудрях длинных» (*Athen.* XII. 40. 530f).

⁷ Это обстоятельство вызвало суждение о том, что «археологически до сих пор синдская культура практически никак не выделяется, по крайней мере, там, где её ищут» [Масленников, 2001, с. 316]. Проблемы с выделением ареала синдов на археологическом материале отмечали и другие исследователи [Каменецкий, 1989, с. 226–233; Дмитриев, Малышев, 2009, с. 69–70].

турный слой, который можно соотнести с предполагаемым эмпорием, отсутствует, а расположенное в 3,5 км восточнее т.н. Алексеевское поселение пока дало только один фрагмент килика конца VII – начала VI вв. до н.э. с изображением птицы, остальные находки датируются VI – началом V вв. до н.э. Говорить об активной торговой деятельности греков в Синдике ранее второй половины VI в. до н.э. нет никаких оснований, исходя из данных самого Н.И. Сударева. Сам он считает, что «в это время ... начинает активно осваиваться сельскохозяйственная территория и производится, по-видимому, большое количество зерна» [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 162]. В таком случае непонятно, почему поселения второй половины VI–V вв. до н.э. располагаются либо близ береговой линии лимана и древнего русла Кубани (Курбатское 1; Куматырь 6, 8, 12; Благовещенская 4; Капустин 4; Гастагаевское 16; Гастагаевское-Западное; группа усадеб близ пос. Воскресенский; Красный курган и на Благовещенском останце; городище Уташ 12 и усадьба Уташ 14; городище Джигинка 3 и группа усадеб близ него; Чекон 2, 17), либо в предгорьях на расстоянии от 5 до 15 км от него (Самойленко 1; городище Гастагаевское 17; Вестник 1–5) (рис. 88)? Таким образом, обширные пространства чернозёмных почв (рис. 89) долгое время, вплоть до включения Синдики в состав Боспора, оставались неосвоенными, что требует своего объяснения. Излишне прямолинейной представляется атрибуция как синдских всех ранних поселений и некрополей Западного Закубанья. Тогда не остаётся места для племени торетов, которые, судя по сообщению Плиния Старшего (*Plin. Hist. Nat. VI. 17*), занимали как раз крутые возвышенности на восточной границе Синдики. Вызывает сомнения утверждение о масштабной степени эллинизации варварского населения уже с середины V в. до н.э. В данном отношении показательно, что даже наиболее основательно исследованное поселение Вестник 1, где было открыто монументальное здание «храма элевсинских богинь», демонстрирует превалирование лепной посуды «над всеми видами керамики, кроме тарной» [Сударев, Гарбузов, 2015, с. 162]. Отсутствие на данный момент развёрнутой публикации материалов, полученных Восточнобоспорской экспедицией, не позволяет в полной мере оценить их значение для истории этого региона.

Лингвистическая принадлежность синдвов, напрямую связанная с проблемой их этногенеза, до конца неясна, хотя историография этого вопроса, недавно подробно рассмотренная А.М. Новичихиным, насчитывает уже более ста пятидесяти лет [Новичихин, 2014б, с. 110–121]. Выдвинутая О.Н. Трубачевым вслед за П. Кречмером гипотеза о том, что они были индоарийцами, не выдерживает критики и должна быть решительно отброшена, как не имеющая подтверждения в археологических материалах [Грантовский, Раевский, 1984]. Известные нам имена членов правящей династии – Гекатей, Октамасад – иноязычные и могут свидетельствовать только о культурных и политических контактах⁸. Обычно считается, что синды относились к

---

⁸ Не исключено, что к числу синдских относятся уникальные для боспорской ономастики ирано-язычные имена Харсенак и Матаг, вырезанные на известняковой стеле V в. до н.э., найденной в окрестностях Корокондамы (КБН. 1104).

меотской археологической культуре, в которой И.С. Каменецкий даже выделял особую синдскую локальную группу, правда, отметив в её границах только один археологический памятник – Семибратние курганы [Каменецкий, 1989, с. 216]. Между тем, рассматривая возможность отнесения синдов к числу меотских племён, следует иметь в виду одно существенное обстоятельство: сам этноним «меоты» у античных авторов, безусловно, был собирательным и его следует воспринимать, скорее, как обозначение народов, населявших восточное побережье Меотиды. Поэтому среди них могли быть представители различных этнических групп, говорящих как на северокавказских, так и на иранских языках [ср.: Новичихин, 2014б, с. 117]. Характерным примером являются язаматы-иксибаты, которых античные авторы причисляют то к меотам, то к савроматам (*Ps.-Scymn.* 878-880; *Polyaen.* VIII, 55). Собственно, «синды» и «меоты»⁹ – это два разных типа этнонимов. «Меоты», скорее всего, понятие географическое и отражает место обитания ряда племён. Очевидно, оно никогда не было самоназванием и его применение ограничивалось рамками греческой культурной среды. Совершенно иная ситуация с засвидетельствованным на монетах этнонимом «синды». Это самоназвание, как и в случае с соседними племенами дандариев, пессов, торетов и др. [Горончаровский, Иванчик, 2010, с. 219–220]. Всё же по ряду косвенных данных предпочтительнее предполагать иранскую принадлежность синдского языка. О том же свидетельствуют наблюдения относительно генезиса синдских погребальных традиций, которые будут рассмотрены далее.

Наиболее детально в последнее время разрабатывается версия о том, что синды представляли собой синкретическое этническое образование, возникшее в результате слияния местного и пришлого кавказского населения. Для обоснования этой концепции А.М. Новичихин даёт последовательную картину эволюции варварских погребальных сооружений VI–V вв. до н.э. в районе современной Анапы, где, по его мнению, и происходил этот процесс. В частности, для первой половины VI в. до н.э. характерны площадки под округлыми каменными закладами, иногда окружёнными по периметру круглыми камнями. Их сменяют «погребения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные каменными кромлехами». Около середины VI в. до н.э. появляются погребения в каменных ящиках, в предшествующий период распространённые на Черноморском побережье от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н.э., по мнению А.М. Новичихина, происходит формирование новой этнокультурной общности и слияние двух погребальных традиций в виде появления практики сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромлехом, и этот тип погребальных конструкций становится преобладающим в Синдике¹⁰ [Новичихин,

⁹ Различие между синдами и меотами последовательно проводилось в титулатуре Спартокидов: они часто именуется «царями синдов и всех меотов» (Левкон I и Перисад I: КБН. 8; 10; 11; 971; 1039; 1040). От трудов античных авторов трудно ожидать той же последовательности, например, Псевдо-Скимн включает синдов в состав меотов.

¹⁰ Сторонниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие ученые [Крушкол, 1971, с. 88–90; Масленников, 1981, с. 18; Кругликова, 1987, с. 12].

2014б, с. 116-117], хотя ранее он более осторожно подходил к решению этой проблемы [Новичихин, 2010, с. 250–252].

Представляется, что более конструктивной в данном отношении является позиция Е.М. Алексеевой, сформулированная ею в рецензии на коллективную монографию «Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет». В частности, она отмечает широкий ареал специфического облика т.н. «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» [Алексеева, 2012, с. 173–177]. С её точки зрения, высказанной в своё время более конкретно, в носителях этой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов – керкетов и торетов [Алексеева, 1991, с. 35; 2000, с. 162], и в этом с ней вполне можно согласиться. Таких же взглядов придерживаются и современные исследователи полуострова Абрау [Мальшев, Гольева, Спиридонова и др., 2014, с. 101, рис. 5]. Обращает на себя внимание рядовой характер погребений «каменных некрополей», которые по конструктивным особенностям и составу погребального инвентаря разительным образом отличаются от другой группы захоронений, определённо имевших отношение к синдам, по крайней мере к элите синдского общества.

3.2. Погребальные памятники элиты синдского общества

В настоящее время погребальные комплексы представителей царского рода и аристократии являются чуть ли не единственным источником информации об элите синдского общества и его материальной культуре, а потому заслуживают самого тщательного всестороннего изучения. Наиболее представительными из них являются знаменитые Семибратние курганы,¹¹ занимающие небольшую возвышенность протяженностью около 300 м на левом берегу р. Кубань, близ пос. Большой Разнокол. Они были раскопаны В.Г. Тизенгаузенем в 1875-76 и 1878 гг. Самые ранние комплексы имели под курганными насыпями возведенные над материком сырцовые склепы с деревянным перекрытием (СК 2,4,5)¹² и сопровождающие конские захоронения.

Учитывая использование сырцового кирпича в гробницах средиземноморского региона и отдельных районов античного Причерноморья, А.М. Новичихин не так

---

¹¹ Первым, кто связал эти курганы с династией синдских царей или представителями высшей местной знати, была В.И. Мошинская в статье «О государстве синдов» [Мошинская, 1946, с. 205]. Типично синдской разновидностью погребальных сооружений считали их и многие другие исследователи [Гайдукевич, 1949, с. 47-50; Коровина, 1957, с. 177-178; Анфимов, 1987, с. 92–98; Блаватская, 1959, с. 156; Силантьева, 1967, с. 47-48; Артамонов, 1974, с. 63, 121; Ильинская, Тереножкин, с. 1983, с. 80-81, 213–219; Алексеева, 1997, с. 30-31; Власова, 2001, с. 129-130; Виноградов, 2005а, с. 252–254; Горончаровский, 2014. С. 553 сл.]. Такая уже сложившаяся точка зрения редко подвергалась сомнению [см., напр.: Смирнов, 1966, с. 79-80].

¹² Здесь и далее для обозначения отдельных Семибратних курганов будет применяться сокращение СК.

давно предложил рассматривать традицию применения сырцовых конструкций как принесённую на Азиатский Боспор греками-колонистами и впоследствии заимствованную синдской аристократией [Новичихин, 2006, с. 23; 2014б, с. 115].¹³ При этом он ссылается на применение сырцового кирпича для сооружения гробниц на территории Греции и в Северном Причерноморье (некрополи Ольвии, поселения Панское I и Нимфея) [Козуб, 1974, 12, рис. 2,3; Рогов, 1985, с. 45–50; Ольховский, 1991, с. 49, 152]. Надо сказать, что эти примеры никоим образом нельзя признать удачными, поскольку они несопоставимы с СК либо конструктивно, либо в отношении датировки. В материковой Греции (Афины, Элевсин) отдельные грунтовые могилы, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами, известны только для периода IX–VII вв. до н.э. [Poulsen 1905: 21; Zehetmaier 1907: 130–132], а в Ионии они вообще не встречаются. В Ольвии, как, впрочем, и в Пантикапее, для VI–V вв. до н.э. сырцовые склепы отсутствуют, да и могильные ямы, стенки которых облицованы сырцовыми кирпичами, – это единичные случаи [Кастанаян, 1959, с. 258,276]. В Нимфее известен только один подкурганый сырцовый склеп середины V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 14], но его греческая принадлежность под вопросом. Это совершенно ограбленная прямоугольная сырцовая гробница 14 кургана 32, имевшего средние размеры: около 6 м в высоту. По всем сторонам гробницы были обнаружены конские могилы с наборами бронзовых украшений упряжи V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 86]. Сырцовые склепы известны также в Фанагории, причём все они связаны с курганными насыпями середины–второй половины V в. до н.э. [Кобылина, 1956, с. 19], т.е. синхронны началу формирования Семибратней курганной группы. Что касается соответствующих погребальных сооружений на Панском I площадью 4,5–10 кв. м, то они датируются IV в. до н.э. [Рогов, 1985, с. 49]. В данном случае использовались близкие к т.н. «пентадорону» (0,385 × 0,385 м) кирпичи 0,4 × 0,4 × 0,09 м и половинного размера (рис. 90, 1). Их применение в греческой строительной практике описано Витрувием: «с одной стороны выкладывают ряд кирпичей, с другой – полукирпичей. Таким образом, при прямолинейной кладке стены с обеих сторон перевязывают чередующимися слоями...» (*Vitr. De arch. II. 3*). К тому же периоду относятся и два сырцовых склепа площадью около 6 кв. м из некрополя Кеп [Сокольский, 1965, с. 116; 1969, с. 88]. В данном случае стены были сложены из кирпичей размерами 0,62 × 0,45 × 0,08 м (рис. 90, 2). Приходится констатировать, что основные элементы сырцовых погребальных конструкций в Греции и античных государствах Северного Причерноморья не имеют ничего общего с принятыми у синдов стандартами, известными по уташской гробнице 1976 г. В данном случае погребальную камеру (15,6 кв. м), перекрытую накатом из дубовых и вязовых брёвен, врезали в материк

¹³ Сходных взглядов придерживается Н.И. Сударев, в личной беседе на XVI Боспорских чтениях (Керчь, 18–22 мая 2015 г.) заявивший, что такого типа погребальные комплексы являются слишком сложными сооружениями для синдов и могли быть возведены греками из расположенного всего в 3 км к юго-востоку Лабриса.

(рис. 91). Гробница, ориентированная по продольной оси на СВ–В, имела стены толщиной около 1 м, а внутри два вытянутых отсека, отделявшихся друг от друга невысокой сырцовою стенкой. Это единственный сырцовый склеп V в. до н.э., где чётко зафиксированы размеры использованных в кладке кирпичей: $0,5 \times 0,48$ м и $0,52 \times 0,5$ м при толщине от 0,06 до 0,11 м [Алексеева, 1991, с. 30], т.е. практически совпадающими с длиной персидского «царского» локтя (52,5 см). При всей схематичности чертежей из отчетов В.Г. Тизенгаузена (рис. 92) толщина сырцовых стен открытых им склепов – около 0,5 м, исходя из масштаба – близка к стандарту уташских кирпичей.

В свое время Н.П. Сорокина, исследовавшая Тузлинский некрополь, отмечала, что распространение сырцовых сооружений на Таманском полуострове лишь отчасти можно объяснить отсутствием хорошего строительного камня [Сорокина, 1957, с. 14]. В еще большей степени это относится к району СК, в 5 км от которых находятся современные каменные карьеры. Естественно предположить, что сооружение сырцовых склепов на территории Боспора, скорее, «было вызвано какими-то своеобразными чертами погребального культа обитателей Синдики» [Сорокина 1957: там же]. Вполне очевидно, что для Северного Причерноморья в V в. до н.э. это уникальное явление, не связанное с греческой традицией. Действительно, самые ранние склепы синдской знати не представляют собой более масштабную версию греческого варианта могильной ямы со стенками из сырцовых кирпичей: они возводились над материком. Не прослеживается связь конструктивных особенностей такого рода сооружений и с могильниками VI–V вв. до н.э. в районе Анапы¹⁴, где, по мнению А.М. Новичихина, происходило формирование синдского этноса [Новичихин, 2014, с. 116–117]. Следовательно, истоки этой погребальной обрядности не имеют окрашенных греческим влиянием местных корней. Их нужно искать в иной культурной среде, прежде всего в сопредельных кочевых обществах, чтобы определить регион, откуда они могли быть привнесены.

В скифских курганах между Дунаем и Доном тип сырцовой погребальной камеры отсутствует [Ольховский, 1991, с. 17]¹⁵. То же можно сказать и о «царских» курганах Восточного Прикубанья VI в до н.э. С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной погребальной камере, возведённой из сырцового кирпича, в X–VIII вв. до н.э. имел широкое распространение в Приаралье. В частности, он характерен для могильника племенных вождей в Северном Тагискене [Итина,

---

¹⁴ Они представлены тремя типами: площадки с каменными закладами, ямы прямоугольной и овальной формы с округлыми обкладками из камня, заглубленные каменные ящики. Их объединяет простота устройства и скромность инвентаря, в чём можно видеть отражение определённой социально-этнической иерархии. При этом стоит отметить, что, как и в СК, здесь преобладает ориентировка погребённых в пределах восточного сектора [Новичихин, 2010, с. 192–196].

¹⁵ Единственный пример подобного рода в монографии В.С. Ольховского – это уже упоминавшийся нимфейский подкурганый сырцовый склеп [Ольховский, 1991, с. 49, 152], скифскую принадлежность которого можно оспорить.

1992, с. 31–37]. Для более позднего времени использование перекрытых деревянными крышами склепов из сырцового кирпича зафиксировано в курганных могильниках VI – первой половины V вв. до н.э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье, где после середины V в. до н.э. такая традиция быстро исчезает [Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93]. Курганы с сырцовыми конструкциями, возведённые на погребённой почве, в ряде случаев сопровождаются захоронениями взнузданных коней. В могильнике Есен-Амантау склеп имел бревенчатый накат, а в Кырык-Оба II к югу от р. Урал стены погребального сооружения при высоте до 1,5 м имели ширину 1 м из четырех полукирпичей [Гуцалов, 2007, с. 78,80] (рис. 93). Впрочем, в субкультуре местной кочевнической элиты такие склепы далеко не доминируют, составляя около 12% всей выборки. При этом нет полного соответствия СК, поскольку сырцовые конструкции часто перекрывают захоронения в ямах с ориентацией погребённых в южном и западном направлениях [Мышкин, 2011, с. 322 сл.].

Наличие в Самаро-Уральском регионе пяти типов элитных погребальных памятников может свидетельствовать о существовании на этой территории нескольких разноэтнических группировок кочевников. Часть одной из них могла сместиться в западном направлении около 530 г. до н.э. или ранее под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские»), положившей начало среднескифской культуре [Виноградов, 2001б, с. 124-125; Масленников, 2001, с. 315; Алексеев, 2003, с. 208–210, 397, рис. 24].

Этой датировке не противоречат имеющиеся в греческой литературной традиции самые ранние упоминания о синдах и Синдике – у эфесского поэта Гиппонакта (Hipp. 68A(45) = Bergk, 1882, s. 484),¹⁶ жившего во второй половине VI в. до н.э., и его современника Гекатея Милетского (FHG. Fr. 166), создавшего свое «Землеописание» в конце того же столетия. Смена в ходе миграции природной и социальной среды, ослабление традиционных норм поведения – всё это неизбежно должно было привести к серьёзным изменениям в культуре участников этого процесса, далеко не идентичной той, что существовала на родине. Могли сыграть роль такие факторы, как присутствие в составе мигрантов, главным образом, молодых мужчин, не обязательно однородных в этническом отношении и сохранивших лишь отдалённые воспоминания о порядке захоронения лиц высокого социального ранга [ср.: Клейн, 1973, с. 1–17]. Видимо, синдов следует рассматривать как сравнительно небольшую группу азиатских кочевников, отличных от скифов, но на определённом этапе находившихся под их сильным политическим и культурным влиянием. Не вызывает сомнений, что они были открыты и для культурных импульсов, распространявшихся по степному коридору с востока. Так, Е. В. Переводчикова отмечает для V в. до н.э. сходство отдельных предметов погребального инвентаря СК с вещами из восточных

¹⁶ Как известно, вторую половину жизни Гиппонакт провёл в Клазоменах, жители которых имели какие-то наблюдательные пункты на побережье Меотиды [Strab. XI. 2. 4; см. также: Кулакова, 2003, с. 297–306], и, следовательно, мог получить информацию о синдах из первых рук.

областей Евразии [Переводчикова, 1987, с. 56], хотя, скорее всего, это воздействие носило опосредованный характер, поскольку местными мастерами использовался достаточно ограниченный набор соответствующих образов [Переводчикова, 1994, с. 56, 165-166]. То же самое можно сказать о совпадениях в отношении погребального обряда, художественных приёмов и стилистики с материалами Пазырыкских курганов на Алтае [Марсадолов, 1987, с. 30–37; Зуев, 1994, с. 93–94].

К концу VI в. до н.э. синды, очевидно, прочно заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье¹⁷ и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полуседлых варварских племён. Если исходить из титулатуры боспорского царя Левкона I (389–349 гг. до н.э.), принятой сразу после присоединения этой области, получается, что он одновременно получил власть не только над синдами, но, как уже было сказано, и над дандариями, псессами и торетами, очевидно, входившими в состав военно-политического союза, сложившегося в ходе противостояния скифской экспансии в начале V в. до н.э. [Горончаровский, 2014, с. 581]. Если принять эту точку зрения, то с известными коррективами наиболее предпочтительной оказывается иранская версия этногенеза синдов.

Видимо, не случайно в античной литературной традиции синды фигурируют как «издавна враждовавшие со скифами» (*Luc. Tox.* 55; пер. С.Ю. Сапрыкина), которые, по сообщению Геродота, на повозках пересекали Керченский пролив по льду, что можно трактовать как военные походы или сезонные перекочевки на зимние пастбища [Виноградов, 2005а, с. 214-215]. Судя по всему, царские скифы относили синдов к числу тех, кого считали своими «рабами», т.е. брали с них дань. Геродот, повествуя о привязанном к району Боспора Киммерийского конфликте пришедших из Азии скифов с «немалым войском» потомков рабов, этнически их никак не идентифицирует (*Herod.* IV. 2-3). С другой стороны, в «Аргонавтике» Гая Валерия Флакка, скорее всего, пользовавшегося более ранними источниками, есть такие строки: «Устремляются и выродившиеся синды и сучивают отряды, ещё ныне боящиеся ударов бичей вследствие преступления предков» (*Val. Flacc.* VI. 85; пер. В.В. Латышева), а у Аммиана Марцеллина упоминаются «синды, после несчастья своих господ в Азии овладевшие их женами и имуществом» (*Amm. Marc.* XXII. 8. 41; пер. В.В. Латышева).

Ю.А. Виноградов, рассматривая проблему варварских миграций в истории Боспора Киммерийского, отметил, что период связанной с ними дестабилизации в степях Северного Причерноморья, «как можно полагать, охватывал приблизительно 25–30 лет» [Виноградов, 2014е, с. 70]. Именно такой промежуток времени отделяет предполагаемую дату появления синдов в Нижнем Прикубанье от начала налаживания контактов с боспорскими эллинами, когда не ранее самого начала V в. до н.э. в центре Синдики был основан город Лабрис (Семибратнее городище). Скорее всего,

---

¹⁷ Почти пятью столетиями позднее практически ту же территорию заняли представители другой группы ираноязычных кочевников – аспургиане.

на первых порах он имел статус эмпория под варварским протекторатом [ср.: Hansen, 1997, p. 29; Цецхладзе, 1999, с. 198-199], где на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами [ср.: Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 248–252]. Конечно, такое близкое соседство не могло не оказать влияния на погребальную обрядность синдской элиты, но проявилось это далеко не сразу.

Для характеристики греко-синдских отношений V–IV вв. до н.э., как уже не раз отмечалось, чрезвычайно важны погребальные комплексы Семибратних курганов,¹⁸ расположенных в непосредственной близости от Лабриса. В своё время основные данные для характеристики этих курганов были сведены нами в следующую таблицу:

Таблица 1. Погребальные комплексы Семибратних курганов

№ кургана	Высота кургана	Окружность	Размеры осн. гробницы и ее ориентация	Конструкция осн. гробницы	Предметы греч. импорта	Впускные погребения и их констр.	Конструкция доп/захор. лошадей	Кол-во захорон. лошадей
1	14,9 м (ограбл.)	260 м	6,4 × 3,6 м, ориентация ЮВВ	камень, в мате- рике?	1	1 жен. (?), грунт. яма	?	2
2	6 м	138 м	6,9 × 4,7 м (выделен. угол 2,8 × 1,7м), ориентация СВВ	сырц. кирпич + дер. брусья, на мате- рике	11	–	–	13
3	3,2 м (ограбл.)	77 м	4,6 × 1,8 м ориент. ЮВ+2лош.	камень, в мате- рике	5	–	3,9 × 1,7м, сырц. кирп.	2+4
4	12,8 м	213 м	3,9 × 3,15 м из 2-х отделений. Ориентация В	сырц. кирпич + дер. брусья, доски, на мате- рике	18	–	4,9 × 3,6 м, сырц. кирпич+ дер. бру- сья + отд. костяк + гробни- ца?	9+1+3?

¹⁸ Более подробно о комплексах Семибратних курганов см.: Горончаровский, 2014, с. 553–618.

5	6,7 м (ограбл.)	183 м	8,4 × 7,2 м с выд. углом 3,7 × 2,8 м (кам. гробн.) +12 лош. в Г-образ. отсеке, ориент. СВ	сырц. кирпич + дер. брусья, на мате- рике	1	–	1 б/огра- ды	12+1
6	11,4 м	160 м	4,1 × 2,9 м с выд. с-в углом 2,3 × 1,5 м (кам. гробница) + 3 отд. (в одн. 7 коней) ориен- тация В.	сырц. кирпич + дер. брусья, в материке	27	–	–	7
7	6,4 м (ограбл.)	183 м, кам. крепи- да, д.39 м и окр. 122 м	4,3 × 1,2 м ориен- тация В с неб. откл. к С	камень, в мате- рике	13	1 женское (сырц. кирп+ дер.бревн 1 ограбл. кам. гробн.	пристр. к основ- ной кон. гробн. 2,3 × 2,1 м, сырц. кирпич	3

В итоге удалось проследить особенности развития конструкции погребальных сооружений в Семибратних курганах на протяжении почти восьмидесяти лет и выделить среди них три последовательно сменяющие друг друга группы: 1) СК 2 и СК 4 – сырцовые склепы, возведённые на материке и перекрытые деревянными брусьями (в пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать тринадцати)¹⁹; 2) СК 5 и СК 6 – каменные гробницы, впущенные в угол сырцовых склепов (в первом случае расположен на материке, во втором – врезан в материк) с захоронениями коней в отдельных отсеках; 3) СК 1, СК 3 и СК 7 – каменные гробницы вытянутой формы, впущенные в материк, рядом сырцовые склепы с конскими костяками. Все они (за исключением СК 1) расположены на небольшой возвышенности и вытянуты в цепочку, которая формировалась в направлении с за-

¹⁹ По количеству конских захоронений Семибратние курганы соответствуют уровню самых выдающихся погребальных комплексов Скифии V–IV вв. до н.э., например, в курганах Козел и Чертомлык найдено по 11 конских костяков, в Александропольском – 16, что лишний раз подчеркивает кочевой образ жизни синдской аристократии.

пада на восток. Такая же линейная последовательность характерна и для известных Келермесских курганов более раннего времени [Алексеев, 2003, с. 107].

Если анализировать данные комплексы с точки зрения социальных позиций, то основным критерием, безусловно, являются размеры кургана. По Геродоту его сооружали все участники похорон, «стараясь сделать насыпь как можно выше» (*Herod.* IV. 71). В сравнительном плане можно использовать существующее деление курганов скифской знати по высоте насыпей на четыре группы [Мозолевский, 1979, с. 152, 156-157, табл. 4], то в высшую IV группу (верховные цари), числовые показатели которой следует расширить до 11–21 м, попадают только три комплекса: СК 4 (≈440–430 гг. до н.э.) – 12,8 м, СК 6 (≈410–400 гг. до н.э.) – 11,4 м и СК 1 (≈385–375 гг. до н.э.) – 14,9 м, которые можно соотнести с захоронениями вождей. Ещё три комплекса соответствуют II группе высотой от 5,7 до 7,5 м (члены царского рода). Мало отличаясь высотой друг от друга, они образуют достаточно компактную группу курганов (6-6,7 м): СК 2 (≈450–440 гг. до н.э.), СК 5 (≈430–420 гг. до н.э.) и СК 7 (≈рубеж V–IV вв. до н.э.). Группа I высотой от 3 до 4,5 м (родовые старейшины, богатые кочевники) представлена лишь небольшим курганом СК 3 (≈390–380 гг. до н.э.) – 3,2 м. При этом отметим, что захоронение здесь носило явно экстраординарный характер и, очевидно, всё же было связано с представителем правившей в Синдике династии.

Таким образом, на протяжении примерно шестидесяти лет в Семибратних курганах были погребены три верховных правителя синдов: около 435, 405 и 380 гг. до н.э. Последним из них согласно античной литературной традиции и данным эпиграфики был Гекатей, судя по всему, погребённый в СК 1 – самом позднем и одновременно самом большом среди Семибратних курганов, в конструкции которого наиболее ощутимо влияние боспорской архитектуры, поскольку тут был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4 × 3,6 м. В то же время сравнительно невзрачный СК 3 можно предположительно связать с произведённым наспех, без особой пышности захоронением царского сына Октамасада [Горончаровский, 2014, с. 590]. Всё же мы не можем утверждать, что этот список является исчерпывающим и Лабрис был единственной точкой притяжения синдской знати, особенно на раннем этапе.

Среди погребальных комплексов Азиатского Боспора с характерными синдскими конструкциями обращает на себя внимание раскопанный в 1852 г. К.Р. Бегичевым в непосредственной близости от Фанагории курган 6 (ФК 6)²⁰. Высота насыпи, которая достигала 15,6 м,²¹ позволяет с полным правом отнести его к категории «царских».

²⁰ Данные о раскопках ФК 6 из дневника К.Р. Бегичева (НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2–5), существенно дополняют ранее имевшуюся информацию [Ростовцев 1925, 349-350]. Более подробно о работах 1852 г. в Фанагории см.: Застрожнова, 2014, 469–481.

²¹ Расчёт размера насыпи произведён на основании измерений, произведённых К.Р. Бегичевым: сыпцовый склеп высотой до 2,5 аршина (=1,8 м) находился на глубине 2 сажени (=4,26 м) от поверхности кургана и на расстоянии 4,5 сажени (=9,58 м) от его подошвы [НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2–5].

В центре кургана был обнаружен расположенный над материком сырцовый склеп с провалившимся деревянным перекрытием. Размеры его сравнительно невелики: $3,6 \times 3,2 \text{ м} = 11,5 \text{ кв. м}$ при высоте 1,8 м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный. На дне склепа находились два плохо сохранившихся костяка в простых деревянных саркофагах. Один из них, с бронзовыми скобами и ножками, принадлежал мужчине, облачённому в железный панцирь. Слева от него находились обломки меча, копий и более 140 бронзовых и железных наконечников стрел. Другой саркофаг содержал остатки женского костяка, возле которого были найдены более десятка штампованных золотых бляшек с изображениями розеток (2 экз.), летящей птицы (2 экз.), овода (3 экз.), сфинксов и лежащего оленя (3 экз.) [ДБК, табл. XXII, 12, 13, 17, 18, 20, 21]. Возможно, они украшали головную повязку, а обнаруженные там же удлинённые подвески и шарики с петельками близки по форме деталям ожерелья из СК 2. Часть бляшек (птица, сфинкс, олень) полностью аналогична бляшкам из нимфейского кургана 24, относящегося ко времени около середины V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71, рис. 38, 16, 18]. Отметим также пару массивных спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни на концах (рис. 95, 1), которые считаются изделиями боспорских мастерских и, по классификации Л.Ф. Силантьевой, связаны с вариантом II а, датирующимся третьей четвертью V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 125-126, рис. 3а]. В правом углу склепа и у входа стояли по две амфоры, в каждой из которых «найден по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков». В первом случае возле амфор обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и наконечник копья. Рядом оказалась конская могила из сырцового кирпича площадью около 6 кв. м с четырьмя скелетами лошадей и бронзовыми уздечными наборами. С учетом всех находок вряд ли будет преувеличением отнести сооружение этого погребального комплекса примерно к 450–440 гг. до н.э.

Для V в. до н.э. этому кургану нет равных ни на территории Великой Скифии и Синдики, ни на Боспоре. Для синхронных скифских памятников наивысшим показателем является высота 7,1 м (Новогригорьевка 5, Великая Знаменка 1), а для территориально и хронологически близких Нимфейских курганов – 6 м [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 247; Силантьева, 1959, с. 83]. Появление в окрестностях столицы Азиатского Боспора огромного погребального комплекса, который К.Р. Бегичев в своём дневнике назвал самым большим «из всех видимых на берегах Босфорского залива» [НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 2], может говорить о том, что именно Фанагория имела наиболее интенсивные контакты с синдами на раннем этапе существования созданного ими «царства»²². Видимо, ФК 6 был возведён в тот период, когда только начинала складываться система, обеспечивавшая синдскую элиту товарами престижного потребления. Собственно, за исключением оружия, явно изготовленных на заказ двух золотых подвесок с пирамидальными концами, деталей золотого ожерелья и нескольких нашивных бляшек, они здесь практи-

²² Соответственно в сооружении кургана могли принять участие и граждане Фанагории.

чески отсутствуют, да и то всё это немногочисленное золото относится к женскому погребению. В данном случае высочайший социальный статус подчеркивался не помещённым в могилу богатством, а количеством труда, затраченного для увековечения памяти умершего, судя по всему, бывшего первым правителем Синдики.

К этому же периоду относится достаточно статусное захоронение в кургане 2, раскопанном в 1852 г. под Фанагорией (ФК 2) [Гёрц, 1898, с. 61 сл.; Ростовцев, 1925, с. 349–351; ср.: Виноградов, 2005а, с. 250–251]. Сырцовая гробница здесь была перекрыта провалившимися внутрь деревянными брусьями. Она находилась на глубине 2,5 сажени (=5,3 м) от дна впадины в центре кургана (НВА ГИМ, ф. 1, Отдел археологии, группа Б, д. 6, л. 3). С учётом размеров самого склепа площадью 12 кв. саженей (=25,6 кв. м) высота курганной насыпи была не менее 9 м. В ней на полу из сырцового кирпича под слоем древесного тлена со следами розовой, голубой, серой красок (саркофаг?) лежал скелет в чешуйчатом панцире, слева от которого обнаружили спёкшиеся в одну массу около 160 наконечников стрел (остатки горита?). Из украшений присутствовала только золотая бляшка с оттиснутым на ней изображением звёздочки. Рядом, возле панциря, были найдены обломки железных наконечников копий и меча. Неподдалеку удалось обнаружить останки ещё одного погребённого в таком же защитном снаряжении с большим количеством наконечников стрел. Возле них оказались «две золотые бляшки, представляющие: одна – изображение мухи, другая – мужскую комическую маску». «На некотором расстоянии влево был открыт ещё один покойник, одетый в такой же панцирь, без оружия, только у ног была найдена большая глиняная чашка простой работы и маленькая чашечка, покрытая чёрным лаком, с ручками». Часть склепа за черепами захороненных в нём воинов была выделена загородкой из сырцовых кирпичей, где «оказались пять скелетов лошадей, голова к хвосту». У «этих лошадей были отысканы на головах бронзовые узды, простой работы, плохо сохранившиеся». Такая же загородка находилась «с правой стороны гробницы», и в ней было зафиксировано шесть скелетов лошадей с аналогичным уздечным набором. А.К. Коровина отнесла эти погребения ко второй половине V в. до н. э. [Коровина, 1964, с. 9], но сопоставление с СК 2 (около 450–440 гг. до н.э.) позволяет сузить такую датировку. В этой связи стоит обратить внимание на приблизительно одинаковые размеры погребальной камеры (в СК 2 – 32 кв. м), наличие в обоих случаях пола из сырцовых кирпичей²³ и аналогичное Г-образное размещение конских костяков, которые в торцовой части склепа расположены «голова к хвосту».

Предположительно как погребения женщин, принадлежавших к элите синдского общества и связанных со жреческими функциями (см. также главу V), можно рассматривать раскопанные близ Фанагории известные подкурганские захоронения с фигурными полихромными сосудами – это комплексы 1852 г. (раскопки К.Р. Бегичева, Л.А. Перовского и А.А. Сибирского) и 1869 г. (раскопки В.Г. Тизенгаузена) [Паромов,

²³ Такая конструктивная деталь нигде больше не встречается.

2004, с. 309–316]. Первый из них представлял собой курган высотой 8,5 м при окружности 149 м [Ростовцев, 1925, с. 267-268]. Сначала под курганной насыпью на глубине 2,8 м была открыта обшитая изнутри сосновыми досками гробница из сырцового кирпича (3,2 × 2,5 м), на дне которой находились ориентированные на восток²⁴ два скелета в одном деревянном гробу. Возле черепа одного из них сохранились «фрагменты маленькой вазочки, украшенной пальметкой, и простая глиняная чашечка. На пальце левой руки – золотое кольцо», а у ног – разбитый алабастр. Через несколько дней удалось выявить другую гробницу (2,16 × 0,78 м при высоте 1,13 м) «такого же устройства, основанием на материке». Скелет женщины в деревянном гробу, как и в предыдущем случае, был ориентирован на восток. В изголовье по обе стороны стояли два краснофигурных арибаллических лекифа. На черепе были обнаружены две золотых спиралевидных подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни (рис. 94, 2) и 43 круглых золотых бляшки от головного убора: 33 – с изображениями трёх вариантов головы горгоны Медузы и 10 – с изображением женской головы в диадеме. Возможно, головной убор в данном случае имел жесткий кожаный каркас конусовидной формы и соответственно близок к типу 5 по классификации С.А. Яценко, который отмечал, что типологически сходные уборы с височными подвесками известны у восточных соседей скифов [Яценко, 2006, с. 73, рис. 36, 3а; 43, 1].

Во рту погребённой лежал кружок тонкого листового золота с изображением женского профиля на лицевой стороне и меча на оборотной. В районе шеи нашли ожерелье из 19 золотых бусин овальной формы и подвески в виде львиной головки. Ещё две «монисты» и орехи были найдены в изголовье и у ног погребённой. Её руки когда-то украшали два разомкнутых серебряных браслета с львиными головками на концах, а один из пальцев – тонкое золотое колечко. Возле каждой руки было положено по алабастру. Из области пояса происходит серебряная пряжка. У ног справа нашли три глиняные (чернолаковые?) палеры, железный стригиль и имевший к нему отношение крючок, который, видимо, крепился на стенке гробницы. Слева лежали фрагмент деревянного гребня, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, несколько бронзовых булавок, «расписанная венками из листьев» пиксида, два окрашенных в голубой цвет разбитых глиняных крыла и, наконец, четыре сосуда в виде статуэток – обнажённого молодого Диониса (ритон), крылатой женской фигуры с кроталами у алтаря (лекиф) и двух менад (ойнохои) [ДБК, табл. LXX].

В отношении датировки погребения особого внимания заслуживают золотые спиралевидные подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни, которые относятся к варианту II в по Л.Ф. Силантьевой и датируются концом V в. до н.э. В то же время

---

²⁴ В эталонных для синдской знати Семибратних курганах в двух случаях отмечена восточная ориентация погребённых (СК 4, 6), в двух – восточная с отклонением к югу (СК 1, 3), в трёх – восточная с отклонением к северу (СК 2, 5, 7). Нетрудно заметить, что в «царских» захоронениях V в. до н.э. присутствует только восточная ориентация, тогда как в следующем столетии наблюдается отклонение от неё к северу.

такая деталь, как сооружение гробницы над материком, в сравнении с Семибратними курганами не позволяет отнести её ко времени позднее 420–410 гг. до н.э.

Другое женское погребение с фигурными полихромными сосудами было открыто к юго-востоку от Фанагории в 1869 г. [ОАК, 1869, с. V; Фармаковский, 1921; Ростовцев, 1925, с. 269–270]. Здесь под большой курганной насыпью находилась перекрытая деревянными брусьями гробница из сырцового кирпича, впущенная в материк, в чём ещё В.Ф. Гайдукевич видел соответствие местной туземной традиции [Гайдукевич, 1949, с. 281]. В настоящее время высота кургана, частично разрушенного старыми раскопами и грабительскими ямами, всего 3,3 м [Паромов, 2004, с. 312], но в первоначальном виде должна была составлять не менее 5 м. Самые известные вещи из состава погребального инвентаря этого захоронения, конечно, полихромные арибаллические лекифы в виде статуэток Афродиты, Сфинкса, Сирены, женской фигуры в хитоне и гиматии, танцующего крылатого демона и птицы. Их дополняют одиннадцать терракот, изображающих Деметру и Кору, Афродиту, Аполлона и танцовщиц. Керамический комплекс помимо простой керамики включал ряд краснофигурных сосудов: четыре небольших арибаллических лекифа, ойнохою и миниатюрную гидрию. Б.В. Фармаковский считал, что все они аттического производства и датируются концом V – началом IV вв. до н.э. [Фармаковский, 1921, с. 5]. С другой стороны, А.А. Передольская была склонна отнести лекиф с трёхфигурной композицией к периоду 390–380 гг. до н.э. [Передольская, 1973, с. 67].

Среди найденных украшений стоит отметить золотые бляшки от головного убора: 30 – с изображением головы горгоны Медузы, 19 – в виде цветка лотоса и несколько экземпляров с головой смеющегося сатира. К тому же изделию, видимо, относятся две бронзовые покрытые листовым золотом спиралевидные подвески с пирамидками из зерни (рис. 94, 3). Л.Ф. Силантьева выделила их как разновидность варианта Пв конца V в. до н.э. [Силантьева, 1976, с. 127–128].

Ещё один предмет, сопровождавший погребённую, – бронзовое зеркало. С учётом всех находок, особенностей конструкции погребального сооружения и явно небольшого временного разрыва с комплексом из кургана 1852 г. есть достаточные основания отнести женское погребение 1869 г. к рубежу V–IV вв. до н.э.

Обращает на себя внимание устойчивость моды в отношении головного убора трёх женщин, погребённых в сырцовых гробницах с перекрытием из деревянных брусьев, на протяжении полувека. Для них характерны обязательное присутствие набора золотых бляшек и спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни, имевших отношение к головному убору (ФК 6, курганы 1852 г. и 1869 г.). В двух последних случаях обязательным элементом погребального инвентаря являются также сосуды для оливкового масла (арибаллические лекифы, алабастры), бронзовое зеркало. В связи с последней категорией находок стоит обратить внимание на то, что в искусстве иранских народов с зеркалом изображались только богини [Яценко, 2006, с. 52]. Отметим также присутствие на подавляющей части бляшек изображений горгоны Медузы, которая могла восприниматься в синдской среде как одна из ипостасей

местной Великой богини [Шауб, 2013а, с. 79]. Я.М. Паромов предположил, что здесь мы имеем дело с захоронениями жриц, связанных со святилищем на Майской горе в 1 км от Фанагории, в центре системы курганов, охватывающих город [Паромов, 2004, с. 314]. Как отмечала И.Д. Марченко, обряды, проводившиеся в святилище, расположенном на грязевом вулкане, «возможно, близки были каким-то догреческим религиозным представлениям, которые в более позднее время» как бы по-новому отредактировали «в свете греческих религиозных понятий» [Марченко, 1974, с. 31]. Не исключено, что в этих обрядах участвовали представительницы синдской знати, воспринявшие к концу V в. до н. э. многие элементы греческой культовой практики.

Интересно, что все указанные элементы погребального инвентаря предполагаемых жриц присутствуют среди находок из синхронного СК 6: деревянный саркофаг; сосуды для масла – алабастр и краснофигурный аск; круглые золотые бляшки (114 экз.), в том числе с головой горгоны Медузы (28 экз.),²⁵ и две бронзовые плакированные золотом спиралевидные подвески с пирамидками зерни (рис. 94, 4); бронзовое зеркало. В то же время размеры кургана (11,4 м) и ряд предметов: серебряные сосуды (в том числе килик) и богатый набор бронзовой посуды для вина, обнаруженные у ног фрагменты чешуйчатого панциря, обломки меча и наконечников копий, несколько бронзовых наконечников стрел, плотно уложенные в особом отделении костяки семи лошадей с железными удилами и псалями указывают на то, что здесь, как уже отмечалось, около 405 г. до н.э. был погребён мужской представитель «царского» рода, один из правителей Синдики. Конечно, половую принадлежность человеческих останков из СК 6 определить уже невозможно, но против того, что это была своего рода синдская «амазонка», свидетельствуют сравнительные данные по территории Скифии. Из всех выявленных в степной зоне Северного Причерноморья женских погребений с оружием (более 80) комплект из четырёх видов вооружения, как в СК 6, присутствует только в одном – погр. 3 кургана 5 могильника Мамай-Гора, да и то меч в данном случае отсутствует [Махортых, 2011, с. 46].

Каким же образом можно примирить эти факты? Представляется, что единственной возможностью в данном отношении является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»),²⁶ согласно которой «заболевшие», переходя в сферу культа богини, которую Геродот называет Афродитой Уранией (*Herod. I. 105. 4*), одевались по-женски, делали женскую работу, но получали дар прозрения. В этой связи можно вспомнить мнение А.М. Хазанова о том, что «женская болезнь», являвшаяся одним из проявлений энарейского комплекса, была распространена среди представителей скифского царского дома» [Хазанов, 1975, с. 175].²⁷ Сходной точки зрения на эту

---

²⁵ Голова Медузы изображена и на одном из трёх небольших золотых колпачков, найденных, так же как и оружие, близ ног погребённого.

²⁶ Подробный историографический обзор на эту тему см.: Королькова, 2009, с. 11–26.

²⁷ По свидетельству Псевдо-Гиппократа, ей подвержены самые могущественные и благородные по происхождению [SC, I, с. 63].

«болезнь», передававшуюся по наследству в царском поколении, придерживались А.И. Доватур, Д.П. Каллистов и И.А. Шишова, комментируя соответствующее сообщение Аристотеля в «Никомаховой этике» (*Arist. Eth. Nicom. VII. 8.1150b.14 sq.*; см.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 306, прим. 427). Анализируя сведения античных авторов об энареех, А.М. Хазанов считает обоснованными следующие позиции: 1) энареи – профессиональное жречество, связанное с культом богини Афродиты – Аргимпасы; 2) энареи занимались прорицаниями, получив дар гадания от Афродиты; 3) энарейство имело наследственный характер, а их женоподобие связано с требованиями религиозного культа; 4) энареи происходили из среды скифской знати и, возможно, принадлежали царскому роду; 5) энареи пользовались большим влиянием как причастные к божеству [Хазанов, 1975, с. 168, 169].

Изображения энареев Д.А. Мачинский видел в центральных персонажах пекторали из Толстой могилы, которые шьют меховую одежду²⁸ и совершают таким образом обряд, связанный с изменением социального статуса и травестизмом. При этом он отмечал у них в лицах реалистически переданные черты старения [Мачинский, 1978, с. 141-142]. Эта деталь заслуживает самого пристального внимания, поскольку в этнографии известны обрядовые действия, связанные с утратой воинских функций в результате старения и последующим принудительным травестизмом [Королькова, 2009, с. 16]. Как определяющая возрастная грань мог рассматриваться такой энарейский недуг, как половое бессилие (*Ps.-Hipp. De aere. 29*), но только в том случае, если человек принадлежал к высшим слоям общества.

«Царь», погребённый в СК 6, явно прожил долгую жизнь, поскольку курган его предшественника (СК 4) был возведён приблизительно тридцатью годами ранее. Следовательно, он вполне мог за несколько лет до смерти перейти в статус энарея – верховного жреца Великой богини-матери,²⁹ а реальную власть передать своему наследнику, известному нам как Гекатей. Кстати, этот теоним, вероятно, не случаен и, скорее всего, отражает связь синдского царского дома с почитанием Великой богини в её подземной ипостаси. Не случайно, видимо, и появление на синдских монетах головы коня, так как хтоническое женское божество у иранцев Северного Причерноморья, как правило, сочеталось с конскими образами (ср.: *Herod. IV. 9*).

Выбор имени, достаточно редкого для боспорской ономастики [КБН, 117. 121. 130, 1137],³⁰ вряд ли был случаен и, скорее всего, связан с культом местной Великой богини, владычицы всего сущего. По-видимому, образ Гекаты со змеями в волосах, покровительствовавшей охоте, пастушеству, разведению коней и даровавшей победу на войне (*Hes. Theog. 421-452*), рассматривался как одна из её ипостасей и, как уже отмечалось, мог соотноситься с горгоной Медузой. Можно вспомнить объяснение,

²⁸ Отметим, что в СК 6 были найдены остатки меховой шапки и одежды, подбитой светло-коричневым мехом.

²⁹ Возможно, у синдов она именовалась Астара (КБН, 1015).

³⁰ Самым ранним примером такого рода является эпитафия из Пантикапея, датирующаяся концом IV в. до н.э. (КБН, 117).

предложенное Д.С. Раевским по поводу широкого распространения этого образа в Скифии: «чисто греческая семантика сама по себе не могла обеспечить популярности горгонеяона у скифов – требовалась ещё интеграция в местную мифологию» [Раевский, 2006, с. 174; см. также: Шауб, 2007а, с. 96].

Если говорить о Семибратних курганах, то изображения горгоны Медузы имеются на 14 золотых бляшках из СК 2 (рис. 95, 1,2), бронзовой пластине, украшавшей панцирь из СК 4 (рис. 96, 3), на 28 золотых бляшках (рис. 95, 4,5) и колпачке из СК 6 (рис. 95, 6) – места захоронения непосредственного предшественника Гекатея, очевидно, его отца. При этом почти все упомянутые изделия торевтики демонстрируют ранний тип изображения Медузы – с широким плоским лицом и высунутым языком. Исключением являются бляшки из СК 6, где горгона представлена в виде привлекательной женщины с волнистыми волосами и стилизованными змеями, обрамляющими лицо снизу. Авторство этой облагороженной трактовки образа Медузы принадлежит Фидию, поместившему его в центр щита статуи Афины Парфенос [Русяева, 2002, с. 218]. Представление о том, как он выглядел, дает т.н. «щит Странгфорда», являющийся его мраморной копией [Колобова, 1961. С. 131].

В связи с погребениями синдской элиты для нас представляет интерес ещё один комплекс – это курган с гробницей из сырцового кирпича и деревянным перекрытием, исследованный в окрестностях Кеп близ усадьбы Пивнева в 1880 г. [ОАК, 1880, с. XII],³¹ датирующийся периодом около 440–430 гг. до н.э. Таким образом, подкурганные погребения синдской аристократии фиксируются именно близ тех античных городов Азиатского Боспора (Фанагория, Кепы), которые упомянуты в перипле Псевдо-Скилака, как существующие в земле синдов³². Через них проходила одна из главнейших дорог Таманского полуострова. От Фанагории она шла по Аллее курганов в юго-восточном направлении до поселения Стрелка 2, потом через старое русло на левобережье Кубани к Лабрису [Паромов, 1998, с. 217–218, рис. 2].

Захоронения синдской знати, не имевшей прямого отношения к «царскому» роду, рассеяны также на довольно большой территории к западу от Лабриса. Достаточно широко, в пределах датировки первой хронологической группы Семибратних курганов (450–430 гг. до н.э.), определяется дата возведения раскопанных В.Г. Тизенгаузеном двух больших курганов к югу от колонии Михаэльсфельд (совр. пос. Джигинка), где нам известен только тип погребальных сооружений – центральная гробница из сырцового кирпича, возведённая на материке.

Ко второму хронологическому этапу (430–400 гг. до н.э.) принадлежит возведённая на материке каменная гробница кургана «А» из числа Малых Семибратних курганов. Данный погребальный комплекс по конструкции сопоставим с СК 5, и, следовательно, его можно отнести к рубежу третьей и последней четверти V в. до н.э. В насыпи другого кургана, обозначенного как «В», были обнаружены такие престижные

³¹ Более подробно об этом и других курганах синдской знати см.: Горончаровский, 2014, с. 573–576.

³² В некрополе Гермонассы они, например, отсутствуют [Паромов, 2002, с. 192–203].

предметы, как золотая гривна в виде гладкого свёрнутого в круг прута, а также позолоченный серебряный килик (около 460–450 гг. до н.э.) с изображениями Диониса и Ариадны (?) [Горбунова, 1971, с. 26–29, рис. 3, 8; Античное художественное серебро, 1976, с. 13–14; Strong, 1966, p. 79].

К описанным элитным захоронениям примыкает погребальный комплекс, реконструированный А.М. Лесковым в ходе изучения коллекции Массоно, проданной в начале прошлого века в музеи Берлина и Филадельфии. Он связывал его с могилой богатой женщины из кургана, находившегося к востоку от Таманского полуострова [Лесков, 2010, с. 504–506]. Обращает на себя внимание наличие в нём большого количества изделий из золота: около трёхсот бляшек; деталей женского головного убора; пекторали; гривны из литого прута, сужающегося к несомкнутым концам (рис. 96, 1); двух питьевых рогов с львиными головками (рис. 96, 2,3); пластинобровок от деревянных сосудов, в том числе с изображением хищной птицы, держащей в когтях рыбу (рис. 96, 4), и серебряной с позолотой фиалы, где имеется гравировка в виде головы хищной птицы (рис. 96, 5,6) [Лесков, 2010, с. 507–512, рис. 1–15]. Ряд аналогий с находками из СК 4 позволяет датировать этот комплекс приблизительно 440–430 гг. до н.э.

По ряду хронологических признаков к периоду около 410–400 гг. до н.э.³³ относится уже упоминавшаяся ограбленная сырцовая гробница близ пос. Уташ (в 14 км к юго-западу от Семибратних курганов) [Алексеева, 1991, с. 30–34, табл. 50–57]. Гробница, ориентированная по продольной оси на СВ-В, имела два вытянутых отсека, отделявшихся друг от друга невысокой сырцовой стенкой. Обмазанный известью пол устилал толстый слой камки. Прямо на нём в южном отсеке стоял саркофаг, обильно инкрустированный гравированными пластинками слоновой кости. При этом особенно тщательной работой отличаются две пластины, где представлены персонажи из мифа о горгоне Медузе, изображённой в виде крылатой женщины с короткими волнистыми волосами [Новичихин, Галут, 2013, с. 22].

Для всех рассмотренных погребальных комплексов синдской аристократии характерен определённый набор сопровождающего инвентаря, в котором обязательно присутствует оружие, а предметы в зверином стиле, как правило, сочетаются с художественной продукцией эллинских мастеров. Эти комплексы в полной мере отражают процесс нарастающей социальной дифференциации синдского общества в ходе развития греко-варварских отношений на восточном пограничье Боспорского государства, завершившихся включением Синдики в его состав.

Представляется интересной попытка проследить постепенные изменения в отношении присутствия в погребальном инвентаре курганных комплексов синдской элиты определённого набора престижных предметов, наглядно показывавших принадлежность конкретных индивидов к властным структурам [ср.: Семёнов, 1994, с. 7 сл.].

³³ К близкой датировке склонялась и опубликовавшая материалы из Уташского кургана Е.М. Алексеева – рубеж V–IV вв. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 34].

Глава III

Наибольший интерес для анализа круга этих предметов представляют СК 2, 4 и 6, поскольку остальные курганы были ограблены почти полностью. Если свести в одну таблицу данные по интересующим нас показателям, включив сюда ФК 6 1852 г., получится следующая картина:

Таблица 2. Престижные предметы в погребальном инвентаре синдской элиты

№ кургана	Высота кургана	Оружие (мечи, копья, дротики, стрелы, панцири, кнемиды)	Золотые бляшки	Шейные украшения	Серебряные сосуды	Рога для вина	Браслеты, перстни	Художественная бронза	Художественные ткани
ФК6	15,6 м	1/3/-/ >140/1/-	>6	1	–	–	–	–	–
СК2	6 м	1/3/1/347/1/-	ок. 300	3	3	1	-	4	-
СК4	12,8 м	-/-/-/1/1	-	-	2	3	1	5	1
СК6	11,4 м	1/1/1/ колчаный набор»/1/-	114	1	3	-	3	5	2

Отсюда становится очевидным, что первая декада второй половины V в. до н.э. действительно стала переломной для синдских вождей, значительно расширив их возможности в сфере получения даров и различных ценностей. В отличие от ФК 2 самый ранний из Семибратних – СК 2,³⁴ принадлежавший члену «царского» рода, демонстрирует резко выросшее благосостояние правящей элиты. Некоторые пластинки чешуйчатого панциря погребённого плакированы золотом. С остатками горита связана большая серебряная с позолотой пластина, на которой имеется двухъярусное изображение оленихи с оленёнком и орла, несущего в когтях зайца. Золотыми бляшками расширяется целый полог, а возможно, и одежда погребённого, шею которого украшают такие золотые изделия, как массивная гривна, несколько витков пронизей и ожерелье. В состав погребального инвентаря включаются вещи, связанные с пиршественной тематикой: первоклассные серебряные сосуды (килик с изображением Беллерофонта и фиала с головками силенов), серебряный рог с наконечником в виде головы льва и набор бронзовой посуды (таз, два киафа, ситечко). Наблюдающаяся здесь концентрация престижных предметов, как символов власти, позволяет с уверенностью говорить о начавшемся обособлении «царского» рода среди прочих аристократических семей.

³⁴ Находка в насыпи СК 2 таких чернолаковых сосудов, как глубокий аск (ок. 450 г. до н.э.) и чашка с вогнутыми стенками (450–430 гг. до н.э.) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 294, 318, fig. 8, 817, pl. 39, 1168], свидетельствует о том, что он был сооружён позднее середины V в. до н.э.

В частично ограбленном СК 4 был найден не только панцирь, украшенный бронзовой пластиной с головой горгоны Медузы, но и пластинчатые поножи. Здесь же присутствуют ахеменидский серебряный ритон с наконечником в виде протома крылатого козла и два рога для питья вина с деталями из золота. Очевидно, на определённом этапе подобные сосуды у синдов, как и у многих других народов (персы, скифы, фракийцы), превратились в своего рода стандарт роскоши. Безусловно, они были весьма престижными вещами в глазах варварской аристократии и использовались в общении между людьми высокого социального ранга [Ростовцев, 1913, с. 138; Бессонова, 1983, с. 116; Власова, 2000, с. 56 сл.]. На золотых пластинах, украшавших края питьевых рогов из Семибратних курганов (СК 2 и 4), мы видим практически один и тот же набор образов, характерных для иранской мифологии, и, видимо, значимых для синдской аристократии – прежде всего, это сцены терзания. Но если в случае терзания львом оленя или львиноголовым грифоном горного козла их можно рассматривать как отражение идеи жертвы, призванной породить энергию жизни и принести в мир состояние плодоносящего изобилия и процветания, то образ орла, «когтящего» зайца, скорее всего, имеет дополнительную смысловую нагрузку. Он мог восприниматься и как благоприятное знамение, приносящее победу. Очевидно, этим можно объяснить его присутствие в декоре не только парадных рогов, но и нагрудной пластины от панциря из СК 2. Такое значение данного сюжета, очевидно, было устойчивым для иранского мира и сопредельных территорий, поэтому спустя шестьсот лет, повторённый девять раз, он появляется на обложке ножен кинжала из горгиппийского склепа 2 второй половины II в. н.э. [Новичихин, Галут, 2013, с. 42-43].

Среди бронзовых художественных изделий из СК 4, помимо посуды, оказывается канделябр этрусского производства. Можно отметить также присутствие среди предметов погребального инвентаря плетёного проволочного браслета с головками змей и шерстяной узорчатой ткани. Возможно, за погребённым здесь вождем признавалось, помимо реальной власти, наличие некой магической силы. В частности, непосредственно близ его скелета находились семь амулетов-подвесок, в том числе клык хищника и просверленный сердолик в золотой оправе, а среди различной утвари в южной части гробницы – чернолаковая чашка с единственным найденным в СК граффито ОМА³⁵. Скорее всего, оно связано с упоминаемым Страбоном богом Оманою (*Strabo*. XI. 8. 4; XV. 3. 15), считавшимся покровителем скотоводов и скота, а возможно, и персонификацией священного напитка – хаомы, использовавшегося ираноязычными народами в погребальном ритуале. С образом этого божества могли связывать получение верховной власти и военные победы, поэтому позднее его стали ассоциировать с Зевсом Стратием, и в результате появился эллинистический культ Зевса Омана [Сапрыкин, 2009, с. 247-248].

³⁵ Соответственно можно предположить, что, по крайней мере, с конца второй трети V в. до н.э. часть синдской элиты имела как минимум некоторое представление о греческом алфавите.

Своеобразной иллюстрацией дальнейшего развития процесса обогащения синдской элиты является СК 6 конца V в. до н.э. Меняется привычная конструкция погребального сооружения: в угол сырцового склепа теперь встраивается гробница из известняковых плит³⁶ (2,3 × 1,5 м), куда помещён деревянный резной саркофаг с крышкой, обитой покрывалом из тонкой шерстяной ткани с трёхцветной росписью. Другой кусок шерстяной ткани с изображением уток и голов оленей прикрывал ноги покойника, одежду которого украшали многочисленные нашивные бляшки. Происходят некоторые изменения в составе престижных предметов погребального инвентаря. Из их числа выпадают рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней. На костях пальцев рук погребённого их было три: один с гладкой горизонтальной шинкой, другой – с изображением барса, терзающего оленя, третий – вращающийся на продольной оси халцедоновый перстень-печать с резным изображением свиньи. Обращают на себя внимание и находки в склепе трёх пластин из слоновой кости с изображениями на мифологические сюжеты и орнаментальными мотивами от шкатулок средиземноморского происхождения, а также точёных ножек типичной греческой клине. Впрочем, как справедливо заметил Ю.В. Андреев применительно к скифским курганам: «Находки золотых и серебряных изделий греческой работы, греческой керамики и т. п. предметов в курганах ... и могильниках иного типа сами по себе ещё не могут свидетельствовать о далеко зашедшей эллинизации населения» [Андреев, 2010, с. 624].

Что касается роли керамики в быту синдской знати, то она была довольно незначительной. Похоже, что её художественные достоинства для неё не имели никакого значения. Единственная более или менее интересная в этом отношении краснофигурная пелика с дионисийскими персонажами происходит из СК 1 (ок. 375 г. до н.э.). Прочие немногочисленные краснофигурные сосуды вполне рядовой работы. Полностью отсутствуют сосуды для питья вина, а набор форм чернолаковой и расписной керамики ограничен небольшими чашками (7 экз. только в курганах V в. до н.э.), лекифами, алабастрами и аском (рис. 97). Красноглиняная хозяйственная посуда представлена только двумя образцами – это лутерий из СК 4 и кастрюля с ситечком на сливе из СК 6, где было найдено наибольшее количество образцов керамики (6 экз.). В целом подобного рода находки из погребальных комплексов Семибратних курганов (18 экз.) распределяются следующим образом:

- красноглиняная керамика – 11,1 % (2 экз.);
- простая чернолаковая керамика – 55,6 % (10 экз.);
- краснофигурная керамика – 33,3 % (6 экз.).

О сохранении прежних тенденций в культуре элиты местного общества даже в начале IV в. до н.э., когда охваченная затяжными военными действиями Синдика переживает далеко не лучшие времена, в какой-то мере можно судить по осно-

---

³⁶ Возможно, при участии граждан Лабриса.

вательно ограбленному СК 3. На дне впущенной в материк каменной гробницы сохранились отделанная золотом и серебром рукоять махайры греческой работы в виде головы орлиноголового грифона [Сокольский, 1954, с. 131] и наконечник копья. Среди находок присутствовали также обломки нижней части серебряного сосуда, оправленный в золото вращающийся халцедоновый скарабеоид с изображением медведя и отдельные золотые нашивные бляшки в виде треугольников, пальметок, льва и лежащего козла.

3.3. Роль элиты в синдском обществе. «Синдские» монеты и проблема Синдского государства

Дискуссионная проблема существования Синдского государства давно привлекает пристальное внимание учёного мира и до сих пор далека от завершения [соответствующий историографический обзор см.: Бондаренко, 2012, с. 89–107]. С одной стороны, сам факт производившейся от лица синдов монетной чеканки говорит, насколько далеко вперед ушли они в общественном развитии по сравнению со своими варварскими соседями. С другой – существование на протяжении нескольких десятилетий в неизменном виде легенды ΣΙΝΔΩΝ указывает на длительное сохранение элементов родоплеменной структуры власти, когда руководство племенем осуществляется от имени его членов, а царь выступает как «первый среди равных». В этой ситуации обычно достаточно велика роль войска, как собрания вооружённых свободных людей, которое после смерти «царя» должно было выбрать или утвердить нового вождя. Таким образом, переход верховной власти у синдов мог происходить не в порядке прямой преемственности, а решаться каждый раз заново при ограничении возможности выбора членами одного и того же рода [ср.: Златковская, 1971, с. 206; Кычанов, 2010, с. 17]. В любом случае принятие важных политических решений, видимо, не могло осуществляться без участия представителей аристократии. Можно предположить, что на определённом этапе развития синдского общества его аристократия оказалась расколотой на две партии, своего рода «иранскую» и «греческую», которую возглавил Гекатей, на первых порах потерпевший в этом противостоянии поражение. Его женитьба на меотянке Тиргатао в начальный период правления, возможно, являлась отражением временного компромисса с антиэллинскими настроениями части синдской знати [ср.: Блаватская, 1959, с. 103–105; Шелов-Коведяев, 1985, с. 133–134]. Судя по всему, Гекатей родился около 435 г. до н.э., был воспитан в эллинском духе, мог читать и писать по-гречески. Можно предположить, что уже при жизни его деда связь царского рода с Лабрисом была подкреплена браком наследника с местной гречанкой. Очевидно, тогда здесь и появилась периодически посещаемая царская резиденция³⁷. Собственно, об укреплении связей синдов с греческим миром доста-

³⁷ Ср.: Хазанов 2008, 420–421. Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся

точно наглядно свидетельствует начавшаяся на определённом этапе чеканка монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Когда же и где это произошло?

Одни исследователи видели в этих монетах эмиссию племени синдов, другие придерживаются мнения о принадлежности данных выпусков греческому полису Синд, Синдика, Синдская Гавань, союзной чеканке полисов Азиатского Боспора³⁸ или более конкретно – Фанагории [Мельников, 2005, с. 27-28].

Однако обратимся к собственно «синдской» эмиссии³⁹. На сегодняшний день известно одиннадцать разновидностей ранних боспорских монет, чья принадлежность к ней не вызывает сомнений. Все они могут быть сведены в три серии [см., напр.: Абрамзон, Горлов, 1998, с. 144]. Серия С-1 представлена следующими типами:

1) Л. с. – обнаженный воин (Геракл?), опустившийся на одно колено, с луком, вправо. О. с. – в углублённом квадрате изображение совы в фас с расправленными крыльями, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (тип III по Н.А. Фроловой) (рис. 98, 1,2). Стоит отметить, что на всех известных номиналах этого выпуска лук подвешен на левой руке воина, судя по всему, проверяющего стрелу. В зеркальном отображении похожая композиция имеется на происходящем из некрополя Пантикапея золотом перстне с изображением сидящего перса, который датируется 420–400 гг. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 156, кат. 97]. Можно с уверенностью утверждать, что указанный тип выпускался в двух номиналах – триобол и диобол.

2) Л. с. – протома козла вправо с повернутой назад головой. О. с. – в углублённом квадрате сова анфас с распушенными крыльями, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 3,4). Судя по весу, монеты этого типа – гемиоболы.

Ближайшей аналогией рассматриваемому типу, по мнению О.Н. Мельникова, является гекта Митилены, где представлены «протома скачущего козла вправо с повернутой назад головой – сова анфас с распротёртыми крыльями во вдавленном квадрате» (рис. 99, 5). Данное сходство автор склонен объяснять существованием тесных отношений между Митиленой и Северо-Восточным Причерноморьем [см.: Мельников 2003: 178]. В качестве доказательства приводятся сообщение Фукидида об ожидании митиленцами помощи лучниками и хлебом из Понта для начала борьбы с Афинами (*Thuc.* III. 2. 2) и одна из версий об основании Гермонассы (*Eust.* 549), хотя эти примеры сами по себе достаточно спорны [Брашинский, 1963, с. 92, прим. 9].

На роль младшего номинала исследуемой группы могут претендовать известные в двух экземплярах монеты типа: Л.с. – муравей. О.с. – расположенное горизонтально в центре монетного поля зерно, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ [рис. 98, 5,6]. Предпочтение, отдаваемое этому типу, можно обосновать наличием специфическо-

---

в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный», жил «месяц или более того», после чего покидал город, возвращаясь туда довольно часто (*Herod.* IV. 78-79).

³⁸ Наиболее полно историография вопроса представлена в работе Н.А. Фроловой «Корпус монет синдов» [Фролова, 2002, 71-72].

³⁹ Нумизматический раздел работы написан при участии А.Е. Терещенко.

го аверсного изображения практически для каждого номинала серии С-1, что позволяет предполагать существование его и для тетартемориев.

Серия С-2 включает несколько типов монет:

1) Л.с. – голова Геракла в львиной шкуре вправо, в обрамлении из точек. О.с. – вдавленный квадрат, в центре голова коня вправо, справа от неё восьмиконечная звезда, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 7,8). Номиналы: триобол и диобол (?). По Н.А. Фроловой, это тип I [Фролова, 2002, с. 72]. На данный момент известно семь монет этого типа.

2) Л.с. – то же, но обрамление из точек отсутствует. О.с. – то же, но звезда отсутствует (рис. 98, 9,10). По Н.А. Фроловой, это тип II, представленный диоболлами, оболлами, гемиоболлами, тетартемориями и гемитетартемориями [Фролова, 2002, с. 72–73].

3) Л.с. – голова быка вправо. О.с. – голова коня вправо, сверху надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 11). Это тип IV по Н.А. Фроловой, и есть все основания считать монеты с головой быка, как и пантикапейские с муравьём, относящимися к самому младшему номиналу – тетартемориям. Ввиду полнейшей идентичности реверсного сюжета их необходимо отнести к выпуску, в котором на аверсе монет более крупного достоинства изображена голова Геракла.

Заключительная серия С-3 (тип V по Н.А. Фроловой): Л.с. – сидящий орлиноголовый грифон вправо, перед ним зерно. О.с. – в углубленном квадрате голова коня вправо, над ним надпись ΣΙΝΔΩΝ (рис. 98, 12-14) или ΣΙΝ (рис. 98, 15-16). Этот тип с полной легендой представлен диоболлами, оболлами, гемиоболлами, а с сокращенной – тетартемориями, у которых на аверсе изображение протомы орлиноголового грифона⁴⁰. При этом на экземплярах с полной легендой она располагается поверх головы коня, а на монетах с сокращенной – буквы находятся справа от неё. Это однозначно указывает на то, что в данном случае были вырезаны новые штемпельные пары, или, как минимум, использовался новый штемпель для оборотной стороны.

Подводя некоторый итог, важно отметить, что «синдские» монеты, представленные далеко не крупными номиналами, вплоть до гемиоболов и тетартемориев, безусловно, предназначались для внутриволисного ежедневного обращения и, надо полагать, не вызывали никакого отторжения в греческой среде. Благодаря своим весовым характеристикам они совершенно органично влились в привычную для этого региона монетно-весовую систему. С другой стороны, проведенный С.Р. Тохтасьевым исчерпывающий анализ монетной легенды показал, что «с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно: «(монета) синдов» [Тохтасьев, 2001б, с. 64], т.е. это племенная чеканка. Возникает закономерный вопрос: если она производилась от имени синдов, то почему символика изображений исключительно эллинская, что, казалось бы, свидетельствует в пользу полисного происхождения «синдской» монеты [см., напр.: Аптекарев, 2004, с. 15]? Некий компромисс попытался найти

⁴⁰ У Н. А. Фроловой это сидящий львиноголовый (sic!) грифон [Фролова, 2002, с. 77].

Д. Б. Шелов, который предположил, что заимствование греческих монетных типов вызвано глубоким проникновением в Синдику греческих нравов и вкусов [Шелов, 1949, с. 116]. Однако впоследствии он счёл свои прежние взгляды «излишне категоричными и недостаточно обоснованными» и присоединился к «полисной» версии, отметив «чисто греческий характер типологии монет, в которой никак не отразились синдские культурные представления и традиции» [Шелов, 1981, с. 242]. Но так ли это? Попробуем проанализировать непосредственно сюжеты, использовавшиеся в «синдском» монетном деле.

Неоднократно отмечалось чрезвычайное разнообразие типологии «синдских» эмиссий, параллели для которых обнаруживаются в афинской (рис. 99, 1,3), митиленской (рис. 99, 5), кизикской (рис. 99, 8), ольвийской (рис. 99, 7), теосско-абдерской (рис. 99, 9,10) и гераклеийской (рис. 99, 6)⁴¹ чеканке [см., напр.: Орешников, 1922, с. 123-124; Зограф, 1951, с. 169; Шеллов, 1949, с. 111,113-114; Завойкин, 2011б, с. 122-123; Строкин, 2012, с. 390, 391]. Предполагается, что указанные центры играли заметную роль в торговле с Синдикой. Исключение составляет только изображение головы коня, которое практически единодушно признавалось «эмблемой» Синдики [Зограф, 1951, с. 168; Шелов, 1949, с. 115], хотя высказывалось и мнение, что этот сюжет может являться отображением культа коня – одного из основных в религиозных представлениях иранского мира [Фролова, 2002, с. 79].

Между тем, любопытные параллели «синдской» чеканке прослеживаются в монетном деле Северо-Западного Причерноморья. Наиболее ранними в данном отношении являются медные литые монеты Никония, открывающие его эмиссионную деятельность и атрибутированные как выпуск скифского царя Скила [Карышковский, 1987, с. 66–68]⁴². На крупных номиналах в поле лицевой стороны помещено изображение совы влево и надпись ΣΚΥΛ, на оборотной – солярное колесо (см.: рис. 98, 14); на мелких номиналах – надпись сокращена до двух букв ΣΚ и перенесена на оборотную сторону (рис. 99, 15). Эти монеты были датированы 470–460 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 115, № 400–402] или более узко – второй половиной 70-х гг. V в. до н.э. [Загинайло, 1990, с. 71].

Рисунок оборотной стороны на монетах Никония – солярное колесо, несомненно, является подражанием ольвийским «ассам» второй четверти V в. до н.э., т.е. совершенно очевидно, что эмиссия Скила производилась под влиянием ольвийского монетного дела. В данном случае для аверса используется афинский композиционный принцип изображения совы, но птица на монетах из Никония развернута влево. Конечно, прототипом для никонийской эмиссии могли послужить афинские тетрадрахмы последней трети VI в. до н.э., на которых сова помещена именно в этом

⁴¹ Такое сравнение неправомерно, поскольку характерным признаком гераклеийской чеканки конца V – первой половины IV вв. до н.э. является изображение головы не юного, а бородатого Геракла.

⁴² Об особой связи царя Скила именно с Никонием, возможно, свидетельствует случайное открытие на территории этого города каменного склепа середины V в. до н.э. с погребением скифского вождя царского ранга [Рябова, Лежух, 2001].

ракурсе, но, на наш взгляд, этот сюжет был заимствован только потому, что обращенная влево сова являлась родовой эмблемой Скила.

Спустя короткое время после прекращения чеканки сов Скила появляются серебряные статеры Эминака с изображением на аверсе коленопреклонённого Геракла в львиной шкуре, натягивающего тетиву лука, и на реверсе – колеса с точками по ободу и дельфинами в углах (рис. 99, 7). Для В.А. Анохина, несмотря на нехарактерный тип аверса, отсутствие названия города и негреческое имя, это сугубо греческая полисная монета, которую он датирует 440–438 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 15-16, 104]. Они датируются либо третьей четвертью V в. до н.э. [Карышковский, 2003, с. 164], либо 438–410 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 104, № 11].

Иная идея была высказана П.О. Карышковским, предположившим ольвийское происхождение монет Эминака, которое удостоверяется не только изображением соответствующей эмблемы, но и находками в Ольвии небольшого клада и отдельных экземпляров этой эмиссии [Карышковский, 1984, с. 88-89]. Согласно его точке зрения на статерах с именем Эминака «...изображена сцена из скифской этногонической легенды – Геракл, демонстрирующий способ натягивания лука». Отсюда вытекал следующий достаточно осторожный вывод: «Неизвестно, был ли этот Эминак гражданином Ольвии или правителем какого-нибудь племени, жившего в её окрестностях, но находки таких монет в Ольвии заставляют рассматривать их в любом случае как монеты, обращавшиеся в городе» [Карышковский, 2003, с. 103, 122, 222]. Более решительно высказался Ю. Г. Виноградов: «...некий скифский правитель не только поместил на серебре Ольвийского полиса своё имя, но и гордо отчеканил изображение своего предка Таргитая-Геракла – мифологического основателя династии скифских царей» [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 94].

Таким образом, мы можем говорить, по крайней мере, о двух «варварских» эмиссиях, имевших место в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. Справедливости ради необходимо сказать, что идея присвоения монетной регалии была, несомненно, воспринята скифами у фракийцев, с которыми имелись самые тесные контакты. Впервые фракийские монеты с этниконами племён бисалтов, дерронов, орресков, ихнов, а иногда и именами местных царей, написанными на греческом языке, появляются уже в конце VI – начале V вв. с конца VI в. до н. э. [Златковская, 1971, с. 68]. Очевидно, их чеканка производилась на монетных дворах тех греческих полисов, которые находились под протекторатом варваров или поддерживали с ними самые тесные отношения. В этом отношении можно провести параллель между обилием среди ранних фракийских монет окто- и декадрахм весом от 20 до 40 г [Златковская, 1971, с. 68, 70] и присутствием таких же крупных номиналов в чеканке Абдеры 540/35–520/15 гг. до н.э. [May, 1966, p. 59, 60, 62]. Более мелкие – тетрадрахмы, драхмы и диоболы – появляются только во второй половине V в. до н.э. [Златковская, 1971, с. 70-71]. Для синдов, судя по всему, образцом стала пантикапейская чеканка, в которой самым крупным номиналом была драхма, а наиболее востребованным – диобол. О влиянии Пантикапея может говорить наличие на триоболах серии С-2 восьмико-

нечной звезды, которая представляла собой отличительный признак пантикапейской городской эмиссии [Терещенко, 1999, с. 86].

Ранее преобладало мнение, что местом чеканки «синдских» монет могла быть Фанагория, где на монетах, как и в Синдике, помещалось изображение зерна [Анохин, 1986, табл. II, 77-79]. К тому же метрополией этого города являлся Теос, главным монетным типом которого было изображение сидящего грифона (рис. 99, 10), как в последней серии синдской чеканки С-3. Вместе с тем, первые фанагорийские монеты, как считается, появляются не ранее начала IV в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 169-170]. Следовательно, этот полис не мог производить денежную эмиссию в более ранний период [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 144; Терещенко, 1999, с. 87].

В настоящее время как наиболее вероятный центр изготовления монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ следует рассматривать Лабрис [Смекалова, Горончаровский, Дюков, 2007, с. 36], для обеспечения потребностей повседневной торговли в котором они, собственно, и предназначались. Основанный в самом начале V в. до н. э. этот город, по крайней мере, уже с конца второй четверти того же столетия определённо существовал как греческий центр в Синдике. Именно неподалеку от него вскоре начинает формироваться курганный некрополь с захоронениями представителей правящей синдской династии (Семибратние курганы). По данным В.Л. Строкина, к настоящему времени для Лабриса известно уже около 50 случайных находок «синдских» монет почти всех известных типов [Строкин, 2012, с. 393], что в масштабах боспорского региона является совершенно исключительным показателем.

Для определения места чеканки «синдских» монет необходимо принять во внимание и такой чрезвычайно важный момент, как состав серебра. Проведённый Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюковым анализ монетного сплава выявил отличие «синдских» эмиссий от одновременных им выпусков Пантикапея, Нимфея, Феодосии и Фанагории. Если те чеканят серебряную монету, сходную по составу с афинской, металл для которой добывался в Лаврионских рудниках, то синдские выпуски демонстрируют вполне определённое отличие [Смекалова, Дюков, 2001, с. 28]. Этот результат чрезвычайно важен, поскольку если бы монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ действительно являлись, скажем, союзной эмиссией полисов Азиатского Боспора [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 46-47], то они были бы идентичны по составу афинскому серебру. В синдской чеканке этого не наблюдается, и предположение о её союзном характере следует считать несостоятельным [Терещенко, 2001, с. 15]. То же можно сказать и о другой точке зрения, согласно которой монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ чеканились пока ещё окончательно нелокализованным греческим полисом Синд (Синдик, Синдская Гавань), наиболее часто отождествляемым с Горгиппией [Орешников, 1922, с. 122; Шелов, 1956б, с. 43; Тохтасьев, 2002, с. 20].

Скорее всего, установленное расхождение в составе монетного металла может объясняться тем, что монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ делались из запасов серебра, которым владели синдские цари. Оно могло иметь самое различное происхождение, например, пришедшие в негодность серебряные изделия, поступающие в качестве да-

ров, а значит, и состав металла монет закономерно не был однородным [Тохтасьев, 2001б, с. 68; Терещенко, 2001, с. 16]. Само собой разумеется, что синдские правители, предоставляя сырьё для чеканки, определяли и её «дизайн». При этом выбирались сюжеты, соответствовавшие определённым религиозным взглядам.

Теперь вернёмся к процитированному выше утверждению Д.Б. Шелова об отсутствии в типологии монет синдов следов их культурных представлений. Чрезвычайно показательным выглядит факт присутствия в погребальном инвентаре Семибратних курганов ряда предметов, в декоре которых использованы сюжеты, аналогичные встречающимся в «синдской» чеканке. В частности, среди многочисленных украшений имеются золотые изделия в виде совы, головы безбородого мужчины, головы быка, коленапреклонённого обнажённого юноши, козла, протомы козла и головы грифона [Артамонов, 1966, рис. 43, 47, 71, табл. 109, 110, 117, 119, 137; см.: рис. 100, 1-8]. В основном они имеют греческое происхождение, что явилось предпосылкой для появления мнения об усвоении синдской знатью греческих культурных традиций [см., напр.: Шелов, 1981, с. 238]. Между тем, престижные вещи для статусных захоронений, несомненно, имели глубокий сакральный смысл. Как показывают находки из Семибратних курганов, при отсутствии канонического облика персонажей синдской мифологии образы, созданные в иной культурной среде, оказались полностью востребованными в сфере местных религиозных представлений. Так же могла восприниматься и типология «синдских» монет, невзирая на её сугубо эллинский характер. Например, образ Геракла, как на монетах Скила и Эминака, мог служить напоминанием о божественном предке вождя и всех синдов. С другой стороны, беря в руки «варварские» деньги, жители боспорских городов видели привычные для них сюжеты, заимствованные из чеканки полисов, с которыми велась хорошо налаженная торговля. Не исключено, что это могло увеличивать степень доверия к монете на подсознательном уровне [Строкин, 2012, с. 390, 392-393].

Все эти наблюдения в большей степени касаются аверса «синдских» монет. В отношении оборотной стороны ситуация, по-видимому, обстоит несколько иначе. В первую очередь, следует обратить внимание на достаточную устойчивость типов реверса, не отличающихся особой разновидностью. В данном случае мы имеем только три вида сюжетов. При этом один из них – изображение зерна на реверсе тетартемориев серии С-1, вероятно, не несёт какой-то особой смысловой нагрузки и, скорее всего, определяет номинал как минимальную счетную единицу. Особое значение придавалось двум другим сюжетам – это сова с распростёртыми крыльями в фас (рис. 98, 1,3)⁴³ и голова коня, явно отражавшим идеологию и религиозные представления властных структур. Данные типы реверса монет «синдской» чеканки при

⁴³ Интересно, что на бляшках, обнаруженных в СК 2, самом раннем из всей группы курганов, эта птица представлена в другом ракурсе, наиболее распространённом в афинской монетной типологии (рис. 99, 2) и в данном случае определён копирующим тип совы на афинских тетрадрахмах временем не позднее 450 г. до н.э. [Kroll, Walker, 1993, p. 6, pl. I, 8a]. Довольно схематичное изображение совы

сохранении объединяющей их надписи ΣΙΝΔΩΝ могли быть связаны с родовыми эмблемами или атрибутами богов-покровителей отдельных представителей правящей династии [Терещенко, 2001, с. 16]. Первыми, кто решил таким способом оформить монету, были граждане Афин. Среди афинских монетных выпусков последней трети VI в. до н. э. хорошо известны так называемые *Warrenmünzen* (гербовые монеты), твёрдо ассоциирующиеся с эмблемами конкретных аристократических семей [Суриков, 2007, с. 10].

В настоящее время развитие «синдской» эмиссии представляется в следующем виде. Серия С-1 приходится на время правления или политического влияния рода с эмблемой в виде совы. Останки его представителей, вероятно, покоятся в трёх Семибратних курганах (СК 2, 4, 5), объединённых традицией возведения крупных сырцовых склепов на материке, что подтверждает более раннюю дату выпуска серии С-1. Аналогии с монетными типами чеканки Скила (сова) и Эминака (Геракл, натягивающий лук) предположительно следует рассматривать как указание на родственные связи местного царского рода со скифской аристократией. Достаточно вспомнить, что наследник синдского царя Гекатея, Октамасад, носил то же имя, что и брат царя Скила [Виноградов Ю.Г., 2002, с. 150]. Серии С-2 и С-3, по-видимому, связаны с пребыванием у власти правителя, чьим символом была голова коня, и таковым мог быть только Гекатей.

Как уже отмечалось, для монетных выпусков «синдской» чеканки большое значение имеет сопоставление с пантикапейскими сериями. В отношении датировки наиболее информативным представляется сравнение расположения надписи на монетах. У большинства из них легенда из шести букв размещается вдоль верхнего края *quadratum incusum* оборотной стороны. Самая ранняя пантикапейская серия, отвечающая указанному параметру (рис. 99, II), датируется примерно 429/28 г. до н.э., что даёт предполагаемый *terminus post quem* для начала «синдской» чеканки. Прекращение же эмиссионной деятельности происходит, вероятно, где-то около 390 г. до н.э., когда вслед за откровенным вмешательством Сатира I в дела данного региона последовала упорная борьба с меотянкой Тиргатао, бывшей женой Гекатея (*Polyaen.* 8. 55), а вскоре, уже при Левконе I, и включение Синдики в состав Боспорского государства.

Теперь попробуем обобщить имеющиеся данные по относительной и абсолютной хронологии каждой конкретной серии «синдских» монет. Напомним, что бляшки с совой найдены в СК 2, относящемся к группе погребальных комплексов, которая датируется в пределах 450-430 гг. до н.э. [Горончаровский, 2013, с. 161]. Это позволяет рассматривать монеты с изображением совы на реверсе как первую серию «синдской» эмиссии (С-1), выпущенную где-то на рубеже третьей и последней чет-

---

на золотых бляшках из кургана у Дарьевки близ местечка Шполы [Бобринский, 1894, с. 128–130, табл. XIII, 6], на которое в данной связи ссылался В.П. Шилов [Шилов, 1951, с. 213], не имеет ничего общего с типом афинских сов.

верти V в. до н.э. Самая многочисленная серия С-2 (голова Геракла – голова коня) насчитывает почти полторы сотни экземпляров. Примерно столько же известно и в синхронной с ней пантикапейской серии типа «голова льва в фас – голова барана вправо» (рис. 99, 12). Следовательно, есть все основания полагать, что к этому времени синдские правители обладали немалыми запасами серебра, позволявшими поддерживать эмиссионный объём на уровне пантикапейского.

Период выпуска серии С-2, по-видимому, захватывает большую часть последней четверти V в. до н.э. Это был самый спокойный этап в жизни Синдики, поскольку политическая активность боспорского царя Сатира I ограничивалась тогда в основном европейской стороной Боспора Киммерийского. В дальнейшем ставка на союз с ним правителя синдов Гекатея, приведшая к военному конфликту с Тиргатао, не могла не отразиться на чеканке серебра того времени. Скорее всего, затянувшаяся война резко сократила возможности царской казны в отношении поставок монетного сырья. Вполне вероятно, что серия С-3 чеканилась с перерывами примерно с 400 по 390 г. до н.э. Итак, хронологию эмиссии «синдских» монет можно представить следующим образом: С-1 ≈425–415 гг. до н.э.; С-2 ≈415–400 гг. до н.э.; С-3 ≈400–390 гг. до н.э. Выпуск около 380 г. до н.э. Левконом I монеты с головой коня (рис. 99, 13), видимо, должен был наглядно подтвердить переход Синдского царства под власть Спартокидов [Терещенко, 2013, с. 110]⁴⁴.

Итак, судя по имеющимся данным, Синдика предстаёт перед нами как племенная структура, использовавшая скифский опыт налаживания политических и экономических отношений с греческими полисами и сделавшая первый шаг на пути к будущей, так и не реализованной государственности. Её можно охарактеризовать как «вождество», для которого характерны следующие черты: иерархическая система принятия важных решений, тенденция к превращению элиты в замкнутое сословие, перераспределение прибавочного продукта по властной вертикали и сакрализованный характер верховной власти [Крадин, 1995, с. 11–61].

3.4. Лабрис (Семибратнее городище) и его значение для исследования взаимодействий синдской элиты с греческим населением Азиатского Боспора

Как уже отмечалось, Лабрис (Семибратнее городище) с наибольшим правом может претендовать на роль упомянутой Страбоном царской резиденции синдов, расположенной поблизости от моря, «в непосредственной близости от пролива и имел прямой выход к морю», как минимум, до рубежа н.э. или несколько более раннего времени [Журавлев, Кельтербаум, Поротов и др., 2011, с. 108; ср.: Внуков, Поротов, Пушкарёв и др., 2008, с. 135-136], что объясняет неоднократные находки в культур-

⁴⁴ В свое время причина появления этого типа в медной чеканке Левкона I осталась для В.А. Анохина нераскрытой [Анохин, 1999, с. 58], а В.Л. Строкин связал его с вмешательством Сатира I во внутренние дела Синдики в последние годы его жизни [Строкин, 2011, с. 84-85].

ных слоях городища раковин морских мидий. Окончательно кубанский морской пролив обмелел к середине I тыс. н.э., но даже в XVII в. образовавшийся в его южной части Кизилташский лиман был связан с морем и одним из рукавов Кубани [см.: Челеби, 1979, с. 49].

По данным аэрофотосъёмки и геомагнитной разведки,⁴⁵ северная часть Лабриса (около 6 га), обращённая к древнему руслу Гипаниса, имеет овальные очертания, тогда как южная часть – форму трапеции (2,5 га). Эти различия в условиях достаточно ровной местности представляются не случайными, а отражающими определённые этапы в развитии городской территории. Найденные в северной части городища наиболее ранние образцы амфорной тары и расписной керамики позволяют отнести основание Лабриса ко времени не ранее самого начала V в. до н.э. [ср.: Каменецкий, 2003, с. 72; Вдовиченко, 2006, с. 32]. Скорее всего, на первых порах здесь на более или менее постоянной основе проживали представители греческих городов, заинтересованных в торговых связях с синдами [ср.: Колобова, 1951, с. 208–210; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 248–252], что не исключает присутствия местного населения, селившегося на отдельных участках.

Доследование, проводившееся в 2007–2009 гг. в северо-восточной части раскопа «А» 1938–1940 гг., где было открыто укрепленное эллинистическое здание, показало отсутствие в ранних слоях V – первой половины IV вв. до н.э. каких-либо строительных остатков, за исключением обломков глиняной обмазки турлучных построек, и наличие 14 хозяйственных ям на довольно ограниченной площади около 30 кв. м. В связи с этим можно предположить, что в этот период основная часть территории на северной оконечности городища использовалась не под застройку, а в хозяйственных целях или как убежище с временными жилыми постройками. Так или иначе, северная часть городища в результате бессистемной застройки приобрела овальную форму, которой соответствует ранняя линия укреплений, очевидно, возведённая около 480 г. до н.э. при помощи греческих союзников.

В конце второй четверти V в. до н.э. Лабрис одновременно расширяется в южном направлении за счёт пристройки дополнительной оборонительной линии, имеющей трапециевидную в плане форму⁴⁶. Это могло быть связано с прибытием на левый берег Гипаниса небольшой группы эпойков (около 130–150 семей) [Горнчаровский, 2009, с. 156]. Возможно, дополнительный приток греческого населения в город был вызван событиями в бассейне Эгейского моря, связанными с подавлением антиафинского восстания на Фасосе в 465–462 гг. до н.э. (*Thuc.* I. 101), после чего жители острова лишились эмпориев на побережье Фракии и вынуждены были активизировать свою деятельность по освоению более отдалённых районов варварского

⁴⁵ Общая площадь изученной таким образом территории составила 3,8 га, т.е. около 45% площади всего городища.

⁴⁶ *Terminus post quem* в данном случае даёт находка в кладке стены башни на восточной линии обороны южной части Лабриса большого фрагмента горла развитого варианта III-B пухлогорлой хиосской амфоры [Монахов, 2003, с. 18, табл. 6, 4–8].

хинтерланда [Боузек, 2003, с. 16 сл.; ср.: Graham, 2002, p. 87 ff.]. Это согласуется с данными об интенсивных торговых контактах Синдики и сопредельных территорий с Фасосом именно со второй половины V в. до н.э., когда этот центр стал главным поставщиком вина в Прикубанье [Малышев, 2000, с. 105-106]. По крайней мере, с этого времени Лабрис определённо существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно И.С. Каменецкий отмечал для Семибратнего городища «специфически античный набор керамики» [Каменецкий, 2003, с. 71], а И.И. Вдовиченко, изучившая коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Семибратнего городища, обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.». При этом в их составе можно встретить «очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами», а типологически имеющиеся образцы близки к характерным для городских центров Боспора [Вдовиченко, 2006, с. 35].

Из посвяtitельной надписи Левкона I мы знаем, что город находился под божественным покровительством Феба Аполлона, который именуется «владыкой Лабриса», т.е. здесь находилось его святилище. Культ Аполлона с эпиклесой Феб (Лучезарный) довольно необычен для Боспора и засвидетельствован в местной эпиграфике, кроме вотива Левкона I, лишь однажды. Это пантикапейская эпитафия времени Перисада I (349/48–311/10) на постаменте из серого мрамора: «Твою статую, Антистасий, поставил Фаномах (в дар) Фебу, воздвигнув смертному отцу бессмертный памятник, при Перисаде, правителе всей земли, которая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли» (КБН. 113)⁴⁷. Возможно, первые колонисты учредили в Лабрисе культ Феба Аполлона,⁴⁸ почитая его как основателя городов⁴⁹. С одной стороны, он мог быть отождествлён с почитавшимся синдами местным божеством [Яйленко, 2004б, с. 440; 2006, с. 370; ср.: Емец, 2002, с. 29], имевшим солнечную природу. Если придерживаться гипотезы об иранстве синдов, то такая аналогия является вполне логичной. Вспомним о скифском Гойтосире [Артамонов, 1961, с. 78; Кузьмина, 1977, с. 100; Бессонова, 1983, с. 43-44], которого Геродот сопоставляет с Аполлоном (*Herod.* IV. 59). С другой стороны, иранское *Gaetosura* трактуется как «добром и крупным скотом богатый», в чём можно усмо-

⁴⁷ Не исключено, что Антистасий и Фаномах были уроженцами Лабриса, по тем или иным причинам оказавшимися в Пантикапее.

⁴⁸ А.С. Русяева высказала предположение, что Лабрис мог быть основан под эгидой Феба Аполлона боспорскими греками на синдской территории [Русяева, 2003, с. 225 сл.]. Как известно, достаточно позднее сопоставление Феба Аполлона с Гелиосом в древнегреческой эпиграфике берёт своё начало в VI в. до н.э. [Lazzarini, 1976, p. 291, № 800], а в литературе – со времени Еврипида [Лосев, 1957, с. 299].

⁴⁹ Один из самых ярких представителей александрийской поэзии Каллимах (310–240 гг. до н.э.), перечисляя божественные функции Феба Аполлона, уделяет главное внимание тому, что он является основателем и покровителем городов:

Тот же Феб размерять города научил землемеров
В роде людском: возлюбил ведь Феб городов основанье
Новых, и первый камень своєю рукой полагает.

(*Callim.* Hymn. III. 6. 55-57; пер. М. Е. Грабарь–Пассек).

треть черты авестийского Митры, ведь он тесно связан с солнцем и светом, а среди его эпитетов есть и такие: «дающий прекрасноконное богатство», «владеющий обширными пастбищами» [Vasmer, 1923, S. 112]. Как представляется, культ богалучника, предводителя воинов, охранителя стад и победителя чудовищ, наилучшим образом соответствовал интересам синдского общества, обеспечивая божественное покровительство основам его благосостояния. Возможно, скифский Гойтосир был тождествен упоминавшемуся выше синдскому Омону, паредру Анахиты (Астарты). Не исключено, что именно эта божественная пара была увековечена под именами Санерг (больше нигде не встречавшимся)⁵⁰ и Астара в посвящении Комосарии, жены Перисада I (349/48–311/10), найденном на берегу Ахтанизовского лимана (КБН. 1015), т.е. на территории Синдики.

Даже если Лабрис со временем обрёл статус полиса, он должен был остаться подконтрольным племени синдов в лице представителей правящего рода [ср.: Hansen, 1997, p. 30], которые после смерти удостоивались захоронения под расположенными на возвышенности курганными насыпями, видными с любой точки городской территории. Очевидно, отмеченные обстоятельства и обусловили в дальнейшем особую роль Лабриса как в формировании в Синдике элементов государственности раннего типа, так и в событиях военно-политического характера.

В.А. Горнчаровский.

---

⁵⁰ В.П. Яйленко полагал, что упомянутый в посвящении жены Перисада I Комосарии наряду с Астар(т)ой «сильный бог» Санерг является ипостасью Митры и «это не имя божества, а эпиклеза, переданная по-гречески ... и снабженная тут же переводом ее значения» [Яйленко, 1995, с. 251, прим. 111].

Глава IV

ЭЛИТА БОСПОРА В МИТРИДАТОВСКОЕ И ПОСТМИТРИДАТОВСКОЕ ВРЕМЯ

4.1. Борьба за боспорский престол

История взаимоотношений боспорской аристократии и понтийского царя Митридата VI Евпатора – особый и в высшей степени любопытный сюжет. Боспор тогда потерял независимость, и для нас важно уяснить, какую роль в этом сыграла правящая элита. В первую очередь необходимо понять, что же боспорская элита ожидала от Митридата, с другой стороны, не менее важно осознать, что от неё ожидал царь Понта [ср: Niebergall, 2011].

Детали сложной и драматической истории, связанной с переходом власти на Боспоре к понтийскому царю, известны, прежде всего, по знаменитому декрету в честь Диофанта (IOSPE, I², 352). Надпись повествует о том, что Херсонесское государство, оказавшееся в труднейшей ситуации в результате натиска скифов, обратилось за помощью к Митридату. На помощь жителям Херсонеса было прислано понтийское войско во главе с Диофантом. После первых побед над скифами и таврами он прибыл на Боспор, чтобы, как логично ожидать, предупредить возможное выступление боспорян на стороне скифов [Молев, 1994, с. 18]. Эта акция представляется абсолютно оправданной, ибо боспоро-скифский союз, речь о котором шла выше (см. главу 2.12), как будто к тому должен был обязывать. Возможно, уже в это время была достигнута и предварительная договорённость о передаче власти Перисадом V («Последним») в пользу понтийского царя [Жебелёв, 1953, с. 98].

Такой поворот событий никак не мог удовлетворить скифов, и они попытались взять реванш, на их стороне при этом выступили роксоланы (в надписи названы «ревксиналами»), но и на сей раз понтийское войско оказалось сильнее и одержало полную победу. После неё Диофант второй раз появился на Боспоре, где, как сказано в декрете, «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора». Этот пассаж эпиграфического документа, скорее всего, следует понимать как свидетельство об окончательном решении вопроса о передаче власти понтийскому царю. Против такого поворота событий, как известно, выступили скифы во главе с Савмаком; в результате поднятого ими восстания Перисад был убит, Диофанту же удалось спастись на херсонесском корабле. Собрав силы, понтийский полководец начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания

варианты интерпретации текста, А.И. Немировский обратил внимание, что в декрете чувствуется не один Диофант, но также и Митридат VI Евпатор. На этом основании он заключил, что именно понтийский царь был воспитанником Перисада, на что косвенно указывают некоторые детали его биографии [Немировский, 1978, с. 67 сл.]. Идея А.И. Немировского нашла поддержку у С.Ю. Сапрыкина [1996, с. 143–145]. Как видим, мнения учёных по рассматриваемому вопросу расходятся, но критики гипотезы С.А. Жебелёва при всех различиях их трактовок едины в одном – выступление Савмака нельзя рассматривать как рабское восстание [см.: Rubinsohn, 1980; Молев, 2013].

Ю.Г. Виноградов видел в этих событиях дворцовый переворот, осуществлённый полуварварской верхушкой Боспорского царства [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86], а А.К. Гаврилов – вторжение на территорию Боспора крымских скифов во главе с Савмаком [Гаврилов, 1992, с. 71-72]. Последняя точка зрения, выделяясь новизной и определённой смелостью постановки вопроса, всё-таки не представляется убедительной. С имеющимися материалами больше согласуется представление о восстании Савмака как о попытке скифов удержать Боспорское царство в орбите своего влияния и, возможно, втянуть его в борьбу с Херсонесом, что могло бы стать последним шагом практически к полной деэллинизации Боспора. Следует особо подчеркнуть, что эти события никак нельзя считать случайными, связанными с действиями только скифского царевича-авантюриста, напротив, они стали закономерным следствием боспоро-скифского сближения, о котором речь шла выше. Иными словами, вполне можно полагать, что поражение Савмака и, соответственно, включение Боспора в состав державы Митридата означали поражение «скифской партии» в составе боспорской элиты. Признание этого факта, однако, совсем не означает, что подчинение Понту устраивало всех боспорян [Молев, 2013, с. 11]. Ситуация явно была более сложной.

Имеющиеся источники позволяют предполагать, что главными противниками Митридата VI Евпатора в борьбе за власть над Боспором были, с одной стороны, крымские скифы, а с другой – обитатели северо-западного Кавказа: ахейцы, зиги и гениохи. Над последними, как представляется, одержал две победы понтийский полководец Неоптолем [Виноградов, 2001г; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 131–134]. Можно даже считать, что и с теми, и с другими понтийскому царю пришлось столкнуться неоднократно (см. ниже).

Подчинение Боспорского царства Митридату VI Евпатору было важным этапом на пути создания его Всепонтийской державы, в которой Чёрное море стало фактически внутренним. Включение античных государств Северного Причерноморья в единую державу было выгодно не только Митридату, поначалу оно казалось спасительным и для эллинов этого региона и, безусловно, нашло здесь поддержку [см.: Шелов, 1983, с. 41 сл.; 1985, с. 560 сл.]. Однако филэллинизм Митридата этого времени, конечно, не было актом чистого альтруизма. Планы его шли дальше, и в них столкновение с Римом было неизбежно. Понтийская держава была создана к началу Первой

1932, p. 232; ср.: Molev, 2009, p. 326]. Иными словами, Боспор стал тем центром, вокруг которого владыка Понта стремился консолидировать местные силы для вовлечения их в борьбу с Римом [Каллистов, 1938а, с. 280]. Несмотря на то, что Херсонес и Ольвия в рамках этого образования имели определённую автономию, могли чеканить монету и т.д., в этом заключении М.И. Ростовцева есть немалый исторический смысл – Боспор стал той ключевой точкой, опираясь на которую, Митридат мог наилучшим образом контролировать материальные и людские ресурсы региона. Крым и Таманский полуостров в совокупности платили царю дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов серебра (*Strab.* VII. 4.6).

Как уже неоднократно говорилось, подчиняя греческие государства Северного Причерноморья, Митридат активно использовал филэллинскую идею, выступая защитником античных центров против варварской угрозы. Как уже было сказано, греки Боспора Киммерийского, скорее всего, охотно приняли покровительство понтийского царя [Шелов, 1983, с. 43]. Можно предполагать, что их материальное положение на начальном этапе даже улучшилось: непосильные поборы варваров были ликвидированы, а дань, наложенную Митридатом, нельзя считать слишком обременительной [Шелов, 1978, с. 57; Molev, 2009, p. 325]. Д.Б. Шелов отмечал: в это время резко улучшилось качество выпускаемых боспорских монет, что было возможным только в условиях улучшения экономической ситуации на Боспоре [Шелов, 1983, с. 46]. Показательно, что владыка Понта позволил двум боспорским городам, Фанагории и Гермонассе, выпускать собственную монету. Наиболее вероятно, что за этим фактом следует усматривать не свидетельство дарования им реальной полисной автономии, а демонстрацию стремления властей придать вид автономии местным греческим городам. Д.Б. Шелов с полным основанием назвал эту чеканку «квазиавтономной» [Шелов, 1983, с. 47]. В целом, вряд ли можно сомневаться в том, что Боспор достаточно жёстко контролировался царской администрацией, только такой контроль мог обеспечить Митридату надёжную базу в планировавшейся им борьбе с Римом за гегемонию в античном мире. У нас нет источников относительно того, насколько такая политика владыки Понта импонировала интересам боспорской элиты, но небольшая серия перстней с изображением Митридата, происходящая с Боспора, в этом отношении весьма показательна [Неверов, 1976, с. 176-177]¹. По всей видимости, можно считать, что на этом этапе «понтийская партия» полностью поддерживала действия царя, а вот сторонники «скифской партии» вряд ли были вполне удовлетворены своим новым положением.

По мнению С.Ю. Сапрыкина, Митридат Евпатор стал создавать на Боспоре систему военно-земледельческих поселений типа катойкий, заселяя их выходцами из

¹ О перстнях с изображением Митридата имеется одно любопытное свидетельство Афиня. По его словам, афинский посол к Митридату вернулся в родной город, имея перстень с «ликом царя» на руке. Он был принят народом с ликованием и назначен на высокую государственную должность (*Athen. Deipn.* V. 49).

местных племён, которые были лояльны к царю [Сапрыкин, 1996, с. 276]. Вряд ли это мероприятие нашло полное понимание во всех слоях боспорской элиты. Антимитридатовские группировки на Боспоре, безусловно, существовали, и они были готовы воспользоваться в своих интересах любыми изменениями военно-политической ситуации, вызванными поражениями понтийских войск. В этом отношении совсем не удивительно, что неудачный ход военных действий уже во время Первой Митридатовой войны привёл к попытке отделения Боспора от державы Митридата (*App. Mithr.* 64). Для того чтобы восстановить власть, царь готовил против боспорян большой флот и огромное войско; размах приготовлений был столь велик, что у римлян даже возникли подозрения в том, что всё это собирается не для похода на Боспор Киммерийский, а против Рима (*Cicero. De Imp. Gn. Pomp.* IV. 9; *App. Mithr.* 64). Данное обстоятельство, собственно, и стало поводом для начала Второй Митридатовой войны, а карательная экспедиция на Боспор, как известно, состоялась уже после её завершения (*App. Mithr.* 67).

О боевых действиях этой кампании мы знаем очень немного. Аппиан сообщает лишь то, что тогда был предпринят поход против ахейцев, который оказался очень неудачным. Потеряв две трети войска (конечно, экспедиционного корпуса, а не всей своей армии) из-за боёв и тяжёлого климата, Митридат вынужден был вернуться (*App. Mithr.* 67). Позднее, как представляется, был предпринят ещё один поход, и ахейцы были подчинены понтийскому царю, поскольку во время Третьей Митридатовой войны они упомянуты в составе его войска (*App. Mithr.* 69).

Есть основания предполагать, что в это же время Митридату на Боспоре пришлось бороться ещё с одним варварским объединением, скорее всего, скифами. Среди эпиграфических памятников, найденных в последние годы на античных памятниках Восточного Крыма, имеется один любопытный документ – каменная база бронзовой статуи Митридата, обнаруженная на некрополе Нимфея. На базе была начертана надпись с благодарностью за победу [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 595 сл.; Яйленко, 1985б, с. 618 сл.; Сапрыкин, 1996, с. 149 сл.; Молев, 1999б]. Победа, разумеется, была одержана над варварами и, если судить по некоторым деталям надписи, после Первой Митридатовой войны. Е.А. Молев связывает установление статуи в Нимфее с победой над Савмаком и датирует ее 106–102 гг. до н.э. [Молев, 1999б, с. 87–88, 91]. В тексте надписи, однако, имеются важные детали, позволяющие усомниться в этом, – Митридат в ней имеет эпитет «Дионис» и титул «царь царей». Исследователи справедливо указывали на то, что в делосских посвящениях Митридат стал именоваться Дионисом после 102 г. до н.э. [Виноградов, Молев, Толстиков. 1985, с. 596; Сапрыкин, 1996, с. 150; ср.: Молев, 1999б, с. 88], а титул «царь царей» мог носить в промежутке 89–88 – 85 гг. до н.э. [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 598; Сапрыкин, 1996, с. 149–150]. Таким образом, есть веские основания полагать, что какая-то важная победа над варварами была одержана на Боспоре после восстания Савмака и даже после завершения Первой Митридатовой войны.

С.Ю. Сапрыкин считает, что тогда победили сарматов [Сапрыкин, 1996, с. 150], а В.П. Яйленко полагает, что это были скифы [Яйленко, 1985б, с. 618]. Логичней представляется вторая точка зрения, поскольку возведение памятника победе Митридата над какими-то другими варварами (сарматами или т.п.) на Европейском Боспоре кажется не вполне логичным, а вот в контексте победы над крымскими скифами такой монумент кажется абсолютно уместным.

В свете изложенного очень вероятным представляется, что попытка боспорян выйти из состава Понтийской державы после поражений Митридата в Первой войне с Римом была связана не с позицией греческих городов, а некоторых из местных варварских племён и, вероятно, той части боспорской элиты, которая была с ними тесно связана. Д.Б. Шелов, на наш взгляд, был в полной мере прав, когда указывал, что тяготы войны для боспорских греков тогда ещё не стали слишком обременительными, и, в конечном итоге, здесь всё зависело от реакции на известия о неудачах царя какой-то части варваров [Шелов, 1978, с. 56; 1983, с. 53], которые, по его мнению, могли быть недовольными действиями царской администрации [Шелов, 1978, с. 58]. Последнее предположение, на наш взгляд, недостаточно, поскольку есть основания предполагать, что на Боспоре в это время разыгрались гораздо более серьёзные события. Как представляется, часть варваров, возможно, при поддержке определённых кругов боспорской знати, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попыталась восстановить здесь свои утерянные позиции. По всей видимости, и на этот раз инициатива исходила прежде всего от скифов и ахейцев, которые, как говорилось выше, боролись против установления власти Митридата над Боспором Киммерийским, были разгромлены понтийскими войсками, но о былом влиянии в районе пролива не забыли и мечтали о его возвращении.

Восстановив свою власть над Боспором, Митридат назначил здесь правителем своего сына Махара (*App. Mithr.* 67). Показательно, что почти одновременно с этим событием, в 80-х гг., прекратилась «квазиавтономная» чеканка боспорских городов, что может указывать на то, что Митридат к этому времени прекратил разыгрывать роль защитника эллинских свобод [Шелов, 1978, с. 65], и это никак не могло понравиться значительной части боспорской элиты. Определяя территориальные границы владений Махара, В.Ф. Гайдукевич полагал, что ему был подчинён не только Боспор, но и все другие греческие центры Северного Причерноморья [Гайдукевич, 1949, с. 305], что, очевидно, следует принимать с определёнными оговорками. Конечно, Махар не был царём Боспора и тем более всего Северного Причерноморья, а являлся наместником, управлявшим от имени царя, но роль его в политической системе региона была очень существенной [Molev, 2009, p. 326].

Поражения, нанесённые Митридату Лукуллом во время Третьей войны, привели к тому, что Махар осознал безнадежность дальнейшей борьбы и решился на измену. Он направил к римскому полководцу посольство, даровал ему золотой венок и заключил дружбу (*App. Mithr.* 83; *Plut. Luc.* 24; *Liv. Per.* 98), римлянам были на-

правлены также запасы продовольствия, подготовленные для нужд войск Митридата (Метн. 54. 1).

Несмотря на это, царь Понта, окончательно разбитый Помпеем в Малой Азии, отнюдь не отказался от борьбы. Как известно, он задумал дерзкий план похода на Рим с востока, для выполнения которого, прежде всего, было необходимо напасть на Боспор и вернуть себе власть над страной, где правил Махар (App. Mithr. 101). Совершив рискованный переход через Кавказ, Митридат заключил союз со всеми вождями меотских племён, отдав замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей (App. Mithr. 102). Вряд ли можно согласиться с заключением Г. Бенгтсона, что «своим авантюрным бегством в Пантикапей» понтийский царь сам исключил себя из мировой политики [Бенгтсон, 1982, с. 321; ср.: Нøjте, 2009, р. 121]. Наоборот, этим отчаянным шагом Митридат попытался сохранить себя в мировой политике, использовать свой последний шанс в борьбе с могучим противником.

Махар, узнав о том, что отец проделал огромный путь в столь короткое время и, очевидно, этого не ожидавший, не предпринял никаких попыток сопротивления, хотел даже перед ним оправдаться. Всё, однако, было напрасно. В конце концов Махар был вынужден бежать в Херсонес, а для того, чтобы избежать преследования, сжечь корабли. Эта предосторожность оказалась напрасной, у Митридата нашлись другие корабли, в такой абсолютно безнадёжной ситуации Махар принял решение покончить жизнь самоубийством (App. Mithr. 102). Д.Б. Шелов считал, что царевич бежал не в город Херсонес, а на полуостров (Херсонес), иными словами, путь его пролегал из азиатской части Боспора, где, возможно, находилась ставка Махара, на европейскую, скорей всего, в Пантикапей, там он и покончил жизнь самоубийством [Шелов, 1978, с. 71-72]. Основной центр власти понтийского царя, так сказать, его столица в это время, вероятно, находилась на Таманском полуострове, ближе к территориям главных союзников – меото-сарматских племён Прикубанья. В.П. Яйленко считает, что это была Фанагория [Яйленко, 1990в, с. 131], где и позднее находилась резиденция царских сыновей и дочерей (App. Mithr. 108).

Д.Б. Шелов предполагал также, что измена Махара ещё не отражала господствующих настроений на Боспоре, который, в целом, оставался верным понтийскому царю [Шелов, 1978, с. 71; 1985, с. 569]. Однако антимиридатовские настроения в это время, по всей видимости, были уже весьма сильны, более того, они выразились в действиях. По свидетельству Аппиана, царь «захватил Пантикапей» (App. Mithr. 107), а его военачальники – другие укрепленные места (App. Mithr. 108). На основании этих свидетельств следует считать, что Митридат восстановил свою власть над Боспором силой оружия [Каллистов, 1938а, с. 282; Гайдукевич, 1949, с. 308; Блаватский, 1964а, с. 128]. Археологические материалы также могут поддержать данную точку зрения [см.: Масленников, 1998, с. 216].

Признавая бесспорность фактов разрушений боспорских поселений, имевших место во время борьбы Митридата за восстановление своей власти в этом районе, необходимо, конечно, чётко осознавать, что он прибыл сюда не только для того, что-

бы покарать изменников, и даже прежде всего не для этого. В первую очередь, его захватывали идеи дальнейшей борьбы с Римом, а для этого нужно было не только карать, но и созидать. Положение великого царя, однако, становилось всё более критическим. Помпей, узнав о переходе Митридата на Боспор, отказался от его преследования, но организовал плотную морскую блокаду района (*Dio Cass.* XXXVII. 2-3; *Plut.* Pomp. 39). В такой ситуации владыка Понта, уже практически потерявший свою державу, вынужден был вступить в переговоры с римским полководцем. Помпей по существу потребовал от Митридата капитуляции, а также его личной явки к римлянам. Царь на это пойти не мог, но, не отказавшись от дипломатических контактов, обещал послать к Помпею кого-нибудь из сыновей (*App. Mithr.* 107). Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, он по-прежнему считал, что для него нет ничего невозможного (*Dio Cass.* XXXVII. 11.2). Митридат ускоренными темпами готовился к задуманному походу на Рим, «он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных» (*App. Mithr.* 107, перев. С.П.Кондратьева).

Все эти чрезвычайные меры, усугублённые злоупотреблениями царской администрации (*App. Mithr.* 107), а также римской блокадой, вызвали огромное недовольство боспорян. Между тем, для планируемого похода стали собираться необходимые силы – 60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много другого войска². Часть этого войска была послана из Пантикапея в Фанагорию, чтобы ещё больше укрепить контроль над проливом (*App. Mithr.* 108). Положение на Боспоре, однако, стало не просто критическим, а взрывоопасным. Любопытно, что именно в Фанагории, куда был направлен царский отряд, и вспыхнуло антимиридатовское восстание, к которому призвал горожан фанагориец Кастор. Повстанцы обложили дровами ту часть города, где находились сыновья и дочери Митридата, и подожгли его. Почти все царские дети сдались в плен, лишь царица Клеопатра оказала сопротивление, и отец сумел спасти её на специально посланном корабле (*App. Mithr.* 108).

После этих событий от Митридата отказались Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие города по берегу Понта. Только в такой ситуации великий царь решил обратиться к скифам, прося их как можно скорей прибыть к нему с войском. Тогда к скифским владыкам были посланы дочери Митридата, но отряд, который сопровождал девушек, взбунтовался, и они оказались в руках Помпея (*App. Mithr.* 108; ср.: *Dio Cass.* XXXVII. 11. 4). Уже практически потеряв царство и не рассчитывая больше на поддержку скифов, Митридат всё ещё надеялся на продолжение борьбы с Римом, он считал возможным совершить поход в Италию при поддержке кельтов, с которыми давно заключил союз и поддерживал дружбу. Но и царское войско в это время заколебалось (*App. Mithr.* 109).

² Об этих отрядах, а точнее, об одной археологической концепции, связанной с интерпретацией этого исторического факта, см. главу 4.3.

Мордвинцева, 2003, с. 97-98; Бруяко, 2005/2009, с. 344-345; Зайцев, 2007; 2012а; 2012б; Раев, Симоненко, 2007]. С.В. Полин более двадцати лет назад заявил, что «представляется заманчивым» связывать эти комплексы с Митридатовыми войнами [Полин, 1992, с. 65]. А.В. Симоненко, развивая эту идею, пришёл к выводу, что «странные» комплексы являются свидетельством краткого пребывания в Северном Причерноморье сарматов и меотов в составе войска союзников понтийского царя во время Третьей Митридатовой войны [Симоненко, 2001, с. 96; 2010, с. 191; 2012, с. 81; Редина, Симоненко, 2002, с. 86]. По мысли исследователя, сармато-меотские контингенты были сконцентрированы в Северо-Западном Причерноморье для запланированного Митридатом, но так и не состоявшегося похода на Рим через Фракию (см. выше).

Эта гипотеза, с одной стороны, очень соблазнительна, а с другой – вызывает немалые сомнения. Всё-таки трудно поверить, что войска, пусть довольно многочисленные, на очень короткое время собранные где-то в Северо-Западном Причерноморье, сумели оставить такой большой след в археологии припонтийских степей. «Странные» комплексы к тому же датируются в весьма широких временных пределах. Изучение происходящей из них импортной античной керамики заставляет считать, что эти комплексы относятся к III – первой половине II вв. до н.э., а значит, приходится признать, что гипотеза об их связи с событиями Митридатовой войны 70–60-х гг. до н.э. несостоятельна [Зайцев, 2012а, с. 65].

Что касается Боспора, то элитным погребальным памятникам этого времени в научной литературе уделено не очень много внимания. Сложилась ситуация, которую вполне можно назвать парадоксальной, – истории Митридата VI Евпатора посвящены монографии, в них собраны все сведения письменной традиции и данные археологии, которые дают информацию об этом времени, прежде всего, о войнах с Римом, но при этом не выделено ни единого погребального комплекса на Боспоре, который можно было бы назвать погребением воина митридатовской армии. Такие комплексы, однако, есть, и они известны давно, можно даже говорить об их общеизвестности, но, как это часто бывает, общеизвестность совсем не означает должной изученности памятников.

Первым среди них следует назвать *курган Кара-Оба*, расположенный в окрестностях Керчи, в 2,5 км на северо-запад от Куль-Обы при выходе в открытую степь. Положение памятника, надо признать, в высшей степени показательное. Этот хорошо известный курган является самым грандиозным на Керченском полуострове, высота его на момент раскопок достигала 25,6 м, а диаметр насыпи – около 120 м (рис. 101). Масштабность памятника ещё более усиливалась от того, что он был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, уходящей в глубь Керченского полуострова. Курган раскапывался А.Е. Люценко во второй половине XIX в. [рис. 102; ОАК за 1859, с. XI; 1860, с. VI; 1861, с. V; Виноградов, 2012а, с. 40-41; Стоянов, 2014]. Уже тогда была выяснена одна любопытная особенность конструкции кургана, заключающаяся в наличии здесь двух мощных каменных крепид. Исследования, проводившиеся в

60-х гг. XX в. под руководством П.Н. Шульца, полностью подтвердили это наблюдение, но почти ничего не дали для его понимания. Кара-Оба – действительно уникальный памятник Боспора не только по причине наличия двух крепид, но и потому, что он, скорей всего, имел форму ступенчатого конуса [Шульц, 1968, с. 143; 1971, с. 59-60]. Сделанные при раскопках находки позволяют считать, что курган был сооружён во II в. до н.э., может быть, даже во второй его половине [Шульц, 1971, с. 62]. Что же стало причиной сооружения в это время в столь любопытном в топографическом отношении месте такого необычного по своей конструкции кургана?

Несмотря на то, что памятник до сих пор полностью не исследован, предположение о том, что здесь был погребён боспорский царь [см.: Шульц, 1971, с. 62], вызывает очень большие сомнения. Кара-Оба, как представляется, имела совсем иное предназначение. Для понимания этого памятника, на наш взгляд, очень большое значение имеет могила, обнаруженная А.Е. Люценко под насыпью на скале. Она была заполнена человеческими костями, по определению автора раскопок, как бы изрубленными на части, что дало ему основание предположить, что курган был насыпан в честь битвы, происшедшей поблизости [см.: Шульц, 1971, с. 56-57; Виноградов, 2012а, с. 41; Стоянов, 2014, с. 626].

А.Н. Щеглов в своё время сопоставил Кара-Обу с памятником, весьма отдалённым от Боспора, но типологически ему очень близким, Шверинским курганом, расположенным в ближайших окрестностях Херсонеса. Обращает на себя внимание, что и этот памятник выделялся очень большими размерами и необычной, конусовидной формой насыпи. При раскопках здесь были обнаружены две каменные крепиды, а между ними – бронзовый сосуд, заполненный черной массой, вероятно, сожженным прахом покойного (покойных?), который был полит благовониями. Местные жители утверждали, что в окрестностях кургана они находили человеческие черепа [Юргевич, 1875; о кургане см.: Stoyanov, 2009]. В устной форме А.Н. Щеглов неоднократно высказывал предположение, что сходство Кара-Обы и Шверинского кургана не случайно. Эти памятники, по его мнению, представляют собой памятники мемориального характера, связанные, скорей всего, с военными победами войск Митридата под Херсонесом и на Боспоре в конце II в. до н.э. Иными словами, они должны были увековечить память о подвигах понтийских воинов в сражениях со скифами, победы над которыми, как было сказано выше, стали важными событиями в завершении создания Черноморской державы Митридата. Данная трактовка, на наш взгляд, представляется очень вероятной [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 134-135; ср.: Стоянов, 2014, с. 629].

Другие памятники, которые представляется возможным связать с Митридадовыми войнами, расположены на азиатской стороне Боспора. Из них в первую очередь следует назвать так называемый Ахтанизовский клад [ОАК за 1900 г., с. 104 сл.; Спицын, 1909, с. 19 сл.; Ростовцев, 1925, с. 555-557; Мордвинцева, Трейстер, 2007, Кат. № В1; Власова, 2009; 2010, с. 254; Виноградов, 2012а, с. 236-237]. Он был обнаружен в 1900 г. при случайных обстоятельствах, часть инвентаря была расхищена, керамика

и другие малоценные для раскопщиков предметы просто уничтожены. Несмотря на это, известно, что здесь была открыта плитовая гробница, которая как будто была пустой; все находки происходили из углубления в материке к северу от неё. Из предметов этого клада можно выделить бронзовый кованый шлем [рис. 103, 4; Алексинский, 2013, с. 67], набор серебряных блях, украшавших конскую сбрую [рис. 103, 1], три шейные гривны, серебряные и стеклянные сосуды, золотую фибулу с хрустальной пронизью в центре, золотые фибулы с резными сердоликами, 27 тиснёных золотых нашивных бляшек и пр. Среди последних – 5 с изображением восьмиконечной лучевой розетки и, по всей видимости, 3 в виде полумесяца [рис. 103, 3, 4].

М.И. Ростовцев считал, что дату Ахтанизовского клада нельзя опускать ниже I в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 557]. М. Пфроммер склонен датировать комплекс поздним III – ранним II вв. до н.э. [Pfrommer, 1987, S. 70]. Такое расхождение хронологической атрибуции этого памятника можно объяснять его неоднородностью, наличием здесь разновременного инвентаря, а также неопределённостью датировок некоторых его категорий. Так, хрестоматийно известные фалары с изображением головы горгоны Медузы (рис. 103, 1) К.С. Горбунова и И.И. Саверкина относили к I в. до н.э. [Горбунова, Саверкина, 1975, кат. 101], М. Пфроммер – приблизительно к 200 г. до н.э. [Pfrommer, 1993, p. 9], а В.И. Мордвинцева датирует их концом III – первой половиной II вв. до н.э. [Mordvinceva, 1999, S. 72]. Отметим также, что К.В. Тревер находила аналогии ряду находок из клада среди греко-бактрийских древностей II в. до н.э. [Тревер, 1940, с. 51].

Бронзовый шлем из Ахтанизовского клада (рис. 103, 4) различные исследователи тоже датируют по-разному: не позднее I в. до н.э. [Рабинович, 1941, с. 160, 162], вторая половина II в. до н.э. [Dintsis, 1986, S. 77 ff., Veil. 5], не ранее второй половины – конца III в. до н.э. [Алексинский, 2013, с. 67]. Более определённую дату даёт стеклянный канфар – середина II в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 99; Кунина, 1997, с. 75, рис. 36; 259, № 59].

И.П. Засецкая и И.И. Марченко относят Ахтанизовский клад к третьей четверти II в. до н.э. [1995, с. 99], но ближе к истине, на наш взгляд, М.И. Максимова, которая датировала его последними годами II в. до н.э. [Максимова, 1969, с. 58]. М.И. Ростовцев обратил внимание на наличие в комплексе бляшек с митридатовской звездой (рис. 103, 2) и на этом основании посчитал, что дату клада нельзя опускать ниже I в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 557]. На самом же деле эту звезду на круглой бляшке, скорей, надо признать не митридатовской, а македонской, ставшей эмблемой династии Аргеадов [см.: Treasures, (1978), p. 36, pl. 5, cat. 28; Andronicos, 1984, p. 178-179, fig. 143-144; 1994, p. 27, fig. 4; Tsibidou-Avloniti, 1995, p. 217, cat. 256], о чём уже немало было сказано выше [см. главу 2.7, 2.11]. Тем не менее, на этих предметах из Ахтанизовского клада следует остановиться особо. Дело в том, что в комплексе, по всей видимости, имеются не только бляшки с оттиснутой на них восьмилучевой звездой, но и бляшки в форме полумесяца (рис. 103, 3). Некоторые исследователи высказывали сомнение в их принадлежности к Ахтанизовке [ОАК за 1900 г., с. 109;

Власова, 2009, с. 66], но, как представляется, эти сомнения напрасны [Ростовцев, 1925, с. 557]³. С.Ю. Сапрыкин весьма остроумно поставил эти две бляшки вместе [Сапрыкин, 1983, с. 70], в результате такого соединения очевидно, что вместе они составляют звезду с полумесяцем, т.е. знак, ставший важным символом государства Понт. В данном случае не имеет принципиального значения трактовка этого знака как эмблемы Митридатидов [Price, 1968, p. 3], или как герба Понтийского государства [Kleiner, 1953, S. 82; Sumerer, 1995, S. 305]. Впервые этот символ появился на монетах Митридата III (220–190 гг. до н.э.) [Sumerer, 1995, S. 305], считается при этом, что в нём нашла отражение иранская религиозная идея, связанная с представлениями о борьбе и победе светлого над тёмным [Сапрыкин, 1983, с. 70–72; 1996, с. 65]. Трудно сказать, могла ли повлиять на сложение этой эмблемы звезда династии Аргеадов. Другое дело, что ахтанизовские круглые бляшки, как уже частично говорилось, являются близкой копией македонских круглых бляшек с оттиснутой на них восьмилучевой звездой. Не случайно, на наш взгляд, звезда и полумесяц не были оттиснуты на одной бляшке, хотя сделать это совсем не трудно. Этот пример, как представляется, позволяет предполагать, что с помощью двух золотых бляшек действительно была смоделирована митридатовская эмблема, вот только звезда для неё была взята из арсенала старых, укоренившихся на Боспоре символов, восходящих к македонской царской традиции.

М.И. Ростовцев сближал Ахтанизовский клад с погребением, раскопанным у станции Старо-Титоровской в 1845 г. [Ростовцев, 1925, с. 557-558], и это сближение, безусловно, имеет немалый смысл, несмотря на определенный хронологический разрыв между двумя памятниками.

В кургане около станции Старо-Титоровской было открыто весьма любопытное впускное погребение воина [Карейша, 1846, с. 305-306; ДБК, с. LVI сл.; Гёрц, 1898б, с. 24-25]. Курган имел 32 м в диаметре (его высота остаётся не известной); в центре насыпи, на глубине около 2,9 м от поверхности был обнаружен слой морской травы (камки), под которым находился деревянный гроб, содержащий человеческий костяк с разнообразным погребальным инвентарём. В его составе представлены: шлем, меч, кинжал, бронзовые сосуды, стеклянный сосуд, два серебряных фалара, застежка с резным камнем и пр.

Стеклянный скифос, обнаруженный здесь, а точнее, появление стеклянных сосудов этого типа, И.П. Засецкая и И.И. Марченко датируют концом II в. до н.э. [1995, с. 96], Н.З. Кунина относит этот скифос к концу II – началу I вв. до н.э. [1997, с. 75, рис. 37; 259, № 57]. Фибула-медальон с изображением богини с ветвями, происходящая из погребения [ДБК, Табл. XXIV, 10], относится к I в. до н.э. – I в. н.э. [Художественное ремесло, 1980, с. 51, № 151]. На основании этих находок комплекс

---

³ У сарматских племён Прикубанья золотые бляшки такой формы появляются именно в I в. до н.э., И.И. Марченко называет их серповидными [Марченко, 1996, с. 128, 141, 227, табл. 7, 33–36; с. 230, рис. 11].

условно датируют I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96], и, как представляется, эта датировка вполне приемлема.

Есть основания полагать, что у Ахтанизовского лимана и под Старо-Титоровской были погребены воины, которые сражались в составе войск Митридата Евпатора и получили от царя богатые дары. Царскими дарами некоторые учёные признают серебряные фалары, фибулы-медальоны и дорогие стеклянные сосуды [Щукин, 1994, с. 151; Марченко, 1996, с. 128; Mordvinceva, 2001, S. 36]. В обоих случаях этот набор присутствует. Хронологический разрыв между комплексами позволяет считать, что Ахтанизовка, скорее всего, относится к начальному периоду владычества понтийского царя на Боспоре, а Старо-Титоровка – к его завершению. На наш взгляд, совсем не случайно и расположение обоих памятников на азиатской стороне Боспора, поскольку, как говорилось выше, с варварскими племенами этого района Митридат наладил самые тесные связи.

4.4. Элита Боспора и Митридат Евпатор

Боспор, как уже неоднократно говорилось, играл очень важную, можно сказать, ключевую роль в системе взаимоотношений владыки Понта с миром греков и варваров Северного Причерноморья. В связи с этим, правда, следует ещё раз задаться другим вопросом: сумел ли Митридат VI Евпатор сплотить все античные центры и все варварские племена для грандиозной борьбы против Рима, а значит, удалось ли ему обеспечить себе надёжный источник пополнения войск за счёт местных контингентов? Сумел ли он, в частности, сплотить элиту Боспора в борьбе против могучего противника? На оба вопроса, очевидно, следует дать отрицательный ответ – в полной мере это ему не удалось [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 148].

Д.П. Каллистов в своё время справедливо отмечал, что выступление Митридата в Северном Причерноморье совпало с периодом острого кризиса, при этом понтийский царь начал свою борьбу здесь с войны против варваров, выступая в защиту эллинских свобод, а закончил политикой союзов с варварскими династиями, вербовкой в армию рабов и пиратов [Каллистов, 1938а, с. 281]. Причиной поражений Митридата, по выражению исследователя, было не сомнительное военное превосходство римлян, а внутренний крах митридатовской политики, – попытка найти опору на двух враждующих силах (греческих городах и варварских племенах) окончилась полной неудачей. Слава имени Митридата, по мнению Д.П. Каллистова, заключается в том, что на последнем этапе борьбы он повернул политику в сторону варваров, то есть тех, «за кем было историческое будущее» [Каллистов, 1938а, с. 285].

Какое «историческое будущее» было за варварскими народами Северного Причерноморья, Д.П. Каллистов не объяснил. Вопрос о том, насколько перспективен был поворот митридатовской политики в этом направлении, его как будто

вообще не интересовал, а вот тезис о бесперспективности поиска опоры на двух враждебных силах представляется нам вполне верным. Эта враждебность нашла самое непосредственное отражение на ситуации в боспорской элите, политические и экономические устремления которой в это время, как представляется, были далеко не едины. Несомненно, какой-то её части импонировали эллинофильские заверения Митридата, другие же стремились к сохранению своих позиций в рамках союза с теми или иными варварскими группировками.

Представляется возможным признать, что даже выдающейся личности Митридата Евпатора не удалось консолидировать нестабильный мир варваров Северного Причерноморья. Разумеется, в данном случае речь не идёт об отдельных территориях, к примеру, Подонье-Прикубанье, где положение царя, по всей видимости, всегда было достаточно прочным. Можно допустить, конечно, что поначалу, после побед Диофанта и Неоптолема, все местные царьки заявили о своей дружбе и верности понтийскому царю. Ход войны с Римом, да и развитие межплеменных отношений на северном берегу Чёрного моря, однако, постоянно подтачивали основы этого непрочного союза, который быстро стал давать трещины в весьма существенных его составляющих, прежде всего в Крымской Скифии. При таком положении, как представляется, владыке Понта было очень трудно рассчитывать на успех в борьбе с Римом. Декларации о митридатовских победах над доселе непобедимыми скифами, активно использовавшиеся понтийской дипломатией [Хайнен, 1993, с. 27; McGing, 1986, p. 104 ff.], на практике оказались лишь словесными конструкциями. Пропагандистские декларации оказались весьма далёкими от реальности, и победа над Малой Скифией, как видим, не обеспечила победы над Великим Римом.

В очередной раз приходится признать, что археологические источники рисуют нам ситуацию в европейской и азиатской частях Боспора, каковой она сложилась при Митридате, совсем по-разному. На Керченском полуострове к этому времени мы склонны относить грандиозный курган Кара-Оба, возведение которого представляется возможным связывать с победой понтийских войск над крымскими скифами. Подобным образом следует трактовать и основание его скульптуры, обнаруженное в Нимфее. Иными словами, в этой части ставились памятники митридатovým победам над «непобедимыми» скифами, но, с другой стороны, эти памятники знаменовали собой и поражение «скифской партии» боспорской элиты, и антимитридатовские настроения в её среде, надо думать, не затихали никогда. На наш взгляд, совсем не случайно Боспор отпал от Понтийской державы уже в ходе Первой Митридатовой войны.

На азиатской стороне Боспора представлены археологические памятники совсем другого рода. Это памятники аристократической воинской культуры: Ахтанизовский клад и погребение у Старо-Титоровки. Именно они позволяют нам хоть в минимальной степени представить состав армии Митридата, должным образом оценить значение формирований, состоящих из варваров Прикубанья, в её составе. Почти нет сомнения, что часть боспорской элиты, которая была ориен-

тирована на этот мир и в составе которой имелись выходцы из этой среды, всегда была лояльна к владыке Понта. Не случайно, что свою ставку на Боспоре он сделал не в Пантикапее, а в Фанагории. Правда, именно этот город первым поднял знамя восстания против Митридата, но это уже в немалой степени было связано с тяготами войны и ставшей понятной для многих безнадёжностью дальнейшей борьбы против Рима.

Трагизм положения эллинов Северного Причерноморья заключался в том, что они попытались спастись от варваров, защитить свою самобытность и право на самостоятельное развитие под властью азиатской державы, владыка которой использовал «панэллинскую» риторику, на словах выступая покровителем свободы, а на деле был готов пожертвовать и действительно жертвовал всем ради борьбы с Римом [ср.: Шелов, 1986, с. 41]. Выступление греков против Митридата на заключительном этапе его борьбы стало вполне закономерным. Сокрушив Митридата и Митридатидов, римляне «приняли от них эстафету покровительства причерноморским грекам и, по большому счёту, справились с этой задачей и успешней, и продуктивней» [Доманский, Фролов, 1995, с. 94]. Это верное заключение касается одной стороны проблемы, другая же, связанная с политикой понтийского царя по отношению к местному варварскому населению, представляется не менее любопытной.

Возвращаясь немного назад, можно признать, что Митридату действительно удалось создать «единый греко-варварский блок», но он просуществовал лишь до первых поражений владыки Понта. В ситуации начавшихся разочарований политикой Митридата всё острее стали проявляться противоречия, всегда существовавшие в мире варваров Северного Причерноморья, между отдельными племенами или их группировками. Эти противоречия понтийскому царю, скорей всего, удалось лишь временно сгладить, но отнюдь не ликвидировать. Столь же маловероятно, что ему удалось сплотить вокруг себя всю боспорскую элиту, убедить её в необходимости борьбы против Рима до победного конца. Если в этой сфере у него и был успех, то его следует считать сугубо временным. Часть боспорской элиты явно ориентировалась на скифов. В дальнейшем эти противоречия выплеснулись в события, связанные с борьбой за боспорский престол после гибели владыки Понта.

В заключение, отвечая на вопрос, поставленный в начале главы, следует признать, что надежды боспорской элиты на понтийского царя, обещавшего выступить защитником эллинства от варварского натиска, оказались напрасными. Сама логика развернувшейся борьбы с Римом требовала всё более активного привлечения к ней местных племён. Иными словами, в этом отношении результат был получен обратный желаемому. С другой стороны, приходится признать, что на Боспоре политика Митридата нашла немалое число сторонников, и фигура великого противника Рима была популярна среди отдельных слоёв местной знати даже через много десятилетий после его смерти [Неверов, 1968]. Традиции «ми-

(сарматы, которых по старой традиции именовали савроматами), скорее всего, в прилегающих к Крыму степях.

Асандр, поднимая восстание против Фарнака, имел в виду «угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре» (*Dio Cass.* XLII. 46, 4; перев. В.В. Латышева), но он явно просчитался в своих расчётах. Юлий Цезарь решил наказать его, поскольку тот «оказался изменником другу (т.е. Фарнаку – Ю.В.)». Военная операция против Асандра была поручена верному стороннику Цезаря – Митридату Пергамскому (*Dio Cass.* XLII, 48, 1). Следует считать, что на Боспор он двинулся по суше и, проходя через Кавказ, разорил знаменитое святилище Левкотеи, по легенде построенное Фриксом (*Strab.* XI. 2, 17). Можно предполагать, что ему удалось захватить власть в Пантикапее, но ненадолго – Митридат был свергнут Асандром и, скорее всего, убит в 47 г. до н.э. (*Strab.* XIII. 4, 3), столь насыщенном событиями в боспорской истории [Гайдукевич, 1949, с. 313; Голубцова, 1951, с. 64; Сапрыкин, 2002, с. 55 сл.].

Асандр [о нём см.: Яйленко, 1987, с. 39–43], захвативший власть без согласия римлян и к тому же расправившийся с другом Цезаря, оказался в очень непростой ситуации. Однако Риму в то время, как представляется, было не до далёкого Боспора, и Асандр оказался единоличным правителем Боспорского царства. Он укрепил свою власть вступлением в брак с Динамией (дочкой Фарнака и внучкой Митридата Евпатора), а после смерти Цезаря сразу стал именовать себя царём. Вполне вероятно, что Асандр в борьбе против Фарнака вынужден был опереться на поддержку прикубанских племён, где позиции Митридата, как говорилось выше, были весьма прочны. Женитьба на Динамии ещё более должна была укрепить эту его ориентацию. Есть веские основания согласиться с С.Ю. Сапрыкиным и считать, что он продолжил политику «митридатизма», поддерживая созданную Митридатом на Боспоре систему военно-земледельческих поселений [Сапрыкин, 2002, с. 203 сл.]. В такой ситуации проникновение в элиту Боспорского государства выходцев из среды меотосарматов Прикубанья должно было закономерно возрасти.

Смерть Асандра приходится на 17 г. до н.э., при этом он скончался будучи человеком очень старым [см.: Гайдукевич, 1949, с. 315; Голубцова, 1951, с. 75 сл.; Сапрыкин, 2002, с. 95; Braund, 2004, p. 85]. По версии псевдо-Лукиана, в возрасте 90 лет Асандр никому не уступал ни в конном, ни в пешем бою, но когда он увидел, что во время сражения со Скрибонием, о котором речь пойдёт чуть ниже, его воины переходят на сторону врага, то уморил себя голодом (*Ps.-Luc. Macr.* 17).

После смерти Асандра, по словам Диона Кассия, на Боспоре «произошло восстание» (*Dio Cass.* LIV. 24, 4-7). Скрибоний [о нём см.: Braund, 2004], выдававший себя за внука Митридата и ставленника Августа, сделал попытку захватить власть в Боспорском царстве и даже женился на Динамии, т.е. супруге Асандра, которой тот завещал управление государством. Имя Скрибоний не греческое и не варварское, хотя тот и выдавал себя за внука Митридата, а римское, так что есть основания полагать, что он имел какую-то поддержку в Риме [Сапрыкин, 2002, с. 90-91, 95, прим. 9; Braund, 2004, p. 86], хотя и явно не в самых высоких кругах. Скрибоний

ствия Полемона, в основном, касались Азиатского Боспора. О подобных его действиях по отношению к Пантикапею или Феодосии мы ничего не знаем. Совсем не исключено, что политика Полемона, направленная на уничтожение митридатовского наследия, вызывала здесь решительное неприятие. Лишь с приходом к власти Аспурга на Боспоре утвердилось равновесие между проримской и митридатовской тенденциями в государственной политике [Сапрыкин, 2002, с. 125 сл., 234].

4.6. Элитные погребения постмитридатовского времени

Элитных курганных комплексов, которые можно было бы уверенно связывать со временем описанных выше событий боспорской истории, научный мир до недавнего времени не знал, хотя один такой комплекс был раскопан ещё более 140 лет назад, а другой – и того больше.

Первым из них является *открытие, сделанное на мысе Ак-Бурун в 1874 г.* Тогда без всякого археологического надзора в одном из курганов этого мыса была обнаружена небольшая каменная гробница, в которой находились два бронзовых сосуда. Один из них содержал перегоревшие кости животных, а второй – человеческий прах с набором весьма ценных вещей [ОАК за 1874 г., с. XXI-XXII]. Имеющиеся описания позволяют считать, что это погребение являлось типичной для античного мира кремацией, совершённой на стороне. После сожжения прах усопшего был собран в бронзовый сосуд (в другом сосуде, может быть, находились остатки сожжённых жертвенных животных) и помещён в небольшую могильную яму. По краям эта яма была обложена хорошо обработанными каменными плитами; перекрытие состояло из такой же каменной плиты. Подобные захоронения известны в некрополе Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 132], никаких варварских влияний (погребения коней, оружие и украшения местных типов) здесь усмотреть невозможно.

Вещи, обнаруженные в одном из бронзовых сосудов,⁵ не без трудностей поступили в Императорский Эрмитаж, но, к сожалению, слишком долго оставались не опубликованными.

Всего в этот комплекс входило восемь предметов [ОАК за 1874 г., с. XXI-XXII; Ростовцев, 1925, с. 256; Виноградов, 2001в, с. 312]:

1. Золотая фибула с двумя жемчужинами.
2. Золотая застежка с круглой вставкой из стеклянной пасты.
3. Золотой наконечник, возможно, от ножен кинжала с филигранными украшениями, с гранатами и двумя изумрудами на каждой из двух сторон.
4. Золотая накладка (?) в виде двойной дужки.

⁵ Один бронзовый кувшин из ак-бурунского комплекса поступил в Керченский музей, и его рисунок хранится в научном архиве ИИМК РАН [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 116, 220, рис. 82; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 41, рис. 23].

5,6. Пара золотых бусин филигранной работы.

7. Куски от золотого погребального венка.

8. Золотой статер Лисимаха.

Датировка данного археологического комплекса долгое время была весьма спорной, хотя основание для неё было вполне очевидно – монета царя Лисимаха (рис. 104, 1), который, как известно, погиб в сражении в 281 г. до н.э. Исходя из информации об этой находке, М.И. Ростовцев, явно не видевший вещей, обнаруженных в 1874 г., поначалу предполагал, что комплекс является ранним памятником распространения на Боспоре нового стиля в торевтике – полихромного [Ростовцев, 1925, с. 256], т.е., как можно полагать, относил его к III в. до н.э. Это предположение оказалось лишённым оснований по той причине, что монета Лисимаха была отчеканена в Византии, но, как показал А.Н. Зограф, ни один из лисимаховских выпусков этого города не относится ко времени жизни царя Фракии, все они чеканились после его смерти – с середины III в. до н.э. по время Митридата Евпатора [Zograph, 1925, p. 49, 50-51]. Известнейший отечественный нумизмат относил этот статер к позднему выпуску лисимаховских монет Византии, обратив внимание на наличие митридатовских черт в отчеканенном здесь портрете. А.Н. Зограф указал М.И. Ростовцеву на его ошибку, и тот омолодил комплекс находок 1874 г. вплоть до второй половины II в. до н.э. [Rostowzew, 1931, S. 232]. Однако и эта датировка, на наш взгляд, слишком занижена.

Итак, А.Н. Зограф считал, что в Византии лисимаховские монеты выпускались с середины или даже с конца III по начало I в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 100; Zograph, 1925, p. 51]. Эту точку зрения поддержала М.И. Максимова [Максимова, 1960, с. 48; ср.: Price, 1968, p. 9]. А. Сейриг полагал, что такие выпуски прекратились лишь с возникновением Римской империи [Seyrig, 1968, p. 197].

Знакомство с ак-бурунскими находками 1874 г., хранящимися в собрании Государственного Эрмитажа, позволяет предложить более точную датировку этого комплекса, а также обозначить культурную принадлежность некоторых из входящих в него находок [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 37–52]. В этом отношении особенно любопытны крупные золотые бусины (рис. 104, 2), золотой наконечник (рис. 104, 3), золотая фибула-брошь круглой формы (рис. 104, 4) и золотая фибула типа «Алезия» (рис. 104, 5).

Точные аналогии золотому наконечнику трапециевидной формы, украшенному вставками из камней (рис. 104, 3), нам не известны, но в научной литературе было высказано предположение, что он является украшением оконечности ножен кинжала [ОАК за 1874 г., с. XXI; Ростовцев, 1925, с. 256; Виноградов, 2001а, с. 312]. В этом отношении можно указать на его определённое сходство с группой позднеэллинистических артефактов, происходящих в основном из Крыма, которые понимаются либо как наконечники ножен [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8, 17–21; Зайцев, 2011, с. 588, рис. 2, 30–34, с. 591; Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 138-139, рис. 24-25], либо как наконечники поясных ремней [Сымонович, 1983, с. 30-31, табл. XXXVIII,

37-38; Дашевская, 2001, с. 89-90, рис. 2, 1; ср.: Пуздровский, 2007, с. 72]. Эти артефакты изготовлены из железных, бронзовых или серебряных пластинок; некоторые имеют весьма простую геометрическую орнаментацию. Ак-бурунская находка отличается от них не только материалом и пышностью отделки, но и особенностью изготовления. Она является предметом двусторонним, поскольку украшена с двух сторон. У других крымских наконечников края пластин замыкались либо внахлест, либо чаще оставались не сведёнными или же сведёнными только в нижней части. Соответственно, и орнаментация на них находится только с одной стороны. Эти находки атрибутируют в пределах середины II – первой половины I вв. до н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182].

Подобные наконечники известны не только в Крыму, но и в Предкавказье [Абрамова, 1993, с. 18, рис. 3, 6; с. 68, рис. 24, 35-36; Берлизов, 1996, с. 107, табл. 1, 4]. На Боспоре имеется находка серебряной пластины трапезиевидной формы из Ахтанизовского клада, которую М.И. Максимова интерпретировала как обкладку ножен кинжала [Максимова, 1969, с. 57-58, № 3, рис. 16, 2; Власова, 2009, с. 72, табл. III, 9; с. 76]. Пластина из Ахтанизовки не имеет орнаментации, её длинные боковые стороны отогнуты, т.е. по внешнему виду она отличается от очерченного круга наконечников. А вот общая конфигурация ак-бурунской «золотой оправы» позволяет считать, что предложенная интерпретация (наконечник ножен кинжала) верна, во всяком случае, возможна.

Две крупные золотые бусины из Ак-Буруна орнаментированы ромбами, треугольниками и розетками из зерни (рис. 104, 2). Предметы такого рода с подобной орнаментацией являются относительно поздними; их обычно датируют эллинистическим и римским временем [Шевченко, Зайцев, Мордвинцева, 2011, с. 146]. Показательно при этом, что они встречаются в некоторых элитных памятниках Прикубанья: позднеэллинистическое погребение у станицы Воронежской [Анфимов, 2011², с. 215], курган около хутора Верёвкин [Ждановский, 1990, с. 106, 213, рис. 32, 15], курган у хутора Песчаный [Хачатурова, 2010, с. 41–44, рис. 72], памятники «зубово-воздвиженского типа» [Гущина, Засецкая, 1989, с. 77, табл. XIV, 2]. Вероятно, к этому кругу древностей следует относить золотую орнаментированную бусину из Мерджан [рис. 85, 6; Ростовцев, 1913, с. 137, табл. XII, 6] и Ахтанизовского клада [Спицын, 1909, с. 21, № 10, с. 35, рис. 27; Власова, 2009, с. 67, табл. I, 4; 69].

Приблизительно тот же круг аналогий имеет золотая фибула-брошь со вставкой в центре (рис. 104, 4). Подобные застёжки, украшенные камнями, получили распространение на Боспоре со времени эллинизма [см.: Максимова, 1979, с. 69, рис. 20]. Самой ранней находкой такого рода является застёжка из Зеленского кургана, которую М.Ю. Трейстер датировал первой четвертью III в. до н.э., признав её прототипом для всей группы фибул-брошей [Treister, 2002, р. 29, 31]. Основное количество этих артефактов происходит из Прикубанья и относится ко II–I вв. до н.э. [Марченко, 1996, с. 31-32; Treister, 2002, р. 45]. М.Ю. Трейстер признаёт возможным, что эти застёжки производились в мастерских Азиатского Боспора [Treister, 2002,

р. 31, 43], тем не менее, особенной популярностью они пользовались совсем не в эллинской среде, а у меотской и сарматской знати Прикубанья [Смирнов, 1953, с. 29-30; Амброз, 1966, с. 30-31; Марченко, 1996, с. 28-32].

Ещё более любопытна вторая золотая застёжка, происходящая из этого комплекса (рис. 104, 5). Она относится к типу шарнирных дуговидных фибул со спинкой в виде вытянутого треугольника, получивших название «Алезия» [Щукин, 1989, с. 68; Трейстер, 1993, с. 60; см.: Duval, 1974; Rieckhoff, 1975, S. 18 ff., 47-48, Taf. 3, 28-29; Feugère, 1985, p. 299-311]. Происхождение этой формы не вполне понятно, но хорошо известно, что такие застёжки были обнаружены во время раскопок кельтского опидума Алезия в 1871 г. Тогда был открыт ров с останками воинов вместе со всей амуницией, которые уверенно связываются с последним сражением галлов Верцингеторикса против войск Юлия Цезаря, происшедшим под стенами города в 52 г. до н.э. Собственно говоря, фибула получила своё название по этому опидуму. Вполне очевидно, что в 52 г. до н.э. все найденные во рву вещи были в употреблении [Щукин, 1989, с. 63]. Логично считать, однако, что появление фибул типа «Алезия» относится к более раннему времени, возможно, к первой половине I в. или даже к концу II в. до н.э., но надёжных хронологических реперов для этого не существует [Feugère, 1985, p. 306]. М.Б. Щукин определял время существования этих застёжек в пределах 52-15 гг. до н.э. [Щукин, 1989, с. 65]. М. Фёжер доводит верхнюю дату этого типа до 8 г. до н.э. [Feugère, 1985, p. 306; ср.: Duval, 1974, p. 72, 75].

Находка «Алезии» в ак-бурунском погребении 1874 г., на наш взгляд, чрезвычайно важна для нас в двух отношениях. Во-первых, она позволяет считать, что этот комплекс относится ко второй половине I в. до н.э. Во-вторых, вполне очевидна её связь с римской культурной традицией. Этот уникальный для Боспора предмет, явно изготовленный по специальному заказу, позволяет поставить вопрос о том, когда же он мог попасть на Боспор. Логично ожидать, что это, скорее всего, имело место тогда, когда Боспорское государство входило в сферу самых непосредственных интересов Рима, а именно – во время борьбы за престол, развернувшейся после смерти Митридата. Таких моментов, как говорилось выше, было несколько.

Сугубо гипотетически можно полагать, что воины Фарнака, возвращаясь в 47 г. до н.э. из Малой Азии, могли принести на Боспор кой-какие римские вещи, но золотая фибула типа «Алезия» в их составе вряд ли могла появиться, хотя в это время застёжки этого типа уже существовали. Вообще очень трудно вообразить, как Юлий Цезарь или посланный им против сына Митридата Домиций дарит на прощание плащ с дорогой фибулой своему бывшему врагу или кому-нибудь из его окружения.

Воины Митридата Пергамского, как представляется, вполне могли иметь при себе римские предметы, и золотая «Алезия» в их составе может рассматриваться как принадлежность костюма одного из приближённых претендента на боспорский престол или же как один из возможных «дипломатических даров» для налаживания контактов с местной элитой. В таком ключе данную находку трактовал М.Б. Щукин [1989, с. 68; ср.: Сапрыкин, 2002, с. 70-71].

Обратим внимание и на отмеченные выше особенности ак-бурунского комплекса – некоторые из вещей (круглая фибула-брошь и золотые бусины) имеют хорошие аналогии, прежде всего в Прикубанье. В этом отношении необходимо акцентировать внимание на том, что по пути с Кавказа на Боспор войска Митридата непременно прошли обозначенный район, и с элитой местных племён, надо полагать, были установлены дружеские связи. В противном случае было бы сложно надеяться на благополучный исход всего мероприятия. Любые договоры, как известно, обычно скрепляются вручением подарков и получением «отдарков» [см.: Виноградов, 2009б, с. 51-52]. Мы не знаем, какие подарки Митридат Пергамский дарил представителям племенной аристократии Прикубанья, но от них он сам и его приближённые могли получать те предметы, которые особенно ценились в их среде. Таким образом, есть основания считать, что погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., принадлежало одному из сподвижников Митридата или же представителю боспорской знати, поддержавшему ставленника Рима. В этой интерпретации, однако, смущает одно обстоятельство – слишком маленький срок правления Митридата на Боспоре, сводившийся, самое большее, к нескольким месяцам.

Следующий ставленник Рима на боспорском престоле – Полемон I. Можно ли связывать ак-бурунское погребение 1874 г. с его временем? С хронологической точки зрения это вполне допустимо, поскольку фибулы типа «Алезия» в 14–8 гг. до н.э. ещё могли находиться в обращении. Факт наличия римлян в войсках Полемона тоже вряд ли можно ставить под сомнение [Масленников, 1995, с. 162; Сапрыкин, 2002, с. 120, 121, прим. 72]. Иными словами, среди приближённых Полемона вполне могли быть люди, одежду которых украшали подобные дорогие застёжки. Нельзя исключать и того, что фибула могла быть подарком царя кому-нибудь из преданных ему боспорских аристократов. Срок правления Полемона I на Боспоре намного превышает месяцы власти Митридата Пергамского, то есть это период, так сказать, имел больше шансов «археологизироваться».

Но может ли погребение 1874 г. прояснить другие детали полемоновской политики на Боспоре? Имеется в виду наличие предметов, которые связывают этот комплекс с миром прикубанских варваров. Само по себе предположение о том, что Полемон был заинтересован в нормальных связях с этими племенами (хотя бы с самыми влиятельными из них), представляется вполне логичным. Перманентная вражда с меото-сарматским миром для него была бы самоубийственной, в такой обстановке он просто не смог бы удержаться у власти на протяжении 6 лет. С другой стороны, все прекрасно знают, что самые хорошие взаимоотношения могут быть испорчены, казалось бы, из-за пустяков. Полемон был убит аспургианами, но, даже учитывая этот факт, у нас нет особых оснований предполагать его непримиримую вражду ко всем прикубанцам.

На наш взгляд, для понимания ситуации того времени важное значение имеет одно свидетельство Страбона: «Полемон хотел напасть на них (аспургиан – Ю.В.) под прикрытием дружбы, но его намерение не укрывшись, он был встречен войском

аспургиан, попался живым в плен и был убит» (*Strab.* XI. 2, 11; перев. В.В. Латышева). В данном случае обратим внимание на выражение «под прикрытием дружбы», что может означать, что и этот инструмент («дружба») имелся в арсенале политических приёмов правителя Боспора. С некоторыми из прикубанских племён он действительно мог иметь дружественные связи, важным элементом которых, как уже было сказано выше, был взаимный обмен подарками. По этому каналу, как представляется, в среду боспорской аристократии могли попадать престижные предметы, популярные в среде меото-сарматской элиты.

Это предположение, однако, нуждается в оговорках. Хорошо известно, что аристократия варварских племён охотно принимала и высоко ценила некоторые предметы античного производства. В частности, ещё раз отметим, что имеются основания считать, что фибулы-броши, столь популярные в Прикубанье, изготавливались в мастерских Азиатского Боспора [Treister, 2002, p. 31, 43]. Такие фибулы вполне могли входить в состав «дипломатических даров», которые правители Боспора направляли в этот регион. Сугубо гипотетически можно предположить, что красивые застёжки могли совершать обратное путешествие в качестве подарков высокопоставленным лицам Боспора от вождей меото-сарматских племён. На первый взгляд это представляется сомнительным, но всё-таки почти наверняка боспорская элита при получении подарков не была особенно щепетильна (дорогая застёжка, полученная от варваров, была, прежде всего, дорогой застёжкой).

В отношении Митридата Пергамского вполне можно предполагать, что его окружение, попавшее в новый для себя мир, ничуть не стеснялось принимать у варваров фибулы-броши или даже золотые бусы. Для времени Полемона это уже может вызывать некоторые сомнения, но всё равно предметы названного круга (даже если они не были получены в качестве подарка, а приобретены в ювелирной лавке) должны свидетельствовать об особых симпатиях их владельца к меото-сарматскому миру.

Вторым погребальным памятником, на который следует обратить внимание, является *расписной склеп 1852 г.*, обнаруженный К.Р. Бегичевым на северном склоне горы Митридат [рис. 105; Ростовцев, 1913-14, с. 153–160, табл. XLVI-XLVII]. Он представляет собой типичную для Боспора более раннего времени двухкамерную гробницу «македонского» типа (см. главу 2.8). Ко входу вёл спуск длиной около 5,20 м,⁶ нижняя часть которого, ограниченная по сторонам двумя стенками (2,7 × 2,1 м), оформлена в виде лестницы, состоящей из четырёх каменных ступеней. Дверь, как обычно в боспорских гробницах этого типа, была заложена каменной плитой. Первая камера (проталамос) имела относительно небольшие размеры (1,9 × 1,7 м), вторая (таламос) была более обширной (3,1 × 1,95 м). Свод был сделан в виде арки.

Склеп был сооружён из отёсанных камней на известковом растворе, стены и потолок оштукатурены. Поверх штукатурки была нанесена роспись. В первой ка-

---

⁶ Все размеры этой гробницы сняты с чертежа архитектора Шмакова (рис. 105), поэтому весьма приближительны.

мере нижняя часть стен разбита на четырёхугольники, имитирующие ряды каменной кладки. В таламосе нижняя часть стен имеет роспись, имитирующую покрытие плитами цветного мрамора; её верхний ряд украшен изображениями птиц, сидящих на ветвях. Над входом в таламос сохранилось нечёткое изображение двух фигур – мужской и женской, как бы указывающих на вход в эту камеру. На торцовой стене гробницы так же нечётко сохранилась роспись в виде двух всадников, вооружённых копьями. Эти фигуры размещены по сторонам от ниши.

Склеп был ограблен, поэтому надёжных оснований для его датировки мы не имеем. Тем не менее, вполне очевидно, что архитектура этой гробницы очень схожа с конструкцией склепов Васюринской горы (см. главу 2.8, № 1-2), а роспись находит аналогии в склепе Большого Васюринского кургана и Анапской гробницы 1908 г. (см. главу 2.8, № 1, 3). Вместе с тем, здесь имеются отличия от этих хорошо известных памятников, позволившие М.И. Ростовцеву датировать этот склеп концом I в. до н.э. – самым началом I в. н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 158]. Если эта датировка верна, то следует признать, что склеп 1852 г. является важным звеном на пути эволюции боспорских элитных гробниц к расписным катакомбам первых веков н.э.

Подведём некоторые итоги. Сразу следует подчеркнуть, что погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., для боспорской археологии является в высшей степени важным, можно сказать, уникальным памятником. Оно относится ко второй половине I в. до н.э. (более узкая датировка, к сожалению, не возможна), т.е. одному из самых сложных периодов в истории Боспора. Кремация была совершена по греческому обряду. Погребальный инвентарь отличается богатством и неоднородностью состава. Золотой веночек свидетельствует о греческой героической традиции, фибула типа «Алезия» указывает на связь с Римом, а другие вещи (фибула-брошь, крупные золотые бусины) характерны для аристократических погребений Прикубанья. Золотой, украшенный вставками из камней наконечник ножен кинжала (?), скорей, роднит этот комплекс с позднескифской культурой Крыма. Учитывая все эти детали, можно считать, что погребение было совершено тогда, когда Боспор вошёл в сферу римских интересов. Это могло быть при Митридате Пергамском (47 г. до н.э.) либо при Полемоне I (14–8 гг. до н.э.). Первое предположение, на наш взгляд, выглядит более предпочтительным, но дополнительных аргументов в его пользу мы привести не можем.

Комплекс Ак-Бурун (1874 г.), на наш взгляд, как никакой другой на Боспоре, свидетельствует о начале новой исторической эпохи, связанной с включением Северного Причерноморья в сферу интересов Рима. Ничего подобного ему боспорская археология не знает.

Расписной склеп 1852 г., несмотря на ненадёжность его датировки, можно рассматривать как весьма значимое явление в развитии боспорской погребальной архитектуры от расписных склепов III–I вв. до н.э. до катакомб римской эпохи.

Ю.А. Виноградов.

Глава V

БОСПОРСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО

5.1. Эпиграфические источники о боспорском жречестве

У древних греков в отличие от их ближневосточных соседей не существовало жреческой касты¹. Жреческие функции в греческих полисах исполняли выборные магистраты; правда, нередко жречество являлось наследственной привилегией отдельных древних родов. В зависимости от обычая жрец назначался на один год, праздничный цикл или пожизненно [Burkert, 1985, p. 95 sq.; см. также: Латышев, 1997 (1899), с. 49–62; Stengel, 1920, S. 32–54; Nilsson, 1967, S. 52, 54, 90]. Вследствие этого, по словам В. Буркерта [Burkert, 1985, p. 95], «греческую религию можно назвать религией без жрецов». Поэтому (тем более при ограничительных законах на роскошь погребений) задача археологического выделения жреческих могил в некрополях греческих полисов практически невыполнима (хотя имеется целый ряд перемещённых надгробий жрецов и жриц, что удостоверяется соответствующими надписями и изображениями)².

Если то, что нам известно по материалам Ольвии [см.: Русяева, 1992, с. 192 сл.; Шауб, 2007а, с. 235; 2011а, с. 199 сл.] и Херсонеса [Шауб, 2007а, с. 260; 2011а, с. 223], в значительной степени напоминало ситуацию, сложившуюся в Греции, данные по Боспору свидетельствуют об ином. Правда, и в вышеупомянутых причерноморских полисах не всё обстояло хрестоматийно просто. Так, в Ольвии обнаружен ряд женских могил преимущественно позднеархаической эпохи со специфическим инвентарём, позволяющим видеть в них захоронения представительниц варварской аристократии, исполнявших жреческие функции в культе местной Великой богини [Шауб, 2007а, с. 236–258; 2007б, с. 106–117.]; то же самое с ещё большей уверенностью можно предполагать и относительно тех женщин, которые были погребены в херсонесском склепе № 1012³.) Здесь, наряду с надписями, свидетельствующими о существовании

---

¹ О жрецах в Древнем мире см.: [Pagan Priests, 1990; Bendlin, Cancik, Egelhaaf, Fischer, Rottler, Rüpke, 1993].

² Так, жрицы на надгробных рельефах изображались с ключом или (терракотовой) статуэткой в руке. О неудачной попытке А. Шварцмайер [Schwarzmaier, 2006, S. 175 ff.] реинтерпретировать один из подобных памятников в качестве изображения невесты, см.: [Шауб, 2015в].

³ Долгое время считалось, что склеп № 1012 являлся фамильным склепом богатой херсонесской семьи. Однако все вещи, обнаруженные здесь, исключительно женские. Поэтому представляется со-

«ординарных» жреческих должностей, есть эпиграфические данные о том, что жреческие функции, причём в культах верховных богов Боспора, Аполлона Врача на европейской его стороне и Афродиты Урании на азиатской, были прерогативой царей и цариц из правящей династии Спартокидов [КБН № 6, 25 и др.]⁴. Роль последних в религиозной жизни этого государства была глубоко и разносторонне проанализирована В.П. Яйленко [Яйленко, 1995]. Перечисляя посвящения эпохи Спартокидов⁵ и останавливаясь на votивных надписях женщин, прежде всего жриц, он особо выделяет те, которые были сделаны представительницами спартокидского дома, отмечая, что все эти надписи посвящены Афродите [Яйленко, 1995, с. 230]⁶. Этот факт исследователь объясняет тем, что, по его убеждению, Спартокиды – иранская по происхождению

вершено верным вывод Е. Я. Рогова [Рогов, 2002, с. 41-42]: «Захоронения в подстенном склепе выделяются необыкновенной роскошью, разнообразием украшений и, самое главное, тем, что наряды эти наполнены глубочайшим сакральным смыслом. Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а захоронения жриц, причем захоронения последовательные. Недаром большинство аналогий этим вещам мы находим среди жреческих захоронений кургана Большая Близница на Таманском полуострове. С этой точки зрения становится понятно отсутствие в склепе мужских и детских погребений и вещей, а также и место, выбранное для гробницы, – под городской стеной. Жрицы, служительницы культа, скорее всего, херсонесской богини Девы, и после смерти должны были охранять стены города и оберегать его ворота».

Следует заметить, что и до Е.Я. Рогова были исследователи, которые смотрели на этот памятник подобным образом. Так, Н.В. Пятшышева [Пятшышева, 1971, с.104.] полагала, что «женская часть» погребённых здесь представителей «греко-фракийской знати», которая, как и на Боспоре, стояла во главе Херсонеса, исполняла жреческие функции в культе Великой богини (при этом исследовательница неверно датировала погребения склепа III–I вв. до н. э.). См. также нашу работу [Шауб, 1988а, с. 128–130], где обосновывается гипотеза, согласно которой в рассматриваемой гробнице покоились жрицы херсонесской богини Девы, местного в своих истоках божества, по своим основным чертам весьма схожего с Великой богиней Скифии и Боспора.

⁴ Возможно, дочь царя Скилура и жена некоего Гераклида Сенамотис, которая, как явствует из надписи, обнаруженной в Пантикапее [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 55 сл.], посвятила жертвенный стол местной богине по имени Дитагойя, была её жрицей.

⁵ КБН. 6, 10, 25, 974, 1044: $\text{I}\epsilon\rho\upsilon\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$; 26: $\text{I}\epsilon\rho\acute{\omega}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, 14: $\text{I}\epsilon\rho\acute{\eta}$; 8, 21, 1040: $\text{I}\epsilon\rho\omega\acute{\mu}\epsilon\nu\eta$.

⁶ КБН. 8; Креуса, дочь Медонта, жрица Деметры; 14: Аристоника, дочь Ксенокрита, жрица Деметры; 18: жена [- -] сфена посвятила Деметре; 21: Гестиея, дочь Менодора, жрица Фригийской матери; 27: Плюсия посвятила Ангиссе; 972: Кассалия, дочь Посия, посвятила Афродите Урании; 1015: Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада I, посвятила Санергу и Астаре; 1040: безымянная жрица, посвятила Артемиде; 1041: Акия, дочь Перисада I, посвятила Афродите; 1043: безымянная дочь Федима, жена Стратия, посвятила Афродите [Яйленко, 1995, с. 228. Прим. 46.]. К этому списку надписей из КБН исследователь добавляет votив из святилища Афродиты в Кепях («такая-то, [дочь] такого-то, исполнившая обязанности жрицы, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Левкона, Афродите»), а также граффито из святилища Афродиты в Нимфее («Афродите привет! (Адас желает здравствовать Сатиру, а также Перисада и его (Сатира) жрице, и благосклонным сыновьям (?) Аполлония; и его (?) жене привет!») [Яйленко, 1995, с. 229, 231]. К последней надписи В.П. Яйленко даёт следующий комментарий: «Жрица определенно не поименована, что объяснимо в том случае, если она была жрицей того святилища, в котором Адас сделал свои записи: видимо, ее имя было, что называется, на устах и не нуждалось в упоминании. Не исключено, что и она принадлежала к Спартокидам. Среди посвящений, сделанных женщинами спартокидского дома <...>, одно – посвящение из Кеп – было поставлено, по

ный жизненный опыт дают бесчисленное количество примеров смешения подобных представлений на практике. Причины этого феномена кроются в особенностях человеческой психики.

5.2. Великая богиня и её жрицы

Для В.П. Яйленко скифы равнозначны иранцам⁹, поэтому и скифская культура рассматривается им как иранская, а это, насколько мы можем судить по сообщениям античных авторов, а главное – на основании данных археологии, едва ли оправданно. Во всяком случае, мнение об «иранстве» скифов в религиозной сфере явно сильно преувеличено¹⁰; по своему духовному уровню они стояли гораздо ближе к североамериканским индейцам – охотникам за скальпами, чем к аудитории «Авесты», и, кроме того, как известно, активно вбирали в себя многочисленные инокультурные импульсы¹¹, причём далеко не всегда шедшие со стороны более цивилизованных народов¹². В данной связи в высшей степени показателен тот факт, что М.И. Ростовцев, который много размышлял об «иранстве» скифов и в своей знаменитой работе 1913 года называл женское божество в сценах «инвеституры» на памятниках торевтики из боспорских курганов Анагитой (Анахитой) или Афродитой Уранией – Астартой – Анагитой [Ростовцев, 1913, с. 16 сл., 27], вскоре стал писать о ней как о безымянной Великой богине, культ которой, в своей основе весьма далекий от иранского (и даже шире – индоевропейского), был заимствован у покорённых ими народов [Rostovtzeff, 1921, p. 462-481].

Почитание этой многоипостасной богини [Шауб, 1999; 2007а, с. 80–130; 2011а, с. 73–103] было одной из наиболее ярких черт сложившейся на Боспоре при Спартокидах в высшей степени своеобразной греко-варварской культуры [Виноградов, 2000]. Своеобразие этой культуры проявилось также в чрезвычайной роскоши курганных погребений, чей инвентарь и представленные на его предметах изображения, несомненно, наделяли глубочайшим религиозно-мифологическим смыслом¹³. Аналогии

---

⁹ Например: «<...>боспорские Спартокиды как скифский, resp. иранский по происхождению род <...>» [Яйленко, 1995, с. 250].

¹⁰ Судя по всему, даже общеиранский культ фарна носил у скифов примитивно-фетишистский характер [Шауб, 2004].

¹¹ В.П. Яйленко сам подробно рассматривает заимствованное скифами во время их ближневосточных походов энарейство [Яйленко, 1995, с. 242 сл.].

¹² Так, в скифских верованиях относительно домашнего очага прослеживаются несомненные черты сходства с теми представлениями, которые ещё недавно бытовали у многих сибирских народов, что едва ли можно объяснить простой случайностью.

¹³ Попытке не только продемонстрировать значение курганных находок (несмотря на их частую фрагментарность вследствие как ограбления могил, так и несовершенства методики раскопок и их документации в XIX в.) в качестве ценнейшего источника для реконструкции загробных представлений греко-варварского населения Боспора, но и по возможности определить специфику этих представлений посвящена наша работа: Шауб 2014.

возможно, жреческие [см.: Бессонова, 1983, с. 76]; были «жрицами» [см.: Ключко, 1992, с. 7] или даже являлись «жрицами Аргимпасы, Апи или Табиты» [см.: Мирошина, 1977, с. 94]. При этом С.А. Яценко ссылается «прежде всего на сложный набор сюжетов изображений на золотых украшениях этих уборов, семантика которых связана с культом плодородия». Отмечая этот факт, московский исследователь далее пишет: «К сожалению, неясно, что имеют авторы в виду, употребляя термин «жрицы» (в известных мне текстах он не раскрывается). Если подразумеваются профессиональные или полупрофессиональные служительницы культа той или иной богини из влиятельного жреческого сословия, то непонятно, почему об их существовании молчат античные авторы (уделившие скифам и их религии столь много внимания), почему в могилах этих дам совершенно отсутствуют атрибуты, хотя бы предположительно интерпретируемые как культовые (они должны иметь аналоги в списке атрибутов служителей культа, в том числе женщин, известных нам по письменным источникам у персов, у “этнографических” иранских и индоиранских кафиров, таджиков и осетин). Кроме того, поскольку такие уборы встречены почти в каждом удовлетворительно сохранившемся богатом погребении, возникает вопрос: если это профессиональные жрицы, то где же могилы аристократок из господствующего воинского сословия? Объяснение, что это могут быть именно аристократки из воинов, но эпизодически выполняющие наряду со своими мужьями отдельные жреческие функции во время праздников, меня также пока не вполне удовлетворяет. Дело в том, что и в праздничном этнографическом костюме бедных крестьянок из удалённых провинциальных местностей индоевропейских народов (прежде всего в свадебном) мы также встречаем не менее богатый, яркий и разнообразный набор символов, связанных с “культом плодородия”, однако всех этих простолудинок по понятным причинам никто “жрицами” не объявляет. Возможно, дело лишь в том, что свадебные (?) головные уборы аристократок, в которых их хоронили, обильно украшались аппликациями из металла (золота), а у рядовых скифянок (у которых те же изобразительные мотивы на уборах, видимо, делались из органических материалов – вышивок, кожаных аппликаций) они практически не сохраняются в могилах. При этом я, разумеется, не отвергаю в принципе саму возможность исполнения этими дамами (в качестве жён аристократов-администраторов) отдельных общественно значимых племенных обрядов» [Яценко, 2006, с. 334].

По поводу размышлений С.А. Яценко можно сказать следующее. Количество, а главное, качество сведений, содержащихся в сохранившихся письменных источниках московский исследователь (как, впрочем, и подавляющее большинство других современных учёных), на наш взгляд, сильно переоценивает. Важные религиозные церемонии, особенно женские, едва ли были хоть в какой-то степени доступны для любопытствующих чужаков¹⁷.

---

¹⁷ Геродот неоднократно отмечает, сколь трепетно скифы относятся к своим традициям (что, однако, не мешает ему «с учёным видом знатока» излагать сведения об их культах и ритуалах, полученные из вторых и третьих рук). Уже один этот факт заставляет с большой осторожностью относиться к целому ряду став-

венных функций в руках одних и тех же людей, необходимо напомнить тот факт, что «разделение обрядовой и бытовой сфер – явление достаточно позднее и на протяжении длительного времени совершение обрядов было весьма слабо отделено от иных форм социальной активности» [Антонова, Раевский, 1991, с. 216].

Прежде чем обратиться к исследованию данных о жреческих погребениях Боспора, следует напомнить одно важное наблюдение, сделанное на фракийском материале, но прекрасно подходящее для объяснения интересующих нас вопросов. «Уходя в “тот” мир, человек превращается в тень, лишается тела. “Там” для царя важно не физическое тело, а тело социальное. Оно создается заново из тех вещей, которыми он пользовался для идеологической идентификации: золотой венчик или драгоценный шлем символизируют голову (верх), ожерелье – шею, браслеты – руки, панцирь и пектораль – грудь, пояс – талию, а поножи – ноги. Этим предметным кодом представлено “нетленное” социальное тело царя, которым он будет пользоваться в “том” мире» [Маразов, 2006, с. 42]. Если для скифского царя, даже при условии исполнения им религиозных обрядов, главным в его «социальном теле», несомненно, была функция воина, то столь же вероятно, что основная социальная роль царицы заключалась в её обязанностях жрицы.

5.3. Археологические признаки жреческих погребений

Памятуя о том, что не только предметы, специально изготовленные (или приспособленные) для культовых целей, но и любая вещь в контексте обряда может менять своё назначение и, соответственно, свой семиотический статус и обретать символическое значение [см., например: Байбурин, 1981; Антонова, 1991, с. 21], в качестве жреческих мы рассматривали погребения, если в них были найдены следующие артефакты:

1. *Головные украшения* [Мирошина, 1983], сделанные из золота, священного металла как для греков, так и для скифов [см., например: Мирошина, 1983; Гуляев, Савченко, 1999]: калафы²⁰, стленгиды²¹, а также височные подвески. Все эти предметы находят

²⁰ Свои выводы относительно жреческих погребений в курганах Боспора и Скифии М.И. Ростовцев [Rostowzew, 1931, S. 330 f.] строил, прежде всего, на основании находок в них калафов (полосов), при этом учёный в значительной степени опирался на посвящённое этому головному убору классическое исследование В. Мюллера [Müller, 1915] с красноречивым названием «Полос – корона греческих богов». По словам Е.Е. Фиалко, калафы греческого типа появляются в обиходе скифов со второй половины IV в. до н.э. и существуют, по меньшей мере, до конца первой четверти III в. до н.э. [Фиалко, 2002, с. 84]. Отмечая тот факт, что о степени популярности греческих калафов в скифской среде судить сложно «ввиду значительной ограбленности скифских погребальных комплексов», а также отсутствие в них двух одинаковых головных уборов этого типа, киевская исследовательница пишет: «Золотой декор греческих калафов нес двойную нагрузку: эстетическую (зрелищную) и семантическую (смысловую). В целом сюжеты декоративных элементов калафов, с одной стороны, связаны с их апотропеической (обереговой) функцией, а с другой – являются символами Великой богини, олицетворяющей идею производительных сил природы» [Фиалко, 2002, с. 84].

²¹ Золотые начёльники, имитирующие пряди волос, обнаружены в двух гробницах Большой Близницы (рис. 49, 2), в Павловском кургане, а также при раскопках кургана близ Анапы.

многочисленные аналогии в курганных захоронениях Скифии²². К той же категории священных предметов можно отнести и *роскошные серьги* (которые уже только из-за своей чрезвычайной хрупкости вряд ли могли использоваться в обиходе), украшенные антропоморфными и/или фитоморфными образами либо композициями²³.

По поводу калафов важно отметить тот факт, что украшенные золотом греческие головные уборы этой формы известны только в Северном Причерноморье, тогда как в Греции их нет [Мирошина, 1980, с. 32]. В то же время эти «короны богов» широко представлены на различных памятниках античного искусства [см.: Müller, 1915], в том числе на изделиях торевтики, которые в изобилии обнаружены в курганах Боспора и Скифии²⁴.

«Всякое возвеличивание связано со стремлением вверх; так, прославляя царя, говорили, что бог ему вознёс голову», – справедливо замечает Е.В. Антонова [Антонова, 1991, с. 20]. Особое внимание варваров Северного Причерноморья к голове неудивительно, поскольку они считали её вместилищем жизненной энергии, о чём свидетельствует характерный для скифов обычай отчленения голов, в качестве цивилизованной замены которых в погребениях, скорее всего, выступали разнообразные золотые бляшки с изображением личин, главным образом женских (иконографически – это преимущественно «прекрасный» тип Горгоны). Данный мотив является самым распространённым из представленных на вещах подобного рода [Шауб, 1992].

2. Пекторали²⁵, а также (в гарнитуре) ожерелья²⁶.

²² Калафы и стленгиды: [Ростовцев, Степанов, 1918; Боровка, 1921; Мирошина, 1977; 1980; 1981; Клочко, 1979; Клочко, 1981; 1982а; 1982б; 1993; 2000; 2006; 2009; Клочко, Гребеников, 1982; Клочко, Васина, 2003; Мозолевський, 1979, с. 198–200; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 112–113; Бабенко, 1999 и др.]. О височных подвесках см: Петренко, 1978, с. 21 сл. (автор не отделяет эту категорию материала от серёг); Бессонова, 1982а.

²³ Прежде всего, это серьги из Куль-Обы и Большой Близицы, аналогия которым есть среди украшений жриц, погребённых в склепе № 1012 Херсонеса.

²⁴ В таких уборах, в частности, представлены: змееногая богиня на бляшках из Куль-Обы и Большой Близицы, на конских налобниках из Большой Цимбалки и Толстой могилы; *Фетида* на височных подвесках из Большой Близицы; *плясуньи священного танца калатискос* на бляшках из того же кургана; *выходящая из растительных побегов богиня* на лутерии из Чертомлыка; *крылатая богиня* на навершии из Александропольского кургана [см.: Артамонов, 1966, табл. 230, 267, 296, 189; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. № 92, илл. на с. 188]. Все эти изображения свидетельствуют об исключительной ритуальной важности данного типа сакрального головного убора.

²⁵ Единственный боспорский образец пекторали – это нагрудное украшение из одного из двух жреческих погребений Большой Близицы; эта пектораль имеет аналогию не только в ещё более роскошном украшении данного типа, обнаруженном в кургане Толстая могила (являясь своего рода «конспектом» тамошней пекторали), но и в украшении серебряной с золочением ритуальной Чертомлыкской амфоры [см.: Мачинский, 1978, с. 131 сл.]. Восточная по своему происхождению [см.: Archibald, 1985] и чуждая греческому вкусу пектораль неизменно украшает статуи Артемиды Эфесской – одной из эллинизированных форм малоазийской Великой богини. О связи пекторали из Толстой Могилы с культом женского божества см.: Мачинский, 1978, с. 144 сл. О подобных связях фракийских пекторалей см.: Venedikov, 1995, p. 143 сл.

²⁶ Ожерелье (равно как и браслет) постоянно присутствует на изображениях Великой богини и её ипостасей, происходящих как с территории Боспора, так и из Скифии. Это священное украшение в

3. *Браслеты*²⁷.

4. *Ритуальные сосуды*: ритоны²⁸, шаровидные [Грач, 1984а; Рябова, 1986]²⁹ и др.³⁰

5. *Ритуальные терракоты* [Передольская, 1962, с. 46-92; Peredolskaja, 1964; Alexandrescu, 1966b, p. 75–86; Денисова, 1981, с. 10 и сл.; Шауб, 1987; 2011а, с. 318-319] и *фигурные сосуды*, которые соединяют в себе свойства сосудов и терракот [Treu, 1875; Trumpf-Luritzaki, 1969].

6. *Колесница* (повозка) [Бессонова, 1982б³¹; Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 149 сл.; об украшениях ритуальных колесниц см. также: Куприй, 1981; Власова, 2004а, с. 166 сл.].

качестве дара своей богине подносит на шумерских печатях правитель-лугаль, который в качестве жреца назывался «вождём (приносящим) процветание»; кстати, этот персонаж изображался не только в особом одеянии, но и в «шапке» [см.: Антонова 1991, с. 16], которая, несомненно, являлась ритуальной.

²⁷ См. предыдущее примечание. Крайне любопытны представления о сакральности браслета, сохранившиеся с глубокой древности до наших дней в Индии. Так, магические браслеты являются главными «персонажами» «Повести о браслетах», созданной в самом начале н. э. в Южной Индии. Иногда главной героине повести Каннахи «достаточно было просто взять браслеты в руки, чтобы сделать действительной свою магическую силу и превратиться в богиню» [Альбедиль, 2011, с. 4-5].

Исключительно важная роль браслетов в индийской культуре «подтверждается и этнографическими свидетельствами. Так, сингальскую богиню Паттини, культ которой принесли на Шри-Ланку южноиндийские колонисты в X–XII вв., символически почитали в виде браслетов, при этом никаких других изображений богини могло и не быть. К наряду жреца, изображающего богиню в нескольких ритуалах, обязательно добавляются браслеты как её символ, обладающий мощной магической силой. Верят, что такой браслет может снять колдовские чары, исцелить злонамеренных духов и изгнать вредоносные силы» [Альбедиль, 2011, с. 5].

Не менее интересен и тот факт, что как в поэзии, так и в культовой сфере Индии не только браслеты, но и «разного рода кольца нередко заменяют божества, и к ним обращаются как к божествам. Исследователи ритуалов объясняют подобные кольца, окольцовывания, как своеобразную янтру или мистическую диаграмму, которая, окружая человека или какую-нибудь его часть, служит двум целям: во-первых, охраняет от вторжения недобрых внешних сил, а во-вторых, не допускает утекания внутренней сакральной энергии, обеспечивающей должное качество ритуала» [Альбедиль, 2011, с. 5].

²⁸ Сделанные из золота и серебра ритуальные ритоны, а также близкие к ним не только по форме, но и по значению и назначению, роги являются устойчивым компонентом богатейших погребений Боспора [Виноградов, 1993в; Власова, 2000]. В его округе в «царских» курганах ритоны появляются ещё в конце VII в. до н. э. (Келермес). Судя по присутствию ритона на каменных изваяниях [см.: Ольховский, Евдокимов, 1994], изображающих, вероятнее всего, легендарного родоначальника скифов Таргитая, этот сосуд представлял собою «атрибут жреческих функций скифских царей» [Галанина, 2006, с. 62]. О той же сакральной роли ритона (и рога) свидетельствуют изображения скифов с сосудом данного типа в сценах приобщения к богине, представленных на многочисленных бляшках из Куль-Обы и курганов Скифии.

²⁹ Отнюдь не случайно такой сосуд с изображением сцен из этногонической скифской легенды входил в состав погребального инвентаря «царицы» из Куль-Обы (рис. 42, 4).

³⁰ О скифских ритуальных сосудах иных форм см.: [Рябова 1981; Кузнецова, 1988; 2007; Королькова, 2003].

³¹ «Обилие находок повозок в скифских погребениях не позволяет считать их во всех случаях принадлежностью лиц, ведавших отправлением культа, хотя в целом отношение повозок к культу несомненно. Об этом, в частности, свидетельствует комплекс женского погребения в Трёхбратнем кургане, принадлежавший, по-видимому, жрице Великой Богини» [Бессонова, 1982б, с. 113]. Не только этот комплекс,

7. *Веретено*. Важно отметить, что в скифской среде как ритуально-магический предмет веретено выступало в качестве атрибута не только жрицы, но и жреца (см. выше)³². О том, что на Боспоре веретено считалось одним из священных предметов его верховной богини Афродиты, свидетельствует её изображение с этим предметом на стеклянном медальоне IV в. до н.э., найденном в некрополе Пантикапея [см.: Кунина, 2000, с. 186]³³.

8. *Зеркало*³⁴. Этот бытовой, но в высшей степени сакрализованный у всех древних народов предмет повсеместно использовался (и употребляется до сих пор) в ритуально-магической практике. Однако о его роли в качестве жреческого атрибута, как и в случае с ожерельями и прочими ювелирными украшениями, а также с веретеном, может говорить лишь археологический контекст³⁵. О том, что зеркало рассматривалось в качестве важного атрибута Великой богини, свидетельствует её изображение с этим предметом на золотых бляшках из Куль-Обы и целого ряда царских курганов Скифии, а также на сахновской пластине (которая была частью ритуального женского головного убора, помещённого в мужскую могилу, о чём уже шла речь выше).

9. Более или менее устойчивый набор сюжетов на предметах погребального

но и целый ряд других данных позволяют предполагать связь повозок с культом женского божества и его служительниц [Бессонова, 1982б, с. 113–115]. Тот факт, что повозки играли немаловажную роль в скифском культе, С.С. Бессонова объясняет значимостью коня в религиозных воззрениях скифов вообще и в погребальном культе в частности.

«Основой этих воззрений были идеи и ритуалы солярного культа-представления, связанные со священной колесницей солнца. Наглядно связь с солярным культом проявляется в рассказе Геродота о жертвоприношении коней во время поминальных обрядов через год после смерти скифского царя. Конские чучела устанавливали на столбах, к которым прикреплялись половинки колёс». [Бессонова, 1982б, с. 112].

³² Ближневосточные религиозно-мифологические представления, оказавшие влияние на идеологию «энарейства», в греческой мифологии наиболее рельефно проявились в мифе о Геракле, который выполнял женскую работу, в частности прял, на службе у Омфалы (в её образе, несомненно, кроется одна из ипостасей Великой малоазийской богини; об этом мифе см.: Suhr, 1953, p. 251–263. О том, что веретено могло выступать не только как ритуально-магический предмет, но и в качестве атрибута (сакральной) власти см.: Шауб, 2015б.

³³ О важной роли веретена в культе Афродиты (в частности, весьма остроумной реконструкции знаменитой Афродиты Мелосской с этим предметом) см.: Suhr, 1969.

³⁴ По поводу роли зеркала у скифов ещё в 50-х годах XX века видный английский скифолог Т. Райс писала: «Зеркала, по-видимому, служили двойной цели, так как очевидно, что кочевники достаточно гордились своей внешностью, чтобы оправдать включение таких предметов в число положенных к ним в могилу, очень вероятно, что в соответствии с их примитивными верованиями зеркала также считались аксессуаром, помогающим отгонять злых духов, которые, как они верили, всегда были наготове, чтобы взять верх над человечеством. Зеркало, возможно, рассматривалось как принадлежность Великой богини, так как на маленькой золотой пластинке из кургана Куль-Оба изображена сидящая женская фигура, имеющая большое сходство с пазырыкскими изображениями этого божества. На пластинке из Куль-Обы она держит в левой руке зеркало, а человек, стоящий перед ней, пьёт из сосуда, который вполне может быть священным ритонном» [Райс, 2003, с. 151-152; см. также: Курочкин, 1993].

³⁵ О зеркале как одном из важнейших и многофункциональных атрибутов шамана см.: Манжигеев, 1978, с. 26, 71.

инвентаря и украшениях (прежде всего головных, а также на нашивных бляшках), связанных с символикой культа как женских божеств греческого пантеона, в которых (божествах) варвары Боспора видели образы своей многоликой Великой богини [Шауб, 1999; 2007а; 2011а]³⁶, так и её паредра – местного умирающего и возрождающегося божества, которое могло принимать обличье и спутника греческого Диониса, и самого бога, и близкого ему по сути иного божества (прежде всего, Геракла)³⁷. Об этой ритуально-мифологической связи бессмертной богини всего сущего и её умирающего и возрождающегося спутника, характерной для оргиастических культов³⁸, ярче всего свидетельствует изображение змееногой ипостаси Великой богини с головой сатира в руках на бляшках, найденных в нескольких боспорских курганах [см.: Шауб, 2007а, с. 96 сл.; 2011а, с. 82 сл.]³⁹.

5.4. Образы и сюжеты, связанные с Великой богиней

Судя по совпадению погребальных одеяний боспорских и скифских «цариц» с костюмом женского божества, представленного на памятниках греко-скифского искусства, все эти женщины так же, как и их несомненно сакрализованные и приобщённые к священным обрядам мужья [см.: Шауб, 2005а; 2005б; 2008, с. 17–27], явно должны были исполнять функции жриц (многочисленные

³⁶ Осмысливая проблему Великой богини в философских терминах, можно говорить о том, что в её образе органически слиты субстанциальное тождество и ипостасное различие. [Шауб, 2013б, с. 33]. К сказанному можно добавить, что (феноменологически) о Великой богине может идти речь тогда, когда объектом поклонения является всеобъемлющее женское божество, связанное с рождением, сексуальностью и одновременно смертью, которое занимает в верованиях и культе доминирующее положение по отношению к мужскому партнёру. Ср. замечание А. Магриса: Magris, 1985, p. 101.

³⁷ Уникальные терракоты из кургана Большая Близица, изображающие пьяного Геракла [см.: Передольская, 1958, с. 61], при прочих ярких дионисийских чертах, которые характерны для инвентаря погребённых в этом кургане эллинизированных жриц местного Великого женского божества [см.: Шауб, 1987, с. 27 сл.], позволяют (наряду с находками терракот комических актеров в роли пьяного Геракла) говорить о том, что на Боспоре почитание Геракла имело ярко выраженные хтонические черты и было теснейшим образом связано с культом хтонического Диониса. Кстати, Геракл и Дионис имеют в мифе целый ряд общих черт: у них общий отец – Зевс и смертные матери, оба умерли и возродились, оба сходили в Аид и возвращались на землю, оба тесно связаны с быками, для обоих характерны такие состояния, как опьянение и экстаз [Шауб, 2011а, с. 60].

³⁸ Все «оргиастические веры» склонны к единобожию [Иванов, 1994, с. 190]. Отмечающий этот факт В.И. Иванов также проникновенно писал о том, что «всякое исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоимянная <...> наводит нас на следы первоначального феминотезиса, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини – женское начало мира, один пол, возведённый в абсолют» [Иванов, 1994, с. 332].

³⁹ Кроме пристрастия варваров к винопитию, покровителем которого был Дионис, свидетельством широкого распространения дионисийского культа на Боспоре [Винокуров, 2002] являются многочисленные изображения сатиров, прежде всего, на монетах, где в доримскую эпоху головы этих существ были наиболее популярным типом. Важным аргументом в пользу того, что речь здесь идёт о местных божествах, схожих со спутниками Диониса [Шелов, 1950; Шауб, 2007а, с. 344-345], а отнюдь не о гре-

аналогии этому феномену есть как в древности (ритуалы «священного брака»)⁴⁰, так и в современности (у африканских племён) [см., например: Иорданский, 1982, с. 270 сл.; 1991, с. 170-171]. При этом они не только имитировали облик своей богини⁴¹, но и вполне могли воплощать её суть (ср. с индийскими представлениями о шакти [см., например: Гринцер, 1982, с. 636; Шауб, 2007а, с. 83]). Нужно отметить, что богатейшие ритуальные одеяния этих «цариц-жриц» со множеством золотых бляшек и других украшений, на которых представлен устойчивый набор сюжетов и образов, связанных с символикой Великой богини, очень напоминают шаманские одеяния [Шауб, 2007а, с. 84; 146 сл.]⁴².

Образы и сюжеты, связанные с Великой богиней и символикой её культа, таковы. Её ипостаси: Медуза Горгона [см.: Шауб, 1992, с. 70–72; 2007а, с. 95 сл.; 2011а, с. 83 сл.]⁴³; змееногая (вариант: с растительными побегами вместо ног; нередко одновременно и крылатая) «прародительница скифов»; крылатое божество («Ника»)⁴⁴; Афина (эта богиня некогда сама имела обличье птицы и змеи, которые в «классической» мифологии выступают как её атрибуты, но она сохранила с ними сущностную связь в своих ипостасях – крылатой Нике и змееволосой Горгоне)⁴⁵; Афродита; Артемида; элевсинские богини; амазонка (ассоциация которой с Великой богиней особенно наглядна на боспорских пеликах)⁴⁶.

ческом религиозном влиянии на варваров, как полагают многие исследователи [см., например: Кузина, 2011], может служить сообщение Геродота о том, что где-то в горах по соседству со скифами якобы обитали «козлоногие мужи» [Herod. IV. 25], т.е. сатиры. Отнюдь не случайным в этой связи выглядит и появление на Боспоре царского династического имени Сатир.

⁴⁰ Например, у шумеров: во время празднования Нового года царь становился богом Думузи, а жрица богини Инанны (нередко жена царя) – самой богиней [Белицкий, 1980, с. 254, 297]. О подобных ритуалах у греков см.: Klinz, 1933; Burkert, 1985, p. 108-109.

⁴¹ Рудименты подобной практики, когда не только женские, но и мужские служители божества выступали в его роли, сохранялись и в Греции [Back, 1883; Kiechle, 1970; Burkert, 1985, p. 97-98]. Ср.: II. XVI, 605, где говорится, что «жрец почитается народом как бог»). В мифе Ифигения выступает не только в качестве жертвы и жрицы, но и как двойник Артемиды.

⁴² О костюме шаманов народов Сибири см.: Прокофьева, 1971, с. 23–67; Манжигеев, 1978, с. 57, 65.

⁴³ Среди архаических вотивов, найденных на афинском Акрополе, есть фрагмент бронзовой пластины VIII в. до н. э., на которой крылатая Горгона предстаёт в своём исконном виде: как крылатая Владычица зверей, держащая в руках львов. Из её головы выходят две симметрично расположенные протомы пегасов, между которыми прорастает пальметка [Scholl, 2006, S. 22, Abb. 5].

⁴⁴ Если причину появления образа Ники на серебряном килике афинского производства, найденном в Четвёртом Семибратнем кургане [Горбунова, 1971, с. 23, рис. 5], объяснить с точки зрения «классической» греческой мифологии ещё возможно, то трактовать аналогичным образом подобное изображение на аттических белофонных лекифах [см., например: Горбунова, 1973, с. 20, рис. 2 и 3], специально предназначенных для погребального ритуала, уже трудно. Как бы то ни было, обитавшие на Боспоре варвары в образе крылатой женщины на греческих изделиях, несомненно, видели не персонификацию победы инокультурной для них мифологии, а своё собственное божество.

⁴⁵ См. предыдущее примечание.

⁴⁶ Прежде всего, в композициях из голов амазонки, лошади и грифона, а также в сценах амазономахии с участием греков или грифонов не только на вазах, но и на изделиях торевтики. Как уже отмечалось

Фантастические существа: сфинкс, грифон, гиппокамп⁴⁷ (и семантически тождественные ему морские монстры) [см.: Шауб, 2011б]⁴⁸; о многогранности и глубине этого образа в религиозно-мифологических представлениях скифов свидетельствует тот факт, что он соединил в себе черты копытного (и т.о. жертвы) и хищника,⁴⁹ рыбы и птицы, а также растения⁵⁰, пегас (в греческой мифологии он порождение горгоны Медузы и тесно связан с Афиной).

Кроме того, это реальные животные: лев, баран, водоплавающие птицы, связанные с представлениями о смерти и возрождении [Шауб, 2008; о видах этих птиц см.: Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко, 2001], растения (семантика растительности амбивалентна [Юнг, 2008, с. 84], но прежде всего является «женски-материнской» [Юнг, 2008, с. 74, 123])⁵¹.

Из сюжетных изображений, связанных с Великой богиней, наибольшее распространение получили сцены терзания. При учёте всех позднейших наслоений (например, календарных) [см.: Кузьмина, 1987], думается, никогда не исчезала символическая первооснова этой композиции: борьба, круговорот жизни и смерти [Полидович, 2006], что нашло отражение ещё в шумерских текстах, где богиня Инанна ассоциируется с хищницей, а её умирающий и возрождающийся паредр Думузи с травояд-

выше, связь амазонок со змееногой богиней отчётливо видна на тех боспорских пеликах, где её изображение представлено на их панцире.

⁴⁷ Гиппокампы представлены на таких важных предметах из предполагаемых жреческих погребений, как диадемы (одна из Куль-Обы, а другая из неведомого боспорского кургана, оказавшаяся в Мюнхене), височные подвески из Большой Близицы, двусторонний перстень из Павловского кургана, а также браслеты царицы и украшение головного убора царя из Карагодеуашха.

⁴⁸ Эти монстры представлены на таких важных с точки зрения их культового значения предметах, как боспорская диадема из Мюнхена, колесница Васюринской горы, золотая бляшка из Большой Близицы и др. О связи nereид, которые составляли фиас Фетиды (одной из ипостасей Великой богини [Шауб, 2012], и везущих их морских монстров с представлениями боспорян о смерти и возрождении наглядно свидетельствует знаменитый анапский саркофаг [см.: Иванова, 1958; Сокольский, 1969, табл. 12,3; 13,5], предмет, специально предназначенный для погребения, почему все его украшения должны были иметь глубоко символический смысл. Аспект возрождения здесь подчёркивается пышной резной растительностью, которая со всех сторон вертикально фланкирует изображение морских монстров, везущих nereид. Думается, что эта растительность может намекать на присутствие здесь Великой богини (как, впрочем, и на ряде других семантически значимых вещей, найденных в курганах Боспора и Скифии). Этот «жизнеутверждающий» аспект подчёркивается также тем, что все резные украшения саркофага были позолочены. Гиппокампы, причём в сочетании с вьющимся растением, присутствуют и ещё на одном боспорском саркофаге I–II вв. н.э. [см.: Сокольский, 1969, табл. 37-38]. Знаменательно, что со всех четырёх сторон этот саркофаг украшали дельфины – символы возрождения [Шауб, 2003].

⁴⁹ Об этом наглядно свидетельствуют золотые бляшки из кургана Чертомлык, на которых представлен хищный гиппокамп с рогами оленя [см.: Алексеев, 1986, с. 69. № 34].

⁵⁰ Их можно видеть на таких ритуально значимых предметах, как золотые части головных уборов «царицы» из Куль-Обы и царя из Карагодеуашха.

⁵¹ Образы пышной растительности часты в шумерских текстах, связанных с ритуалом священного брака [Антонова, 1991, с. 17]. Их можно сопоставить с аналогичным греческим ритуалом, нашедшим яркое отражение у Гомера [II. XIV, 292–351]. С растениями ассоциируются жених и невеста, как, например, в «Песни песней» [Франк-Каменецкий, 1929, с. 136; Антонова, 1991, с. 17].

ным [Антонова, 1991, с. 21].⁵² И наконец, это изображение культовых танцев (прежде всего, *калатискоса*).

Образы и сюжеты, связанные с местным «Дионисом» и символикой культа этого «многоликого» божества, следующие: это сатиры, менады, грифоны, гиппокампы (морские драконы) [см.: Шауб, 2011б, с. 131–136], а также некоторые растительные образы, сцены терзания, изображение танца окласмы.

Общими для культовой символики Великой богини и её паредра являются сцены терзания, изображения растительности, а также образы грифона и гиппокампа (морского дракона). Таким образом, перед нами, пользуясь удачным выражением К.Г. Юнга, возникает «ткань взаимопроникающих значений».

5.5. Жреческие погребения

Самым ярким примером погребений жриц являются два женских захоронения в кургане *Большая Близница* (см. главу 2.6). Дополнительные углублённые исследования этих памятников подкрепляют уверенность в правильности именно такой интерпретации данных памятников, демонстрируя несостоятельность и беспочвенность сомнений в этом некоторых западных учёных [см.: Шауб, 2015а; 2015в]. Судя по находкам здесь остатков пышных тризн, а также алтарей, погребённые в кургане жрицы были героизированы или даже обожествлены.

Жреческим погребением справедливо считается, вслед за Л. Стефани [ОАК за 1865 г., с. 30] и М.И. Ростовцевым [Rostowzew, 1931, S. 330 f.], захоронение женщины в *Павловском кургане* (см. главу 2.2). По описанию М.И. Артамонова [Артамонов, 1966, с. 67], «этот курган замечателен прежде всего своим устройством: огромная насыпь почти 13 м высотой, вокруг основания была обведена крепидой из больших хорошо обтёсанных плит. В центре, в вырубленном в скале углублении, был возведён каменный склеп с уступчатым перекрытием⁵³ и длинным входным коридором

⁵² Кроме уже отмеченных выше черт сходства в культуре шумеров и скифов, народов, казалось бы, столь далёких друг от друга и хронологически, и культурно, любопытные параллели даёт сопоставление их представлений о природе власти. У обоих народов она – дар небес (правда, если у шумеров в абстрактной форме, то у скифов в виде материальном, воплощённом в упавших с небес священных золотых предметах). Вполне вероятно, что весьма схожими были у них и представления о священном браке. Цель союза царя и богини, согласно свидетельству одного шумерского текста, – благополучие всего космоса. Осуществлявший ритуал царь (а в более раннее время – обладавший жреческими функциями вождь) должен был обладать не только «сакральным знанием и способностью совершать магические операции» [Антонова, 1991, с. 16], но и особой энергией, которую он должен был получать от соединения с нею. Само собой разумеется, что «приобщение к божественной сущности давало царю то, без чего он не мог осуществлять своих функций, – власть над людьми» [Антонова, 1991, с. 16].

Можно предполагать, что эти месопотамские параллели являются не только типологическими, но и в какой-то степени были обусловлены культурными заимствованиями скифов во время их ближневосточных походов.

⁵³ В отношении характера перекрытия склепа М.И. Артамонов ошибался, оно было сделано из плит [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 29; см. также главу 2.2].

(дромосом). Погребение оказалось в полной сохранности» [Артамонов, 1966, с. 67]. Почти всю камеру занимал резной, расписной саркофаг с ионическими колонками по углам⁵⁴. В нём лежал скелет женщины в богатом наряде: на голове золотой венчик (стленгида), у висков золотые серьги в виде летящих Ник, на шее превосходное ожерелье, на пальцах левой руки три золотых перстня, из которых особенно замечателен один с вертящимся щитком с изображениями на одной стороне двух танцовщиц, а на другой – окружённого дельфинами и рыбами гиппокампа. Возле этой же руки лежало большое круглое зеркало из золочёной бронзы⁵⁵. На ногах сохранились низкие кожаные башмаки, на костях – куски дорогих тканей⁵⁶. У головы скелета стояли корзиночка и расписной ларец, около ног лежало по губке и тут же стояли два алабастра. Кроме того, девять алабастров найдено вне саркофага в склепе, а с ними ещё три вазы, в том числе краснофигурная пелика с изображениями из элевсинского цикла, относящаяся к 380–360 гг. В погребении также найдена серебряная пантикапейская монета⁵⁷. М.И. Артамонов вслед за М.И. Ростовцевым справедливо отмечал, что рассматриваемый памятник представляет «хорошую параллель погребениям типа Куль-Обы» (см. ниже) и, что немаловажно, находится на мысу, образуемом тем же хребтом Юз-Оба, на котором расположены наиболее известные боспорские курганы [Артамонов, 1966, с. 67].

Исходя из находки стленгиды (через 5 лет, в 1864 году, начёльник того же типа будет обнаружен в погребении жрицы в Большой Близнице), ещё Л. Стефани резонно предположил, что в Павловском кургане была погребена жрица. Его мнение, согласно которому она исполняла свои функции в культе Деметры [ОАК за 1865 г., с. 30], до сих пор разделяется почти всеми, кто обращается к этому памятнику. Вот что пишет, к примеру, М.В. Скржинская: «Ряд царей и других боспорских граждан и гражданок посещали Элевсин и были посвящены там в мистерии. На память об этом в конце V–IV вв. до н.э. боспоряне заказывали в Аттике посвячительные рельефы и дорогие вазы со сценами, напоминающими действия на таинствах.

⁵⁴ См.: Watzinger, 1905, S. 45, № 26; Сокольский, 1969, № 24, с. 36-37, табл. 17, 3-4; 18; 19.

Аналогии растительным украшениям (без учёта акротериев) на других саркофагах, происходящих с территории Боспора, см.: Сокольский, 1969, табл. 3, 4-6; 7, 8; 35, 1 (лавр); 6, 4; 11, 1,2; 17, 1; 20, 2-7; 24, 2 и др. О растительном орнаменте на саркофаге из Большого кургана Васюринской горы см.: Сокольский, 1971, с. 236, табл. XXXVI, 2. О подобном орнаменте на саркофаге из Анапы см.: Иванова, 1958.

Аналогии растительным орнаментам не только саркофага, но и ткани из Павловского кургана имеются и на прочих вещах, обнаруженных в боспорских гробницах. Это золотая [Артамонов, 1966, табл. 199] и электрическая [Артамонов, 1966, табл. 254] части головных уборов царя и царицы (соответственно) из Куль-Обы; серьги из того же кургана и Большой Близницы [рис. 49, 3-4; Саверкина, 2000, с. 3 сл; Калашник, 2014, с. 140–145.]; фриз разграбленной гробницы № 2 Большой Близницы [Schwarzmaier, 1996, S. 111, Abb. 3].

⁵⁵ Конная амазонка и пышная растительность на ткани [ОАК за 1878-1879, табл. III; Герцигер, 1973, с. 81, рис. 1, 2, 3; с. 90, рис. 10].

⁵⁶ Аттическое зеркало с рельефным растительным орнаментом [Билимович, 1973, с. 43 и 45, рис. 3].

⁵⁷ Ав.: голова молодого сатира в три четверти, Rev.: голова льва впрямь [Ростовцев, 1925, с. 195].

Некоторые из посвященных исполняли роли жрецов и жриц на боспорских праздниках, справлявшихся по элевсинскому образцу, и тогда в ритуалах могли использоваться сосуды с росписью на темы Элевсинских мистерий. Греки верили, что элевсинским мистам будет дано счастье в потустороннем мире. Поэтому в их могилы помещали вазы с сюжетами из Элевсинских мистерий. Возможно также, что эти сосуды уходили в могилу вместе с владельцами, которые не могли передать их непосвященным» [Скржинская, 2002, с. 178–180; 2007а, с. 23].

Однако гипотеза о том, что в Павловском кургане была погребена жрица Деметры, да ещё и посвящённая в Элевсинские мистерии, вызывает серьёзные сомнения, поскольку опирается только на присутствие в этом погребении вышеупомянутой пелики. В то время как между всеми остальными предметами погребального инвентаря и элевсинским культом никаких связей не прослеживается.

Так, крылатая женская фигурка с калафом (полосом) на голове и тениями в руках, представленная на височных подвесках из этого кургана, равно как и аналогичная богиня (исполненная в рельефе), которая являлась центром композиции на калафе из погребения № 4 Большой Близицы [реконструкцию этого священного убора см.: Калашник, 2014, с. 180-181], судя по всему, воспринималась не в качестве Ники⁵⁸, как обычно считают исследователи, и не просто в качестве олицетворения смерти, мужским аналогом которого выступал Эрот-Танатос [Шауб, 2007а, с. 380]⁵⁹. Дело явно обстояло сложнее.

К. Излер-Кереньи полагает, что присутствие крылатых фигур в сюжетных композициях намекает на «божественное вмешательство», на нечто происходящее «свыше» [Isler-Kerenyi, 1969, S. 45]. Вероятно, это предположение можно расширить, распространив в ряде случаев и на одиночные крылатые персонажи, причём не только на женские, но и на мужские («Эрот», «Эрот-Танатос»)⁶⁰.

Характеризуя образ крылатой женщины, часто фигурирующей в греческой вазописи, Х. Хоффман [Hoffmann, 1997, p. 44-45] не без основания связывает его с представлениями о загробном мире, видя в нём символ перехода от смерти в одном состоянии к возрождению в другом. Таким образом, скрытая в этом персонаже семантика прямо соотносится с тайной жизни и смерти на различных уровнях⁶¹. Поэтому даже тогда, когда в иконографии Ники нет сомнений (как, например, в её изображении на бляшках из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана [см.: Трейстер, 2006,

⁵⁸ Подобная «Ника», сидящая на овечьей шкуре, предмете глубоко сакральном, изображена также на стелгиде из склепа № 1 того же кургана [Шауб, 2011а, с. 321].

⁵⁹ Этот персонаж, изображённый преследователем девушки на краснофигурной пелике из погребения № 5 Большой Близицы, вероятно, представлен и на серьгах из того же склепа [Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 1, 1883 г., д. 3, л. 3].

⁶⁰ Важно отметить широкое распространение заимствованного у греков образа Эрота у сарматов и парфян, что, несомненно, было обусловлено тем, что этот образ соответствовал их собственным верованиям (ср. [Скржинская, 2007б]).

⁶¹ Ср. крылатую фигуру – центральный персонаж сцены посвящения – на фреске «Виллы мистерий» в Помпеях.

с. 166, рис. 4]), весьма вероятно, что (при всех прочих ассоциациях) она могла восприниматься местным населением Боспора как одна из ипостасей Великой богини⁶².

Обращает на себя внимание наличие в рассматриваемом погребении очень важных с точки зрения ритуала предметов – саркофага, покрывала, а также зеркала, украшенных изображением пышной растительности⁶³. Растительным побегам, представленным на этом саркофаге, можно найти аналогии среди изображений на саркофагах, обнаруженных в боспорских курганах, причём немаловажно, что в одном случае из неё выходит крылатая богиня, а в другом – голова Афины. В Средиземноморье (эллинистическом Египте) на расписных гробах нередко изображали женские головы в обрамлении растительных побегов; подобные композиции были чрезвычайно популярны на расписных вазах Южной Италии IV в. до н. э. [см.: Cambitoglou, 1953; Шконда, 2002]), которые служили там основными погребальными дарами.

Одна из трёх обнаруженных в гробнице ваз – фигурный лекиф традиционно считается изображением варвара, причём исполнителя культового дионисийского танца *окласмы* [см.: Шауб, 1988б; 2007а, с. 342, рис. 89]. Графическое изображение этой вазы, казалось бы, недвусмысленно (правда, несколько смущает представленное на «варваре» ожерелье с подвесками, схожее с теми, которые обнаружены в богатейших женских гробницах Боспора) подтверждает это мнение. Однако аутопсия [см.: Артамонов, 1966, табл. 276], а также акварельный рисунок К.Р. Бегичева [Архив ИИМК РАН, Р. 1, д. 562, л. 6] позволяют утверждать, что варвар этот женского пола, то есть речь идёт об амазонке.

Особого внимания заслуживают найденные на покойнице золотые перстни, прежде всего, уникальный двусторонний перстень с изображением гиппокампа в окружении дельфинов и рыб на одной стороне и двумя плясуньями *окласмы* на другой [Артамонов, 1966, табл. 274, 275]. Поскольку гиппокамп выступает в качестве существа, связанного с загробным миром, и спутника Великой богини [Шауб, 2011б], а *окласма* характерна для персонажей дионисийского круга [Шауб, 1988б; Шауб, 2007а, с. 342.], такое совмещение изображений, вероятно, символизирует единение Богини и её паредра. Кстати, одеяния пляшущих девушек, изображённых на перстне, и амазонки, представленной на фигурном лекифе, однотипны. Бросается в глаза тот факт, что у всех этих персонажей одежда подвёрнута на поясе.

На щитке второго перстня, со скульптурным скарабеем, представлена присевшая на корточки обнажённая женщина [ОАК за 1859, табл. III, 6]. Даже если это изображение не является вариацией на тему Афродиты Книдской Праксителя, нет сомнения в том, что представленный на перстне сюжет относится к афродисической сфере.

---

⁶² Летящая «Ника» представлена также на артефактах V в. до н. э.: золотом перстне из скифского погребения (гробница 8) кургана № 17 Нимфея [Калашник, 2014, с. 64] и серебряном килике из Семибратнего кургана [Горбунова, 1971, с. 23, рис 5].

⁶³ О символизме растительности в Греции см., например: Вуйевски, 1999, с. 6 сл.; Лебедева, 1999, с. 34 сл.

сидящего на растительных побегах женского божества является пластина из кургана Чайн [см.: Shcheglov, Katz, 1991, p. 97 ff.]. О семантике изображений на золотом браслете, принадлежавшем куль-обскому «царю», связанном, как и изображение на вышеупомянутой пластине, с почитанием Великой богини, нам уже доводилось писать [Шауб, 2012], поэтому повторяться не будем.

Из тех скудных сведений, которые сохранились об убранстве погребённого, кроме уже приведённых выше, отметим сообщение Д.В. Карейши [Дюбрюкс, 2010, с. 216], что на ногах царя находились остатки «лат», так тогда называли кнемиды [Виноградов, 2010а, с. 203]), «а у самой ступки бронзовые цепочки с подвешенными колокольчиками». Если оно соответствует действительности, то этот диковинный предмет вполне мог быть атрибутом шамана.

Обнаруженная при «царе» фиала (*Phiale mesomphalos*) [ДБК, табл. XXV; Артамонов, 1966, с. 63, табл. 207, 210; Дюбрюкс, 2010, рис. 241] неглубокая широкая чаша с полусферическим выступом в центральной части имеет очень богатую орнаментацию: вокруг центрального выступа представлен узкий фриз с изображением дельфинов и рыб, вся остальная поверхность чаши разделена на радиальные лучевидные сегменты, украшенные весьма экспрессивными изображениями голов длиннобородых силенов и змееволосой горгоны Медузы [Виноградов, 2010а, с. 202].

Такие чаши⁶⁵, без сомнения, были культовыми и, судя по довольно многочисленным изображениям на вазах (преимущественно краснофигурных), использовались при совершении возлияний [Luschey, 1939]. О сакральном характере куль-обской фиалы однозначно свидетельствует её декор⁶⁶, в котором символы возрождения в виде дельфинов и рыб соседствуют с символикой культа Великой богини и её дионисийского паредра, символикой, выраженной через изображение горгоны Медузы и силенна. Последнее сочетание очень напоминает сюжет змееногой богини с головой сатира, представленный на куль-обских бляшках. О том, что этот тип сосуда, несомненно, имел ритуальное значение не только у греков, но и у варваров, свидетельствует тот факт, что фиала особо упомянута Геродотом среди инвентаря, помещавшегося в могилы скифских царей (*Herod. IV. 71. 4*).

П. Дюбрюкс посчитал найденную им фиалу щитком, прикреплявшимся к плечу. Д. фон Ботмер также полагал, что этот сосуд вряд ли использовался для совершения возлияний, поскольку под его краем с внешней стороны «имеются два грубо исполненных кольца или ручки, припаянные на её противоположных сторонах. Наличие этих колец позволяет предполагать, что фиала использовалась как застежка поясного ремня или перевязи меча» [Bothmer, 1962, p. 162; ср.: Виноградов, 2010а, с. 202]. Что касается приделанных к куль-обской фиале колец, то их появление, скорее все-

⁶⁵ Среди находок из скифских курганов близкой аналогией куль-обской фиале является золотая чаша из Сохохи [Манцевич, 1950, с. 225; 1987, с. 80–83, кат. 55; Strong, 1966, p. 80–81.].

⁶⁶ Он удивительно напоминает по сюжету украшение знаменитого этрусского бронзового светильника из Кортоны [см.: Шауб, 2008, с. 100 сл.].

Куль-Обы – всемирно известный теперь шаровидный электровый сосуд, украшенный сценами, изображающими, по остроумной гипотезе Д.С. Раевского [Раевский, 1977, с. 34 сл.], эпизоды из этногонической легенды скифов (рис. 42, 4)⁶⁹. Исключительная важность представленного здесь сюжета ещё более подчёркивает сакральную и ритуальную значимость сосудов данного типа (см. ниже).

Важное значение для понимания религиозных представлений боспорян, хотя и косвенное для рассматриваемой в данной работе темы, имеет семантика никогда специально не изучавшихся сюжетов росписи на досках саркофага, в котором находилось тело «царицы» [см.: ДБК, табл. LXXXIII, LXXXIV; Сокольский, 1969, с. 27-28, № 18; табл. 12, 1, 2; Дюбрюкс, 2010, рис. 262-263]. Несмотря на плохую сохранность живописи, очевидно, что здесь имеются фризы со сценами охоты, похищения, по мысли М.И. Ростовцева, дочерей Левкиппа [Ростовцев, 1925, с.380], а также, что, наверное, наиболее интересно, – с изображением людей среди водоплавающих птиц⁷⁰.

По досадной случайности роспись куль-обского саркофага не стала предметом рассмотрения в нашей статье, где анализируется семантика изображений водоплавающих птиц на памятниках Боспора и Скифии в сопоставлении с аналогичными изображениями на предметах погребального культа этрусков [Шауб, 2001]. Росписи нанесены на предмет заупокойного культа, и их сюжет, несомненно, отражает загробные представления тех, кто это изображение заказал, т.е. представителей скифской знати. О том, что сцены, представленные на саркофаге, имеют религиозно-мифологический характер, свидетельствует присутствие в них крылатых женских фигур на колесницах, а также грифона, стоящего около дерева; грифоны вместе с кошачьими хищниками изображены и на фризе, который украшал не только одну из досок (среднюю) продольной стенки этого саркофага, но и его торцовую часть. Все эти персонажи, равно как и представленные среди людей водоплавающие птицы (лебеди и/или гуси), играли видную роль в верованиях (особенно загробных) населения Боспора и Скифии античной эпохи. Необходимо обратить внимание, что водоплавающие птицы часто фигурируют на этрусских погребальных памятниках, в частности, на них нередко сцены, в которых эти птицы находятся среди людей, подобно тому, как мы это видим на куль-обском саркофаге.

⁶⁹ Следует отметить, что гипотеза Д.С. Раевского убедила отнюдь не всех. К примеру, И.Б. Брашинский писал, что «при всей заманчивости предложенной трактовки следует указать на её слабые стороны, в частности на небольшую, но весьма существенную деталь в изображении «Геракла» на куль-обском сосуде. В изображении греческого художника Геракл (а ведь именно он фигурирует в приводимой Геродотом «греческой версии») легенды в качестве прародителя скифов, и это очень важно) не мог быть лишен своих обязательных атрибутов: львиной шкуры и палицы» [Брашинский, 1979, с. 74]. Однако популярность скифского лука в иконографии Геракла в греческой вазописи, а также тот факт, что на краснофигурных аттических вазах есть изображения Геракла в скифской одежде [Шауб, 2007а, рис. 1], делает аргументацию скептиков несостоятельной.

⁷⁰ «Культовый смысл всех этих изображений вряд ли может вызвать сомнения» [Виноградов, 2010а, с. 201].

И.В. Шталь справедливо отмечает столь знаменательный факт, как вхождение водоплавающих птиц в дионисийский круг [Шталь, 1989, с. 126]. Таким образом, с одной стороны, образ этих птиц был связан со сферой плодородия (водой), с другой – сопрячен потустороннему миру и наделялся семантикой, обещающей возрождение [Шауб, 2001].

Прочие сюжеты, представленные на досках продольной стенки рассматриваемого саркофага, за неимением близких аналогий пока не поддаются вразумительному толкованию. Можно только констатировать распространённость сюжетов и загробной охоты, и похищения⁷¹ на памятниках как Боспора, так и Скифии.

В обнаруженном в погребальной камере серебряном позолоченном тазу (лутерии), как явствует из описания П. Дюбрюкса, лежали один круглодонный серебряный сосуд, разбитый кубок или чаша и два ритона, точнее, два рога для питья, поскольку они не имеют характерных для ритонов сливных отверстий. В Куль-Обе было найдено четыре шаровидных сосуда с коротким цилиндрическим горлом; в таз был положен один из них, лишённый всякой орнаментации [Грач, 1984а, с. 100, 102, табл. I, 1]. Здесь же находились два рога для питья [ДБК, табл. XXXV, 4, 5; Артамонов, 1966, с. 64, табл. 250, 251; Дюбрюкс, 2010, рис. 225-226]⁷².

В серебряный таз на подставке в виде трёх роликов⁷³ были помещены четыре серебряные сосуда: три шаровидные и одна греческая чаша. Серебряные шаровидные сосуды на сей раз имели орнаментацию [ДБК, табл. XXXIV, 1, 2, 3, 4; XXXV, 5, 6; Артамонов, 1966, с. 44, табл. 239–246]. Наиболее известным в этом собрании является сосуд, украшенный фризом с рельефными изображениями водоплавающих птиц и рыб [Грач, 1984а, с. 100, 102-103, табл. I, 2; Шауб, 2001; Дюбрюкс, 2010, рис. 227]. Фриз второго сосуда представляет три сцены борьбы зверей: лев и львица нападают на оленя, два грифона – на козла, лев терзает дикого кабана [Грач, 1984а, с. 100, 104, табл. II, 3, 9; Дюбрюкс, 2010, рис. 229]. На третьем сосуде имеется широкий чеканный фриз с изображениями льва и львицы, терзающих оленя, и еще одной фигуры, расположенной отдельно, вероятно, львицы [Грач, 1984а, с. 100, 106, табл. III, 10–15; Дюбрюкс, 2010, рис. 228; Виноградов, 2010а, с. 200].

Вместе с тремя шаровидными сосудами была помещена серебряная чаша на низкой кольцевой подставке с двумя ручками. По краю сосуда процарапано: ΕΡΜΕΩ [ДБК, табл. XXXVII, 4; Дюбрюкс, 2010, рис. 231], что буквально означает «сосуд

---

⁷¹ Даже если образцом для данного сюжета послужила иконография мифа о похищении Левкиппид, то, несомненно, заказчики саркофага в его изображение вкладывали своё содержание.

⁷² Один из этих рогов по форме, вероятно, восходит к ахеменидским прототипам и имеет завершение в виде полуфигуры лежащего барана с подогнутыми ногами [Власова, 1999, с. 163-164]; второй, снабженный наконечником в виде головки льва с оскаленной пастью, имеет аналогии в скифских курганах второй половины IV в. до н.э. [Власова, 1999, с. 164-165; Дюбрюкс, 2010, Рис.226; Виноградов, 2010а, с. 199-200].

⁷³ Вероятно, этот таз был близок по форме найденному в скифском кургане Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 174, № 92].

Гермеса». Однако, поскольку культ Гермеса на Боспоре эпиграфически, насколько нам известно, не засвидетельствован⁷⁴, о причине появления вышеупомянутой надписи на чаше можно только гадать.

В.А. Рябова, специально изучавшая шаровидные сосуды (которые она называет «круглотелыми кубками»), пришла к выводу, что «факт появления в металле кубков, повторяющих местные керамические формы, может быть свидетельством того, что в среде скифской знати возрастала роль представителей автохтонных северопричерноморских племён [Рябова, 1986, с. 148]. По мнению исследовательницы, «наличие на круглотелых металлических кубках сцен мифологического содержания и символов религиозного характера является главным аргументом в пользу особого, культового характера сосудов этого типа⁷⁵. Об этом свидетельствуют и изображения кубков на скифских предметах, иллюстрирующих религиозный ритуал», каковыми В.А. Рябова считает пластины из Карагодеуашха, Мерджан и Сахновки⁷⁶, а также бляшку из Чертомлыка [Рябова, 1986, с. 148].

Золотые бляшки, обнаруженные в Куль-Обе, по сюжетам изображений разделяются на 25 типов [Копейкина, 1986, с. 28 сл.; см. также: Журавлёв, Новикова, 2009, с. 46 сл.; Виноградов, 2010а, с. 200]. Все эти сюжеты, несомненно, имеют религиозно-мифологическую символику, причём подавляющее большинство их можно связать с культом Великой богини и её паредра⁷⁷ [см.: Шауб, 2014].

⁷⁴ Исключением является одна агонистическая надпись III в. до н. э. из Горгии с упоминанием праздника в честь Гермеса [КБН. № 1137].

⁷⁵ Их роль, по мнению С.С. Бессоновой, связана с культом священного напитка, а уже через него – с другими культами [Бессонова, 1983, с. 104].

⁷⁶ В.А. Рябова полагает, что в сцене «пиршества-жертвоприношения» на Сахновской пластине справа представлены фигуры «виночерпиев» – «один из них в правой руке держит ритон, в левой – круглотелый кубок, второй наполняет сосуды вином. Между ними изображён большой сосуд (лутерий), в который помещены ритоны, круглотелый кубок, по форме идентичный кубкам рассматриваемой коллекции. В этой сцене мастером-торевтом наглядно показаны назначение и использование кубков», а изображение культовых сосудов в лутерии (как и в погребениях Куль-Обы и Карагодеуашха) является ещё одним аргументом в пользу подлинности Сахновской пластины [Рябова, 1986, с. 147].

⁷⁷ В Куль-Обе, как и в ряде курганов Скифии IV – начала III вв. до н.э., встречаются золотые бляшки с изображением Геракла, борющегося со львом [см.: Копейкина, 1986, с. 55, № 25; Алексеев, 1986, с. 69, № 32; Онайко, 1970, с. 105, тип 491, 493, 498: табл. 41. 496-в]. Этот сюжет был столь популярен, что штамп, которым оттискивали данные бляшки, неоднократно подчищался и возобновлялся [Онайко, 1974, с. 83]. Эти бляшки точно воспроизводят изображения на резных камнях [например: Furtwängler, 1900, Taf. IX, 49] и монете конца V в. до н. э., чеканившейся в Сиракузах или Кизике [Кгау, 1976, pl. 48, 818]. Однако появление данного сюжета было связано с тем, что скифы отождествляли греческого Геракла со своим героем, которым, скорее всего, был Таргитай [Граков, 1950].

Вероятно, тем же обстоятельством объясняется и присутствие как в Куль-Обе, так и в других погребениях скифской знати V–IV вв. до н. э. золотых бляшек с изображением юноши в позе «коленипреклонённого бога», держащего в руках какие-то предметы [см.: Артамонов, 1966, табл. 110; Копейкина, 1986, с. 52-53, № 23; Лесков, 1974, табл. 33, 34; Онайко, 1970, табл. 41, 499-а], поскольку это изображение является переработанной копией с монеты, на которой представлен Геракл со змеями [Rostowzew, 1931, S. 397]. Семантика изображения на этих бляшках была ещё более глубокой, так как фигура юно-

К толкованию изображений на этой пластине обращались многие исследователи [см.: Шауб, 2007а, с. 100-101]. Так, М.И. Ростовцев определил главную сцену на пластине как приобщение молодого скифа к власти или к самой богине и считал, что это Анахита или иранская Иштар [Ростовцев, 1913, с. 14]⁷⁹. По мнению В.П. Яйленко, здесь представлены все три ипостаси некогда единого божества Митра-Анахита-Фарн [Яйленко, 1995, с. 250]⁸⁰. С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников в главном персонаже нижнего регистра пластины видят синкретическое божество «с чертами Анахиты-Астарты-Артемиды» [Сапрыкин, Масленников, 1998, с. 404]. А.С. Лаппо-Данилевский считал центральную сцену на карагодеуашхской пластине жанровой [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 8]. А.П. Манцевич видела здесь не женское божество и моменты её культа, а заупокойный пир, в котором принимают участие сидящая женщина и двое юношей [Манцевич, 1964, с. 128 сл.]. Сопоставление ею сюжетов на рассматриваемом памятнике с мотивами росписи Казанлыкской гробницы весьма интересно, однако нет сомнений в том, что главный персонаж нашей пластины представляет богиню. Об этом говорит не только характер сцены, но и наличие ритуального круглодонного сосуда в руках у одного из мужских персонажей и священного ритона, за который держится другой мужчина, в руке у центральной фигуры.

Наиболее обстоятельное рассмотрение памятника было предпринято С.С. Бессоновой [Бессонова, 1983, с. 107–111]. Вот её выводы: «... общая композиция и сюжеты карагодеуашхской пластины обнаруживают сходство, с одной стороны, с эллинистическими сюжетами (пиршество богини и Диоскуров, вознесение на колеснице, богиня судьбы), которые в целом характерны для погребальных и меморативных памятников, объединённых темой апофеоза; с другой – налицо сходство с дакийскими иконками, где этот набор сюжетов является каноническим, а содержание объясняется из восточных культов с большим удельным весом иранского компонента. Для композиции нижнего яруса вполне вероятно индоиранское содержание, относящееся к свадебному пиршеству богини и двух богов-близнецов. ... Языком мифа о бракосочетании солнечной богини и богов-близнецов, о её путешествии в солнечной колеснице передаётся мысль об апофеозе умершей, её путешествии на небо в обитель богов».

На наш взгляд [Шауб 2007а, с. 100; 2011а, с. 84], однако, назначение изображений на пластине было не столько в «передаче мысли об апофеозе умершей»⁸¹, поскольку неизвестно, была ли эта пластина изготовлена специально для погребального головного убора, сколько в прославлении верховной богини-повелительницы всех

⁷⁹ В дальнейшем М. И. Ростовцев, отказавшись от попыток подыскать имена для богинь, представленных на этом и других памятниках из скифских курганов, стал называть их просто «Великая богиня» или «Великая доарийская богиня-мать» [см., например: Ростовцев, 1990, с. 193].

⁸¹ Вариациями этой трактовки по сути являются и интерпретации, предложенные Е.А. Савостиной [Савостина, 1995] и М.Ю. Вахтиной [Вахтина, 2009б]. Последняя, соглашаясь в главном с московской исследовательницей, справедливо полагает, что развитие действия на пластине мыслилось не сверху вниз, а снизу вверх.

трёх областей мироздания. В погребальном контексте, естественно, могли возникать идеи апофеоза героизированной умершей, но только через ассоциацию с изображенной здесь богиней.

Несомненно, трёхчленное деление композиции пластины по вертикали (с соответствующими семантически значимыми тремя орнаментальными зонами) соответствует трём космическим зонам⁸². Это членение характерно для выражения идеи мирового древа [Топоров, 1980б, с. 399], которое, как уже указывалось, ассоциируется с женским божеством [см.: Иванов, 1974, с. 98 сл.]. На нижней зоне пластины изображена, как отмечал М.И. Ростовцев, скорее всего, сцена приобщения к богине. Этой земной (и хтонической) зоне соответствует орнамент под ней, где изображены чередующиеся горгонеи и букрании, соответствующие символике нижней зоны. В средней зоне, символизирующей атмосферу⁸³, представлена, скорее всего, та же богиня на колеснице (ср. с изображением богини или героизированной умершей в повозке на рельефе из Трёхбратнего кургана [Шауб, 2007а, рис. 20]). Здесь стоит также упомянуть о наличии частей упряжи в склепе № 1 жрицы Великой богини, погребённой в Большой Близнице [см.: Шауб, 1987; 2007а, с. 382]. Как кони мыслились связующими космические зоны [Иванов, 1980, с. 66], так и грифоны, изображенные под средним ярусом пластины, выступали в подобной же медиационной роли в мифологических представлениях, а фимиатерий, изображённый между грифонами, – в ритуале. В верхнем ярусе, символизирующем небо, изображена стоящая богиня; под этим изображением – полоса ов, которые символизируют жизнь и (воз)рождение. Необходимо отметить, что символика Великой богини проявляется как в геральдических грифонах средней зоны, так и в горгонеях в сочетании с букраниями нижней. Кроме того, горгонеи были пришиты вместе с пластиной к головному убору погребённой царицы [Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 7-8].

Кроме двух типов бляшек в виде горгонеев, к головному убору царицы были пришиты 16 золотых пластинок в виде хищных птиц (а не голубей, как считает ряд исследователей)⁸⁴. Изображение этих птиц едва ли может служить доказательством предположения В.Д. Блаватского, согласно которому представленная на карагодеуашхской пластине местная богиня ассоциировалась с Афродитой Уранией [Блаватский, 1964б, с. 28], в то время как для подтверждения этой весьма правдоподобной гипотезы можно указать на наличие среди украшений погребённой серёг со скульптурным изображением голубя и медальона с Афродитой. Но ещё более весомым аргументом в пользу этого предположения может служить неопределённость пола (андрогинность) правого от богини персонажа, что подчеркнуто «женским»

---

⁸² Сама треугольная форма пластины могла иметь символическое значение [Бессонова, 1983, с. 108]; о символике треугольника см.: Топоров, 1980в, с. 272.

⁸³ Классическим является деление космических зон на подземную, земную и небесную, но возможна и та, которую мы предполагаем в данном случае [ср.: Иванов, 1974, с. 104].

⁸⁴ К сожалению, в своё время и мы разделяли этот ошибочный взгляд [Шауб, 2007а, с. 101; 2011, с. 84].

округлым сосудом [Бессонова, 1983, с. 103-104]⁸⁵ в его руках в противоположность «мужскому» ритону в её⁸⁶. Возможно, это энарей [Шауб, 2007а, с. 101; 2011а, с. 84].

У височных костей погребённой находилась пара золотых серёг филигранной работы; между их украшенными растительным орнаментом щитками и перевёрнутыми пирамидками с зернью прикреплены миниатюрные птички. Судя по близким аналогиям – золотым серьгам восточногреческой работы последней трети IV в. до н.э., происходящих с о-ва Кипр [Уильямс, Огден, 1995, с. 241, № 176], это голуби. В отличие от остальных ювелирных изделий царицы надетая на её шею массивная золотая гривна, представляющая собой гладкий шейный обруч, украшений не имела. Зато золотое ожерелье из рубчатых бус было обильно украшено фигурными пластинками с пальметками и розетками из филиграни. Пластинки и крупные бусы снабжены полыми подвесками, имеющими вид высоких изящных сосудов. В центре ожерелья над одной из таких подвесок имеется головка быка. Рядом с умершей лежали золотая цепочка с одной сохранившейся застёжкой в форме львиной головы, изящное плетёное золотое ожерелье с тоненькими сердцевидными подвесками и серебряный медальон с головой Афродиты. Запястья усопшей украшали массивные золотые браслеты, на концах которых в рельефе изображены гиппокампы. На одном из пальцев правой руки был массивный золотой перстень с вырезанным на щитке изображением играющей на лире женщины. Среди останков также были найдены два небольших бронзовых зеркала греческой работы, украшенные растительным орнаментом.

Следует отметить, что на одном из четырёх стеклянных медальонов, найденных среди бус, положенных в углу гробницы царицы, имеется изображение Афины.

Неясно, была ли царица принесена в жертву своему мужу [Ростовцев, 1925, с. 366] или её подхоронили позднее (что кажется более вероятным); для нашей темы это не имеет принципиального значения.

Следовавшее за погребальной камерой царицы третье помещение, вернее дромос главного погребения, было покрыто фресками (которые являются одним из наиболее ранних образцов росписей склепов античной эпохи на юге России). Единственным образом, который удалось распознать до того, как живопись погибла, было замечательное изображение пасущегося оленя с большими ветвистыми рогами⁸⁷.

Четвертое (последнее) помещение выше остальных и представляло собой главную погребальную камеру, стены которой были покрыты росписью. Из-за её плохой

⁸⁵ Прототипы этих округлых сосудов в раннескифское время богато орнаментированными символами солнца, земли, растительности, женского начала [Андриенко, 1975, с. 14 сл.; Рябова, 1986].

⁸⁶ Быть может, несколько отличными от скифских меотскими религиозными представлениями объясняется наличие ритона в руках у большой каменной статуи верховной богини меотов, найденной близ ст. Преградной [Шульц, Навротский, 1973, с. 200, рис. 5]. Но ещё более вероятным кажется и в данном случае намёк на андрогинность.

⁸⁷ Учитывая исключительно важное значение, которое имел олень в религиозно-мифологической системе и искусстве северопричерноморских варваров [см.: Шауб, 2006а], это изображение появилось здесь отнюдь не случайно.

всадниками изображены водоплавающие птицы (утки или гуси), а ещё ниже расположена довольно широкая полоса растительного орнамента из чередующихся пальметок и лотосов.

Второй ритон в верхней части опоясан позолоченным ободком, украшенным гравированным изображением борьбы животных, составляющих две группы. Первая состоит из двух хищников кошачьей породы, вероятнее всего барсов, терзающих оленя; вторая – из льва, пожирающего какое-то животное. На другом позолоченном пояске, расположенном ниже, изображены утки с распростёртыми крыльями. Нижняя часть ритона оканчивается головкой барана.

Третий ритон по величине меньше первых двух и более скромный по характеру орнаментации. Он украшен двумя позолоченными поясками, из которых только верхний имеет выгравированный орнамент, состоящий из семилепестковых пальметок. Нижний конец ритона снабжён таким же наконечником, как и второй.

Все представленные на этих сосудах изображения, несомненно, имеют глубокий сакральный смысл. Если на пластине от головного убора из женского погребения кургана Карагодеуашх представлена Великая богиня, причём на нижнем поле этой пластины она изображена в головном уборе с аналогичной пластиной, что позволяет говорить о погребённой царице как об олицетворении верховной богини, то на самом большом ритоне из мужского погребения, вероятнее всего, представлена мистическая инвеститура. Используя для священных возлияний ритон с этой сценой, его обладатель магически приобщался к божеству и даруемому им благу⁹¹.

В.А. Городцов, по нашему мнению, весьма остроумно предположил, что хотя изображения Великой богини на карагодеуашхском ритоне нет, она представлена здесь своим постоянным символом – стилизованным «деревом жизни», изображённым позади бога [Городцов, 1926, с. 25]. Добавим, что, возможно, богиню символизируют и растительные побеги над головами всадников (как можно заключить по аналогии с орнаментом на уже упомянутой золотой пластинке от головного убора «царя» из Куль-Обы [ДБК, табл. II, 1], где представлен мультиплицированный образ богини, сидящей на подобных вьющихся растениях).

Зато Великая богиня представлена во всём своём величии на золотой пластине от ритона из *Мерджан*⁹² (рис. 85, 1; о комплексе см. главу 2.11) – одном из самых репрезентативных памятников её культа у местного населения Боспора (см. также главу 2.11). Здесь мы видим богиню, сидящую на троне со священным округлым сосудом в руках, по правую сторону от которой изображён её эквивалент – мировое древо с тремя стилизованными ветвями с каждой стороны, по левую же – столб с конским черепом, что свидетельствует о принесении ей в жертву коня, а также подь-

⁹¹ Некоторые исследователи видят здесь аналогии с мистериями Митры [см.: Блаватский, 1974, с. 44; Бессонова, 1983, с. 116].

⁹² Изображение на этой пластине [о ней см.: Виноградов, 1998] может служить блестящей иллюстрацией к целому ряду положений известной статьи В.В. Иванова о ритуальных и мифологических терминах и реалиях, связанных с конём, мировым деревом и богиней [Иванов, 1974].

воженное грабителями парное (и притом одновременное) погребение двух женщин разного возраста [Трёхбратние курганы, 2008, табл. 16; см. также главу 2.6]⁹⁷. Если пожилая женщина была погребена в роскошном одеянии, расшитом золотыми бляшками, её украшали калаф с накидкой [кат. 11-12], серьги [кат. 14], ожерелья [кат. 15–20], браслеты [кат. 21] и перстни [кат. 22-23], то на погребённой девочке не было никаких украшений⁹⁸; недалеко от её головы была найдена лишь маленькая ойнохоя [кат. 9].

В то время как драгоценности погребённой привлекают к себе пристальное внимание исследователей, исчезнувшие впоследствии серебряные позолоченные бляшки, украшавшие её обувь, были только зафиксированы при обнаружении. По мнению Д.С. Кирилина, на них была изображена сирена [Кирилин, 1968, с. 185]. Это, конечно, не исключено, однако, на наш взгляд, гораздо более вероятно, что «сиреной» (кстати, вполне в традиции XIX века), первооткрыватель рассматриваемого погребения назвал несравненно более распространённый на Боспоре образ – змееногую богиню. Это тем более вероятно, что её изображение (незамеченное) присутствует в гробнице ещё раз – в виде украшения панциря амазонки, представленной в сцене битвы на боспорской пелике [Трёхбратние курганы, 2008, табл. 64, 1]⁹⁹, входившей в состав «сервиса», предназначенного для дионисийского ритуала.

Рядом с погребённой был положен алебастровый алабастр [кат. 24]¹⁰⁰, который, вероятно, находился у её левой руки и впоследствии упал на пол погребальной камеры.

По наблюдению М.Ю. Трейстера, «инсталляции и предметы погребального инвентаря были сконцентрированы в определённых пространственных ареалах... Помимо каменного клине с двумя погребениями (ареал В), слева от входа имелся каменный постамент с сосудами, связанными с питьём вина (ареал С; кат. 27-31), а в дальнем правом от входа углу погребальной камеры была сделана загородка из поставленных на торец каменных плит (ареал Е; кат. 44-51), внутри которой находи-

⁹⁷ Далее ссылки на вещи из этого погребения даются по данному изданию без приведения его выходных данных.

⁹⁸ По мнению Д.С. Кирилина, погребение девочки было захоронением служанки, погребённой вместе со своей госпожой [Кирилин, 1968, с. 180, прим. 10]. Однако «единственное, что могло бы свидетельствовать в пользу неравнозначности социального положения двух погребённых на клине, является тот факт, что пожилая женщина была похоронена в богатой одежде с роскошными украшениями. У нас нет данных, которые позволяли хотя бы предположительно идентифицировать погребения слуг в подкурганых погребениях Боспорского царства, за исключением погребения «воина» в Куль-Обе. Что же касается скифских курганов знати, то в некоторых из них достаточно чётко выделяются погребения слуг и служанок, которые, как правило, отличаются не только значительно более бедным инвентарем, но, прежде всего, своим местоположением – во входной яме, дромосе, нише, в ногах главного погребённого или в отдельных могилах рядом с конскими погребениями» [Трейстер, 2008б, с. 152].

⁹⁹ Аналогичное изображение имеется на панцире амазонки, представленной на пелике из некрополя Пантикапея [Шауб, 2007а, рис. 23].

¹⁰⁰ Ср. с алабастрами из погребения в Павловском кургане.

знатные женщины похоронены с бронзовыми зеркалами, которые наряду с каменными жертвенниками во многих ранних сарматских (савроматских) могилах представляли почти непреходящий атрибут погребального инвентаря жриц» [Смирнов, 1968, с. 117-118]. Следует отметить, что данная аналогия отнюдь не является единственной [см., к примеру: Шульга, 1999]¹⁰³.

Приведённые аналогии, но главное, набор вещей, происходящих из Старшего Трёхбратнего кургана, весьма схожий с украшениями (калаф и др.) и представленными на этих изделиях образами («Ники», львы, хищные птицы, сфинксы, пегасы, пальметки и т. п.) и сюжетами (аналог сцены терзания – противостояние хищных животных, танец) в погребальном инвентаре предполагаемых жриц на Боспоре, – всё это позволяет заключить, что похороненные здесь женщины могли иметь прямое отношение к культуре (Великой богини)¹⁰⁴.

Жрицами, возможно, являлись женщины, одна из которых была погребена со стленгидой на челе в кургане неподалёку от Горгиптии [ОАК за 1881, табл. I, 1; Мирошина, 1983, рис. 2, г]. Эта стленгида, относящаяся к III в. до н. э., имитирует почти прямые, зачёсанные назад волосы. На её концах изображены львиные морды, а к нижней её части прикреплены многочисленные подвески, главной составляющей которых являются горгоней. Другое погребение было исследовано близ Пантикапея, в кургане при дороге на Карантин. В этой женской могиле было найдено головное украшение в виде золотых колосьев [см.: ДБК, табл. V,1; ABC, p. 45]¹⁰⁵.

«Царём-жрецом», судя, прежде всего, по золотому ажурному головному убору (рис. 51), мог быть и погребённый в кургане Ак-Бурун меото-сарматский вождь [см.: Бутягин, Виноградов, 2014, с. 109; см. также главу 2.7]¹⁰⁶. Центральная часть представленной на этой «шапке» композиции в целом весьма напоминает ту растительность, из которой выходит женское божество на серебряном лутерии из Чертомлыка, а завитки – бараньи рога, которые в равной степени (и одновременно) могли символизировать как фарн, так и рога Зевса-Аммона, покровителя Александра Великого.

Не исключено, что среди погребённых в курганах на Васюринской горе и в Артюховском кургане также были женщины, исполнявшие жреческие функции. Главные гробницы в курганах на Васюринской горе на Таманском полуострове оказались разграбленными [ОАК за 1870-1871, с. XVII сл.; XXXIV сл.; Ростовцев, 1913-14, с. 35 сл.; 51-55; 1925, с. 373; Власова, 2004а; 2004б; Трейстер, 2005, с. 306 сл.; см. также главу 2.11]. Однако некоторые находки, сделанные в этих курганах,

¹⁰³ В свете подобных фактов по меньшей мере преждевременной представляется уверенность В.Ю. Зуева в том, что ему удалось разоблачить «научный миф» о «савроматских жрицах» [см.: Зуев, 1996].

¹⁰⁴ Хотя ни в гробнице, ни в насыпи кургана не было найдено никаких остатков колесницы, представляется отнюдь не случайным тот факт, что божественный аналог женщины, погребённой в кургане, на надгробном рельефе изображён на колеснице.

¹⁰⁵ О значении колосьев и их образности в религиозно-мифологических представлениях греков см.: Wolters, 1930a, S. 111–129; 1930b, S. 284–300.

¹⁰⁶ Ср. с рогатым шлемом бурятского шамана [Манжигеев, 1978, с. 65].

позволяют предполагать, что среди погребённых здесь представителей боспорской элиты – выходцев из эллинизированной местной аристократии – были служители культа.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Среднем кургане № 1 на Васюринской горе были найдены остатки колесницы [Трейстер, 2005, с. 306–313], среди украшений которой следует отметить бронзовые женские фигуры в калафах, а также фрагменты литых морских драконов¹⁰⁷ [Ростовцев, 1913-14, с. 44; 51-55, табл. XII, 1; XXIII; Власова, 2004а, с. 166-167, рис. 16-20; 2004б, с. 280-281.]¹⁰⁸. С этими украшениями перекликаются происходящие из того же склепа удила, концы которых оформлены полуфигурами тритонесс, которые, не имея прямых аналогий, по стилю напоминают изображение Скиллы на крышке бронзового зеркала IV в. до н. э. из Артюховского кургана [Ростовцев, 1913-14, с. 57; Максимова, 1979, с. 31, № 75; Шауб, 2009]. Все эти изображения связаны с символикой Великой богини¹⁰⁹.

При раскопках насыпи Среднего кургана № 1 были найдены фрагменты, по меньшей мере, двух мраморных статуй, одна из которых «выше натуральной величины, представляла мужскую фигуру в головном уборе типа башлыка и шароварах со складками» [Трейстер, 2008б, с. 156]. Этот факт говорит о том, что погребённые здесь представители высшей местной аристократии получали посмертные почести. О том же может свидетельствовать и наличие не только в Среднем кургане № 1, но и в погребальной камере Большого кургана на Васюринской горе каменных столов [Трейстер, 2008в, с. 124, прим. 15-16]. В данной связи стоит вспомнить и о том, что, по мысли М.И. Ростовцева, в основе оформления интерьера склепа Большого кургана лежит имитация героона¹¹⁰.

Что касается женщин (скорее всего, знатных синдянок) [Цветаева, 1968, с. 89], погребённых в *гробницах № 1 и 2 Артюховского кургана* [см.: Максимова, 1979; см. также главы 2.8 и 2.11], то об исполнении ими жреческих функций могут свидетельствовать такие их золотые сакральные украшения, как диадема¹¹¹ (аналогичная ей происходит из херсонесского склепа жрица) и начельник с «геракловым узлом»,

---

¹⁰⁷ По типу эти морские монстры очень схожи с теми, которые фланкируют крылатую богиню на золотой боспорской диадеме начала III в. до н.э., хранящейся в Мюнхене [см.: Deppert-Lippitz, 1985, S. 275, Taf. 28]. Этот памятник, бесспорно, свидетельствует о служебной роли морских монстров в почитании Великого женского божества на Боспоре [Шауб, 2011б].

¹⁰⁸ По утверждению С.С. Бессоновой [Бессонова, 1982б, с. 115], повозки в Прикубанских меотских курганах, в отличие от скифских и сарматских, являются собственностью мужчин. Колесница, обнаруженная в Васюринском кургане, определена М.И. Ростовцевым как военно-спортивная [Ростовцев, 1913-14, с. 51-52].

¹⁰⁹ О Скилле, семантически родственной змееногой ипостаси Великой богини, см.: Шауб, 2009.

¹¹⁰ Изображения ласточек на стене этого героона помещены, вероятно, не как «вестники смерти» [Власова 2004а, с. 163; 2004б, с. 279], а в качестве символа возрождения (ср. знаменитую эрмитажную «Пелику с ласточкой»).

¹¹¹ Это украшение, как и уже неоднократно упомянутая мюнхенская диадема, подверглось намеренному «усовершенствованию» в соответствии с варварскими вкусами.

медальоны с Афродитой и Эротом, ожерелья, серьги с голубями и Эротом, а также такие ритуальные предметы, как зеркала, фимиатерии и веретёна¹¹².

Следует отметить, что близкие параллели к рассмотренным выше боспорским погребениям дают два одновременных, но культурно достаточно близких друг другу комплекса: богатое кельтское курганное захоронение конца VI в. до н. э. жрицы в Виксе (Франция) [см., например: Joffroy, 1954, 1962]¹¹³ и набор ювелирных украшений III в. н. э., принадлежавший кельто-иллирийской жрице Солнца и Луны из Паннонии (совр. Венгрии) [Колосовская, 1995, с. 143, 145].

5.6. Особенности боспорского жречества

Итак, анализ произведений искусства, обнаруженных в курганных погребениях греко-варварской знати Боспора, позволяет предполагать, что её представители не только уповали на загробную встречу со своей Великой богиней [Шауб, 2013а], но и нередко служили ей при жизни.

Наглядным образцом предвосхищения подобного опыта загробной встречи с Богиней может служить то место из «Метаморфоз» Апулея, где во сне перед главным героем предстаёт великая всеобъемлющая богиня Исида, говоря: «Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времён, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики – Минервой Кекропической, здесь кипряне, морем омываемые, – Пафийской Венерой, критские стрелки – Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы – Стигийской Прозерпиной, элевсинцы – Церерой, древней богиней, одни – Юноной, другие – Беллоной, те – Гекатой, эти – Рамнузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней учёностью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем – царственной Изидой. <...> весь остаток своей жизни, вплоть до последнего вздоха, ты посвятишь мне. Справедливость требует, чтобы той, чьё благодеяние снова вернёт тебя людям, принадлежала и вся твоя жизнь. Ты будешь жить счастливо, ты будешь жить со славою под моим покровительством, и когда, совершив свой жизненный путь, сойдёшь ты

¹¹² Все изображения перечисленных предметов см.: Максимова, 1979.

¹¹³ Наряду с наличием в Виксе четырёхколесной повозки, а среди украшений погребённой золотых диадемы и снабжённого изображениями пегасов торквеса следует отметить тот факт, что ручки громадного, высотой в 1,5 м и вместимостью в 1 250 литров, бронзового кратера (как и упомянутые ювелирные изделия – греческого производства) снабжены изображением змееногой Горгоны, сзади которой помещаются вставшие на дыбы львы.

Заключение

ШЕСТЬ ВЕКОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Греческая колонизация района Боспора Киммерийского, как известно, отличалась рядом весьма существенных особенностей. Главная из них заключается в том, что на берегах пролива было основано несколько греческих колоний, пять из которых, несомненно, были структурированы как полисы (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, Синд или Синдская Гавань). Другие боспорские поселения, а их в письменной традиции упоминается около тридцати [Латышев, 1909, с. 61 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 154 сл.; Gajdukevič, 1971, S. 32 ff., 170 ff.], скорее всего, входили в состав того или другого города-государства. В процессе колонизации, как известно, важную роль играла греческая аристократия, из среды которой чаще всего происходили *ойкисты* – руководители коллективов колонистов, направлявшихся в далёкие земли. Власть ойкиста на начальном этапе существования апойкии, как представляется, была весьма существенной. Вероятнее всего, эти люди и их потомки составляли элиту во всех новых полисах. Не трудно понять, что в силу относительной многочисленности греческих колоний Боспора в сравнении с другими центрами Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес Таврический) именно здесь стал формироваться сравнительно многочисленный слой греческой аристократии.

Археологические материалы заставляют считать, что изначально этот слой не отличался особым богатством в сравнении с рядовыми гражданами. Во всяком случае, в ранних некрополях боспорских апойкий очень трудно выделить погребения, которые с уверенностью можно было бы признать аристократическими. Вполне очевидно также, что колонисты не привезли с собой из метрополии какого-то вполне сложившегося типа элитного погребального сооружения. В этом отношении им, скорей всего, пришлось обратиться к заимствованиям из культуры местных народов региона.

Тем не менее, влияние аристократии на определение основных направлений развития боспорских колоний, как представляется, было весьма серьёзным. Нетрудно представить также, что с течением времени на Боспоре возникали враждебные аристократические группировки (как внутри крупных полисов, так и на межполисном уровне), но в критический момент истории, пришедшийся на начало V в. до н.э. в связи с усилением агрессивности скифского кочевого мира, они предпочли объединение ради спасения своего нового отечества. Таким объединением стал оборонительный союз боспорских полисов, во главе которого стал род Археанактидов.

Заключение

Только во время Археанактидов (480/79 – 438/37 гг. до н.э.) на Боспоре появляются погребальные памятники, которые резко выделяются среди других и которые в полной мере следует признать элитными, – это курганы с варварскими чертами в обряде и инвентаре. Наиболее многочисленная и показательная группа таких курганов сосредоточена в окрестностях Нимфея, в меньшем количестве они известны в некрополях почти всех боспорских апоекий: Пантикапей, Фанагория и Кепы [Виноградов, 2001а; 2005а, с. 245–258]. С известной долей преувеличения можно сказать, что боспорская аристократическая культура начинает формироваться под сильнейшим варварским влиянием.

Однако тип монументальной гробницы, ставший неотъемлемым символом элитной культуры Боспора, появился здесь не ранее прихода к власти Спартокидов. Можно сказать и более определённо – не ранее создания единого монархического Боспорского государства на рубеже V–IV вв. до н.э. Таким типом гробницы стал склеп с уступчатым перекрытием, аналогии которому известны во Фракии. Сознательный выбор такой гробницы, давший начало устойчивой традиции [Савостина, 2015, с. 286], скорей всего, определялся фракийским происхождением династии Спартокидов.

Монархическое Боспорское государство, включившее в свой состав не только ранее независимые греческие полисы, но и некоторые варварские племена Прикубанья, сложилось при Сатире I – Левконе I. Особое место в системе варварских владений боспорских династов, безусловно, принадлежало Синдике. Под сильным греческим влиянием синды создали своё государство или, по крайней мере, приблизились к его созданию. Погребения синдских царей (Семибратние курганы) при этом являются самыми яркими и показательными памятниками царского уровня во всём Северном Причерноморье второй половины V – начала IV вв. до н.э.

В IV в. до н.э. Боспор переживал безусловный экономический и культурный расцвет. Это явление, как представляется, определялось двумя факторами. Прежде всего, относительно мирной, стабильной обстановкой в Северном Причерноморье, которую могли обеспечить царские скифы, занявшие господствующее положение в системе межплеменных отношений в регионе и, несомненно, в системе связей с миром эллинов. Главным партнёром Великой Скифии в это время, как представляется, стало Боспорское царство. Есть все основания полагать, что ранним Спартокидам удалось наладить весьма тесные, союзнические отношения со скифами, что, несомненно, влияло на общую обстановку в Северном Причерноморье. Второй важный фактор, определивший своеобразие ситуации в регионе, заключался в масштабном развитии хлебного экспорта Спартокидов в Средиземноморье, в первую очередь, в Афины. Торговля хлебом, сосредоточенная в руках правителей Боспора, приносила огромные барыши, что, в свою очередь, придавало культуре боспорской элиты IV в. до н.э. особую роскошь и изящество.

Поблизости от столицы Боспорского государства, Пантикапея, сосредоточено большинство элитных погребений IV в. до н.э. В их составе представляется возможным выделить курганы, принадлежавшие правителям Боспора: в кургане у с. Баксы,

вероятно, был захоронен Сатир I, в Остром (некрополь Юз-Оба) – Левкон I, Царский курган, как представляется, принадлежал Перисаду I, а Золотой – трём его сыновьям, Сатиру II, Притану и Евмелу.

При ранних Спартокидах сложилась совершенно особая модель греко-варварских контактов. «Цари из этого рода сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтнического государства» [Андреев, 1996, с. 14]. Исключительное своеобразие боспорской культуры, в которой наиболее отчётливо проявились тенденции греко-варварского синтеза, Ю.В.Андреев объяснял тем, что здесь в сравнении с другими античными государствами Северного Причерноморья наиболее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии. Только на Боспоре греко-варварский синтез вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические в своей основе формы государственного устройства, социальных отношений, религии и искусства, только Боспорское царство в какой-то степени приближалось к эллинистическим монархиям Востока [Андреев, 1996, с. 16].

Нетрудно предположить, что включение в состав Боспора варварских племён Прикубанья облегчало для племенной аристократии доступ в состав элиты государства, доминантой культурных приоритетов которой, безусловно, была греческая культура. Тем не менее, в IV в. до н.э. элементы местной погребальной традиции (захоронения коней, наличие оружия, предметы, оформленные в зверином стиле, и т.д.) представлены в некоторых погребальных комплексах. Реальным свидетельством союза, сложившегося в это время между Боспором и Скифией, являются скифские аристократические погребения в окрестностях Пантикапея (Куль-Оба, курган Патиниоти и курган Ашика).

Художественные пристрастия боспорской полиэтнической аристократии в это время проявлялись в стремлением обладать произведениями торевтики, выполненными самыми искусными греческими мастерами. Вообще золото становится важнейшим признаком принадлежности к элите государства. Его использование в погребальном обряде должно было подчёркивать связь представителей этой социальной страты с миром богов и героев. Есть все основания считать, что на Боспоре в IV в. до н.э. работала мастерская, в которой изготавливались дорогие произведения торевтики, в том числе и исполненных в скифском зверином стиле. В последней четверти этого столетия в Пантикапее, вероятно, трудились мастера, происходившие из Македонии [Roberts, 2009]. Уже с этого времени, как представляется, боспорская элита стала проявлять большой интерес к возвысившейся Македонии.

Важный рубеж в истории Боспорского царства приходится на конец IV – начало III вв. до н.э., что было связано с крушением Великой Скифии под ударами сарматов. Для понимания этого исторического момента принципиальное значение имеет курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 74 сл.]. В нём проявилось смешение разнообразных культурных элементов, характерное для эпохи крупных этнических перемен в регионе. Скифские особенности в этом ком-

Заключение

плексе отсутствуют, но отчётливо выступают сарматские (савроматские) и в особенности меотские. Среди элементов, связывающих этот комплекс с античным миром, следует выделить золотые бляшки в форме звезды, копирующие, скорее всего, звезду, ставшую символом македонской династии Аргеадов.

Курган Ак-Бурун (1875 г.) позволяет считать, что погребённый в нём мужчина-воин исполнял также культовые обязанности. Знаменитый золотой шлем (рис. 49), золотой перстень с железной вставкой, обилие амулетов позволяют судить об этом достаточно определённо. Надо признать, что роль боспорской аристократии в религиозной жизни государства очень ярко проявляется во многих других курганах: Большая и Малая Близницы, Куль-Оба, Павловский курган, Анапский комплекс 1881 г., Мерджаны и др.

После гибели Великой Скифии в истории Боспорского царства, как и других греческих государств Северного Причерноморья, наступил серьёзный кризис, из которого они вышли к середине III в. до н.э. [Виноградов, 1999]. В культуре боспорской элиты этого времени происходят значительные перемены, и связаны они не только с исчезновением скифской «окраски» некоторых аристократических погребений. С III в. до н.э. на Боспоре появляется новый тип элитной гробницы – так называемые склепы «македонского» типа. Самые показательные из них были открыты на Васюринской горе и в Артоховском кургане. Для таких склепов характерно арочное перекрытие и в наиболее крупных из них – деление погребальной камеры на две части. Надо признать, что боспорские гробницы этого типа отличаются от классических македонских – здесь почти полностью отсутствует пышное оформление фасадов, нет каменных дверей и т.д., но культурный импульс, результатом которого стала эта инновация, безусловно, исходил из Македонии и, вероятно, Фракии.

Под влиянием «македонской» традиции, как представляется, происходят изменения в конструкции боспорских склепов с уступчатым перекрытием. Погребальная камера в них довольно часто делилась на две части, а фасад гробниц имел архитектурную отделку. Наиболее показательны в этом отношении Тарасовские курганы под Анапой.

Эти в высшей степени важные памятники, как и почти все склепы «македонского» типа, расположены на азиатской стороне Боспора. Более того, в этой части государства сконцентрированы другие элитные погребальные памятники III–II вв. до н.э., а также все без исключения курганы с варварскими чертами обряда (Зеленской, Васюринские, Мерджаны и др.). Приходится признать, что элитные погребальные памятники этого времени, сосредоточенные в окрестностях Пантикапея, выглядят заметно более скромными [Виноградов, 2015].

Азиатский Боспор на этом этапе, как представляется, стал наиболее развитой, процветающей частью государства. Основным вектор во взаимоотношениях с варварским миром региона, по всей видимости, вёл тогда в Прикубанье. Складывается впечатление, что элита азиатской части Боспора в это время определяла основные приоритеты в политике государства.

Очередной кризис в истории греческих государств Северного Причерноморья

связан с продвижением на запад приблизительно в середине II в. до н.э. новой волны кочевников – роксоланов, языгов, ургов [Виноградов, 2007в]. Резкое ухудшение военно-политической ситуации в регионе привело к тому, что боспорская элита была вынуждена искать опору в союзе с Крымской Скифией. Этот союз, однако, для Боспора не стал гарантом стабильности и безопасности. Усилившееся давление со стороны варварского окружения заставило часть правящей элиты государства обратиться к Митридату VI Евпатору, считая, что подчинение понтийскому царю станет спасительным для эллинства на Боспоре.

Такой поворот в политике, однако, устраивал не всех. «Скифская партия» на Боспоре попыталась противостоять этому, результатом чего стало восстание Савмака и убийство последнего Перисада. Разгром этого восстания Диофантом, а также победы понтийского полководца Неоптолема, вероятно, над войсками северо-кавказских племён (ахейцев, зигов и гениохов), имевших свои интересы в районе Керченского пролива, привели к тому, что Боспор надолго стал составной частью Понтийского царства. Памятником митридатовым победам на Боспоре, как представляется, стал грандиозный курган Кара-Оба.

Боспор стал важным центром опоры Митридата Евпатора в регионе Северного Причерноморья в той грандиозной борьбе, которую он начал с Римом. Наибольшую поддержку своей политике понтийский царь нашёл среди варварских народов, населявших Прикубанье, и той части боспорской элиты, которая поддерживала с ними дружеские связи. «Скифская партия», по всей видимости, всегда была оппозиционной по отношению к Митридату. Воспользовавшись поражениями понтийских войск, она делала попытки выступить против царя и выйти из-под его власти. Не удивительно в этом отношении, что погребальные комплексы, которые можно считать захоронениями воинов армии Митридата, находятся на азиатской стороне Боспора (Ахтанизовский клад, Старо-Титорровский курган).

Поражение Митридата в борьбе с Римом и его смерть в Пантикапее в 63 г. до н.э. обозначили новый рубеж в истории Боспора. Началась долгая борьба претендентов на престол: Асандр, Митридат Пергамский, Полемон. Нетрудно представить, в каком сложном противостоянии оказались группировки боспорской аристократии, вовлечённые в эту борьбу.

Бесценным памятником, материалы которого позволяют лучше осознать суть происходивших тогда процессов, является погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 42 сл.]. Оно представляет собой урновую кремацию, относящуюся ко второй половине I в. до н.э. Среди происходящих отсюда предметов имеются такие (рис. 104), которые связывают этот комплекс, с одной стороны, с миром прикубанских варваров (круглая фибула-брошь, крупные золотые бусы), а с другой – с культурой Крымской Скифии (золотой наконечник кинжала, украшенный каменными вставками). Наиболее любопытной находкой здесь, безусловно, является уникальная золотая фибула типа «Алезия». Она свидетельствует об активном присутствии Рима на Боспоре Киммерийском в это время.

ры Боспора во второй половине III – первой половине II вв. до н.э., но этот подъём был весьма относительным [Виноградов, 1999]. К тому же он был оборван новой волной сарматской миграции на запад, связанной с продвижениями роксоланов, языгов и ургов. В условиях резкой дестабилизации военно-политической ситуации в Северном Причерноморье правители Боспорского царства попытались найти опору в союзе с Крымской Скифией, но этот союз оказался малоэффективным. Тогда был выбран другой вариант, заключавшийся в подчинении Понтийскому царству, но он в конечном итоге означал включение боспорян в губительное противостояние с Римом.

Такой сложный путь прошла боспорская аристократия за 600 лет своей истории. Само её существование на рубеже между эллинским и варварским мирами определило своеобразие элитной культуры Боспора, в которой нашли удивительное смешение импульсы, исходившие из Эллады и из динамичного племенного мира Северного Причерноморья.

Ю.А. Виноградов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В.* Два «синдских» диобола, найденных в Фанагории // РА. – № 3. 1998. – С. 141–145.
- Абрамов А.П.* Патрей // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: «Наука». – Т. I. 2010. – С. 529–539.
- Абрамова М.П.* Катакомбы и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Труды ГИМ. – Вып. 54. Археологические исследования на юге Восточной Европы. 1982. – С. 9–19.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.: Институт археологии РАН. 1993. – 238 с.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство. 1978. – 131 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К.* К интерпретации символики иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма / ред. М.А. Итина и др. – М.: «Восточная литература». 1981. – С. 144–153.
- Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: «Наука». 1984. – 176 с.
- Алексеев А.Ю.* Нашивные бляшки Чертомлыкского кургана // Античная торевтика / ред. Н.Л. Грач. – Л.: Издательство Гос. Эрмитажа. 1986. – С. 64–74.
- Алексеев А.Ю.* Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). – СПб. 1992. – 206 с.
- Алексеев А.Ю.* Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н.э. // ВДИ. – № 3. 1996. – С. 99–113.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб: Гос. Эрмитаж. 2003. – 416 с.
- Алексеев А.Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2012. – 271 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). – Киев: Наукова думка. 1991. – 413 с.
- Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. – М.: «Наука». 1991. – 144 с.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. – М.: Эдиториал УРСС. 1997. – 560 с.
- Алексеева Е.М.* Местная среда ранней Горгиппии // ПИФК. – Вып. 8. 2000. – С. 160–169.
- Алексеева Е.М.* Горгиппия // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: «Наука». – Т. I. 2010. – С. 470–482.
- Алексеева Е.М.* Рец.: Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хут. Рассвет. Под ред. А.А. Мальшева. М. 2010 (Некрополи Черноморья. III). 272 с. // ВДИ. – № 4. 2012. – С. 173–177.
- Алексинский Д.П.* Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // ТГЭ. – Т. 41. 2008. – С. 31–70.
- Алексинский Д.П.* Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2013. – 119 с.
- Альбедиль М.* Магические браслеты // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников девятнадцатого colloquium (18–21 апреля 2011г.) – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2011. – С. 3–5.

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. – САИ. – Вып. Д1–30. – М.: Наука. 1966. – 112 с.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 2001. – 333 с.
- Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. – № 1. 1996. – С. 3–17.
- Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб.: «Алетейя». 1998. – 400 с.
- Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье (основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // Ю.В. Андреев. В ожидании греческого чуда. – СПб.: Нестор-История. 2010. – С. 609–627.
- Андреев Ю.В., Марченко К.К.* Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. – СПб.: «Алетейя». 2005. – С. 400–415.
- Андриенко В.П.* Земледельческие культы племён лесостепной Скифии (VII–V вв. до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Харьков. 1975. – 32 с.
- Андроникос М.* Царские гробницы в Вергине (из истории раскопок) // ВДИ. – № 1. 1990. – С. 107–129.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. – Киев: Наукова думка. 1986. – 179 с.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наукова думка. 1989. – 128 с.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. – Киев: Одигитрия. 1999. – 254 с.
- Античное художественное серебро. Античное художественное серебро. Каталог выставки. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1976. – 64 с.
- Антонова Е.В.* Вещь в контексте обряда: ваза из Урука // Проблемы интерпретации памятников культур Востока / ред. Б.А. Литвинский. – М.: «Восточная литература». 1991. – С. 88–121.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С.* О знаковой сущности вещественных памятников и о способах её интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культур Востока / ред. Б.А. Литвинский. – М.: «Восточная литература». 1991. – С. 207–232.
- Анфимов Н.В.* Религиозные верования у меотов // Сборник трудов по археологии Адыгеи / ред. Н.В. Анфимов. – Майкоп. 1977. – С. 111–128.
- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во. 1987. – 232 с.
- Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. – Краснодар: Традиция. 2011². – 263 с.
- Аптекарев А.З.* «Синдские» монеты – проблема принадлежности остаётся // БЧ. – V / отв. ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2004. – С. 15–19.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. Перев. с франц. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». 1993. – 598 с.
- Арсеньева Т.М.* Погребальный обряд // Археология СССР. Античные города Северного Причерноморья / ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. – М.: «Наука». 1984. – С. 222–225.
- Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. – № 1. 1949. – С. 29–39.
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. – Вып. 2. 1961. – С. 57–87.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага: Артия; Ленинград: Искусство. 1966. – 120 с.
- Артамонов М.И.* Куль-обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. – Л.: «Наука». 1968. – С. 9–16.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1974. – 155 с.
- Аствацатурян Э.Г.* 2004. Оружие народов Кавказа. – СПб: Атлант. – 432 с.
- Афанасьева В.К., Луконин В.Г., Померанцева Н.А.* Искусство Древнего Востока. – М.: Искусство. 1976/1977. – 375 с.
- Ашик А.* Воспорское царство. Т. II. – Одесса. 1848. – 98 с.

Литература

- Аишк А. Часы досуга с просовокуплением писем о керченских древностях. – Одесса. 1850. – 181 с.
- Аишин Г.К. Миф об элите. – М.: Знание. 1964. – 40 с.
- Аишин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». – М.: Международные отношения. 1966. – 160 с.
- Аишин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. – М.: Мысль. 1978. – 135 с.
- Аишин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. – М.: Международные отношения. 1985. – 255 с.
- Аишин Г.К. Курс истории элитологии. – М.: Университет МГИМО. 2003. – 302 с.
- Аишин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. – М.: Спортакадемпресс. 1999. – 366 с.
- Бабенко Л.И. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // Донская археология. – № 2. 1999. – С. 85–90.
- Базайтова Р. Архитектура на тракийските гробници – принос в историета на античната архитектура // Хелис. – V. – София. 2006. – С. 95–112.
- Байбурун А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. – Т. 37. – Л.: «Наука». 1981. – С. 215–226.
- Балонов Ф. Золотое оружие Зевса // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников Девятнадцатого коллоквиума (18–21 апреля 2011 г.). – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2011. – С. 6.
- Беглова Е.А. Выделение и датирование комплексов III в. до н.э. в памятниках Закубанья // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция / отв. ред. И.И. Марченко. – Краснодар: Экоинвест. 2013. – с. 32–34.
- Белицкий М. Забытый мир шумеров. – М.: «Восточная литература». 1980. – 398 с.
- Белков П.Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции / ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ им. Петра Великого. 1996. – С. 63–71.
- Белова Н.С. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М.-Л. 1954. – 17 с.
- Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. Перевод с немецк. – М.: «Наука». 1982. – 391 с.
- Бердяев Н. Судьба России. – М.: Советский писатель. 1990а. – 342 с.
- Бердяев Н. Философия неравенства. – М.: ИМА-Пресс. 1990б. – 285 с.
- Бердяев Н. Философия свободного духа. – М.: Изд-во «Республика». 1994. – 474 с.
- Берлизов Н.Е. Аланы – скифы // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир–Москва. 1996. – С. 105–117.
- Бессонова С.С. Погребение IV в. до н.э. из Трёхбратнего кургана // Скифские древности / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1973. – С. 243–252.
- Бессонова С.С. Серьги с изображением Владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / отв. ред. В.Д. Баран. – Киев: Наукова думка. 1982а. – С. 18–36.
- Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности Скифии / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1982б. – С. 102–117.
- Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. – Киев: Наукова думка. – 140 с.
- Бессонова С.С., Кирилин Д.С. 1977. Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана // Скифы и сарматы / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. – С. 128–139.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. – № 4. 1986. – С. 158–170.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – Киев: Скиф. 2012. – 751 с.
- Билимович З.А. Аттические зеркала в Северном Причерноморье // Памятники античного прикладного искусства / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1973. – С. 42–50.
- Бич О.И. Первые раскопки некрополя Пантикапея // МИА. – № 69. 1959. – С. 298–321.
- Блаттская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. – М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 160 с.

- Блаватский В.Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей // Вестник Московского университета. – Вып. 8. 1948. – С. 9–18.
- Блаватский В.Д.* Рец. на кн.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1949 // ВДИ. – № 4. 1949. – С. 161–159.
- Блаватский В.Д.* Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. – Вып. 35. 1950. – С. 30–41.
- Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938–1940 гг. // МИА. – № 19. 1951. – С. 187–226.
- Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. – № 33. 1954. – С. 7–44.
- Блаватский В.Д.* О происхождении боспорских склепов с уступчатым перекрытием // СА. – № 24. 1955. – С. 29–53.
- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // ПИСП. 1959а. – С. 7–39.
- Блаватский В.Д.* Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. – Вып. 74. 1959б. – С. 41–48.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. – № 2. 1960. – С. 168–192.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. – М.: «Наука». 1964а. – 228 с.
- Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // СА. – № 4. 1964б. – С. 25–35.
- Блаватский В.Д.* Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне. // СА. – № 1. 1974. – С. 38–44.
- Блаватский В.Д.* Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира / ред. коллег. Н.И. Сокольский и др. – М.: «Наука». 1976. – С. 56–58.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. – М.: «Наука». 1985. – 277 с.
- Блондель Ж.* Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. Перев. с англ. – М. 1992. – 135 с.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. Т. 2. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1894. – XXIV + 232 с.
- Бобринский А.А.* Отчёт о раскопках, произведённых в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губ. // ИАК. – Вып. 14. 1905. – С. 1–43.
- Болтрик Ю.В., Фялко О.С.* Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н.е. // Археологія. – № 2. 1995. – С. 3–13.
- Бондаренко М.Е.* 2012. Синды. – М.: Историко-архивный институт РГГУ. – 152 с.
- Борза Ю.Н.* История античной Македонии (до Александра Великого). Перевод с англ. – СПб: Нестор-История. 2013. – 592 с.
- Борисова В.С.* Становление государственности на Боспоре в VI – IV вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – Нижний Новгород. 2006. – 27 с.
- Боровка Г.И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. – Вып. 1. 1921. – С. 169–192.
- Боузек Я.Г.* Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений и их параллели в других странах на периферии греческого мира // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века / ред. В.П. Копылов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета. 2003. – С. 16–18.
- Бочаров В.В.* Власть и символ // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции / ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ им. Петра Великого. 1996. – С. 15–37.
- Бочаров В.В.* Символы власти или власть символов? // Антропология власти. – Т. I. Власть в антропологическом дискурсе. – СПб. 2006. – С. 274–305.
- Бочаров В.В.* Женщина как ресурс мужской власти // Лидерство в архаике: условия и формы проявления / ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. – СПб: Кунсткамера. 2011. – С. 99–117.
- Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. – № 3. 1958. – С. 110–121.
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI – II вв. до н.э. – М.: Изд-во АН СССР. 1963. – 176 с.

Литература

- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. – Т. 4. 1965. – С. 89–110.
- Брашинский И.Б.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья* / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. – Л.: Лен. отд. изд-ва «Наука». 1968. – С. 62–72.
- Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // *ВДИ*. – № 3. 1973. – С. 124–133.
- Брашинский И.Б.* Фасосская амфора из Куль-Обы // *СГЭ*. – Вып. 40. 1975. – С. 36–38.
- Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. – Л.: «Наука». 1979. – 144 с.
- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. – Л.: «Наука». 1984. – 248 с.
- Бруяко И.В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. – № 3. 2005/2009. – С. 329–370.
- Буйских А.В.* О культовой архитектуре античных городов Северного Причерноморья // *ХСб*. – Вып. 8. 1997. – С. 23–25.
- Буйских А.В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній Світ. 2013. – 456 с.
- Букина А.Г.* Иконография мифов о смерти и возрождении в греческом ориентализирующем искусстве // Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – СПб. 2004. – 25 с.
- Букина А.Г.* Коринфская художественная керамика // *Борисфен-Березань*. – ТГЭ. – Вып. 54. 2010. – С. 7–140.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. – Т. II. – Боспорские исследования. Suppl. 13 / отв. ред. В.Н. Зинько. – Симферополь-Керчь: Мастер Книг. 2014. – 184 с.
- Бухарин С.Н., Малков С.Ю.* Эволюция элиты (материалы и исследования). – М.: Академический проект. 2014. – 278 с.
- Васильев А.Н.* К вопросу о синдо-меотском происхождении Спартокидов (анализ гипотезы) // *Социально-политическая история СССР* / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.-Л. 1974. – С. 145–171.
- Васильев А.Н.* К вопросу о событиях 438 г. до н.э. на Боспоре // *Проблемы отечественной истории* / отв. ред. А.Г. Маньков. – Ч. II. – М.-Л. 1976. – С. 154–176.
- Васильев А.Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартокидов (анализ гипотезы) // *Вопросы политической истории СССР* / ред. Б.В. Ананьин. – М.-Л.: Ин-т истории СССР. 1977. – С. 194–215.
- Васильев А.Н.* Боспорские надписи как исторический источник (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н.э.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. – Вып. 17. 1985. – С. 289–296.
- Васильев А.Н.* К вопросу о соправительстве на Боспоре // *Проблемы античного источниковедения* / отв. ред. Э.Д. Фролов. – М.-Л. 1986. – С. 33–45.
- Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* / отв. ред. А.К. Гаврилов. – СПб: Изд-во Глаголь. 1992. – С. 111–128.
- Васильев А.Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // *БФ: греческая культура на периферии античного мира* / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1999. – С. 106–111.
- Васильев А.Н.* О соотношении полисной системы и режима Спартокидов // *Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г.* / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. – СПб: Изд-во С-Петербургского университета. 2001. – С. 181–186.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь в Прикубанье» и некоторые древности Северного Причерноморья эпохи архаики // *Вопросы истории и археологии Боспора* / ред. Е.А. Молев., Э.В. Яковенко, Ф.П. Гройно. – Воронеж-Белгород. 1991. – С. 3–11.
- Вахтина М.Ю.* Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // *Скифия и Боспор. Материалы конференции, посвященной памяти академика М.И. Ростовцева* / ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск. 1993. – С. 51–58.
- Вахтина М.Ю.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // *Греки*

- и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. СПб. 2005. – С. 297–399.
- Вахтина М.Ю.* Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. – Вып. XXII. 2009а. – С. 91–126.
- Вахтина М.Ю.* О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагадеуашх // Пятая Кубанская археологическая конференция / ред. – Краснодар. 2009б. – С. 39–43.
- Вахтина М.Ю.* Об оборонительных системах Порфмия // ДБ. – Т. 16. 2012. – С. 24–38.
- Вахтина М.Ю.* Фрагмент чернофигурного лекифа из Порфмия: об одной из возможных интерпретаций образа «скифского лучника» // Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева / гл. ред. Ю.А. Виноградов. СПб: Дмитрий Буланин. 2013. – С. 59–71.
- Вахтина М.Ю.* Об одном архаическом погребении Тузлинского некрополя (по материалам научного архива ИИМК РАН) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античную эпоху. К 70-летию В.П. Толстикова / отв. ред. Д.В. Журавлёв. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. 2015. – С. 83–89.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А.* Ещё раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. I. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 41–45.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. – № 4. 1980. – С. 155–161.
- Вдовиченко И.И.* Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. / ред. С.Л. Соловьев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2006. – С. 32–35.
- Венедиков И., Герасимов Т.* Тракийского искусство. – София: Български художник. 1972. – 408 с.
- Вертиенко А.В.* К интерпретации семантики золотой пластины из Сахновки // БФ: Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2009. – С. 515–522.
- Вертиенко А.В.* «Скифский арфист» (К интерпретации одной из сцен сахновской пластины) // Археологический альманах. Донецк. – № 21. 2010. – С. 320–332.
- Вертиенко А.В.* «Кто впереди колесницею правит...» – к значению сюжета на рельефе из Трёхбратнего кургана // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрёстке / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2013. – С. 443–449.
- Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. – Вып. 9. – Саратов. 1993а. – С. 79–96.
- Виноградов Ю.А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / отв. ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск. 1993б. – С. 38–51.
- Виноградов Ю.А.* О ритонах из кургана Карагадеуашх // ПАВ – Вып. 6. 1993в. – С. 66–71.
- Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum + ПАВ. – Петербург, Кишинёв. 1997. – С. 73–80.
- Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. – Вып. 1. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1998. – С. 62–68.
- Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э.) // Hyperboreus. – Vol. 5. Fasc. 1. 1999. – С. 56–82.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. – № 3. 2000. – С. 98–128.
- Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. – № 4. 2001а. – С. 77–87.
- Виноградов Ю.А.* Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. II. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001б. – С. 124–127.

Литература

- Виноградов Ю.А.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // АВ. – № 8. 2001в. – С. 311–315.
- Виноградов Ю.А.* О двух победах Нептолема на Боспоре Киммерийском // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова. – ХСб. – Вып. 11. 2001г. – С. 65–69.
- Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире / ред. Э.Д. Фролов. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2002. – С. 183–196.
- Виноградов Ю.А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // МИАК. – Вып. 3. 2003. – С. 77–92.
- Виноградов Ю.А.* О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А. Формозова / отв. ред. А.Д. Столяр. – СПб: Издательский дом СПбГУ. 2004а. – С. 49–56.
- Виноградов Ю.А.* Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. – Вып. VII. 2004б. – С. 89–111.
- Виноградов Ю.А.* О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // ХСб. – Вып. XIII. – Севастополь. 2004в. – С. 20–28.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К.К. Марченко. – СПб: «Алетейя». 2005а. – С. 211–296.
- Виноградов Ю.А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Скифия, Фракия и эллинский мир. *Statum plus*. 2003–2004. – № 3. 2005б. – С. 198–207.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. / ред. С.Л. Соловьёв. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2006а. – С. 36–43.
- Виноградов Ю.А.* О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. – Вып. XIII. 2006б. – С. 134–161.
- Виноградов Ю.А.* Ещё раз о дате Федуловского клада // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Стояра / отв. ред. А.А. Никонова. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2006в. – С. 207–227.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. – Вып. XVII. 2007а. – С. 5–20.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007б. – 63 с.
- Виноградов Ю.А.* Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н.э. // Из истории античного общества. – Вып. 9–10. – Нижний Новгород. 2007в. – С. 118–139.
- Виноградов Ю.А.* Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия // ВДИ. – № 1. 2008. – С. 42–54.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / редактор-составитель А.Е. Мусин. – СПб: Дмитрий Буланин. 2009а. – С. 248–401.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. – Вып. XXII. 2009б. – С. 5–90.
- Виноградов Ю.А.* Курган Куль-Оба // Дюбрьюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб: Издательский дом «Коло». 2010а. – С. 420–425.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын Оба) // Там же. 2010б. С. 471–476.
- Виноградов Ю.А.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Там же. 2010в. С. 526–532.
- Виноградов Ю.А.* Курган на Лысой горе под Таманью // *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / ред. Т.Н. Джаксон и др. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2010г. – С. 113–118.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. – Вып. XXVII. 2012а. – 364 с.
- Виноградов Ю.А.* Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. – Вып. 16. 2012б. – С. 39–50.
- Виноградов Ю.А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от

- РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2013а. – С. 160–190.
- Виноградов Ю.А.* Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью // Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева / ред. Ю.А. Виноградов и др. – СПб: Дмитрий Буланин. 2013б. – С. 39–51.
- Виноградов Ю.А.* Уступчатые склепы III в. до н.э. на Боспоре // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2013в. – С. 222–227.
- Виноградов Ю.А.* О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. – Вып. XXX. 2014а. – С. 171–189.
- Виноградов Ю.А.* Цари Боспора и боспорские курганы // Там же. 2014б. – С. 497–509.
- Виноградов Ю.А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. 2014в. – С. 510–528.
- Виноградов Ю.А.* Ещё раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. 2014г. – С. 529–534.
- Виноградов Ю.А.* Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // Там же. 2014д. – С. 535–552.
- Виноградов Ю.А.* Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Древнейшие государства Восточной Европы, 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / ред. А.В. Подосинов, О.Л. Габелко. – М.: «Наука». 2014е. – С. 64–75.
- Виноградов Ю.А.* Об одной гробнице, открытой Ф.И. Гроссом под Керчью в 1885 г. // Погребальная культура Боспорского царства / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. – СПб: Нестор-История. 2014ж. – С. 24–32.
- Виноградов Ю.А.* Погребения элиты Боспора Киммерийского: К выделению центров концентрации и периферии // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто / отв. ред. Е.А. Мельникова – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2015. – С. 46–55.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). – СПб: Нестор-История. 2009. – 347 с.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. – Симферополь-Керчь: Майстер Книг. 2012. – 286 с.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. – № 1. 1991. – С. 145–155.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в III в. до н.э. (взгляд из греческих государств) // АВ. – 20. 2014. – С. 143–164.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. – № 3. 1997. – С. 93–103.
- Виноградов Ю.А., Мусин А.Е.* Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / редактор-составитель А.Е. Мусин. – СПб: Дмитрий Буланин. 2009. – С. 487–521.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // АВ. – Т. 12. 2005. – С. 219–223.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. I. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 220–224.
- Виноградов Ю.Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. – Вып. 10. 1972. – С. 3–63.
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила. Политическая и дипломатическая история скифов в первой половине V в. до н.э. // СА. – № 3. 1980. – С. 92–108.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция / отв. ред. Е.С. Голубцова. – Т. I. – М.: «Наука». 1983. – С. 366–420.

Литература

- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. – № 1. 1987. – С. 55–86.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. – М.: «Наука». 1989. – 282 с.
- Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. – № 3. 1992. – С. 130–139.
- Виноградов Ю.Г.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова) / отв. ред. П.П. Толочко. – Запорожье: Запорожский университет, Ин-т археологии НАН Украины. 1999. – С. 59–62.
- Виноградов Ю.Г.* Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна [VIII, 55] и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. – № 3. 2002. – С. 3–22.
- Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археология. – № 1. 2003. – С. 44–53.
- Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П.* Новые эпиграфические источники по истории митридадовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма / отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1985. – С. 589–600.
- Винокуров Н.И.* Античный социум: культ вина и винограда // БИ. – Вып. II. 2002. – С. 27–88.
- Власова Е.В.* Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба // АВ. – № 6. 1999. – С. 163–166.
- Власова Е.В.* Скифский рог // Античное Причерноморье / ред. С.Л. Соловьев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2000. – С. 56–60.
- Власова Е.В.* Семибратние курганы // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. II. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 127–132.
- Власова Е.В.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию М.Б. Пиотровского / ред. колл. Г.В. Вилинбахов и др. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2004а. – С. 158–174.
- Власова Е.В.* Курганы Васюринской горы // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2004б. – С. 275–287.
- Власова Е.В.* Куль-Оба. О характере погребения // БЧ. – VI. – Периоды дестабилизаций, катастроф / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2005. – С. 61–65.
- Власова Е.В.* Куль-Оба // БИ. – Вып. XIII. 2006. – С. 47–53.
- Власова Е.В.* Ахтанизовский клад // ВДИ. – № 3. 2009. – С. 63–78.
- Власова Е.В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. – Т. III / гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – М.: «Наука». 2010. – С. 199–262.
- Внуков С.Ю., Поротов А.В., Пушкарёв П.Ю., Кельтербаум Д.* Археолого-палеографические исследования Семибратнего городища. Задачи и методы исследования // ДБ. – Т. 12. 2008. – С. 127–147.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие из некрополя Артющенко 2 // ДБ. – Вып. 14. 2010. – С. 128–138.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко 2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII научной конференции / ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 2011. – С. 29–33.
- Вуйевски Т.* Символика древнегреческой архитектуры // Искусствознание. – № 1. 1999. – С. 5–20.
- Вылева Ю.* Росписи раннеэллинистических гробниц Фракии и Боспора Киммерийского // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. – Ч. I / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 113–114.
- Высокий М.Ф.* Эллины в Одрисском царстве в V–IV вв. до н.э. // Studia historica. – Т. 3. 2003. – С. 53–62.

- Вълева Ю. Типология на тракийските монументални градени гробници (V–III вв. пр. н.э.). – София. 2013. – 67 с.
- Габелко О.Л. Ещё раз о рескрипте «неизвестного царя» из архива косского храма Асклепия I. Критика «боспорской версии» // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античную эпоху. К 70-летию В.П. Толстикова / отв. ред. Д.В. Журавлёв. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2015. – С. 126–134.
- Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Святилище Туар-Алан II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. – Вып. I. Сборник статей, посвящённых 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. – Симферополь. 2014. – С. 73–152.
- Гаврилов А.К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE. I. 352 - Syll. 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / отв. ред. А.К. Гаврилов. – СПб: Изд-во Глаголь. 1992. – С. 53–73.
- Гаврилюк Н.А., Грищенко В.Н., Яблоновская-Грищенко Е.Д. Орнитофауна скифской торевтики // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. 2. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 260–265.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1949. – 622 с.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. Т. I. – МИА. – № 25. 1952. – С. 133–220.
- Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. – I. 1955. – С. 23–147.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.) // МИА. – № 69. 1959. – С. 154–195.
- Гайдукевич В.Ф. Ещё о восстании Савмака // ВДИ. – № 1. 1962. – С. 3–23.
- Гайдукевич В.Ф. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. – № 1. 1966. – С. 47–67.
- Гайдукевич В.Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н.э. // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности / ред. Т.В. Блаватская и др. – М.: «Наука». 1967. – С. 17–22.
- Гайдукевич В.Ф. К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. – Л.: «Наука». 1968. – С. 81–95.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н.э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. – Л.: «Наука». 1981. – С. 6–54.
- Галанина Л.К. Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. – Вып. 7. 1965. – С. 5–27.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). – САИ. – Вып. Д1-33. – М.: «Наука». 1977. – 68 с.
- Галанина Л.К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2006. – 79 с.
- Гарбузов Г.П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. – Т. 17. 2013. – С. 110–131.
- Гервиц Я.Г. О сводах в постройках Ольвии // Труды Всероссийской академии художеств. – Т. I. 1947. – С. 1–14.
- Гергова Д. Обредът на обезсмъртяването в древна Тракия. – София: Издателство «Агатó». 1996. – 267 с.
- Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / ред. К.С. Горбунова. – Л: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1973. – С. 71–100.
- Гёриц К.К. Собрание сочинений. – Т. 1. – Археологическая топография Таманского полуострова. – СПб. 1898а. – 163 с.
- Гёриц, К.К. Собрание сочинений. – Т. 2. – Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове – СПб. 1898б. – 152 с.
- Гладкий И. Хищнические раскопки возле станицы Таманской Кубанской области в 1916 г. и открытие саркофага в кургане Лысой горы. – Екатеринодар. 1916. – 23 с.

Литература

- Голенко К.В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перечековки // НЭ. – Т. VII. 1968. – С. 37–42.
- Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. – М.: Изд-во АН СССР. 1951. – 136 с.
- Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Аврора. 1971. – С. 18–38.
- Горбунова К.С. Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1973. – С. 16–41.
- Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. – Л.: Искусство. 1983. – 221 с.
- Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1961. – 114 с.
- Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство Древней Греции и Рима в собрании Эрмитажа. – Л.: Изд-во «Аврора». 1975. – 123 с.
- Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб: Журнал «Звезда». 2000. – 463 с.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. – М.: «Наука». 1993. – 349 с.
- Горлов Ю.В. К истории Фанагории IV в. до н.э. // Проблемы античной культуры / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: «Наука». 1986. – С. 135–137.
- Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. – Вып. 1. 1926. – С. 7–36.
- Горончаровский В.А. Аспургиниане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. – Вып. 3. 2000. – С. 54–58.
- Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // Би. – Вып. XXII. 2009. – С. 150–187.
- Горончаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. – С. 161–173.
- Горончаровский В.А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // Би. – Т. XXX. 2014. – С. 553–618.
- Горончаровский В.А. Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани. – Т. 1 / гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – М.: «Наука». 2010. – С. 218–235.
- Гошев Г. Към проблема за гробниците с полуцилиндричен свод в североизточна България // Хелис. – IV. – София. 2005. – С. 44–61.
- Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. – Вып. 34. 1950. 1950. – С. 7–18.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. / ред. Л.А. Гиндин. – М.: «Наука». 1984. – С. 47–66.
- Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР / отв. ред. В.Т. Пашуто. – М.: «Наука». 1976. – С. 6–20.
- Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1986. – М.: «Наука». 1988. – С. 6–175.
- Грач Н.Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. – Т. 24. 1984а. – С. 100–109.
- Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. – № 1. 1984б. – С. 81–88.
- Грач Н.Л. Нова пам'ятка елліністичного часу з Німфею // Археологія. – 57. 1987. – С. 81–94.
- Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. – Л.: «Наука». 1999. – 328 с.
- Грач Н.Л., Скуднова В.М. Древние греки на юге нашей страны. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1963. – 87 с.

- Гречко Д.С.* Курганы конца VI – середины V вв. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Старожитності. – Вып. 9. 2010а. – С. 116–135.
- Гречко Д.С.* Некоторые вопросы изучения архаического некрополя Ольвии Понтийской // Revista arheologică. – Vol. 1. – JNr. 2. 2010б. – С. 44–57.
- Гриневич К.Э.* Мраморный таманский саркофаг // ТСАРАНИОН. – Вып. IV. 1928. – С. 162–177.
- Гриневич К.Э.* Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н.э.) // АИБ. – I / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. – Симферополь: Крымиздат. 1952. – С. 129–147.
- Гринцер П.А.* Шапки // МНМ. – Т. II. 1982. – С. 636.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / отв. ред. А.И. Мелюкова. – М.: Институт археологии РАН. 1999. – С. 151–160.
- Гуревич П.С.* Социальная мирология. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». 1983. – 598 с.
- Гуревич П.С.* Философия культуры. – М.: Мысль. 1994. – 315 с.
- Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 2. 2007. – С. 75–92.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубово-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселова в Прикубанье // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – Труды ГИМ. – Вып. 70. 1989. – С. 71–141.
- Давыдова Л.И.* Живопись Этрурии и Боспора – два примера погребальных росписей // Этрурия и Средиземноморье. – Випперовские чтения. – Вып. 23. 1994. – С. 261–267.
- Далли О., Хьюи С., Ильяшенко С., Ларенок П., Ларенок В., Шунке Т., Шлеффель М., Шютт Б., ван Хооф Л.* Германо-российские раскопки на Дону. Результаты раскопок 2008–2010 гг. // Археологические записки. – Вып. 8. – Ростов-на-Дону. 2013а. – С. 5–92.
- Далли О., Аттула Р., Брюкнер Х., Кельтербаум Д., Ларенок П., Нееф Р., Шунке Т.* Греки на Дону: результаты германо-российских раскопок в Таганроге и его окрестностях (экспедиции 2004–2007 гг.) // КСИА. – Вып. 229. 2013б. – С. 140–180.
- Дашевская О.Д.* Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма / отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлёв. – Труды ГИМ. – № 118. 2001. – С. 87–97.
- Дашковский П.К., Мейкиан И.А.* Элита в социальном пространстве кочевого общества (теоретический и методологический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015. – С. 11–25.
- Денисова В.И.* Корoplastика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). – Л.: «Наука». 1981. – 171 с.
- Десятчиков Ю.М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира / отв. ред. М.М. Кобылина. – М.: «Наука». 1977. – С. 45–48.
- Десятчиков Ю.М.* К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. – Вып. 182. 1985. – С. 15–18.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. – М.: Индрик. 2001. – 135 с.
- Дмитриев В.А.* Кавказ как историко-культурный феномен. Вклад горцев Северного Кавказа в мировую культуру // Россия и Кавказ. История, религия, культура. – СПб: ЗАО Журнал «Звезда». 2003. – С. 85–107.
- Дмитриев В.А.* Рога амона, культ и фарр Киянидов (К вопросу о царских коронах Сасанидов) // ПИФК. – № 4. 2013. – С. 64–79.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / ред. А.А. Малышев. – М.: Гриф и К. 2009. С. 53–73.
- Димитрова Д.* Проблемы на тракийската архитектура в Долинита на владетелите // Проблемы и изследвания на тракийската култура. – Т. I. – Казанлък. 2006. – С. 114–128.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1957. – 201 с.

Литература

- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: «Наука». 1982. – 456 с.
- Доде З.В. Золотой шатёр и шатёр из золотых тканей: монгольские символы власти в кочевой и мусульманской традиции // Артефакты власти. – Stratum plus. – № 6. 2015. – С. 63–77.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья / ред. Ю.Г. Виноградов и др. – Севастополь. 1995. – С. 78–99.
- Дука А.В. Легитимация произвола как основная функция функционирования элит // Элиты и власть в российском социальном пространстве / ред. А.В. Дука. – СПб: Интерсоцис. 2008. – С. 7–28.
- Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М: «Наука». 1990. – 247 с.
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений. – Т. I. Тексты. – СПб: Издательский дом «Коло». 2010а. – 726 с.
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений. – Т. II. Иллюстрации. – СПб: Издательский дом «Коло». 2010б. – 310 с.
- Дюков Ю.Л. О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики / ред. В.М. Потчин. – Л.: «Аврора». 1977. – С. 156–160.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). – М.: «Наука». 1986. – 234 с.
- Егоров А.Б. Римская аристократия, её сущность и историческая роль // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. – Свято-Алексиевская Пустынь – СПб. – Вып. VII. 2014–2015. – С. 102–122.
- Емец И.А. Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. – М.: АСТ. 2002. – 222 с.
- Ерёменко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. – СПб: С-Петербургский университет. 1997. – 232 с.
- Ермолин А.Л. Склепы с уступчатым перекрытием первых веков н.э. на Боспоре // ДБ. – 11. 2007. – С. 106–126.
- Ермолин А.Л. К 10-летию работы Керченской охранно-археологической экспедиции // СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. – Вып. 1. – Москва-Киев: Ин-т археологии РАН. 2010. – С. 63–68.
- Ернштедт Е.В. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. – I. 1955. – С. 248–296.
- Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани / ред. А.М. Ждановский и И.И. Марченко. – Краснодар. 1990. – С. 102–116.
- Жебелёв С.А. Возникновение Боспорского государства // ИАН ООН. – № 10. 1930. – С. 799–820.
- Жебелёв С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. – ИГАИМК. – Вып. 70. 1933. – 36 с.
- Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953. – 388 с.
- Жиль Ф.А. Керчь и Таманский полуостров // Известия Императорского русского археологического общества. – Т. II. 1861. – С. 53–56.
- Журавлёв Д.В. Памятники греческого и римского периодов // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – Т. III. – М.: «Наука». 2010. – С. 296–326.
- Журавлёв Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауэр У. Боспор Кубанский // БЧ. – Вып. XII. – Взаимовлияние культур / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2011. – С. 106–114.
- Журавлёв Д.В., Кузнецов В.Д. Кепы // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов М.: «Наука». – Т. I. 2010. – С. 541–555.
- Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауэр У. Памятники северо-восточной части Таманского полуострова // Античное наследие Кубани – Т. I / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: «Наука». 2010. – С. 556–580.

- Журавлёв Д.В., Новикова Е.Ю.* Коллекция из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея // БФ: Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2009. – С. 132–134.
- Журавлёв Д.В., Шлотцауэр У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. – М.: Исторический музей. 2014. – С. 150–186.
- Завойкин А.А.* Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / ред. О.Л. Габелко. – Казань: Изд-во Казанского университета. 2000. – С. 249–268.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. – 4. 2001. – С. 150–181.
- Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города» // ДБ. – Suppl. I. / гл. ред. А.А. Масленников. – М. 2004. – 242 с.
- Завойкин А.А.* Об институте династических имён Спартокидов // ДБ. – 10. 2006. – С. 214–262.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / ред. С.Д. Крыжицкий и др. – Запорожье: Гуляй Поле. 2007. – С. 219–243.
- Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского оспора» (Diod. XII.31.1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению филологии, истории / ред. В.П. Яйленко. – М. 2011а. – С. 291–299.
- Завойкин А.А.* Монета синдов как источник по истории взаимоотношений греков и варваров // БЧ. – Вып. XII. – Взаимодействие культур / ред. В.Н. Зинько. Керчь. 2011б. – С. 118–124.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Боспорские исследования. – Supplementum 10. – Симферополь-Керчь. 2013. – 589 с.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства (Некоторые итоги и перспективы изучения) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2014. – С. 18–56.
- Завойкин А.А.* Верховная власть над территорией и собственность на землю на Боспоре в VI–II вв. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто / отв. ред. Е.А. Мельникова – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2015. – С. 101–106.
- Завойкин А.А., Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // БС. – № 4. 1994. – С. 43–47.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // ДБ. – Вып. 9. 2006. – С. 103–151.
- Загинайло А.Г.* Литые монеты царя Скила // Древнее Причерноморье / ред. Ю.Г. Виноградов. – Одесса: Изд-во Одесского ГУ. 1990. – С. 64–67.
- Зайцев Ю.П.* Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии) // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). Таманская старина. – Вып. 3. – СПб. 2000. – С. 52–54.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). – Симферополь: Универсум. 2003. – 210 с.
- Зайцев Ю.П.* Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н.э.) // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. – Ч. II / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 258–268.
- Зайцев Ю.П.* «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере поясной гарнитуры III–I вв. до н.э. // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2011. – С. 584–592.

Литература

- Зайцев Ю.П.* Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / отв. ред. Н.П. Тельнов. – Тирасполь: Приднестровский гос. университет. 2012а. – С. 55–66.
- Зайцев Ю.П.* Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / отв. ред. Н.П. Тельнов. – Тирасполь: Приднестровский гос. университет. 2012б. – С. 67–72.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* «Ногаичинский» курган в степном Крыму // ВДИ. – № 3. 2003. – С. 61–99.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Б.А. Раев. – Краснодар. 2004. – С. 174–204.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хеллстрём К.* Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногаичинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху. – Вып. I. – Бахчисарай: Издательство «Доля». 2013. – С. 44–59.
- Засецкая И.П.* О месте изготовления серебряной чаши с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. – Вып. IV. 1995. – С. 225–237.
- Засецкая И.П., Марченко И.И.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. – Вып. 32. 1995. – С. 90–104.
- Застрожнова Е.Г.* Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 г.: к истории открытия // РА. – № 2. 2012. – С. 166–168.
- Застрожнова Е.Г.* Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева) // БИ. – Т. XXX. 2014. – С. 469–481.
- Зеест И.Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. – № 4. 1974. – С. 82–97.
- Зеест И.Б.* К вопросу о городской планировке Гермонассы // История и культура античного мира / отв. ред. М.М. Кобылина. – М.: «Наука». 1977. – С. 54–61.
- Зелинский Ф.Ф.* Сфинкс // Аполлон. – № 2. 1916. – С. 1–7.
- Зинченко С.М.* Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (к вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа) // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. I / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 115–123.
- Зинько В.Н.* Актуальные вопросы ранней истории Тиритаки // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2013. – С. 57–61.
- Зинько В.Н.* Тиритака. Т. II. Раскоп XXVI // БИ. – Supl. 11 / отв. ред. С.Д. Крыжицкий. – Симферополь-Керчь: ТОВ «Оранта Арт Бук». 2014. – 591 с.
- Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н.э. – М.: «Наука». 1971. – 265 с.
- Зограф А.Н.* Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОАМ. – I. 1945. – С. 35–99.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. – МИА. – № 16. 1951. – 262 с.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономического развития // БИ. – Т. XII. 2006. – 304 с.
- Зуев В.Ю.* Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза / ред. В. М. Массон. – СПб. 1994. – С. 90–94.
- Зуев В.Ю.* Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху / ред. А.Ю. Алексеев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1996. – С. 54–68.
- Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva «конь» // Проблемы истории языков и культуры древней Индии. – М: «Наука». 1974. – С. 75–138.

- Иванов В.В.* Конь // МНМ. – Т. I. 1980. – С. 666.
- Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. – СПб: «Алетейя». 1994. – 343 с.
- Иванова А.П.* Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИА. – Вып. 39. 1951. – С. 27–34.
- Иванова А.П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. университета. 1953. – 191 с.
- Иванова А.П.* Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. – Т. II. 1958. – С. 94–109.
- Извлечение. Извлечение из всеподданнейшего отчёта об археологических разысканиях в 1853 году. – СПб: Типография Академии наук. 1855. – 190 с.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. – Киев: Наукова думка. 1975. – 221 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев: Наукова думка. 1983. – 379 с.
- Иорданский В.Б.* Хаос и гармония. – М.: «Восточная литература». 1982. – 343 с.
- Иорданский В.Б.* Звери, люди, боги. – М. «Восточная литература». 1991. – 319 с.
- Итина М.И.* Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. /отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: «Наука». 1992. – С. 31–47.
- Казакевич Э.Л.* К полемике о восстании Савмака // ВДИ. – № 1. 1963. – С. 57–70.
- Казаров С.С.* Царь Пирр: опыт сакрализации власти // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. – С. 90–94.
- Казиев Ш.М., Карнеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. – М.: Молодая гвардия. 2003. – 464 с.
- Калашиник Ю.П.* Золото Боспора // Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V – IV веков до н.э. – СПб: АО «Славия». 1995. – С. 259–271.
- Калашиник Ю.П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. – 279 с.
- Каллистов Д.П.* Этюды из истории Боспора в римский период. I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим // ВДИ. – № 2(3). 1938а. – С. 276–286.
- Каллистов Д.П.* Этюды из истории Боспора римского времени // ВДИ. – № 4(5). 1938б. – С. 174–183.
- Каллистов Д.П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. – № 2. 1940. – С. 65–77.
- Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1949. – 287 с.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: «Наука». 1989. – С. 224–251.
- Каменецкий И.С.* К датировке Семибратнего городища // МИАК. – Вып. 3. 2003. – С. 67–76.
- Канторович А.Р.* О некоторых предметах конского снаряжения из городища Чайка // Материалы исследований городища Чайка в Северо-Западном Крыму / отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова. – М: Изд-во МГУ. 2007. – С. 252–265.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция (рукопись докторской диссертации). – Т. 1. – М. 2015. – 1724 с. // http://archaeolog.ru/media/dissovet/Kantor_diss.
- Капошина С.И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. – № 50. 1956. – С. 154–189.
- Карабущенко П.Л.* Античная политическая философия: афинская школа теории элит. – Астрахань: Изд-во Астрахан. филиала МОС. 1997. – 129 с.
- Карабущенко П.Л.* Антропологическая элитология. – Москва-Астрахань: Изд-во Астрахан. филиала МОСУ. 1999. – 230 с.
- Карасёв А.Н.* Архитектура (краткий очерк) // АГСП. – I. 1955. 1955. – С. 188–214.
- Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. Перев. с итал. – М.: Прогресс. 1987. – 360 с.

Литература

- Карейша Д.В.* Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. – Т. I. 1844. – С. 609–620.
- Карейша Д.В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапеи, Фанагории и Херсонеса // ЖМНП. – Ч. 16. 1846. – С. 284–310.
- Карпюк С.Г.* Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. – № 3. 2012. – С. 58–67.
- Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // МАСП. – Вып. 3. 1960. – С. 57–100.
- Карышковский П.О.* Новые данные о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. И.Т. Черняков. – Киев: Наукова думка. 1984. – С. 78–89.
- Карышковский П.О.* Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвящённого памяти А.И. Тереножкина / отв. ред. Е.Н. Черненко. – Ч. I. – Кировоград: Маловисковская типография. 1987. – С. 66–68.
- Карышковский П.О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Одесса: Изд-во «Одесса». 2003. – 697 с.
- Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. – № 69. 1959. – С. 257–295.
- Кауфман С.А.* Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры. – Вып. 6. 1947. – С. 1–32.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. – Вып. XVIII. 2007. – 474 с.
- Кашаев С.В.* Погребения с оружием в некрополе Артющенко 2 // БЧ. – IX. – Militatia / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2008. – С. 128–138.
- Кашаев С.В.* Лекифы из некрополя Артющенко 2 // БФ: Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2009а. – С. 247–235.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артющенко-2 // БИ. – Т. XXII. 2009б. – С. 188–267.
- Кашаев С.В.* Золотые украшения из некрополя Артющенко 2 // ЗИИМК. – № 5. 2010. – С. 139–147.
- Кашаев С.В.* О хронологии погребальных комплексов некрополя Артющенко 2 // БФ: греки и варвары на Азиатском перекрестке / отв. ред. В.А. Хршановский. – СПб.: Нестор-История. 2013а. – С. 82–86.
- Кашаев С.В.* Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // РАЕ. – № 3. 2013б. – С. 360–409.
- Кирилин Д.С.* Трёхбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. – Л.: «Наука». 1968. – С. 178–188.
- Китов Г.* Тракийските могили // Thracia. – 10. 1993. – С. 39–80.
- Китов Г.* Славчева могила край с. Розовр, Казанлъшко (Монументална тракийска гробница) // Археология. – № 1. 1996. – С. 1–9.
- Китов Г.* Тракийски могили храмове // Проблемы и исследования на тракийската култура. – Т. I. – Казанлък. 2006. – С. 82–113.
- Китов Г.* Царска тракийска гробница-мавзолей край Шипка в Казанлъшко, южна България // Thracia. – 19. 2011. – С. 177–186.
- Китов Г.* Долината на тракийските владетели. – Варна: Изд-во «Славена». 2005. – 99 с.
- Клейн Л.С.* Археологические признаки миграций (IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Чикаго, 1973. Докл. сов. делегации). – М. 1973. – 17 с.
- Климов О.Ю.* Полисная демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Проблемы античной демократии / ред. Э.Д. Фролов. СПб. 2010. – С. 311–340.
- Клочко Л.С.* Реконструкція скіфських головних жіночих уборів (за матеріалами Червоноперекіпських курганів) // Археологія. – Вип. 31. 1979. – С. 16–28.
- Клочко Л.С.* Отражение социальной функции скифского костюма в археологических материалах // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов

- Республиканской конференции молодых учёных / отв. ред. В.Ф. Генинг. – Киев : Наукова думка. 1981. – С. 64–65.
- Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1982а. – С. 118–130.
- Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / отв. ред. В.Д. Баран. – Киев: Наукова думка. 1982б. – С. 37–58.
- Клочко Л.С. Скiфський жiночий костюм. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – Киiв. 1992. – 21 с.
- Клочко Л.С. Скiфський дитячий костюм // Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва iз колекцiй Музею Iсторичних коштовностей України / ред. Н.Г. Ковтанюк. – Киiв: Наукова думка. 1993. – С. 28–50.
- Клочко Л.С. Про один скiфський звичай // Музейнi читання. ТД НК Музею iсторичних коштовностей України – фiлiалу Нацiонального музею iсторiї України. Грудень 1993 р. / ред. Л.С. Клочко – Киiв: Наукова думка. 1995. – С. 21–23.
- Клочко Л.С. Зооморфнi образи в декорi скiфських головних уборiв V–IV ст. до н.е. // Музейнi читання: Матерiали наук. конф. 24 груд. 1999 р. – Киiв: Наукова думка. 2000. – С. 23–28.
- Клочко Л.С. Антропоморфнi образи в оздобах скiфських головних уборiв // Музейнi читання. Матерiали наук. конф. «Ювелiрне мистецтво – погляд крiзь вiки». 5-6 грудня 2005 р. – Киiв: Наукова думка. 2006. – С. 64–75.
- Клочко Л.С. Чоловiчi головнi убори на землях Скiфiї // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого / ред. С.С. Бессонова. – Киев-Полтава. 2009. – С.167–183.
- Клочко Л.С., Васина З. Новые материалы для реконструкции скифских головных уборов // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников Двенадцатого коллоквиума 3–10 апреля 2003 г. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003. – С. 44–49.
- Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до. н.э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / ред. Д.Я. Телегин – Киев: Наукова думка. 1982. – С. 86–96.
- Книпович Т.Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // АГСП. – I. – М.- Л. : Изд-во АН СССР. 1955. – С. 356–391.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. – № 57. 1956. – С. 5–104.
- Кобылина М.М. Исследования Фанагории в 1959-1960 и 1961 гг. // СА. – № 4. 1963. – С. 129–138.
- Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. – Вып. 116. 1969. – С. 98–104.
- Кобылина М.М. Архитектура // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: «Наука». 1984. – С. 207–209.
- Коваленко С.А., Толстиков В.П. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. – № 4. 2010. – С. 23–50.
- Ковачев А.Н. Символы власти и их интерпретация в различных культурах // Антропология власти. – Т. I. – Власть в антропологическом дискурсе. – СПб. 2006. – С. 249–273.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. – Киев.: Наукова Думка. 1989. – 331 с.
- Кожухаров Г. Вклад фракийцев в историю строительной техники // Thracia. – Т. III. 1974. – С. 333–335.
- Козловская В.И. Ионийская колонизация Западного Средиземноморья VIII – VI вв. до н.э. Автореф. дисс. ... докт. историч. наук. – М. 1990. – 44 с.
- Козуб Ю.И. Некрополь Ольвii. – Киiв: Наукова Думка. 1974. – 183 с.
- Койнова-Мечкуева С. Двете тракийски гробници – Казанлъшката и тази край Свещарию. Опыт за сравнение // Хелис. – Т. V. – София. 2006. – С. 95–112.
- Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX–VII вв. до н.э.). – Л.: Изд-во ЛГУ. 1951. – 336 с.
- Колобова К.М. Возникновение и развитие Афинского государства (X–VI вв. до н.э.). – Л.: Изд-во ЛГУ. 1958. – 49 с.

Литература

- Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1961. – 374 с.
- Колосовская Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщины в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. – М.: «Наука». 1995. – С. 142–155.
- Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье (курганы 11–13 у с. Астанино) // ДБ. – 11. 2007. – С. 214–224.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. – Запорожье: АН Украины, Запорожский гос. университет. 1994. – 122 с.
- Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3 // Таврические студии. Исторические науки. – № 6. 2014. – С. 66–73.
- Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Перев. с англ. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2000. – 320 с.
- Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. – № 1. 1972. – С. 147–159.
- Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торговля / отв. ред. Н.Л. Грач). – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1986. – С. 28–63.
- Копылов В.П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII в. – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время / гл. ред. В.П. Копылов. – Ростов-на-Дону. 2009. – С. 28–38.
- Копылов В.П. О времени распространения импортной греческой керамики архаического времени на островной части дельты Дона // БФ: греки и варвары на Евразийском перекрестке / отв. ред. В.А. Хршановский. – СПб: Нестор-История. 2013. – С. 33–40.
- Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. – № 2. 1957. – С. 174–187.
- Коровина А.К. Некрополи Синдики в VI–II вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М. 1964. – 19 с.
- Коровина А.К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы. – СГМИИ. – Вып. 8. 1987а. – С. 137–146.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ – Вып. 8. 1987б. – С. 3–70.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ – Вып. 8. 1987. – С. 3–70.
- Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. – Вып. 32. 1995. – С. 77–89.
- Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. – Вып. 36. 2003. – С. 28–59.
- Королькова Е.Ф. Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / ред. А.Г. Фурасев. – СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. – С. 11–28.
- Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. – Вып. 3. – СПб. 1994. – С. 102–109.
- Кошеленко Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / отв. ред. А.В. Подосинов. – М.: «Восточная литература». 1999. – С. 130–141.
- Кошеленко Г.А., Усачева О.М. Гілон і Кепи // Археологія. – № 2. 1992. – С. 51–57.
- Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / ред. В.А. Попов. – М.: «Восточная литература». 1995. – С. 11–61.
- Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М.: Ладомир. 2001. – 213 с.
- Крадин Н.Н. Элиты в обществах кочевников Внутренней Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015. – С. 26–36.

- Крапивина В.В.* Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. – Труды ГИМ. – Вып. 159. 2006. – С. 188–198.
- Кругликова И.Т.* Анапа – 2500 лет. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство. 1987. – 112 с.
- Крушкoл Ю.С.* Древняя Синдика. – М.: Моск. обл. педагог. ин-т. 1971. – 252 с.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка. 1993. – 244 с.
- Крыжицкий С.Д.* Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // АВ. – № 9. 2002. – С. 208–221.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях. – Симферополь-Керчь: СПД ФО Озарків А.М. 2012. – 381 с.
- Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей. 1993. 331 с.
- Куббель Л.Е.* Элита // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. I]. Социально-экономические отношения и социально-нормативная культура / ред. Ю.В. Бромлей. – М.: «Наука». 1986. – С. 224.
- Кубланов Л.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. – Вып. 159. 1979. – С. 90–97.
- Кузина Н.В.* К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2011. – С. 649–654.
- Кузнецов В.Д.* Кель: ионийская керамика // СА. – № 4. 1991. – С. 36–52.
- Кузнецов В.Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ. – № 1. 2000а. – С. 16–40.
- Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. – № 1. 2000б. – С. 107–120.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория и её метрополия // Таманская старина. – Вып. 3 / отв. ред. С.Л. Соловьёв, Г.Р. Цецхладзе. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2000в. – С. 30–32.
- Кузнецов В.Д.* Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. – Вып. 4. 2001. – С. 237–253.
- Кузнецов В.Д.* Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. – Вып. 14. 2004. – С. 94–123.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. – № 2. 2007. – С. 5–15.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – Т. I. – М.: «Наука». 2010. – С. 430–469.
- Кузнецов В.Д.* Заметки по греческой колонизации Боспора // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. – Ростов-на-Дону: ИП Лавор И.Н. 2013а. – С. 127–131.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория: некоторые итоги исследований // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1. Материалы по археологии и истории Фанагории / ред. В.Д. Кузнецов. – Вып. 1. М.: Историко-культурное наследие Кубани. 2013б. – С. 12–41.
- Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б.* Дидимы, Милет и милетские колонии: из истории взаимоотношений // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. – Т. II. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 35–41.
- Кузнецова Т.М.* Священные чаши скифов // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. – Суздаль. 1987. – С. 138–139.
- Кузнецова Т.М.* Скифские ритуальные сосуды // КСИА. – Вып. 194. 1988. – С. 17–23.
- Кузнецова Т.М.* Исторические персонажи и скифские курганы // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. – Ч. 2. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 141–150.
- Кузнецова Т.М.* Загадки Темир-Горы // БФ: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. – Ч. 2 / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2002. – С. 79–90.
- Кузнецова Т.М.* Скифские котлы (сакральный маркер космоса) // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. 2. 2007. – С. 239–243.

Литература

- Кузьмин Ю.Н. Аристократия Берио в эпоху эллинизма. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. 2013. – 176 с.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1977. – С. 96–120.
- Кузьмина Е.Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир / ред. Б.Н. Пяткин. – Новосибирск: «Наука». 1987. – С. 3–12.
- Кулакова А.П. Эволюция потестарной терминологии поздних Спартокидов // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. – С. 186–191.
- Кулакова А.П. Клазомены и Северное Причерноморье // Мнемон. – Вып. 2. 2003. – С. 297–306.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. – Київ: «Гротеск». 2010. – 198 с.
- Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. – СПб: Гос. Эрмитаж, издательство «АРС». 1997. – 428 с.
- Кунина Н.З. Стекланные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея // Античное Причерноморье / науч. ред. С.Л. Соловьёв. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2000. – С. 186–191.
- Куприй С.А. Украшения погребальной повозки из Огуза // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых. – Киев: Наукова думка. 1981. – С. 61–62.
- Курбатов А.А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII–VII вв. до н.э. // Античная гражданская община / отв. ред. И.С. Свенцицкая. – М. 1986. – С. 3–29.
- Курбатов А.А. Военное значение аристократии в архаической Греции // АМА. – Вып. 7. 1990. – С. 3–14.
- Курбатов А.А. Аристократический культ героя в Древней Греции. – Астрахань. 1992. – 87 с.
- Курбатов А.А. Аристократия в социально-экономическом развитии архаической Греции. – Астрахань: Изд-во Астраханского педагогического института. 1994. – 67 с.
- Курочкин Г.Н. Богиня с зеркалом и герой с секирой // Скифия и Боспор / ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск. 1993. – С. 68–79.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Археологическое исследование нового херсонесского поселения на северном берегу Сассык-Сивашского озера в Крыму // Таврійські студії. Историчні науки. – № 1(4). 2013а. – С. 100–105.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Ортли. Античная усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Материалы к археологической карте Крыма. – Вып. XI, ч. 2. – Симферополь: Изд-во «Феникс». 2013б. – 272 с.
- Кычанов Е.И. История пограничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). – СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 2010. – 364 с.
- Ладынин И.А. Ещё раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // ДБ. – 11. 2007. – С. 235–252.
- Ланцов С.Б. Результаты исследования Кульчукского городища (IV в. до н.э. – I в. н.э.) на хоре Херсонеса Таврического // СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. – Вып. 1. – Москва-Киев: Ин-т археологии РАН. 2010. – С. 142–151.
- Ланцов С.Б. Общая характеристика Кульчукского городища на хоре Херсонеса // БЧ. – XIV. – Проблемы урбанизации / ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Керчь. 2012. – С. 288–293.
- Лалин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. История, религия, культура / ред. А.А. Гордин. – СПб: ЗАО Журнал «Звезда». 2003. – С. 5–16.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуаш. МАР. – Вып. 13. 1894. – 192 с.
- Латышев В.В. ПОНТИКА. Сборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, кавказских и греческих поселений на побережье Чёрного моря. – СПб.: Издание Императорской АН. 1909. – 438 с.

- Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. – СПб: «Алетейя». 1997. – 319 с.
- Лебедева Г.* У истоков ордерной композиции // Искусствознание. – № 1. 1999. – С. 21–38.
- Леблон Г.* Психология народов и масс. Перев. с франц. – СПб: Макет. 1995. – 311 с.
- Леви Е.И., Карасёв А.Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья // АГСП. – I. 1955. – С. 215–247.
- Лесков А.М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. – № 1. 1968. – С. 158–165.
- Лесков О.М.* Скарби курганів Херсонщини. – Київ: Наукова думка. 1974. – 126 с.
- Лесков А.М.* «Майкопские сокровища» в музеях Германии и США // Античное наследие Кубани / гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – Т. 3. – М.: «Наука». 2010. – С. 500–526.
- Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. – № 1. 1991. – С. 12–26.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. – М.: Учпедгиз. 1957. – 620 с.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. – Кн. II. – М.: Искусство. 1994. – 604 с.
- Лосева Н.М.* Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи // СГМИИ. – Вып. 7. 1984. – С. 125–132.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. – М.: «Наука». 1987. – 296 с.
- Макиавели Н.* Государь. История Флоренции. – М.: ЭКСМО. 2010. – 429 с.
- Макимова М.И.* Резные камни // АГСП. – I. 1955. – С. 437–445.
- Макимова М.И.* О дате Артюховского кургана // СА. – № 3. 1960. – С. 46–58.
- Макимова М.И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. – Вып. 83. 1961. – С. 15–20.
- Макимова М.И.* Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. – Т. VII. 1962. – С. 122–132.
- Макимова М.И.* Ещё раз о дате Артюховского кургана // СА. – № 2. 1967. – С. 240–242.
- Макимова М.И.* Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. – Вып. 116. 1969. – С. 55–58.
- Макимова М.И.* Артюховский курган. – Л.: Искусство. 1979. – 150 с.
- Мальшев А.А.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III вв. до н. э. // ДБ. – 3. 2000. – С. 104–130.
- Мальшев А.А., Гольева А.А., Спиридонова А.А., Алешинская А.С., Кочнова М.Д.* Опыт реконструкции палеоландшафта приморской части полуострова Абрау (Краснодарский край): по материалам отложений в устье Лобановой щели // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 4(60). 2014. – С. 92–105.
- Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М: «Наука». 1978. – 128 с.
- Манцевич А.П.* К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // СА. – № 2. 1949. – С. 196–220.
- Манцевич А.П.* Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. – Т. XIII. 1950. – С. 217–238.
- Манцевич А.П.* О пластине из кургана Карагодеуашх // АСГЭ. – № 6. 1964. – С. 128–138.
- Манцевич А.П.* Горит из кургана Солоха // ТГЭ. – Т. VII. 1962. – С. 107–121.
- Манцевич А.П.* К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья // Studia Thracica. – София. 1975. – С. 112–125.
- Манцевич А.П.* Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ. – № 3. 1980. – С. 153–167.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. – Л: Искусство. 1987. – 143 с.
- Маразов И.Р.* Иконография Древней Фракии. Избранные лекции ГУП. – Вып. 50. – СПб. 2006. – 103 с.
- Маразов И.* Костите в погребението // Thracia. – XVIII. 2009. – С. 43–55.
- Марсадолов Л.С.* Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ. – Вып. 28. 1987. – С. 30–37.
- Мартынов А.К.* Золотые серьги из могильника Дорт-Оба // СГЭ. – Вып. 57. 1997. – С. 36–38.

Литература

- Марченко И.Д. Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея. – КСИА. – Вып. 89. 1962. – С. 121–133.
- Марченко И.Д. Местная расписная керамика из Пантикапея // СА. – № 2. 1967. – С. 146–154.
- Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров / отв. ред. М.М. Кобылина. – САИ. – Вып. Г1-11. 1974. – С. 31–35.
- Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). – Краснодар. 1996. – 236 с.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. – М.: Палеограф. 2000. – 354 с.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. – М.: «Наука». 1981. – 123 с.
- Масленников А.А. Полемон I и Боспор // БС. – Вып. 6. 1995. – С. 158–167.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. – М.: Индрик. 1998. – 299 с.
- Масленников А.А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нём // ДБ. – Т. 4. 2001. – С. 291–323.
- Масленников А.А. Древние земляные пограничные сооружения Восточного Крыма. – Тула: Гиф и К. 2003. – 280 с.
- Матье М.Э., Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Луконин В.Г. Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. – М.: Искусство 1968. – 96 с.
- Махортых С.В. Вооружение «амазонок» Степной Скифии // Восточноевропейские древности скифской эпохи / отв. ред. А.Н. Ворошилов. – Воронеж: «Воронеж». 2011. – С. 37–53.
- Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье / ред. В.Г. Луконин. – Л.: Аврора. 1978. – С. 131–150.
- Мачинский Д.А. Скифия и Боспор: от Аристеев до Волошина // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск. 1993. – С. 6–27.
- Мельников О.Н. Боспорская государственность VI – начала IV вв. до н.э. по данным нумизматики // БЧ. – IV / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2003. – С. 174–183.
- Мельников О.Н. Метрология монет Боспора второй половины VI – начала IV вв. до н.э. // Stratum plus. – № 6. 2005. – С. 320–355.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. Д1– 4. 1964. – 91 с.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М.: «Наука». 1979. – 256 с.
- Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / ред. Б.А. Рыбаков и др. – М.: «Наука». 1989. – С. 92–100.
- Миков В. 1955. Произходят на куполните гробници в Тракия // Сборник Гаврил Кацаров. – ч. II. – Известия на Археологически институт на Българска Академия на науките. – XIX. – София. С. 15–48.
- Миллс Р. Властвующая элита. Перев. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы. 1959. – 542 с.
- Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. – № 3. 1977. – С. 79–94.
- Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. – №1. 1980. – С. 30–45.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // С А. – № 4. 1981. – С. 46–69.
- Мирошина Т.В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. – Вып. 174. 1983. – С. 110–117.
- Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. – № 1. 2000. – С. 107–114.
- Мозер Г. В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера // Русская старина. – Т. 57. 1888. – С. 605–626.

- Мозолецький Б.М.* Товста Могила. – Київ: Наукова думка. 1979. – 248 с.
- Мозолецький Б.М., Білозір В.П., Василенко В.А.* Дослідження Соболевої могили // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. – Луцьк. 1993. – С. 71–72.
- Мозолецький Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. – Киев: Наукова думка. 2005. – 600 с.
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. – Н. Новгород: Нижегородский гос. университет. 1994. – 136 с.
- Молев Е.А.* Об аспургианах у Страбона // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1995. – С. 60–63.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. 1997. – 118 с.
- Молев Е.А.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // Из истории античного общества. – Вып.6. – Н. Новгород. 1999а. – С. 64–80.
- Молев Е.А.* О времени установления статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: Изд-во БГУ. 1999б. – С. 85–91.
- Молев Е.А.* Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001а. – С. 58–66.
- Молев Е.А.* О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев. 1997) // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001б. – С. 29–33.
- Молев Е.А.* Эллыны и варвары. На северной окраине античного мира. – М.: Центрполиграф. 2003. – 398 с.
- Молев Е.А.* Персия и Боспор в VI–IV вв. до н.э. // Научный сборник Керченского музея. – Вып. I. – Керчь. 2006. – С. 275–285.
- Молев Е.А.* О характере взаимоотношений полисов Боспора в VI в. – начале V в. до н.э. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху/ отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2008. – С. 88–94.
- Молев Е.А.* Боспор до Археанактидов (о характере взаимоотношений полисов Боспора) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифоантичное и хазарское время/ ред. В.П. Копылов. – Ростов-на-Дону: ООО Медиа-Полис. 2009. – С. 39–46.
- Молев Е.А.* Савмак – кто же всё-таки он? // Крым в сарматскую эпоху. – Вып. I. – Бахчисарай: Изд-во «Доля». 2013. – С. 8–13.
- Молев Е.А.* О хронологии правления архонта Гиgienонта // БЧ. – XV. – Актуальные проблемы хронологии / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Керчь. 2014. – С. 280–283.
- Молев Е.А., Шестаков С.А.* Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж – Белгород: Воронежский гос. педагогический институт / ред. Тройно Ф.П. и др. 1991. – С. 74–101.
- Момзен Т.* История Рима. – II. – От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб: «Наука», «Ювента». 1994. – 334 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета. 1999. – 679 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. – Москва: Изд-во Киммериды; Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета. 2003. – 352 с.
- Мордвинцева В.И.* Декоративные пластины из Бобуеуча // РА. – № 2. 2001. – С. 108–114.
- Мордвинцева В., Трейстер М.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. – Симферополь-Бонн: Тарпан. – Т. 1. – 308 с., Т. 2. – 255 с., Т. 3. 2007. – 204 с.
- Моруженко А.О.* Скифський курган Передерієва могила // Археологія. – № 4. 1992. – С. 67–75.
- Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. – № 10. 1994. – С. 187–198.

Литература

- Мошинская В.И. О государстве синдов // ВДИ. – № 3. 1946. – С. 203–208.
- Мошкова М.И. Памятники прохоровской культуры. САИ. – Вып. Д1-10. 1963. – 56 с.
- Муратова М.Б., Толстиков В.П. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI в. – первой половине V в. до н.э. // ВДИ. – № 1. 2013. – С. 176–193.
- Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. – Ч. 13. 1837. – С. 625–691.
- Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев: Наукова Думка. 1984. – 133 с.
- Мурзин В.Ю. О погребениях скифских номархов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015. – С. 61–71.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. – Вып. XV. / отв. ред. Л.В. Кузнецова. – Самара: ООО «Офорт». 2010. – С. 87–100.
- Нарта М. Теория элит и политика. К критике элитаризма. Перев. с чешск. – М.: Прогресс. 1978. – 236 с.
- Неверов О.Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. – № 1. 1968. – С. 235–239.
- Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Изд-во Аврора. 1973. – С. 51–61.
- Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. – № 1. 1974. – С. 106–115.
- Неверов О.Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. – Т. XVII. 1976. – С. 166–182.
- Неверов О.Я. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. – М.: «Наука». 1978а. – С. 163–210.
- Неверов О.Я. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1978б. – 16 с.
- Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика / ред. Н.Л. Грач. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1986. – С. 17–27.
- Неверов О.Я. Античные камни в собрании Эрмитажа. – Л.: Искусство. 1988. – 189 с.
- Немировский А.И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание Савмака // Византиноведческие этюды / ред. Т.В. Гамкрелидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1978. – С. 63–70.
- Нестеренко Н.Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. – № 2. 1987. – С. 74–84.
- Нефёдов К.Ю. Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2014. – С. 239–257.
- Никитюк Е.В. Институт проксении в межполисных отношениях в классической Греции // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. – С. 54–58.
- Никулин В. К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра // МАСП. – Вып. I. 1957. – С. 85–90.
- Новичихин А.М. Население западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. – Анапа: РИО СГУТ и КД. 2006. – 220 с.
- Новичихин А.М. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики / ред. А.А. Малышев. – М.: Гриф и К. 2010. – С. 191–203.
- Новичихин А.М. К предыстории скифо-синдских отношений // ВДИ. – № 2. 2014а. – С. 98–108.
- Новичихин А.М. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов / ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. – Нальчик: Изд-во Отдела КБИГИ РАН. 2014б. – С. 110–121.

- Новичихин А., Галут О. Золото Горгииппии. – Анапа-Краснодар: Платонов. 2013. – 96 с.
- Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. – № 4. 1977. – С. 108–128.
- Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. – № 4. 1982. – С. 61–81.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М.: «Наука». 1991. – 256 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. – М.: «Наука». 1994. – 185 с.
- Онайко Н.А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира / ред. А.И. Болтунова. – М.: «Наука». 1966. – С. 158–173.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. – Вып. Д1-27. 1970. – 213 с.
- Онайко Н.А. Заметки о технике боспорской торевтики // СА. – № 3. 1974. – С. 78–86.
- Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. – М.: «Наука». 1980. – 176 с.
- Орех Е.А. Перспективы изучения элит в рамках социологии вещей // Элиты и власть в российском социальном пространстве / ред. А.В. Дука. – СПб: Интерсоцис. 2008. – С. 29–40.
- Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. – Т. II. 1922. – С. 113–138.
- Ортега-и Гассет Х. Восстание масс. Перев. с исп. – М.: Изд-во АСТ Ермак. 2005. – 269 с.
- Охотский Е.В. Политическая элита. – М.: Луч. 1993. – 91 с.
- Охотский Е.В. Политическая элита и российская действительность. – М.: Изд-во Российской акад. гос. службы. 1996. – 137 с.
- Павличенко Н.А. К вопросу о времени бытования предлога ЕПН в гераклейских клеймах // Греческие амфоры / ред. В.И. Кац, С.Ю. Монахов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1992. – С. 138–147.
- Павличенко Н.А. Две новых надписи из Нимфея // БФ: греческая культура на периферии античного мира / отв. ред. В.А. Хршановский. – СПб: Синтез-Полиграф. 1999. – С. 186–188.
- Папанова В.А. Амфоры в поминальном и погребальном обряде некрополя Ольвии // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / ed. V. Cojocaru. – Iași: Trinitas. 2005. – P. 221–235.
- Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. – Т. 1. 1998. – С. 216–225.
- Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. – Вып. 3. 2000. – С. 72–75.
- Паромов Я.М. Курганные погребения Гермонассы // ДБ. – Вып. 5. 2002. – С. 192–206.
- Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. – Вып. 7. 2004. – С. 309–316.
- Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. – № 4. 1987. – С. 44–58.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. – М.: «Восточная литература». 1994. – 206 с.
- Передольская А. А. Фанагорийские фигурные вазы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1936. – 14 с.
- Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. – I. 1945. – С. 47–67.
- Передольская А.А. К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре // ТГЭ. – Т. II. 1958. – С. 55–61.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. – Т. VII. 1962. – С. 46–92.
- Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного времени / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Аврора. 1971. – С. 45–56.
- Передольская А.А. Аттический лекиф из VII Семибратнего кургана // Памятники античного прикладного искусства / ред. К.С. Горбунова. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1973. – С. 62–70.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии в VII–III вв. до н.э. / ред. Б.А.Рыбаков. – САИ. – Вып. Д4-5 1978. – 141 с.

Литература

- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб: Нестор-История. 2010. – 314 с.
- Подосинов А.В. Образование Боспорского государства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2014. – С. 123–140.
- Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурносемиотические исследования в археологии. – Т. 3. – Донецк. 2006. – С. 291–302.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – Киев: Институт археологии АН Украины. 1992. – 201 с.
- Понделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавк. академии гос. службы. 1998. – 123 с.
- Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции / ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ им. Петра Великого. 1996. – С. 9–14.
- Потестарность. 1997. Потестарность. Генезис и эволюция / отв. ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ. – 212 с.
- Придик Е.М. Новые кавказские клады // МАР. – Вып. 34. 1914. – С. 94–110.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. – Т. XXVII. 1971. – С. 23–67.
- Пругло В.И. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года. – Одесса. 1963. – С. 72–78.
- Пругло В.И. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. – № 3. 1974. – С. 64–77.
- Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира / отв. ред. М.М. Кобылина. – М.: «Наука». 1977. – С. 177–182.
- Прушевская Е.О. Художественная обработка металла // АГСП. – I. 1955. – С. 325–355.
- Пузровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь: Бизнес-Информ. 2007. – 480 с.
- Пятьшева Н.В. Таманский саркофаг. – М.: Главполиграфиздат. 1949. – 36 с.
- Пятьшева Н.В. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / ред. С.М. Орешников. – М.: «Советская Россия». 1971. – С. 89–109.
- Рабаджиев К. Гробнице в Тракия: мавзолеи, храмовые, хероони? Часть I // Археология. – Кн. 1. 2011а. – С. 44–60.
- Рабаджиев К. Гробнице в Тракия: мавзолеи, храмовые, хероони? Часть II // Археология. – Кн. 2. 2011б. – С. 25–31.
- Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – Т. I. 1941. – С. 99–171.
- Раев Б.А., Симоненко А.В. «Странные комплексы» от эпохи Латена до Могилы неизвестного солдата // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. – Ч. II / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 268–272.
- Раевский Д.С. Очерк идеологии скифо-сакских племён. – М.: «Наука». 1977. – 216 с.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. – М.: Язык славянских культур. 2006. – 299 с.
- Райс Т. Скифы. – М.: Центрполиграф. 203. – 223 с.
- Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II в. до н.э. из Весёлой Долины // МИАК. – Вып. 2. 2002. – С. 78–95.
- Рогов Е.Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. – Вып. 182. 1985. – С. 45–50.
- Рогов Е.Я. Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // БФ: Погребальные памятники и святилища. – Ч. I / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2002. – С. 25–42.

- Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец 2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном надпорожье. – Днепропетровск: Пороги. 2009. – 251 с.
- Ростовцев М.И. Пиксида расписного склепа Васюринской горы // ЗООИД. – Т. 30. 1912. – С. 136–150.
- Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. – Вып. 49. 1913. – С. 1–62.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб. 1913–14. – 537 с.
- Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Императорского московского археологического общества. – Т. 25. 1916. – С. 1–23.
- Ростовцев М.И. Эллинистическое и иранское искусство на юге России. – Петроград: Огни. 1918а. – 190 с.
- Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. – МАР. – Вып. 37. 1918б. – 102 с.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – (Л.). 1925. – 621 с.
- Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского государства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. – № 2. 1989. – С. 183–197.
- Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России // ВДИ. – № 2. 1990. – С. 192–200.
- Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // СКΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. – ПАВ. – № 5. 1993. – С. 39–56.
- Ростовцев М.И., Степанов П.К. Эллино-скифский головной убор // ИАК. – Вып. 63. 1918. – С. 69–101.
- Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИАК. – Вып. 45. 1912. – С. 104–110.
- Рунг Э.В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. – Казань: Казанский гос. университет. 2005. – 209 с.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – Киев: Наукова думка. 1992. – 256 с.
- Русяева А.С. Курганы Ольвии как символ её славы и сакральной охраны // АВ. – № 7. 2000. – С. 106–111.
- Русяева А.С. Горгонейоны на произведениях торевтики из скифских курганов // БЧ. – III / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2002. – С. 216–218.
- Русяева А.С. Феб Аполлон на Боспоре // БЧ. – Вып. IV / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2003. – С. 225–228.
- Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-исторические контакты и взаимодействия). – Киев-Комсомольск: археология. 2003. – 319 с.
- Рябова В.А. Деревянные чаши с оковками из скифских курганов // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых учёных / ред. В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка. 1981. – С. 63–64.
- Рябова В.А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. В.Н. Станко. – Киев: Наукова думка. 1986. – С. 138–149.
- Рябова В.А., Лежух И.П. «Чёрная археология» и история царя Скила // Восточноевропейский археологический журнал. – № 2(9) – 2001. – [опубликовано на сайте www.archaeology.kiev.ua].
- Саверкина И.И. Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье / науч. ред. С.Л. Соловьёв. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2000. – С. 3–18.
- Савостина Е.А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореф. ... дисс. канд. историч. наук. – М. 1984. – 24 с.
- Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. – № 2. 1986. – С. 84–99.
- Савостина Е.А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. В.В. Иванов, Л.Г. Невская. – М.: «Наука». 1990. – С. 237–248.
- Савостина Е.А. Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. – Вып. 1. – Армавир–Москва. 1995. – С. 110–119.
- Савостина Е.А. Курганы Боспора // Сборник «20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани». – Ст. Тамань. 1996. – С. 47–58.

Литература

- Савостина Е.А.* Элада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте // Боспорские исследования. – Suppl. 8. / отв. ред. В.Н. Зинько. – Киев: АДЕФ-Украина. 2012. – 392 с.
- Савостина Е.А.* О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Погребальная культура Боспорского царства / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Нестор-История. 2014. – С. 18–23.
- Савостина Е.А.* Гробницы в историческом ландшафте Боспора: особенности архитектуры и расположения в пространстве // БЧ. – XVI. – Географическая среда и социум / ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Керчь. 2015. – С. 284–290.
- Самсонова Т.Н.* Концепция «правлящего класса» Г. Моски // Социологические исследования. – № 10. 1994. – С. 176–187.
- Сансе Е.* Письмо графа де Сансе к А.Н. Оленину // ЗООИД. – Т. 15. 1889. – С. 78–86.
- Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгииппии // ВДИ. – № 1. 1983. – С. 68–78.
- Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. – № 2. 1985. – С. 65–78.
- Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония, Грифена) // Женщины в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. – М.: «Наука». 1995. – С. 181–203.
- Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. – М.: «Наука». 1996. – 347 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эр. – М.: «Наука». 2002. – 270 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. – № 1. 2003. – С. 11–35.
- Сапрыкин С.Ю.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары / ред. Л.П. Маринович. – М.: «Наука». 2006. – С. 171–242.
- Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. – М., Тула: Гриф и К. 2009. – 426 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Археанактиды и градостроительство // БИ. – Вып. XXVIII. 2013. – С. 21–46.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Люди и их боги. Религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович. – М.: «Наука». 1998. – С. 363–397.
- Сартори Дж.* Меньшинства и элита // Полис. – № 2. 1993. – С. 80–89.
- Сванидзе А.А.* Элиты в контексте этнокультурного взаимодействия // Элита и этнос в средневековье / отв. ред. А.А. Сванидзе. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 1995. – С. 6–8.
- Севастьянов А.* Судьба элиты – судьба нации // Наш современник. – № 5. 2013. – С. 136–161.
- Семёнов Ю.И.* Война и мир в земледельческих и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества / ред. М.Л. Зубарева. – Т. 2. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1994. – С. 5–127.
- Семина К.А.* Сакральная архитектура архаической Греции (800-500 гг. до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М. 1992. – 22 с.
- Семина К.А.* О феномене греческого храма // ВДИ. – № 4. 1996. – С. 124–132.
- Сергеев Е.Ю.* Современное элитоведение: итоги и перспективы // Элиты и лидеры. Традиционализм и новаторство / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. – М.: «Наука». 2007. – С. 7–21.
- О. Сергей (Разумцев).* Потомки Ермолова // Москва - № 5. 2011. – С. 151–160.
- Сидоренко В.А.* Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. – Вып. 9. 2005. – С. 59–70.
- Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945-1958 гг. // СГМИИ – Вып. 10. 1992. – С. 173–203.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. – № 69. 1959. – С. 5–107.
- Силантьева Л.Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тезисы докладов науч. сессии Гос. Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 1967. – С. 46–48.
- Силантьева Л.Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. – Т. XVIII. 1976. – С. 123–137.

- Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1982. – С. 237–245.
- Симоненко А.В. Погребение у села Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневожжский археологический вестник. – Вып. 4. – Волгоград. 2001. – С. 92–106.
- Симоненко А.В. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А.М. Очерки военного времени сарматов. Изд. 2-е. – СПб: Филологический ф-т СПбГУ. 2008. – С. 238–286.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб: Нестор-История. 2010. – 328 с.
- Симоненко А.В. Конский убор из Большого кургана Васюринской горы // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2011. – С. 598–602.
- Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко / ред. А.В. Симоненко. – Киев: Издательский дом «Скиф». 2012. – С. 73–82.
- Скорый С.А. Погребальный обряд Большого Рыжановского кургана в контексте погребальных древностей скифской эпохи Северного Причерноморья // Музейні читання. Матеріали НК, грудень 2000 р. – Киев: Наукова думка. 2001. – С. 149–151.
- Скорий С.А., Хохоровський Я., Григор'єв В.П., Ридзевський Я. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. – № 1. 1999. – С. 94–105.
- Скржинская М.В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и её округа / отв. ред. А.С. Русева. – Киев: Наукова думка. 1986. – С. 112–126.
- Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. – № 3. 1999. – С. 121–130.
- Скржинская М.В. Посвящение боспорян в Элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время / отв. ред. П.П. Толочко. – Киев: И-т археологии НАНУ. 2002. – С. 173–185.
- Скржинская М.В. Женщины в сакральной жизни Боспора (V–III вв. до н.э.) // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. 1. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007а. – С. 22–26.
- Скржинская М.В. Образ Эроса в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. – № 2. 2007б. – С. 16–24.
- Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. – Киев: И-т всеобщей истории НАНУ. 2010а. – 324 с.
- Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. – СПб: «Алетейя». 2010б. – 464 с.
- Скуднова В.М. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. – Т. I (34). 1960. – С. 60–74.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. – Л.: Искусство. 1988. – 180 с.
- Смекалова Т.Н., Горнчаровский В. А., Дюков Ю.Л. Магнитометрическое исследование Семибратного городища и монеты синдов // Тезисы докладов XIV ВНК. Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г. / отв. ред. В.А. Калинин. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007. – С. 34–36.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. – СПб.: Изд-во СПбГУ. 2001. – 204 с.
- Смирнов А.П. Скифы. – М.: «Наука». 1966. – 200 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматские племена северного Прикаспия // КСИИМК. – Вып. 34. 1950. – С. 97–114.
- Смирнов К.Ф. Северский курган. Труды ГИМ «Памятники культуры». – Вып. XI. – М.: Госкультпросветиздат. 1953. – 44 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: «Наука». 1964. – 379 с.
- Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С.П. Толстова / ред. А.В. Виноградов и др. – М.: «Наука». 1968. – С. 116–121.

Литература

- Смирнов К.Ф.* Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии / ред. А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Новосибирск: «Наука». 1973. – С. 155–159.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: «Наука». 1984. – 184 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. – М.: «Наука». 1989. – С. 165–177.
- Смишко М.Ю.* Богатое погребение начала нашей эры во Львовской области // СА. – № 1. 1957. – С. 238–243.
- Соколов В.* Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // ИТУАК. – Вып. 56. 1919. – С. 60–63.
- Соколов Г.И.* Акрополь в Афинах. – М.: Просвещение. 1968. – 108 с.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. – Л.: Аврора. 1973. – 191 с.
- Соколова О.Ю.* Конская узда V в. до н.э. из некрополя Нимфея // БФ: греческая культура на периферии античного мира / отв. ред. В.А. Хршановский. – СПб: Синтез-Полиграф. 1999. – С. 184–186.
- Соколова О.Ю.* Античный город Нимфей // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. – Т. I. – Тексты / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб.: Издательский дом «Коло». 2010. – С. 479–485.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hyperboreus. – Vol. 8. – Fasc. 1. 2002. – С. 99–121.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А., Каспаров А.К.* Новые находки на территории Нимфейского некрополя // Hyperboreus. – Vol. 5. – Fasc. 2. 1999. – Р. 326–340.
- Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // МИА. – № 33. 1954а. – С. 123–196.
- Сокольский Н.И.* Военное дело Боспора. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М. 1954б. – 17 с.
- Сокольский Н.И.* Раскопки Пантикапея // КСИА. – Вып. 83. 1961. – С. 32–45.
- Сокольский Н.И.* Кепы // Античный город / отв. ред. А.И. Болтунова. – М.: Изд-во АН СССР. 1963. – С. 97–114.
- Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. – Вып. 103. 1965. – С. 108–118.
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. – САИ. – Вып. Г1–17. 1969. – 191 с.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: «Наука». 1971. – 288 с.
- Сокольский Н.И.* Фанагорийский склеп // КСИА. – Вып. 130. 1972. – С. 115–121.
- Сокольский Н.И.* Работы Таманской экспедиции // СПИПАИ – 1972. – Ташкент: Изд-во «Фан». 1973. – С. 250–251.
- Сокольский Н.И.* Новые раскопки в Кепях // Actes de la XII-e Conférence d' Études Classiques "Eirene", 1972. – Bucureşti-Amsterdam. 1975. – Р. 615–619.
- Соловьёва О.А.* Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции / ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ им. Петра Великого. 1996. – С. 38–45.
- Соловьёва О.А.* Лики власти благородной Бухары. – СПб.: МАЭ. 2002. – 190 с.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы. 1992. – 539 с.
- Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь // Труды ГИМ, «Памятники культуры». – Вып. 26. 1957. – 64 с.
- Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. – Вып. 83. 1961. – С. 46–52.
- Сорокина Н.П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. – Т. 2. – М.: Изд-во литературы по строительству. 1973. – С. 363–388.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // Таманская старина. – Вып. 3. 2000. – С. 45–48.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополях боспорских городов VI–III вв. до н.э. // ДБ. – Вып. 6. 2003. – С. 297–306.

- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* Погребальные сооружения некрополя Кеп в VI–II вв. до н.э. // БЧ. – V. – Этнические процессы / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2004. – С. 353–362.
- Спасский Г.И.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. – М.: Университетская типография. 1846. – 151 с.
- Спицын А.А.* Фалары южной России // ИАК. – Вып. 29. 1909. – С. 18–53.
- Столяренко П.Г.* Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке / отв. ред. В.А. Хршановский. – СПб.: Нестор-История. 2013. – С. 52–57.
- Стоянов Р.В.* Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / глав. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2009. – С. 522–555.
- Стоянов Р.В.* Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ. – Вып. XXX. 2014. – С. 619–638.
- Строкин В.Л.* Афины и финансовая политика Спартокидов // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина. – СПб.: Нестор-История. 2011. – С. 82–88.
- Строкин В.Л.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. – Т. 16. 2012. – С. 379–418.
- Струве В.В.* Восстание Савмака // ВДИ. – № 3. 1950. – С. 23–40.
- Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М.: «Наука». 1989. – 288 с.
- Сударев Н.И.* Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э. Типы и хронология // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. – Т. I. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2004. – С. 208–219.
- Сударев Н.И.* Грунтовые некрополи Боспорских городов VI – II вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М. 2005. – 26 с.
- Сударев Н.И., Гарбузов Г.П.* К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Исторические науки. – № 7. 2015. – С. 156–164.
- Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. – № 2. 1999. – С. 98–114.
- Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. – М.: Институт всеобщей истории. 2000. – 282 с.
- Суриков И.Е.* Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // Из истории античного общества. – Вып. 7. – Нижний Новгород. 2001. – С. 138–147.
- Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и классика. – М.: «Наука». 2005. – 349 с.
- Суриков И.Е.* О необходимости современных подходов к изучению архаической аристократии (по поводу книги А.А. Курбатова) // *Studia historica*. – VII. К юбилею И.Л. Маяк. 2007а. – С. 206–220.
- Суриков И.Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. – Т. 11. 2007б. – С. 380–393.
- Суриков И.Е.* От *Warpenmünzen* к «совам» в поисках исторического контекста // Тезисы докладов XIV ВНК. Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г. / отв. ред. В.А. Калинин. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007в. – С. 10–12.
- Суриков И.Е.* Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2009а. – 244 с.
- Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. – Т. 13. 2009б. – С. 393–413.
- Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизации Афин) // АМА. – Вып. 14. 2010. – С. 20–48.

Литература

- Суриков И.Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. – № 1. 2013. – С. 167–176.
- Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2014а. – С. 76–122.
- Суриков И.Е. Кем, когда и почему был обожествлён Перисад I? (Две версии) // ДБ. – Т. 18. 2014б. – С. 398–415.
- Суриков И.Е. Территориальный фактор политогенеза в различных регионах античного греческого мира (попытка сравнительного анализа) // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Институт всеобщей истории. 2015. – С. 254–259.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского). – Киев: Наукова думка. 1993. – 174 с.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – Киев: Наукова думка. 1988. – 264 с.
- Терещенко А.Е. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum plus. – № 6. 1999. – С. 84–89.
- Терещенко А.Е. «Синдские» монеты – монеты синдов // Тезисы докладов IX ВНК. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 15–16.
- Терещенко А.Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. // ВДИ. – № 2. 2013. – С. 102–127.
- Тихонов И.Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб: Нестор-История. 2007. – С. 220–244.
- Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. – № 3. 1984. – С. 24–48.
- Толстиков В.П. Святылище на акрополе Пантикапея // ВДИ. – № 1. 1987. – С. 88–112.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / отв. ред. Г.А. Кошеленко. – М.: «Наука». 1992. – С. 45–99.
- Толстиков В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI – V вв. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Т. 1. / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 45–56.
- Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / ред. С.Д. Крыжицкий и др. – Запорожье: Гуляй Поле. 2007. – С. 244–257.
- Толстиков В.П. План Поля Дюбрюкса и археология Пантикапея // Поля Дюбрюкс. Собрание сочинений. – Т. 1. – Тексты / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб.: Издательский дом «Коло». 2010. – С. 463–478.
- Толстиков В.П. О времени основания и архитектурной среде раннего Пантикапея. По материалам новейших раскопок // Археология и давня історія України. – В. 1. – Київ. 2015а. – С. 256–263.
- Толстиков В.П. Пантикапей. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. – Симферополь: Бизнес-Информ. 2015б. – 63 с.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / отв. ред. А.И. Мелюкова и др. – М.: Институт археологии РАН. 1999. – С. 282–304.
- Толстиков В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V в. до н.э. // ДБ. – Вып. 5. 2002. – С. 266–271.

- Толстиков В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. – Вып. 6. 2003. – С. 307–350.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. – Вып. I. – Классические древности южной России. – СПб. 1889. – 118 с.
- Топоров В.Н.* Фарн // МНМ. – Т. 2. 1988а. – С. 557–558.
- Топоров В.Н.* Древо мировое // МНМ. – Т. I. 1988б. – С. 398–400.
- Топоров В.Н.* Геометрические символы // МНМ. – Т. I. 1988в. – С. 272–273.
- Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья // Проблемы античного источниковедения / отв. ред. Д.В. Панченко. – Л.: Институт истории АН СССР. 1986. – С. 72–98.
- Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / отв. ред. А.В. Гаврилов. – СПб: Изд-во «Глаголь». 1992. – С. 178–199.
- Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // БЧ. – II. – Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья / ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2001а. – С. 161–164.
- Тохтасьев С.Р.* Ещё раз о синдских монетах и Синдском царстве // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / ред. В.Ю. Зуев. – Ч. I. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001б. – С. 63–79.
- Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. – Вып. 4. – СПб. 2002. – С. 10–32.
- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. – № 3. 2004. – С. 144–180.
- Тохтасьев С.Р.* К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. – Т. 10. 2006. – С. 416–428.
- Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. XXII: несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Материалы чтений, посвященных памяти М.И. Тронского / ред. Н.Н. Казанский. – СПб: Изд-во «Нестор-История». 2015. – С. 890–897.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1940. – 182 с.
- Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. – № 3. 1982. – С. 67–76.
- Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. – № 1. 1985. – С. 126–139.
- Трейстер М.Ю.* Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов) / отв. ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 1989. – С. 89–101.
- Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. – № 2. 1993. – С. 50–74.
- Трейстер М.Ю.* Тема амазономахии в торевтике поздней классики и раннего эллинизма (к вопросу о фаларах из кургана Большая Близница) // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / отв. ред. Е.А. Савостина. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, СПб: Летний сад. 2001. – С. 243–283.
- Трейстер М.Ю.* Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // БФ: Погребальные памятники и святилища / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Т. II. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2002. – С. 180–186.
- Трейстер М.Ю.* Колесница из 1-го Среднего кургана Васюриной горы (ещё раз к вопросу о боспоро-египетских отношениях в эллинистическую эпоху) // БЧ. – VI. – Периоды дестабилизаций, катастроф / отв. ред. В.Н. Зинько. – Керчь. 2005. – С. 306–313.
- Трейстер М.Ю.* Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратного кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н.э. / ред. С.Л. Соловьёв. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2006. – С. 164–190.
- Трейстер М.Ю.* Датировка Трёхбратних курганов // Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н.э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. – Симферополь-Бонн: Универсум. 2008а. – С. 145–146.

Литература

- Трейстер М.Ю. Погребальный обряд Трёхбратних курганов и проблемы аккультурации // Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н.э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. – Симферополь-Бонн: Универсум. 2008б. – С. 147–156.
- Трейстер М.Ю. Погребальное ложе и постамент для сосудов из гробницы № 1 старшего кургана // Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н.э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. – Симферополь-Бонн: Универсум. 2008в. – С. 123–126.
- Трейстер М.Ю. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д.В. Карейши и А.Б. Ашика // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. – Т. I / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб: Издательский дом «Коло». 2010. – С. 589–601.
- Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // БФ: население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор–История. 2011. – С. 113–121.
- Трейстер М.Ю. Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // ДБ. – 17. 2013. – С. 345–360.
- Трейстер М.Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. – V в. н.э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «круглого стола», посвящённого 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова / отв. ред. Ю.В. Зуев и В.А. Хршановский. – СПб: Нестор–История. 2014. – С. 54–65.
- Трёхбратние курганы. Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III вв. до н.э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. – Симферополь-Бонн: Универсум. 2008. – 288 с.
- Туманс Х. Две постаршие модели в Древней Греции // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. / предс. ред. коллегии Э.Д. Фролов. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. – С. 17–25.
- Тункина И.В. К истории открытия курганов Н.Ю. Патиниоти в 1821 г. близ Керчи // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – Ч. 2 / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2001. – С. 279–287.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб: «Наука». 2002. – 673 с.
- Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – Т. I. – М.: «Наука». 2010а. – С. 23–128.
- Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I / отв. ред. И.В. Тункина. – СПб: Издательский дом «Коло». 2010б. – С. 533–588.
- Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V – IV веков до н.э. – СПб: АО «Славия». 1995. – 272 с.
- Фанагория. По материалам Таманской экспедиции ИА РАН. – М.: Изд-во «Северный паломник». 2008. – 103 с.
- Фармаковский Б.В. Милетские вазы из России // МАР. – № 34. 1914а. – С. 15–78.
- Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1911 г. 1914б. – С. 1–25.
- Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. – Записки Российской академии истории материальной культуры. – Вып. 1. – Пг. 1921. – 45 с.
- Федосеев Н.Ф. Матрица с изображением грифона из Мирмекия // ВДИ. – № 4. 1994. – С. 75–77.
- Федосеев Н.Ф. Доследование курганной насыпи на некрополе Юз-Оба // ДБ. – 8. 2005. – С. 410–421.
- Федосеев Н.Ф. Эллиническое и варварское в погребении Куль-Обы // БЧ. – XII. – Взаимовлияние культур / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Керчь. 2011. – С. 377–385.
- Федосеев Н.Ф. Склеп Геркулеса на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. – 18. 2014. – С. 431–451.
- Фиалко О.Е. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. – № 4. 1996. – С. 94–100.
- Фиалко Е.Е. Греческие калафы из скифских могил // Международные отношения в бассейне Чёрного

- моря в древности и средние века. Материалы X Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону. 2002. – С. 82–85.
- Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В.* Двурожковые вилочки из погребальных памятников Скифии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология / ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. – М.: Институт археологии РАН. 2000. – С. 287–296.
- Филов Б.* Куполнить гробницы при Мезек // Известия на Българска археологически институтъ. – Т. IX. – София. 1937. – С. 1–116.
- Финогенова С.И.* Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. – № 2. 2001. – С. 164–167.
- Финогенова С.И.* Гермонасса // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: «Наука». – Т. I. 2010. – С. 510–526.
- Формозов А.А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. – № 1. 1975. – С. 171–175.
- Франк-Каменецкий И.* Растительность и земледелие в поэтических образах Библии и в гомеровских сравнениях // Язык и литература. – Т. 4. – Л. 1929. – С. 126–139.
- Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. – СПб.: Изд-во СПбГУ. 2004². – 285 с.
- Фролова Н.А.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. – № 2. 1988. – С. 122–143.
- Фролова Н.А.* Монеты Нимфея (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. – 3. 2000. – С. 340–354.
- Фролова Н.А.* Каталог золотых статеров Пантикапея IV в. до н.э. // ДБ. – 5. 2002а. – С. 286–302.
- Фролова Н.А.* Корпус монет синдов // ВДИ. – № 3. 2002б. – С. 71–83.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть. – Ч. 2. – М.: Праксис. 2005. – 381 с.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: «Наука». 1971. – 171 с.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов (основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). – М.: «Восточная литература». 1975. – 344 с.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ. 2008. – 512 с.
- Хайнен Х.* Митридат VI Евпатор и народы Северного Причерноморья // Археология. – 4. 1993. – С. 24–31.
- Харалдина З.Е., Новичихин А.М.* Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. – № 2. 1994. – С. 200–212.
- Хатлас Й.* Свещарската гробница и другите сепулкарни обекти с полуцилиндричен свод в България от еллинистическата епоха // Хелис. – Т. V. 2006. – С. 123–131.
- Хачатурова Е.А.* Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – Т. III. – М.: «Наука». 2010. – С. 12–55.
- Храмцов А.* Рец. на книгу: Földy R. Ohne Elite geht es nicht. Die Illusion von der Gleichheit. München, 1990 // Общественная жизнь за рубежом. – № 1. 1991. – С. 74–78.
- Хришановский В.А.* Склепы I – первой половины II вв. н.э. на Илуратском плато // ДБ. – 15. 2011. – С. 370–490.
- Хришановский В.А.* Эллинистический склеп на некрополе Китея // Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева / гл. ред. Ю.А. Виноградов. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2013. – С. 100–107.
- Художественное ремесло. Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в.). Каталог выставки / сост. Г.Д. Белов и др. – Л.: Искусство. 1980. – 91 с.
- Цветашева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. – № 19. 1951. – С. 63–86.
- Цветашева Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. – № 56. 1957. – С. 227–250.
- Цветашева Г.А.* Сокровища причерноморских курганов. – М.: «Наука». 1968. – 126 с.
- Цветашева Г.А.* Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н.э. // КСИА. – Вып. 130. 1977. – С. 21–23.
- Цветашева Г.А.* Боспор и Рим. – М.: «Наука». 1979. – 136 с.
- Цехмистренко В.И.* Керченский склеп 1961 г. // СА. – № 3. 1968. – С. 189–194.

Литература

- Цехмистренко В.И., Кунин В.Э.* Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи // МИА. – № 69. 1959. – С. 251–256.
- Цецхладзе Г.Р.* О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / отв. ред. А.В. Подосинов. – М.: «Восточная литература». 1999. – С. 193–200.
- Цецхладзе Г.Р.* Боспорское царство: особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образование Боспорского государства / отв. ред. А.В. Подосинов и О.Л. Габелко. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. 2014. – С. 200–235.
- Чеботаренко Г.Ф.* Скифские курганы у с. Балабаны // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг. / отв. ред. И.А. Рафаилович. – Кишинёв: «Штиинца». 1973. – С. 113–129.
- Челеби Э.* Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – Вып. 2. – Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: «Восточная литература». 1979. – 288 с.
- Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е.* Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. – № 4. 1988. – С. 149–166.
- Черненко Е.В.* О шлеме из Нимфея // СА. – № 4. 1966. – С. 194–195.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. – Киев: Наукова Думка. 1968. – 192 с.
- Черненко Е.В.* Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма / отв. ред. А.М. Лесков. – Киев: Наукова думка. 1970. – С. 190–198.
- Чичикова М.* Тракийската гробницата от Свещари. – София. 1986. – 16 с.
- Чичикова М.* Царската гробница с кариатидите. 30 години от откриването. – Исперих. 2012. – 128 с.
- Чичикова М.* Културно-историческо значение на царската гробница с кариатиди край с. Свещари // Сборяново. Сборник есенни чтения. – Т. 8/9. – Велико Търново. 2013. – С. 9–34.
- Чуистова Л.И.* Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки // АИБ. – Т. I / ред. В.Ф. Гайдукевич. – Симферополь: Крымиздат. 1952. – С. 219–225.
- Чурекова Н.Б.* Полис и «не полис» в Северном Причерноморье (к проблеме типологии греческих колоний эпохи архаики и ранней классики) // Из истории античного общества. – Вып. 12. 2009. – С. 164–180.
- Чурекова Н.Б.* Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи. Вестник Нижегородского университета. – № 6 (3). 2012. – С. 146–150.
- Чурекова Н.Б.* К проблеме периодизации тирании на Боспоре // Древнейшие государства Восточной Европы. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2014. – С. 175–187.
- Шалькевич А.А.* Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. – Т. XVII. 1976. – С. 138–165.
- Шаров О.В.* О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // БИ. – Вып. XXII. 2009. – С. 283–323.
- Шаров О.В.* Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. – № 4. 2010. – С. 251–285.
- Шаров О.В.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историкографическое исследование // Stratum plus. – № 4. 2012. – С. 201–237.
- Шауб И.Ю.* Образ медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. – Л. 1982. – С. 70–72.
- Шауб И.Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. – Вып. 191. 1987. – С. 27–33.
- Шауб И.Ю.* О происхождении культа богини Девы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тезисы докладов. – Севастополь. 1988а. – С. 128–130.

- Шауб И.Ю.* Культурные танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». – Ч. 3. – Симферополь. 1988б. – С. 225–226.
- Шауб И.Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. – № 3. 1999. – С. 207–223.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды. I. «Гуси-лебеди» и их семантика в Северном Причерноморье и Этрурии // *ИС*. – № 5. 2001. – С. 4–15.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды. II. Религиозно-мифологическое значение дельфина в Ольвии и в Этрурии // *ИС*. – № 7. 2003. – С. 5–12.
- Шауб И.Ю.* Культ фарна у скифов // *Вестник ПСТБИ*. – Вып. 2. 2004. – С. 149–158.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды V. Ритуальное превращение в женщину у скифов и этрусков // *ИС*. – № 8. 2005. – С. 11–15.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии // *ИС*. – № 9. 2006а. – С. 5–22.
- Шауб И.Ю.* Херсонесская Дева, Артемида и олень // *АВ*. – № 13. 2006б. – С. 226–229.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). – СПб: Изд-во СПбГУ. 2007а. – 483 с.
- Шауб И.Ю.* О семантике находок в некрополе Ольвии VI–IV веков до н. э // *АВ*. – № 14. 2007б. – С. 106–117.
- Шауб И.Ю.* Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. 1. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2007в. – С. 27–30.
- Шауб И.Ю.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. – М., СПб.: Свято-Алексеевская Пустынь. 2008. – 155 с.
- Шауб И.Ю.* О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // БФ: Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Нестор-История. 2009. – С. 276–280.
- Шауб И.Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2011а. – 475 с.
- Шауб И.Ю.* Морские монстры в загробных представлениях боспорян // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: СПб: Нестор-История. 2011б. – С. 131–137.
- Шауб И.Ю.* О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // *Новый Гермес*. – № 5. 2012. – С. 5–9.
- Шауб И.Ю.* Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке / ред. М.Ю. Вахтина. – СПб.: Нестор-История. 2013а. – С. 78–82.
- Шауб И.Ю.* «От Евразии к Европе» Ю.В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита // *Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева* / ред. Ю.А. Виноградов и др. – СПб: Дмитрий Буланин. 2013б. – С. 27–33.
- Шауб И.Ю.* Боспорские курганы и загробные представления боспорян // *БИ*. – Вып. XXX. 2014. – С. 639–694.
- Шауб И.Ю.* Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница // *Новый Гермес*. – № 6. 2015а. – С. 22–29.
- Шауб И.Ю.* О ритуальном значении веретена из женского погребения в кургане Куль-Оба // (В печати). 2015б.
- Шауб И.Ю.* «Про неправду всё написано!» // (В печати). 2015в.
- Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // *ВДИ*. – № 1. 2011. – С. 115–152.
- Шелов Д.Б.* Монеты синдов // *КСИИМК*. – Вып. XXX. 1949. – С. 111–118.
- Шелов Д.Б.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // *КСИИМК*. – Вып. 34. 1950. – С. 62–69.

Литература

- Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР. 1956а. – 195 с.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. – М.: Изд-во АН СССР. 1956б. – 222 с.
- Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. – № 1. 1978. – С. 55–72.
- Шелов Д.Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации / ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1981. – С. 232–247.
- Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. – № 2. 1983. – С. 40–58.
- Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма / отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1985. – С. 551–572.
- Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. – № 1. 1986. – С. 36–42.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984 / отв. ред. А.П. Новосельцев. – М.: «Наука». 1985а. – С. 5–187.
- Шелов-Коведяев Ф.В. О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма / отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1985б. – С. 320–333.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии // ВДИ. – № 1. 1988. – С. 253–264.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Кем были «археанактиды»? // Древнейшие государства Восточной Европы. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2014. – С. 57–63.
- Шелов-Коведяев Ф.В., Толстиков В.П. Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. К истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. – 18. 2015. – С. 452–504.
- Шепко Л.Г. Формирование высшего слоя боспорского общества // Историчні і політологічні дослідження. – № 4 (54). 2013. – С. 232–238.
- Шилов В.П. Синдские монеты // СА. – Т. XV. 1951. – С. 204–215.
- Шконда Ю.С. Изображение женской головы на греческих расписных сосудах // БФ: Погребальные памятники и святилища / отв. ред. В.Ю. Зуев. – Ч. 2. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2002. – С. 285–291.
- Шкорпил В.В. Отчёт об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. – Вып. 9. 1904. – С. 73–177.
- Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК – Вып. 17. 1905. – С. 1–76.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК. – Вып. 25. 1907. – С. 1–66.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 году // ИАК. – Вып. 30. 1909. – С. 1–50.
- Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 году // ИАК. – Вып. 35. 1910. – С. 12–47.
- Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. – Вып. 56. 1914. – С. 1–74.
- Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. – Вып. 60. 1916а. – С. 7–35.
- Шкорпил В.В. Раскопки в Керчи // ОАК за 1912 г. 1916б. – С. 48–50.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК – № 54. 1918. – С. 54–59.
- Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. – М: «Наука». 1989. – 299 с.
- Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. – № 4. 1999. – С. 82–91.
- Шульц П.Н. Раскопки кургана Кара-Оба в 1968 г. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – Вып. III. – Киев. 1968. – С. 140–144.
- Шульц П.Н. Курган Кара-Оба близ Керчи (раскопки 1967–1969 гг.) // КСИА. – Вып. 128. 1971. – С. 55–62.
- Шульц П. Н., Навротский Н.И. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. – № 4. 1973. – С. 189–204.

- Щепанская Т.Б.* Власть пришельца. Атрибуты странника в мужской магии русских (XIX – начало XX вв.) // Символы и атрибуты власти. Генезис, семантика, функции / ред. В.А. Попов. – СПб: МАЭ им. Петра Великого. 1996. – С. 72–101.
- Щукин М.Б.* Фибулы типа «Алезия» из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы греко-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. – № 3. 1989. – С. 61–70.
- Щукин М.Б.* На рубеже эр. – СПб: Фарн. 1994. – 321 с.
- Щукин М.Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005. – 576 с.
- Эйдельман Н.Я.* «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литературная и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: «Наука». 1990. – 319 с.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. Перев. с фран. – М.: Академический проект. 2005. – 222 с.
- Элита России. Элита России о настоящем и будущем страны / гл. ред. К.И. Миккульский. – М.: Институт социологии РАН. 1996. – 594 с.
- Эндрувайт Г.* Элиты и развитие: Теория и исследование влияния элит на процессы социально-политического развития // Политическая наука. Элиты в сравнительно-исторической перспективе / ред. В.Н. Листовская. – М.: ИНИОН. 1998. – С. 6–11.
- Энман Н.А.* Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. – Вып. 45. 1912. – С. 92–103.
- Юргевич Д.* Новейшие археологические открытия в Крыму // ЗООИД. – Т. IX. 1875. – С. 403–409.
- Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб: Евразия. 2012. – 432 с.
- Яблонский Л.Т.* Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015. – С. 37–60.
- Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. – М.: «Наука». 1982. – 311 с.
- Яйленко В.П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник / отв. ред. Т.В. Блаватская. – М.: Институт всеобщей истории АН СССР. 1985а. – С. 161–237.
- Яйленко В.П.* Новые эпиграфические памятники о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма / ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1985б. – С. 617–627.
- Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья / отв. ред. А.И. Павловская. – М.: Институт всеобщей истории АН СССР. 1987. – С. 4–200.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. – М.: «Наука». 1990а. – 271 с.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: «Наука». 1990б. – С. 249–309.
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / отв. ред. Т.В. Блаватская. – М.: Институт всеобщей истории. 1990в. – С. 128–215.
- Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщины в античном мире / отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. – М.: «Наука». 1995. – С. 204–272.
- Яйленко В.П.* Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников – Ч. I. – / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2004а. – С. 55–60.
- Яйленко В.П.* Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. – 7. 2004б. – С. 425–445.
- Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э. – М.: Onebook.ru. 2013. – 348 с.
- Яковенко Э.В.* Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. – Вып. 124. 1970. – С. 54–60.

Литература

- Яковенко Э.В. «Скіпетр цариці» з Куль-Оба // Археологія. – № 11. 1973. – С. 39–43.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. – № 3. 1972. – С. 259–267.
- Яковенко Э.В. Сікфи Східного Криму в V–III ст. до н.э. – Київ: Наукова думка. 1974. – 147 с.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы / отв. ред. А.И. Тереножкин. – Киев: Наукова думка. 1977. – С. 140–145.
- Яковенко Э.В. К проблеме происхождения предметов торовитики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма / отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. – Тбилиси: Мецниереба. 1985. – С. 345–352.
- Яковенко Э.В. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времён Атея (К истории международных отношений в Причерноморском регионе) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону. – С. 43–54.
- Яковенко Э.В. Снаряжение боевого коня из боспорских некрополей (V в. до н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археологического семинара / отв. ред. Б.А. Раев. – Новочеркасск. – Ч. II. 1993. – С. 84–91.
- Яценко С.А. О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: Омский Гос. университет. 1987. – С. 135–136.
- Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. – № 4. 2000. – С. 186–204.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии. – М.: «Восточная литература». 2006. – 664 с.
- Яценко С.А. Группы элиты у сарматов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2015. – С. 86–98.
- Alekseev A.Yu. Scythian Kings and 'Royal' Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD) / ed. D. Braund. – Exeter. 2005. – P. 39–55.
- Alexandresku P. Necropola tumulară. Sapturi 1955-1951 // Histria. – Vol. II. 1966a. – P. 133–294.
- Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman // StCl. – Vol. 8. 1966b. – P. 75–86.
- Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. – Athens: Ekd. Athenon. 1984. – 244 p.
- Andronicos M. Thessaloniki Museum. – Athens: Ekd. Athenon. 1994. – 79 p.
- Andronicos M. On the Macedonian Tombs // ABSA. – No. 28. 1987. – P. 1–16.
- Anochin V.A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphoros (437 v. Chr.) // Griechisches Münzwerk. Stephanos nomismatikus Edith Schönert-Geis zum 65. Geburtstag. – Berlin: Akademie Verlag. 1998. – S. 33–44.
- Archibald Z.H. The gold pectoral from Vergina and its connections // Oxford Journal of Archaeology. – Vol. 4. 1985. – P. 165–185.
- Archibald Z.H. The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. – Oxford: Clarendon Press. 1998. – 370 p.
- Archibald Z.H. Officers and Gentlemen (or Gentelwomen): Exploring Macedonian Elites in the Classical and Early Hellenistic Periods // Antiquitas XXVIII – Acta Universitatis Wroslaviensis – No. 2857 – Wrocław. 2005. – P. 13–25.
- Back F. De Graecorum caeremoniis, in quibus homines deorum vice fungebantur. – Berolini. 1883. – 153 S.
- Bazaytova R. The Thracian contribution in the ancient architecture // Thracia. – 16. 2005. – P. 307–314.
- Beazley Archive – <http://www.beazley.ox.au.uk>
- Bendlin A., Cancik H., Egelhaaf U., Fischer G., Rottler Chr., Rüpke J. Review: Pagan Priests. Religion and Power in the Ancient World / ed. M. Beard and J. North // Numen. – Vol. 40. – No. 1. 1993. – P. 82–94.

- Bentz M.* Panathenäische Preisamphoren. Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6–4 Jahrhundert v. Chr. – Basel. 1998. – 240 S.
- Bergk Th.* (ed.). Poetae lyrici Graeci. – Leipzig: Lipsiae. 1882. – 540 S.
- Blaramberg J.* Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée. Paris. 1822. – 31 p.
- Boardman Jh.* The History of Greek Vases. Potters, Paintres and Pictures. – London: Thames and Hudson. 2001. – 320 p.
- Boardman Jh.* Die Perser und der Westen. Eine archäologische Untersuchung zur Entwicklung der Achämenidische Kunst. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 2003. – 311 S.
- Bohn R.* Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros // Altertümer von Pergamon. – II. – Berlin. 1885. – 144 S.
- Bon A.-M., Bon A.* Les timbres amphiouques de Thasos. – Paris. 1957. – 543 p.
- Boyd Th.D.* The Arch and the Vault in Greek Architecture // AJA. – Vol. 82. – No. 1. 1978. – P. 83–100.
- Brandis.* Bosporos // RE. – III. 5. 1897. – Sp. 757–789.
- Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relations (Aisch. 3. 171-172; [Dem.] 34. 36 // BSS. – I. – The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / ed. P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. – Aarhus University Press. 2003. – P. 197–208.
- Braund D.* King Scribonius // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2004. – С. 81–87.
- Braund D.* Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // BSS. – 6. – The Black Sea in Antiquity. Regional and International Economic Exchanges / eds. V. Gabrielsen and J. Lund. – Aarhus University Press. 2007. – P. 39–68.
- Braund D.C.* The Bakxy Krater, Teutaros and Heraklion: Heracles and the Scythian Bow in Graeco-Scythian Art and Culture(s) // БФ: искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. – СПб.: Нестор-История. 2009. – С. 113–125.
- Braund D.C.* Gylon, Athens and the Bosphorus // БФ: Население, языки, контакты / ред. М.Ю. Вахтина и др. – СПб: Нестор-История. 2011. – С. 7–11.
- Brosius M.* Pax Persia and the Peoples of the Black Sea Region and Limits of Achaemenid Imperial Ideology Persia // PSS. – 11. – Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / eds. J. Nieling, E. Rehm. – Aarhus University Press. 2010. – P. 29–40.
- Brownlee A.B.* Attic Black-Figure from Corinth: III // Hesperia. – 64. – No. 3. 1995. – P. 337–382.
- Burkert W.* Greek Religion: Archaic and Classical. – Oxford: Basil Blackwell. 1985. – 483 p.
- Cambitoglou A.* Groups of Apulian red-figured vases decorated with heads of women or of Nike // JHS – Vol. 74. 1953. – P. 111–121.
- Cevizoğlu H.* Archaic Relief Pottery from Klazomenai // Klazomenai, Neos and Abdera: Metropeis and Colony / ed. A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y Ersoy. – Thessaloniki: University Studio Press. 2004. – P. 185–198.
- Chittenden J.* The Master of Animals // Hesperia. – Vol. 16. 1947. – P. 89–144.
- Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Russia, Tahtary and Turkey. – Vol. II. – London. 1816. – 318 p.
- Cook J.M.* The Greeks in Jonia and the East. – New-York: Frederick A. Praeger. 1963. – 268 p.
- Cook J.M., Dupon P.* East Greek Pottery. – London; New York: Routledge. 1998. – 233 p.
- Cook R.M.* Ionia and Greece in the Eighth and Seventh Centuries BC // JHS – Vol. 66. 1946. – P. 67–98.
- Dalby A.* Greeks Abroad: Social Organization and Food among the Ten Thousand // JHS. – Vol. 112. 1992. – P. 16–60.
- Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600-300 B.C. – Oxford. 1974. – 653 p.
- Debidour M.* En classant les timbres thasiens // BCH. – Suppl. XIII. 1986. – P. 311-314.
- De Navarro J.M.* The Finds from the Site of La Tène. – Vol. I. – London: Oxford University Press. 1972. – 354 p.

- Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. – Mainz am Rhein. 1985. – 38 S.
- Diehl E.* Saumakos // RE. – VI. 1935. – Sp. 653–654.
- Dintsis P.* Hellenistische Helme. – Roma: Giorgio Bretschneider editore. 1986. – 394 S.
- Dreyer B., Weber G.* Lokale Eliten griechischer Städte und königliche Herrschaft // Lokale Eliten und hellenistische Könige. Zwischen Kooperation und Konfrontation / Hrsg. B. Dreyer, P.F. Mittag. – Berlin: Verlag Antike e.K. 2011. – S. 14–54.
- Duval A.* Un type particulier de fibule gallo-romaine précoce: la fibule “d’Alésia” // Antiquités nationales. – Vol. 6. 1974. – P. 67–76.
- Eggers H.J.* Der römische Import im freien Germanien. – Hamburg. 1951. – 212 S.
- Fedak J.* Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era. – Toronto, Buffalo, London. 1990. – 348 p.
- Fedoseev N.F.* Zum achämenidische Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – Bd. 29. 1997. – S. 309–319.
- Ferri S.* Alcune iscrizioni di Cirene // Abh. Ak. – Berlin. 1925. – S. 19–24.
- Feugère M.* Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du V-e s. ap. J.–C. – Paris. 1985. – 509 p.
- Fields N.* Ancient Greek Fortifications 500-300 BC. – Oxford : Osprey Publishing. 2006. – 64 p.
- Filip J.* Obchodní styky Čech s Římem době Augustově a problém mocenského střediska tehdejších Čech // Archeologické rozhledy. – IV.2. 1952. – P. 143–154.
- Fless F., Lorenz A.* Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet / Hrsg. F. Fless, M. Treister. – Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH. 2005a. – S. 17–25.
- Fless F., Lorenz A.* Griechen, Scythen, Bosporaner? Zu den Problemen “ethnischer Etikettierungen” von Gräbern in den Nekropolen Pantikapaions // Eurasia Antiqua. – Bd. 11. 2005b. – S. 57–77.
- Fox R.A.* Traveling Heroes. Greeks and Their Myths in the Epic Age of Homer. – London: Allen Lane; Penguin Books. 2008. – 465 p.
- Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. – Leipzig-Berlin. – Bd. I. 1900. – 16 S., 67 Taf.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. – Berlin: Academia. 1971. – 604 S.
- Gantz T.* Early Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. – Vol. I. – Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press. 1993. – 909 p.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques thasiens trouvés à Baksi // Kotinos. Festschrift für Erika Simon / Hrsg. H. Froning, T. Hölsel, H. Mielsvh. – Mainz/Rhein. 1992. – P. 250–251.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. – Vol. I. – Athènes. 1999. – 338b p.
- Georgiou L.M.* Intimate Death: The Brandeis Fifth-Century Athenian Lecythos Evolution in Form, Ritual Practices and Use. – Waltham: Brandeis University. 2014. – 67 p.
- Gergova D.* Orphic Thrace and Achaemenid Persia // PSS. – 11. – Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / eds. J. Nieling, E. Rehm. – Aarhus University Press. 2010. – P. 67–86.
- Gorman V.B.* Miletos, Ornament of Ionia. A History of the City to 400 BC. – Michigan: The University Michigan Press. 2001. – 304 p.
- Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. – Manchester: University Press. 1964. – 259 p.
- Graham A.J.* Patterns in Early Greek Colonization // JHS. – Vol. 91. 1971. – P. 35–47.
- Graham A.J.* The Colonial Expansion of Greece // The Expansion of the Greek World, Eighth to Sixth Centuries BC. The Cambridge Ancient History. – Vol. 3. – Part 3/ ed. J. Boardman. – Cambridge. 1982². – P. 83–162.
- Graham A.J.* Thasos and the Bosporan Kingdom // Ancient West and East. – Vol. 1. – No 1. 2002. – P. 87–99.
- Graves A.M.* Miletos: Archaeology and History. – London; New York: Taylor & Francis Group. 2002. – 177 p.
- Hammond N.G.L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. – Bd. 10. 1980. – P. 53–61.
- Hansen M.H.* A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre. 4 / eds. M.H. Hansen, K. Raaflaub. – Stuttgart. 1997. – P. 29–37.
- Herda A.* Burying a sage: the heroon of Thales in the agora of Miletos // 2èmes Recontres d’archéologie

- de l'IFFA: Le Mort dans la ville Pratiques, contextes et impacts des inhumations intra-muros en Anatolie, de début de l'Age Bronze à l'époque romaine. – Istanbul: Ege yayinlari. 2011. – P. 67–122.
- Herzfeld E.E.* Iran in the Ancient East. – London, New York: Oxford Univ. Press. 1941. – 363 p.
- Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. – Oxford. 1997. – 228 p.
- Hoffmann H., Davidson P.F.* Greek Gold. Jewellery from the age of Alexander. – New York. 1966. – 311 p.
- Højte J.M.* The Death and Burial of Mithridates VI // BSS. – 9. – Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Kingdom / ed. J.M. Højte. – Aarhus University Press. 2009. – P. 121–130.
- Hökmann O.* Naval and Others Graffiti from Nymphaion // ACSS. – Vol. 5.4. 1999. – P. 303–356.
- Hoover O.D.* Handbook of Coins of the Islands. Adriatic, Ionian, Thracian, Aegean, and Carpathian (excluding Crete and Cyprus). – Lancaster, Pennsylvania, London: Classical Numismatic Group, Inc. 2010. – 396 p.
- Huguenot C.* La tomb aux érotés et la tomb d'Amarynthos. Architecture funéraire et présence macédonienne en Grèce centrale. – Eretria. – XIX. – Lausanne. 2008. – 216 p.
- Hürmüzü B.* Burial Grounds at Klazomenai: Geometric trough Hellenistic Periods // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolis and Colony / ed. A.Moustaka, E.Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y Ersoy. – Thessaloniki: University Studio Press. 2004. – P. 77–96.
- Isler-Kerényi C.* Nike: Der Typus der laufenden Flügelfrau in archaischer Zeit. – Zürich-Stuttgart. 1969. – 145 S.
- James S.* Celts, politics and motivation in archaeology // Antiquity. – Vol. 72. – No. 275. 1998. – P. 200–209.
- Jarva E.* Archaïologia on Archaic Greek Body Armour. – Rovaniemi. 1995. – 217 p.
- Jeffery L.Y.* Archaic Greece. The City-States c. 700-500 BC. – London: Methuen & Co Ltd. 1978. – 260 p.
- Joffroy R.* Vix. – Paris. 1954. – 68 p.
- Joffroy R.* Le trésor de Vix. – Paris. 1962. – 205 p.
- Kallintzi K.* Abdera. Organization and Utilization of the Area Extra Muros // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolis and Colony / ed. A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy. – Thessaloniki: University Studio Press. 2004. – P. 271–290.
- Kmet'ová P.* The Spectacle of the Hourse: on Early Iron Age Burial Custom in the East-Alpin Hallstatt Region // Archaeological Review from Cambridge. – 28.2. 2013. – P. 67–81.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek Pottery // East and West. – Vol. 4. – N. 1. 2005. – P. 1–56.
- Kiechle F.* Götterdarstellung durch Menschen in den altmediterranean Religionen // Historia. – № 19. 1970. – S. 259–282.
- Kieseritzky G.* Athena Parthenos der Ermitage // AM. – Bd. 8. 1883. – S. 291–315.
- Kiyashkina P., Bozkova A., Marvakov T.* A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar. – Nessebar: Vessela Publishers. 2012. – 192 p.
- Kleiner G.* Bildnis und Gesalt des Mithridates // Jdl. – Bd. 68. 1953. – S. 73–95.
- Klinz A.* Hieros Gamos. – Halle. 1933. – 185 S.
- Kohler E.L.* The Lesser Phrigian Tumuli. Part I. The Inhumations. – The Gordion Excavations (1950–1973) Final Reports / ed. G.K. Sams. – Vol. II. – University of Pensilvania Museum. 1995. – 262 p.
- Kraay C.M.* Archaic and classical Greek Coins. – Berkeley; Los Angeles. 1976. – 390 p.
- Kristiansen K., Larsson Th.* The Rise of the Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations. – Cambridge University Press. 2005. – 359 p.
- Kroll J.Y., Walker A.S.* Greek coins // Athenian Agora. – Vol. XXVI. – Princeton, New Jersey. 1993. – XXVI + 376 p.
- Kryzhitskiy S.D.* Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC: the Scythian 'Protectorate' // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD) / ed. D. Braund. – Exeter. 2005. – P. 123–130.
- Kunze E.* Beinschinen // Olympische Forschungen. – Bd. XXXI. – Berlin. 1991. – 386 S.
- Kurtz D.C.* Athenian White Lekythoi: Patterns and Painters. – Oxford: Clarendon Press. 1975. – 153 p.
- Kurtz D.C., Boardman J.* Greek Burial Customs. – London: Thames & Hudson. 1971. – 384 p.

- Lazzarini M.L.* Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. – Rome. 1976. – 389 p.
- Lurie S.J.* Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander. – Rok XIV. 2. 1959. – S. 67–78.
- Luschey H.* Die Phiale. – Bleicherode am Herz. 1939. – 163 S.
- Macedonia. 1982. Macedonia. 4000 years of Greek history and civilization. – Athens. – 415 p.
- Maksimenco V.E.* The graves with Roman imports in the Sladkovski barrow cemetery // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. – BAR International Series 278. – Oxford. 1986. – P. 81–82.
- Maslennikov A.A.* The Development of Graeco-Barbarian Contacts in the Chora of the European Bosphorus (Sixth – First Centuries) // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD) / ed. D.C. Braund. – Exeter. 2005. – P. 153–166.
- May J. M. F.* The Coinage of Abdera. – London: The Royal Numismatic Society. – XI. 1966. – 298 p.
- McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. – Leiden. 1986. – 204 p.
- Mellink M.J.* Kizilbel: An Archaic Painted Tomb in Northern Lycia. – Philadelphia: University of Pennsylvania. 1998. – 71 p.
- Minchev A.* Thracians and Scythians in Northeastern Bulgaria: some Bilateral Contacts in Metalwork // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest/ ed. V. Cojocaru. – Iași: Trinitas. 2005. – P. 11–27.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. – Cambridge. 1913. – 720 p.
- Molev E.A.* Bosphorus under the Rule of Mithridates Eupator // BSS. – 9. – Mithridates VI and the Pontic Kingdom / ed. J.M. Højte. – Aarhus University Press. 2009. – P. 321–328.
- Monmark K.* The Myth of the Metropolis – Colonization, Cosmopolitanism, and its Consequences // The Mythology and Iconography of Colonization. Electronic Antiquity. – Vol. 11. – No. 1. 2007. – P. 170–190.
- Montpéroux de D.* Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. – T. V. – Paris. 1843. – 464 p.
- Magris A.* L'idea di destino nel pensiero antico. – Vol. I. – Torino. 1985. – 390 p.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. – Bd. 11. 2001. – 98 S.
- Moreno A.* Athenian Wheat-Tsars: Black Sea Grain and Elite Culture // BSS. – 6. – The Black Sea in Antiquity. Regional and International Economic Exchanges / eds. V. Gabrielsen and J. Lund. 2007. – P. 69–84.
- Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. – London - New York: Routledge, Taylor & Francis Group. 2003. – 277 p.
- Müller V.* Der Polos, die griechische Götterkrone. – Berlin. 1915. – 112 S.
- Munn M.* The Mother of the Gods, Athens and the Tyranny of Asia. A Study of Sovereignty in Ancient Religion. – Berkeley, Los Angeles. 2006. – 452 p.
- Nawotka K.* Alexander the Great and Greek elite: the case of Phocion // Elite in Greek and Roman Antiquity. Antiquitas. XXVIII / ed. A. Łoś, K. Nawotka. – Wrocław. 2005. – P. 7–12.
- Niebergall A.* Lokale Eliten unter hellenistischen Herrschern: Mithridat VI. von Pontos und die griechischen Eliten Kleinasien und Griechenlands // Lokale Eliten und hellenistische Könige. Zwischen Kooperation und Konfrontation / Hrsg. B. Dreyer, P.F. Mittag. – Berlin: Verlag Antike e. K. 2011. – S. 55–79.
- Nieling J.* Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC Persia // PSS. – 11. – Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / eds. J. Nieling, E. Rehm. – Aarhus University Press. 2010. – P. 123–136.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. 3 Aufl. – Bd. I. – München. 1967. – 892 S.
- Nylander C.* Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture. – Uppsala. 1970. – 176 p.
- Oakley J.H.* Picturing of Death in Classical Athens: the Evidence of White Lekythoi. – Cambridge: Cambridge University Press. 2004. – 267 p.
- Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology and the Power of the People. – Princeton University Press. 1989. – 390 p.

- Ober J.* Conditions for Democracy // The Making and Unmaking of Democracy: Lessons from History and World Politics / ed. Th.K. Rabb, E.N. Suleiman. – New-York, London. 2003. – P. 3–22.
- Özgen I., Öztürk J.* The Lidian Treasure. – Istanbul: Uğur Okman. 1996. – 239 p.
- Pagan Priests.* Pagan Priests Religion and Power in the Ancient World / ed. Mary Beard and John North. – Cornell University Press. 1990. – 266 p.
- Pavličenko N.* Les timbres amphoriques d'Héraclée du Pont: bilan et perspectives de recherche // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Colloquium international organisé à Istanbul, 25-28 mai 1994 / Textes réunis par Yvon Garlan. – Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence. 1999. – P. 13–19.
- Peredolskaja A.A.* Attische Tonfiguren aus einem Südrussischen Grab. – Olten. 1964. – 32 S.
- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerch Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. – München: Verlag C.H. Beck. 2012. – P. 151–164.
- Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühellenistischer Zeit. Archäologische Forschungen. – Bd. 16. – Berlin. 1987. – 311 S.
- Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks. – Tübingen. 1990. – 470 S.
- Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. – Malibu, California: The J.Paul Getty Museum. 1993. – 244 p.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora Art Publishers. 1986. – 183 p.
- Polignac F.* Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. – Chicago, London: University of Chicago Press. 1995. – 204 p.
- Popova R.* Spartocus – the Ancestor of the Bosporan Dynasty // Thracia. – XVII. – Sofia. 2007. – P. 173–182.
- Poulsen F.* Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. – Leipzig. 1905. – VI + 195 S.
- Price J.* Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the Coinages of the Black Sea // The Numismatic Chronicle. Seventh Series. – Vol. VIII. 1968. – P. 1–12.
- Price M.J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arhidaeus. – Vol. 1-2. – Zürich/ London. 1991.
- Ratté C.* Not the tomb of Gyges // JHS. – Vol. 114. 1994. – P. 157–161.
- Rehm E.* The Impact of the Achaemenids on Thrace: A Historical Review Persia // PSS. – 11. – Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / eds. J. Nieling, E. Rehm. – Aarhus University Press. 2010. – P. 137–160.
- Reho M.* Ceramique attique a figures noires et rouges // Nessebre. – Vol. III. 2005. – P. 30–50.
- Richards R.* Colonization of Cyrene: A Historiographic Perspective // Honors Work in History (HST-499 Senior Thesis), Michigan. 2011. – 27 p. https://www.wou.edu/lassosci/history/senior_seminar_papers/2011/robertrichards
- Rieckhoff S.* Münzen und Fibeln aus dem Vicus Kastelle Hüfingen (Schwarzwald – Baar – Kreis) // Saalburg Jahrbuch. – Bd. 32. 1975. – S. 5–104.
- Robert H.S.* Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens. – VI. 2009. – P. 189–200.
- Robertson N.* Government and Society at Miletus, 525-442 BC // Phoenix. – Vol. 41. – No. 4. 1987. – P. 356–398.
- Rubinsohn Z.W.* Saumakos: ancient history, modern politics // Historia. – Bd. XXIX. 1980. – P. 50–70.
- Romano I.B.* Religion in the Age of Philip II, Alexander the Great, and Their Successors // The World of Philip and Alexander. A Symposium on Greek Life and Times / ed. E.C. Danien. – Pennsylvania: The University Museum of Archaeology and Anthropology. 1990. – P. 83–97.
- Rostowzew M.* Iranism and Ionism in South Russia. – СПб. 1913. – 8 p.
- Rostovtzeff M.* Le culte de la Grande Déesse dans la Russie méridionale // REG. – Vol. 32. 1921. – P. 462–482.

Πυρραμίδα

- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford. 1922. – 260 p.
- Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. – Bd. I. – Berlin. 1931. – 651 S.
- Rostovtzeff M.* Pontus and its Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. – IX. 1932. – P. 211–260.
- Rubinsohn Z.W.* Saumakos: Ancient History, Modern Politics // Historia. – XXIX. 1980. – P. 50–70.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den kertscher Vasen. – Berlin und Leipzig. 1934. – 161 S.
- Scheglov A.N., Katz V.I.* A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal. – No. 26. 1991. – P. 97–122.
- Schlötzauer U., Zhuravlev D.* Greek Colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus/ ed. A. Twardecki. – Warsaw. 2014. – P. 203–219.
- Schmidt E.F.* Persepolis. I. Structures, Reliefs, Inscriptions. – Chicago, Illinois. 1953. – 297 p.
- Schmidt E.F.* Persepolis. III. The Royal Tombs and other Monuments. – Chicago, Illinois. 1970. – 174 p.
- Scholl A.* ΑΝΑΘΗΜΑΤΑ ΤΩΝ ΑΡΧΑΙΩΝ. Die Akropolisvotive aus dem 8. bis frühen 6. Jahrhundert v. Chr. und die Staatswerdung Athens. // Jdl. – Bd. 121. 2006. – S. 1–174.
- Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Blisniza und ihre Datierung // Jdl. – Bd. 111. 1996. – S. 105–137.
- Schwarzmaier A.* «Ich werde immer Kore heissen». Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Blisniza auf der Halbinsel Taman. // Jdl. – Bd. 121. 2006. – P. 175–226.
- Sealy R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. – Berkeley, Los Angeles, London. 1976. – 516 p.
- Sevinç N., Treister M.* Metalwork from the Dardanos Tumulus // Studia Troika. – Bd. 13. – Mainz on Rhein. 2003. – P. 215–260.
- Seyrig H.* Monnaies hellénistique de Byzance et de Calcédone // Essays in Greek Coinage presented to Stanley Robinson / eds. C.M. Kraay, G.K. Jenkins. – Oxford: Clarendon Press. 1968. – P. 183–200.
- Shefton B.* The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens / eds. D. Kurtz and B. Spakers. – Cambridge. 1982. – P. 149–182.
- Shefton B.* The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // Kotinos. Festschrift für Erika Simon / Hrsg. H. Froning, T. Hölscher, H. Mielsvh. – Mainz/Rhein. 1992. – P. 241–250.
- Shenk P.* To Valhalla by Horseback? – Oslo: Univ. of Oslo. 2002. – 90 p.
- Sokolova O.Ju.* Nymphaeum. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. – Vol. II / ed. D.V. Grammenos, E.K. Petroupulos. – Publications of the Archaeological Institute of the Northern Greece. – No. 4. – Thessaloniki. 2003. – P. 759–802.
- Sparkles B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries BC // The Athenian Agora. – Vol. – XII. Princeton, New Jersey: J.J. Augustin. 1970. – 500 p., 100 pl.
- Stanton G.R.* Athenian Politics c. 800-500 BC. A Sourcebook. – London, New York. 1990. – 141 p.
- Starr Ch.G.* The Aristocratic Temper of Greek Civilization. – New York, Oxford. 1992. – 98 p.
- Stengel P.* Die griechische Kultusaltertümer. – München. 1920. – 268 S.
- Stoyanov R.V.* The Schverin Burial Mound // ACSS. – Vol. 15. – No. 3/4. 2009. – P. 199–214.
- Strong D.E.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. – London: Methuen & Co. 1966. – 235 p.
- Suhr E.G.* Herakles and Omphale // AJA. – Vol. 57. 1953. – P. 251–263.
- Suhr E.G.* The Spinning Aphrodite. The Evolution of the Goddess from Early Pre-Hellenic Symbolism through Late Classical Times. – New York. 1969. – 218 p.
- Sumerer L.* Das Pontische Wappen. Zur Astralsymbolik auf den pontischen Münzen // Chiron. – Bd. 25. 1995. – S. 305–314.
- Tannez M.-Ch.* The Excavations of D. Oikonomos at the Archaic Cemetery of Monastirakia in Klazomenai, 1921-22 // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony / ed. A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy. – Thessaloniki: University Studio Press. 2004. – P. 97–120.
- Theodossiev N.* The Sacred Mountain of the Ancient Thracians // Thracia. – XI. 1995. – P. 371–384.

- Theodossiev N.* The lantern-roofed tombs in Thrace and Anatolia: some evidence about cultural relations and interactions in the East Mediterranean // *Thrace in the Graeco-Roman World*. – Proceedings of the 10th International Congress of the Thracology. Komotini-Alexandroupolis, 18-23 October 2005. – Athens. 2007. – P. 602–613.
- Tiverios M.* Die von Xenophantos signierte große Lekythos aus Pantikapaiton: Alte Funde neu betrachtet // *Athenian Pottery and Painters*. The Conference Proceedings. – Oxford. 1997. – S. 269–284.
- Tochtashev S.R.* Zur Herkunft der Bosphorischen Spartokiden // *Pulpudeva*. – 5. – Sofia. 1986. – S. 113–121.
- Tolstikov V.P.* Panticapeum. The Capital City of the Kingdom of Cimmerian Bosphorus // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. – Vol. II / ed. D.V. Grammenos, E.K. Petroupulos. – Publications of the Archaeological Institute of the Northern Greece, no. 4. Thessaloniki. 2003. – P. 707–758.
- Treasures.* (1978). *Treasures of Ancient Macedonia*. Archaeological Museum of Thessaloniki. – 109 p.
- Treister M.* Ionia and the North Pontic Area. Archaic Metalworking: Tradition and Innovation // *The Greek Colonization of the Black Sea Area* / ed. G. Tsatskheladze. – Stuttgart. 1998. – P. 179–199.
- Treister M.* Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // *Silk Road Art and Archaeology*. – Vol. 8. 2002. – P. 29–72.
- Treister M.* «Achaemenid» and «Achaemenid-inspired» Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire Persia // *PSS*. – 11. – Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / eds. J. Nieling, E. Rehm. – Aarhus University Press. 2010. – P. 223–279.
- Treu G.* Griechische Tongefäße in Statuetten und Büstenform. – Berlin. 1875. – 23 S.
- Triantaphyllos D.* Ancient Thrace // *Thrace*. – Athens. 1994. – P. 35–97.
- Trumpf-Luritzaki M.* Griechische Figurenvasen. – Bonn. 1969. – 170 S.
- Tsatskheladze G.R.* More on Bosphoran Chamber Tomb // *Таманская старина*. – Вып. 1. – СПб. 1998а. – С. 48–61.
- Tsatskheladze G.R.* Who built the Scythian and Thracian royal and élite tombs // *Oxford Journal of Archaeology*. – Vol. 17. – No. 1. 1998b. – P. 55–92.
- Tsatskheladze G.R.* Revisiting Ancient Greek Colonization // *Greek Colonization: an Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* / ed. G. Tsatskheladze. – Leiden: Brill. – Vol. I. 2006. – P. XXIII–LXXXIII.
- Tsibidou-Avlaniti M.* Tombes macédoniennes // *Les macédoniens. Les grecs du nord et l'époque d'Alexandre le Grand*. Athènes. 1995. P. 214–221.
- Tran Tam Tinh.* Isis // *LIMC*. – Bd. V. 1990. – S. 764–796.
- Tzannez M.-Ch.* The Excavations of D.Oikonomos at the Archaic Cemetery of Monastirakia in Klazomenai, 1921-22 // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony* / ed. A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Tzannes, Y. Ersoy. – Thessaloniki: University Studio Press. 2004. – P. 97–120.
- Valeva Ju.* The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb. – Sofia: “Bulgarski houdozhnik”. Publ. 2005. – 200 p.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. – Teil I: Die Iranier, in Sudrussland. – Leipzig. 1923. – 79 S.
- Venedikov I.* Thracian pectorals and the Bible // *Thracia*. – Vol. 11. – 1995. – P. 143–156.
- Vickers M.* Scythian Treasuries in Oxford. – Oxford: University Press. – 1979. – 56 p.
- Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities. – Oxford: University Press. 2002. – 80 p.
- Vinogradov Yu.A.* Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // *BSS*. – 1. – The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N.Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / ed. P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. – Aarhus University Press. 2003. – P. 217–226.
- Vinogradov Yu.A.* Cimmerian Bosphorus: Main Phases of Pre-Roman History // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC*. Proceedings of the International Conference. BAR International Series 1729 / ed. S.L. Solovyov. – Oxford: Archaeopress. 2007. – P. 145–149.

Список сокращений

- Vinogradov Yu.A.* Rhythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian Bosphorus in Pre-Roman Times // BSS. – 8. – Meetings of Cultures in the Black Sea. Between Conflict and Coexistence / ed. P. Guldager Bilde, J.M. Højte. – Aarhus University Press. 2008. – P. 13–27.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. – Bd. 10. 1980. – S. 53–100.
- Vocotopoulou Ju.* La contribution de la Macédoine à la civilisation hellénique et universelle // Les macédoniens. Les grecs du nord et l'époque d'Alexandre le Grand. – Athènes: Kapon. 1995. – P. 16–19.
- Von Bothmar D.* A Greek and Roman Treasury // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – Vol. 43. – No. 1. 1984. – P. 5–72.
- Watzinger C.* Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. – Leipzig. 1905. – 96 S.
- Wells P.S.* Culture contact and culture change. Early Iron Age central Europe and the Mediterranean world. – Cambridge University Press. 1980. – 171 p.
- Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. – Bd. 4. 1955. – S. 412–444.
- White D.* A View of the Horse from the Classical Perspectives. The Penn Museum Collection. – Expedition. – Vol. 53. – No. 3. 2000. – P. 24–33.
- Winter F.E.* Greek fortifications. – London, Routledge, Kegan. 1971. – 370 p.
- Wolters P.* Die goldenen Ähren // Festschrift für J. Loeb. – München. 1930a. – S. 111–129.
- Wolters P.* Gestalt und Sinn der Ähre in antiker Kunst // Die Antike. – Bd. 6. 1930b. – S. 284–301.
- Young R.S.* Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations. Final Report. – Vol. I. – Pennsylvania. 1981. – 326 p.
- Zehetmaier J.* Leichenverbrennung und Leichenbestattung im alten Hellas. – Leipzig. 1907. – 214 S.
- Zograph A.* The Tooapse Hoard. With some Notes on the Lysimachean Staters struck at Byzantium // Numismatic Chronicle. Fifth Series. – Vol. 5. 1925. – P. 29–52.

Материалы Научного архива ИИМК РАН:

- Шкорпил В.В.* О раскопках заведующего Керченским музеем древностей // Ф. 1, 1911 г., д. 7.
- Шкорпил В.В.* О раскопках заведующего Керченским музеем в Керчи и на Тамани в 1913 г. // Ф. 1, 1913 г., д. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. – СПб.
- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984
- АИБ – Археология и история Боспора. – Симферополь; Керчь.
- АМА – Античный мир и археология. – Саратов.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л. (СПб.)
- БИ – Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь.
- БС – Боспорский сборник. – М.
- БФ – Боспорский феномен. – СПб.
- БЧ – Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь.
- ВДИ – Вестник древней истории. – М.
- ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция.
- ГНБ – Годишник на народната библиотека. Пловдив.
- ДБ – Древности Боспора. – М.
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского. – СПб. – 1854.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.
- ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры РАН. – СПб.
- ЗООА – Записки Одесского археологического общества. – Одесса.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса.
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. – СПб.
- ИАН ООИ – Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. – М.
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Л.
- ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. – М.; Л.
- ИС – Итальянский сборник. – СПб.
- ИТУАК – Известия Таврической учёной архивной комиссии.
- КБН – Корпус боспорских надписей. – М.-Л.: «Наука». – 1965.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь.

- Jdl – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
JHS – Journal of Hellenic Studies. London.
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich und München.
RE – Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Stuttgart.
REG – Revue des études grecques. Paris.
SC – Scythica et Caucasica – В.В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I-II. – СПб. – 1893–1906.
StCl – Studii clasice. București.

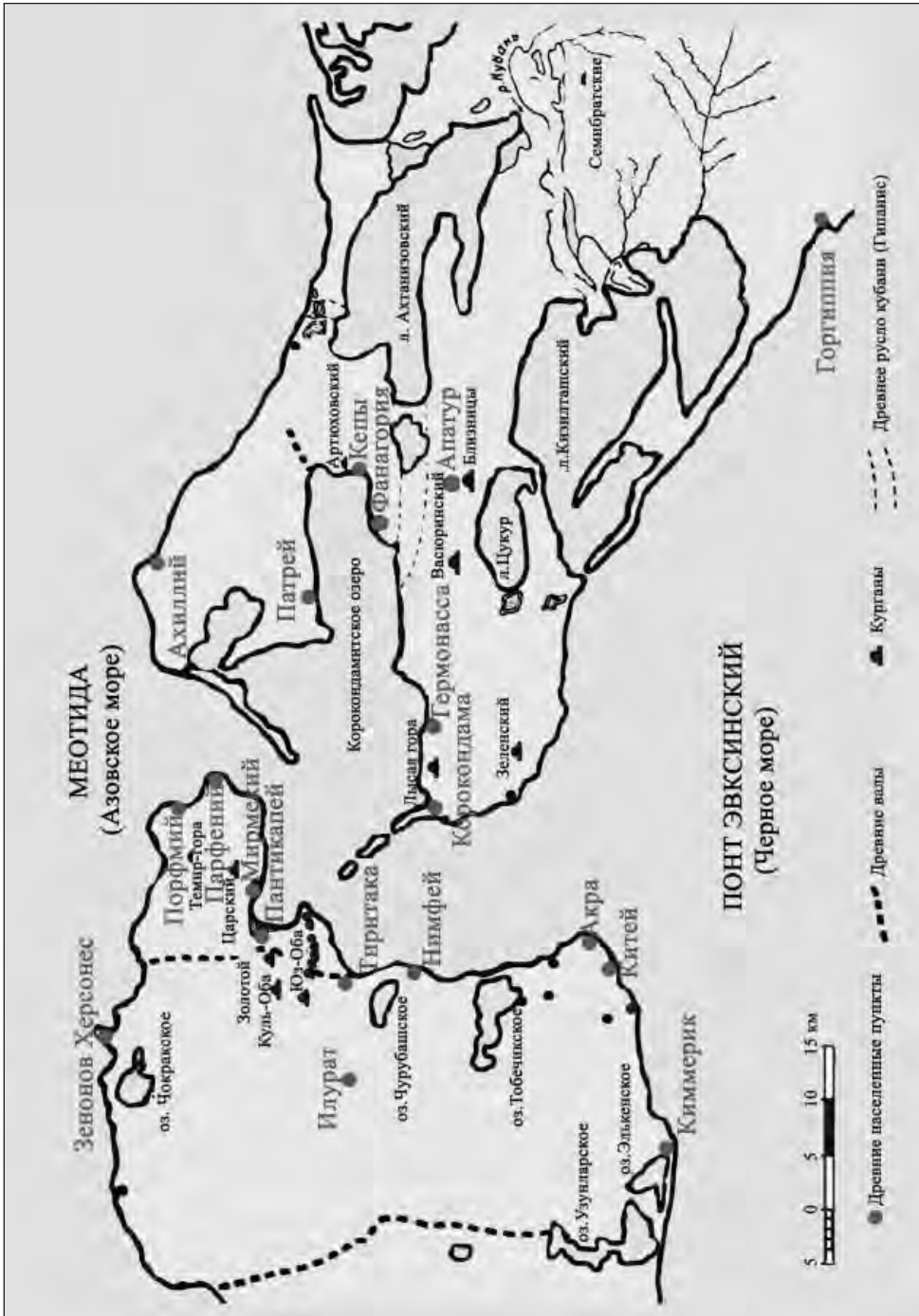
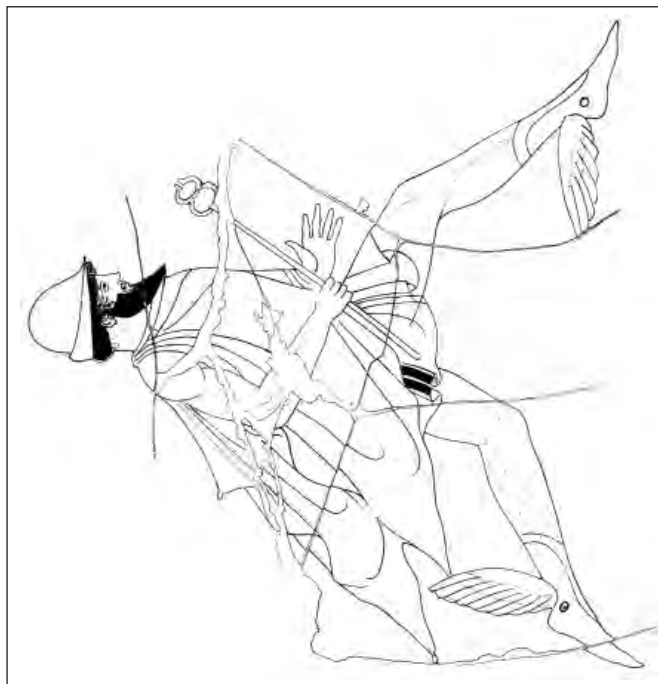

Рис. 1. Греческие поселения Киммерийского Боспора (по В. Ф. Гайдукевич, 1949; цветная версия Р. Г. Синенко).

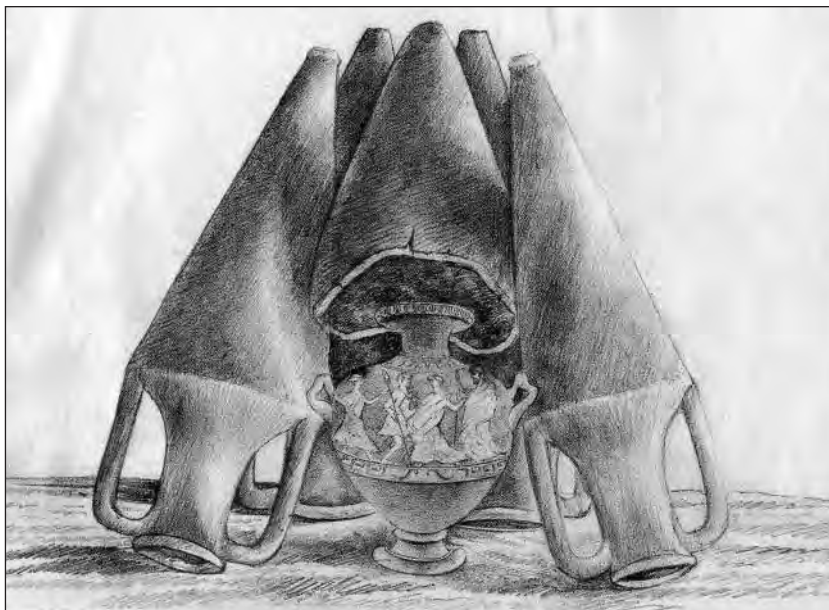

Рис. 3. Изображение Гермеса на краснофигурной гидрии, обнаруженной А. А. Бобринским во время раскопок на северном склоне г. Митридат в 1891 г. (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 53, л. 366).

Рис. 2. Фрагменты глиняной ванны, найденной в Пангикапее (по Tolstikov, 2003).

Рис. 4. Конструкция из амфор, открытая П. Дюбрюксом в центральном погребении кургана 1 близ Керчи. Рисунок В.И. Бларамберга (по Дюбрюкс, 2010).

Рис. 5. Краснофигурная аттическая гидрия из центрального погребения кургана 1 близ Керчи (по Дюбрюкс, 2010).

Рис. 6. Изображение на щитке золотого перстня из скифского кургана 2/2002 могильника Перещепино I (по Кулатова, Супруненко, 2010).

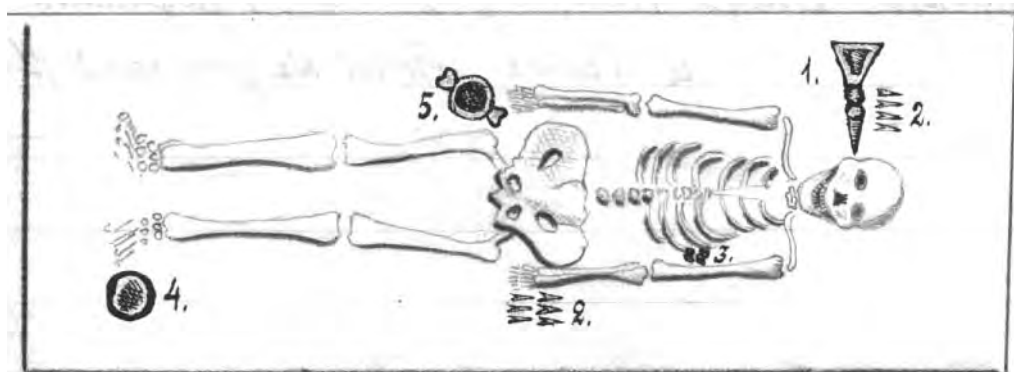

Рис. 7. Схематический план погребения у Цукур-Лимана, составленный В.В. Соловьёвым (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1913 г., д. 4, л. 52)

1 – боевой топор; 2 – стрелы; 3 – два льва (бронзовая бляха); 4 – коринфский сосуд; 5 – килик.

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 8. Бронзовые украшения из конского погребения кургана 5 на м. Ак-Бурун (по Бутягин, Виноградов, 2014).

Рис. 9. Погребения В-14 и В-15, открытые в 1999 г. на северо-восточном участке некрополя Нимфея (по Sokolova, 2002).

Рис. 10. Погребение В-14 некрополя Нимфея (по Sokolova, 2002).

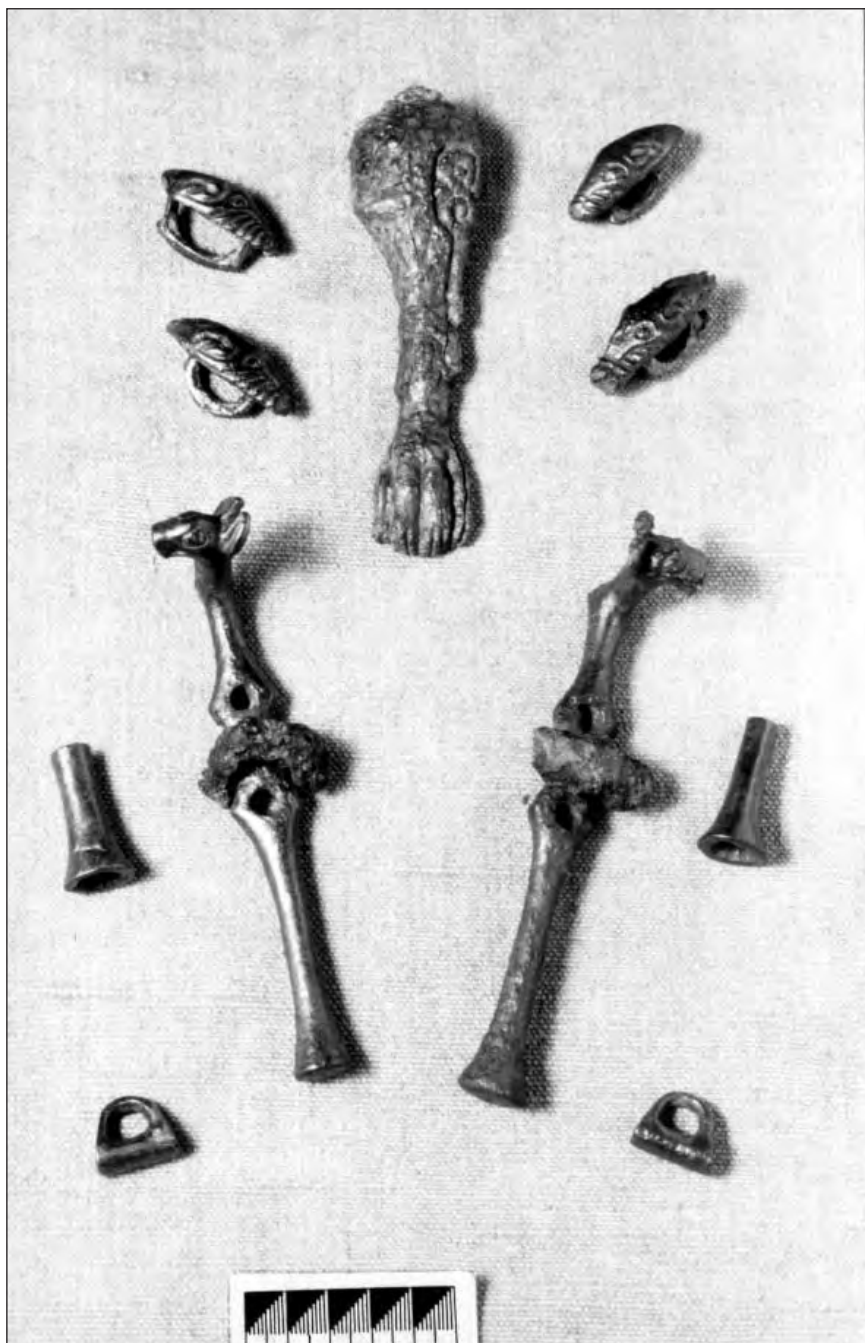

Рис. 11. Бронзовые украшения упряжи из конского погребения В-15 некрополя Нимфея (по Sokolova, 2002).

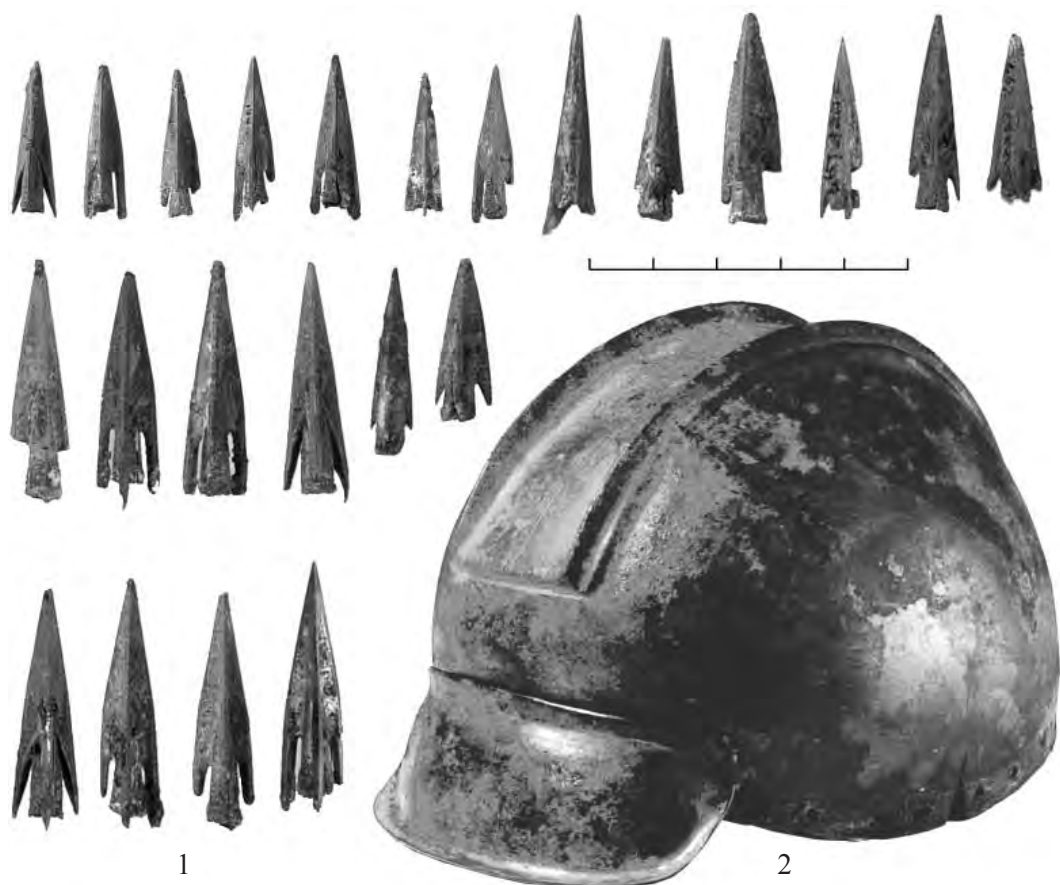
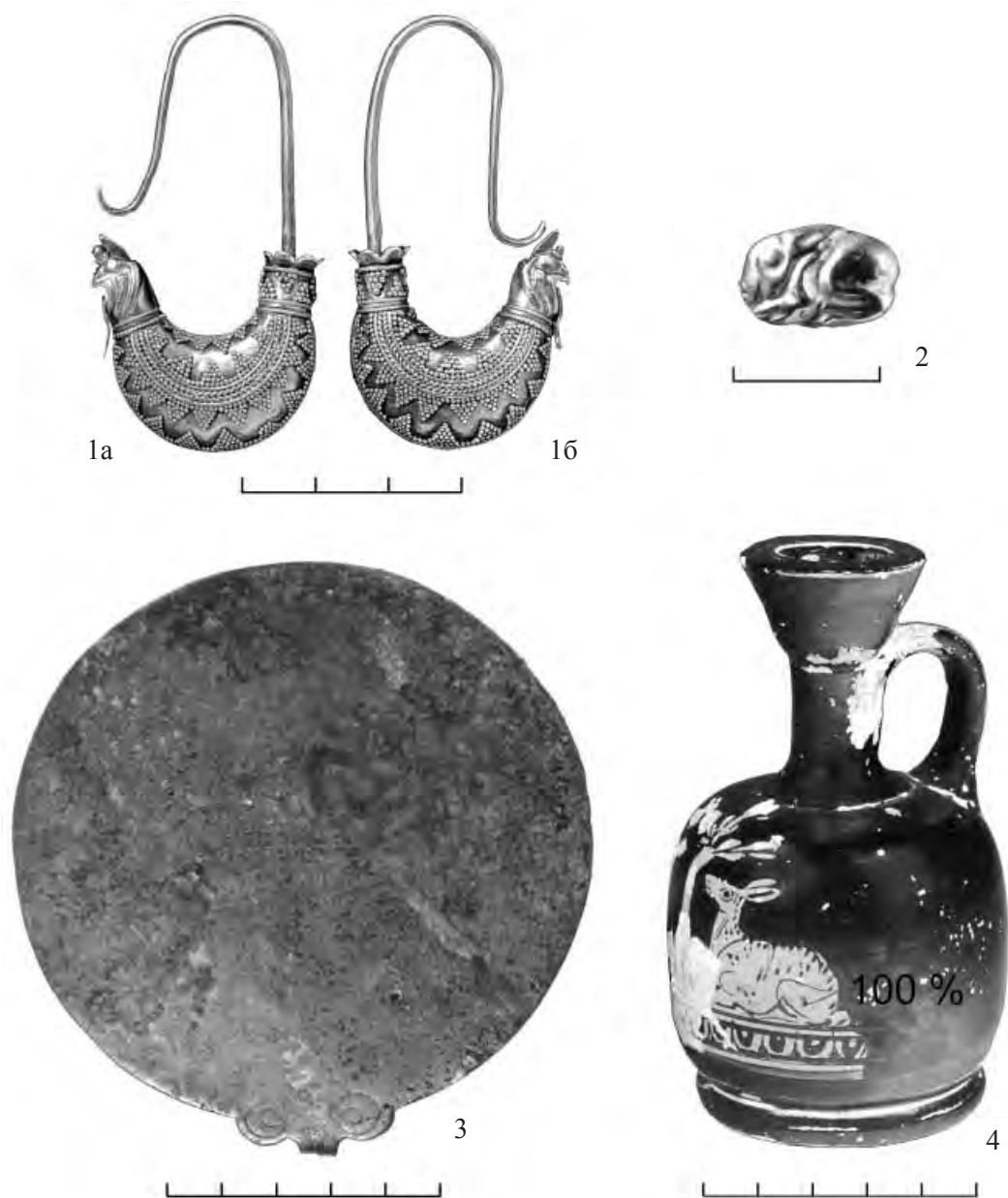

Рис. 12. Вещи из мужского погребения гробницы 1 некрополя Нимфея (по Vickers, 1979; 2002):
1 – бронзовые наконечники стрел; 2 – бронзовый шлем.

Рис. 13. Вещи из женского погребения гробницы 1 некрополя Нимфея (по Vickers, 1979; 2002):
1а-б – золотые серьги; 2 – золотая бляшка в виде фигурки зайца; 3 – бронзовое зеркало;
5 – краснофигурный лекиф.

Рис. 14. Вещевой комплекс гробницы 2 некрополя Нимфея (по Vickers, 1979; 2002):
 1 – золотое кольцо с изображением сфинкса на щитке; 2 – золотое ожерелье; 3, 4 – золотые застёжки;
 4, 5 – краснофигурные аски; 6-8 – чернолаковые сосуды; 8а – графитто на дне чернолаковой чаши.

Рис. 15. Вещевой комплекс гробницы 6 некрополя Нимфея (по Vickers, 1979; 2002):

1 – золотая шейная гривна; 2 – фрагмент чешуйчатого панциря; 3 – нагрудная бронзовая бляха в виде головы лося;
4 – фрагмент поножей из бронзовых пластин; 5 – бронзовый черпак с лебединой головкой на конце ручки.

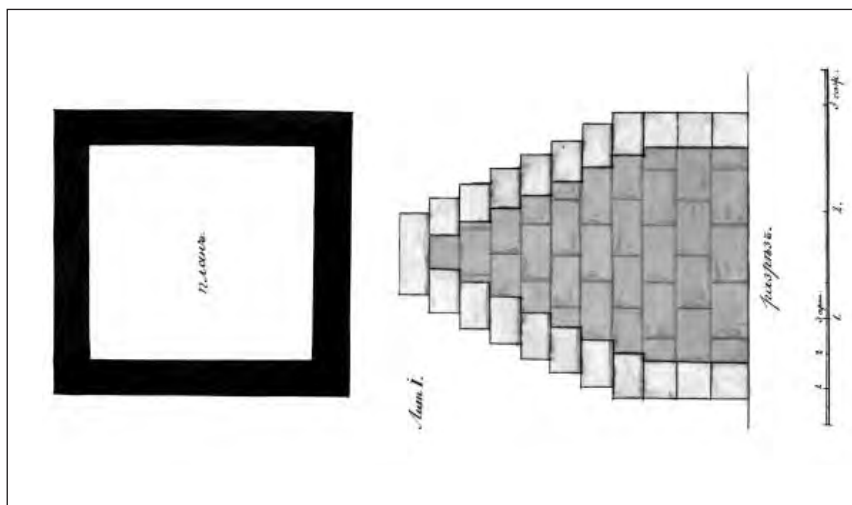

Рис. 17. Склеп № 2 Золотого кургана.
Чертеж Д.В. Карейши (Архив ИИМК РАН,
ф. 7, д. 11, л. 117).

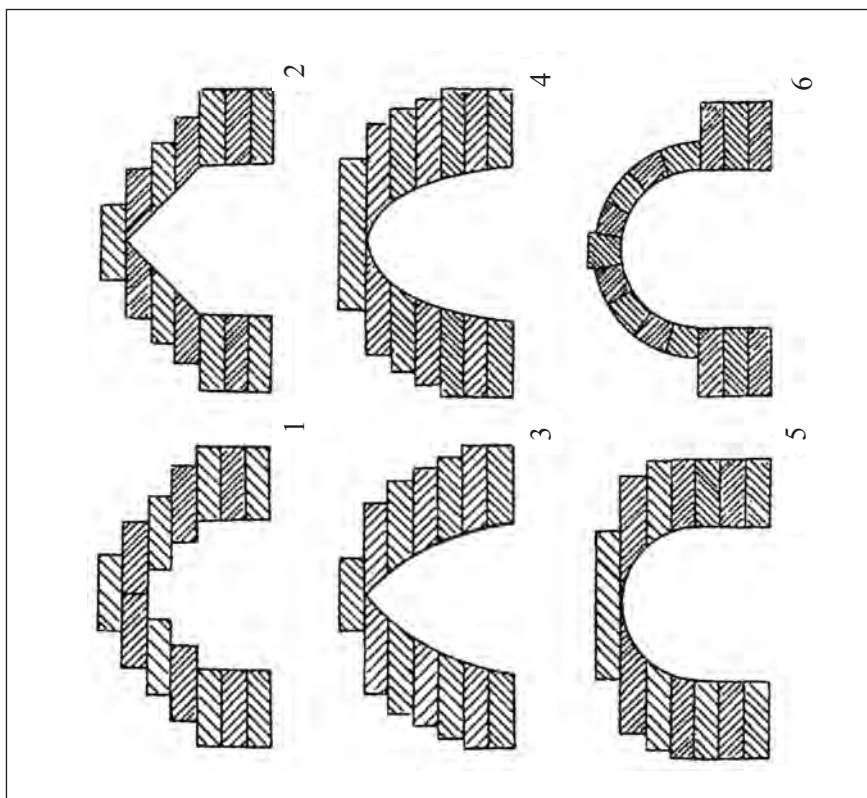

Рис. 16. Типы склепов Фраки (по Вазутова, 2005).

Рис. 18. Вход в склеп № 50 Третьего кургана Юз-Обы. Рис. К.Р. Бегичева
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 4).

Рис. 19. Склеп № 50 Третьего кургана Юз-Обы. Рис. К.Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 11).

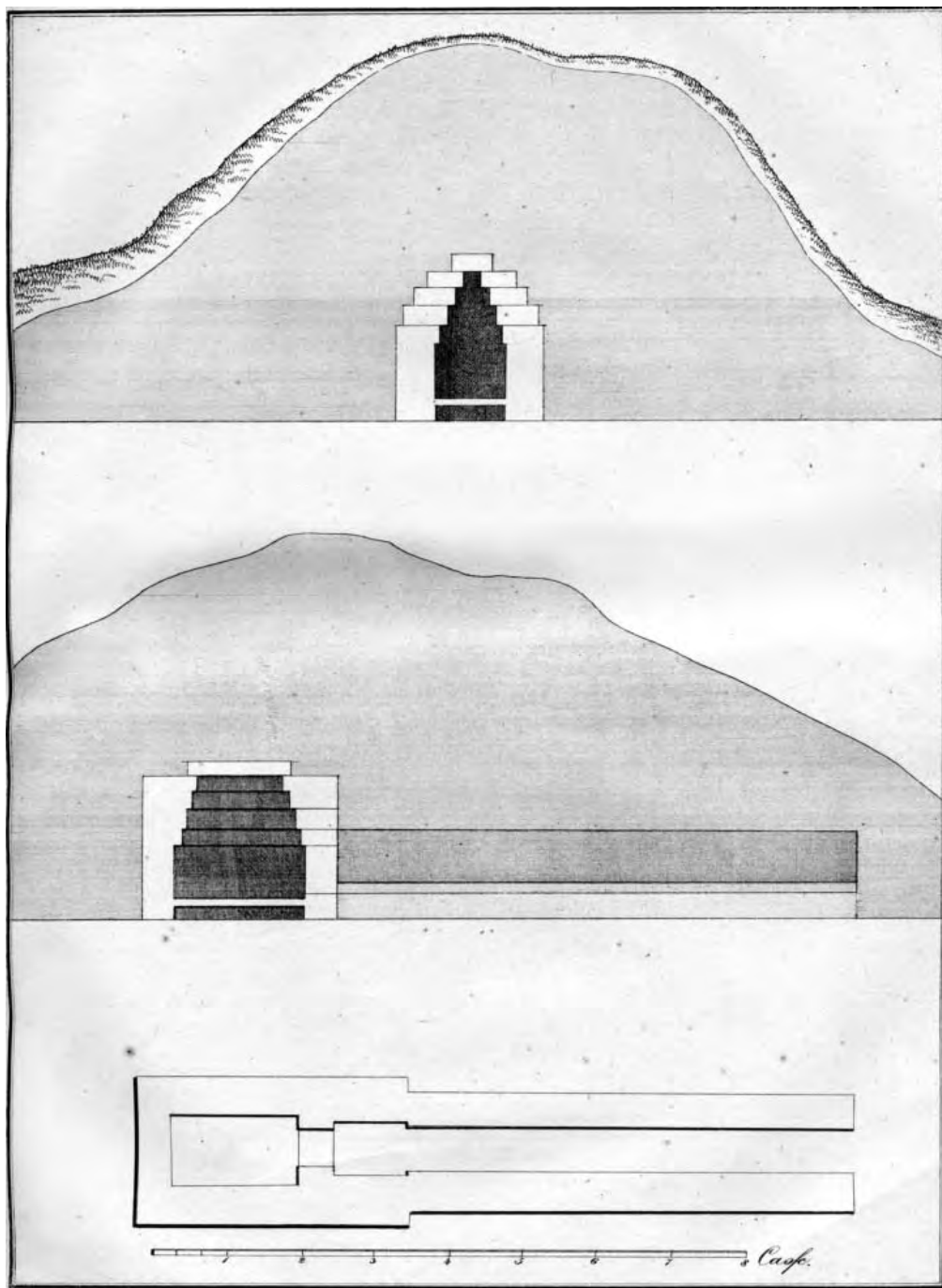

Рис. 20. Склеп 1837 г., открытый А.Б. Ашиком в городском саду Керчи (по Ашик, 1848).

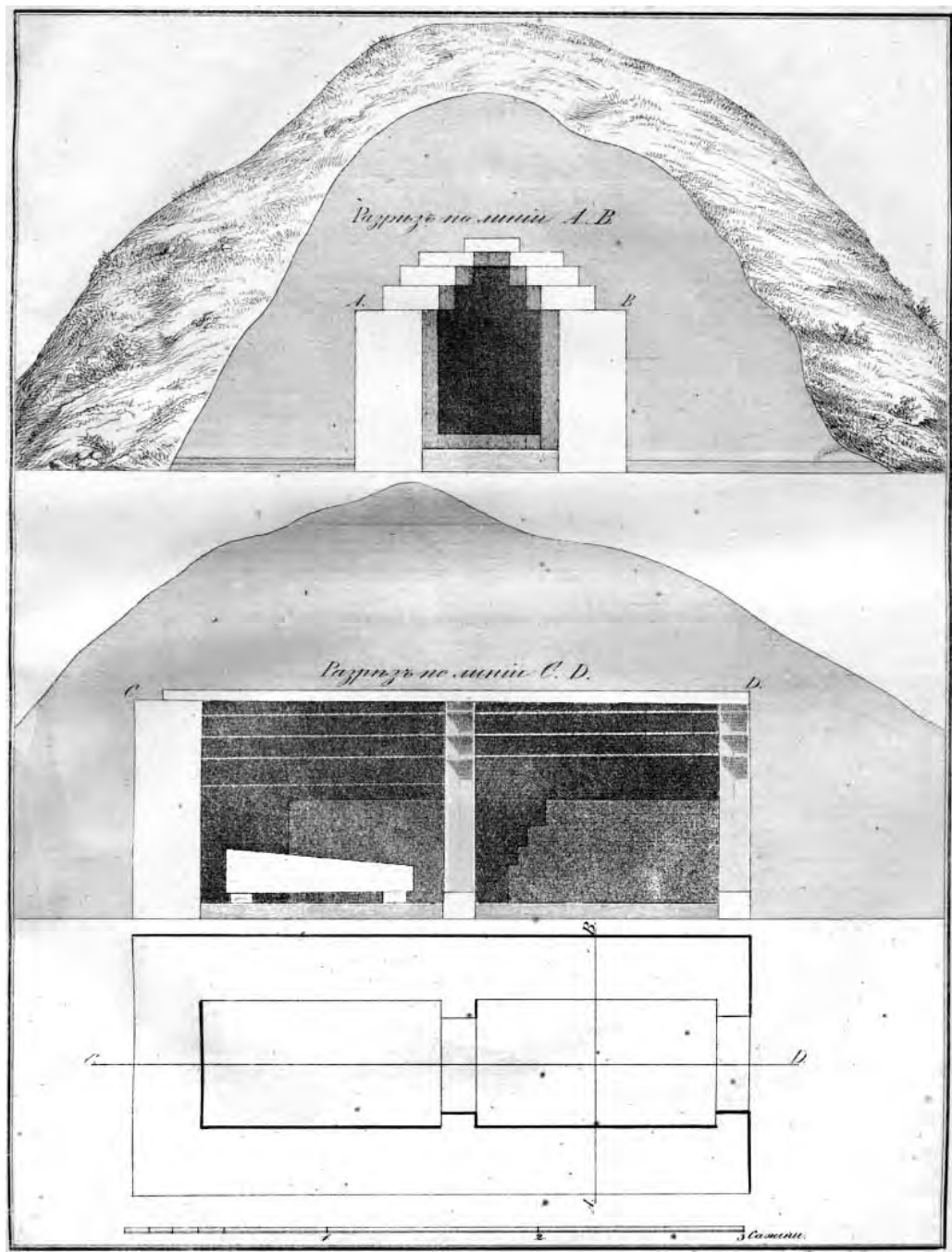
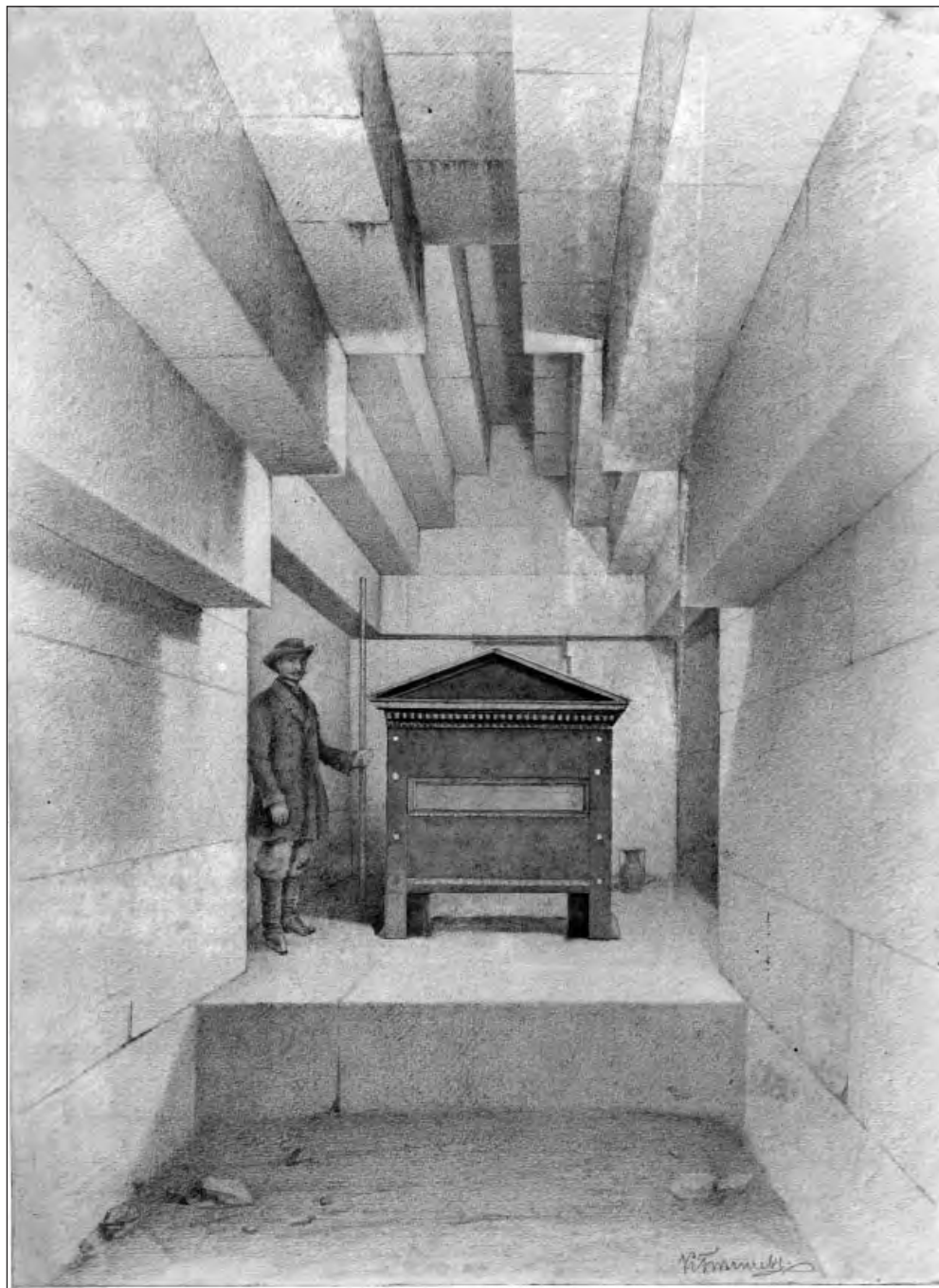

Рис. 21. Склеп 1841 г., открытый А.Б. Ашиком в кургане около дороги на Аджимушкайские каменоломни (по Ашик, 1848).

Рис. 23. Саркофаг в первой камере двойного склепа (№ 48) Пятого кургана Юз-Обы.
Рис. К.Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 22).

Рис. 24. Раскопки склепа № 21 Пятнадцатого кургана Юз-Обы.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 34).

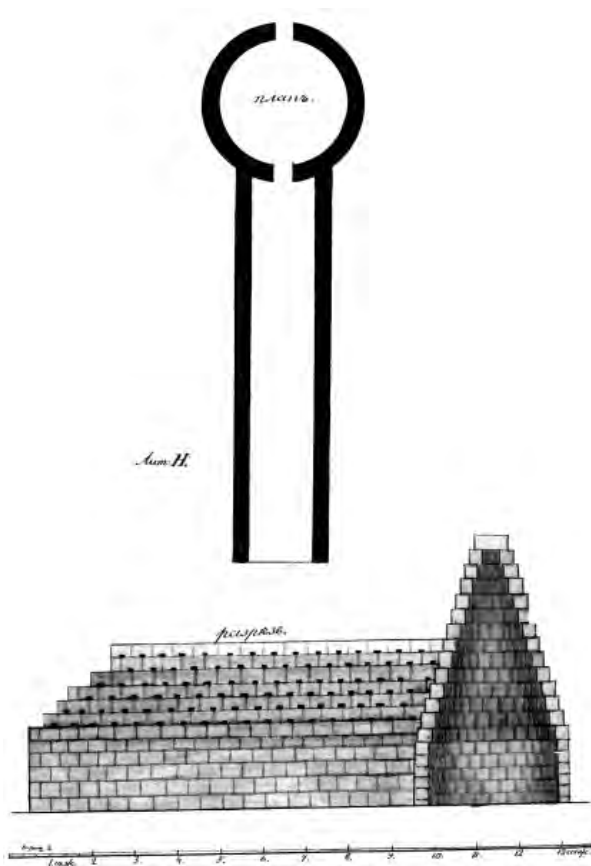

Рис. 25. Большой склеп (№ 1) Золотого кургана по Д.Б. Карейше (Архив ИИМК РАН, ф. 7, д. 11, л. 116).

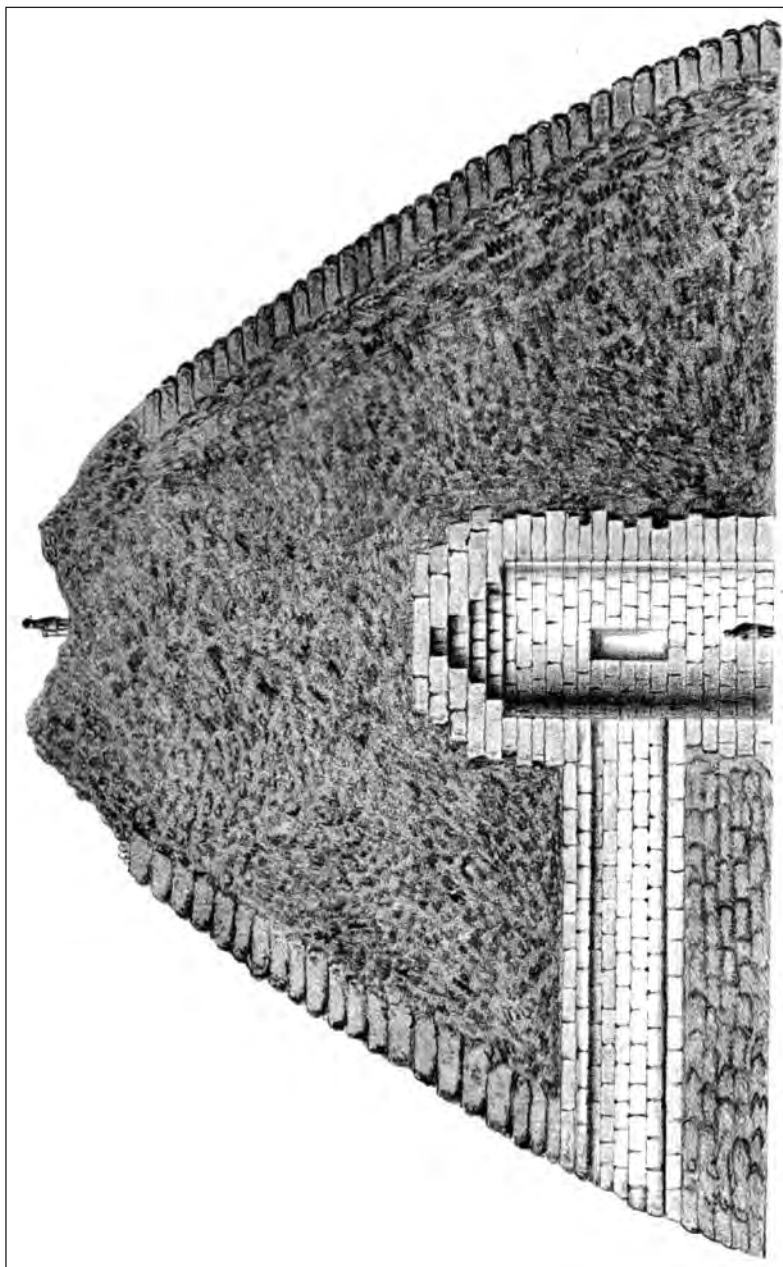
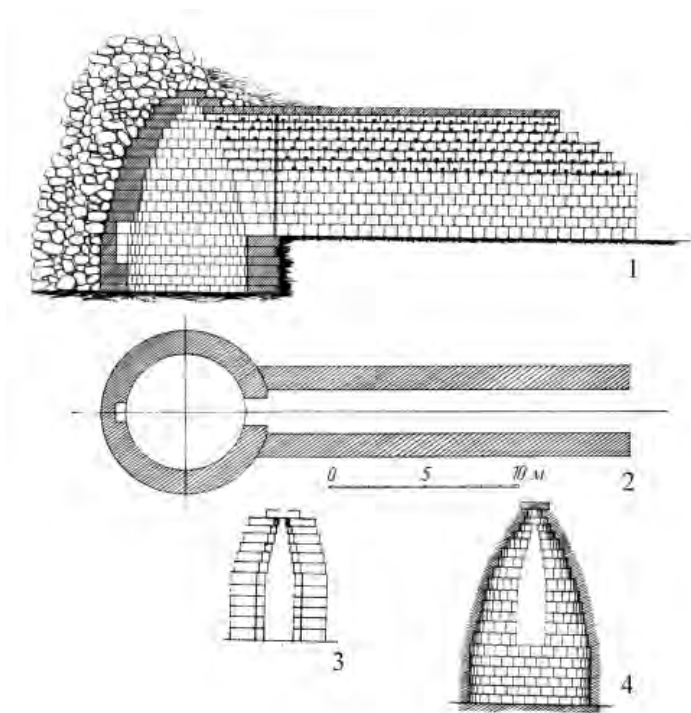

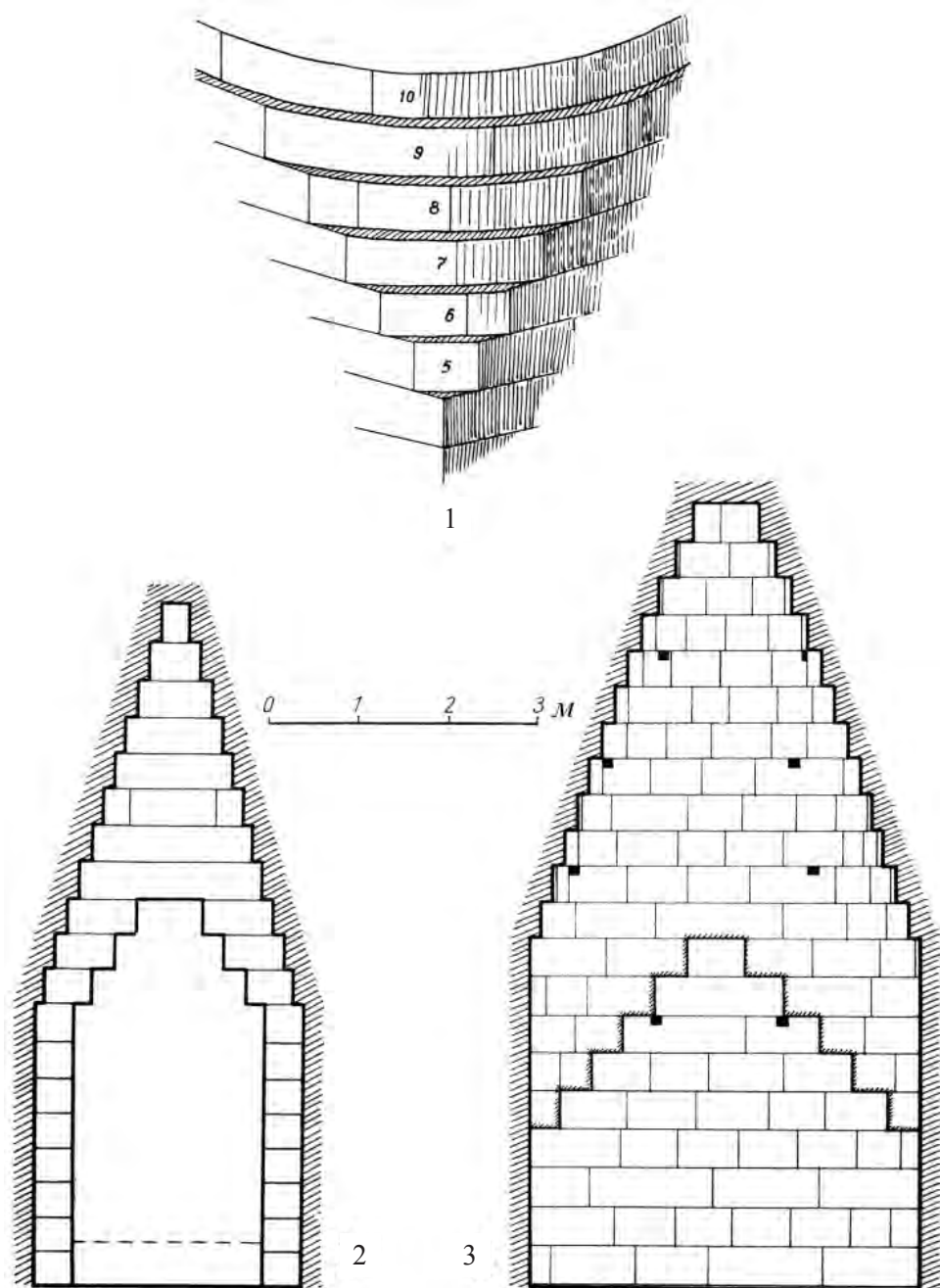
Рис. 26. Большой склеп Золотого кургана (по Монпрегеух, 1843).

Рис. 27. Большой склеп Золотого кургана (по Gajdukevič, 1971):
1 – продольный разрез; 2 – план склепа; 3 – поперечный разрез дромоса;
4 – поперечный разрез погребальной камеры.

Рис. 28. Дромос и склеп Царского кургана (по Гајдукевић, 1971).

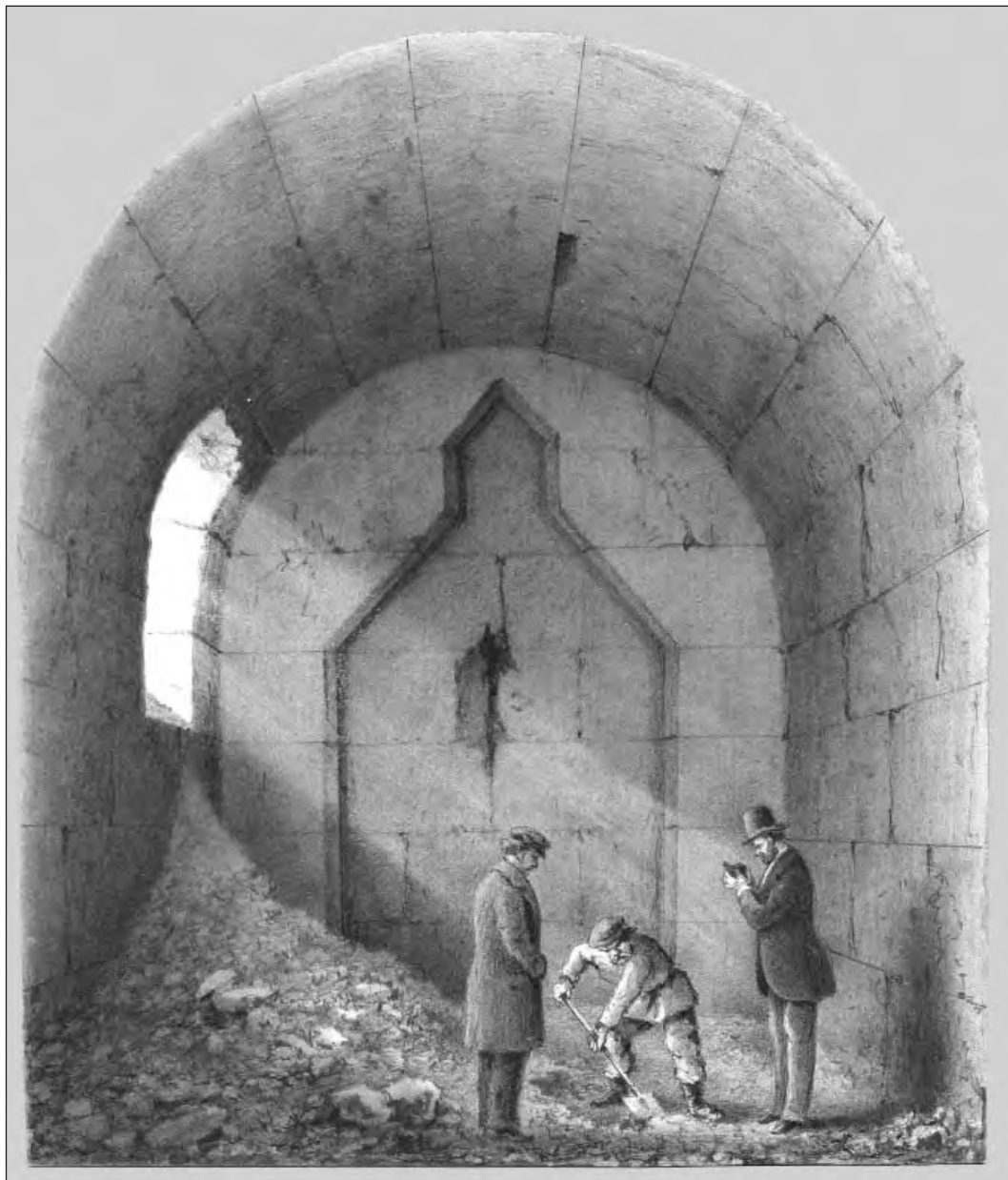

Рис. 29. Склеп Царского кургана (по Gajdukevič, 1971):
1 – ступенчатые пандативы; 2 – поперечный разрез дромоса (вход в камеру);
3 – поперечный разрез погребальной камеры.

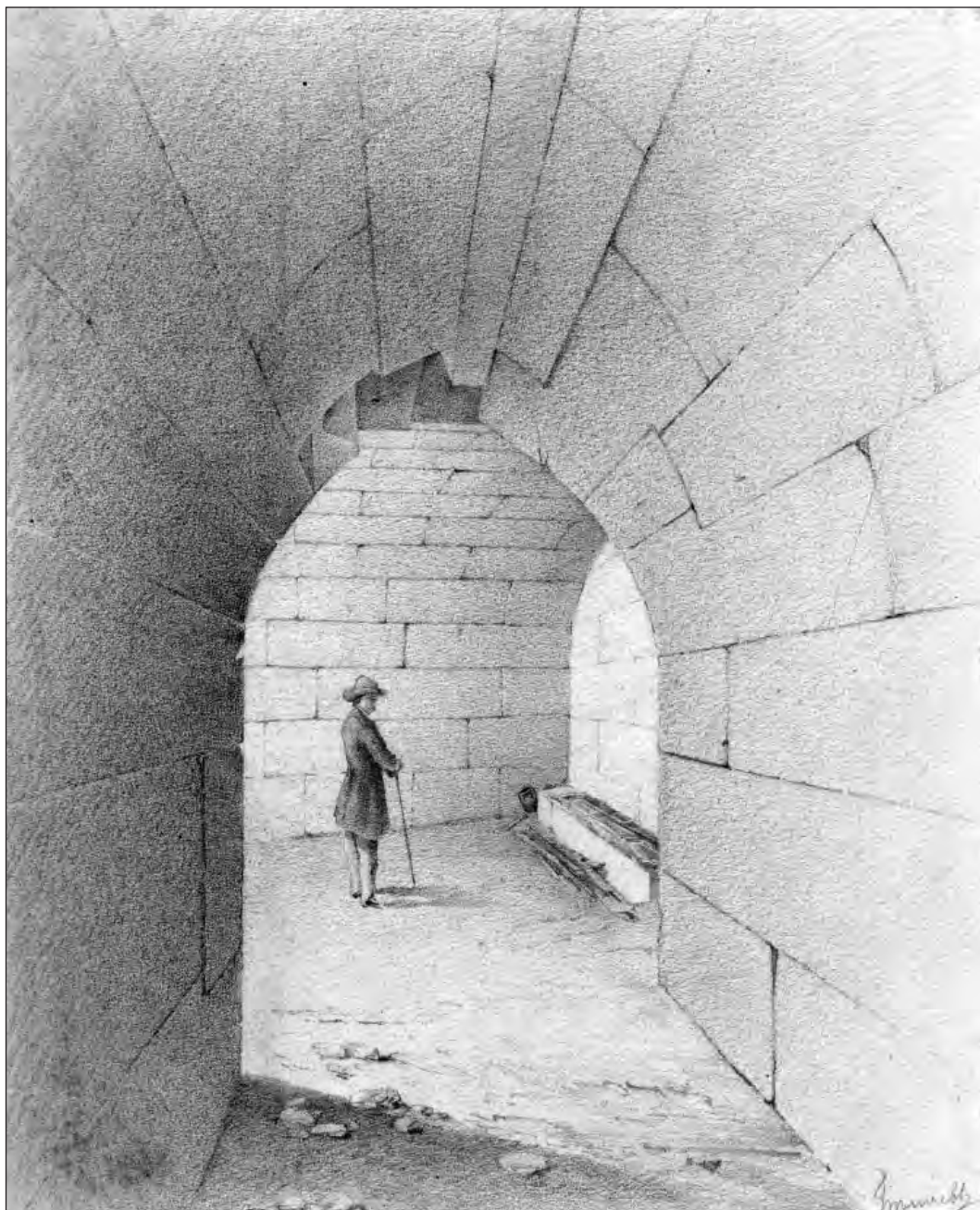

Рис. 31. Склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 176, л. 3).

Рис. 32. Гробница № 47 Шестого кургана Юз-Обы. Рис. К.Р. Бегичева
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 21).

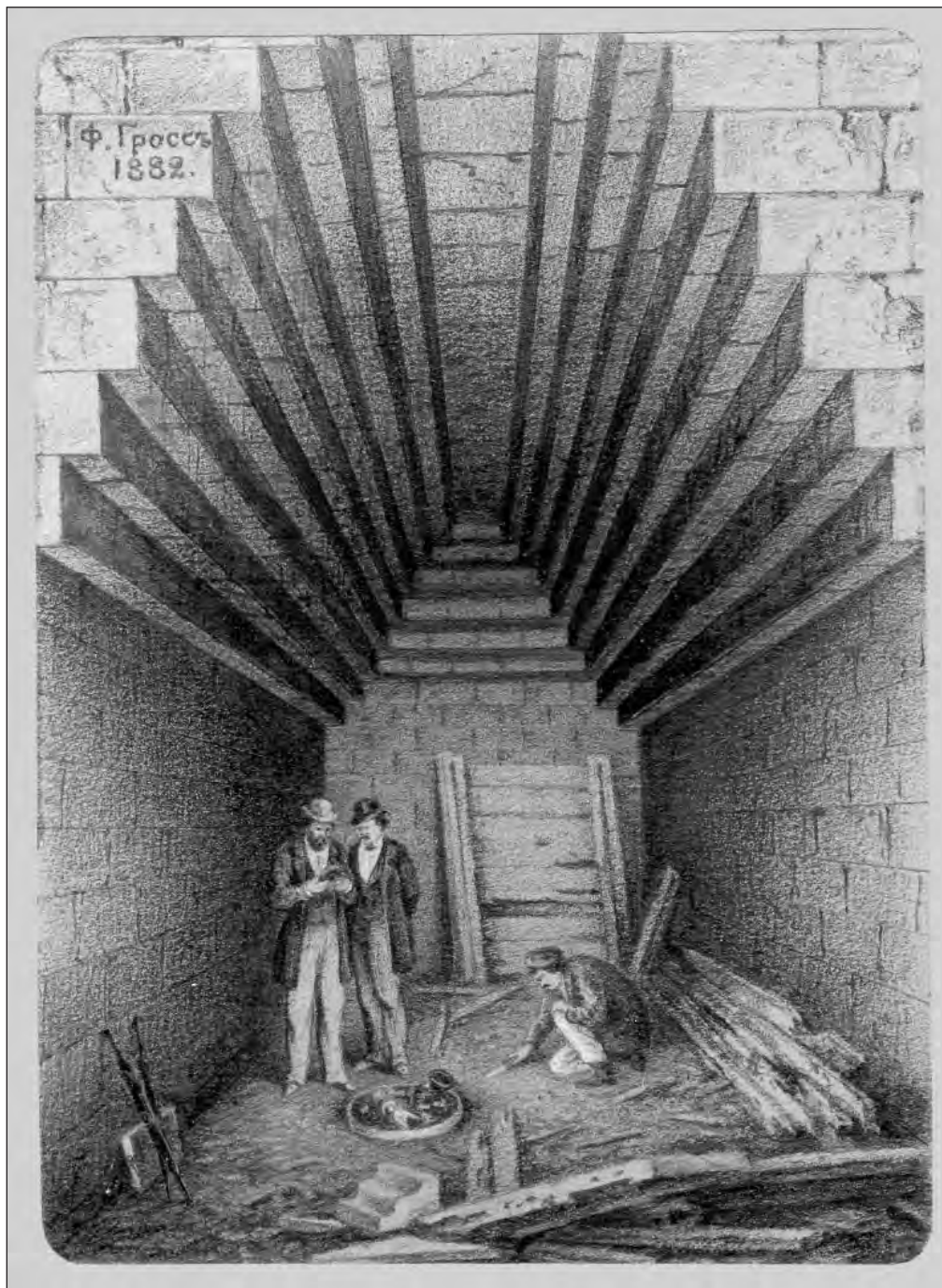

Рис. 33. Склеп кургана у с. Баксы. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 7).

Рис. 34. Вид Острого или Десятого кургана Юз-Обы с юго-западной стороны в начале его раскопок. Рис. К.Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 29).

Рис. 35. Крепида Острого кургана с восточной его стороны. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 32).

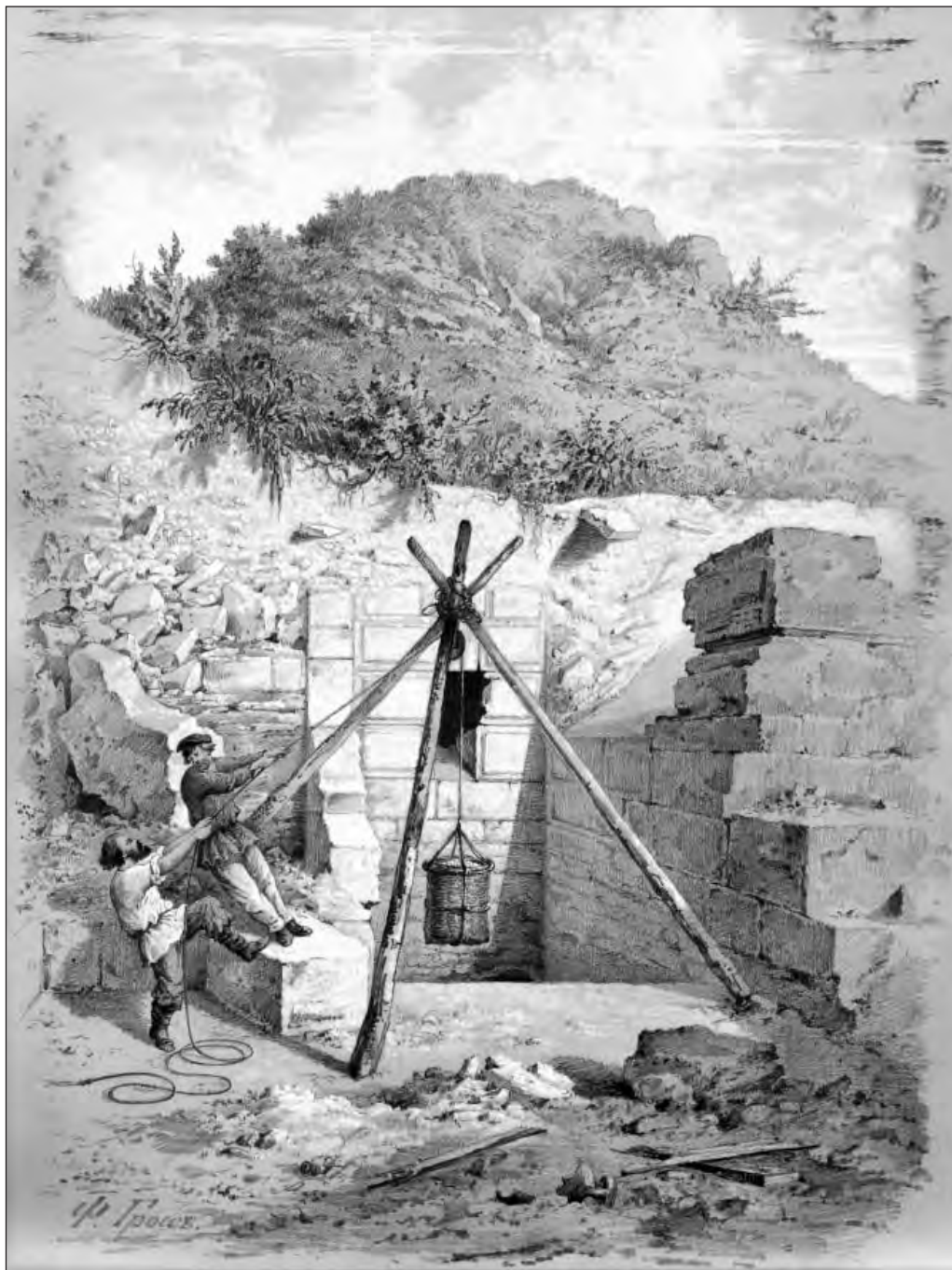
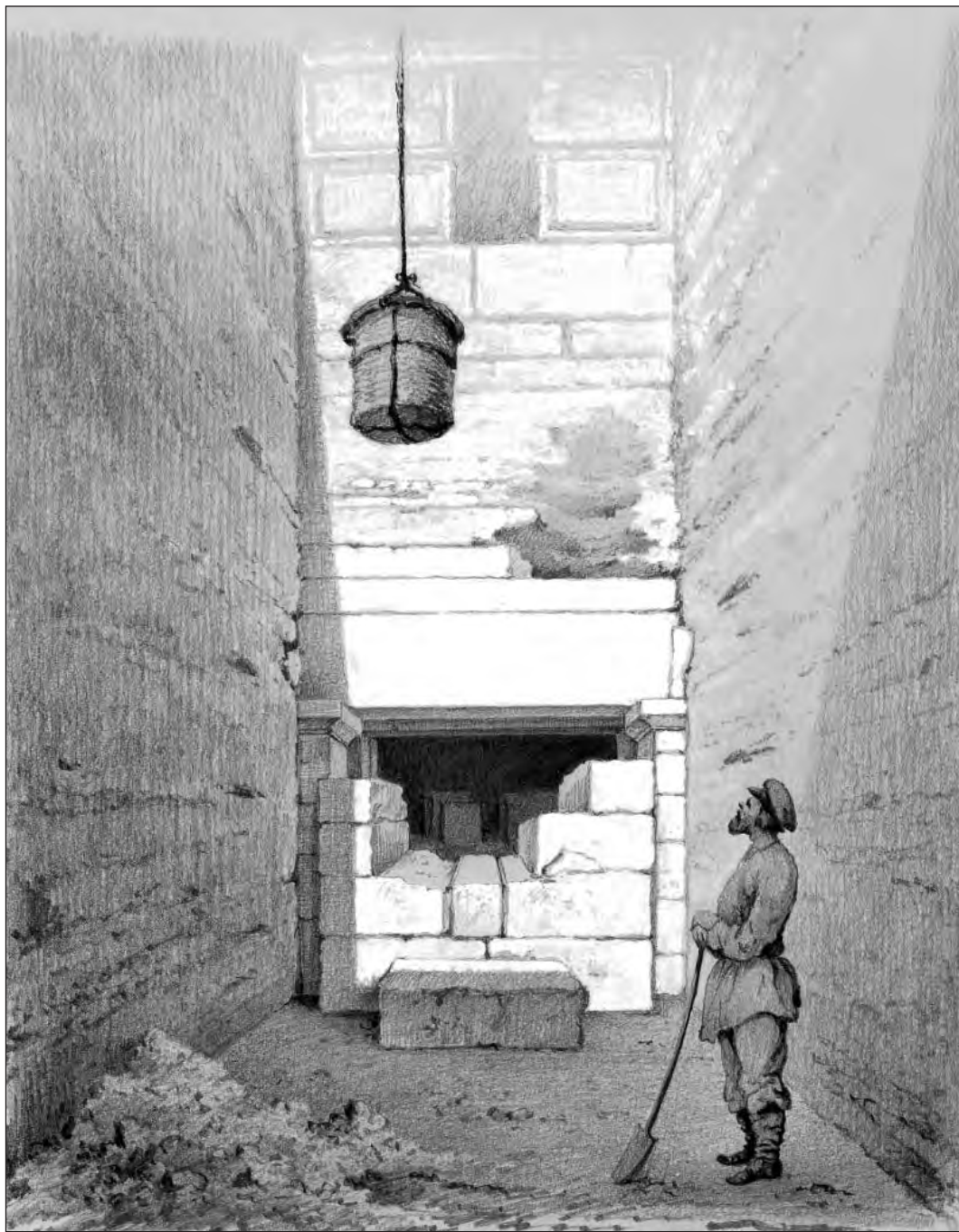

Рис. 36. Шахта, ведущая в катакомбу Острого кургана. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 30).

Рис. 37. Вход в катакомбу Острого кургана, заложенный камнями. Рис. Ф.И. Гросса
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 31).

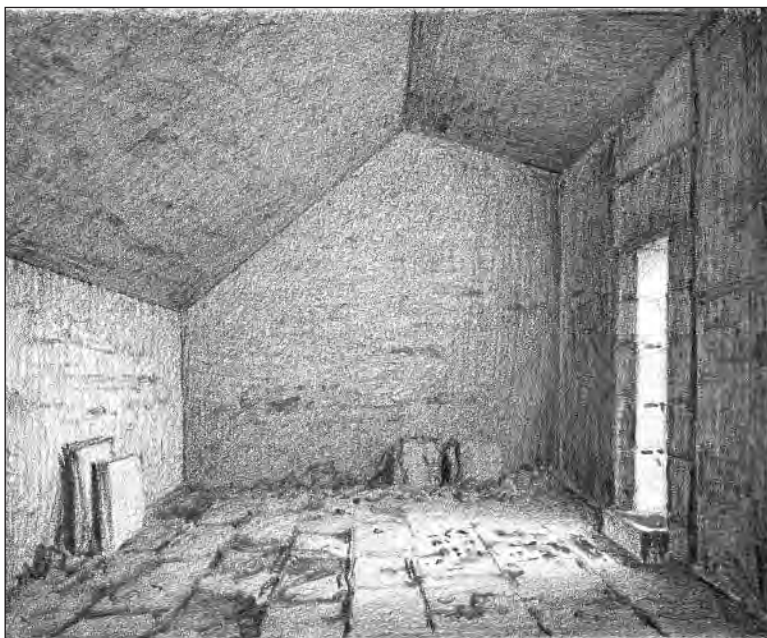

Рис. 38. Внутренний вид катакомбы Острого кургана.
Рис. Ф.И. Гросса.
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 31, А).

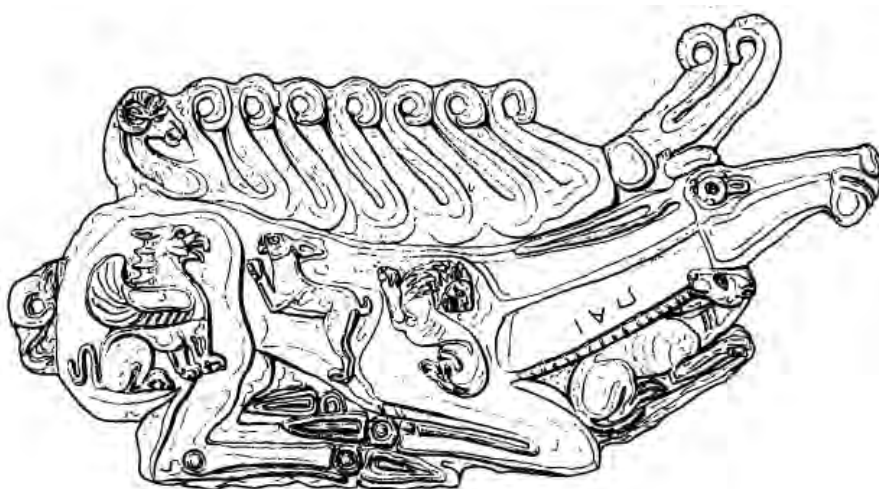
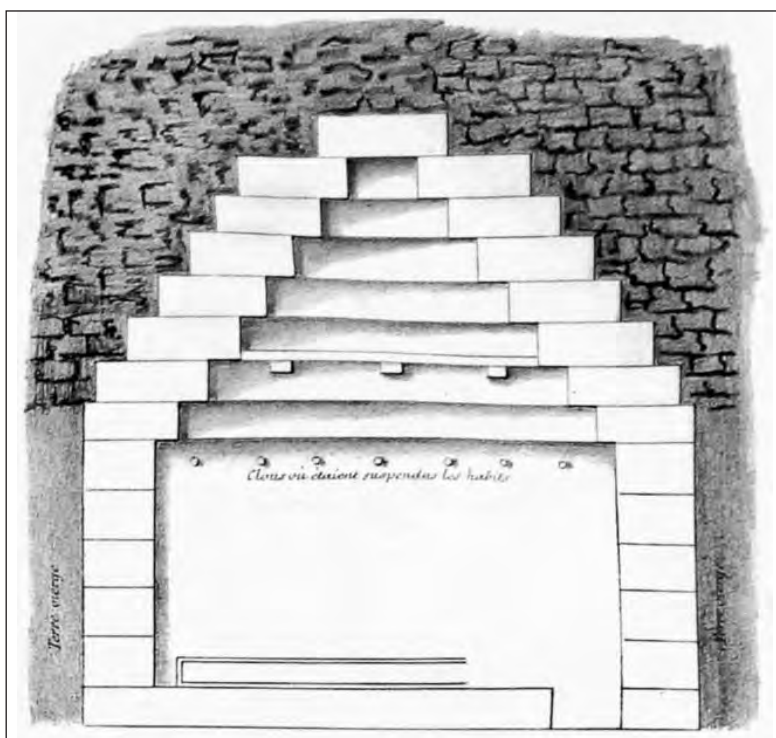

Рис. 39. Золотая бляха в виде лежащего оленя из кургана Куль-Оба (по ДБК).

Рис. 40. Склеп кургана Куль-Оба, разрез
(по Montpréaux de, 1843).

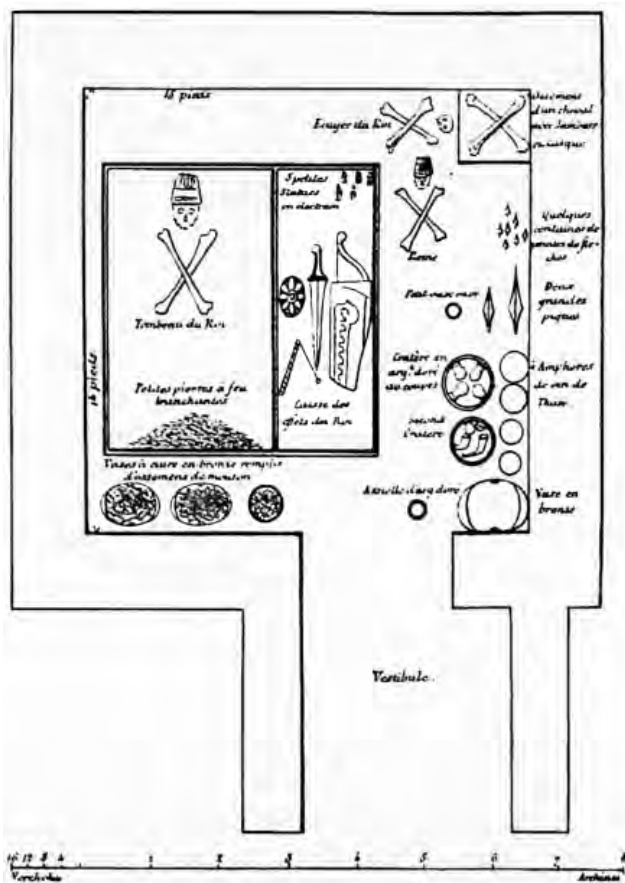

Рис. 41. План склепа кургана Куль-Оба (по Montréux de, 1843).

Рис. 42. Находки из кургана Куль-Оба (по ДБК):

1 – фигурные завершения золотой гривны; 2, 3 – золотые браслеты; 4 – культовый сосуд с изображением скифов; 5 – золотая височная подвеска с изображением головы Афины.

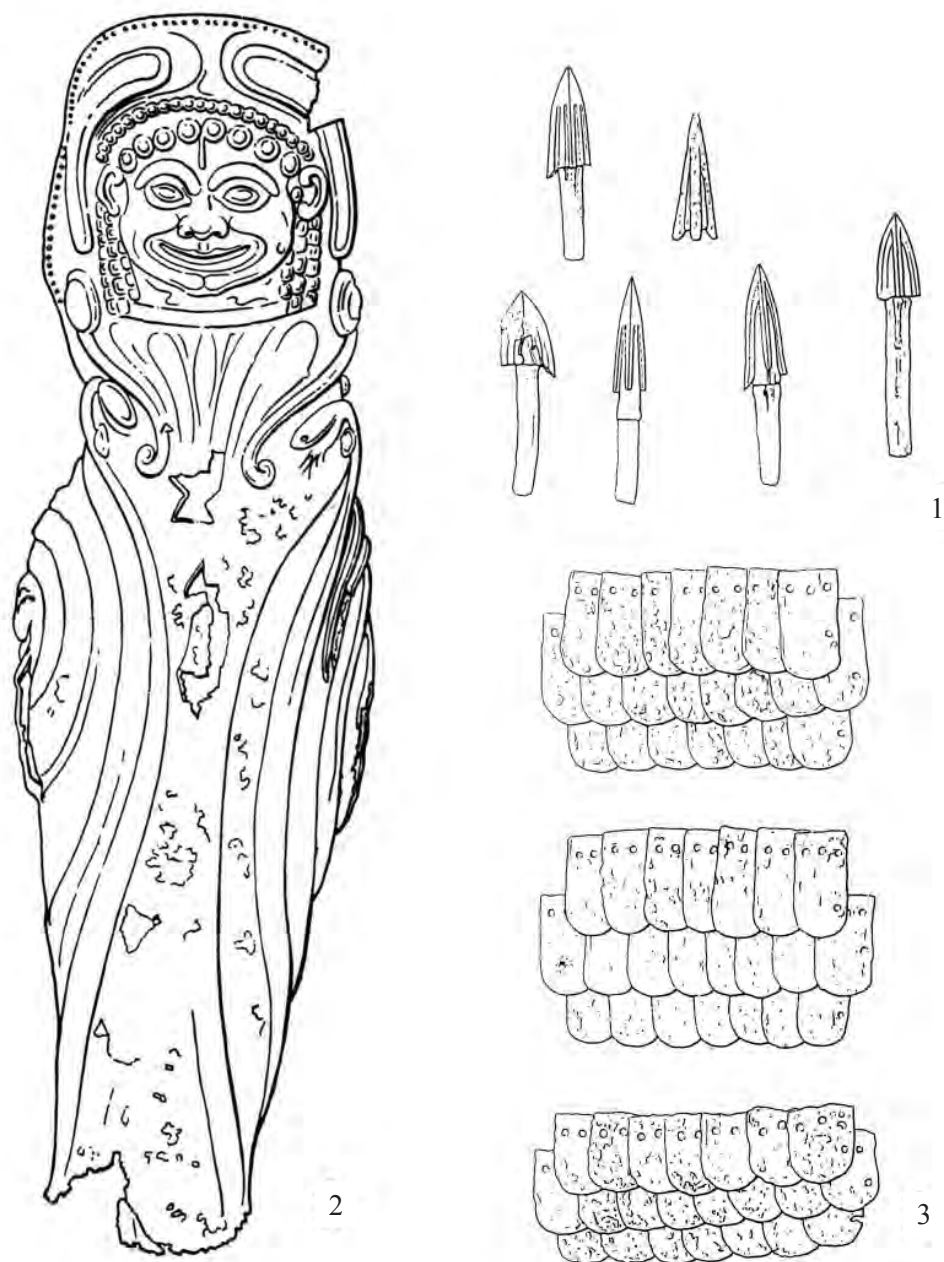
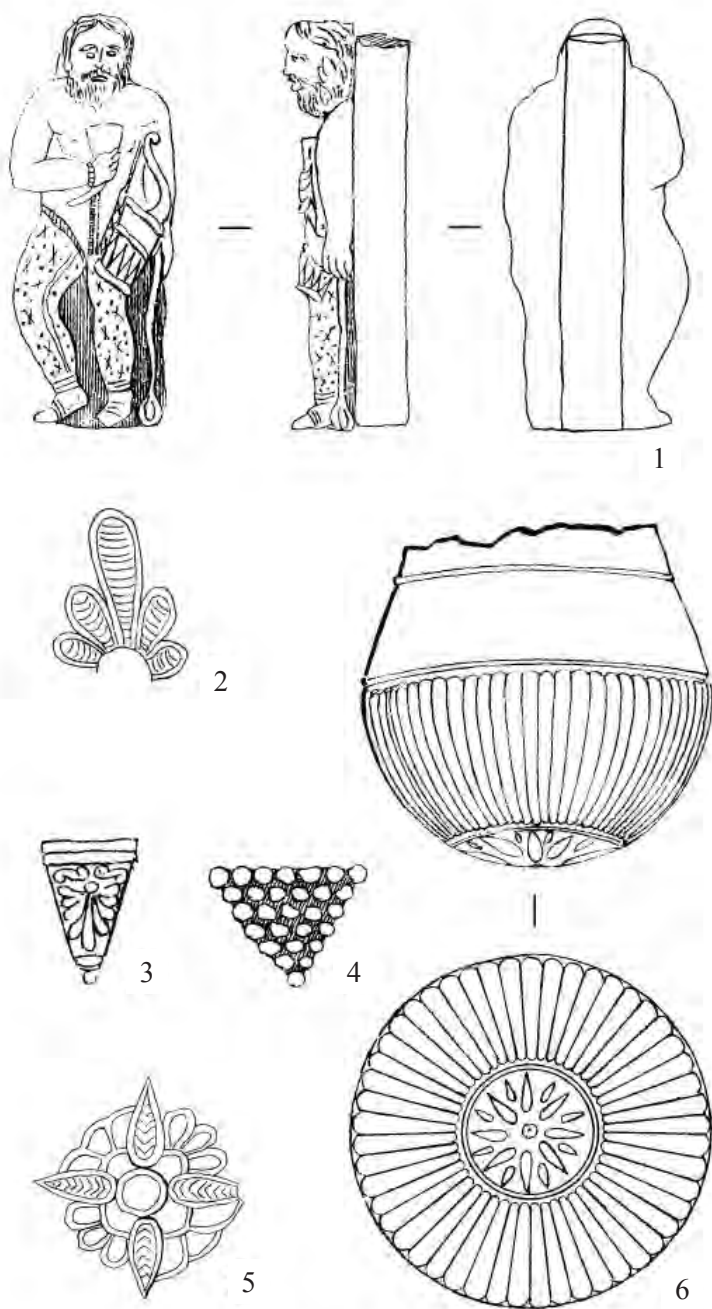

Рис. 43. Находки из кургана Ашика (по ДБК):

1 – бронзовая поножь; 2 – бронзовые наконечники стрел; 3 – бронзовые пластины от панциря.

Рис. 44. Находки из кургана Патиниоти (по Сансе, 1889):
1 – фигурка скифа; 2-5 – золотые бляшки; 6 – круглодонный сосуд.

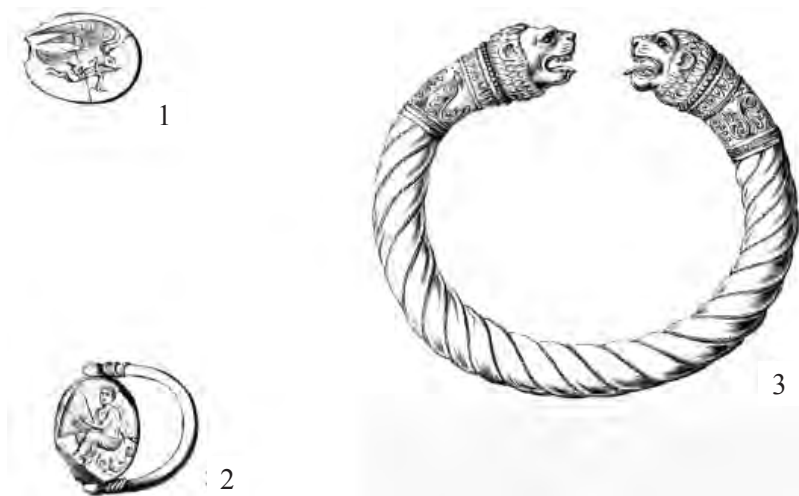

Рис. 45. Находки из погребения на Темир-Горе 1869 г. (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 693, л. 3):

- 1 – резной камень от перстня; 2 – золотой перстень с резным камнем;
- 3 – один из пары бронзовых с золотым покрытием браслетов.

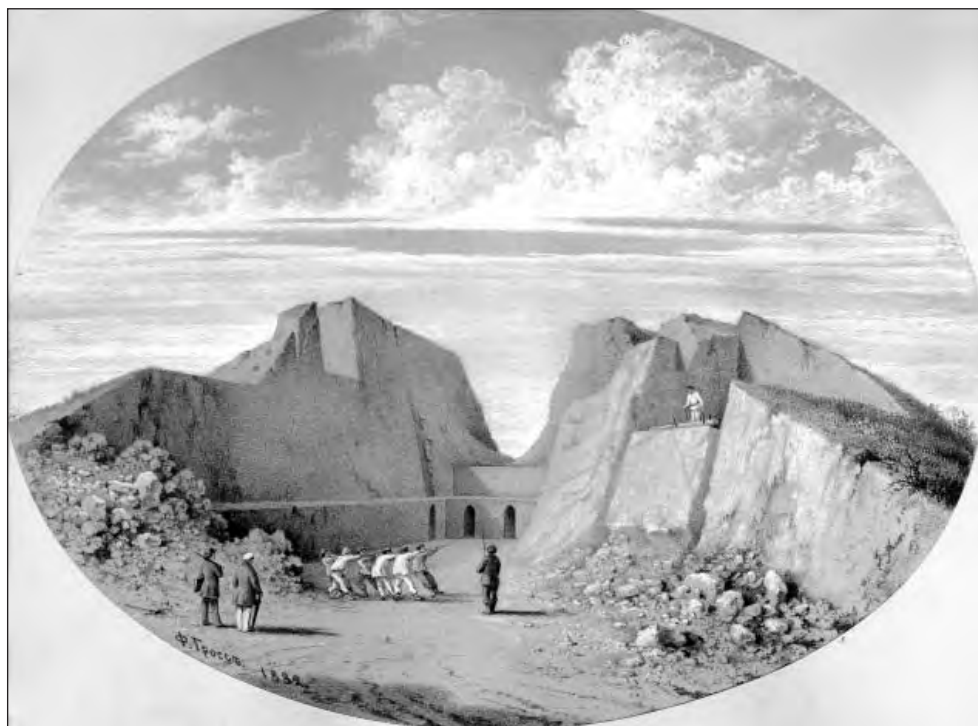

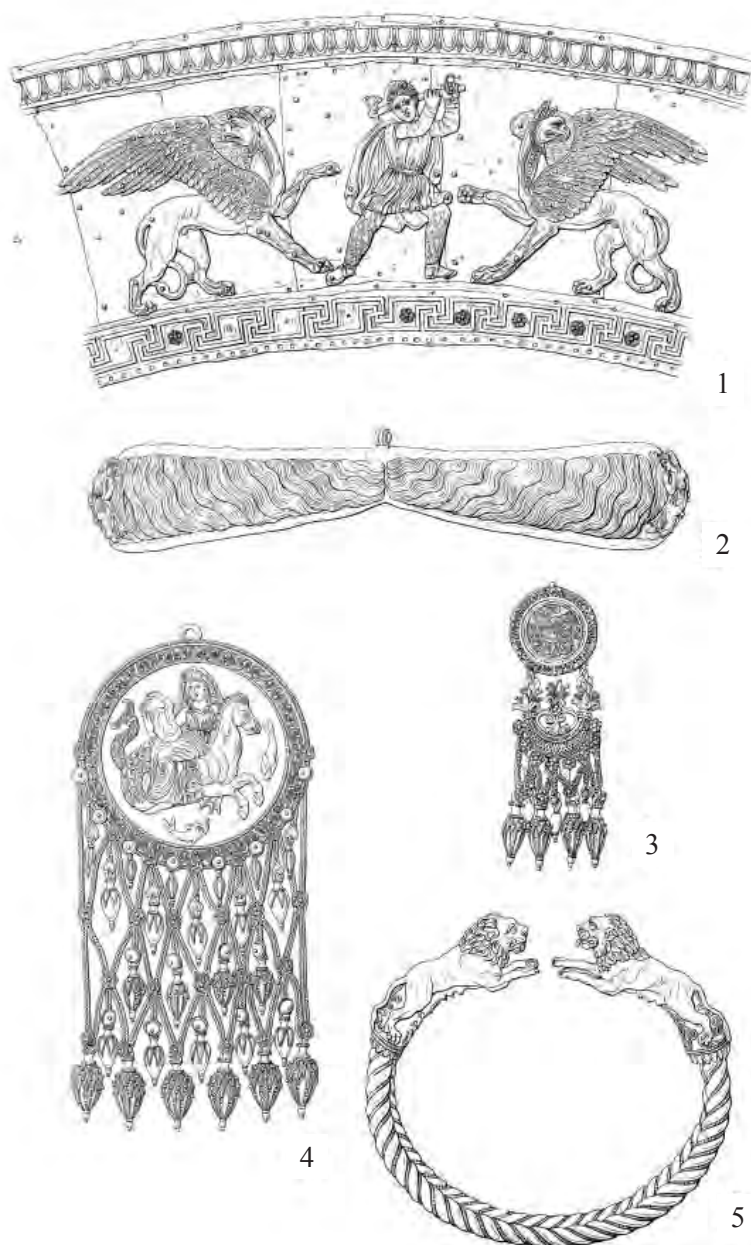
Рис. 46. Раскопки кургана Малая Близница в 1882 г. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 4).

Рис. 47. Находки из погребения в кургане Малая Близница (по Атлас ОАК за 1882-1888 гг.):
1, 3, 6, 8, 11-13 – золотые бляшки; 2 – золотой перстень; 4, 5 – части золотого венка; 7 – обломок предмета
с изображением Афины; 9 – серебряная «вилочка»; 10 – каменный оселок в золотой оправе.

Рис. 48. Раскопки кургана Большая Близница в 1864 г. Рис. Ф.И. Гросса
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 21).

Рис. 49. Находки из склепа № 1 Большой Близницы (по Атлас ОАК за 1865 г.):
1 – часть изображения на золотом калафе; 2 – золотая стленгида; 3 – золотая серьга;
4 – золотая височная подвеска; 5 – золотой браслет.

Рис. 50. Бронзовые украшения конской сбруи из склепа № 1 Большой Близницы (по Атлас ОАК за 1865 г.).

Рис. 51. Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун 1875 г.
(по Бутягин, Виноградов, 2014).

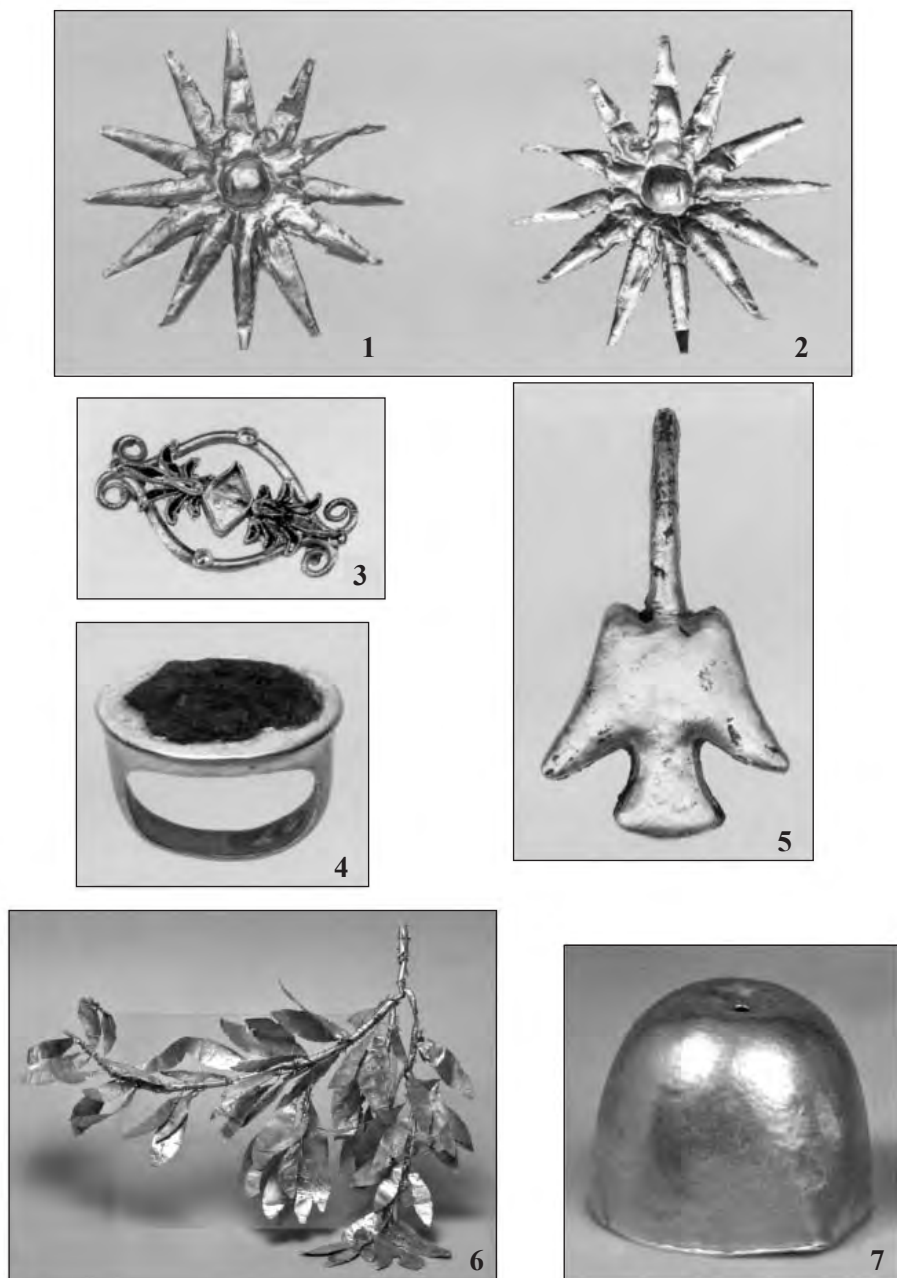
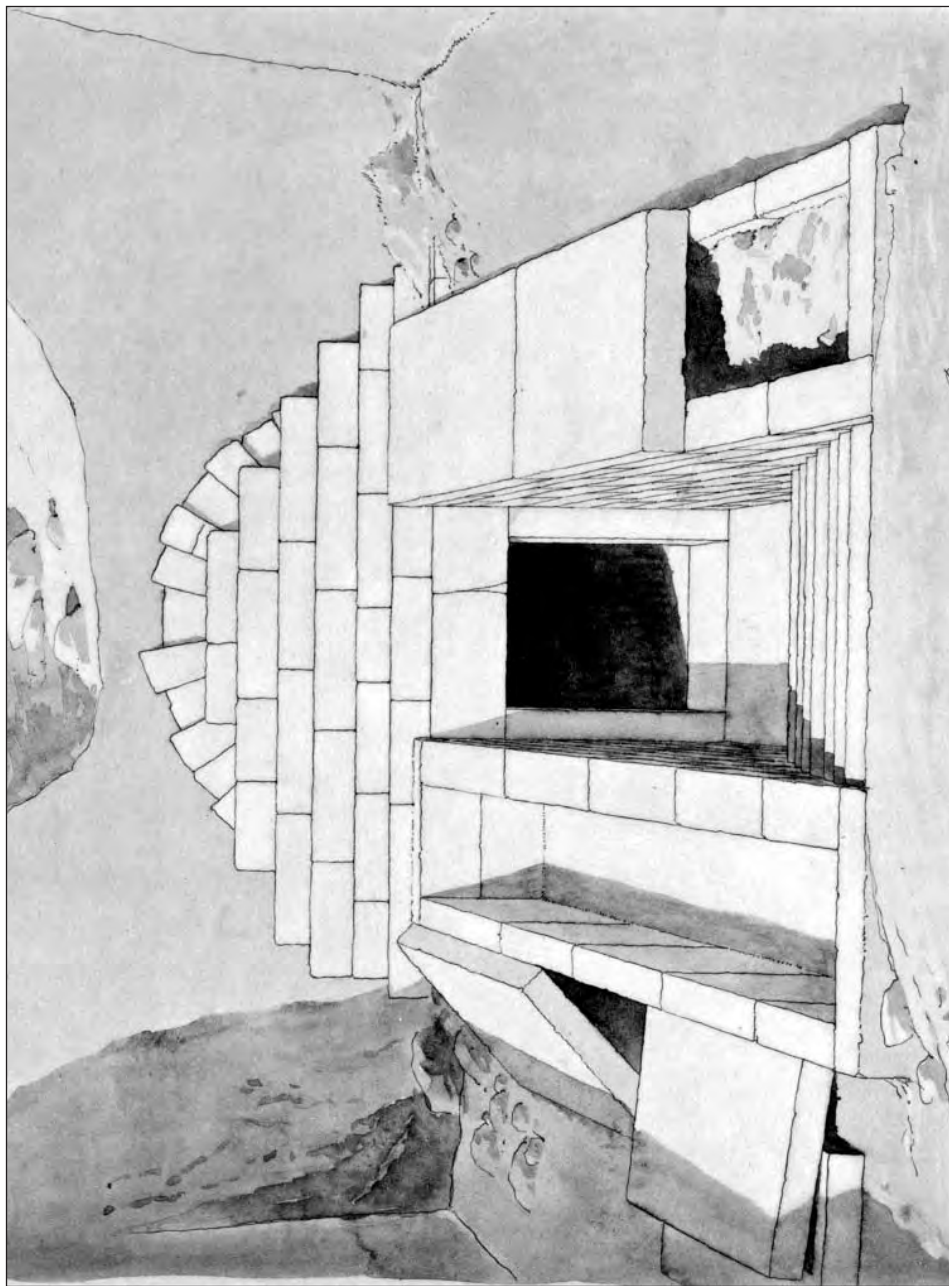
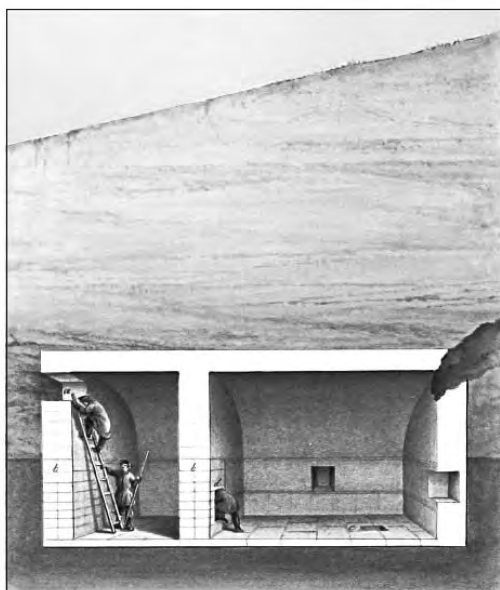
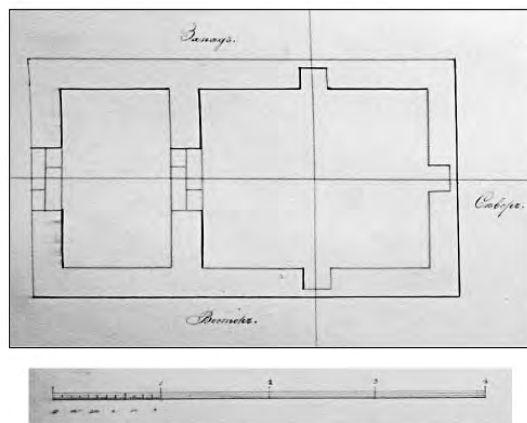

Рис. 52. Находки из кургана Ак-Бурун 1875 г. (по Бутягин, Виноградов, 2014):

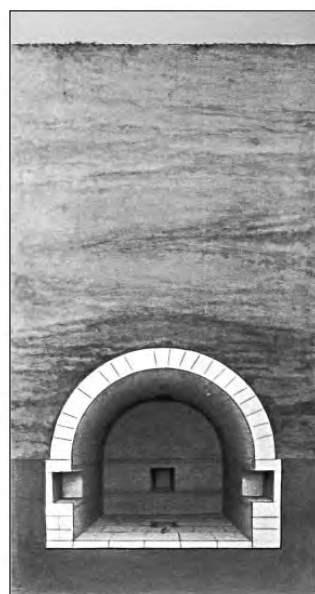
1, 2 – золотые бляшки в форме звёзд; 3 – звено от золотого ожерелья; 4 – золотой перстень с железной вставкой; 5 – поясная застёжка в форме птицы; 6 – фрагмент золотого венка; 7 – золотой колпачок.

Рис. 53. Вход в склеп Большого кургана на Васюринской горе. Рис. М.П. Клодта
(по Ростовцев, 1913-14).

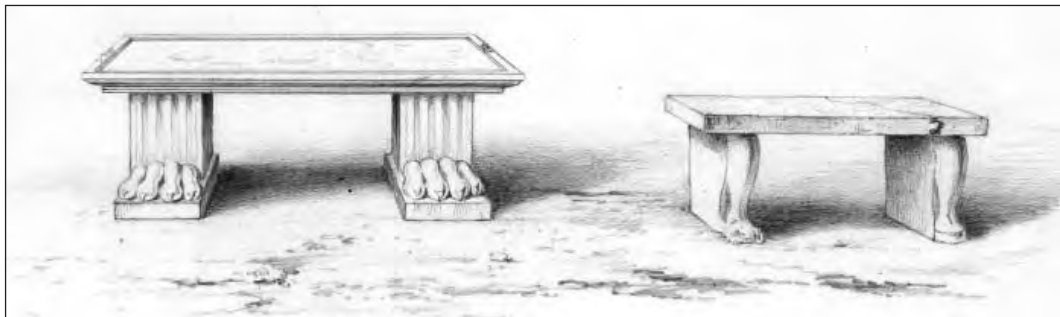

2

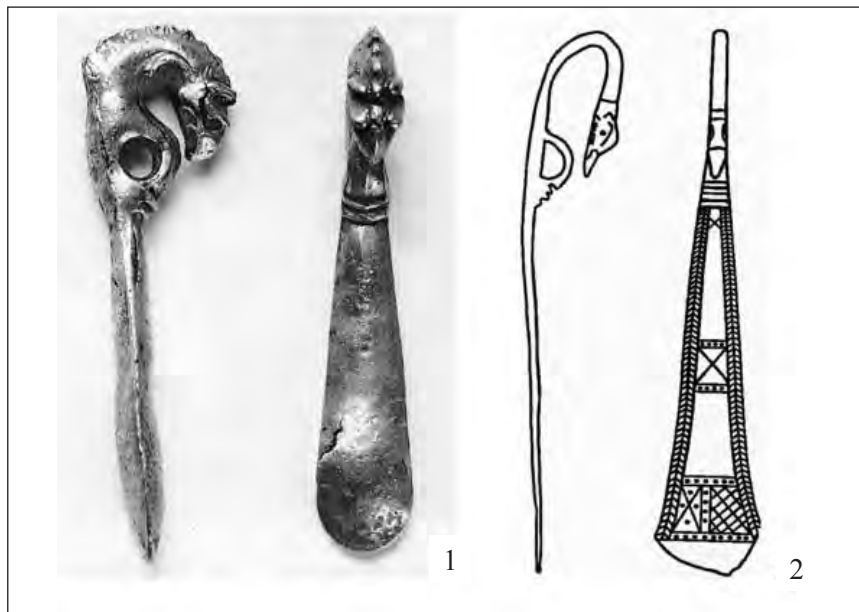

3

Рис. 54. План (1) и разрезы (2, 3) склепа в Большом кургане Васюринской горы. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 565, л. 8).

Рис. 55. Мраморные стол и скамья, найденные в склепе Большого кургана Васюринской горы.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 565, л. 10).

Рис. 56. Конские наносники с крючком:

1 – из Большого Васюринского кургана (по Власова, 2004а); 2 – из Зеленского кургана (по Симоненко, 1982).

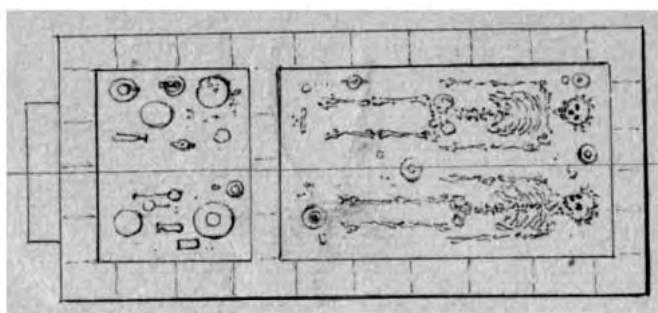
Рис. 57. Украшения конской сбруи из Большого Васюринского кургана (по Ростовцев, 1913-14).

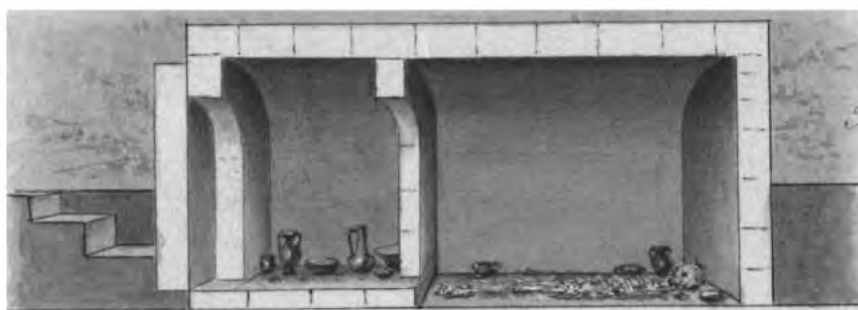

Рис. 58. Раскопки Среднего кургана на Васюринской горе. Рис. Ф.И. Гросса
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 693, л. 14).

1

2

3

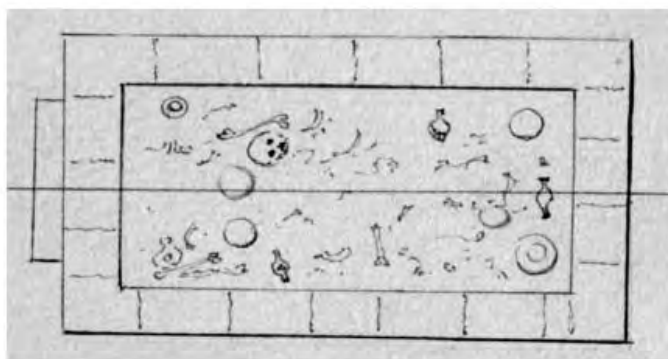
4

0

2 саж.

Рис. 59. Гробница II Артюховского кургана (по Максимова, 1979).

1

2

3

4

0

1 саж.

Рис. 60. Гробница VII Артюховского кургана (по Максимова, 1979).

Рис. 61. Раскопки Благовещенского кургана в 1882 г. Рис. Ф.И. Гросса
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 2).

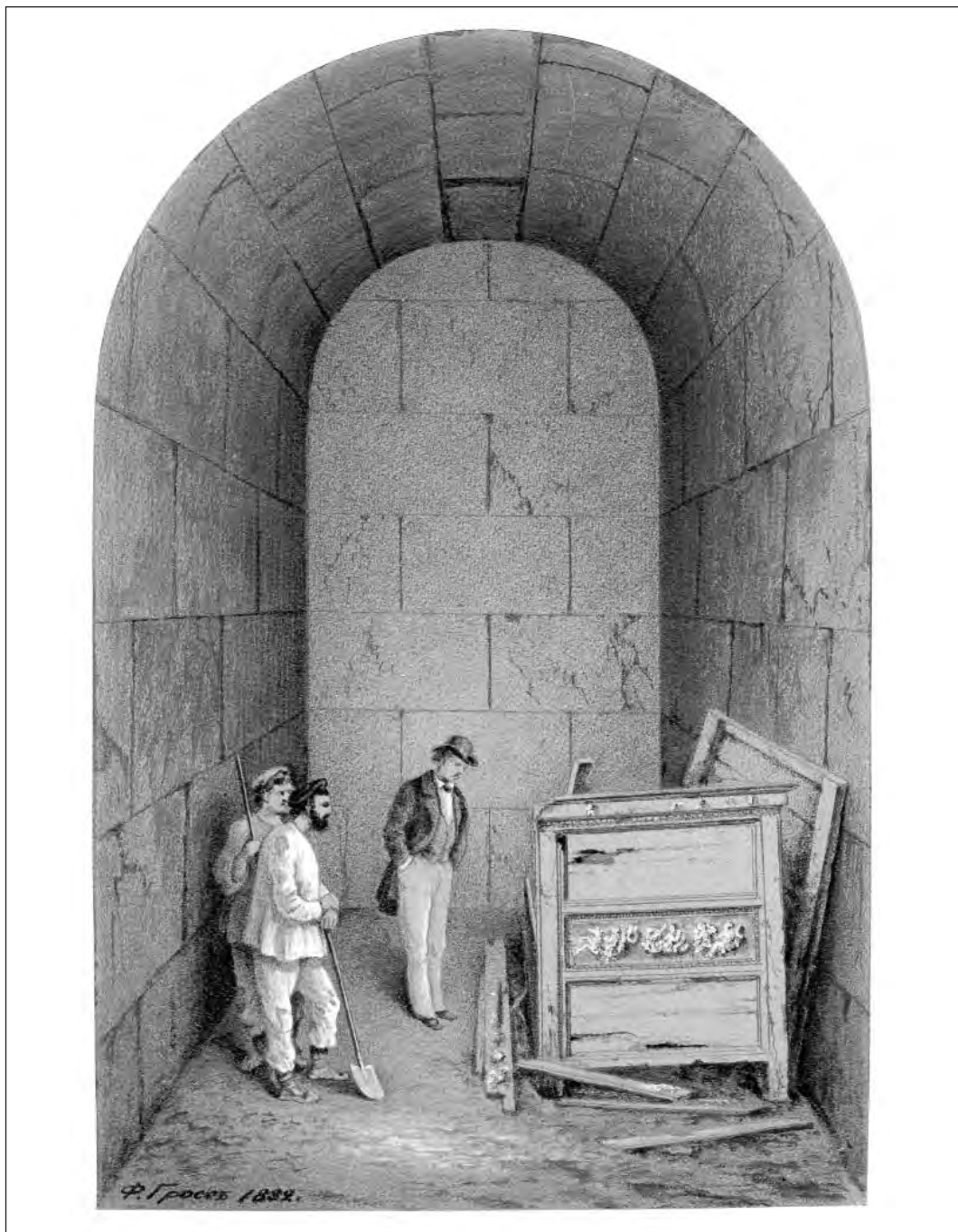
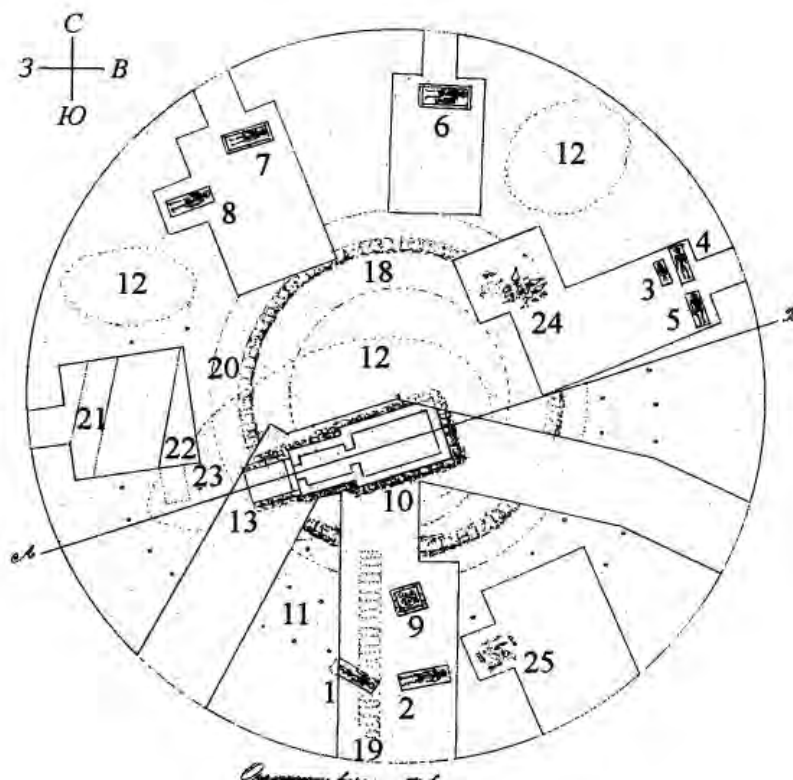

Рис. 62. Склеп Благовещенского кургана. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 3).

Рис. 63. Украшения саркофага из склепа Благовещенского кургана (по Атлас ОАК за 1882–1888 гг.).

Рис. 64. План склепа, открытого в районе Мирмекия в 1885 г. Рис. Ф.И. Гросса.
(Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 570, л. 7):

1–8 – впускные могилы; 9 – жжёный «точок» (тризна) со множеством битой посуды; 10 – ограбленный склеп; 11 – буровые скважины; 12 – старая яма; 13 – спуск ко входу в склеп; 18 – вал с остатками бруствера; 19 – остатки каменной лестницы к валу; 20 – остатки бруствера; 21, 22 – канавы; 23 – минная галерея; 24 – разбитые амфоры; 25 – разорённая гробница.

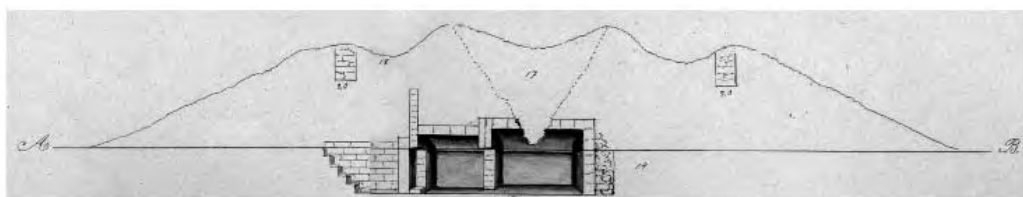

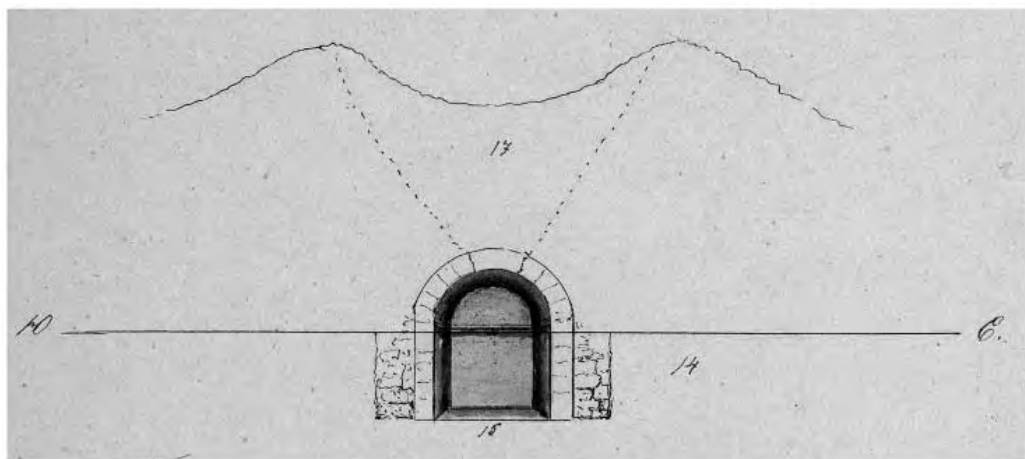
1

2

3

4

Рис. 65. Склеп, открытый в районе Мирмекия в 1885 г. Рис. Ф.И. Гросса (по Виноградов, 2014ж):
1 – вход в гробницу; 2 – вид гробницы с южной стороны; 3 – продольный разрез склепа; 4 – поперечный разрез
восточной камеры склепа.

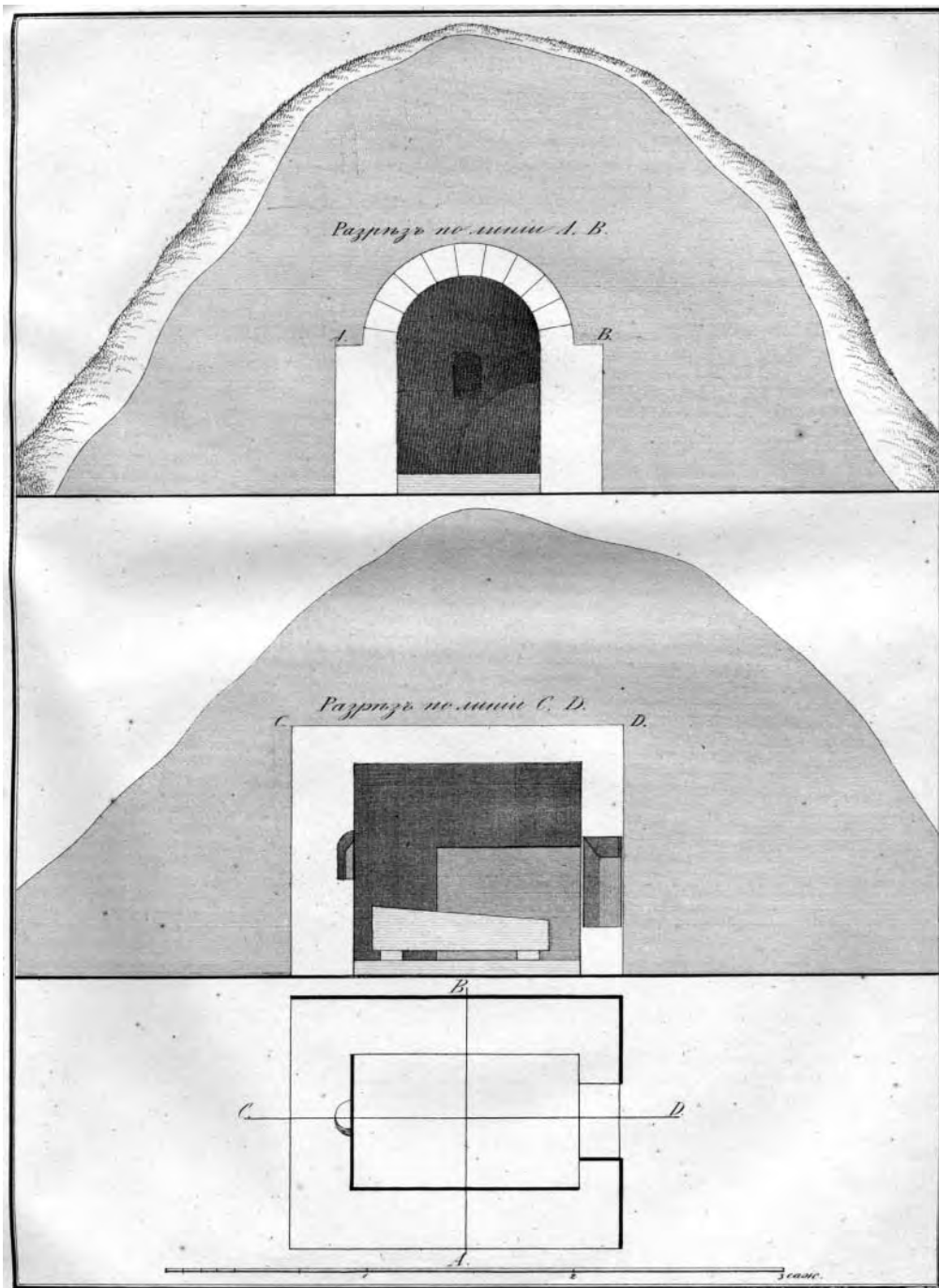

Рис. 66. Склеп, открытый А.Б. Ашиком около дороги в Аджимушкой (по Ашику, 1848).

Рис. 67. Раскопки Большой Близницы в 1865 г. Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 692, л. 3).
На переднем плане – склеп № 2, на заднем – склеп № 3.

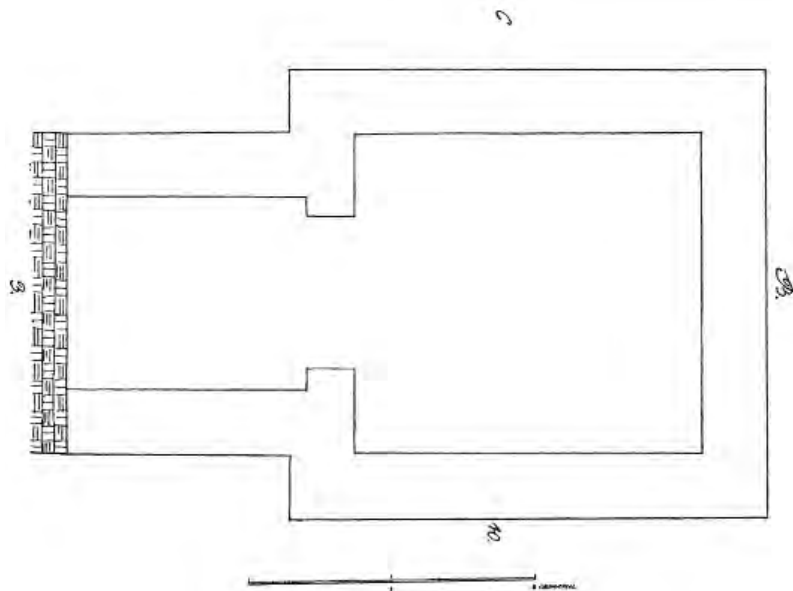
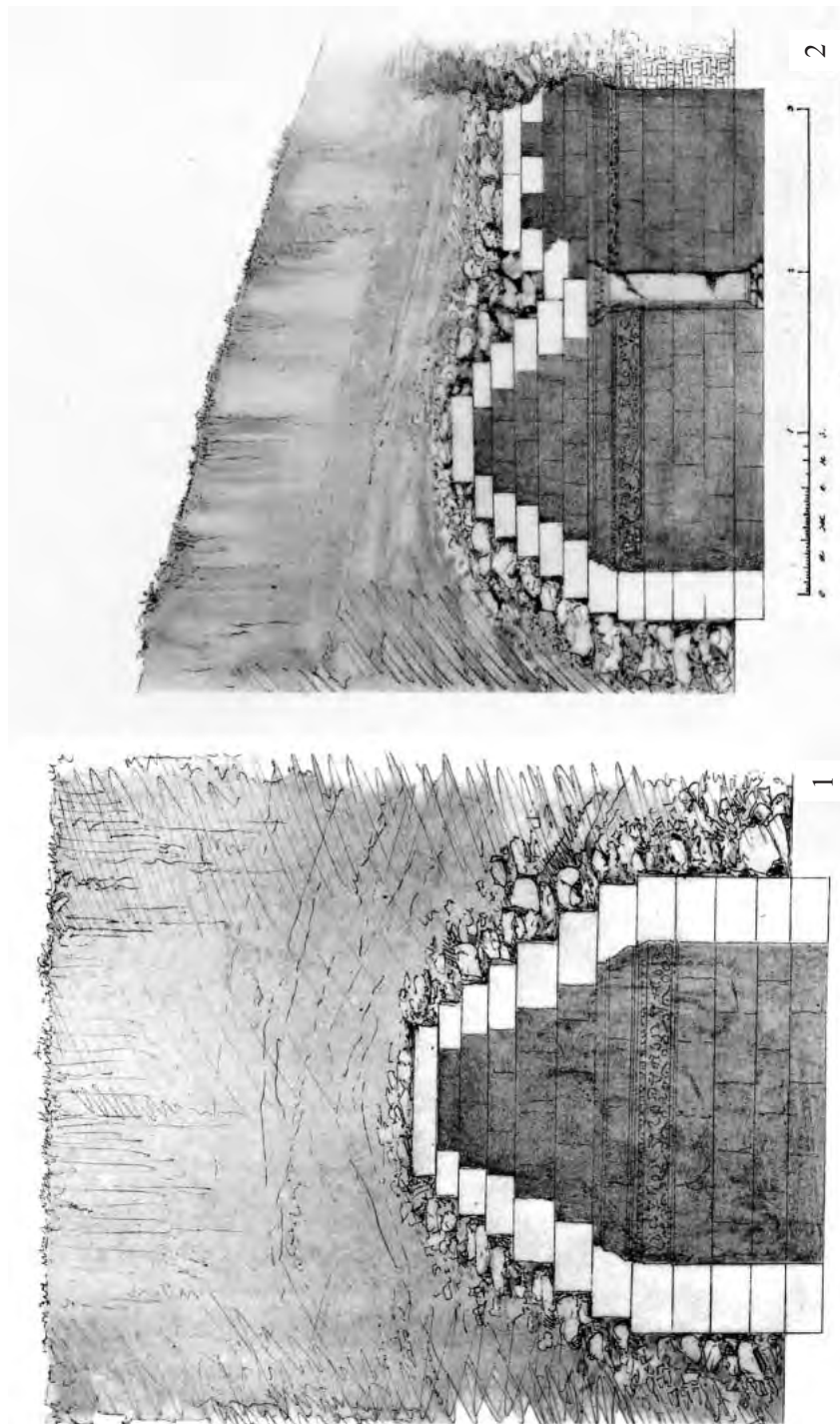
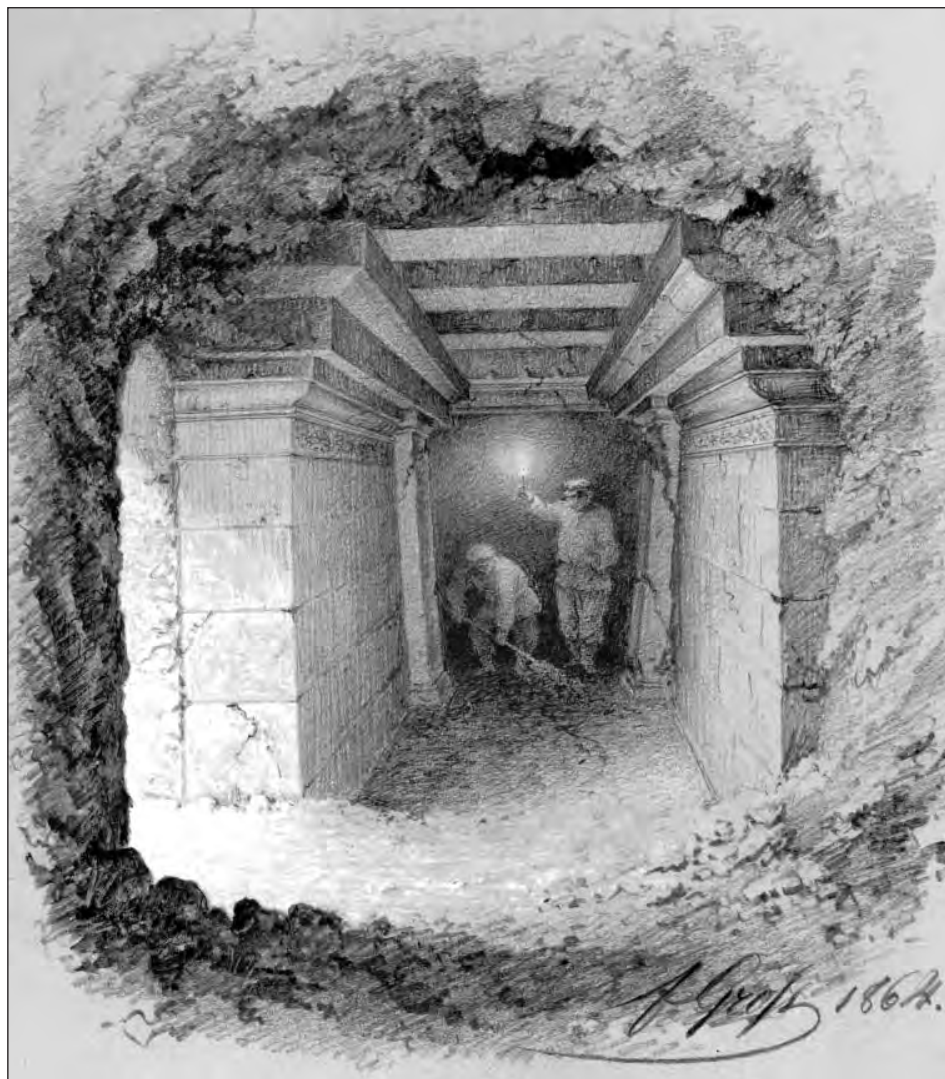

Рис. 68. План расписного склепа № 2 Большой Близницы (по Ростовцев, 1913-14).

Рис. 69. Разрезы стекла № 2 Большой Близницы (по Ростовцев, 1913-14):
1 – разрез гребницы; 2 – разрез гребницы с дромосом.

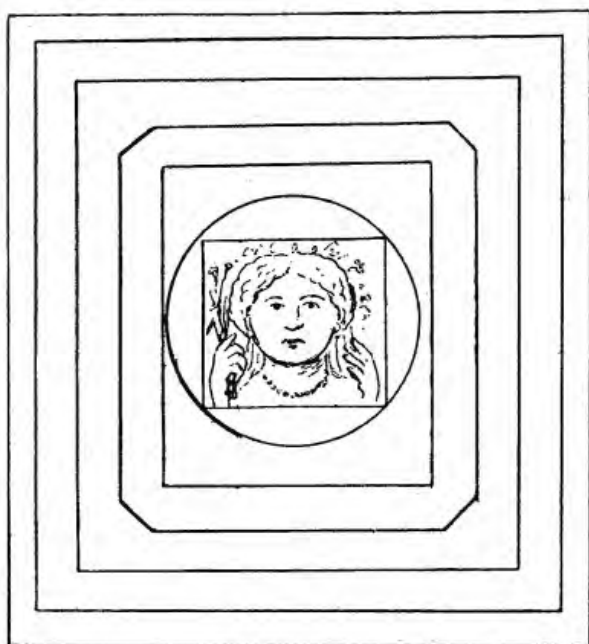

Рис. 70. Большая Близница. Вид дромоса склепа № 2.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 22а).

Рис. 71. Большая Ближница. Внутренний вид погребальной камеры склепа № 2.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 564, л. 226).

1

2

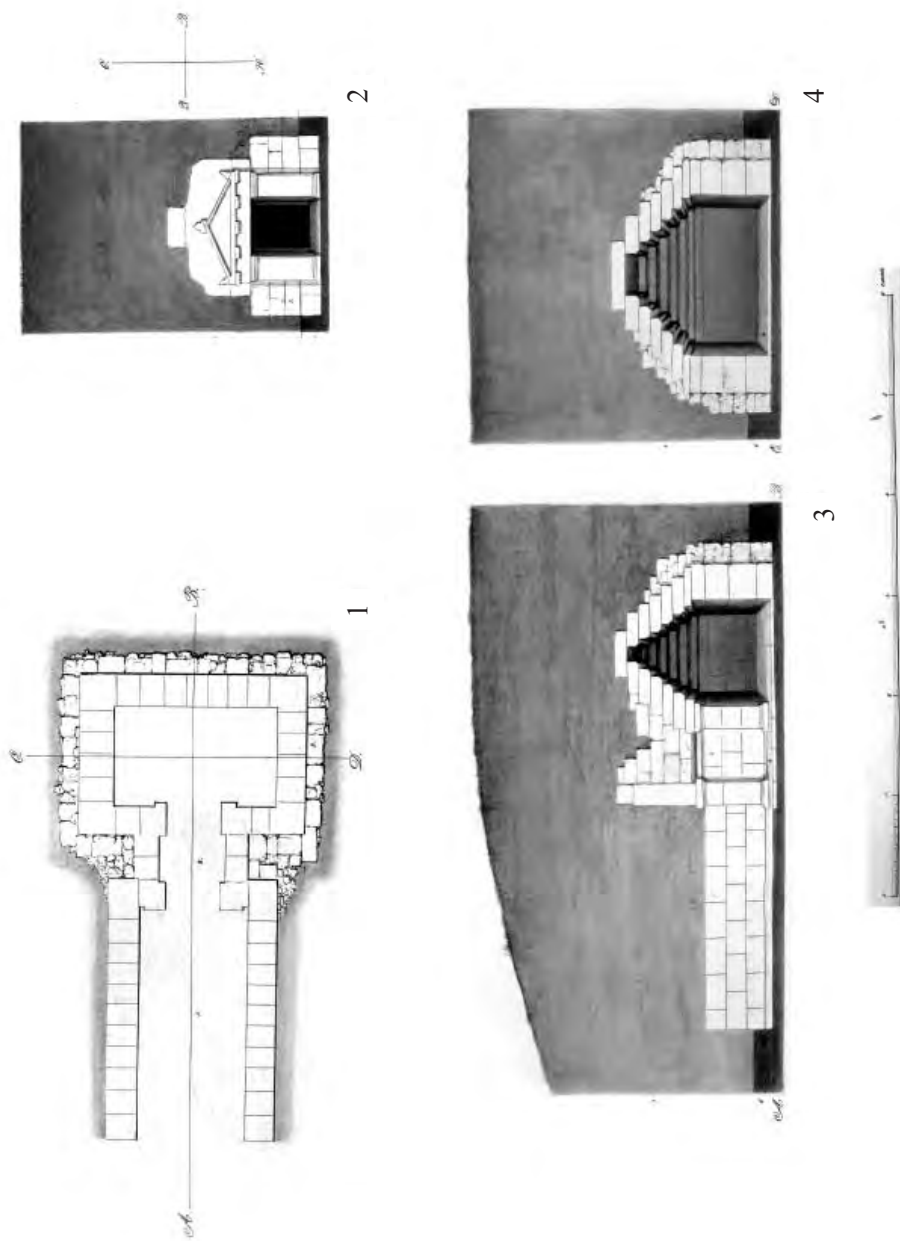
Рис. 72. Большая Близица. Голова богини на верхнем камне свода склепа № 2.
Рис. Ф.И. Гросса (по Ростовцев, 1913-14)
1 – схема расположения верхнего камня; 2 – акварельный рисунок.

Рис. 73. Большая Близница. Находки из sklepa № 3.
Рис. Ф. И. Гросса (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 692, л. 6).

Рис. 74. Раскопки Третьего Тарасовского кургана в 1883 г.
Рис. Ф.И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 18).

Рис. 75. Первый Тарасовский курган. Рис. Ф.И. Гросса (по Архиву ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 16).

1 — план; 2 — вход в склеп; 3, 4 — разрезы.

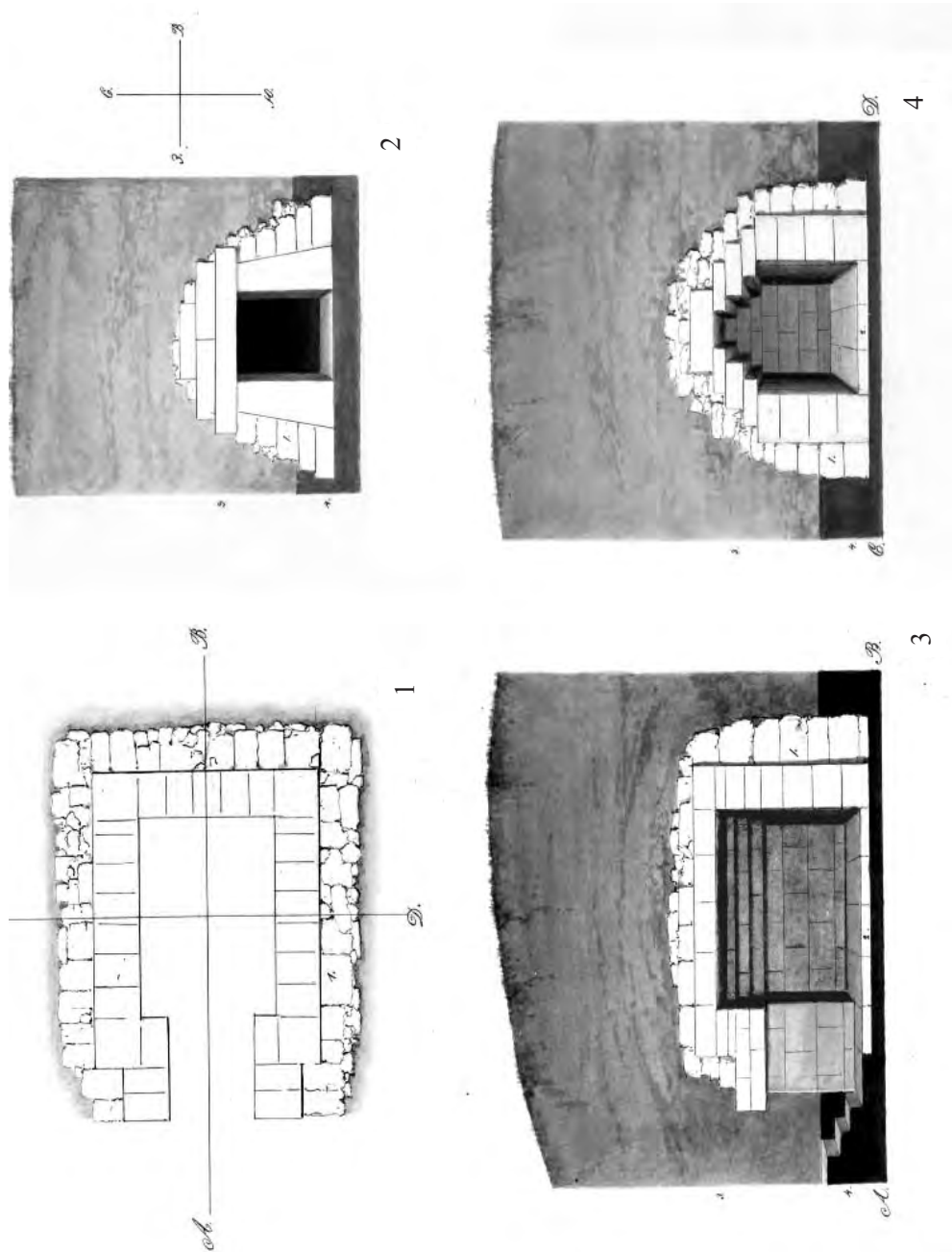
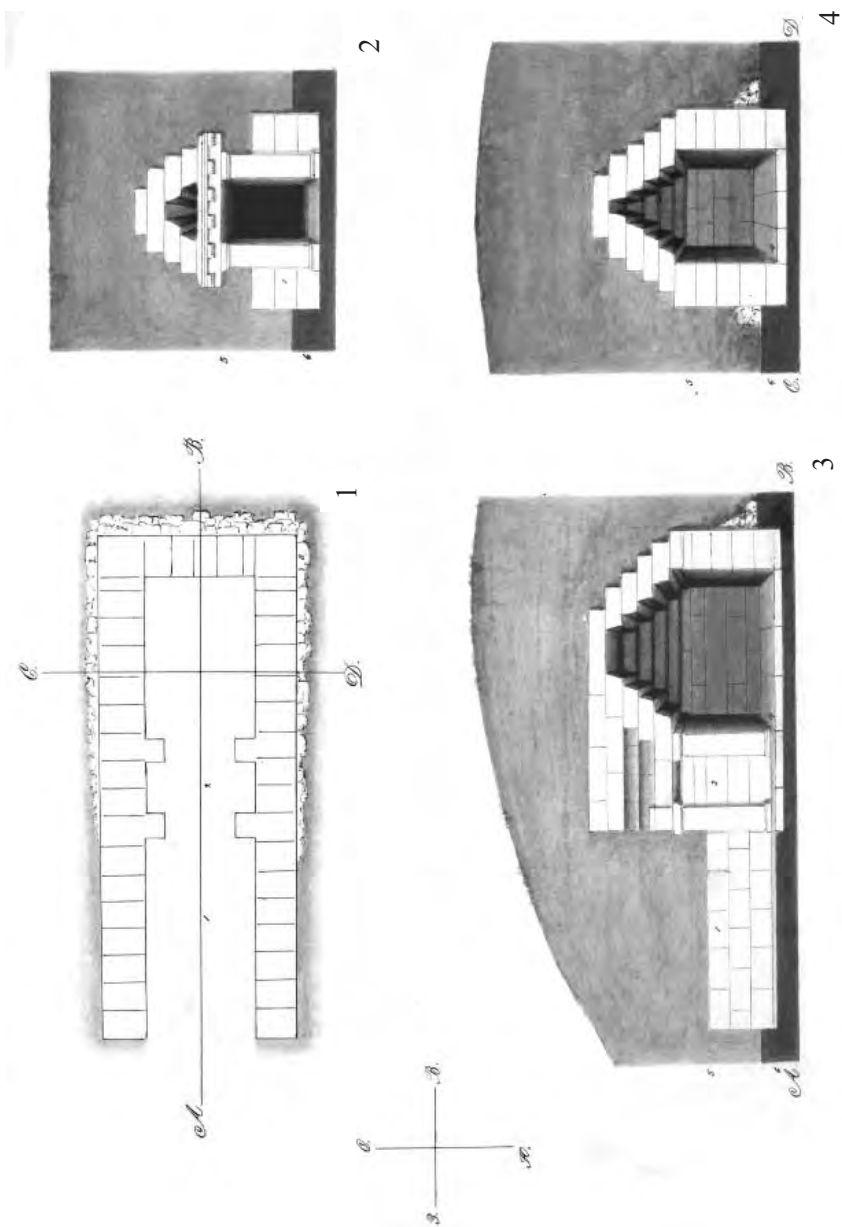

Рис. 76. Второй Тарасовский курган. Рис. Ф. И. Гросса (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 17).

1 – план; 2 – вход в склеп; 3, 4 – разрезы.

Рис. 77. Третий Тарасовский курган. Рис. Ф.И. Гросса (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 19).
1 – план; 2 – вход в склеп; 3, 4 – разрезы.

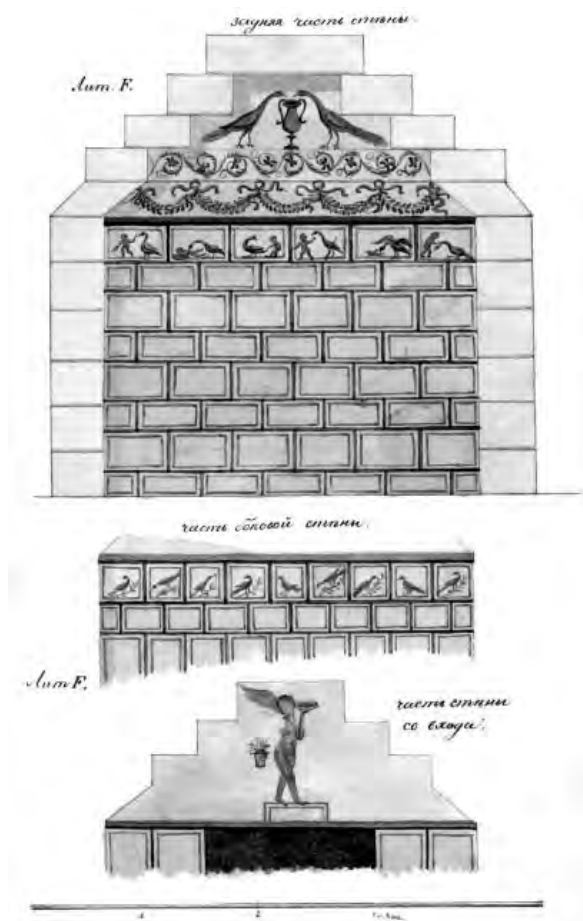

Рис. 78. Склеп «Пигмеев» (по Архив ИИМК РАН, ф. 7, д. 11, л. 114).

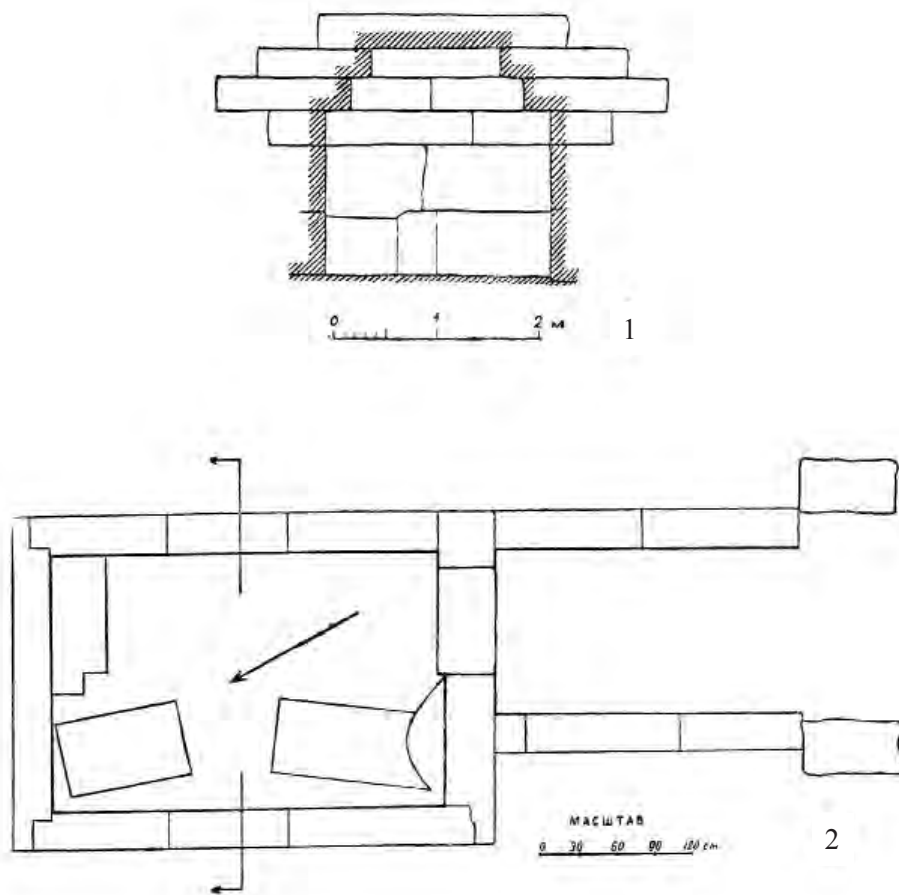
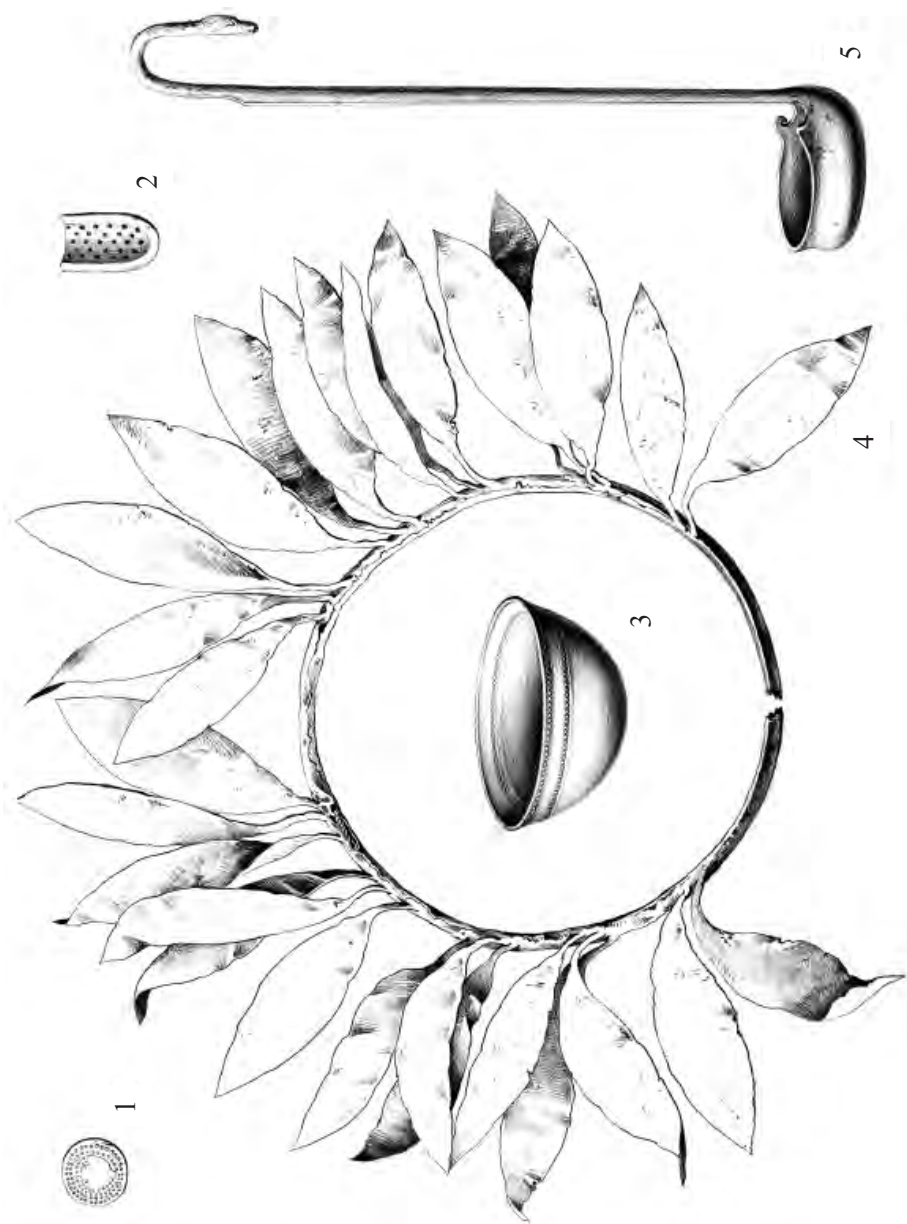

Рис. 79. Склеп в посёлке Аршинцево (по Чуистова, 1952).

Рис. 80. Находки из погребения, открытого под Анапой в 1881 г. (по Атлас ОАК за 1882–1888 гг.):
1 – золотая бляшка с изображением шестиконечной звезды; 2 – золотая пластинка; 3 – золотой венок; 4 – золотой браслет; 5 – золотая височная подвеска; 6 – золотой браслет; 7 – серебряный сосуд; 8 – ручка бронзового сосуда.

Рис. 81. Находки из гробницы № 57 Пятого кургана.

Рис. Ф.И. Гросса (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 345, л. 12)

1 – золотая индигация, 2 – серебряное ситечко, 3 – серебряная чаша, 4 – золотой веночек, 5 – серебряный кляф.

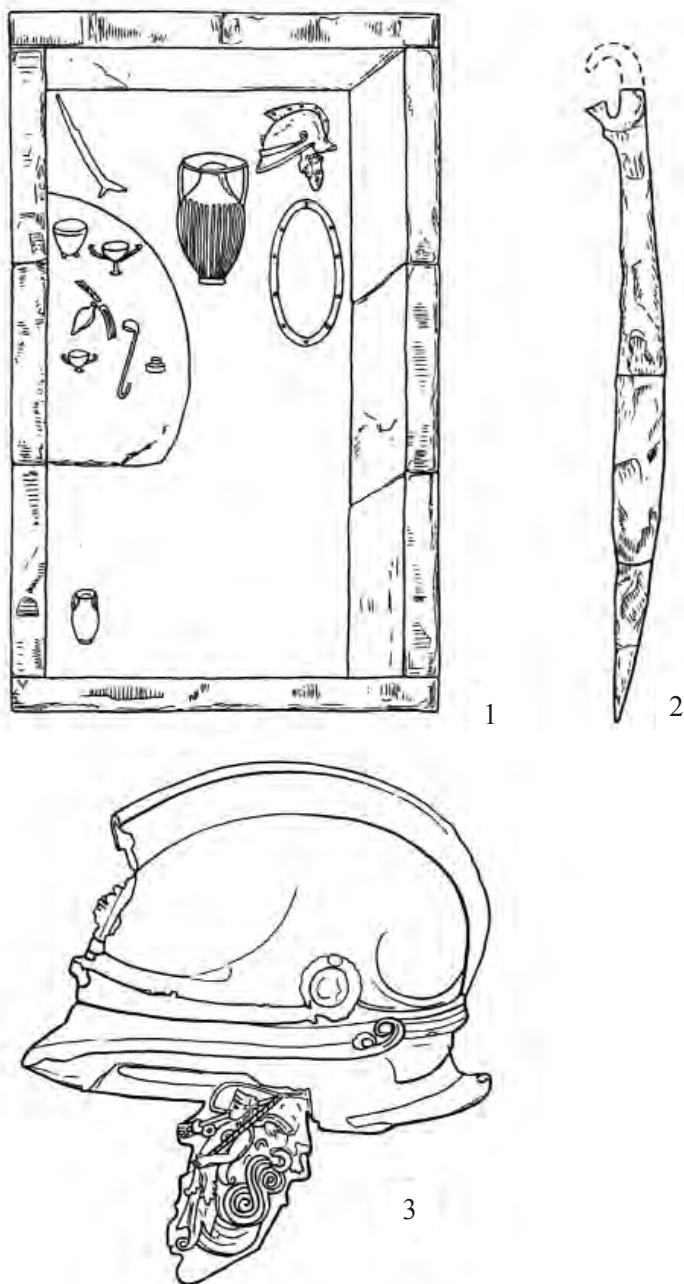

Рис. 82. Гробница у Карантинного шоссе, открытая в 1834 г. (по ДБК).
1 – план гробницы; 2 – меч типа махайра; 3 – железный шлем с серебряными украшениями.

Рис. 83. Каменная гробница Зеленого кургана (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1912 г., д. 4, л. 656).

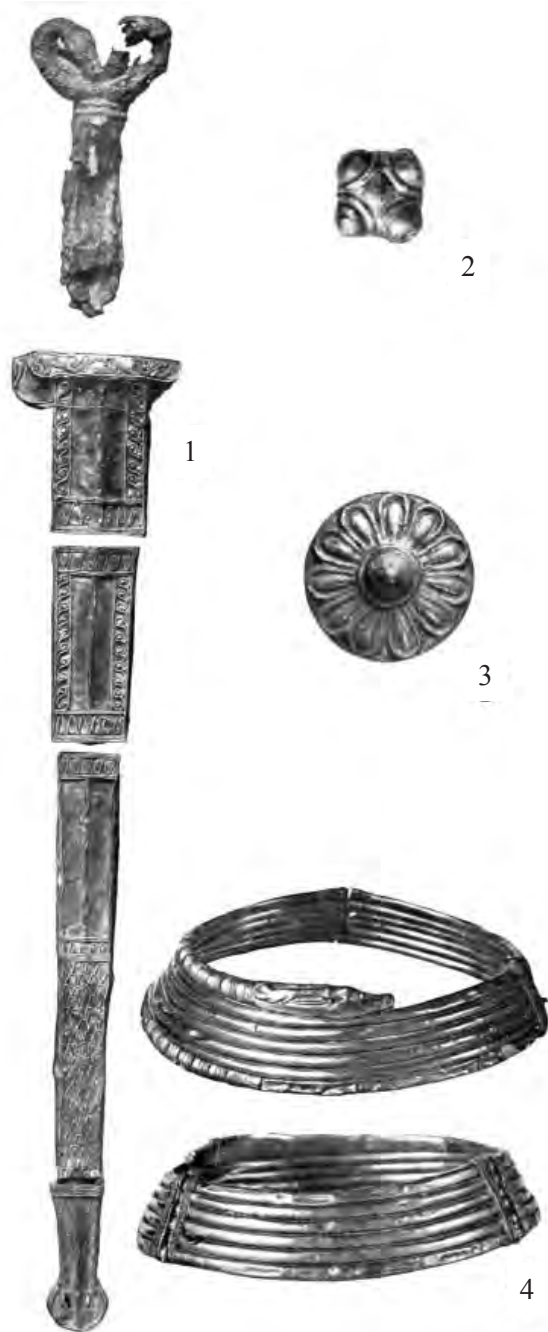

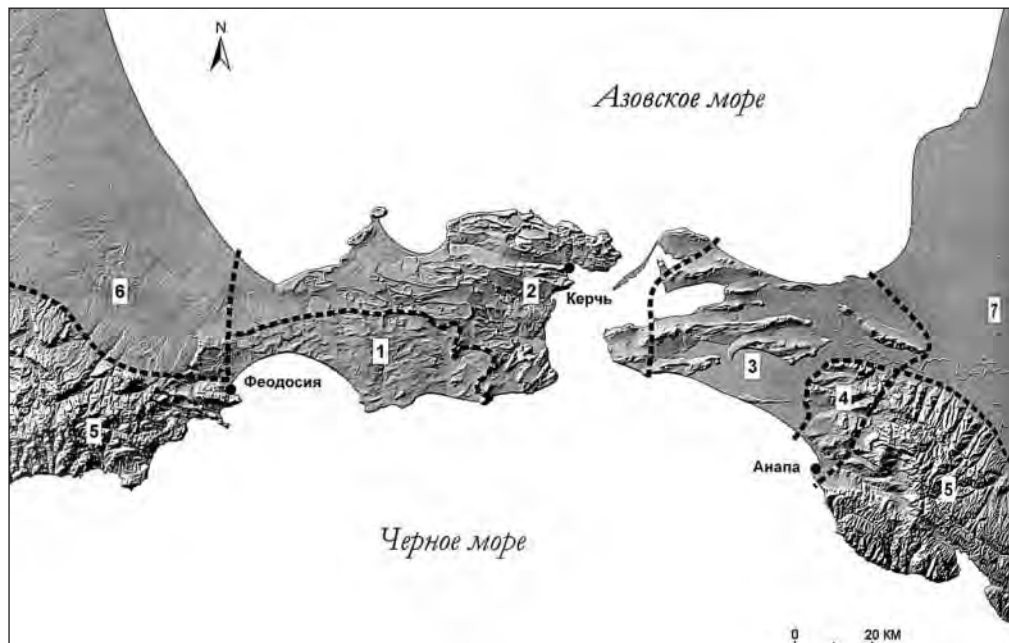
Рис. 84. Находки из Буеровой могилы (по Ростовцев, 19186):

1 – золотая обкладка ножен и рукоять меча; 2, 3 – серебряные детали украшений конской узды; 4 – золотая гривна.

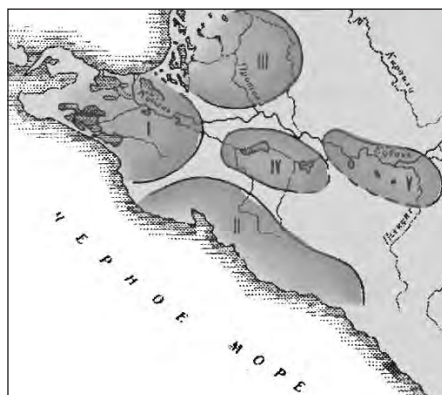
Рис. 85. Находки из Мерджан (по Ростовцев, 1913):

1 – золотая пластина от ритона; 2 – деталь второго ритона; 3 – золотые бляшки; 4 – золотой браслет;
5 – подвеска из янтаря в золотой оправе; 6 – золотая бусина; 7 – бронзовый шлем.

Рис. 86. Геоморфология Керченского и Таманского полуостровов (по Гарбузов, 2013):

- 1 – южнокерченский комплекс рельефа; 2 – центральнокерченский; 3 – центральнотаманский; 4 – восточно-таманский; 5 – горный рельеф Кавказа и Крыма; 6 – пластово-аккумулятивная равнина степного Крыма; 7 – аккумулятивная Прикубанская равнина.

Рис. 87. Локальные группы меотских памятников (по Каменецкий, 1989):

- I – Таманская (синдская); II – Причерноморская (тореты-керкеты); III – Приазовская (дандарии); IV – Абинская (псессы?); V – Краснодарская.

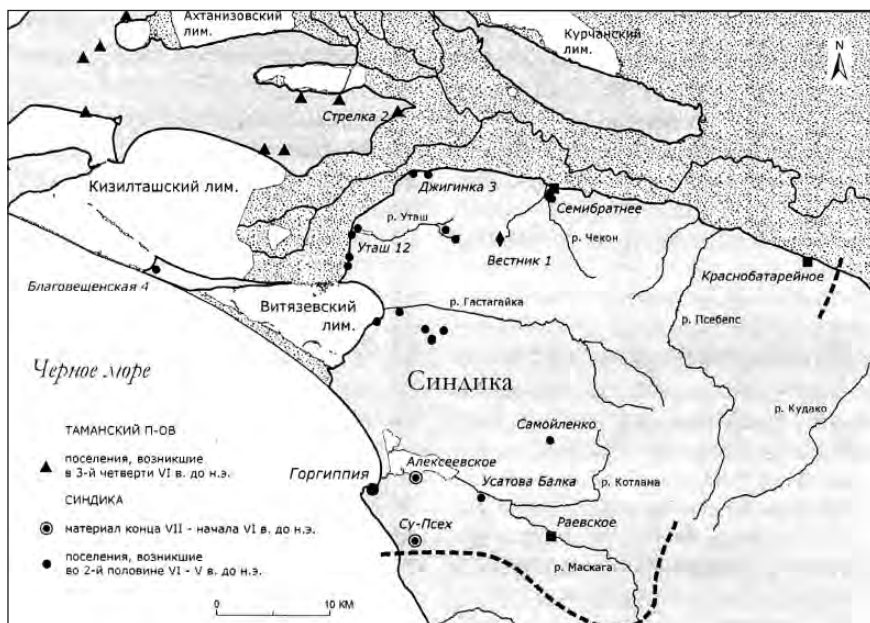

Рис. 88. Поселения конца VII–V вв. до н.э. на территории Синдики (по Сударев, Гарбузов, 2015).

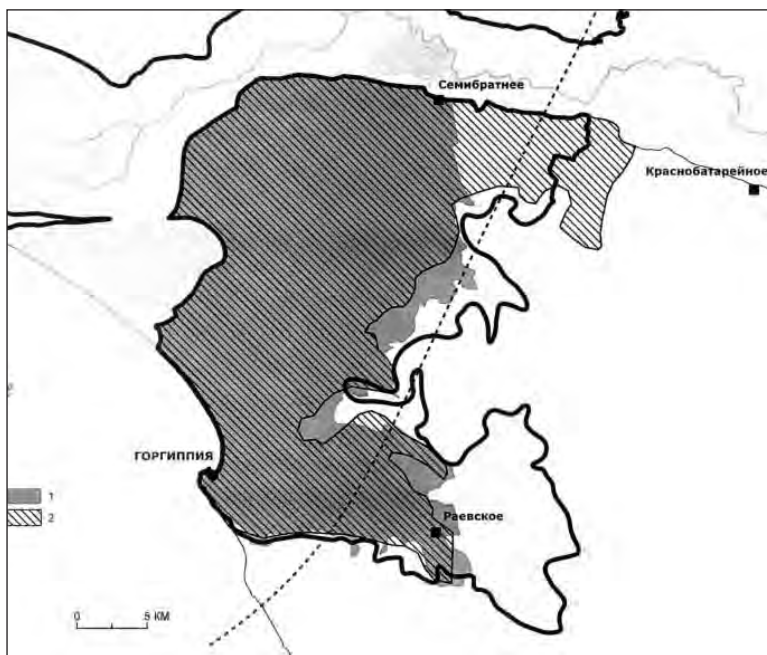

Рис. 89. Распространение черноземов на левобережье Кубани (по Гарбузов, 2013):

1 – по районным почвенным картам; 2 – по краевым картам (пунктир – изолиния средних годовых осадков 500 мм).

1

2

Рис. 90. Сырцовые склепы IV в. до н.э.

1 – план склепа в кургане К-39 некрополя Панское I (по Рогов, 1985);
2 – склеп в кургане 7 некрополя Кеп (по Сокольский, 1965).

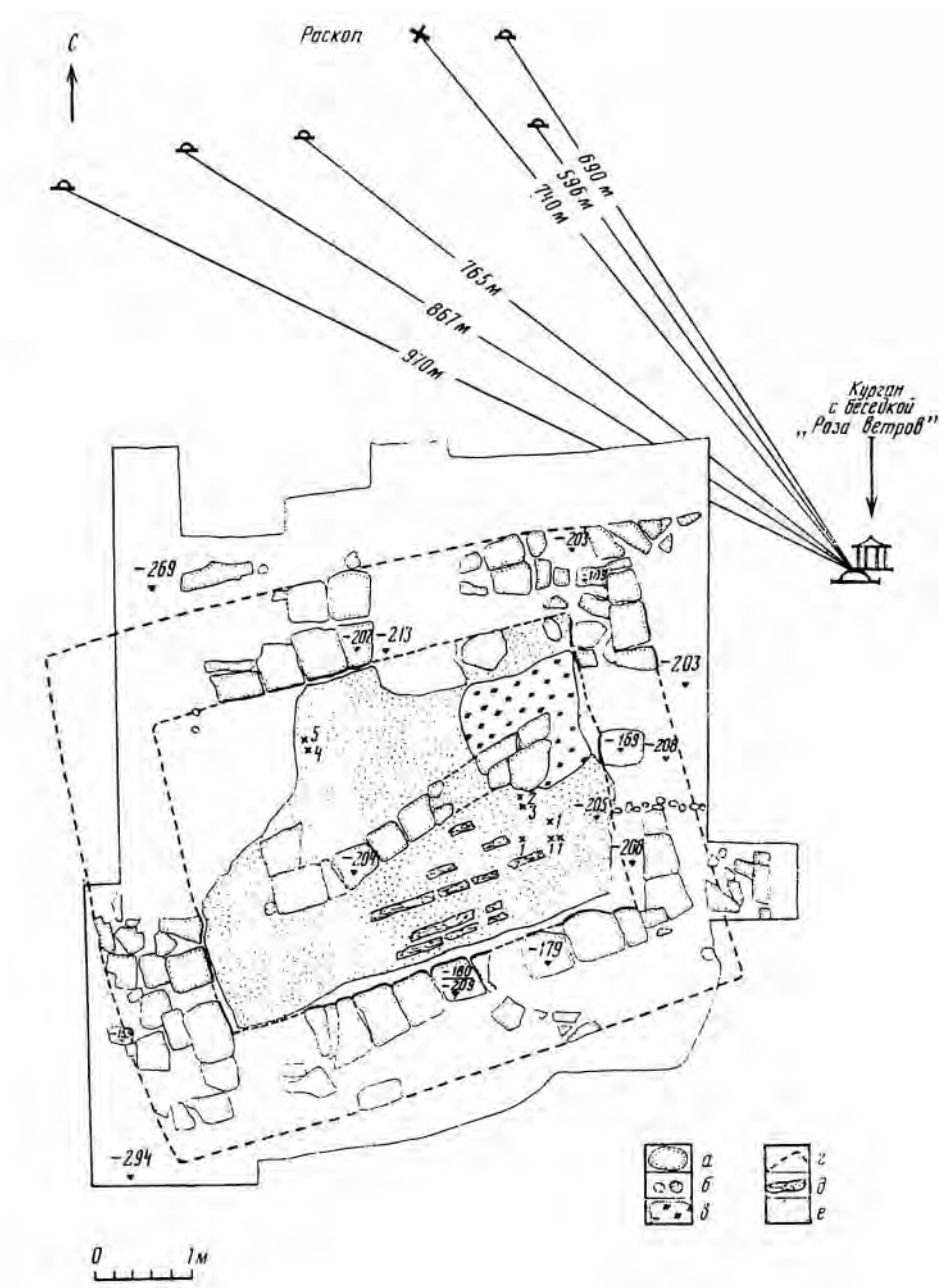

Рис. 91. Уташ. План сырцового склепа 1976 г. (по Алексева, 1991).

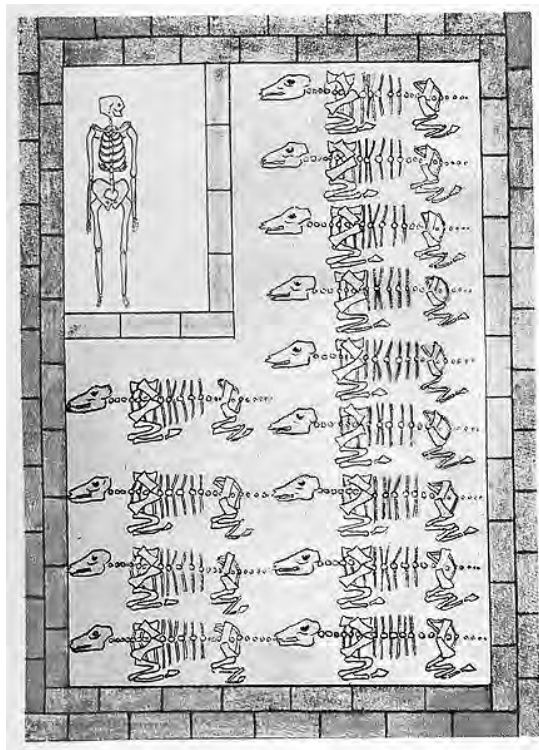
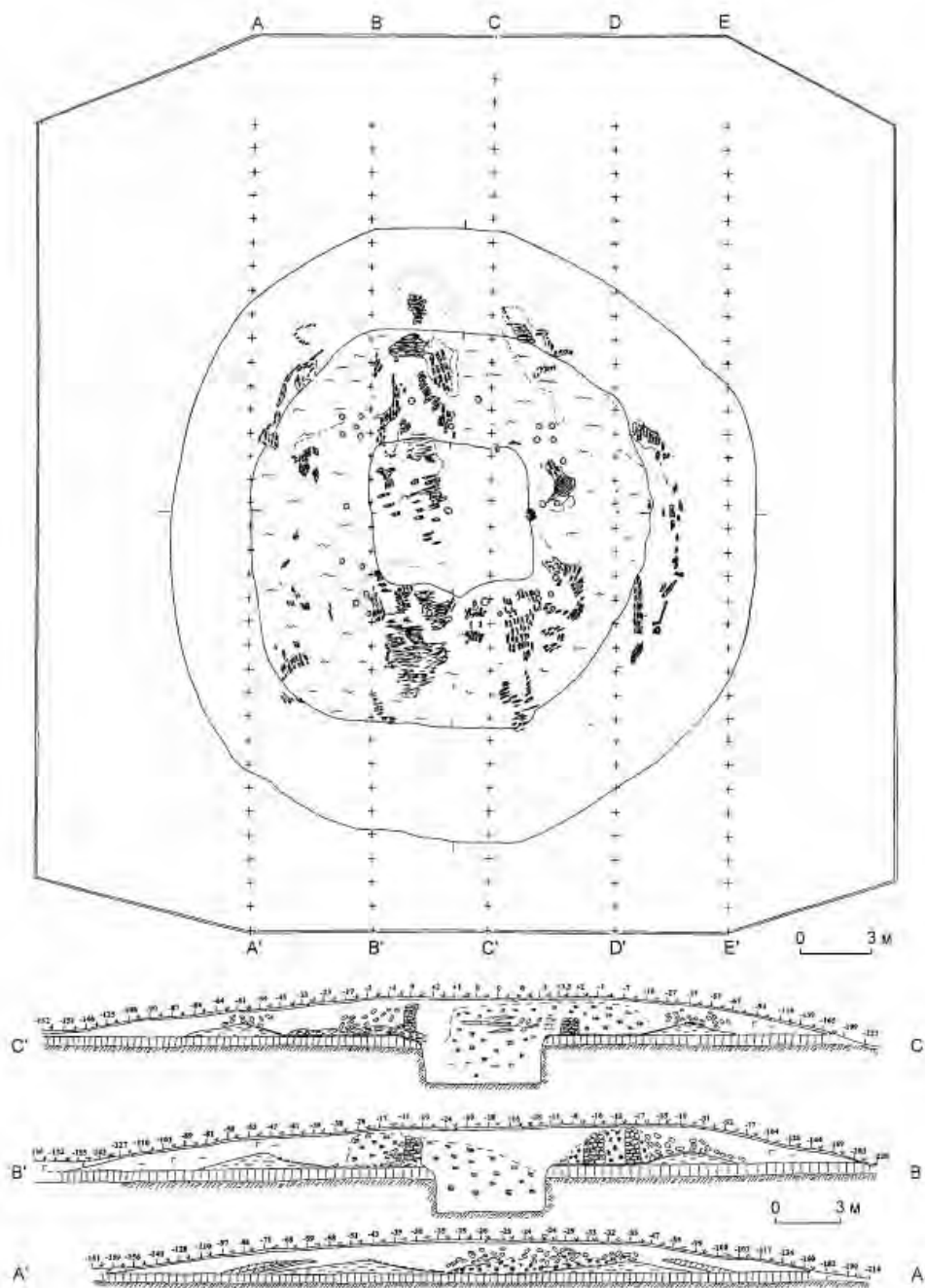

Рис. 92. План сырцового склепа СК 2 (по ОАК за 1876 г.).

Рис. 93. Могильник Кырык-Оба II, курган 19.
План подкурганной конструкции и стратиграфические профили (по Гуцалов, 2007).

1

2

3

4

Рис. 94. Спиралевидные подвески с пирамидками зерни (по Силантьева, 1976):

1 – из ФК 6 (1852); 2 – из ФК 36 (1852); 3 – погребение 1869 г. в кургане близ Фанагории; 4 – из СК 6.

1

2

3

4

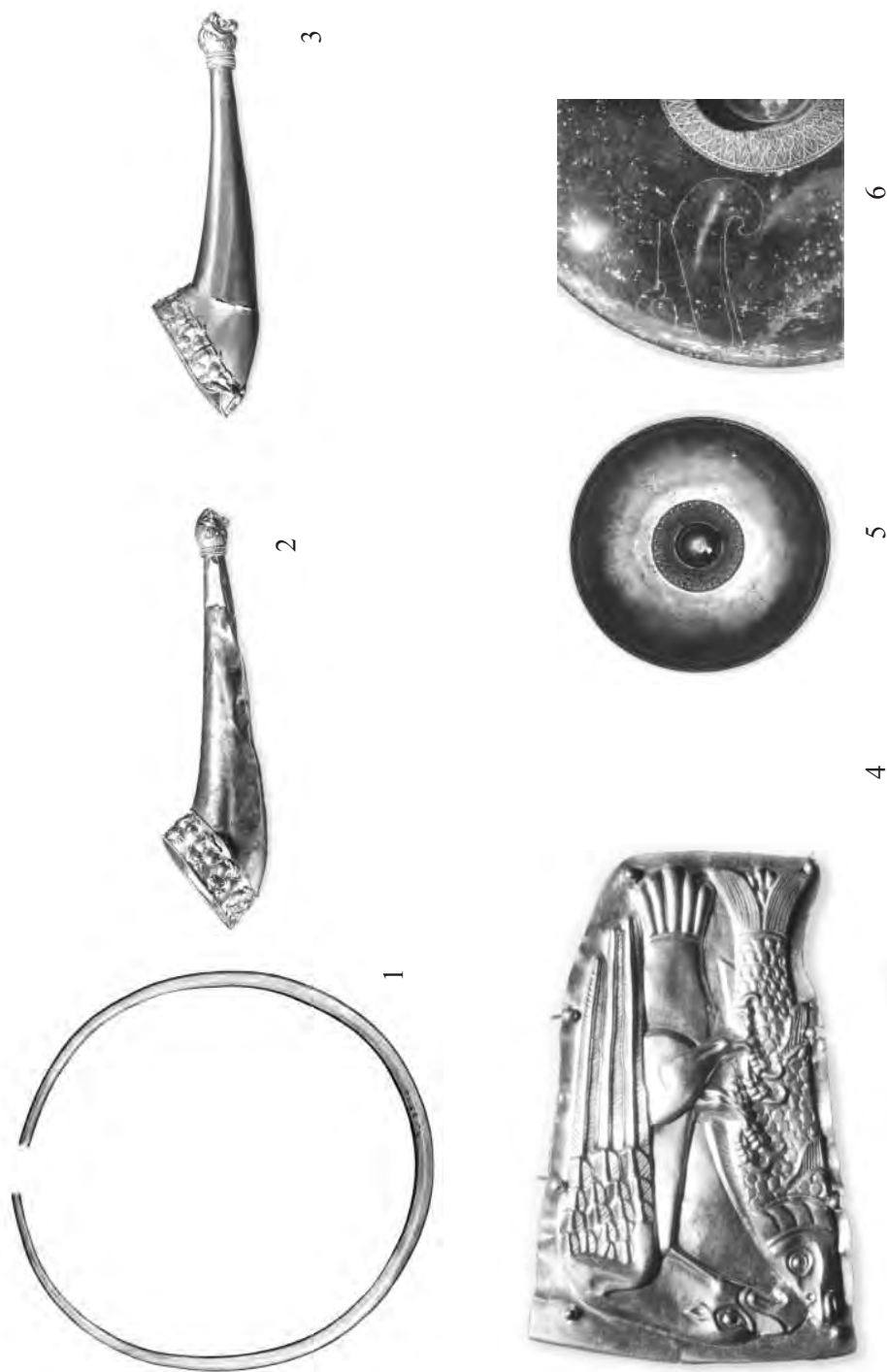
5

6

Рис. 95. Изображения горгоны Медузы на предметах торевтики из СК:

1, 2 – СК 2 (по Уильямс, Огден, 1995); 3 – СК 4; 4-6 – СК 6.

Рис. 96. Предметы торевтики из погребального комплекса в коллекции Массоно (по Лесков, 2010):
1 – гривна; 2, 3 – питьевые рога с львиными головками; 4 – пластина-обивка от деревянного сосуда;
5, 6 – фиалы с изображением головы хищной птицы.

Рис. 97. Краснофигурный аск из СК 6 (по Тункина, 2010).

Рис. 98. Синдские монеты. Серебро:

С-1 (≈425–415 гг. до н.э.): 1 – триобол; 2 – диобол; 3,4 – гемиоболы; 5,6 – тетартемории; С-2 (≈415–400 гг. до н.э.): 7,8 – триобол; 9 – диобол; 10 – гемиобол; 11 – тетартеморий; С-3 (≈400–390 гг. до н.э.): 12,13 – диобол; 14 – гемиобол; С-3 (дополнительный выпуск): 15 – гемиобол, 16 – тетартеморий.

Рис. 99. Монеты Греции, Малой Азии и Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э.

1 – Афины. Декадрахма. 467–463 гг. до н.э.; 2 – Афины. Тетрадрахма. 510–500/490 гг. до н.э. 3 – Афины. Тригемиобол. После 499 г. до н.э.; 4 – Афины. Тетрадрахма. Около 515 г. до н.э.; 5 – Митилена. Гекта. 454–427 гг. до н.э.; 6 – Гераклея Понтийская. Статер. Конец V в. до н.э.; 7 – Ольвия. Статер. 450–425 гг. до н.э.; 8 – Кизик. Статер. 450–350 гг. до н.э.; 9 – Абдера. Тетрадрахма. 530–500 гг. до н.э.; 10 – Теос. Статер. 450–400 гг. до н.э.; 11 – Пантикапей. Диобол. 429/28 гг. до н.э.; 12 – Пантикапей. Диобол. 428 – перед 410–405 гг. до н.э.; 13 – Пантикапей. Лепта(?). Медь. 387 или 384–378 гг. до н.э.; 14, 15 – Никоний. Монеты царя Скила. Медь. 70-е гг. V в. до н.э.

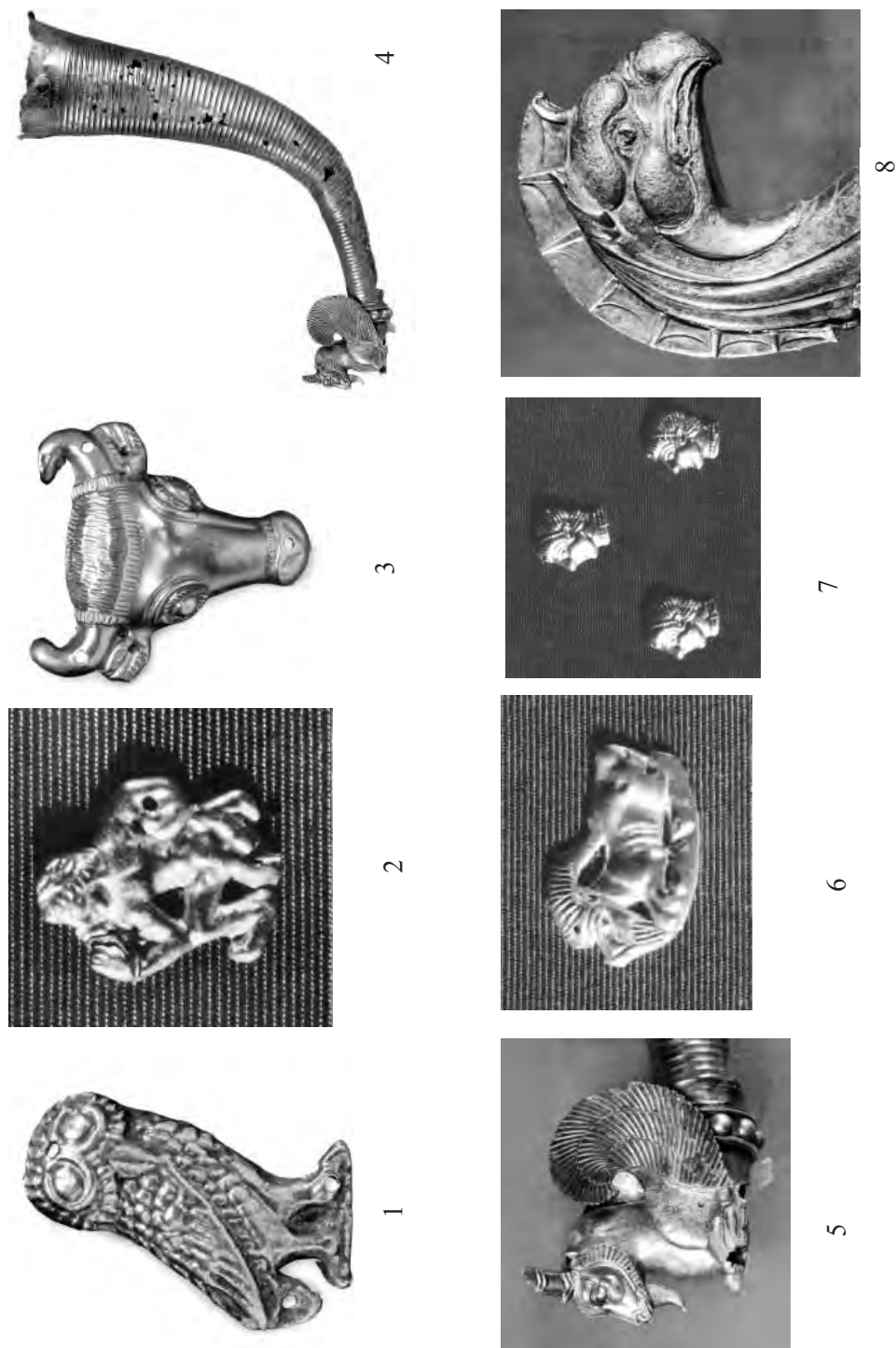

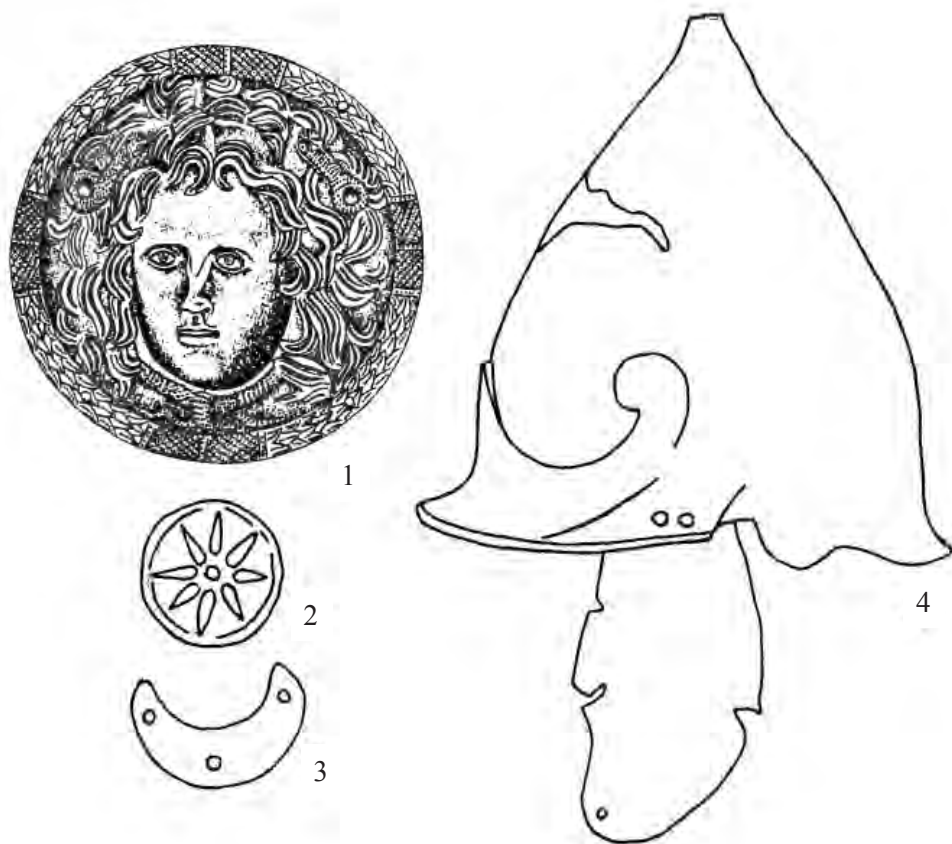
Рис. 100. Изделия тюрвтики из погребального инвентаря Семибратних курганов (по Артамонов, 1966, и Власова, 2010)
1-3, 7 – СК 2; 4-5 – СК 4; 6-8 – СК 3.

Рис. 101. Курган Кара-Оба, вид с севера. Рис. К.Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 7).

Рис. 102. Раскопки кургана Кара-Оба в 1859 г.
Рис. К.Р. Бегичева (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 16).

Рис. 103. Находки из Ахтанизовского клада:

1 – серебряный фалар (по Mordvinceva, 2001); 2, 3 – золотые бляшки; 4 – бронзовый шлем.

Рис. 104. Находки, сделанные на мысе Ак-Бурун в 1874 г. (по Бутягин, Виноградов, 2014):
1 – золотая монета Лисимаха; 2 – золотая бусина; 3 – золотой наконечник ножен с каменными вставками;
4 – фибула-брошь; 5 – золотая фибула типа «Алезия».

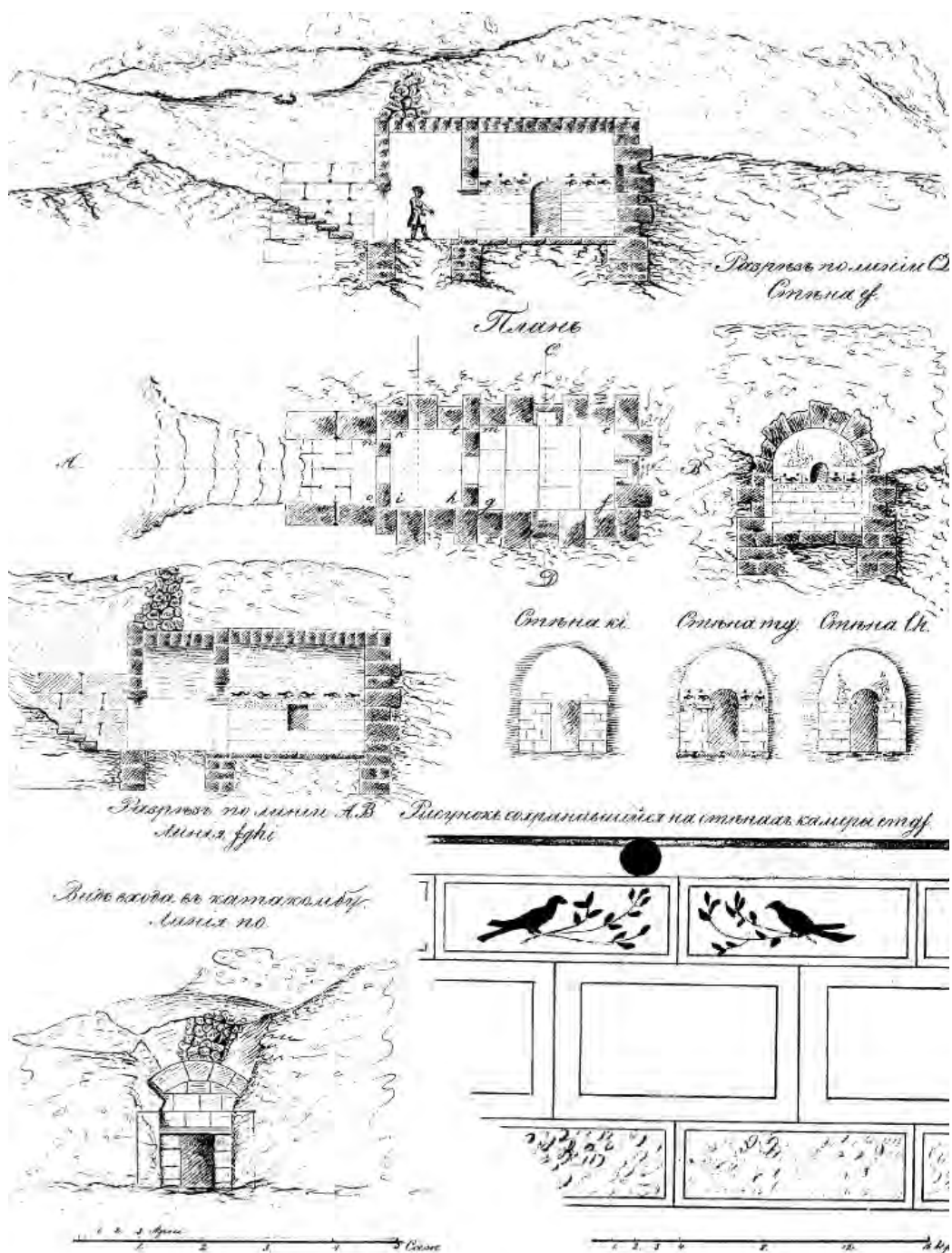

Рис. 105. Расписной склеп 1852 г. (по Ростовцев, 1913-14).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

ОБ ЭЛИТЕ БОСПОРА И НЕ ТОЛЬКО (Ю.А. Виноградов)	3
--	---

ГЛАВА I. БОСПОРСКАЯ ЭЛИТА ДО ЭПОХИ

СПАРТОКИДОВ (М.Ю. Вахтина)	25
----------------------------------	----

1.1. Греческая колонизация Боспора	25
1.2. Первые греческие поселения Боспора Киммерийского	27
1.3. Погребения боспорских некрополей доархеанактидовского времени	30
1.4. Археанактиды	40
1.5. Ситуация на Боспоре к моменту прихода к власти Археанактидов	51
1.6. Погребения Боспора эпохи Археанактидов	65
1.7. Курганы «с варварскими чертами» вблизи боспорских городов	87
1.8. Элита Боспора при Археанактидах	107

ГЛАВА II. КУЛЬТУРА БОСПОРСКОЙ ЭЛИТЫ

ПРИ СПАРТОКИДАХ (Ю.А. Виноградов)	112
---	-----

2.1. О династии Спартокидов	112
2.2. Монументальные гробницы Боспора IV в. до н.э.	123
2.3. Склепы IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием	126
2.4. Склепы IV в. до н.э. с циркульным сводом	141
2.5. Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э.	145
2.6. Курганы варварской аристократии IV в. до н.э. на Боспоре	160
2.7. Курган Ак-Бурун (1875 г.) как важный памятник времени крушения Великой Скифии	176
2.8. Склепы «македонского» типа на Боспоре	182
2.9. Уступчатые склепы III–II вв. до н.э.	196
2.10. Другие элитные погребальные памятники III–II вв. до н.э.	205
2.11. Курганы варварской аристократии на Боспоре III–II вв. до н.э.	210
2.12. Боспорская элита во время кризиса второй половины II в. до н.э.	216

ГЛАВА III. ЦАРИ И АРИСТОКРАТИЯ СИНДИКИ V – НАЧАЛА IV вв. до н.э. (<i>В.А. Горончаровский</i>)	224
3.1. Письменная традиция и данные археологии о синдах: территория и этническая принадлежность	224
3.2. Погребальные памятники элиты синдского общества	230
3.3. Роль элиты в синдском обществе. «Синдские» монеты и проблема «Синдского государства»	249
3.4. Лабрис (Семибратнее городище) и его значение для исследования взаимодействий синдской элиты с греческим населением Азиатского Боспора	257
ГЛАВА IV. ЭЛИТА БОСПОРА В МИТРИДАТОВСКОЕ И ПОСТМИТРИДАТОВСКОЕ ВРЕМЯ (<i>Ю.А. Виноградов</i>)	261
4.1. Борьба за боспорский престол	261
4.2. Боспор в Митридатовых войнах	264
4.3. Курганы митридатовского времени на Боспоре	270
4.4. Элита Боспора и Митридат Евпатор	275
4.5. Борьба за боспорский престол после Митридата	278
4.6. Элитные погребения постмитридатовского времени	281
ГЛАВА V. БОСПОРСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО (<i>И.Ю. Шайб</i>)	288
5.1. Эпиграфические источники о боспорском жречестве	288
5.2. Великая богиня и её жрицы	291
5.3. Археологические признаки жреческих погребений	295
5.4. Образы и сюжеты, связанные с Великой богиней	299
5.5. Жреческие погребения	302
5.6. Особенности боспорского жречества	323
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ШЕСТЬ ВЕКОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ (<i>Ю.А. Виноградов</i>)	325
ЛИТЕРАТУРА	332
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	381
ИЛЛЮСТРАЦИИ	384

CONTENTS

INTRODUCTION.

ABOUT BOSPORUS ELITE AND NOT ONLY (<i>Iu.A. Vinogradov</i>)	3
---	---

CHAPTER I. BOSPORUS ELITE BEFORE

THE SPARTOCIDS AGE (<i>M.Iu. Vakhtina</i>)	25
--	----

1.1. Greek colonization of the Bosphorus	25
1.2. First Greek settlements of the Cimmerian Bosphorus	27
1.3. Burials of pre-Archaeanaetids time Bosphorus necropoleis	30
1.4. Archaeanaetids dynasty	40
1.5. The situation in the Bosphorus at the time of the Archaeanaetids coming to power	51
1.6. Bosphorus burials of the Archaeanaetids time	65
1.7. Burial mounds with “barbaric features” near Bosphorus cities	87
1.8. Bosphorus elite at the Archaeanaetids time	107

CHAPTER II. CULTURE OF THE BOSPORUS ELITE

AT SPARTOCIDS TIME (<i>Iu.A. Vinogradov</i>)	112
--	-----

2.1. Spartocids dynasty	112
2.2. Bosphorus monumental tombs of the IV century BC.....	123
2.3. Crypts of the IV century BC with terraced overlap	126
2.4. Crypts of the IV century BC with circular arch	141
2.5. Kings of the Bosphorus and Bosphorus mounds of the IV century BC	145
2.6. Barbarian aristocracy mounds of the IV century BC at the Bosphorus	160
2.7. Ak-Burun mound (1875) – an important monument of the Great Scythia collapse	176
2.8. Crypts of “Macedonian” type at the Bosphorus	182
2.9. Terraced crypts of the III-II cc. BC	196
2.10. Other elite burial monuments of the II-II cc	205
2.11. Barbarian aristocracy mounds at the Bosphorus in the III-II cc. BC	210
2.12. Bosphorus elite during the crisis of the second half of the II century BC	216

CHAPTER III. KINGS AND ARISTOCRACY OF SINDA IN THE V –

THE BEGINNING OF THE IV CC.BC (<i>V.A. Goroncharovsky</i>)	224
--	-----

3.1. Written traditions and archaeological data about the Sindi: their territory and ethnicity	224
---	-----

3.2. Burial monuments of Sindi elite	230
3.3. The role of elite in Sindi society. “Sinda” coins and the problem of “Sinda state”	249
3.4. Labris (Semibratneegorodishche) and its importance for study of interaction between elite of Sinda and Greek population of Asian Bosporus	257
CHAPTER IV. ELITE OF THE BOSPORUS IN MITHRIDATES AND POST-MITHRIDATES TIME (Iu.A. Vinogradov)	261
4.1. Struggle for the throne of the Bosporus	261
4.2. The Bosporus and Mithridatic wars	264
4.3. Mounds of Mithridates time at the Bosporus	270
4.4. Elite of the Bosporus and Mithridates Eupator	275
4.5. Struggle for the throne of the Bosporus after Mithridates	278
4.6. EliteburialsofpostMithridatetimes	281
CHAPTER V. BOSPORUS PRIESTHOOD (I.Iu. Shaub)	288
5.1. Epigraphic sources about Bosporus priesthood	288
5.2. The Great Goddess and her priestesses	291
5.3. Archaeological signs of priestly burials	295
5.4. Images and plots associated with the Great Goddess	299
5.5. Priestly burials	302
5.6. Features of the Bosporus priesthood	323
CONCLUSION. SIX CENTURIES OF BOSPORUS ARISTOCRACY CULTURAL DEVELOPMENT (Iu.A. Vinogradov)	325
LITERATURE	332
ABBREVIATIONS	381
ILLUSTRATION	384

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXIV

ЭЛИТА БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Сборник

Ответственный редактор: **Зинько** Виктор
Николаевич, доктор исторических наук

Ответственный секретарь: **Зинько** Алексей
Викторович, кандидат исторических наук

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 10.01.2017 г.

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 39,0.

Тираж 300 экз. Заказ 1480.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.